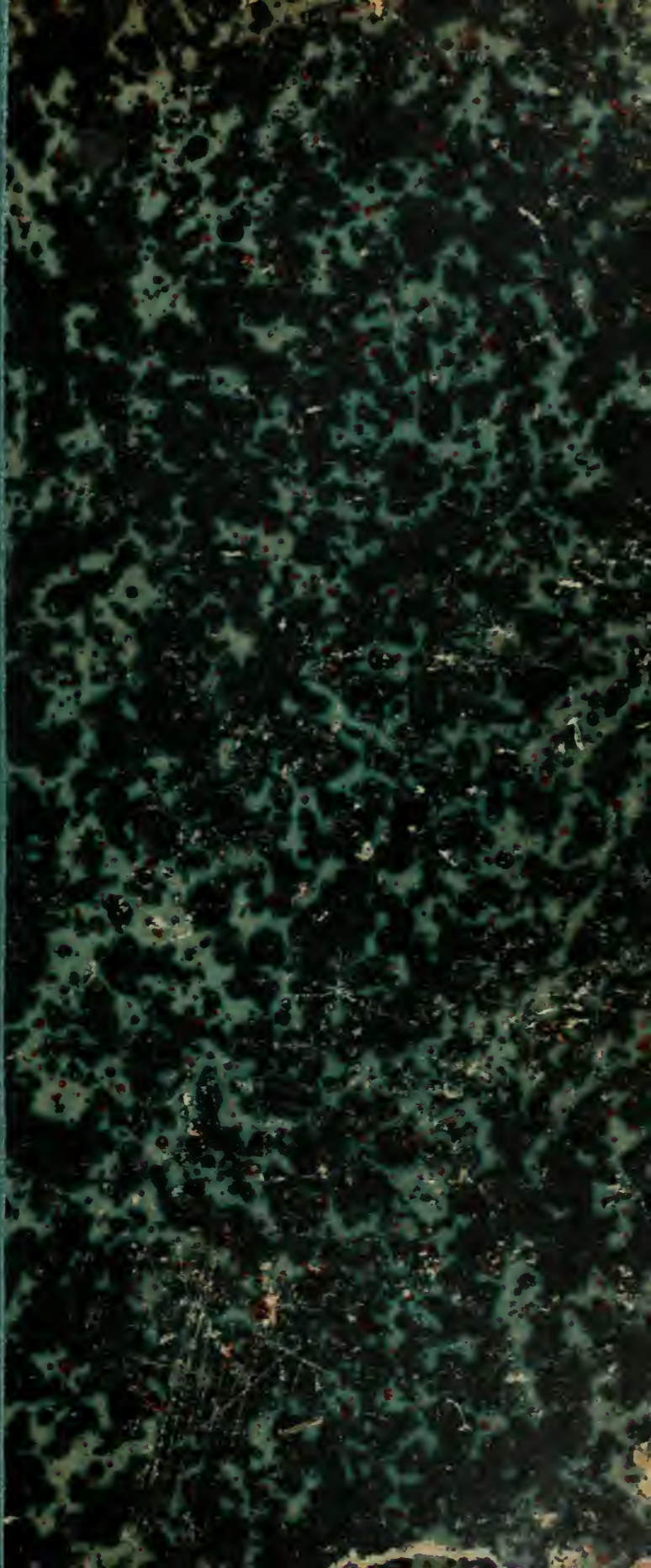

3 1761 08106716 7

Tun-311/85

DUPLICATE

5892

СѢВЕРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Январь № 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.

1894.

353
1894
12/29

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 декабря 1893 года.

AP
50
S57
1894
no. 1

Дупл. 211

НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Лидовыя скалы, голубое море, кое-гдѣ золотистыя отмели. Волна за волной, набѣгая, заплетаютъ и расплетаютъ на нихъ причудливое кружево бѣлой пѣны. Темная синева неба точно плотнымъ куполомъ прикрыла растомленную землю, — чтобы все внизу задохнулось на ней отъ невыносимаго зноя. Если-бы не вѣтерокъ, еще кое-гдѣ славшійся по низинамъ, — такъ хоть ложись и умирай! Утесы не давали тѣни: было около полудня — солнце стояло посреди неба. Зелени ни клочка, — она вся отступила подальше отъ моря, беспощадно подъ сѣвернымъ вѣтромъ хлеставшаго соленою влагой и заносившаго пескомъ ея слабыя передовыя поросли. Только какая-то жесткая, сѣрая колючка съ сильно и прямо пахнувшими красными цвѣтами дѣплялась за камень и глубоко въ его трещины, уходила своими сухими, извилистыми, узловатыми корнями. Жара все умаяла кругомъ. Ни звука; только далеко-далеко надъ самыми волнами неугомонныя чайки клубились точно бѣлое облако и изъ этого облака сюда на берегъ доносились печальныя, дикіе крики. Должно быть рыба подымалась вверхъ. На одну изъ скалъ пониже, выступившую въ море и будто нарочно отполированную имъ, грузно осѣлъ громадный отель изъ тѣхъ, что живутъ только три-четыре „купальныхъ“ мѣсяца въ году. У самой воды на тонкой полоскѣ отмели чуть замѣтны были будки для раздѣвающихся и плетенныя передвижныя кресла съ верхами... Впрочемъ, и тутъ почти никого не было: вѣной всѣхъ загналъ въ большія и прохладныя гостиныя и предоставленный самому себѣ осликъ отдыхалъ за одною изъ „кабинокъ“, пустивъ голову, хвостъ и уши, неподвижный, точно нарисованный.

„Почти“ потому что въ сторонѣ подъ громаднымъ вбитымъ въ землю зонтикомъ сидѣлъ за мольбертомъ какой-то толстякъ въ коротенькой курткѣ, смокшей батистовой рубашкѣ, перехваченной широкимъ чернымъ поясомъ, и синей баскѣ, сдвинутой на самый затылокъ со лба, съ котораго крупными каплями падалъ потъ. Нетерпѣливые, будто раздраженные мазки кобальту густо и грубо ложились на небольшое полотно.

— Чего вы торопитесь? — лѣниво проговорилъ лежавшій рядомъ подъ тѣмъ-же зонтикомъ, подымаясь на локтѣ всѣмъ своимъ крупнымъ тѣломъ и всматриваясь въ работу товарища.

— Хорошо вамъ... Васъ-то Господь-Богъ жиромъ не обидѣлъ, а вы попробуйте за меня... Еще полчаса — весь растоплюсь, только пятно на песокъ останется. А не угодно-ли — украсть у природы ея тайну. Нѣтъ такихъ красокъ, понимаете? Нѣтъ! Не выдумали еще люди! Извольте разными сочетаніями, да фокусами добиваться того-же впечатлѣнія. Терпѣть не могу — южнаго моря!

— За что такая немилость?

— А за то, что оно преувеличенное... Вотъ за что... Развѣ это — натура? Всмотритесь: эмаль, лакировка. Вонъ скала. Красная со-всѣмъ, карминъ передъ нею — грязное пятно... Все неестественно... Нарумяненная природа, чортъ ее возьми!

— Это вы со злости... Пока не домазались до настоящаго „эфекта“. А тогда сейчасъ въ восторгъ, какъ вчера... „Нѣтъ, знаете, югъ, все-таки...“ Забыли?

— Эту натуру какъ зайца сначала въ семи водахъ вымыть надо, чтобы она полиняла немного.

Лежавшій окинулъ его смѣющимися голубыми глазами и, замѣтивъ пятно на рукахъ, несовсѣмъ чистую шею, еще лѣнивѣе проговорилъ:

— Я бы и вамъ посовѣтовалъ тоже.

— Что то же?

— А въ семи водахъ пополокаться. Не мѣшаетъ. Ишь какіе на васъ... узоры.

Художникъ сначала хотѣлъ было обидѣться, онъ даже нахмурился и кисть въ его рукѣ дрогнула, такъ что кобальтъ моря по кармину береговыхъ скалъ проѣхалъ не кстати; но къ счастью рисовавшій вспомнилъ во-время, что имѣеть дѣло съ богатымъ заказчикомъ. Успокоился, добродушно съузилъ и безъ того заплавленные глаза и ни съ того ни съ сего замѣтилъ:

— А вы знаете, что въ природѣ собственно чернаго цвѣта нѣтъ?

— Вы это къ чему?

— Такъ... Нѣтъ, и конечно... Всмотритесь въ самыя темныя

ночи — нѣтъ его. Люди выдумали и то неудачно, потому что — возьмите китайскую тушь и въ ней буроватый, либо синеватый оттѣнокъ! Да-съ... Левъ Самойловичъ. А я, ей-Богу, свою „бурю въ Виа-рицѣ“ вамъ пошлю... У васъ въ кабинетѣ надъ столомъ, — помните, разъ-въ-разъ пустое мѣсто.

— И все-таки пустое будетъ... съ вашею картиною.

— Вы не острите... Вы говорите толкомъ. У меня англичанинъ покупалъ ее, эту бурю...

— Покупалъ... Ну, да. И вы изъ патриотизма рѣшили не отдавать въ иностранныя руки и потому хоть онъ вамъ давалъ пятьсотъ фунтовъ а съ меня вы и пятьсотъ рублей возьмете... И такъ дальше! Все это, милѣйшій мой Иванъ Николаевичъ, я не разъ слышалъ уже отъ васъ... Это, душенька — клише называется.

— Если не вѣрите спросите у Франсуа... при немъ было.

— У какого Франсуа?

— Человѣкъ въ нашемъ коридорѣ. Онъ у меня въ эту минуту...

Левъ Самойловичъ брезгливо сморщился и отвернулся къ морю.

— Вотъ что, Иванъ Николаевичъ, говорите прямо: нужны вамъ деньги?

— Нужны! упавшимъ голосомъ отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ вотъ что: возьмите у меня такъ, а картины вашей я не хочу.

— Почему?

— Во-первыхъ, не нравится, море у васъ какое-то, не то картонное вышло, не то думается, внизу подъ волнами нанятые солдатики стараются, какъ въ театрѣ; воздуху нѣтъ, посреди бури скалы сухія торчатъ.

— Нѣтъ, мокрѣя!

— Ну, и цѣлуйтесь съ ними, съ мокрыми, а во-вторыхъ, у меня и безъ того столько вашихъ картинъ, что и теперь уже мой домъ всѣ въ Петербургѣ „Пригладовскою галлереей“ называютъ.

— А вамъ обидно... Мое имя, кажется, вездѣ пользуется... Въ Москвѣ, напримѣръ, ваша братія за честь считаетъ...

— Не обидно, а монотонно, скучно, а вы возьмите такъ... по пріятельски....

И Левъ Самойловичъ при этомъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Если по пріятельски — не откажусь. Только вы повѣрьте...

— Хорошо, знаю-знаю и вѣрю! На то я и богатый человѣкъ, чтобы съ меня снимать деньги при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Своего рода повинность для друзей.

Иванъ Николаевичъ какъ будто не замѣтилъ насмѣшекъ. Онъ подхватилъ, но въ восторженномъ тонѣ.

— Для друзей, именно. Вы настоящій другъ. Я не знаю, чтобы я дѣлалъ, если-бы не вы. Въ прошломъ году заболѣлъ — пропадать-бы, коллекціи свои православнымъ жидамъ за безцѣнокъ, а выручилъ Самсоновъ — дышу. Теперь опять. Эхъ, Левъ Самойловичъ — вы думаете легко мнѣ. Да кабы у меня не жена мотовка...

— Которая? — тихо спросилъ Левъ Самойловичъ, шурясь на ярко словно огненными брызгами переливавшееся море.

— Что которая? изумился толстякъ, оглядываясь. — Какъ это „которая?“

— Которая жена, спрашиваю. Вы меня простите, а только съ вами не сообразись. Я, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ спутался. Одна у васъ въ Москвѣ, вы меня ей представили — брюнетка, другая вдругъ въ Питерѣ въ ложѣ блондинка: чолка у нее брызгами и блуждающая мушка подъ глазомъ. То подъ правымъ, то подъ лѣвымъ. Любопытствую „кто?“ — „Жена Приглядова, художника“ отвѣчаютъ, а тутъ вдругъ какая-то пѣгая въ яблокахъ въ Парижѣ съ вами подъ ручку по бульвару и съ настоящимъ батиньольскимъ шикомъ — издали за карманъ хватается. Изъ-подъ краски настоящей шкуры не видать, носдри въ носу и тѣ разрисовала. Какъ вы еще ее за супругу не выдали! И какъ это васъ хватаетъ! Брюхо толстое, ноги короткія, щеки пузырями, пыхтите, какъ Самолетовскій парохоль, а тоже... Вы бы о душѣ вспомнили... Вѣдь Кондратій Ивановичъ — за вами — шагъ въ шагъ. Вотъ сейчасъ — вы кистью въ плотно тычете, а онъ у васъ за спиною, смотреть и думать, не пора-ли васъ по затылку стукнуть.

— Боюсь подлеца Кондрашку! — засмѣялся Приглядовъ. — Кто кто, а онъ меня слопаеть. Я ужъ и то тренирую себя. Хлѣба не вкушаю, суну тоже, картофель увижу — „Да воскресеть Богъ“ читаю!

— А вчера: пять фунтовъ винограду при мнѣ... Эхъ вы... Ну, довольно вамъ мазать. Я домой хочу.

Иванъ Николаевичъ послушно уступилъ кисть, взглянулъ на свой этюдъ и на море... зажмурился и ладонями глаза заслонилъ.

— Ишь ты... точно его солнцемъ развели. Нарисуй-ка... А потомъ явится строгій цѣнитель и хлопнетъ тебя: картонное-де, театральные солдатки внизу стараются по полтинѣ за вечеръ. И вовсе не картонное на сценѣ, а коленкоровое... Эхъ, вы. Ужъ не острили-бы. Ну, довольно на сей разъ. Вонъ видите лодочка... Парусъ виситъ какъ подстрѣленное крыло. Вѣдь они точно его изъ серебра выковали, да изъ тигля выхватили раскаленнымъ...

Онъ сложилъ кисти въ ящикъ, взялъ свою мазню и проворно, чего нельзя было ожидать отъ его коротенькихъ и толстыхъ ногъ, двинулся къ отелю.

— Чего вы торопитесь?

— А вонъ!—ткнулъ тотъ пальцемъ въ небо.—Солнце... Мигомъ сжарить. А я вовсе не хочу еще въ le rôti de Prigliadoff обратиться. У меня и то глаза, я думаю, какъ у кролика красные.

— Что-же, вы сейчасъ къ себѣ?

— Какъ прикажете. Я въ вашемъ распоряженіи...

— Переодѣвайтесь-ка и сходите внизъ... Я прикажу какой-нибудь водицы.

— Чего „какой-нибудь“! Лакеи въ обморокъ упадутъ отъ удивленія и негодованія. Два взрослыхъ человѣка и вдругъ точно институтки въ пелеринкахъ сиропцу съ содовой... Фу, даже тошно стало. А вы вотъ что, если будетъ ваша милость, такъ того: гуляющую вдову Кликю со льдомъ... Задушимъ ее, поддую, чтобы не смущала христіанскіе животы. А потомъ повторимъ.

— Ну, ладно. Только скорѣе облачайте свое чрево и сходите. Да смотрите ненарокомъ на лѣстницѣ не тресните.

— Какъ это? — обернулся Пригладовъ, не понявъ сразу.

— А какъ спѣлые арбузы лопаются.

Но Иванъ Николаевичъ уже не слушалъ. Онъ быстро поднялся въ верхній этажъ великолѣпнаго отеля, всѣ удобства котораго рассчитаны на туго набитые кошельки. Людямъ средняго сорта тутъ отводятся комнаты для прислуги, на высотѣ воздушной, причемъ лакеи не устаиваютъ даже замѣчать этихъ парій. Обходитесь-де сами, какъ знаете—и сколько угодно трещите въ пространствѣ электрическими звонками. Пригладовъ едва пролѣзъ въ свой номеръ. Четыре пятыхъ его занимала громадная, какъ и вездѣ у французовъ, кровать, едва-едва оставлявшая мѣсто для умывальнаго столика и кресла. Больше здѣсь ничего не было. Продвигаться въ комнату у кровати приходилось бокомъ.

— Точно ананасъ въ банкѣ! — сострилъ самъ надъ собою Пригладовъ, оглядываясь на свою клѣтушку.

Выраженіе лица его разомъ измѣнилось, какъ только онъ остался одинъ. Брови нахмурились, глаза, утративъ сердечное добродушіе, загорѣлись злымъ огонькомъ; на лбу его вдругъ прорѣзалась морщина и губы какъ-то съежились, точно онъ неожиданно проглотилъ что-то очень кислое. Онъ подошелъ къ умывальнику, налилъ воды и задумался...

— Чортъ тебя возьми — подлеца этакаго! — вдругъ вырвалось у него. Пригладовъ привыкъ, оставаясь на-единѣ, разсуждать вслухъ.— Тресну!.. Я-бы треснулъ — только тебя дурака по лбу!.. Картонное море! Скажите, пожалуйста. Валамова ослица заговорила! Интересно звать, что-то ты понимаешь въ искусствѣ? Вѣдь это не

миткаль! Весь твой умъ — въ милліонахъ. Не будь ихъ — цѣна тебѣ грошъ, да и то въ базарный день... Этакъ, пожалуй, и мнѣ надо-ѣсть притворяться. Коли-бы не дѣтка моя, да не нужда ее замужъ выдать, сталь-бы я съ тобой возиться. Какъ-же! Я-бы тебѣ показаль тогда, какъ людей по настоящему вышучиваютъ. Ты вѣдь съ своими бараньими мозгами въ самомъ дѣлѣ думаешь, что съ тобой ни вѣсть какъ интересно!.. Жюстинку мою тоже по дорогѣ облаяль. Пѣгая въ яблокахъ — и сравненіе-то у выѣздного лакея завяль — хамъ! Французенка какъ французенка — не хуже не лучше другихъ — а душой во всякомъ случаѣ почище твоей старой клячи. Жаль, языкъ у меня связанъ! А то-бы и я на счетъ твоихъ амуровъ прошелся. Въ самомъ дѣлѣ, убилъ бобра. Съ своими милліонами ничего лучше не нашель, какъ стащить какую-то подержаную даму у банкирскаго Спарафучилло — да еще въ крѣпостную зависимость къ ней записался. Дохнуть безъ нея не смѣеть. Мявоть этакая! Въ матери ему годится. а онъ передъ ней какъ свѣча горить... „Пѣгая въ яблокахъ“ — вѣтъ, я-бы посмотрѣль, какой-бы масти твоя оказалась, коли-бы съ нея эмаль счистить. Вся наваченная, на пружинахъ, зубы вставлены, — тѣфу ты гадость! На нее-бы давно саванъ, да отпустить ей въ руки и ступай на судъ Божій, а она по всѣмъ Европамъ для легкаго воздуха развѣз-жааетъ съ нимъ да брилліантами своими французскихъ жуликовъ съ ума сводить. (Иванъ Николаевичъ не могъ не врать, даже оставаясь одинъ, самъ съ собою. И теперь онъ зналь, что лжетъ, но со злости самъ вѣрилъ себѣ). Жюстинка — человекъ какъ человекъ, что у нея волоса выкрашены, такъ вѣдь и у твоей сластены не свои. Всѣ французенки красятся. Такая ужъ нація... Живописная! Малярнаго цеха — дѣвицы!

И съ удивительною непослѣдовательностью Иванъ Николаевичъ, пыхтя и задыхаясь отъ тяжести и жиру, нагнулся, вытащилъ изъ-подъ монументальной кровати старенькій чемоданъ и, открывъ его, вынулъ портретъ жидевополосой дѣвочки съ безцвѣтными глазами и золотушнымъ лицомъ.

— Эхъ, Шушка, Шушка! Кабы не ты, моя дѣтка, наплеваль-бы я на всѣхъ Сампсоновыхъ и сталь порядочнымъ человекѣмъ. Изъ-за тебя въ шутахъ состою. Теперь вотъ приданое готовъ. Какъ никакъ, а тысячу я съ него сорву — все помога... Нечего дѣлать: скажи враже — якъ панъ каже... Сампсоновы на то и существуютъ на свѣтѣ, чтобы съ нихъ „снимать“ — и выраженіе-то лавочное у халуя. Ну, да погоди, когда-нибудь сочтемся!

Спрятавъ портретъ — онъ вылилъ на себя всю воду, фыркая какъ бегемотъ въ бассейнѣ, потомъ тщательно собралъ на затылкѣ волосы и распредѣляль ихъ вѣромъ по лысинѣ, что Приглядовъ шута называль внутреннимъ займомъ, расчесалъ одинъ къ одному и

даже закрутилъ надъ самымъ лбомъ. Потомъ изъ секретнаго отдѣленія свой сумки, заперевъ предварительно двери, вынулъ какую-то богопротивную краску и, помочивъ въ нее щеточку—провелъ по усамъ, отчего они стали бурныи. Отойдя онъ полюбовался собою и головой покачалъ. „Еще сойдетъ. Пожалуй лѣтъ на пять хватитъ — а тамъ въ благородные отцы... Да, былъ конь да избѣзился. И въ самомъ дѣлѣ—шутка-ли! Черезъ мѣсяць пятьдесятъ три... Для публики, положимъ, сорокъ восемь. А все-таки чѣмъ дальше — тѣмъ портретъ у меня все нецензурнѣе дѣлается. И глаза выпвѣли и губы того. Ну, да вѣдь и было-же пожито. Слава тебѣ Господи—дай Богъ каждому такъ-то. Не то, что нынче. Нынче каждый подсосокъ свою линію держитъ. Амбуратные мазуриши пошли! Всякій въ своей клѣткѣ, по аптекарскому счету жизнь препровождаетъ. Точно живорыбный садокъ. И нашъ братъ художникъ—обособился, обезкрылѣлъ. Всю свою жизнь лодочку пишетъ, либо закаты солнца за красной сосной, а какъ только его поймашь на наживку, да вытянешь на другое мѣсто, онъ сейчасъ прыгъ-прыгъ, и смокъ. Воображенія никакого — все ему съ пальца подавай. Я вонъ на медаль „медвѣдя глотающаго луну“ изъ скандинавской мифологіи писалъ, по особому требованію начальства, такъ зато у меня рядомъ съ этимъ Іоанны Грозныи и Аввакумы шли. И пейзажи, и маринны! А теперь — всѣ выставки изойдешъ и точно ни у одного художника головы нѣтъ... На мысль не спотынешься. Жанрики да ландшаптики—шпинатные. Этакое обезглавленное поколѣніе! Либо, если въ геніи лезеть, такъ швабрами пишетъ — а Рафаэль, по ихнему, мерзавецъ выходитъ. Тьфу ты“...

Онъ едва застегнулъ пеструю жилетку, распустилъ по животу толстую золотую цѣпь съ массою брелоковъ, красный галстухъ закололъ брилліантовою булавкой, опрыскалъ лѣтнюю курточку и платокъ шерри-блоссомъ и, еще разъ оглядѣвъ себя въ зеркало и показавъ языкъ при этомъ, сбѣжалъ внизъ. Ему пришлось проходить мимо подъѣзда. Какъ разъ въ эту минуту остановилась за нимъ коляска съ громаднымъ англійскимъ чемоданомъ на колесахъ. Иванъ Николаевичъ пріостановился: кого это несетъ въ наши палестины? И ахнулъ даже.

— Вотъ это такъ натура, дай Богъ каждому! вырвалось у него вслухъ.

Выходящая изъ коляски дама вопросительно взглянула на него... Она была высока ростомъ и удивительно стройна. Гибкость и упругость ея красиваго тѣла сказывалась въ каждомъ движеніи. Большіе и холодные сѣрые глаза ея еще разъ окинули Ивана Николаевича недоумѣвающимъ взглядомъ, такъ что онъ замѣтилъ тонкія чуть-чуть темнѣе русыхъ волосъ брови и крупныя, но изящно очерченныя губы...

За нею шла маленькая, остроносая съ угодливымъ взглядомъ изъ-подъ точно вспухшихъ и покраснѣвшихъ вѣкъ брюнетка, излишне торопливая, точно всѣ ея мысли были направлены къ тому, чтобы какъ-нибудь забѣжать впередъ, угадать и уловить благодарную улыбку своей спутницы.

— Ну это—компанейская дама! рѣшилъ самъ про себя Иванъ Николаевичъ и направился въ гостиную къ ожидавшему его Самсонову. Эта—могла-бы быть и русскою, изъ захудалыхъ патристическихъ институтокъ! Навѣрно оподельдокомъ натирается и гранцасянся раскладываетъ. А въ чулки себѣ сухую горчицу противъ насморка сыплетъ. Не даромъ у нея кончикъ носа вспухъ. Услужаящая особа съ дворянскимъ паспортомъ про всякій случай... Кабы мнѣ да лѣтъ двадцать долой съ костей — я-бы показалъ этой англичанкѣ какіе настоящіе пикадоры на свѣтѣ бываютъ. На сто шаговъ-бы ее на вылетъ разстрѣлялъ. И овъ грустно вздохнулъ.

II.

Въ громадныхъ хотя, какъ и вездѣ въ подобныхъ отеляхъ — аляповатыхъ и скучныхъ гостинныхъ — было прохладно и людно. Разряженные, не смотря на раннее время, фрацуженки утомительно мелькали въ глазахъ и безъ устали стрекотали во всѣхъ углахъ съ молодыми людьми, такъ похожими другъ на друга, что казалось ихъ выпускаетъ изъ Парижа одна и та-же фабрика черезъ одинъ и тотъ-же торговый домъ. Взглядъ невольно искалъ ярлыковъ, которые должны были болтаться на нихъ. У каждаго подвиты вверхъ усы подъ горбатымъ носомъ, волосы съ висковъ спущены хвостиками, на-чисто бриты щеки, подбородки и на двое расчесаны будто до самой шеи расколовшіяся головы. У всѣхъ скользила одна и та-же небрежно презрительная улыбка, всѣ разваливались въ креслахъ точно передъ ними были не ихъ сестры, матери и невѣсты а горничныя или и еще того хуже. Голоса ихъ звучали сухо и рѣзко, смѣхъ былъ боротоеъ и не искренень, будто они дѣлали это изъ одного снисхожденія. На серьезные вопросы они или не отвѣчали или нехотя роняли „quelle blague“, даже старогальское нѣсколько легкомысленное *causerie* обратилось у нихъ въ безцеремонный цинизмъ и неподражаемую распущенность языка. Имъ все извѣстно, все ими испытано и все имъ наскучило. Теперь не они занимали дамъ, а дамы ихъ. Англичанки сидѣли въ сторонѣ съ книжками, накупаясь какъ совы на солнце. Молчали и нѣкоторыя изъ русскихъ поскромнѣе; эти глядѣли на всѣхъ виноватыми и вмѣстѣ ласковыми глазами. Точно ихъ не вѣсть какъ разодолжили, допустивъ сюда наравнѣ съ прочими. Зато наши соотечественницы

побойчѣе, уже не разъ побывавшія за-границей и обтрепаншія не одинъ подоль въ Парижѣ — набрасывались съ жадностью верблюда въ пустынѣ, увидавшаго источникъ, на каждое новое лицо и изъ себя выходили, стремясь немедленно доказать насколько онѣ умны и образованы, хотя никто въ этомъ не сомнѣвался и никакихъ вопросовъ имъ не задавалъ. Въ каждой фразѣ ихъ такъ и съвозило: послушайте-ка насъ — мы хотя и русскія, а отъ француженокъ, ей-Богу, ни въ чемъ не отстаемъ. Отверовенничали, рассказывая никому неинтересныя подробности изъ своей жизни (ахъ, моя жизнь — это романъ! Еслибы я встрѣтила Гюи де-Мопассана воображаю, что-бы онъ сдѣлалъ изъ этого!), смѣло, но захлебываясь, ныряли въ политику, надѣвшую всѣмъ, и точно новость, путая имена и партіи, повторяли содержаніе вчерашнихъ газетъ. О Россіи отзывались или слишкомъ мнорно (Ah, nous sommes malheureux!) или въ несообразномъ мажорѣ (vous savez, nous avons à present trois et demi millions des soldats!), часто и то и другое вмѣстѣ, рядомъ — по забывчивости. И при этомъ трустливо-самолюбивая оглядка: слушаютъ-ли меня, произвожу-ли я впечатлѣніе, что обо мнѣ думаетъ вотъ тотъ интересный брюнетъ съ скучающимъ лицомъ? Французы учтиво давали имъ высказаться и затѣмъ снисходительно рѣшали ни къ селу ни къ городу.

— Oh, nos amis les russes — c'est une nation des braves!

И отходили къ своимъ говорить гадости и цѣдить съвозъ зубы какіе-то неотразимые приговоры... Взвинченная и встрепанная трясогузка съ безпокойными глазами совалась къ каждому съ одною и тою-же фразою: „nous sommes alliés, а потому пора намъ понять другъ друга“ — но увы хоть она каждый годъ тормозилась, по всевозможнымъ водамъ, шла ихъ до отчаянія и даже съ смертельною опасностью для своего чахлаго и измученнаго организма, купалась до истощенія силъ, ей до сихъ поръ не случилось еще выйти замужъ. Теперь она второй годъ жила во Франціи, рассчитывая на франко-русскія симпатіи! И онѣ ей не помогли. Правда, наклюнулся было ей — оголтѣлый и полоумный репортеръ, голодавшій по 10 сантимовъ за строку въ маленькой и паршивой газетѣ, но и тотъ, отѣвшись и нагулявъ себѣ тѣло на ея обѣдахъ и завтракахъ, прихватилъ малую толику у ея мамы, безотвѣтной костромской коровы, — и благоразумно отошелъ прочь, сообразивъ, что въ приличной парѣ его теперь и въ трибуну журналистовъ въ палатѣ депутатовъ пропустятъ. Въ этомъ отелѣ тоже оказался было у оторопѣлой суматошной соотечественницы кавалеръ — но онъ долженъ былъ исчезнуть, не заплативъ счета, и она съ лихорадочною поспѣшностью озадачивала теперь маленькаго франпузика съ громадными восторженными усами и жадными глазами, у котораго даже подъ ложечкой засосало, когда

она какъ будто случайно уронила: „знаете у насъ двадцать тысячъ дохода и домъ и имѣнїе, а я у мамы единственная дочь“. — Двадцать тысячъ франковъ? — переспросилъ французъ. — „Нѣтъ, рублей!“ Онъ вѣжно посмотрѣлъ на нее, почмокалъ губами, точно на нихъ попало что-то сладкое и, собравъ пять пальцевъ вмѣстѣ, послалъ ей воздушный поцѣлуй. Но и тотъ пока держался отъ нея осторожно въ сторонѣ. Только взявъ ея парижскій адресъ и предусмотрительно поручилъ своему нотаріусу собрать справки, рѣшивъ дѣйствовать впередъ, смотря по обстоятельствамъ, какія окажутся. Двѣ-три блѣдныя съ пылающими глазами испанки лѣниво колыхались въ креслахъ-качалкахъ и вмѣсто языка работали только вѣеромъ, не слушая ни своихъ, ни французовъ. Ихъ море утомляло — и онѣ мечтали о розовой Хиральдѣ на темносинемъ небѣ бѣлой Севилли, о боѣ быковъ, о благоухающемъ дыханіи Гвадаиры и о тихихъ напѣвахъ струнъ въ лунную андалузскую ночь подъ желѣзными мирадорами ихъ спаленъ. Самсонова тутъ еще не знали и потому онъ держался въ сторонѣ, зорко, дѣловымъ взглядомъ высматривая всѣхъ его окружавшихъ.

— Наконецъ-то! встрѣтилъ онъ Ивана Николаевича.

— Надо-же было переодѣться! — съ непонятнымъ Льву Самойловичу раздраженіемъ отвѣтилъ Приглядовъ. — Я не лакей — не могу по первому зову... По колокольчику. Да если и лакей въ грязной рубашкѣ явится, такъ хозяинъ его — по шеѣ.

— Я ничего не говорю! — засмѣялся Самсоновъ. — Надоѣло ждать только. Здѣсь неудобно; пойдемъ на террасу. Она вѣдь подъ навѣсомъ, пожалуй и не жарко будетъ. Я велю туда подать все, что надо.

— Крушончикъ-бы. Ледку побольше, а чтобы отъ него вдова не очень ужъ ослабѣла — финю туда рюмокъ пять и лимончика. Смягчился вдругъ художникъ.

— Ананаса? Кто-же съ лимономъ. Что у васъ за фантазія... Всѣ съ ананасомъ.

— Ну, вотъ, вы бы Левъ Самойловичъ цвѣтной капусты еще. Отъ ананаса одна сладость на языкѣ и звонъ въ ушахъ. Опять-же умные люди говорятъ, что на ананасъ кошка и та жалуется. Ни за что не войдетъ въ комнату, гдѣ ананасы стоятъ. Такое умное животное.

Самсоновъ засмѣялся и позвонилъ...

Съ террасы видно было все тоже — сіяющее среди ослѣпительнаго голубого простора море. Начался отливъ и оно отошло отъ береговъ, обнажая цѣлый хаосъ черныхъ подводныхъ камней, изорванныхъ скалъ, точно изъеденныхъ чьими-то стальными зубами... Вотъ показалась смѣлая арка, пробитая волнами въ цѣльномъ утесѣ.

Верхній сводъ ея такъ тонокъ, что странно даже, какъ на немъ умѣстились бѣлыя чайки... Море подъ нимъ неутомонно стремится къ берегу и мыльною пѣною шипитъ на темныхъ рифахъ. Должно быть вдали проснулся вѣтеръ. Лодку, которую еще недавно Иванъ Николаевичъ видѣлъ съ опущенными парусами, — теперь понесло на югъ; она шла бѣлою грудью впередъ, слегка наклоняясь на бокъ. Серебристый слѣдъ за нею прихотливыми извивами таялъ на синевѣ моря. Налѣво скалы мало-по-малу сливались, тонули въ полутонахъ, распускаясь въ небѣ... Лиловые оттѣнки слабѣли. Они держались еще въ трещинахъ и вымоинахъ, на припекѣ камень точно подергивался золою. Пряный запахъ красныхъ цвѣтовъ на сѣрой колючкѣ несло къ террасѣ, подъ которой невѣдомо какъ поднявшійся и уцѣлѣвшій въ губительномъ дыханіи моря неуклюжій кактусъ подставлялъ солнцу свои толстыя зеленныя ладони.

— На меня удивительно дѣйствуетъ море — тихо проговорилъ Самсоновъ, какимъ-то особеннымъ, непривычнымъ ему тономъ, такъ что Пригладовъ озадаченно посмотрѣлъ на него и засвисталъ.— Удивительно дѣйствуетъ— и вездѣ одинаково... У насъ въ Ораніенбаумѣ— ужъ на что плохенькое: скотъ его пѣть! И здѣсь. Подъ всеми широтами — тоже самое. Смотришь въ него и точно открытая дорога передъ тобою. Широкая, свободная... Зоветь: чего ты сидишь?.. Даль вся передъ тобою, а въ дали что-то неотразимо прекрасное, манящее, таинственное. Вы должны это понимать Иванъ Николаевичъ — вы художникъ — вѣдь. И отлично знаешь, что тамъ за нею, за этою дорогой, ничего новаго. Такіе-же берега, такіе-же люди озабоченные, потные, такъ-же высуня языкъ и оскаля зубы съ утра до ночи мечутся... И счастья также мало, — а все кажется, что позади у насъ совсѣмъ не то, что впереди, что настоящее, суть самая — тамъ, разгадка жизни, весь смыслъ великой проблемы бытія... И краски должно быть особыя за моремъ и природа другая... Смотришь, смотришь и сердце зашемитъ.

— Вы стиховъ не писали, Левъ Самойловичъ? перебилъ его Пригладовъ.

— А что? покраснѣлъ Самсоновъ.

— Такъ. По вашему стилю сузу — писали.

— Можетъ быть и теперь пишу.

— Ну ужъ это позволѣте... Съ мильонами да стихи!

— Чудакъ вы, Иванъ Николаевичъ!.. Ну а если-бы вы вдругъ нашлі-бы мильонъ.

— Ей-Богу ни въ какую полицію не представилъ-бы его, потому — мильонъ кто можетъ потерять? подлець одинъ. Я о васъ не говорю — у васъ душа благородная, вѣжная даже душа, — вонъ вы

стихами даже, должно быть отъ изжоги, что-ли, балуетесь... А предположимъ Ротшильдъ потерялъ-бы его, да чтобы я этому Искаріоту назадъ его вернулъ, меня послѣ этого надо - бы на ярмаркахъ показывать: за входъ десять су — дѣти и солдаты платятъ половину.

— И чего вы только на себя клеветеете. Чисто русская черта — рисоваться съ самой подлой стороны. Ну наслѣдство что-ли... Получи вы состояніе вѣдь вы бы искусства не бросили?

— Я? искусства? — Даже приподнялся Пригладовъ и кулаки сжалъ.

— Ну да вы, понятно.

— Да разрази меня Богъ ежели-бы я до кисти мизинцемъ дотронулся. Охру-бы отъ индиго не отличилъ, вотъ-бы какъ я его не бросилъ. Сдѣлайте опытъ — дайте мнѣ миллионъ — я васъ сейчасъ въ поминанье запишу.

— Значитъ ваше дѣло ремесло для васъ, вы его не любите?

— Не ремесло — а около того. Рукоесло! Любить? Любилъ когда впроголодь жилъ. Вы знаете лучшія мои картины какія? Тѣ, которыя я лавочнику Пустохлебову за фунтъ колбасы писалъ когда-то. Вотъ тогда я любилъ искусство... А теперь — измочалилась душа на немъ, на искусствѣ этомъ. Будь оно!.. Да — что надо правду говорить — усталъ я. Не *творить* усталъ — какъ принято выражаться высокимъ слогомъ, не творить нѣтъ, а съ вами господами-покупателями возиться. Вѣдь вы Свиридонова знаете? Совсѣмъ павіанъ, а передъ отъѣздомъ тоже совѣты мнѣ давать стала. „Вы, говорить, господинъ Пригладовъ ужъ очень сухими красками злоупотребляете“. А, какво? А господа писатели, вѣдь передъ ними какъ надо: хвостъ въ кольцо, — на заднія лапы и морду благоговѣнно вверхъ. И внимай — глазомъ не моргни пока они — недоноски семимѣсячные „пиль“ тебѣ не крикнуть. Что-же вы думаете они больше этого павіана понимаютъ, дуrolомы восемьдесятъ четвертой пробы съ сазиковскою эмалью! А тоже учать, и попробуй сказать имъ со всей откровенностію — въ клочья изорвутъ и вы первый ничего у меня не купите.

— Я и безъ того не куплю.

— Это еще бабушка на двое сказала... Надоѣстъ табъ, даромъ, деньги давать.

Самсоновъ засмѣялся.

— Чортъ васъ знаетъ, съ вашимъ добродушнымъ цинизмомъ вы иной разъ противны, а всегда васъ жалко. Вамъ художникамъ что требуется, чтобы освободиться отъ капиталиста? Вы вонъ все нуждаетесь до сихъ поръ въ меценатахъ, какъ во время оно ими питались и поэты. Выведись павіаны въ родѣ Свиридонова — вѣдь вамъ лютой

смертью помирать. Ничего другого. Вамъ свой Гутенбергъ необходимъ. Книга всѣмъ доступна и хорошій писатель всегда имѣетъ свою „публику“. Ему плевать на Свиридоновыхъ.

„И на тебя, голубчикъ!“ — мысленно ввернулъ Иванъ Николаевичъ.

— Вамъ тоже нужна „публика“, а не „покровитель“, не коллекционеръ. Разъ явится для васъ свой Гутенбергъ — другое дѣло. Будетъ открытъ способъ воспроизводить картину съ буквальной точностью, я не про богопротивныя олеографіи говорю, разъ найдется такой способъ и она станетъ доступна всѣмъ и вамъ никакого дѣла не обажется до павіановъ. А вы кстати знаете хорошо Свиридонова?

— Какъ покупателя только. Онъ вѣдь москвичъ.

— Эземпляръ!.. На доскѣ въ отеляхъ заграницей графомъ пишется.

— Еще-бы, всѣмъ дворянскимъ манерамъ обучился: превсъ-препсомъ! Только нибакъ не можетъ отвыкнуть въ носу ковырять. Это при немъ какъ метрическое свидѣтельство осталось...

— Экій у васъ — злой языкъ, Иванъ Николаевичъ. Хотѣль-бы я знать какъ вы за-глаза меня аттестуете!

Приглядовъ нибакъ не ожидалъ такого вопроса и смѣшался. Левъ Самойловичъ какъ разъ въ эту минуту пристально смотрѣлъ на него и, замѣтивъ его смущеніе, улыбнулся.

— Я о васъ всегда хорошо...

— Мнѣ, правду сказать, рѣшительно все равно, что обо мнѣ говорить. Повѣрьте, Иванъ Николаевичъ, истинно независимые люди на свѣтѣ — это мы. У меня никогда служебнаго честолюбія не было. Всякія отличія — ниже меня. Куда я не приду, я знаю — мнѣ рады, потому что за мною золотой слѣдъ. Смотришь, что нибудь на водку отъ меня и очистится. Кто это мнѣ говорилъ, да вашъ товарищъ Ецифановъ, пейзажистъ. „Объ васъ — Левъ Самойловичъ, плечомъ потрешься — анъ смотришь въ карманъ лишняя тысячка и набѣжала“. Пріятно мнѣ съ вами — я и вожусь, а до того павіаномъ вы меня за глаза или какъ еще тамъ въ зоологін, зовете — мнѣ все единственно.

— Много въ васъ презрѣнія къ людямъ.

— Да за что ихъ уважать, другъ мой?

— А хотя-бы за образъ и подобіе Божіе.

— Утратили онъ его, вотъ что. Ни образа, ни подобія, — жадность одна лютая осталась... Мнѣ это больше чѣмъ кому извѣстно. Ко мнѣ если въ новѣ подходитъ человѣкъ, — я ужъ по глазамъ его вижу сколько онъ съ меня снять собирается. Онъ и о политикѣ и о народномъ образованіи, — а я такъ и читаю у него въ мозгу:

„дасть или не дасть“ — гвоздится. И вѣдь какъ! Начнетъ умиляться дѣйствіями, ну президента Карно что-ли — и даже до слезъ, а я хорошо вижу, что Карно тутъ не при чемъ, просто у него новый шансъ на получку объявился, а то вдругъ въ миноръ впадетъ — школы-де наши никуда не годятся, или Императоръ Вильгельмъ погибель всей Россіи задумалъ, а я между строкъ: ни до школъ ни до Вильгельма ему никакого дѣла, а такъ прикинулъ онъ, что на сей разъ я ему живой въ руки не дамся, ну и тоскуетъ. Ужаснымъ подлецомъ — людямъ въ моемъ положеніи — человекъ представляется. Вы знаете кого я уважаю... У меня на заводѣ слѣпой мѣщанинъ есть Венедиктъ, большой философъ: „я говорить внутреннимъ зракомъ больше вижу чѣмъ всѣ вы вмѣстѣ. Зла не замѣчаешь, а доброе и безъ глазъ ясно“. Ну такъ я хотѣлъ сдѣлать для него чтонибудь. Спрашиваю „чего тебѣ надо“. А онъ мнѣ — ты, говоритъ, Богъ? Нѣтъ не Богъ, я Левъ Самсоновъ. Ну, отвѣчаетъ и иди своей дорогой, а я здѣсь на гноищѣ какъ Іовъ останусь. Солнца вѣдь ты мнѣ вернуть не можешь, чуда не сдѣлаешь? — Нѣтъ не сдѣлаю. — А остального мнѣ не надо! — Я тебѣ чистую избу прикажу отвести, соблазняю его. А онъ на меня руками — уйди, уйди. Сюда на мусоръ ко мнѣ собаки играть бѣгаютъ... А я собакъ вотъ какъ люблю! Въ чистую избу ихъ не заманишь. Скотина умная, — знаетъ, что въ чистой избѣ-то про нее полѣно припасено. Вотъ этого мѣщанина я уважаю.

— Значить хоть одинъ да нашелся?

— Да, только случись дѣйствительно чудо и прозри онъ — сейчасъ попытается съ меня снять что-нибудь. Это ужъ такъ, душа моя.

— Всѣ мы свиньи... И вы не исключеніе, Левъ Самойловичъ. И у васъ щетинка дыбкомъ. Деньги-то вамъ откуда пришли?

— Отъ отца по наслѣдству.

— Ну сами не воровали, предки значить для васъ постарались. Прежде, поди, не съ одной тысячи двуногихъ овецъ шерстку для васъ стригли, или какъ вы выражаетесь, снимали. И вы снимаете. Чего вы таращитесь, разумѣется снимаете.

— Съ васъ, что-ли?

— Нѣтъ, не съ меня. У васъ рабочихъ-то поди тысячь двадцать будетъ.

— И поболѣ!

— Ну, вотъ видите, и поболѣ! Вы имъ небось вдову Кликю съ лимономъ на столъ не ставите — „выпей душечка крушончикъ“. Поди и квасу-то не всегда... По Біарицамъ ихъ не возите? Этотъ-то мѣщанинъ богоспасаемый, Венедиктъ вашъ, у чьей заводской печи зраки потерялъ? Э, да что говорить — одинъ Богъ безъ грѣха, а

человѣкъ ужъ тѣмъ что родился — согрѣшилъ. Всѣ мы Богу виноваты и какъ предстанемъ на судъ, такъ еще неизвѣстно кому легче будетъ. Вы про верблюда и игольное ушко забыли. Поучительная притча для вашего брата. А мѣщанинъ этотъ правъ. И даже больше скажу — не только правъ, но и счастливъ по своему. Ничего онъ не боится, ничего ему не надо — совсѣмъ уравновѣшенная тварь. Его гноище — это его независимость... А намъ всѣмъ чистую простыню да подушку давай!.. И клопа мы смерть не любимъ.

— Было еще одно существо... — Тихо точно самъ съ собою началъ Левъ Самойловичъ. — Я тогда съ отцемъ не ладилъ и прогналъ онъ меня отъ себя. Жилъ я у дяди и весьма бѣдствовалъ.

— Вы то бѣдствовали? Что вы называете „бѣдствіемъ“. Миллона нѣтъ въ карманѣ, — а только сто тысячъ, по вашему нищета.

— Нѣтъ, ангель мой, по настоящему — голодалъ даже. Ну такъ тогда встрѣтилъ я дѣвушку... Уроки ей давалъ. Вы что на меня смотрите? По цѣлковому въ часъ съ Покрова на Миллионную бѣгаль. Таковой, какъ она я уже потомъ не встрѣчалъ. Царица совсѣмъ. Выросла она за границей — и русскій языкъ плохо знала. Ну семья ея, полуразоренная, вернулась въ Петербургъ и понадобилось ее учить. Ахъ, какая была чудная... Такая и во снѣ не приснится... Высокая, тоненькая... Только крыльевъ не было.

— Чего-же вы не женились?

— Ну, что объ этомъ!.. Счастье только издали. Призракъ... Давайте-ка еще крушонъ. Жарко вѣдь. Да и киснуть мнѣ не хочется.

— И не къ лицу вамъ. Ишь у васъ оно какое... лакированное! Я съ васъ бога Одина готовъ писать — все у васъ для этого какъ слѣдуетъ: и глаза голубые, спокойные и борода — золотистая, французскіе парикмахеры такого цвѣта столько лѣтъ ищутъ. Найди — сейчасъ въ рантѣ и домикъ въ Сенъ-Жерменѣ или Вуживалѣ и тогда хоть цѣлый день уди гузоновъ въ ближайшей лужѣ, а вы вдругъ меланхолю на себя напускаете. Васъ-бы за ростъ въ любой гвардейскій полкъ — на правый флангъ — вторымъ или третьимъ. Это не то, что я. Меня Богъ обидѣлъ. Я въ ширину разползся... Батюшки! Должно быть сію минуту моя англичанка покажется!

— Какая англичанка?

— Увидите — сейчасъ маму и папу забудете, — королева великобританская и прочихъ странъ, народовъ и имперій повелительница. Это вотъ ея компанейская дама пожаловала — съ отрепаннымъ хвостомъ, точно ласточка — сейчасъ изъ-подъ кошки! Держу пари, что она, не смотря на жару, фланелевую фуфайку на своемъ тощемъ тѣлѣ носить... Ишь, тоже на террасу выползла. Природой любитъ. А вонъ и та... Что вы?

Но Самсоновъ не отвѣчалъ ему ни слова. Онъ сидѣлъ весь блѣдный, не отводя своихъ загорѣвшихся глазъ отъ стройной блондинки, остановившейся у перилъ. Та очевидно не замѣчала этого и спокойно любовалась моремъ, медлительно свивавшимъ свои волны въ длинныя, во весь берегъ, бѣлыя складки... Вдали короткія всплески пѣны взбрасывались надъ водою. Казалось, чьи-то кудрявыя серебряныя головки приподнимаютъ синеву моря и изъ-подъ нея, шаловливо жмурия глаза, выглядываютъ на переполненное зноемъ и свѣтомъ небо...

Иванъ Николаевичъ еще разъ посмотрѣлъ на нее и на своего пріятеля и вдругъ поднялся, взялъ крушонъ со стаканомъ и перенесъ его на другой столикъ.

— Куда вы?

— Мой другъ, я не даромъ пятьдесятъ три, то-есть сорокъ восемь лѣтъ на свѣтѣ прожилъ. Привѣтствую, благородный лордъ, завязку или развязку романа и какъ лишній — ухожу... Алевузанъ! какъ говорить Свиридоновъ своему лакею. Только въ утѣшеніе себя не съ пустыми руками. Вамъ теперь не до крушона, а чтобы *та*, очевидно ваша знакома, обратила на васъ свои божественныя очи, я беру этотъ уже совсѣмъ ненужный вамъ стаканъ и *нечаянно* роняю его на полъ.

Стаканъ съ трескомъ разсыпался въ дребезги.

Блондинка быстро обернулась и, увидавъ Льва Самойловича, вся точно залилась розовымъ, заревымъ отсвѣтомъ.

III.

— Левъ Самойловичъ! Неужели... — И она не кончила, глядя прямо въ глаза вставшему передъ нею и растерявшемуся Самсонову. — Вотъ не ожидала. Ъхала сюда — думала никого знакомыхъ... Рѣшительно никого! Я вѣдь взрослою первый разъ заграницей... И вдругъ — не только знакомый, а старый, хорошій-хорошій другъ.

Она говорила быстро-быстро и не отдавала сама себя отчета въ этомъ. Ей хотѣлось поскорѣе придти въ себя и не обнаружить смущенія, охватывавшаго ее всю подъ пристальнымъ взглядомъ этихъ упорныхъ голубыхъ глазъ. И голосъ ея — грудной, сильный и красивый, весь звучалъ искренностью. Женщины съ такими контральными голосами никогда не лгутъ.

— Чего же вы молчите... Не рады мнѣ? — грустно вырвалось у нея.

— Какъ вы это можете думать!

Онъ только сейчасъ замѣтилъ, что она протягивала ему руку. Наклонился и поцѣловалъ. Она было сдѣлала попытку отдернуть, но онъ еще на мгновеніе удержалъ ее въ своей.

— Ужъ именно, вмѣшалась „компанейская дама“, какъ назвалъ ее Иванъ Николаевичъ. Ъхали сюда какъ на необитаемый островъ. Наталья Григорьевна терпѣть не можетъ общества и заранѣе радовалась: однѣ останемся, и вдругъ такая интересная встрѣча...

— Позвольте васъ познакомиться,— прервала ее та.— Левъ Самойловичъ Самсоновъ, мой давнишній-давнишній другъ... Ахъ, какіе мы уже старые! Вы подумайте — десять лѣтъ назадъ.

— А меня-то вы не назвали? — обидѣлась ея спутница, вздѣвъ вверхъ круглый какъ пуговица носъ.

— Виновата... Анна Федоровна Рослякова.

— Вы вѣроятно моего папашу знали,— заторопилась та.— Онъ въ Пензѣ былъ губернаторомъ, когда я съ шифромъ Смольный кончила. Насъ тогда къ Императрицѣ возили... Я дѣвица, такъ что отецъ мой тоже Росляковъ былъ. Генералъ Росляковъ. Вѣрно слышали.

— Не имѣлъ этого удовольствія.

— Странно, его министры помнятъ! По дорогѣ сюда, около самага Парижа, въ вагонѣ я встрѣтила князя Табунцева — онъ подъ начальствомъ моего папаша служилъ.

Иванъ Николаевичъ издали замѣтилъ, въ какое затруднительное положеніе ставить Льва Самойловича и Наталью Григорьевну „компанейская дама“ и подкатился на выручку.

— Представьте ужъ и меня...

Самсоновъ назвалъ его. Наталья Григорьевна удивленно повела на него глазами. Очевидно, она по картинамъ представляла себя Приглядова совсѣмъ не такимъ. Зато Анна Федоровна совсѣмъ разцвѣла.

— Господи! все знаменитости... Вотъ не думала, не гадала, чтобы мнѣ такое счастье.

Пригладовъ чуть замѣтно подмигнувъ Самсонову и вдругъ обратился къ Росляковой:

— А вы вѣрно очень природу любите?

— Ахъ, ужасно! Обожаю... Почему вы спросили?

— Вы такъ смотрѣли на море. Мы — художники сразу это замѣчаемъ. Отъ насъ не спрячешь. Если не устали — пойдемте, я васъ познакомлю съ этимъ берегомъ... Тутъ есть такія мѣстечки: для влюбленныхъ! — пустилъ онъ парфянскую стрѣлу, уводя дѣвицу Рослякову.

Самсоновъ благодарно улыбнулся ему вслѣдъ. Анна Федоровна мелькомъ оглядѣла руки Ивана Николаевича и, не усмотрѣвъ на нихъ обручальнаго кольца, обрадовалась и повисла на его локтѣ. Она пребывала вотъ уже тридцать восемь лѣтъ въ безнадежномъ дѣвствѣ и каждый вечеръ, заплета свои рѣденыя косы въ папильотки и ложась въ постель, молилась: „Господи Иисусе-Христе Сыне Божій,

молитвами Пречистыя Твоея Матери, преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ и всѣхъ святыхъ, пошли мнѣ, сиротѣ круглой, жениха“.

— Я съ вашимъ именемъ знакома была еще тогда, когда мой папаша въ Пензѣ губернаторомъ служилъ. Про васъ часто говорили. Мы „Ниву“ получали... Папаша ваши картинки очень любилъ.

— Какже, помню-помню... Разъ я его на балу въ Зимнемъ дворцѣ видѣла.

— Кого?

— Папашу вашего, — безбожно вралъ Пригладовъ.

Она было удивленно подняла брови, но вспомнивъ, что у нея они наклеены — во время остановилась.

— Меня Наталья Григорьевна пригласила съ собой ѣхать... Я сначала колебалась, а потомъ думаю, что-жъ что „заграница“ — всѣ ѣздятъ... и согласилась. Не я одна... По дорогѣ изъ Парижа меня даже за испанку приняли... Я вѣдь шалунья! — кокетливо заглянула она ему въ глаза, хотя это слово никакъ не пристало къ ея гнилымъ зубамъ и старательно заштукатуреннымъ морщинамъ...

„Вотъ погоди, — думалъ про себя Пригладовъ. — Я тебя изжарю на солнцѣ. Себя не пожалѣю — да и тебѣ достанется. Будешь ты у меня фланелевыя фуфайки носить, да толстымъ людямъ на локти вѣпаться.“

И дѣйствительно, сойдя съ террасы, такъ ее подвелъ подъ самый припевъ, что бѣднягѣ показалось, будто ее изъ раскаленной печи обдало всю. Она заежилась и всего болѣе обезпokoилась за судьбу своихъ бровей. Вѣда, если потъ выступитъ — сразу отклеится — а тогда прощай возможность едѣлаться мадамъ Пригладовой.

— Неужели здѣсь ни клочка тѣни...

— А развѣ жарко? — лицемѣрно изумился Иванъ Николаевичъ. — Что значить привычка. Я не чувствую. Скоро вотъ у тѣхъ скалъ будетъ тѣнь. Два часа теперь — пора ей показаться. Положимъ, по новости дѣла вамъ не легко. Вчера, — совралъ онъ, — у одной англичанки отъ жару все лицо пузырями покрылось, и представьте, только тутъ обнаружилось, что у нея, у бестіи, брови нарисованныя! Ловко она это дѣлала, хотя-бы намъ, художникамъ, и то въ пору...

А самъ про себя думалъ:

„Ну, Левъ Самойловичъ, дорого ты мнѣ заплатишь за это повтореніе сцены Мефистофеля съ Мартой. Не даромъ — я топлюсь теперь на солнцѣ. Чувствуй это“...

— Скажите, вашъ другъ, мосье Самсоновъ, женатъ?

— Нѣтъ... Ему нельзя жениться. Онъ такой обѣтъ даль.

— Богу? — сентиментально спросила она.

— Ну, кто-же Богу такіе обѣты даетъ... Тутъ одна дама есть. Такъ ей онъ.

Анна Федоровна кокетливо ударила его по руцѣ.

— Какія гадости вы говорите! Шалунъ этакій.

Она преиспротивно выговаривала „шалунъ, шалунья“. Они выходили у нее „салюнь, салюнья“!

— У папаши служилъ чиновникъ особыхъ порученій, такъ бывало какъ онъ начнетъ послѣ обѣда анекдоты рассказывать, меня сейчасъ-же изъ-за стола къ себѣ выгоняли.

— А вы-бы у дверей подслушали?

— Что?... — ахнула она и остановилась.

— У дверей... Для чего-же замочныя скважины существуютъ? Именно—для этого. Такъ и въ руководствахъ по архитектурѣ значится. Анекдоты знаете есть интересные. Одинъ, напимѣрь...

Но она съ ужасомъ зажала уши, но такъ, что если-бы Ивану Николаевичу вздумалось его рассказать — она-бы разслучала все до слова.

— Развѣ можно такіе разговоры при дѣвушкахъ.

— А вы не замужемъ? — какъ будто изумился Приглядовъ.

— Нѣтъ!

— Удивительно, гдѣ глаза у нашей молодежи, — негодовалъ онъ. — Да этакую жену днемъ съ огнемъ искать нужно. Я удивляюсь вашему папашѣ. Еще пензенскій губернаторъ. Взялъ-бы да и приказалъ этому чиновнику по особымъ порученіямъ жениться на васъ, чтобы анекдотовъ впередъ не рассказывалъ. Да и сверхъ того, развѣ мало у него совѣтниковъ губернскаго правленія было? Въ цѣлой губерніи жениха не найти! Да, хороши, нечего сказать наши молодые люди — своего счастья подъ носомъ не видятъ. И губернія тоже — не даромъ Пензой зовется! Вы говорите съ шифромъ кончили?

— Да, съ шифромъ, первую. Насъ во дворецъ потомъ возили.

— Ну, вотъ видите... А они такую невѣсту проморгали, съ шифромъ. Я-бы на вашемъ мѣстѣ прошеніе ахнул!

— О чемъ?

— О назначеніи мнѣ жениха. Помилуйте, вы имѣете право... У васъ шифръ, о васъ должны позаботиться. Не каждой съ шифромъ-то дается.

Она нагнулась и заглянула ему въ глаза: смѣется онъ, что-ли... Но у Ивана Николаевича лицо было каменное, а глаза совсѣмъ ушли въ щелки. Онъ только фыркнулъ и еще быстрѣе заработалъ своими коротенькими ножками.

— А развѣ можно по прошенію? — недоумѣвала она.

— Еще-бы. Не только можно, но и должно. Хотите я вамъ напишу — отсюда и пошлемъ. Сейчасъ по наряду или по алфавиту гвардейскаго офицера вамъ изъ холостыхъ, а приданое изъ казны...

То есть знаете, Анна Федоровна, будь я, напимѣрь, такъ лѣтъ на десять помоложе, да чтобы я кому-нибудь уступилъ васъ. Не на такого дурака попали: съ зубами-бы васъ оторвалъ.

— Что это вы старитесь. Вы совсѣмъ молодецъ еще... — мѣла она, припадая всѣмъ своимъ тѣломъ къ его локтю.

— Ну, какъ,—добивалъ онъ ее,—какъ не старикъ. Помилуйте... Пятеро дѣтей — малъ-мала меньше и еще отъ жены сюрпризъ — писать — шестого непремѣнно жди...

Анна Федоровна замерла, было, но вдругъ осторожно вынула свою руку у него изъ-подъ локтя и сухо проговорила:

— Знаете, такъ жарко идти. Лучше врозь... У тѣхъ скаль тѣнь — я тамъ сяду...

„Что, съѣла! — думалъ про себя внутренно хохотавшій Иванъ Николаевичъ. — Погоди, я тебѣ другую удочку. закину, ты у меня сейчасъ на крюкъ попадешь... Я про тебя хорошую наживку придумалъ“.

— Да, нынѣшняя молодежь — не могу одобрить... Вотъ на-дняхъ я сюда брата жду. Этотъ не имъ чета. Онъ гораздо моложе меня...

Анна Федоровна опять вся заколыхалась и разцвѣла отъ одного проблеска надежды.

— Вашего брата?

— Да... Онъ васъ одѣнитъ... У него вкусъ настоящій. Чтобы онъ да упустилъ такой лакомый кусочекъ... атандесь: какъ говорить мой другъ Свиридоновъ — павіанъ тожъ... И притомъ, знаете, мой братъ холостъ, какъ сорокъ тысячъ доминиканскихъ монаховъ. Вы, Анна Федоровна, полюбите его! Онъ стоитъ васъ. Въ немъ одного росту два аршина семь вершковъ. Грудь — ягновское колесо, плечи — домъ на каменномъ фундаментѣ строй — удержуть... ну, однимъ словомъ эрмитажная каріатида. Помните вы? Этотъ если облапить, такъ будьте спокойны — въ полное удовольствіе. Всякой дѣвицѣ лестно... А у меня тутъ свой интересъ имѣется.

— Какой? — слабо отбивалась Рослякова.

— Онъ, знаете, немножко кутить, ну, а женится — остепенится. Вотъ только носъ у него...

— Что носъ?

— На двое!

— Какъ на двое? — остановилась та и безъ всякой осторожности заморгала глазами.

— Такъ. Турокъ ему ятаганомъ на войнѣ вдоль, какъ бульдогу — удовольствіе это предоставилъ... Двустволка изъ носа вышла... Лефоше!

— Ахъ, это такъ поэтично... Раненый...

— Раненый-то раненый! только у него по этому случаю ноздри на небо въ розѣ смотрять...

Но тутъ судьба наказала безжалостнаго Ивана Николаевича. Неизвѣстно, до чего-бы онъ довался, если-бъ песокъ спуска вдругъ не поддался подъ его тяжестью и онъ мягко шурша по склону берега не проѣхался на собственномъ животѣ ногами прямо въ воду.

— Вы ушиблись? — взвизгнула Анна Федоровна.

— Нѣтъ, только вымокъ... Посидите здѣсь у бережка, а я побѣгу домой переѣмнѣть костюмъ. При дѣвицѣ въ мокрыхъ инсепарабляхъ почему-то не принято быть. Смотрите-же, никуда не уходите. А то я такъ и не найду васъ. А мнѣ еще много про брата надо вамъ рассказать. Мы съ вами впередъ условимся, какъ его, шельму, изловить да мертвымъ узломъ за шею...

„Дождешся! — смѣялся онъ, спѣша въ отель... — Торчи на солнцѣ до второго пришествія. А я дома спать лягу. Раздѣнусь, какъ гоголевскій Иванъ Никифоровичъ, прикроюсь только своимъ цѣломудріемъ и въ прохладѣ до обѣда такую высыпку задамъ... чертямъ тошно будетъ!“ Мимоходомъ онъ разсмотрѣлъ на террасѣ Льва Самойловича съ Натальей Григорьевной. Она сидѣла, ничего не замѣчая и опустила голову. Самсоновъ что-то разсказывалъ ей.

— Тамъ Фаустъ съ Маргаритой, — засмѣялся Пригладовъ. — А здѣсь вотъ подмоченный Мефистофель отъ Марты ноги уносить... Ахъ, хорошо, если-бы въ Атлантическомъ океанѣ вдругъ нильскіе крокодилы объявились. Подишло-бы этакое чудо-юдо, хамъ! и нѣтъ Марты!.. „Нѣтъ Агатона, нѣтъ моего друга...“ Къ общему удовольствію слопалъ-бы онъ дѣвицу съ фуфайкой и съ розовыми надеждами на переѣмну судьбы и фамилии... Много тебѣ, рабъ Божій Іоаннъ, сегодня грѣховъ простится за штуку, какую ты выинулъ съ нею... Только смотри, какъ-бы эта „дѣва на скалѣ“ не выцарапала тебѣ глазъ вечеромъ. Вѣдь за обѣдомъ придется опять встрѣтиться? Ну, да чортъ съ нею, придумаю что-нибудь... Ишь какъ ее солнышко подпаливаетъ. Еще, еще... Такъ ее... Голубчикъ, съ бочка, съ бочка прижарь!.. Еще, еще! Ахъ, хорошо.

И онъ съ разбѣгу вскочилъ въ прохладныя сѣни.

— Ascenseur! — крикнулъ онъ швейцару, и не безъ страху влѣзъ въ кабютеу подъемной машины.

Иванъ Николаевичъ, соображая свою тяжесть, страсть боялся ее, но на этотъ разъ онъ чувствовалъ полную невозможность воспользоваться на собственныхъ ногахъ и все время пока клѣтка съ нимъ медленно подымалась, минуя одинъ этажъ за другимъ, Пригладовъ мысленно читалъ: „Помяни царя Давида и всю кротость его!“ Усмѣхающіяся горничныя изъ коридоровъ глядѣли на этого чудачливаго подмиги-

вавшего имъ толстяка. Какая-то американка, поровняшаяся съ ассансеромъ, когда тотъ тихо возносился на небеса у ея этажа, даже руками всплеснула и вскочила къ себѣ въ номеръ, не имѣя силъ одолѣть охватившаго ее хохота.

— Экія дуры,—резонно разсуждалъ Приглядовъ,—точно никогда мокрыхъ штановъ не видѣли. Скажите, чему обрадовались. Диво какое! Вотъ какъ разлетится дно этой кѣтки подо мною, такъ тогда изъ водевиля сейчасъ-же трагедія выйдетъ.

И у него голова закружилась, когда онъ представилъ себѣ высоту пятого этажа, на который неизбѣжно плыла его подъемная машина. Онъ даже уперся руками въ ея стѣнки, но какъ разъ въ эту минуту ascenseur остановился, перила въ верхній коридоръ распахнулись и счастливаго Ивана Николаевича встрѣтилъ расторопный Франсуа.

— Mon Dieu! Что это съ вами, monsieur?

— Да вотъ на вашемъ берегу чуть крокодилъ меня не унесъ въ воду, а вѣдь про крокодиловъ ни въ одномъ гидѣ ни слова! Едва отбился...

Франсуа такъ и остался въ коридорѣ съ разинутымъ ртомъ и разставленными руками...

IV.

Самсоновъ, какъ всталъ передъ Натальей Григорьевной — такъ и продолжалъ стоять, не отводя отъ ея обыкновенно блѣднаго, но теперь на минуту раскраснѣвшагося лица пристальнаго и печальнаго взгляда. Ему въ явь припомнилось то время, когда все его мечты о счастіи были связаны съ нею. Она красной ниткой всю его жизнь пронизала и до сихъ поръ каждая черта ея, каждое слово, движеніе, Богъ знаетъ, какъ ему дороги и милы. Онъ точно хотѣлъ уловить, не измѣнилась-ли она хоть немного. Нѣтъ! Тѣ-же холодные и гордые глаза. Именно холодные и гордые, хотя ему, одному ему, они когда-то мерцали добрымъ и ласковымъ свѣтомъ отзывчиваго чувства, ни разу не высказавшагося вполнѣ, но все равно — и такъ ему понятнаго. Тѣ-же губы, красивыя, но къ которымъ совсѣмъ не шелъ веселый смѣхъ. Да, Льву Самойловичу пожалуй и не пришлось еще ни разу слышать его отъ этой странной женщины. И шея лебединая, стройная, такъ изящно переходившая въ строгія линіи ея остававшейся дѣвственною груди... Нѣсколько крупны руки — но она сама слишкомъ высока ростомъ. Маленькія-бы не шли къ ней. И какъ держится! Вѣдь поди и не заботится и не думаетъ объ этомъ, а точно она королева, а онъ жалкій подданный, пришедшій о чемъ-то умолять „ея величе-

ство "... Та-же манера, говоря, нѣсколько отбидываться назадъ будто для того, чтобы еще болѣе увеличить разстояніе между собою и всѣмъ остальнымъ міромъ. Онъ ее такъ и называлъ тогда—царевна-недотрога. Подъ лѣвымъ ухомъ у самой шеи была у нея крошечная родинка. Вотъ она... „все тамъ-же“! Мысленно заключилъ онъ, точно она могла передвинуться на другое мѣсто. Онъ вспомнилъ, какъ эта родинка когда-то дразнила его: смотреть-смотреть на нее бывало — и кажется ему, что это пятнышко дрожить, растеть, кружится и съ какимъ-то страннымъ могуществомъ тянетъ его къ себѣ. Такъ-бы и припалъ къ нему губами, сухими отъ страсти и жажды, если-бы не эти строгіе сѣрые глаза, такъ глубоко читавшіе въ его сердцѣ... Она и это прочла въ немъ, потому что подъ конецъ выходила къ нему, обернувъ шею какимъ-то кружевомъ. О, Господи! Сколько счастливыхъ вечеровъ было! Для ея матери онъ представлялся тогда слишкомъ ничтожнымъ и ихъ оставляли вдвоемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой-то учителишко, съ Покрова за рублевую бумажку бѣгаетъ на Милліонную. Неужели можно было унизиться до подозрѣній къ нему! О его надеждахъ она не знала... И онъ тѣмъ болѣе привязался къ Натальѣ Григорьевнѣ, что она отличила между всѣми его, только его одного, даже не угадывая въ немъ будущаго милліонера. И та-же привычка у нея осталась просто одѣваться и не слѣдовать за модой. Вся въ черномъ, не смотря на день. Только чайная роза въ волосахъ. И совсѣмъ не идетъ къ ней! Она еще кажется блѣднѣе отъ болѣзненныхъ лепестковъ этого цвѣтка...

— Ну, кончили экзаменъ? — неожиданно спросила его Наталья Григорьевна.

— Что? Какой экзаменъ? — точно сейчасъ очнулся онъ.

— Разумѣется. Я не знаю, какъ иначе и назвать это... Повѣрили — все-ли у меня на своемъ мѣстѣ... Я сильно измѣнилась!.. тихо замѣтила она.

— Не знаю, въ чемъ? Развѣ что выросли... Не физически, разумѣется...

— Я вѣдь никогда маленькою не была... дѣтства и не помню... Вѣроятно, оно слишкомъ быстро прошло, слѣда не оставило!

— Взглядъ у васъ строже... Еще чуточку усилить—презрительнымъ станетъ.

— И вы измѣнились. Покрупнѣли... Именно не потолстѣли... а раздались какъ-то. Вы всегда сильный были. Я слышала, вы теперь одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей у насъ. Тогда вы и не ожидали этого. По крайней мѣрѣ я не знала.

— Я съ отцомъ въ ссорѣ былъ... Я думалъ, что онъ оставитъ свое состояніе другимъ. Скоропостижно умеръ...

— Сколько вы сдѣлать теперь можете! Помните наши мечты! Вотъ у васъ теперь всѣ средства въ рукахъ... Могущество какое!

— Да... Только стараго Бога *здѣсь* нѣтъ, дотронулся онъ до сердца.

— Какъ это Бога нѣтъ?

— Вы понимаете, о чемъ я говорю...

Она опять покраснѣла и подняла на него полные упрека глаза.

— Такъ это вы значить тогда для своего Бога мечтали, а не для самага дѣла?

— Да, — рѣзко подтвердилъ онъ. — Потому что я одинъ — ноль. А съ этимъ Богомъ вдвоемъ мы были-бы силой. А теперь не стоять. Люди слишкомъ большіе подлецы, чтобы для нихъ хлопотать. Пусть все идетъ, какъ до насъ было. Пальцемъ я самъ не шевельну для этого... Сложись жизнь иначе — и я-бы другимъ былъ.

— Какой вы...

— Что какой... вы прежде, Наталья Григорьевна, не стѣснялись въ опредѣленія и приговорахъ.

— Я и теперь... — она прикусила губу и обдала его такимъ суровымъ взглядомъ, что Левъ Самойловичъ невольно потупился... — Какой вы жалкій человѣкъ... Не жалкій... Нѣтъ. Это я неправильно, спохватилась она... А несчастный, именно несчастный человѣкъ.

Что-то захолонуло въ сердцѣ у Самсонова, горячей волною къ горлу пристушило... Онъ задыхалъ часто-часто...

— Да... Я дѣйствительно не изъ счастливыхъ... Хотя мнѣ завидуютъ всѣ. Каждому хотѣлось-бы на моемъ мѣстѣ побывать... Да... Не все по моему... Такою полосой жизнь пошла.

— У васъ и прежде было мало твердости въ характерѣ.

— Не отвуда взять ее... Пока я васъ слушался...

— Развѣ вы меня слушались?..

— А то нѣтъ... Неужто забыли. Коротка-же у васъ память, Наталья Григорьевна... Не только что... молился на васъ! страстно и неудержимо вырвалось у него. Онъ на время остановился, потому что она сдѣлала движеніе будто-бы для того, чтобы отойти отъ него.

— Нѣтъ, помню... — отвернулась она къ морю и вся своими задумчивыми глазами ушла въ его голубую даль. Съ минуту длилось молчаніе... — Да... Я помню... Хорошее время! Если былъ въ жизни свѣтъ — такъ именно тогда. Только не надо, не надо объ этомъ... Слышите вы меня... Не надо... До васъ можетъ быть не дошло... Я замужемъ. Моя фамилія теперь Свѣтлинъ-Донецкая...

— Нѣтъ, мнѣ писали изъ Петербурга. Я тогда въ Москву уѣзжалъ... Скажите мнѣ одно: счастливы вы, легко вамъ живется?

Она молчала... Казалось, все ея вниманіе теперь было занято гро-

мадною волною, что побѣдоносно раскинувъ бѣлый перистый гребень, шумя и все круче и круче выгибаясь, неслась могучая и грозная на песчанья отмели берега.

— Хорошо вамъ?

— Да... разумѣется я счастлива, — не глядя на него, отвѣтила она.

— Это вы отвѣчаете старому другу или постороннему, Наталья Григорьевна?

— Какъ вы смѣете меня переспрашивать?

Она, ужъ негодующая, обернулась къ нему и отошла назадъ. Но въ ея раздраженіи ему послышалось что-то совсѣмъ другое.

— Да... Вы всегда были горды, страшно горды... Это не мѣшало вамъ и вѣрить и молиться... Именно горды. Я помню, какъ послѣ сцены съ матерью вы увѣряли, что вы любите другъ друга, что ей не могло и въ голову придти оскорбить васъ... И вѣдь это до мелочей доходило. Боязнь, что васъ другой, хотя-бы даже и не посторонній, пожалѣетъ... Вы не забыли, какъ вы обрѣзали тогда палецъ и сильно обрѣзали, а когда я кинулся къ вамъ, вы меня стали увѣрять, что вамъ вовсе не больно и въ доказательство ударили имъ о столъ... И въ обморокъ упали, потому что ужасно страдали тогда...

Она машинально подняла руку.

Левъ Самойловичъ печально улыбнулся.

— Вонъ и до сихъ поръ шрамъ.. Такъ вамъ значить и теперь ничего не больно, все у васъ обстоитъ благополучно и „на Шибкѣ все спокойно“. Да?.. Эхъ, Наталья Григорьевна. Все-то вы въ самую глубь сердца загоняете... и страшно вамъ, что вдругъ кто-нибудь возьметъ да и заплачетъ надъ вами. Не даромъ васъ въ Петербургѣ „бѣлымъ ангеломъ“ зовутъ... Кому не въ домекъ, таеъ и спокойны и безстрастны вы, какъ ангель...

— Я не дала вамъ права, Левъ Самойловичъ, копаться въ моей душѣ.

— Нѣтъ, дали! — вспыхнулъ онъ.

— Когда, какое?!

— Вы хорошо забыли... А помните, тамъ у овна, на Милліонной... Снѣгъ падалъ. Сѣверная погода была... Я даже извощика по ту сторону улицы, заснувшаго въ саняхъ, какъ сейчасъ вижу. И платье на васъ было сѣрое суконное, любимое ваше и рукой вы тогда опирались о стѣну... Что вы мнѣ тогда говорили?.. „Я васъ за то, Левъ Самойловичъ, люблю: вы всегда скажете, что у васъ на сердцѣ. А я не могу. Изъ меня надо желѣзными вѣщами тащить. Я такая“... И тогда-же вы меня разъ навсегда просили говорить вамъ, не скры-

вая, что я о васъ думаю... все говорить. Вы даже нѣсколько разъ повторяли „все, все!“

Она слушала его, опустила голову.

— И чего намъ въ прятки играть... Ужъ если на то пошло, то,—вы меня простите,—я знаю, что я силенъ только по наружности. Я слабохарактеренъ. А такіе какъ начнутъ, такъ точно подъ гору, безъ остановки, и я замолчать не могу. Развѣ я не понимаю, что такое вашъ султанъ? Видѣлъ его—удостоился! Шея не гнется на поклонъ отвѣтить, а голова пуста, какъ заброшенный погребъ. Совсѣмъ ничтожество. Геральдическій одувачикъ.

— Левъ Самойловичъ... это мой мужъ.

— Да... да. О немъ-то я и говорю. Не изъ недостатка уваженіи къ вамъ. Богъ свидѣтель—вашъ алтарь у меня здѣсь цѣль, — дотронулся онъ до груди. — Я всегда вѣрилъ въ васъ, молился вамъ. Я-бы скорѣй вырвалъ языкъ, чѣмъ допустилъ его оскорбить васъ... Васъ оскорбить!.. Да если-бы и хотѣлъ, развѣ я могу дошвырнуть грязью до солнца? А вы были настоящее солнце, понимаете, единственное, всю мою жизнь согрѣвшее... Не уходите. Дайте, я сейчасъ кончу, недолго еще... Вѣдь я ничего не ищу отъ васъ, ни на что не надѣюсь. Я знаю, что вы недосыгаемы для меня. Вѣдь вы не покупная. Цѣлою жизнью васъ не купишь. Съ вашей гордостью вы себя добровольно въ тюрьмѣ заморите, хоть вамъ двери открывай и на свободу зови. И если я говорю, такъ потому что... потому что не могу, не могу молчать. Да и вамъ именно я повторяю, что не одинъ я несчастливъ — и вы тоже. Вы не можете не видѣть, что такое вашъ мужъ. Вы слишкомъ умны, чтобъ не понять этого. Вѣдь вашу мать онъ могъ оболстать, потому что она.. эта женщина...

— Моя мать въ могилѣ, Левъ Самойловичъ.

Онъ разомъ осѣкся. Взялся за голову, взглянулъ на нее помутившимися глазами.

— Простите меня,—тихо продолжалъ онъ.—Я слишкомъ много лишняго сказалъ вамъ. Давно ныло на душѣ... Больше это не повторится. Что-же вы молчите? Вы сердитесь?

— Развѣ на то, что вы сказали, можно сердиться. Я знаю, что вамъ тяжело и вы не хотѣли оскорбить меня... Знаете... Пойдемте къ морю... только пожалуйста не туда, гдѣ Анна Федоровна сидитъ.

— Хотите къ тѣмъ скаламъ... Вы жары не боитесь?

— Нѣтъ. Куда-нибудь. Посмотрите здѣсь, вонъ добродѣтельное англійское семейство съ своимъ насторомъ давно обратило на насъ вниманіе. Еще подумаютъ, что мы ссоримся. А туда налѣво, вонъ гдѣ утесы въ море оборвались, далеко?

— Нѣтъ, въ полчаса тамъ будемъ. У васъ голова не кружится?

— Почему вы это спрашиваете?

— Высоко оттуда... Сверху...

— Попробую.

И не ожидая его, она пошла къ выходу съ террасы.

— И походка у васъ та-же—смѣлая, рѣшительная... Ни до кого вамъ дѣла нѣтъ.

— Разумѣется нѣтъ и прошу васъ помнить, если вы хотите, чтобы мы оставались друзьями,— подчеркнула она,— что и до меня тоже никому и никакого дѣла. До меня и до всего, что меня касается.

— Эхъ, Наталья Григорьевна... А еще... А еще христіанка... Помните, что на счетъ гордости сказано... Прижарятъ васъ на томъ свѣтѣ за это. Смертный грѣхъ вѣдь,—уже шутилъ онъ, слѣдуя за нею.

— Это не гордость!

— Смиреніе, что-ли?

— И не смиреніе... а просто я сознаю, что мнѣ ничьей жалости и ничьей помощи не надо... Я на столько сильна, что и сама справляюсь.

— Смотрите, не сломитесь.

Внизу ихъ обдало какимъ-то паревомъ. Къ тремъ часамъ стало еще жарче. Зной, какъ непосильное бремя, лежалъ надъ исходившею изморомъ землей. Даже крабы, выползавшіе на золотистый песокъ и остававшіеся на отмели, зарывались наполовину въ нее и лежали безъ движенія. Остроголовыя экили забирались въ сырыя мѣста поглубже, выброшенные моремъ ракушки раскрылись, точно ихъ спело этимъ безпощаднымъ солнцемъ.

— Пойдемте берегомъ по мокрому песку. Тамъ тверже; нога въ него не уходитъ.

Дѣйствительно, здѣсь они шли какъ по паркету. Только чуть замѣтныя каемки разбившихся волнъ послѣдними своими размоинами шипѣли у ихъ ногъ и, отхлынувъ назадъ, сливались съ вновь набѣгавшими складками моря.

— Вѣтру нѣтъ, а волны хоть бы и въ бурю.

— Потому что и вчера и третьяго дня здѣсь дѣйствительно была буря... Ну, теперь спаси Господи...

— Чего вы это...

— Молюсь, чтобы небеса помогли намъ Анну Федоровну, губернаторскую дочь, благополучно миновать. Ишь она на пути... Замѣтила-замѣтила насъ... Къ намъ идетъ... О, пропади ты со всеми твоими шифрами.

— Вы не видѣли Приглядова, онъ просилъ меня здѣсь подождать его?

— Ну, и ждите. Онъ вѣдь обидчивый. Вы его не знаете. Сейчасъ должно быть явится.

— Онъ тутъ поскользнулся... И вымокъ.

— Значить переодѣвается.

Анна Федоровна послушно отправилась жариться на солнце, въ то самое время, какъ Иванъ Николаевичъ, въ костюмѣ классической невинности, раскинувшись на постели, сладко похрапывалъ и снилось ему, что стоитъ онъ на берегу и видитъ, какъ Франсуа въ лодкѣ везетъ Рослякову топить на глубокомъ мѣстѣ.

— Камень ей на шею, да потяжелѣ!..—бредилъ Приглядовъ...—
А то выплыветъ...

— Не беспокойтесь, monsieur, разъ я за что берусь—я исполняю добросовѣстно... Я надѣюсь на хорошій roug blanc, потому что я прежде всего честный человѣкъ! — отвѣчалъ ему откуда-то, изъ самой голубой дали океана, исполнительный Франсуа.

V.

— Какъ хорошо здѣсь! — тихо проговорила Наталья Григорьевна, опускаясь на круглый выступъ утеса.

Онъ совсѣмъ висѣлъ надъ моремъ. Свѣтлинъ-Донецкой казалось, что она чудомъ удержалась въ воздухѣ и подъ нею нѣтъ никакой опоры. Далеко внизу волны разбивались о извѣденныя ими скалы; взмываясь, опрокидывались на нихъ зеленоватыми массами и на мгновеніе покрывали ихъ такъ, что Самсонову чудилось будто его утесъ не стоитъ на мѣстѣ, а тоже уходитъ въ воду. Шумъ воды покрывалъ все. Левъ Самойловичъ едва различалъ голосъ Натальи Григорьевны. Грохотали волны, шуршали по жесткому и изорванному дну сдвинутые ими камни, что-то глухо гудѣло въ глубокомъ гротѣ, за его жадно раскрытою чудовищною пастью; шипѣла остававшаяся отъ волны до волны въ впадинахъ и трещинахъ пѣна, орали чайки, выхватывая съ самаго гребня взмощенную поднятую моремъ мелкую рыбу. Какъ ни высоко сидѣли Самсоновъ съ Донецкой—зачастую прямо въ лица имъ летѣли свѣжія брызги. Пахло моремъ. Соль осаждалась на волосы и платье. Вонъ кипучая бѣшеная волна вскинула вверхъ и злобно ударила о камни пѣлую громадную полосу свернувшейся и спутавшейся водоросли съ тысячами запутавшихся въ нее рыбокъ и улитокъ, съ студенистыми медузами, точно таявшими отъ пристальнаго взгляда солнца, съ морскими звѣздами и мелкими раками. Только отхлынула эта волна — налетѣла другая и еще ближе къ утесу подвинула эту темно-зеленую живую массу. Третья ее разбила и разбросала по острымъ выступамъ камня и не успѣла отойти эта, какъ изъ всѣхъ щелей и съважинъ,

изъ незамѣтныхъ сверху убѣжищъ кинулись на добычу безчисленные крабы, показались громадныя клешни омаровъ и разная хищная мелкота набросилась на трепетавшую жизнью водоросль. Сверху Натальѣ Григорьевнѣ видна была самая муть этого, то обнажавшагося, то прятывшагося подъ воду рифа. Отъ него далеко-далеко въ океанъ уходили все ниже и ниже припадавшіе къ его дну камни.

— У васъ голова не кружится? — заботливо спросилъ ее Левъ Самойловичъ.

— Нѣтъ... Не знаю... Совсѣмъ новое ощущеніе... И хорошо, и жутко.

— Я-бы вамъ посовѣтоваль все-таки отодвинуться.

— Я не маленькая. И притомъ не нервная... Можете за меня не беспокоиться. Со мною ничего не случится... Рассказывайте мнѣ теперь вы... Или лучше не рассказывайте. Давайте пока молчать. Помните, какъ мы съ вами, случалось, цѣлыя вечера сидимъ вдвоемъ и ни слова. И свѣчь не зажигаемъ!..

— Въ душѣ свѣтло было...

Она пропустила это безъ отвѣта.

— Я часто думала о васъ. Гдѣ вы, что съ вами... точно какою-то ниточкой мы привязаны другъ къ другу. Куда вы ни уѣзжали — ниточка вытягивается, вытягивается, все тоньше и тоньше становится, а не рвется! И никому ее не видать... Она и до сихъ поръ цѣла... Иной разъ мнѣ кажется, что весь міръ точно телеграфными проволоками перепутанъ такими ниточками и бѣгутъ по нимъ желанія, предчувствія, мечты, безотчетныя отервенія... Вѣдь собственно говоря, что такое разлука... пространство... время... Вѣдь ни пространства, ни времени нѣтъ... Это только условія, безъ которыхъ нашъ умъ ничего себѣ представить не можетъ...

— Вы говорите, часто вспоминали обо мнѣ. А отчего вы не отвѣтили на мое письмо?..

Она быстро обернулась къ нему.

— Явно переписываться съ вами я не могла, а тайно не хотѣла... Я не люблю и никогда не любила краденаго, Левъ Самойловичъ. И потому, что-же мнѣ было отвѣчать на ваше письмо? Я уже Свѣтлинъ-Донецкой звалась тогда. Нѣтъ, знаете что, давайте лучше молчать, вѣдь право ни до чего добраго мы съ вами не договоримся...

Ему казалось, что она уже забыла о немъ, заглядѣвшись въ океанъ, по которому одна за другой неслись неугомонныя волны. И она дѣйствительно смотрѣла туда, только не ихъ видѣла передъ собою... Она какъ-то обмолвилась, что не помнитъ своего дѣтства. У нея и въ правду его не было... Сейчасъ, сію минуту ея взглядъ уходилъ въ полубытыя были ея прошлаго. Изъ его холоднаго тумана выступало

передъ нею не по лѣтамъ серьезное личико дѣвочки, разряженной такъ, что ей нельзя было и поиграть какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, ее такъ тренировали, что это ей пожалуй и не пришло-бы зъ голову. Матери ея некогда было возиться съ нею. Отецъ! Но онъ былъ такъ важенъ, такъ занятъ, что когда сѣроглазая и кудрявая малютка подходила къ его колѣну, онъ только чуть дотрагивался выхоленной большою бѣлой рукою до ея головки и спрашивалъ:

— Купала сегодня?

— Да... — тихо отвѣчала она, начиная уже отъ одного тона этого голоса забнуть всей своей бѣдною дѣтскою душою.

— Животицъ не болитъ?

— Нѣтъ.

— Ну, ступай, Богъ съ тобою. И онъ показывалъ ей на дверь большимъ пальцемъ, на которомъ по странной привычкѣ онъ носилъ перстень съ крупнымъ отдѣланнымъ брилліантами изумрудомъ. Не потому-ли она и до сихъ поръ ненавидѣла и боялась изумрудовъ. Ей дѣлалось холодно отъ нихъ!

И она уходила съ той-же неудовлетворенною жаждою ласки въ душѣ, съ тою-же несознанною еще печалью, немножко пристыженная и молчаливая. Развѣ это дѣтство, развѣ она была ребенкомъ? Мать— та постоянно жила за границей и когда увозила ее туда на воды или въ Парижъ — Наташѣ являлся обружавшій ее мiръ еще болѣе непонятнымъ, чужимъ, холоднымъ, непривѣтнымъ. Мать была молода и хороша собою — у нея шла своя жизнь, не имѣвшая ничего общаго съ этимъ тревожнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ ея дѣвочки. Онѣ встрѣчались по утрамъ, когда гувернантка приводила малютку. По вечерамъ, мать уѣзжая куда-то, наклонялась надъ ея кроватью, обдавала ее запахомъ какиихъ-то духовъ, и осторожно, чтобы не испортить прически и не смять платья, цѣловала ея лобикъ холодными губами. У малютки отъ этого поцѣлуя никогда и ничто не шевелилось въ сердцѣ. Привязалась-бы къ гувернанткѣ—но мать почему-то ихъ очень часто мѣняла. Почему? Наталья Григорьевна не хотѣла даже думать объ этомъ. Разъ ей случайно пришлось услышать, какъ ихъ горничная рассказывала другой:

— А нашу англичанку сегодня расчитали! Только семь мѣсяцевъ и пожила...

— За что это?

— Ни за что... Барыня въ Россію возвращаются къ мужу... А гувернантка то чего только ни видала здѣсь... Тоже вѣдь за языкъ не привяжешь. Все выложить.

Наталья Григорьевна помнитъ, какъ она ночью плакала тогда въ своей кровати. Что-то обидное, какое-то непонятное ей самой

оскорбленіе почувствовала она въ своемъ маленькомъ сердчишкѣ; но если бы ее спросили о чемъ она плачетъ, она по совѣсти не могла-бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда къ нимъ собирались гости, ее выводили къ нимъ такую красивую, такую нарядную — что до нея страшно было дотронуться: какъ-бы не смять. Поэтому ее никто не ласкалъ и не цѣловалъ. А ей порой страстно, по дѣтски страстно хотѣлось ласки. Она хорошо помнила, какъ разъ, играя гдѣ-то въ Люксамбургскомъ Саду въ Парижѣ, она набѣжала на включеннаго, плотнаго и потнаго, сильнаго рабочаго, загорѣлаго, съ прелестными и откровенными голубыми глазами... Мигъ и она очутилась въ его желѣзныхъ рукахъ.

— *Tien, comme elle est gentille... Bonjour ma petite. Bonjour Mimi! Bonjour Mignone!*

И онъ сочно и крѣпко разцѣловалъ ее въ обѣ щеки.

Она долго послѣ того помнила этотъ поцѣлуй. Ей вдругъ стало такъ тепло и хорошо отъ него. Гувернантка хотѣла было вытереть ея лицо, но она капризно отбилась отъ нея и потомъ часто ходила гулять въ ту же аллею — пристально глядя въ ея глубь — не покажется-ли въ ней тотъ-же добродушный голиафъ, съ руками, твердыми какъ кузнечный молотъ, и глазами, что съумѣли заглянуть ей прямо въ ея дѣтское сердце... У нея даже зародился планъ — найти „se monsieur“ и попросить взять ее къ себѣ... Бѣдная дѣвочка, она вскорѣ послѣ того, отогрѣтая случайно лаской чужого ей человѣка, кинулась какъ-то къ матери, но та грубо оттолкнула ее, такъ что Наташа ушиблась головой о столъ и въ опѣившіи услышала:

— Какія манеры! Кто тебя научилъ этому? Посмотри, ты смяла мнѣ кружева... Иди къ себѣ, и не смѣй показываться мнѣ на глаза до завтра.

И гувернантѣ ея досталось такъ, что та приходила къ ней нарочно, чтобы ее „gronder pour les desagrement“, которыя она за нее вытерпѣла. Наташа послѣ этого случая сжалась и сдѣлалась застѣнчива... Потомъ эта застѣнчивость у нея съ лѣтами перешла въ другое чувство, которое люди, знавшіе ее, стали звать гордостью... Только сама Наталья Григорьевна хорошо понимала, что это вовсе не гордость. Никто вѣдь въ долгія безсонныя ночи не видѣлъ ее, какъ она, широко открывъ глаза, неподвижно всматривалась ими въ окружающій ее мракъ, допрашивала у него разрѣшенія тысячи мучившихъ ее загадокъ и, бессильная понять ихъ, — плакала. Страшны дѣтскія, повидимому, безпричинныя слезы — на всю жизнь человѣка потомъ онѣ кладутъ свой слѣдъ. Ничѣмъ его не вытравишь. Десятки лѣтъ счастья не заставятъ забыть одну таковую ночь, и горе тѣмъ, кто вызываетъ эту печаль въ ясной, невинной и бессильной душѣ ма-

лютки. Лучше отсохнуть холодной рукѣ — которая сожметъ сердце ребенка въ хрупкой груди и не дастъ ему радостно забиться на встрѣчу Божьему солнцу... Такому злу нѣтъ оправданія, нѣтъ прощенія...

Да, вовсе не безконечную синь океана видитъ Наталья Григорьевна сейчасъ передъ собою. Она смотритъ туда, но ей чудятся высокія липы какого-то сада. Гдѣ было это, она даже припомнить не можетъ: у себя дома, или за границей? Высокія, высокія липы съ тысячами птицъ, возившихся въ самой ихъ гущинѣ, съ прохладною тѣнью, которую онѣ кидали кругомъ, съ массами дѣтей, игравшихъ подъ ними... Одна только маленькая дѣвочка не принимала участія въ этихъ играхъ... Царевна-недотрога! „У — хмурая... Ты хочешь быть злою вѣдьмой...“ А эта царевна-недотрога или будущая вѣдьма, забьется за кустики и оттуда жадно-жадно смотритъ, какъ какая-нибудь крохотная козавка набѣжитъ на свою бѣдно одѣтую мать и хохочетъ-заливается, пока та ей цѣлуетъ глазки, личико, замусленное личико, запачканныя ручки... И все замѣчаетъ „царевна-недотрога“: и то какъ этими ручками та шаловливо хватаетъ мать за губы, и какъ ножками болтаетъ, притворяясь, что ей надоѣло у той на колѣняхъ и какъ, подѣтски кокетничая, она отворачиваетъ смѣющуюся мордашку отъ радостныхъ ласкъ, отъ милыхъ поцѣлуевъ. Смотритъ-смотритъ „царевна-недотрога“ и по ея щекамъ катятся слезы... Слезы, впрочемъ, не долго показывались у нея. Скоро она перестала плакать — закаменѣла. Теперь-бы иной разъ и рада, все-бы легче стало, да источники этихъ слезъ изсякли и больше ужъ не показывались...

Бѣдная, бѣдная Наташа!..

И такой-же берегъ ей помнится. Гдѣ тогда купалась ея мать? Имени она не знаетъ. Но также — громадная, неугомонная волна откуда-то, она тогда никакъ не могла рѣшить откуда онѣ берутся, неслись на скалы и въ цѣлыя облака брызгъ и пѣны разбивались о нихъ. Она бывало крошка-крошкой одна ходитъ по берегу... И страшно ей становилось передъ этимъ громаднымъ и грознымъ моремъ, въ виду этихъ ужасныхъ такъ непривѣтливо хмурившихся скалъ на нее, такую маленькую и слабенькую... Теперь она не знаетъ этого страха, теперь у нея въ душѣ бьются такія же волны, рощетъ и бѣсится безграничный океанъ страданія, неудовлетворенной любви, несбывшихся надеждъ, оскорбленной вѣры, всего, чѣмъ ее встрѣтила и чѣмъ ее подарила жизнь... Ахъ, отчего тогда какая-нибудь изъ этихъ оперенныхъ бѣлою пѣною волнъ не набѣжала на нее, не захватила ее въ свои мягкія и безжалостныя объятія и не унесла съ собою далеко-далеко. Туда, куда заходитъ солнце и откуда кромѣ солнца никто назадъ не появляется!.. Можетъ быть это было-бы лучше... Гораздо лучше всей этой жизни... И для нея, и для другихъ... Также

злилось и тогда море... И также былъ жестокъ и твердъ камень, о который разбивались волны. Только жестче и тверже были сердца у близкихъ ей людей... Бѣдная, бѣдная Наташа!

Солнце уже замѣтно опустилось къ западу. Оттуда подымался вѣтеръ и съ другой стороны гналъ новыя волны на встрѣчу прежнимъ... Его еще не чувствовали на берегу, но онъ ужъ видимо крѣпчалъ, потому что сталкивавшіеся валы вскидывались посреди океана вверхъ тучами брызгъ и пѣны, точно изъ недосыгаемой глуби вдругъ подымались и схватывались тамъ какія-то чудовища. Должно быть изъ Бордо въ Испанію шель пароходъ—онъ то взбѣгалъ на упругія волны, то, ложась на бокъ, стремглавъ падалъ внизъ между ними, исчезая съ мачтами за ихъ темнозелеными стѣнами, чтобы тотчасъ-же опять взлетѣть на хребетъ новой, выросшей подъ нимъ водяной горы... Валы сталкивались, кутали его въ безчисленныя кружевные складки своей пѣны, изъ которыхъ онъ выплывалъ такой же черный и грязный, какимъ былъ до встрѣчи съ этимъ бѣлымъ облакомъ... Едва-едва на его палубѣ были замѣтны люди.

— Счастливые... — вырвалось у Натальи Григорьевны.

Левъ Самойловичъ ее понялъ сразу.

— Издали всѣ кажутся счастливыми... Вамъ случалось проѣзжать ночью по незнакомому городу?..

— Да. А что?

— Вы всматривались мимоѣздомъ въ освѣщенныя окна. Кажется, что тамъ особеннаго. По серединѣ круглаго стола горитъ себѣ плохенькая лампа подъ обоженнымъ абажуромъ, какіе-то люди мерещутся около, дѣти. Изрѣдка стройный женскій силуэтъ къ окну подойдетъ. И васъ вдругъ такъ потянетъ, такъ потянетъ туда... Къ чужому счастью!.. А войдите — никакого счастья не окажется. Обычныя мѣщанскіе будни! Еще пожалуй на настоящее горе натянешься. Счастье — призракъ. Онъ издали только дразнитъ. Попробуйте схватить его—и вдругъ руки ваши воздухъ обнимутъ... Есть счастье для дураковъ. Они воображаютъ, что счастливы, и не видятъ обмана... Гордые люди тоже, — скользнулъ онъ по ней печальными глазами, — гордые люди и себя и другихъ стараются увѣрить въ своемъ счастье, только они отъ этого не дѣлаются счастливыми. Помните когда-то наши мечты?.. А что-же сбылось изъ нихъ... Я вотъ свѣтъ хотѣлъ перестроить. Направьте этотъ океанъ противъ вѣтра, что гонить его волны... Да и лично... Вѣдь это фраза одна, что каждый имѣетъ право быть счастливымъ... Право-то есть, да возможности нѣтъ... Вѣдь вонъ — матросъ на берегу... Видите его — заснулъ, и безъ того красный носъ свой солнцу подставилъ. Развѣ онъ не имѣетъ права быть адмираломъ, однако адмиралъ не онъ, а Жерве! Да и

мы съ вами вѣдь также имѣемъ право быть счастливыми. А вѣдь по настоящему то, когда мы были всего счастливѣе? когда именно еще ожидали этого счастья...

Она чуть-чуть коснулась пальцами его руки...

— Вы меня хотите спросить о чемъ-то?..

— Да, если вы позволите...

— Странная фраза... Ее то я не ожидалъ отъ васъ.

— Вы, другъ мой... Какъ странно называть васъ другомъ послѣ десятилѣтней разлуки! А вѣдь точно все это еще вчера было!.. Вы, другъ мой, говорите, что тоже обманулись въ людяхъ и жизни... Я правду вамъ сказала, что не обманулась въ людяхъ. Отъ *нихъ* я вѣдь ничего не ждала. Не въ чемъ было и обманываться... А вы... вы несчастливы...

— Да! — тихо проговорилъ онъ. — Здѣсь — показаль онъ на грудь — здѣсь все упало. Ни къ чему не тянетъ, ничего не хочется... Такъ — *все равно*. Вы сами видѣли — вожу за собой пустѣйшаго шута Приглядова, который въ сущности меня ненавидитъ, потому что я насквозь вижу его скверную душонку, а я его... терплю только, и позволяю себя обирать... Можетъ быть онъ даже меня дуракомъ считаетъ. Никакихъ интересовъ, понимаете-ли — никакихъ. Сначала я пробовалъ было... на все кидался... Но... Или это проклятіе на насъ, на богатыхъ людяхъ — не понимаю: только на однихъ мошенниковъ попадалъ. И чѣмъ краснорѣчивѣе — тѣмъ подлѣе. Всего было... И говорить не хочется. Я не сразу вѣдь ошеурѣлъ!

— Что?

— Простите. Вырвалось. Съ этимъ Приглядовымъ по человѣчески забудешь говорить... Вы знаете, если бы я разорился — я бы романъ написалъ. Я бы нарисовалъ богача съ самыми великодушными стремленіями... И вся трагедія его жизни — въ томъ именно, что ни одного порядочнаго человѣка ему не встрѣтилось.

— Вина ваша, Левъ Самойловичъ.

— Это какъ?

— Такъ. Вы ждали, чтобы они къ вамъ пришли, а нужно было вамъ самимъ отыскивать ихъ... Хорошіе люди не пойдутъ къ вамъ. Ихъ надо добыть, найти...

— Можетъ быть... Вы всегда были умнѣ меня. Можетъ быть...

— Я впрочемъ не о томъ васъ спросила... Мнѣ хотѣлось знать...

Любили вы?..

— Наталья Григорьевна, вы лучше всего сами знаете...

— Я не про то, не про старое, — отвернула она отъ него свое покраснѣвшее лицо. — Я не про дѣтское ваше увлеченіе.

— И вамъ не стыдно?..

— Ну, хорошо... Не про ту любовь говорю. Была въ вашей жизни женщина?

— Вы исповѣди хотите?

Она подняла на него строгіе глаза и пристально всмотрѣлась въ его лицо.

— А развѣ вамъ трудно исповѣдываться мнѣ.

— Именно вамъ... Своему брату — такому-же толстокожему — не трудно, а вамъ дѣло другое...

— О, я снисходительный духовникъ... Я заранѣе все вамъ прощаю и разрѣшаю...

— Монахомъ не жилъ. Да оно и смѣшно-бы...

— Я не про то, Левъ Самойловичъ. Поймите мой вопросъ: была-ли въ вашей жизни женщина?..

Онъ потупился... Попробовалъ ногтемъ крѣпокъ-ли камень и сломалъ ноготь...

— Все говорить?..

— Если говорить, такъ все... Только помните — спохватилась она, — взявъ въ вашей я своей откровенности вамъ не объщая, по крайней мѣрѣ теперь...

— Пожалуй... Можетъ быть мнѣ-же легче станетъ... И я какъ-нибудь разберусь во всей этой чепухѣ кругомъ... Да-съ... только отведите отъ меня ваши глаза. Ужъ очень въ нихъ суровости много... У кающагося отъ нихъ языкъ къ гортани прилипаетъ. Да-съ, Наталья Григорьевна, была женщина и скажу вамъ — такой экземпляръ, за который любой нашъ романистъ дорого-бы далъ, чтобы только съемочку съ нее сдѣлать... Это — не женщина, а... Позвольте по Приглядовски — „подлецъ-баба“. Вотъ это что... Завязалась такая въ моей жизни...

— Вы любили ее?.. Можетъ быть любите?

— И не любилъ никогда, и не люблю... А теперь въ особенности...

— Какъ-же иначе это могло случиться?..

— Вы, женщины, многого не понимаете... Завязалась да и только. Какъ заноза сидитъ въ пальцѣ. Развѣ ее — занозу любишь? А вѣдь носишь! И вѣдь насквозь я ее эту женщину вижу. То-есть какъ насквозь?.. Не то, что она думаетъ, а что она завтра думать станетъ — знаю... Всѣ ея минусы — чернымъ по бѣлому передо мною, ни въ одномъ не ошибусь. Вся ея подлая душонка — точно на ладони у меня подъ самымъ носомъ полыхается... А всякій разъ, встрѣчаясь съ нею, я поддавался какому-то странному обаянію... Я не знаю, чорту-ли она себя продала что-ли, только она что хотѣла, то со мною и дѣлала. Отойдетъ — кромѣ презрѣнія ничего къ ней не чув-

ствую, думать о ней — такъ морская болѣзнь привязывается. На письма ея — не отвѣчаю, потому что противно перо въ руки взять... Ну — а объявится — и сейчасъ-же точно заколдуетъ. И голова у меня кругомъ, и чадъ какой-то, и все въ глазахъ вертится и миръ въ туманъ уходитъ, а изъ тумана этого — она одна своими дьявольскими глазами меня низетъ!..

— Порча какая-то... Неужели и теперь то-же самое?

— Ну, теперь — нѣтъ. Теперь я Бога увидѣлъ. Теперь очарованіе это съ меня снято. Теперь я другой человѣкъ... Пусть-ка — попробуетъ... Теперь — я...

— Странные характеры... Больные какіе-то... — задумчиво проговорила она.

— Васъ не оскорбляетъ моя откровенность?

— Не знаю... Я еще не дала себѣ отчета... Что она, должно быть, очень хороша собою?

— Представьте — не знаю... То-есть лѣтъ пять тому назадъ навѣрное была хороша... Нѣжности много въ ней. Чисто женственной! Она издали оболакиваетъ васъ всего. И незамѣтно!.. такъ что сразу дурѣешь... А теперь... И должно быть мажется... Я вамъ говорю — и душа и тѣло все притворное, все чужое... Какъ маскарадный костюмъ у швейки — на прокатъ для клубнаго вечера взяты... Все, все... Все не въ самомдѣlishное...

— Тогда я ничего не понимаю.

— А я, вы думаете, понимаю что-нибудь?.. Если-бы вы не боялись руки замарать въ этой грязи, я-бы васъ попросилъ разобраться... Только это не любовь... Я всю жизнь свою любилъ и люблю одну женщину... Это наводненіе. Меня отчитывать надо... Если-бы отъ Іоаннъ Кронштадтскій въ такія дѣла входилъ, я-бы сейчасъ къ нему. Теперь, впрочемъ, не надо. Теперь я вылеченъ... Васъ увидѣлъ.

— На долго-ли?

— Что на долго-ли?

— На долго-ли вы выздоровѣли?

— Думаю, навсегда...

— Не казалось-ли вамъ на первыхъ порахъ, прежде чѣмъ вы поддались этому очарованію, что вы мстите кому-нибудь?..

И она виновато посмотрѣла на него.

— Знаете, Наталья Григорьевна, я въ нашемъ психологическомъ обществѣ — членъ... то-есть деньги плачу — на журналъ. Только я вамъ скажу, что всѣ они вмѣстѣ взятые профессиональные психологи — ослиное стадо въ сравненіи съ вами!

— И притомъ, вы ужасно слабохарактерны... Это у васъ всегда было. Орлиныя мечты... а крылья... вы не обижайтесь, крылья во-

робинья. Въ этомъ отношеніи вы совсѣмъ не измѣнились, мой другъ.

— Не такимъ-бы и былъ — сложись моя жизнь иначе.

— Стыдитесь, Левъ Самойловичъ, я женщина — а не скажу подобной фразы. Чего вамъ не хватаетъ? Посмотрите на себя въ зеркало — богатырь былинный.

— Да вы вспомните: всѣ эти былинныя богатыри — съ вашей сестрой — тряпками оказывались.

— И притомъ у васъ въ рукахъ такая сила, такое страшное богатство, а вы съ Пригладовыми да съ этою... женщиной возитесь. Вѣдь вы, дѣйствительно, могли-бы цѣлымъ поколѣніямъ счастье дать... На пустомъ мѣстѣ, Богъ знаетъ, что сдѣлать... А вы сами въ какое-то пустое мѣсто обратились. Не то человекъ, не то пятно... Не сердитесь и оставьте ваши пальцы въ покоѣ. Если-бы вы не были мнѣ дороги — я-бы вамъ этого ни за что не сказала!..

Онъ наклонился и поцѣловалъ ей руку.

— И будетъ. Теперь о чемъ-нибудь другомъ давайте. А то совсѣмъ распустишься съ вами. Я это время приучилась въ рукахъ себя держать. Какъ хорошо и свѣжо становится... Какимъ чуднымъ вѣтромъ съ моря повѣяло.

— Здѣсь всегда такъ подъ вечеръ: цѣлый день точно въ жаровнѣ сидишь, а какъ солнце къ горизонту — сейчасъ прохлада оттуда.

На гребни волнъ ложились золотистыя отсвѣты. Сѣрыя скалы тоже обдавало желтыми тонами, трещины ихъ и провалы густою синью намѣтились, зато небо вдругъ поблѣднѣло и море тоже...

— Какъ это красиво все: и эти утесы, и эта глубь... Посмотрите, какъ широко волна отъ волны... Плывучія долины какія-то между ними... И на днѣ ихъ узоры сброшенной пѣны. Точно парча... Серебромъ по синему отливу... Что вы продолжаете стихи писать?

— Рѣдко... Самому смѣшно... Какой я поэтъ.

— Почему?

— А вы забыли, что Левъ Толстой одному такому сказалъ?..

— Что? Не забыла, а не знаю.

— Охота вамъ, говорить, по канату ходить, когда прямо по землѣ можно.

— Неудачное сравненіе. Послѣ этого пѣвцу скажутъ: охота вамъ пѣть, когда все это словами можно выразить и гораздо легче и проще...

— Представьте, — вдругъ обиженно раздалось за ними. — Пригладова до сихъ поръ нѣтъ.

Какъ это ни странно, но Аннѣ Федоровнѣ они оба обрадовались. Музыка ихъ разговора дошла до мѣста, когда необходимъ дис-

сонансъ. Левъ Самойловичъ всталъ, очищая ей мѣсто... Рослякова величественно кивнула ему головой...

— Я удивляюсь вашему Пригладову... Это даже невѣжество. Вѣдь я битыхъ три часа просидѣла одна. У меня отъ солнца голова болитъ...

— Я не знаю, что съ нимъ. Можетъ быть его Кондрашка хватилъ. Непремѣнно, что-нибудь да случилось...

Въ гостиницѣ, позади, зазвонили въ большой колоколь.

— Медамъ... Пора одѣваться къ обѣду. Это первое предостереженіе. По второму англичанки сходятъ декольте и manches-courtes въ салоны, а по третьему какъ гуси—стадомъ въ столовую... И пасторъ непременно впереди. А молодежь во фракахъ или смокингахъ.

Дамы поднялись.

— Жаль уходитъ! — оглянулась Наталья Григорьевна. — Какая чудная прохлада теперь.

Простившись съ ними, Самсоновъ быстро взбѣжалъ къ Ивану Николаевичу.

— Экая фараонова корова! — отплюнулся Левъ Самойловичъ и брызнулъ на Пригладовское чрево водой.

Иванъ Николаевичъ мгновенно оказался на ногахъ.

— Что вы сдѣлали съ Анной Федоровной Росляковой!..

— А развѣ она не утонула? — со сна горестно воскликнулъ Пригладовъ, протирая глаза.

— Нѣтъ... — удивился Самсоновъ.

— Ну, я такъ и зналъ, что Франсуа забудетъ привязать ей камень на шею! Экая каналья... Какъ я ему съ берега кричалъ...

VI.

Прохладный вечеръ былъ нѣженъ и покоенъ. Угмонившіяся волны ласкались къ облитымъ луннымъ сіяніемъ скаламъ. Въ складкахъ моря точно загоралось что-то блѣднымъ, фосфорическимъ, отраженнымъ огнемъ. Пряный и сильный подъ жаромъ полудня запахъ красныхъ цвѣтовъ теперь сталъ тонокъ и легокъ, какъ тонко и легко было едва замѣтное дыханіе вѣтерка, пролетавшаго надъ океаномъ. Наталью Григорьевну точно что-то толкнуло прочь съ террасы, гдѣ всѣ тѣ-же француженки, но уже въ вечернихъ костюмахъ, стрекотали съ скучавшими по парижскимъ бульварамъ накрахмаленными молодыми людьми въ смокингахъ. Ей хотѣлось тишины и безлюдья. Она оглянулась. Левъ Самойловичъ съ самаго обѣда куда-то исчезъ... Анна Федоровна помирилась съ Иванъ Николаевичемъ, сославшимся на обморокъ отъ легкаго солнечнаго удара, и теперь занимала художника, откровенно

зѣвавшего ей въ лицо. Она, замѣтивъ что Наталья Григорьевна направляется къ выходу на берегъ, кинулась было къ ней.

— Я вамъ нужна?

— Нѣтъ... Я пойду къ морю... Мнѣ даже хотѣлось-бы одной остаться.

Рослякова мигомъ вернулась къ Приглядову.

Песокъ слегка хрустѣлъ подъ ногами Свѣтлинъ-Донецкой... Скалы направо и налево подъ мечтательнымъ и обманчивымъ сіяніемъ мѣсяца принимали причудливыя очертанія... Одинъ утесъ, тонкій и прямой—казался колонною уходившею въ небо, другой, около, точно гигантскія ступени какого-то сказочнаго храма, падалъ въ воду... Набѣгавшія тихія волны на этихъ ступеняхъ мгновенно загорались голубоватымъ свѣтомъ и снова гасли, сливаясь съ другими позади. Наталья Григорьевна, нѣжась, подставляла счастливому дыханію южной ночи свое лицо. Ей такъ пріятна была ласка океана, безмолвный привѣтъ еще незнакомаго ей края. Гдѣ-то далеко-далеко, затерявшись, мелькалъ огонекъ на носу рыбацкаго лодки. Онъ то подымался надъ моремъ и длинный золотой слѣдъ его зигзагомъ ложился на прибивавшія волны, то пропадалъ за ними и тогда весь этотъ просторъ былъ торжественно безлюденъ, мистически таинствененъ... Наталья Григорьевна опять почувствовала себя такою маленькою и слабою лицомъ къ лицу съ могучимъ океаномъ, страшнымъ даже въ своемъ покоѣ, въ сонливомъ колыбаніи бездонныхъ водъ. Ей казалось, что онъ только притаялся, ждетъ чего то, чтобы подняться къ небу бѣлозелеными стѣнами, обрушиться на нее и вмѣстѣ съ песчинками и раковинами отмелей унести и ее за собою. Она даже схватилась за выступъ утеса, но тотчасъ-же отдернула локоть. Тамъ въ выбоинѣ еще стояла заброшенная приливомъ влага и Донецкая почувствовала какъ она просочилась ей до самаго тѣла. Это небо и ночью было все также синее. Въ яркомъ блескѣ мѣсяца—едва-едва осмѣливались рѣдкія звѣзды да и тѣ мерцали робко, точно жмурились передъ ревнивымъ взоромъ ночной царицы. Что-то шевельнулось у самыхъ ногъ Натальи Григорьевны. Она нагнулась—большой крабъ бочкомъ, отражая воображаемаго врага острыми и жесткими клешнями, отбѣгалъ отъ нея. Она наклонилась, схватила его за плоское тѣло. Но онъ, сдвинувъ клешни, сильно уперся ими въ пальцы ей и мгновеннымъ движеніемъ выскользнулъ изъ нихъ, шлепнулся о песокъ и еще быстрѣе побѣжалъ къ водѣ. Немного подалѣе выброшенная моремъ медуза умирала, печально блѣднѣя на лунномъ свѣтѣ... Извилистая кайма раковинъ черныхъ и бѣлыхъ осталась на отмели отъ прибою... Наталья Григорьевна тихо, опираясь зонтикомъ въ расщелины еще влажнаго камня, взошла на утесъ—туда, гдѣ она сегодня

сидѣла съ Львомъ Самойловичемъ—и заглядѣлась въ безконечность, открывавшуюся передъ нею... „Да, Самсоновъ правъ—туда тянетъ“... Тамъ, кажется ей, стоитъ и манитъ и дразнитъ ее призракъ несбыточного счастья, по которому такъ изболѣло сердце и который еще никогда ей не давался въ руки. Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ она только хватала воздухъ, думая, что уже держитъ его въ рукахъ... Вся ея мечтательность, воспитанная долгими годами одиночества и тишины, полудѣтской застѣнчивости и гордости обманутаго въ своихъ розовыхъ надеждахъ сердца, проснулась въ ней въ эту минуту. Она опустила на холодный камень, протянула ноги внизъ такъ, что онѣ въ высотѣ повисли надъ моремъ—и уже не видѣла ни этой ночи, ни этого океана. Или если и видѣла то, какъ рамку: любяся картиною, съ открытыми глазами, ее вѣдь не замѣчаешь вовсе. Сначала она еще слушала шумъ моря и даже мысль ея работала: на что онъ похожъ? Отъискивала въ его ропотѣ что-то родственное съ говоромъ далекихъ лѣсныхъ вершинъ. Но лѣсныя вершины спокойнѣе, въ нихъ нѣтъ шороха передвигающихся по мокрому песку каменьевъ, шопоть лѣса сплошнѣе, нѣтъ этой ритмической цезуры волнь, нѣтъ этой тихой-тихой жалобы пѣны, уходящей въ песокъ, умирающей въ немъ... Нѣтъ этихъ глухихъ негодующихъ отѣликовъ утеса. Море не даетъ ему покоя, цѣлые вѣка нанося ударъ за ударомъ и безжалостно долбя его старое крѣпкое тѣло. Будто водѣ нужно пробиться къ какому-то узнику, заключенному въ самую нѣдра его, въ тѣсную каменную темницу. А потомъ и шумъ океана—убаюкалъ ее однообразною, успокаивающей музыкою... И онъ пропалъ и она уже ничего не слышала, кромѣ того, что говорило и пѣло въ ней самой... Счастье—призракъ, да, разумѣется, призракъ, только вѣдь и этотъ призракъ иногда воплощается въ живые и реальные образы. Развѣ она не знала многихъ, которые не только казались, но и были счастливы. И не одни дураки только, какъ ихъ окрестилъ Левъ Самойловичъ... Почему же *они оба* несчастливы: и она и онъ. Какому жадному богу брошена въ жертву ихъ небольшая доля радости, общей радости, потому что, она это знаетъ, онъ любилъ ее... А она и до сихъ поръ его любить, она самой себѣ въ этомъ не сознается въ другое время, но это такъ. Любить, любить и любить, на зло всему враждебному, громадную полосу жизни, раздвинувшемуся между ними. Какому жадному богу принесли они свое счастье? Ради чего и тотъ и другой отказались отъ него и пошли разными путями къ одной и той же скукѣ, къ разочарованію, къ вѣчной лихорадкѣ неоправдывающихся ожиданій, такъ ознобившей ея душу, что теперь ей кажется: ничто въ мірѣ не могло-бы разогрѣть ее. А она была-бы счастлива съ нимъ, да—это она тысячу разъ готова повторить прямо въ лицо спокой-

ной и холодной ночи, въ которой казалось воплотилось все ея тусклое безразсвѣтное прошлое. И она не только сама была-бы счастлива, она и ему дала-бы ту же радость, ту же полноту бытія. Ея улыбка отразилась-бы въ его лицѣ и вдвоемъ объ руку они довѣрчиво прошли-бы по всему этому міру иллюзій и перевоплощающихся Богъ вѣсть для чего образовъ. Богъ вѣсть для чего! Нѣтъ вдвоемъ они нашли-бы смыслъ во всемъ этомъ и ни одинъ смыслъ только. Какъ кругъ по водѣ ихъ счастье расходилось-бы все шире и шире, захватывая все большія области жизни. Они-бы работали не на себя однихъ. Съ ея вѣрою и силою, съ его средствами, съ его бесплоднымъ теперь могуществомъ чего-бы они ни сдѣлали вдвоемъ? Вѣдь если во всемъ есть смыслъ и предопредѣленіе, почему же эта слѣпая судьба—которая въ то же время гораздо зрячѣе стокоюй, но глухой случайности, — почему она не соединила ихъ, а разбросала такъ далеко, такъ невозможно далеко—въ разныя стороны другъ отъ друга? Вѣдь если-бы ей не вздумалось отдышаться отъ петербургской скуки и перѣхать сюда — десятки лѣтъ прошли-бы еще, они-бы оба состарились, но не встрѣтились — они, которымъ только и есть дорогого въ этомъ громадномъ и безжалостномъ мірѣ, что она для него, и — онъ для нея... дорогого... да! Но неужели она его дѣйствительно такъ любить до сихъ поръ. Вѣдь еще сегодня утромъ она даже не думала о немъ, не вспоминала его... Вѣдь нѣсколько часовъ назадъ онъ былъ для нея совсѣмъ, совсѣмъ чужимъ человѣкомъ. То — ихъ общее прошлое, чистое, цѣломудренное, отошло куда-то, запало въ такую даль, что она думала, будто совсѣмъ утратила дорогу къ нему, какъ утрачивается и зарастаетъ тропинка къ одинокой и забытой могилѣ, куда уже никто не приходитъ ни плакать, ни молиться... И вдругъ стоило только ей увидѣть его, чтобы сразу съ страшною, съ трагическою ясностью понять, что это прошлое никуда и никогда не отходило отъ нея, что если оно и стало могилою, то эта могила именно въ ея сердцѣ, что все съ тѣхъ поръ случившееся, эти десять и долгихъ, и глухихъ, и скучныхъ, и блѣдныхъ лѣтъ съ ихъ глупыми и скучными, и блѣдными безсмысленными днями, часами, минутами — точно провалились въ какую-то бездну, разсѣялись въ воздухѣ, какъ утренній туманъ. Что настоящей дѣйствительностью для нея только и является эта старая, милая, трогательная быль—и этотъ неожиданный сегодняшній день съ негаданною встрѣчей... Да, разумѣется, она его любить. Она и не переставала его любить!.. Что ее заставило тогда уступить матери?.. Можетъ быть если-бы онъ не ухалъ и не оставилъ ее одну — она-бы не поддавалась... Не ея вина во всякомъ случаѣ. Онъ былъ бѣденъ и за нее испугался. А она не боялась. О, не этимъ можно было напугать и сбить ее съ пути. И

зачѣмъ искать причинъ, почему это случилось такъ или иначе. Жизнь безъ этихъ причинъ складывается. Жизнь этихъ причинъ не знаетъ. Такъ нужно было каменщику выбросить одинъ кирпичъ и на его мѣсто положить другой. Сколько кирпичъ не разсуждай—а онъ будетъ тамъ, гдѣ его поставятъ... Въ силу чего она стала-бы бороться. Сказала-бы матери: „я люблю Льва Самойловича“. Она-бы ей только засмѣялась въ отвѣтъ. Странная любовь, когда онъ, испугавшись за нее, Богъ знаетъ гдѣ, а она одна. Потомъ разореніе, тысячи неприятностей... А тотъ *другой* пришелъ... Пришелъ какъ разъ во время... И вичего унизительнаго онъ ей не предлагалъ. „Вы станете моей женой только тогда, когда полюбите меня!“

— А если этого никогда не будетъ?

О, она хорошо помнитъ: онъ даже ни минуты не колебался и отвѣтилъ ей:

— Значитъ вы никогда не будете моей женою!..

Для нея замужество было только переходомъ изъ одной квартиры въ другую — не больше не меньше. Она не любила его. Ну, а мать свою она любила? Она ему нужна — его дѣламъ, его отношеніямъ, его обществу. Ея красота сдвинула вокругъ мужа еще тѣснѣе его друзей. Ея гордость придала ему то значеніе, какого самъ бы онъ никогда не приобрѣлъ. Это было не свадьбой, не бракомъ, а просто договоромъ... Разумѣется Левъ Самойловичъ не знаетъ этого — а вѣдь она только по паспорту замужняя. Она не торговала собою и до сихъ поръ осталась дѣвушкою. Она бы не пожертвовала ничему на свѣтѣ своей личностью — и когда мужъ, разыгрывая роль влюбленнаго, хотѣлъ воспользоваться своими правами—она тогда же поняла, что скорѣе убила бы себя, чѣмъ отдалась ему... Заставить женщину полюбить—можно, побѣдивъ сначала ея гордость. Не ему—ничтожному и жалкому человѣку было сдѣлать это. Онъ хотѣлъ быть равнымъ ей — забывъ что именно въ любви то и нѣтъ равенства. Или подчини женщину или, сознавъ ея превосходство,—подчинись ей. Или дай ея гордости справедливое удовлетвореніе, терпя рабство передъ нею, или заставь ее сломиться отъ осязательныхъ преимуществъ твоего генія, твоихъ способностей, силы, значенія. Пусть она узнаетъ, что выше, лучше, сильнѣе тебя нѣтъ никого кругомъ и она найдетъ счастье—отдавъ тебѣ и волю, и сердце, и разумъ! Чѣмъ такимъ могъ взять ее онъ — послѣдній отпрыскъ нѣкогда великаго рода, онъ, всѣ доказательства котораго на право занять въ мірѣ извѣстное положеніе не въ немъ, а въ тѣхъ, которые жили давно, ранѣе его и оставили ему только пыльные документы, да привилегію носить высоко пустую и ни къ чему негодную голову... Теперь она спокойна... Онъ ей чужой, совсѣмъ чужой. Говорятъ, у него на сто-

ровѣ есть другая семья. Ее мало интересуетъ это. Она свято блюдетъ свои обязательства. Она имѣетъ право смотрѣть людямъ въ глаза; даже наше клеветническое, отравленное безпричинною злобой общество, для котораго вѣтъ чистыхъ людей, которое какъ червякъ роется въ падали, и оно не смѣло ничего сказать о ней... Разумѣется Наталья Григорьевна должна была явиться для всѣхъ выродкомъ. Она, по этому „мраморная красавица“, „безкрылый ангелъ“, что хочешь, но не человѣкъ. Она не знала сдѣлокъ съ совѣстью, она не понимала уступокъ... Супругъ ея потомъ въ своей наивной ограниченности даже радовался, когда о немъ говорили: Вы знаете, это мужъ Свѣтлинъ-Донецкой. Не онъ былъ носителемъ этой знаменитой фамилиі, а она. Онъ же былъ только ея мужемъ... Ему довольно этого, что-же, — не ей, не Натальѣ Григорьевнѣ оставалось открыть ему глаза на всю странность его положенія!

Да, десять безцвѣтныхъ лѣтъ! Ни одного выпуклаго образа въ это время, ни одного дня, отъ воспоминанія о которомъ сильнѣе забилося бы сердце или кровь прилила къ лицу... Какъ она могла прожить! А впереди еще нѣсколько такихъ десятковъ лѣтъ... Если ея замужество все таки было ошибкой, разумѣется ошибкой; — такъ не ожидаетъ ли ее именно теперь — расплата?.. Послѣ сегодняшняго дня останется ли она такой же холодной, спокойной, равнодушной, какъ до сихъ поръ. Положимъ она хорошо владѣетъ собою... Не даромъ она „безкрылый ангелъ“... Но что будетъ въ ея душѣ? Она до сихъ поръ не знала этого разлада. Она только сейчасъ, оставшись одна на этой скалѣ, среди таинственнаго полумрака и холоднаго простора, впервые почувствовала въ сердцѣ ноющую боль. Неужели она такъ и останется въ груди, и завтра съ разсвѣтомъ не уйдетъ прочь... Да... разумѣется Наталья Григорьевна никогда не переставала любить Льва Самойловича! Сегодня, сидя съ нимъ, здѣсь, рядомъ, она едва совладала съ собой!.. Ей такъ хотѣлось положить свою голову на его широкое и сильное плечо. И забыться! взять у десятилѣтнихъ будень хоть этотъ мгновенный праздникъ... А когда она нечаянно коснулась его руки пальцами, и онъ удержалъ ихъ на минуту, сколько надо было ей силы вырвать ихъ, не у него, — онъ чуть пожималъ ихъ, а у нея самой. Она чувствовала въ ту минуту, что именно у себя отнимаетъ его руку и ей было больно и жалко, и жутко... Да, если бы она поддалась этой слабости, если-бы!.. Ее называли гордой. Слава Богу что это такъ. На этотъ разъ ея гордость сослужила ей большую службу. Ей и послѣ этого не въ чемъ упрекнуть себя. Она не сдѣлала ничего дурного, она побѣдила себя, какъ ей это не стоило дорого!.. А въ ту минуту когда онъ каялся, когда онъ казался и не только казался, но и былъ таинмъ несчастнымъ, разбитымъ, какъ ей

хотѣлось приласкать его! Вѣдь если-бы она только положила ему на голову свою руку—такъ онъ бы себя въ раю почувствовалъ... Отчего она не сдѣлала этого? Что въ этомъ дурного? Вѣдь это была бы только милостыня нищему?.. Но она боялась прежде всего самую себя... Чѣмъ бы все это кончилось? Она слишкомъ цѣльный человѣкъ и вполнину ничего дѣлать не привыкла да и не могла...

Какая-то птица, тяжело размахивая темными, казавшимися въ сумракѣ еще больше, чѣмъ они были, крыльями—пролетѣла у самаго ея лица. Неподвижная Наталья Григорьевна вѣрно представилась ей частью скалы, на которой сидѣла. Свѣтлинъ-Донецкая на лицѣ своемъ ощутила движеніе воздуха отъ этихъ крыльевъ и очнулась... Кругомъ торжественно безмолвствовала въ мистической неподвижности своей чудная, вся осіянная ночь. Бездонное небо и безконечный океанъ и среди нихъ она одна на своемъ камнѣ, затерянная, забытая. Ей чудилось, что между этими двумя безпредѣльностями она несется въ какую-то третью, еще болѣе великую, страшную и загадочную... Она разобрала и говоръ волнъ внизу, но ей мерещилось, что она сама теперь стремится надъ этими волнами, и что это не онѣ ропщутъ и жалуются, а воздухъ шумить, разрѣзываемый ею въ ея быстромъ полетѣ... Сладко-сладею начинала кружиться у нея голова, а въ сердцѣ росло ожиданіе чего-то, что должно было случиться сейчасъ, сію минуту. Ожиданіе и жуткость и, какъ отголосокъ чего-то далекаго, странная, безотчетная, безпричинная печаль...

— Я вамъ не помѣшаю?

Это было такъ неожиданно, что она разомъ очутилась на ногахъ и вся блѣдная, безмолвно смотрѣла въ лицо Самсонову.

— Я испугалъ васъ, Наталья Григорьевна?

Она дотронулась до лба и принудила себя улыбнуться.

— Вы не призракъ, Левъ Самойловичъ?..

— Нѣтъ!—засмѣялся онъ, я собственной своей персоной.— Гулялъ по берегу, меня и потянуло сюда, гдѣ мы сидѣли днемъ.

— А мнѣ кажется, что я спала здѣсь... Какъ-то все слилось въ одинъ туманъ. Точно миражъ.

— Спали? И сны видѣли! Хорошіе или дурные?

— И тѣ и другіе... — уже оправлялась она, забирая себя въ руки, по ея любимому выраженію.

— Вы не скоро еще собираетесь въ отель?

Она оглянулась. Въ сумракѣ — онъ точно какое-то громадное чудовище грузно лежалъ на темномъ берегу и сотнями своихъ огненныхъ глазъ смотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, нѣтъ... Тамъ душно и скучно.

— Вы позволите сѣсть рядомъ?

Она на минуту поколебалась. Ей хотѣлось попросить его уйти и оставить ее одну. Но потомъ она вдругъ отвѣтила, неожиданно для самой себя, коротко и рѣзко:

— Оставайтесь.

И сама сѣла холодная и молчаливая, хотя сердце сладко-сладко замирало въ груди, а въ головѣ гвоздемъ сидѣла все та-же мысль: „За десять-то лѣтъ скучныхъ будней не взять одного короткаго праздника!“

— Оставайтесь! — повелительно повторила она, хотя онъ уже сидѣлъ рядомъ и, недоумѣвая, смотрѣлъ на нее. Левъ Самойловичъ не понималъ, что съ нею дѣлается и не зналъ, радоваться-ли ему или нѣтъ...

VII.

Огонекъ на лодкѣ, какъ Наталья Григорьевнѣ казалось, — посреди океана, давно потухъ. И самая лодка вдругъ обратилась во что-то, чего она никакъ не могла разобрать сразу. Только когда рыбаки были ужъ близко отъ берега Свѣтлинъ-Донецкая поняла, что они поставили парусъ. Вдали онъ сливался съ морскою пѣною, теперь добравшись до отмели, они его сняли и вытащили лодку на песокъ. Когда съ громкимъ и счастливымъ говоромъ не даромъ поработавшихъ людей они ушли, унося въ корзинахъ на головахъ рыбу, лодка одна осталась, какъ большое, умершее и выброшенное океаномъ на землю животное. Вода все дальше и дальше отходила отъ берега. Отливъ еще не кончился и теперь пологіе и острые языки отмелей въ серебряной оправѣ пѣны все длиннѣе и длиннѣе росли въ пространство передъ сливавшимися въ однѣ массы скалами. Только подъ утесомъ, гдѣ сидѣла она съ Самсоновымъ, было глубже и вода еще колыхалась здѣсь, тускло и измѣнчиво поблескивая подъ луною. Колыхалась, вскидывалась изрѣдка на первыя ступени дикаго камня и съ тихимъ шипѣніемъ сбѣгала съ нихъ.

— Теперь можно далеко уйти въ океанъ... Часа два съ половиною еще будетъ продолжаться отливъ.

— Какъ уйти въ океанъ?

— Такъ, по обнажившемуся дну... Тамъ, гдѣ песокъ — отлично. Какъ по паркету. Я доходилъ, видите вонъ отдѣльный камень торчатъ?

— Да. Теперь только замѣтила. Гдѣ онъ былъ днемъ?

— Мы сидѣли здѣсь во время прилива. Утеса тогда не видать, онъ прятался подъ водою. Туда верста будетъ... Оттуда видны огни Біарица и маяки Байоны.

— Вы не устали? — спросила она.

— Я?— удивился Самсоновъ.— Я не знаю, что значить устать.

— Я тоже хорошо хожу. Да если и устану — не бѣда. Даже полезно — немного умяться. Лучше заснешь потомъ.

— Вы такая безстрастная, что я думаю, васъ ничто не заставить дурно спать.

— Думаете? Напрасно... Впрочемъ, да... у меня нервы крѣпкіе. Вы проведете меня туда...

— Какъ хотите. Мнѣ и здѣсь хорошо съ вами.

— Еще-бы!—вырвалось у нея.—То есть я не то хотѣла сказать.

Разумѣется она не могла-бы передать *ему* то, что роилось теперь у нея въ памяти и воображеніи. Тамъ на этомъ длинномъ языкѣ земли посреди океана — она немного освѣжить свою горѣвшую голову. Сверхъ того, ей казалось, на этой скалѣ и вокругъ весь воздухъ пропитанъ ея недавними мечтами. Желанія, въ которыхъ она-бы никогда не призналась ему, Самсонову, наполнили все теплымъ одурманивающимъ ароматомъ. Оставаясь здѣсь, пользуясь этимъ короткимъ праздникомъ послѣ долгихъ будней — нельзя было-бы забыть... Цѣломудренная и чистая, она все-таки знала къ чему- бы могла повести такая минута. Днемъ отъ горячаго взгляда Льва Самойловича ей чувствовалось, что на лицѣ ея остаются слѣды его мысленныхъ поцѣлуевъ — и, вернувшись къ себѣ, она бессознательно вытерлась одеколономъ съ водою, а за обѣдомъ дотрогивалась рукою до щекъ, на которыхъ что-то точно саднило. Теперь она рѣшительно встала и пошла внизъ... На одномъ изъ выступовъ утеса она не удержалась и нога ея поскользнулась. Здѣсь въ приливъ стоитъ вода и на стѣнкѣ скалы держался влажный зеленый налетъ. Она-бы рухнула внизъ, если-бы Левъ Самойловичъ не подхватилъ ее на руки. Онъ удержалъ ее на нихъ больше чѣмъ слѣдовало. Она забыла только что грозившую ей опасность. Ее всю обдало жаромъ, такъ что она даже крикнула. Хорошо, что Самсоновъ приписалъ это испугу и сталъ ее успокаивать. Она не противорѣчила ему, только скорѣе постаралась избавиться отъ его рукъ и уже увѣренно и быстро сошла и побѣжала по отмели. Ей хотѣлось сильнымъ движеніемъ и усталю привести себя въ порядокъ, утомить всколыхнувшіяся и еще не сознанныя желанія. Левъ Самойловичъ догналъ ее... Влажный и поэтому твердый песокъ чуть чуть поддавался подъ ихъ ногами. Здѣсь хорошо было идти. Только изрѣдка попадались выброшенные моремъ большія раковины, на которыхъ невольно отъ непривычки подвергивались ноги Натальи Григорьевны. Она, тяжело дыша, пошла тише... Кое-гдѣ въ низинахъ стояла чуть замѣтная вода... Свѣтлинъ-Донецкая не обходила ее — и ступала прямо. „Вы опять упадете?“ предупредилъ ее Самсоновъ. Она только засмѣялась. Легкій

холодокъ отъ влаги, охватывая ея ногу, — освѣжалъ ее всю. Она даже нѣсколько разъ останавливалась на минуту въ этой водѣ... Здѣсь уже все кругомъ было полно проникающимъ запахомъ океана, въ которомъ сливаются и тонкія испаренія соленой воды и незамѣтный странный аромат прячущихся въ таинственныхъ глубинахъ и только одною бурей отрываемыхъ порослей... Скоро впрочемъ песокъ кончился; передъ Натальей Григорьевной далеко въ царство волнъ лежала каменная дорога слегка выглаженныхъ океаномъ рифовъ.

— Ну, теперь надо быть осторожнѣе! — Предупредилъ ее Левъ Самойловичъ.

— Посмотрите — какъ плоско.

— Это такъ кажется; здѣсь тысячи впадинъ, гдѣ стоитъ вода. Да и скользко. Мнѣ и днемъ случалось падать...

Она на минуту пріостановилась... Направо какой-то странный свѣтъ правильно появлялся и исчезалъ на горизонтѣ. Точно кто-то полною горстью кидалъ его въ пространство.

Наталья Григорьевна долго смотрѣла туда, ничего не понимая.

Свѣтъ казалось не пропадалъ въ безконечности океана, а только волнами убѣгалъ въ какую-то недостижимую даль...

— Что тамъ такое?

— Вращающійся маякъ...

— А ближе? По другую сторону?

У самого берега таинственно мигали какіе-то слабые огоньки. Нѣкоторые изъ нихъ казались повисшими въ воздухѣ, если не посреди неба...

— Это Біарицъ... Днемъ отсюда вы его увидите съ его бухтами и утесами...

— Я и теперь вижу какія-то темныя очертанія...

— Вотъ именно онъ и есть... Тамъ еще скучнѣе, чѣмъ здѣсь... Громадные отели, англичане и англичанки цѣлыми табунами, а что касается до соотечественниковъ... Впрочемъ этихъ вы сами скоро узнаете... Я вамъ говорилъ, что вы поскользнетесь. Позвольте мнѣ вашу руку... Опирайтесь сильнѣй... Вѣрно опять промочили ногу...

— Да, до самого колѣна...

— Впрочемъ здѣсь не простуживаются отъ морской воды... Не вернуться-ли назадъ?..

— Вотъ еще! Пойдемте, Левъ Самойловичъ.

„Какая твердая рука, думала она про себя, опираясь на нее... Да, на такую можно положиться... Точно желѣзо. Локоть у него даже не дрогнетъ — а я вѣдь не легонькая...“ Тутъ ужъ кругомъ кипѣла своеобразная жизнь. Если-бы Наталья Григорьевна пріостановилась, она-бы различила подъ ногами и у ногъ странный шорохъ. Въ вы-

боинахъ, въ неровностяхъ каменнаго рифа гдѣ стояла морская вода возились тысячи мелкихъ крабовъ, креветокъ и паучковъ. Только что вылупившаяся изъ икры рыба—сновала, еще не разлучаясь, цѣлыми крохотными юрочками въ тѣсныхъ каменныхъ клѣткахъ, гдѣ ей суждено было остаться до слѣдующаго прилива. Порою подъ луннымъ свѣтомъ поблескивала неуклюжая барбуля, попавшая тоже въ западню, или суетилась серебристая макрель, не зная какъ ей вырваться на свободу. Скала впереди, закачивавшая эту каменную дорогу, все росла и росла, — пока наконецъ Самсоновъ не довелъ туда свою спутницу. Отсюда видны были уже не только вертящійся маякъ, но и Байона со своими огнями, съ мрачными очертаніями крѣпости и тяжелыми массами горъ надъ нею... Отъ города сюда на темномъ берегу свѣтлыми гнѣздами кое-гдѣ горѣли окна скученныхъ прибрежныхъ деревенекъ... Оттуда-то по водѣ ясно долетали отзвуки музыки, вѣрно игравшей въ одномъ изъ громаднхъ отелей.

— Счастливые! — вырвалось у Натальи Григорьевны.

— Кто счастливые?

— А тѣ, которые могутъ веселиться.

— Отчего-бы и вамъ тоже.

— Мнѣ, — оглянулась она съ удивленіемъ и только сейчасъ замѣтила, что Самсоновъ все еще держалъ ея руку. — Мнѣ... Странно даже... — Она отняла ее и крѣпко прижала ее къ себѣ, точно боясь, чтобы тотъ опять не взялъ ее. — Странно даже! Я не умѣю... Думаю, что мнѣ и не къ лицу. Да и не такъ жизнь сложилась. Я всегда была хмурая... А иной разъ я отъ души завидовала другимъ. Вѣдь они счастливы... Хотя обманываютъ себя миражами — да все-таки имъ свѣтло и радостно...

Что-то разомъ выросло вдаль, вытянулось длиннымъ силуэтомъ парохода, взглянуло на нихъ своими огненными глазами и опять стало исчезать, оставивъ въ ночномъ воздухѣ черную полосу дыма...

— Вотъ хорошо-бы, — тихо проговорилъ Левъ Самойловичъ, — если-бы онъ присталъ сюда, мы-бы сѣли на него — никому тамъ неизвѣстные и не вѣсть куда унеслись...

— Тамъ народу много!

— Тѣмъ лучше. Настоящее одиночество для двухъ — только въ большой массѣ чужихъ и незнакомыхъ... Вѣхали-бы мы дни, вѣхали ночи и наконецъ высадились-бы далеко, далеко, тамъ, гдѣ тихое и кроткое небо влюбленно глядится своими бездонными синими глазами въ глубокое, тихое и кроткое море... Пальмы на берегу... Неизвѣстные цвѣты съ страннымъ и пріятнымъ запахомъ... Счастливыя хижинки... Чудный сказочный край, гдѣ нѣтъ „вчера“, ни „завтра“ не будетъ, только одно прекрасное „сегодня“... И это „сегодня“

длится цѣлые года — безоблачное, нѣжное, беззаботное... Никакихъ вопросовъ въ душѣ, никакой жалости къ чему-то — старому, далекому, никакого разлада... Мы ходили-бы съ вами по золотому песку — рука объ руку... Смотрѣли-бы другъ на друга, какъ это небо смотреть въ море, и ни до кого намъ дѣла нѣтъ и — не говорили-бы даже, — безъ словъ понятно, что мы чувствуемъ. Каждымъ атомомъ своимъ ощущалъ-бы, что вы тутъ, около, что ваше сердце бьется рядомъ — отвѣтное, ласковое... Пока не загорятся ночныя звѣзды, не потянетъ изъ пальной рощи тихимъ вѣтромъ, не запылаютъ костры у счастливыхъ хижинъ. И одна — такая, наша... Мы...

Но Леву Самойловичу не удалось окончить. На этомъ „мы“ Наталья Григорьевна прижала свою ладонь къ его губамъ.

— Довольно... Думайте, что хотите, только не говорите, сами-же вы сказали: „и безъ словъ понятно“.

Левъ Самойловичъ боялся, чтобы она не отняла сейчасъ ладонь отъ его губъ. Онъ прижался ими къ ней, теплой и вздрагивавшей и съвозъ ея пальцы смотрѣлъ на океанъ и на небо и ему казалось, что оттуда бѣжитъ теперь къ нему тотъ призракъ счастья, который всю жизнь манилъ его и не давался въ руки...

— Не станете больше фантазировать на эту тему?..

— Развѣ я обижаю васъ этимъ?

— Вотъ еще... Разумѣется нѣтъ... Я не лгуныя и не хочу притворяться... Довольно я сегодня съ вами носила маску — вы вѣдь все равно не вѣрили мнѣ. Я бы съ вами на тотъ пароходъ съ восторгомъ сѣла. И куда хотите ушла-бы изображать Робинзона съ Пятницей въ новомъ изданіи... Если бы, если бы, я не носила чужого имени, если бы я оставалась тою же Наташей Волынцевой, а не была Натальей Григорьевной Свѣтлинъ-Донецкой. Я весь вечеръ думала объ этомъ. Намъ, Левъ Самойловичъ — надо обоимъ взять себя въ руки или... сейчасъ-же пуже навсегда разстаться. Что васъ обманывать — я вижу, что вы любите меня по прежнему и самъ... Ну, да вы понимаете...

— Что сама? — голосъ у Самсонова задрожалъ. Ему казалось, что это не океанъ несетъ къ нему на встрѣчу — а какія-то чудныя волны неизвѣданнаго счастья, что еще минута и онъ утонетъ въ нихъ. Лишь бы только онъ не отхлынули и не оставили его на берегу одного.

— Что сами?

— Я сама... Ну... не перемѣнилась. Какою была съ вами — такую и осталась. Черезъ всѣ эти десять лѣтъ пронесла свое сердце — точно чашу, боясь расплескать то чувство, которое наполняло и наполняетъ его все... Но... я буду говорить рѣзко и опредѣленно. Мы теперь не дѣти, Левъ Самойловичъ, и хорошо понимаемъ вещи. Мы

можемъ не бояться словъ. Намъ нельзя обманываться миражами... Вы понимаете сами — любовницей вашей я быть не хочу... А женою — не могу... Слѣдовательно... Слѣдовательно... скажите мнѣ, но честно, какъ и я высказалась вамъ... Можете вы удовлетвориться ролью *друга* моего. Понимаете? Ничего не ищущаго, ничего не желающаго — только „друга“. Это тяжелое амплуа, Левъ Самойловичъ, для насъ съ вами. Но — другого нѣтъ и... не будетъ... Понимаете не будетъ.

Мелькнувшій было на минуту призракъ счастья опять съ тѣми же волнами уносился далеко-далеко по пустынному и безбрежному океану, къ тому сказочному острову съ зелеными пальмами и вѣчно голубымъ небомъ, откуда онъ было явился сюда.

— Вы понимаете, я никогда не любила неясности, неопредѣленныхъ положеній, уступокъ и сдѣлокъ съ совѣстью. Я никогда не могла притворяться и обманывать. Скажите-же мнѣ...

— Я принимаю это условіе и готовъ быть только вашимъ другомъ.

А опять донесшійся сюда веселый мотивъ какой-то далекой музыки какъ будто смѣялся надъ ними обоими. Амплуа друга! Отъ такой дружбы — черти ничего въ аду не теряютъ и волны внизу тоже смѣялись надъ этими наивными, взрослыми дѣтьми, такъ серьезно подчеркивавшими, что они ужъ не дѣти... И мѣсяцъ будто улыбался тому, что періодъ дружбы у обоихъ начался именно какъ слѣдуетъ: Левъ Самойловичъ теперь уже какъ „другъ“ взялъ ея трепетающую руку и какъ „другъ“ прижался къ ней высохшими разомъ и горячими губами и какъ „другъ“ не отрывался отъ этой руки...

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Говорить о петербургскомъ университетѣ значить для автора этихъ строкъ говорить не только о томъ, что близко сердцу и дорого, но и о томъ, что очень важно какъ само по себѣ, такъ и для культурной исторіи Россіи. Слѣдовательно, это не только пріятная задача, но и не легкая,— не легкая не въ смыслѣ недостаточности данныхъ для освѣщенія предмета, а въ смыслѣ умѣнья въ небольшой и притомъ чисто журнальной, т. е. предназначенной для широкой публики, статьѣ изобразить его въ достаточно рельефномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достойномъ видѣ. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось говорить о русскихъ университетахъ, я чувствовалъ, что это работа очень деликатная, въ которой предстоитъ такая-же опасность не договорить, какъ и переговорить, и въ тоже время работа очень сложная, въ которой такъ легко противъ воли оставить въ тѣни то, что заслуживаетъ стоять на виду, и придать значеніе тому, что на самомъ дѣлѣ его не имѣетъ. Напередъ могу увѣрить читателя лишь въ одномъ: все, что тутъ будетъ написано, будетъ сказано съ теплою любовію къ русской наукѣ, къ русскому просвѣщенію.

Скоро, именно 8 февраля, исполнится семьдесятъ пять лѣтъ существованію петербургскаго университета. Съ европейской точки зрѣнія, петербургскій университетъ прожилъ еще очень немного. Тамъ, гдѣ жизнь университетовъ, прожившихъ три столѣтія, считается еще не очень продолжительною, тамъ, гдѣ есть университеты, прожившіе болѣе пятисотъ лѣтъ, каковы пражскій, краковскій, вѣнскій, гейдельбергскій, и даже болѣе шестисотъ, каковъ, напр., недавно праздновавшій свой шестисотлѣтній юбилей университетъ въ Монпелье, даже болѣе семисотъ, каковы университеты болонскій и парижскій, тамъ три четверти столѣтія представляетъ очень незначительный періодъ времени. Но русская точка зрѣнія—другая. Трехсотъ лѣтъ не прожило еще ни одно высшее учебное заведеніе въ Россійской Имперіи. Самый старшій изъ университетовъ, находящихся въ

ея предѣлахъ, университетъ гельсингфорскій, почти ничѣмъ впрочемъ не связанный съ русской культурой, только что отпраздновалъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ своего существованія; самый старшій изъ собственно русскихъ университетовъ, московскій, не имѣетъ еще ста сорока лѣтъ жизни; да и вся эпоха существованія Россіи, какъ европейской державы, если начинать ее со дня основанія С.-Петербурга, не достигла еще двухъ столѣтій. Ясно, что при такихъ условіяхъ семьдесятъ пять лѣтъ жизни для столь важнаго образовательнаго учрежденія, какъ университетъ, представляется уже чѣмъ-то значительнымъ, *grande mortalis aevi spatium*, по выраженію Тацита. Эта значительность семидесятипятилѣтняго періода для жизни русскаго университета покажется намъ еще большею, если мы возьмемъ во вниманіе не европейскія, а специально русскія условія, при которыхъ жизнь высшаго учебнаго заведенія, какъ это достаточно показали намъ историческій опытъ, является болѣе тяжелою и болѣе подверженною крушенію среди окружающихъ ее мелей и утесовъ, чѣмъ жизнь подобнаго заведенія въ старой Европѣ. Сама исторія петербургскаго университета въ этомъ отношеніи очень поучительна и можетъ служить нагляднѣйшимъ доказательствомъ только что высказаннаго положенія.

Было время, когда у насъ насажденіе университетовъ считалось государственною задачею первостепенной важности, когда думали объ открытіи университетовъ даже въ Екатеринославѣ, во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ. Это было въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, при Екатеринѣ II. Но тогда ограничились лишь учрежденіемъ Главнаго народнаго училища, вскорѣ переименованнаго въ учительскую семинарію (1786 г.) въ С.-Петербургѣ, да учрежденіемъ въ губерніяхъ и намѣстничествахъ народныхъ училищъ, *главныхъ* и *малыхъ*, что соответствовало, по позднѣйшей терминологіи, гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ. Время дѣйствительнаго основанія университетовъ принадлежитъ первымъ годамъ правленія императора Александра I, когда молодой государь, ученикъ Лагарпа, окруженный просвѣщенными совѣтниками, пылалъ желаніемъ раскрыть какъ можно шире двери европейскому просвѣщенію въ своемъ отечествѣ, совсѣмъ было запертыя при его предшественникѣ ¹⁾. Въ 1803 г. былъ открытъ университетъ въ Дерптѣ и утверждены штаты на учреждаемые университеты въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, одинаковые со штатами

¹⁾ Одинъ изъ указовъ императора Павла I предписывалъ слѣдующее: «Такъ какъ черезъ ввозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ въры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить въпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ-бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку». См. «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи» и пр. М. И. Сухомятина, въ «Журн. Мпн. Нар. Просв.», октябрь, 1865 г.

московскаго университета. Но въ слѣдующемъ году вышли уставы только для университетовъ московскаго, харьковскаго и казанскаго; въ Петербургѣ же вмѣсто предполагавшагося университета появился педагогическій институтъ, какъ наслѣдникъ бывшей учительской семинаріи, лишь за годъ передъ тѣмъ переименованной въ учительскую гимназію. Этотъ педагогическій институтъ разсматривался какъ часть будущаго университета, общая по уставу 1804 г. и всѣмъ другимъ университетамъ, но самый университетъ, объ учрежденіи котораго въ Петербургѣ мечталъ еще Ломоносовъ, все еще откладывался для столицы Петра Великаго. Въ 1816 г. педагогическій институтъ былъ преобразованъ, получилъ названіе Главнаго, былъ раздѣленъ на три факультета и вмѣстѣ съ этимъ университетскимъ устройствомъ приобрѣлъ и университетскія права, къ которымъ принадлежало и возведеніе во всѣ ученыя степени. Въ своей образовательной дѣятельности институтъ этотъ, хорошо организованный, стоялъ впереди тогдашнихъ русскихъ университетовъ, кое-какъ влачившихъ свое существованіе безъ надлежащаго состава профессоровъ, при скудномъ количествѣ студентовъ. Онъ былъ обезпеченъ какъ удовлетворительными профессорами, такъ и вполне достаточнымъ количествомъ слушателей, доставлявшихся ему главнымъ образомъ духовными семинаріями; изъ него выходили правильно подготовленные учителя гимназій, онъ-же выпускалъ и наиболѣе специалистовъ для занятій профессорскихъ кафедръ. Съ открытіемъ въ немъ публичныхъ курсовъ (для чиновниковъ), онъ еще больше сталъ походить на университетъ, хотя эти публичные курсы были для него дѣло второстепенное и читались лишь въ лѣтніе и осеніе мѣсяцы (отъ мая до ноября) ¹⁾. Но все-таки Петербургъ оставался безъ университета, какъ открытаго заведенія для высшаго образованія юношества по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Между тѣмъ объ учрежденіи его уже давно хлопоталъ тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи наукъ, впоследствии знаменитый министръ, графъ С. С. Уваровъ. Благодаря его стараніямъ главный педагогическій институтъ, 8-го февраля 1819 года, былъ переименованъ въ с.-петербургскій университетъ и «открытъ», какъ выражается первый историкъ этого университета П. А. Плетневъ ²⁾, «для всеобщаго высшаго образованія».

Таково происхожденіе с.-петербургскаго университета, собирающагося праздновать семидесятипятилѣтіе своего существованія.

Долгіе роды, произведшіе на свѣтъ петербургскій университетъ, быть можетъ, были залогомъ его продолжительнаго существованія, но вмѣстѣ

¹⁾ См. Историческое обозрѣніе перваго двадцатипятилѣтія главнаго педагогическаго института, составленное *Андреемъ Смирновымъ*. С.-Петербургъ, 1853 г., стр. 8.

²⁾ Первое двадцатипятилѣтіе Императорскаго Санкт-Петербургскаго университета. С.-Петербургъ, 1844 г. стр. 11.

съ тѣмъ они были причиною того, что университетъ этотъ вступилъ въ жизнь не въ удобное время. Онъ возникъ во времена священнаго союза, въ періодъ карлсбадскихъ конференцій и постановленій франкфуртскаго сейма 1819 г., въ моментъ сильнѣйшей реакціи въ Европѣ, при наступленіи господства Меттерниховской системы. Императоръ Александръ I, основатель нѣсколькихъ университетовъ, теперь уже былъ совсѣмъ не тотъ государь, который въ обществѣ Новосильцова, Строганова, Кочубея и Адама Чарторижскаго, считалъ возможно широкое распространеніе просвѣщенія главною основою государственнаго благосостоянія. Министромъ народнаго просвѣщенія въ 1819 г. былъ не П. П. Завадовскій, образованнѣйшій государственный человѣкъ екатерининской эпохи и страстно преданный дѣлу отечественнаго просвѣщенія, а князь А. Н. Голицынъ, сдѣлавшійся изъ прежняго вольтеріанца, слѣдуя примѣру Государя, мистикомъ и піетистомъ и больше заботившійся о строгостяхъ цензуры, чѣмъ о распространеніи образованія. Членами главнаго правленія училищъ были не М. Н. Муравевъ, просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени, филологически знакомый съ древнимъ міромъ, одинъ изъ воспитателей императора Александра I, и знаменитый попечитель московскаго университета, не Новосильцовъ, не Разумовскій, не графъ Северинъ Потоцкій, не князь Адамъ Чарторижскій, не академикъ Озерецковскій, не Яковичъ де-Миріево и нѣсколько другихъ, менѣе извѣстныхъ, но одинаково заинтересованныхъ въ успѣхахъ русскаго просвѣщенія дѣятелей начала столѣтія, а, рядомъ съ Уваровымъ, ректоръ с.-петербургской духовной академіи архимандритъ Филаретъ, будущій митрополитъ московскій, ректоръ с.-петербургской семинаріи архимандритъ Иннокентій, оберъ-прокуроръ св. Синода князь Мещерскій, братъ баронессы Крюденеръ баронъ Фитингофъ, горячій противникъ свободы университетскаго преподаванія, камергеръ графъ Лаваль, возмутившій общественное мнѣніе Германіи брошюрой противъ нѣмецкихъ университетовъ камеръ-юнкеръ Стурдза, наконецъ Магницкій и Руничъ — имена, характеризовать которыя нѣтъ нужды для образованнаго русскаго читателя. Въ это время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія думали не о томъ, чтобы создать сильный центръ умственной жизни въ столицѣ русскаго государства, а о томъ, какъ-бы искоренить слѣды либеральнаго направленія прежняго времени и направить общественное образованіе въ духѣ идей священнаго союза. Самое министерство народнаго просвѣщенія стало называться теперь министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и основаніемъ къ такой реформѣ въ манифестѣ 24 октября 1817 года было прямо указано желаніе, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Чтобы это желаніе сдѣлать осуществимѣе, было рѣшено обратить особенное вниманіе на то, чтобы обращающіяся въ школѣ и въ обществѣ книги не противорѣчили новому

направленію, какое имѣлось въ виду дать русскому образованію. Для разсмотрѣнія книгъ всякаго рода и сужденія объ ихъ пользѣ и вредѣ былъ образованъ при главномъ правленіи училищъ ученый комитетъ, куда были назначены членами графъ Лаваль, камеръ-юнкеръ Стурдза и академикъ Фусъ, которымъ было предоставлено въ случаѣ надобности принимать въ свои засѣданія и вышеупомянутаго архимандрита Иннокентія. Въ какомъ духѣ дѣйствовали составленный изъ такихъ лицъ ученый комитетъ видно изъ того, что онъ не только осудилъ *Метафизику* Лубкина, *Логическія направленія* Лодія, *Естественное право* Куницына, но находилъ сомнительныя мѣста и во *Всеобщей исторіи* Кайданова и даже въ басняхъ Федра, изданныхъ Кошанскимъ. Стремленіе къ очищенію школьной литературы дошло до того, что даже книга «О должностяхъ челоуѣка и гражданина», изданная въ 1783 г. по повелѣнію императрицы Екатерины II для чтенія въ народныхъ училищахъ и считавшаяся многими ея собственнымъ произведеніемъ, была главнымъ правленіемъ училищъ признана вредною и не только изгнана въ 1819 г. изъ употребленія въ училищахъ, но была конфискована и продана по 50 коп. за пудъ бумажному фабриканту ¹⁾.

Вотъ среди какой духовной атмосферы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія пришлось начинать жизнь петербургскому университету! Какъ же это обстоятельство на немъ отразилось?

Отразилось самымъ печальнымъ образомъ.

Черезъ шесть дней послѣ того, какъ былъ подписанъ указъ о преобразованіи главнаго педагогическаго института въ университетъ, въ стѣнахъ историческаго зданія XII коллегіи уже собрались профессора и адъюнкты, чтобы организовать административную и преподавательскую дѣятельность новаго расадника высшей науки въ Россіи. Это было 14 февраля 1819 года. Присутствовавшій при этомъ собраніи попечитель графъ Уваровъ сказалъ приличную случаю рѣчь ²⁾, и открытіе университета состоялось. Вслѣдъ за тѣмъ профессоры занялись выборомъ ректора, росписаніемъ лекцій для публичныхъ курсовъ и другими ближайшими дѣлами, куда входила и выработка устава для новаго университета. Уставъ главнаго педагогическаго института, съ которымъ новый институтъ вступалъ въ жизнь, не годился для учрежденія, имѣвшаго болѣе широкое назначеніе; поэтому на первыхъ-же порахъ приходилось въ тѣхъ или другихъ случаяхъ руководствоваться, за неимѣніемъ своего университетскаго устава, правилами другихъ русскихъ университетовъ.

¹⁾ См. подробности о дѣйствіяхъ ученаго комитета, въ числѣ членовъ котораго съ 1819 г. является и Руничъ, въ «Матеріалахъ» Сухомлинова въ «Журн. мин. нар. просв.» за 1866 г., въ прилож. къ апрѣльской книжкѣ и въ отд. отт., стр. 32—52.

²⁾ Она приведена цѣликомъ въ «Первомъ двадцатипятилѣтіи имп. сб. университета» *Плетнева*, стр. 11—13.

Что же касается организаціи преподаванія, то здѣсь требовалась новизна лишь по отношенію къ публичнымъ курсамъ, какіе должны были быть читаемы имѣющимъ поступить своекоштнымъ студентамъ: переданные университету питомцы института должны были дослушивать свои курсы по прежнему. Университетъ удержалъ институтское раздѣленіе наукъ на три факультета: философско-юридическій, физико-математическій и историко-филологическій, причемъ временнымъ положеніемъ, даннымъ университету подъ именемъ «Первоначальнаго образованія с.-петербургскаго университета», ему предоставлялось заводить и новыя кафедры. Для того, чтобы начать преподаваніе, новый университетъ имѣлъ необходимый составъ профессоровъ, по крайней мѣрѣ по факультетамъ физико-математическому и историко-филологическому. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ гораздо болѣе счастливую судьбу, чѣмъ раньше его открытые университеты въ Казани и Харьковѣ. Тамъ и черезъ десять лѣтъ по основаніи университетовъ преподаваніе находилось въ самомъ жалкомъ видѣ: профессора иностранцы, не зная русскаго языка, были мало понятны слушателямъ ¹⁾, а русскіе преподаватели нерѣдко были далеко ниже своего положенія. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ казанскій профессоръ русской словесности Городчаниновъ, не знали даже, какія вообще руководства существуютъ по ихъ предмету ²⁾. Недостатокъ профессоровъ въ казанскомъ университетѣ былъ причиной того, что основанный въ 1804 г. университетъ могъ быть вполнѣ открытъ только въ 1814 г., когда были выбраны ректоръ и деканы и началось чтеніе лекцій по факультетамъ. Въ харьковскомъ университетѣ количество иностранныхъ профессоровъ въ 1814 г. было такое же, какъ и русскихъ (по 16), а въ предшествовавшіе годы оно обыкновенно было преобладающимъ ³⁾.

Въ этомъ отношеніи положеніе петербургскаго университета было другое. Значительная или, пожалуй, главная часть его преподавателей были питомцы педагогическаго института, другая часть состояла изъ уроженцевъ Карпатской Руси, одинъ изъ профессоровъ былъ воспитанникомъ кievской академіи,

¹⁾ Назначенный въ 1812 г. казанскимъ попечителемъ Салтыковъ (М. А.) писалъ министру Разумовскому, что «успѣхамъ студентовъ мѣшаетъ положительное незнаніе ими иностранныхъ языковъ, особенно латинскаго, такъ что *иностранные профессора должны выбирать одно изъ двухъ: или пользоваться переводчиками, если таковыя найдутся, или читать передъ слушателями, которые ихъ не понимаютъ*». Такимъ переводчикомъ медицинскихъ лекцій профессора Эрдмана былъ штабъ-лекарь Калайдовичъ. См. *Н. Н. Булича* «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета. Разказы по архивнымъ источникамъ». Часть вторая. Казань 1891 г. стр. 693.

²⁾ См. *Булича* «Изъ первыхъ лѣтъ» и пр. Часть первая, стр. 139.

³⁾ См. статью *Рославскаго-Петровскаго* «Объ ученой дѣятельности харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія» въ *Журн. Мпн. Нар. Просв.* 1855, июль, стр. 6 и слѣд. Также у Сухомлинова въ *Матеріалахъ* стр. 63—64 отд. отписки 1-й статьи (изъ *Ж. М. Н. Пр.*, октябрь, 1865).

и лишь меньшая часть состояла изъ иностранцевъ—нѣмцевъ и французъ, двое изъ которыхъ, Деманжъ и Шпрмуа, были преподавателями азіатскихъ языковъ, первый—арабскаго, а второй—персидскаго. Слабою стороною этого состава профессоровъ было то, что онъ для университета не былъ достаточенъ, и именно для юридическихъ наукъ, которыя преподавались въ немъ лишь двумя профессорами: Кунцынымъ и Кукольникомъ. Первый читалъ *права общія* (естественное право, частное, государственное и народное); второй—*права положительныя* (римское и руссійское право, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на гражданское и уголовное). Но, говоря вообще, составъ профессоровъ въ моментъ открытія университета былъ въ качественномъ отношеніи удовлетворителенъ. Почти всѣ они были люди съ заслугами, заявившіе себя болѣе или менѣе солидными трудами по своей специальности. Профессоръ энциклопедіи политическихъ и юридическихъ наукъ и политической экономіи *Балуэанскій*, избранный въ ректоры университета, уроженецъ Карпатской Руси, питомецъ вѣнскаго университета, до переѣзда въ Россію занималъ кафедру политической науки въ Варадинской академіи, а съ 1804 г. занималъ кафедру политическихъ наукъ въ педагогическомъ институтѣ. Бывшій его слушателемъ Плетневъ ¹⁾, отзываясь о немъ какъ о преподавателѣ «одушевленномъ, увлекательномъ, съ обширными и разнородными знаніями», а о трудѣ его «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ» говорить, что это сочиненіе утвердило въ нашей литературѣ тогда еще новую терминологию политической экономіи. Онъ-же въ комисіи по составленію законовъ былъ редакторомъ по части государственнаго хозяйства и финансовъ. Профессоръ статистики *Германъ*, получившій образованіе въ знаменитомъ тогда гёттингенскомъ университетѣ, въ 1805 г. избранный въ адъюнкты академіи наукъ по предмету статистики и съ 1807 г. бывшій профессоромъ этого предмета въ педагогическомъ институтѣ, кромѣ многихъ работъ, помѣщенныхъ въ мемуарахъ академіи, былъ у насъ первымъ издателемъ на русскомъ языкѣ «Статистическаго Журнала» (1806—1808 гг.), издалъ въ 1808 г. «Теорію статистики» и «Статистическое описаніе ярославской губерніи», разныя другія сочиненія и между прочимъ капитальный трудъ подъ заглавіемъ: «Статистическія изслѣдованія относительно Россійской имперіи», начатый имъ въ годъ открытія университета, но не по его винѣ оставшійся не оконченнымъ ²⁾. Приятною особенностью этого даровитаго и трудолюбиваго иностранца составляло то, что онъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, какъ для преподаванія, такъ и

¹⁾ Первое двадцатипятилѣтіе стр. 23.

²⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ книгѣ *Григорьева* «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія». Трудомъ этимъ мы будемъ пользоваться и впредь во всемъ томъ, что касается біографической части профессоровъ и преподавателей университета за указанное время.

для ученыхъ трудовъ по своей специальности. Достойный ученикъ Германа по педагогическому институту *К. И. Арсеньевъ*, вступившій въ университетъ адъюнктъ-профессоромъ по географіи и статистикѣ, въ 1818 г. напечаталъ первый свой трудъ «Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи и выгодъ отъ того протстекающихъ», вслѣдъ затѣмъ «Краткую всеобщую географію», по которой училось этому предмету столько поколѣній, а въ годъ открытія университета окончилъ «Начертаніе статистики Россійскаго государства, въ двухъ частяхъ (1818—1819 гг.). По отзыву Плетнева, ¹⁾ молодой профессоръ изумлялъ всѣхъ слушателей своихъ полнотою, вѣрностію и разнообразіемъ знаній по части исторіи, статистики и географіи. Крупную силу представлялъ собой и представитель каедры общихъ правъ, питомецъ педагогическаго института, довершившій свое образованіе въ Гёттингенѣ и Гейдельбергѣ, профессоръ *Кунцицъ*. Онъ издалъ въ 1817 г. «Изображеніе взаимной связи государственныхъ свѣдѣній» и вслѣдъ затѣмъ свой капитальный трудъ—«Естественное право», въ двухъ частяхъ (1818—1820 гг.), сочиненіе, принесшее потомъ столько горя даровитому ученому. Вполнѣ достойнымъ своего назначенія выступилъ и профессоръ философіи *Галичъ*, также воспитанникъ педагогическаго института, закончившій свое философское образованіе въ Гельмштетѣ и Гейдельбергѣ. Передъ самымъ открытіемъ университета онъ подарилъ русской публикѣ «Исторію философскихъ системъ по иностраннымъ руководствамъ составленную» (1818—1819 гг.). Это былъ первый трудъ на русскомъ языкѣ по этому предмету и притомъ такой, который доводилъ исторію философіи до послѣдняго момента ея тогдашняго развитія, представлявшагося философіей Шеллинга и бывшаго совершенною новостію въ нашемъ университетскомъ преподаваніи. Между филологами былъ крупнѣйшею силой профессоръ греческой словесности *Грефе*, ученикъ Готфрида Германа, ученый европейскаго значенія. Онъ началъ свое преподавательское поприще въ Россіи еще въ 1810 г. въ качествѣ профессора греческаго языка въ Александроневской академіи и преподавалъ съ 1811 г. латинскій языкъ въ педагогическомъ институтѣ, но не ознакомился съ русскимъ языкомъ и преподавалъ по латыни. По латыни-же преподавалъ и представитель каедры всеобщей исторіи *Раунахъ*. По словамъ Плетнева ²⁾, онъ, «какъ ученый и какъ литераторъ, своими талантами не могъ не содѣйствовать успѣхамъ и даже блеску университета», хотя тотъ-же Плетневъ сознается, что студенты недостаточно знакомы съ латинскимъ языкомъ для того, чтобы слушать на немъ лекціи, «едва въ половину пользовались преподаваніемъ исторіи». Изъ профессоровъ физико-математическаго факультета особенно выдавался профессоръ

¹⁾ См. раньше указ. сочин., стр. 24.

²⁾ Тамъ-же, стр. 24 и 21.

астрономіи *Вишневскій*, уроженецъ Царства Польскаго, еще въ 1803 г. приглашенный академіей наукъ на должность помощника академической обсерваторіи, не мало сдѣлавшій для астрономіи, но оказавшій особенную услугу Россіи тѣмъ, что опредѣлилъ широту и долготу въ 300 важнѣйшихъ пунктахъ Европейской Россіи и притомъ съ точностью, которая, если принять во вниманіе несовершенство инструментовъ того времени, заслуживаетъ удивленія. Обратилъ также на себя вниманіе и профессоръ минералогіи *Панснеръ*, основатель и первый директоръ с.-петербургскаго минералогическаго общества и кромѣ минералогическихъ изслѣдованій принесшій пользу русской наукѣ своими картографическими занятіями. Наконецъ, профессоромъ богословія въ первое время университета былъ извѣстный гебраистъ *Павскій*, ученый богословъ, какого послѣ того университета на этой кафедрѣ не видѣлъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что университетъ, въ первый моментъ своего существованія обставленный столькими выдающимися силами, могъ-бы въ короткое время достигнуть процвѣтанія, которому позавидовали-бы другіе русскіе университеты. Но случилось иначе.

Не прошло и двухъ лѣтъ съ открытія (1-го ноября 1819 г.) публичныхъ курсовъ для «вольныхъ студентовъ», — что на первый разъ и составило ясное для всѣхъ различіе университета отъ главнаго педагогическаго института, — какъ на университетъ набѣжала грозная туча, произвела въ немъ страшныя опустошенія и обезсилила едва начавшее жить заведеніе на многіе годы.

Прежде всего налетѣвшій изъ главнаго отдѣленія училищъ ураганъ вырвалъ изъ университета профессора Кунцина, прекрасная книга котораго, «Естественное право», совсѣмъ не подходила подъ программу этого предмета, составленнаго камеръ-юнкеромъ Стурдзою ¹⁾. и мало имѣла общаго съ планомъ курса естественнаго права, представленнымъ графомъ Лавалемъ. Руничъ находилъ эту книгу противорѣчащею явно истинамъ христіанства и стремящеюся «къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ». На основаніи этого книга была отобрана у автора и изъ всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а авторъ ея, человекъ умный и благородный, бывший однимъ изъ украшеній новаго университета, по предложенію министра уволенъ изъ университета ²⁾. Это произошло въ мартѣ 1821 г. Въ іюлѣ того же года Уваровъ, видя безуспѣшность борьбы съ партіей Магниц-

¹⁾ Программа Стурдзы и планъ графа Лавала приведены въ *Матеріалахъ* Сухо-млиннова на стр. 50—52 отд. оттиски 2-й статьи, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Журн. мн. нар. просв.» за 1866 годъ.

²⁾ См. у *Григорьева* стр. 35 и прим. 66, гдѣ между прочимъ сообщается, что по удаленіи его изъ университета онъ былъ опредѣленъ въ Коммисію для составленія законовъ, а въ 1838 г. былъ избранъ въ почетные члены университета.

каго, оставилъ должность попечителя, которая была послѣ того передана Руничу. Тутъ-то и началась тризна искреннихъ и притворныхъ пѣтистовъ и религіозныхъ ханжей, которыми тогда кишѣло министерство народнаго просвѣщенія.

20 сентября 1821 года былъ уволенъ отъ должности ректора профессоръ Валугьянскій. Наканунѣ этого дня были пріостановлены лекціи профессоровъ Галича, Германа, Раупаха и адъюнктъ-профессора Арсеньева, а сами профессора на основаніи выписокъ, сдѣланныхъ изъ студентскихъ тетрадей, которыя были съ этою цѣлію отобраны для Рунича сочувствовавшимъ ему директоромъ университета Кавелинымъ (отцомъ извѣстнаго профессора и писателя), были призваны къ отвѣту на представленныя противъ нихъ обвиненія. Обвиняли же ихъ ни больше, ни меньше какъ въ томъ, что они читаютъ лекціи въ духѣ противномъ христіанству и вкореняютъ въ умы студентовъ идеи, «разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія». Въ такихъ выраженіяхъ доносили о лекціяхъ этихъ профессоровъ Руничъ главному правленію училищъ.

Благодаря труду М. П. Сухомлинова, выплыли изъ канцелярскихъ архивовъ на свѣтъ Божій всѣ подробности дѣла, такъ сильно взволновавшаго тогда общественное мнѣніе, осуждавшаго всѣми благоразумными людьми въ правительственныхъ сферахъ, прекращеннаго по требованію самого Государя и выставившаго ополчившуюся на университетское образованіе партію въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Оно до сихъ поръ представляется однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи петербургскаго университета, и потому на немъ нельзя не остановиться.

Не безынтересно, какія между прочимъ мѣста изъ записанныхъ студентами профессорскихъ лекцій выставлялись, какъ противныя христіанству или какъ подрывающія общественный порядокъ и благосостояніе.

Между выписками изъ лекцій профессора статистики Германа мы встрѣчаемъ слѣдующія мѣста:

4-е. «Поголовный налогъ несправедливъ потому, что оный не падаетъ никого. Бѣдный крестьянинъ равную несетъ тягость съ капиталистомъ».

7-е. «Признано, что бумажки вредны (кусочъ бумажки не есть кусочъ золота). Хотя болѣзнь сія сдѣлалась уже чувствительною во всей Европѣ, но лекарство для излеченія оной не вездѣ еще употребительно».

10-е. «Вотъ причина, по которой римляне передъ началомъ войны и по окончаніи оной посылали жрецовъ объявить волю боговъ народу. Посему самому и въ наше время всѣ трактаты начинаются: во имя Святой Троицы. Наши предки, будучи въ язычествѣ, заключали трактаты при Перунѣ, во время же христіанства, въ церкви».

18-е. «Все, что разумъ могъ предвидѣть, чѣмъ свобода наша угнетается, заключилъ въ общихъ правилахъ, названныхъ законами (Leges)»

26-е. «Предпріятіе Никона очистити слоги священныхъ книгъ было великимъ шагомъ къ просвѣщенію. Въ лѣтахъ невѣжества, множество, безъ сомнѣнія, испорченныхъ словъ вкралось чрезъ переписчиковъ-невѣждъ въ рукописи. Ибо сіи писцы рѣдко были одушевлены охотою къ сей работѣ, потому что онѣ (?) обыкновенно даваемы были монахамъ, какъ штрафъ за преступленія. Слѣдовательно нельзя было ожидать исправности».

28-е. «Отличительная черта неограниченной монархіи есть быстрота по дѣламъ. Государь, какъ земной богъ, повелѣваетъ, и все немедленно исполняется. Онъ есть творецъ, сколько человекъ можетъ заслужить сіе великое имя. Для обширнаго, еще младенствующаго государства, гдѣ всѣ источники народнаго богатства еще не открыты, гдѣ сношенія между жителями простѣе, нельзя желать лучшаго образа правленія. Черезъ нѣсколько десятилѣтій такой народъ, имѣвшій счастье быть управляемъ государями, подобными Марку Аврелію, Антонину и другимъ, удивительные дѣлаетъ успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ и замѣняетъ цѣлыя столѣтія годами. Но эта же самая быстрота въ управленіи неограниченной монархіи заключаетъ въ себѣ самое великое зло, когда Тиверій, Клавдій и Неронъ занимаютъ престолы».

35-е. «Ежели терпимость свободы толкованія существуетъ въ церкви, тогда успѣхи просвѣщенія будутъ быстры; въ противномъ случаѣ — медленны».

37-е. «Общество имѣетъ опредѣленную цѣль, а толпа нѣтъ. Несомнѣнно нужно, чтобъ всѣ члены общества были согласны въ разсужденіи сей цѣли, несогласный же долженъ оставить оное. Сіе общее согласіе (*la volonté générale*) есть первое основаніе всякаго общества. Сіе сохраненіе всеобщей безопасности должно существовать, ни мало не вредя другимъ постороннимъ лицамъ, не участвующимъ въ составѣ сего общества. Сямъ различается политическое общество отъ шайки разбойниковъ».

Только-что приведенныя мѣста показываютъ, до какой степени нелѣпости доходили придирки къ профессорскимъ лекціямъ у людей, кричавшихъ о ниспроверженіи университетскимъ преподаваніемъ христіанства и государственнаго порядка. Но сдѣланныя изъ студентскихъ тетрадей выписки не всѣ состоятъ изъ такихъ, уже совершенно невинныхъ въ полицейскомъ или цензурномъ отношеніи, мѣстъ. Есть мѣста, гдѣ профессоръ разсуждаетъ о монархіи, объ обществѣ, о демократіи и религіи свободнѣе, какъ объ этомъ разсуждаютъ иностранные философы и ученые, какъ объ этихъ предметахъ разсуждается вообще въ политическихъ наукахъ, преподаваемыхъ академически, гдѣ, какъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, необходимо приводить мнѣнія, высказанныя представителями науки, что должны были бы, но чего не хотѣли или не умѣли понимать Руничіи и Магницкіе, Стурдзы и Лавали. Къ такимъ мѣстамъ, ра-

зумѣтся, легко было придратъся, если того хотѣли. Но мы на нихъ останавливаться не будемъ, а посмотримъ, чтѣ было извлечено изъ студентскихъ тетрадей для обвиненія другихъ преподавателей.

Профессору всеобщей исторіи Раупаху ставились въ вину такія мѣста:

1-е. «Священное писаніе весьма коротко объясняетъ нравы первыхъ человѣковъ, родъ жизни и участь, а въ священныхъ книгахъ другихъ народовъ (говорится объ этомъ?) такъ баснословно, что для исторіи нѣтъ отъ нихъ пользы. Въ одномъ только всѣ удивительно согласны: это потопъ, истребившій большую часть человѣческаго рода».

Вслѣдъ за этимъ указывается на сопоставленіе съ библейскимъ сказаніемъ о потопѣ сходнаго съ нимъ халдейскаго сказанія у Бероза.

4-е. «Очищенія различныя предписаны (Зороастромъ) и установлены тѣмъ-же почти образомъ, какимъ у израильтянъ». Въ скобкахъ прибавляется: «Далѣе слѣдуетъ ученіе Зороастра объ участи душъ по смерти, представленное съ тѣмъ-же намѣреніемъ».

9-е. «Священные книги мы знаемъ только у трехъ народовъ: іудеевъ, мидянъ и индѣйцевъ».

32-е. «Вѣра есть единственная наука того времени, такъ какъ она и вообще есть наука воображенія, и слѣдовательно должна господствовать въ человѣкѣ, доколѣ господствовала въ человѣкѣ сія способность души».

37-е. Много было споровъ о происхожденіи гражданскаго общества, особливо же о происхожденіи верховной власти. Одни утверждаютъ, что верховная власть непосредственно учреждена самимъ Богомъ, хотя нельзя привести тому никакого историческаго доказательства».

Болѣе вредныхъ мѣстъ въ выпискахъ изъ лекцій Раупаха не встрѣчается, если не считать голословныя заявленія лица, дѣлавшаго выписки, будто Раупахъ «доказываетъ, что сказаніе библейское объ ассиріянахъ нелѣпо и невѣроятно».

Въ тетрадяхъ студентовъ университетскаго пансіона сдѣланы выписки изъ лекцій адъюнкта Арсеньева по статистикѣ такихъ мѣстъ:

1-е. «Народъ былъ прежде правительства, слѣдовательно народъ важнѣе правительства, и мы должны говорить о народѣ, такъ какъ о важнѣйшемъ предметѣ».

2-е. «Правленіе образуется тогда, когда люди, прошедшіе различныя степеніи гражданской жизни, наконецъ подвергнуть себя волѣ какого-либо лица физическаго или нравственнаго, которому даютъ власть дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Сія верховная власть образуется при перерожденіи людей изъ семейственныхъ обществъ въ гражданскія. Соединенное гражданское общество руководствуется извѣстными правилами или законами. Сумма всѣхъ сихъ правилъ или законовъ составляетъ конституцію государства».

Самыми нецензурными мѣстами изъ лекцій Арсеньева могутъ быть

названы тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о тайной полиціи и о налогахъ. Въ первомъ отношеніи взято слѣдующее мѣсто:

4-е. «Чинovníки сей полиціи для удобнѣйшаго розыска бывають тайны и называются шпионами или розышниками; имъ поручаетъ правительство свою безопасность. По своему основанію, эта полиція очень полезна, но... Она стоить большихъ издержекъ на жалованье чинovníкамъ. Посредствомъ сей полиціи наказываются даже требованія правъ человѣчества. Это есть сѣмя раздоровъ и недовѣрчивости между гражданами государства».

О налогахъ говорится, что хотя они и необходимы, но вредны, причѣмъ вредъ этотъ объясняется въ такой нескладной формѣ, что нельзя допустить, чтобы таково дѣйствительно было изложеніе профессора, и притомъ такого талантливаго, каковъ былъ Арсеньевъ ¹⁾.

Выписокъ изъ лекцій профессора философіи Галича въ «Матеріалахъ» М. П. Сухомлинова не имѣется, хотя въ обвинительныхъ пунктахъ автору «Исторіи философскихъ системъ» прямо указывается на то, что въ студентскихъ тетрадахъ «обнаружены» проповѣдывавшіяся имъ «начала, противныя вѣрѣ и властямъ, установленнымъ отъ Бога».

Обвиненныхъ въ распространеніи идей, противныхъ духу христіанства и разрушительныхъ для общественнаго порядка и благосостоянія, предали сначала суду общаго собранія университета подъ предсѣдательствомъ исправлявшаго должность попечителя Руничъ; затѣмъ дѣло разсматривалось въ главномъ правленіи училищъ, откуда поступило къ министру народнаго просвѣщенія, который передалъ его въ комитетъ министровъ. Ходъ дѣла намъ теперь хорошо извѣстенъ, благодаря важнымъ документамъ, обнародованнымъ профессоромъ, нынѣ академикомъ, Сухомлиновымъ.

Какъ шло дѣло въ самомъ университетѣ, объ этомъ намъ рассказываютъ съ одной стороны исправлявшій должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа Руничъ, съ другой—профессоръ политической экономіи, финансовъ и коммерціи Плисовъ. Записка Руничъ дышетъ злобой не только противъ обвиняемыхъ, но и противъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые считали своимъ долгомъ говорить въ ихъ защиту и указывать на неправильность процедуры, лишившей ихъ законныхъ средствъ къ оправданію. Историческая записка Плисова излагаетъ спокойно и подробно ходъ двухъ изъ университетскихъ засѣданій (3-го и 4-го ноября 1821 г.), происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Руничъ и длившихся девять и даже одиннадцать часовъ сряду. Руничъ, по словамъ этой записки, велъ себя самымъ недостойнымъ образомъ, рѣзко обрывая призывавшихся въ засѣданія обвиняемыхъ, когда они требовали, чтобы

¹⁾ См. мѣста изъ тетрадей студентовъ у Сухомлинова въ I Приложеніи ко 2-й статьѣ его «Матеріаловъ», стр. 100 и слѣд.

имъ показали тѣ тетради, на основаніи выписокъ изъ которыхъ ихъ обвиняють, чтобы имъ дали возможность написать отвѣты на вопросные пункты на дому, позволяя себѣ не только глумиться надъ ними, но и употреблять по отношенію къ нимъ дерзкія ругательства, называя напр. профессора Раупаха *бунтовщикомъ, возбудителемъ, зажателемъ, изменникомъ*, — *rebelle, incendiaire*, «повторяя», прибавляетъ Плисовъ, «сіи ужасныя слова и не давая никому выговорить ни одного слова». То, что говорилъ Руничъ, повторялъ и дѣятельный помощникъ его въ этой исторіи директоръ университета Кавелинъ. Желая, чтобы члены конференціи сами осудили профессоровъ, признаваемыхъ имъ вредными, Руничъ вслѣдъ за представленіемъ Германомъ и Раупахомъ письменныхъ отвѣтовъ, въ которыхъ они ни въ чемъ не признавали себя виновными, тотчасъ велѣлъ собирать голоса членовъ конференціи. На вопросъ только-что смѣннаго ректора Балугьянскаго, — о чемъ подавать мнѣніе, — «отвѣчалъ ему грубыми насмѣшками», профессору Соловьеву отвѣчалъ на тотъ же вопросъ не только насмѣшками, но и угрозами, а когда заговорилъ проф. Грефе, то онъ оборвалъ его замѣчаніемъ, что онъ, Грефе, «предубѣжденъ въ пользу обоихъ обвиняемыхъ профессоровъ». Слыша постоянно грубости и угрозы со стороны, какъ Рунича, такъ и Кавелина, которые упрекали несогласныхъ съ ними въ соумышленничествѣ съ обвиняемыми, причемъ Кавелинъ не стѣснялся говорить о томъ, что слѣдовало бы отнестись къ полиціймейстеру, привести жандармовъ съ голыми палашами, — многіе не могли равнодушно выдерживать такихъ сценъ, у нихъ выступали на глазахъ слезы, а съ Балугьянскимъ произошелъ даже обморокъ. Особенно рѣзкую сцену со стороны Рунича вызвалъ отвѣтъ проф. Шармуа, заявившаго о своей некомпетентности отвѣчать на вопросъ о преступленіяхъ Германа и Раупаха (*je ne me trouve pas en compétence d'y répondre*). Невозможно описать, говоритъ Плисовъ, «того ужаснаго ожесточенія съ какимъ г. Руничъ устремился на профессора Шармуа». Онъ называлъ его «гадомъ революціи, выходцемъ изъ отечества Маратовъ и Робеспьеровъ, бунтовщикомъ, государственнымъ изменникомъ, вторымъ Раупахомъ, некрещенымъ и т. п.». Засѣданіе 3-го ноября продолжалось съ 10 часовъ утра до 4 часовъ вечера. Но Руничъ все-таки не добился осужденія Германа и Раупаха. Большинство профессоровъ находило, что Германъ и Раупахъ могли бы быть признаны виновными, если бы было доказано, что они дѣйствительно совершили тѣ преступленія, какія на нихъ взваливаются, но это не доказано, причемъ нѣкоторые заявляли, что обвиняемымъ должны быть предоставлены всевозможныя средства къ оправданію, и подали въ этомъ смыслѣ особыя мнѣнія. Къ членамъ конференціи, высказывавшимся въ томъ или другомъ смыслѣ противъ признанія подсудимыхъ виновными, принадлежали: профессора Балугьянскій, Плисовъ, Ржевскій, Вишневскій, Чижевъ, Грефе,

Лодій, Шармуа и Деманжъ, директоръ училищъ Тимковскій и адъюнкты Радловъ; въ духѣ же Рунича подали свои мнѣнія адъюнкты Роговъ, Щегловъ и Поповъ, профессора Дегуровъ и Толмачовъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи (4 ноября) явились на судъ Галичъ и Арсеньевъ. Нѣкоторые профессора, какъ Соловьевъ и Шармуа, не явились по болѣзни. Профессоръ Чижовъ заявилъ, что предыдущее засѣданіе до того разстроило проф. Соловьева, что онъ лишился памяти, вышедши изъ университета вмѣсто 6 линіи очутился въ Коломнѣ, откуда былъ приведенъ домой матросами, и что теперь даже жизнь его находится въ опасности. Началось засѣданіе тѣмъ, что Руничъ прочелъ «вопросные пункты» для отвѣтовъ Галича, обвинявшагося въ проповѣдываніи разрушительныхъ началъ, противнымъ вѣрѣ и властямъ, установленнымъ отъ Бога, а Кавелинъ приводилъ изъ «Исторіи философскихъ системъ» доказательства на эти обвиненія. Нѣкоторые изъ членовъ конференціи пытались выставить на видъ, что Галичъ не можетъ подвергаться отвѣтственности за мнѣнія философовъ, которыя онъ былъ обязанъ излагать въ своей книгѣ по самому ея свойству. Руничъ возражалъ, что авторъ долженъ былъ опровергать всѣ эти мнѣнія, и, когда вошелъ въ засѣданіе Галичъ, онъ формулировалъ свои обвиненія такимъ образомъ: «вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ христіанской церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому. Отведенный въ особую комнату, Галичъ написалъ: «сознавъ невозможность отвергнуть вопросные пункты, отвѣчаю желаніемъ не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія» ¹⁾. Такой отвѣтъ понравился Руничу, но смутилъ товарищей Галича, неискренность отвѣта котораго не подлежала для нихъ сомнѣнію. Да усомнился въ ней и самъ Руничъ, предлагая отказавшемуся отъ своей книги философу напечатать другую исторію философскихъ системъ и въ предисловіи къ ней «торжественно описать» свое «обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименитомъ разумѣ основаннаго». Но на такое безстыдное предложеніе, не рассчитавшій послѣдствій своего мнимаго раскаянія, Галичъ могъ отвѣчать только молчаніемъ. Съ Арсеньевымъ, какъ видно изъ записки Плсова, Руничъ и Кавелинъ церемонились еще меньше, чѣмъ съ другими. Его упрекали въ неблагодарности къ Богу, Государю и Отечеству, называли въ глаза невѣждою и глупцомъ, попрекали даже происхожденіемъ. Относительно выписокъ изъ пансіонскихъ тетрадей, выставленныхъ противъ него какъ пункты обвиненія, молодой адъюнкты-профессоръ съ достоинствомъ замѣтилъ, что тетради эти наполнены несообразностями, за которыя онъ отвѣчать не можетъ, и что

¹⁾ Такъ именно записано заявленіе Галича въ протоколъ засѣданія. См. въ «Матеріалахъ» *Сухомлинова*, стр. 173, 2-й статья.

онъ преподавалъ теорію статистики по книгѣ своего учителя, профессора Германа, изданной въ 1807 г. главнымъ правленіемъ училищъ и всюду служившей руководствомъ, а статистику Россійскаго Государства по своей печатной книгѣ, одобренной въ руководство самимъ директоромъ пансіона, Кавелинымъ. Въ такомъ смыслѣ онъ далъ и письменные отвѣты на вопросные пункты, ему поставленные. Что же касается до обвиненія его Руничемъ въ дерзновеніи «открывать величайшія государственныя тайны», подъ чѣмъ разумѣлось мѣсто въ книгѣ Арсеньева о количествѣ выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, то нелѣпость этого упрека была выставлена тутъ-же въ засѣданіи на видъ профессорами Балугьянскимъ и Плисовымъ, которые заявили, что не можетъ называться государственною тайною то, что содержится въ высочайшихъ манифестахъ, обнародованныхъ во всеобщее свѣдѣніе.

Конференція, признавъ отвѣтъ Арсеньева недостаточнымъ, тѣмъ не менѣ постановила, что и Галлчъ и Арсеньевъ, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по нравственнымъ качествамъ, заслуживаютъ довѣрія правительства въ качествѣ наставниковъ юношества, и что если ихъ книги будутъ признаны негодными къ употребленію, то они могутъ читать лекціи по другимъ книгамъ, какія будутъ найдены болѣе цѣлесообразными. Но, въ составленномъ подъ руководствомъ Кавелина, протоколѣ двухъ засѣданій, для подписи котораго собрались 7-го ноября, мнѣнія членовъ конференціи были искажены, что заставило профессоровъ Балугьянскаго, Грефе, Соловьева, Чицова и Плисова войти съ особыми мнѣніями. Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи, затянувшемся отъ 6 часовъ вечера до 4 часовъ утра, разсматривалось еще дѣло Шармуа и Деманжа, представившихъ свои протесты противъ поведенія Рунича на предшествовавшихъ засѣданіяхъ.

Главное правленіе училищъ постановило немедленно удалить профессоровъ Германа и Раупаха, равно какъ и адъюнкта Арсеньева изъ университета, книги первыхъ двухъ запретить въ преподаваніи, книгу же Галлча, равно какъ и статистику Россійскаго Государства Арсеньева не только запретить какъ руководство, но и совсѣмъ изъять изъ употребленія. Увольняемыхъ профессоровъ, такъ какъ они требуютъ, чтобы имъ даны были всѣ законныя средства къ оправданію, предать суду уголовнымъ порядкомъ. На это преданіе суду уголовной палаты не соглашался однако даже и Магницкій и когда министръ народнаго просвѣщенія внесъ все дѣло въ комитетъ министровъ, то тамъ это предложеніе не имѣло никакой опоры. Противъ преданія уголовному суду въ подобномъ случаѣ высказался не только Мордвиновъ, но и Аракчеевъ. Комитетъ министровъ постановилъ однако предоставить профессорамъ Герману, Раупаху и адъюнкту Арсеньеву всѣ законныя средства къ оправданію и для разсмотрѣнія всего дѣла вмѣстѣ съ оправданіями составить комиссію изъ

трехъ членовъ комитета министровъ и двухъ членовъ главнаго правленія училищъ. Но Государь, которому сущность дѣла и истинная его подкладка были разъяснены въ письмахъ графа Уварова и Шишкова, повелѣлъ въ февралѣ 1827 г. дѣло это считать оконченнымъ.

Разгромъ, которому подвергся петербургскій университетъ на самой зарѣ своей жизни, представляетъ собою наиболѣе печальный и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе досадный фактъ его семидесятипятилѣтней жизни. Онъ грубо оборвалъ нить правильнаго его развитія и долго возбуждалъ въ представителяхъ университета жгучее сожалѣніе. Самые умѣренные люди, какъ Плетневъ, находили, что для начатаго Руничемъ дѣла, для всего этого гоненія «не доставало даже и видимаго основанія»¹⁾. Потерявъ Куницына, Германа, Раупаха, Арсеньева, Шармуа и Деманжа, а затѣмъ Балугьянскаго и Плисова, а также Панснера и Радлова, даже Галпча, который, будучи отставленъ отъ философіи, не могъ получить другой каѳедры, молодой университетъ долго не могъ придти въ себя и кое-какъ влчилъ свое существованіе, особенно благодаря тому, что онъ управлялся еще съ сентября 1821 г. на основаніи пресловутыхъ инструкцій, составленныхъ Магницкимъ для директора и ректора казанскаго университета. Не смотря на то, что 4 января 1824 г. было Высочайше повелѣно с.-петербургскому университету руководствоваться уставомъ московскаго, не смотря на то, что вскорѣ послѣ этого (15 мая) мѣсто князя Голицына занялъ адмиралъ А. С. Шишковъ, отзывавшійся съ негодованіемъ о проникшихъ въ министерство народнаго просвѣщенія при Голицынѣ іезуитскихъ началахъ, пришибленный университетъ мало обнаруживалъ жизни. Хорошіе профессора его оставили, а достойныхъ замѣстителей ихъ взять было негдѣ; поэтому приходилось частью поручать опустѣвшія каѳедры лицамъ другой специальности, частью принимать въ преподаватели лицъ, не заявившихъ себя учеными трудами и вообще людьми неизвѣстными. Каѳедра теоретической и практической философіи теперь поручена была любимцу Магницкаго и Рунича, бывшему казанскому профессору Пальмину. Какъ на несомнѣнно талантливаго преподавателя изъ числа вошедшихъ въ это время въ петербургскій университетъ, слѣдуетъ указать развѣ на Сеньковскаго, который, имѣя всего 22 года отъ роду, сталъ читать въ званіи ординарнаго профессора языка арабскій и турецкій. Понизившемуся въ своемъ умственномъ уровнѣ университету въ 1823 г. было отведено, словно нарочно, и менѣе удобное помѣщеніе. Изъ историческаго зданія XII коллегіи онъ былъ переведенъ на Ивановскую улицу, гдѣ теперь помѣщается 1-я гимназія²⁾. Руничъ оставался попечителемъ до половины 1826 года и, по мѣрѣ силъ, парализовалъ самоуправленіе, прибрѣтенное универси-

1) Плетневъ, «первое двадцатипятилѣтіе», стр. 26.

2) Плетневъ, *ibid.* стр. 30.

тетомъ вмѣстѣ съ уставомъ московскаго университета. Новымъ духомъ повѣяло на университетъ лишь со времени назначенія министромъ народнаго просвѣщенія графа Уварова, который смѣнилъ собой князя К. А. Ливена 20 марта 1833 г., пробывъ уже годъ товарищемъ министра.

Графъ С. С. Уваровъ любилъ университетъ и самъ былъ человекомъ науки. Это было очень важно для университетской жизни въ Россіи. При немъ наука могла занять подобающее мѣсто, и инструкціи Магницкаго, въ которыхъ говорилось, что начала политическихъ наукъ должны быть извлекаемы изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля, что преподаватели обязаны «съ отвращеніемъ указывать на правила Макиавеля и Гоба» (т. е. Гоббса), что основаніемъ философіи должны служить посланія Ап. Павла къ Колоссянамъ и къ Тимоюею, что при преподаваніи древнихъ языковъ слѣдуетъ читать преимущественно христіанскихъ писателей ¹⁾, такія ни съ чѣмъ несообразныя инструкціи были невозможны. Такимъ образомъ, обеспеченный въ своемъ существованіи университетъ могъ стать мало-по-малу на ноги и достигнуть къ концу сороковыхъ годовъ извѣстнаго процвѣтанія.

Въ первые годы управленія министерствомъ графа Уварова совершилось измѣненіе университетскаго устава. Уставъ 1804 г. былъ составленъ на широкую ногу и давалъ университетамъ дѣйствительное самоуправленіе, сдѣлавъ совѣтъ высшей инстанціей по дѣламъ учебнымъ и по дѣламъ судебнымъ, и апелляція на приговоры его въ тяжбахъ членовъ университета съ частными людьми и обществами могла идти только къ сенату. Выработанный при Уваровѣ и утвержденный 25 іюля 1835 года новый уставъ былъ далеко не такъ либераленъ, но онъ больше соотвѣтствовалъ духу времени, далеко не либеральному, и потому былъ цѣлесообразнѣе въ смыслѣ удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей университета. Онъ отдѣлилъ отъ университета управленіе округомъ, отдѣлилъ отъ него и цензурный комитетъ, передавъ то и другое попечителю. Ректоръ и деканы оставались выборными лицами, но утвержденіе избранныхъ не было обязательно для министра; инспектора студентовъ представлено было назначать попечителю изъ лицъ постороннихъ университету съ правомъ относиться по дѣламъ, касающимся поведенія студентовъ, прямо къ попечителю, помимо ректора и совѣта. Въ распредѣленіи кафедръ были произведены значительныя перемѣны: такъ, философія, политическая экономія и исторія перешли изъ юридическаго факультета въ филологическій. Количество кафедръ было увеличено: открыта напр.

¹⁾ Инструкціи, составленныя Магницкимъ для казанскаго университета, напечатаны въ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 1864 г., стр. 1199 и слѣд. Не мало выписокъ изъ нихъ сдѣлано въ книгѣ *Е. М. Θεокτισова «Магницкій»* (Спб. 1865), стр. 66 и слѣд.; резюме ихъ сдѣлано также *Сухомлиновымъ* во 2-й статьѣ «Матеріаловъ» стр. 53—55.

каедрѣ славянскихъ нарѣчій, для Русской исторіи устроена особая каедрѣ отъ Всеобщей исторіи, на юридическомъ факультетѣ количество каедръ увеличено даже очень значительно противъ прежняго съ особеннымъ развитіемъ преподаванія русскаго права, но преподаваніе естественнаго права отмѣнено; открыта каедрѣ технологіи на физико-математическомъ факультетѣ (собственно филологическій и физико-математическій факультетъ составили два отдѣленія одного *философскаго* факультета, какъ въ германскихъ университетахъ); сверхъ арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, положено было преподавать еще монгольскій и татарскій. Такимъ образомъ преобразование, т. е. измѣненіе устава, было рассчитано на то, чтобы дать удовлетвореніе научнымъ потребностямъ университетовъ, избавивъ ихъ отъ занятій сторонними дѣлами, но и не лишая ихъ существенныхъ правъ и преимуществъ.

Какъ разъ ко времени преобразования университета стали возвращаться изъ-за границы посланные въ концѣ 1827 г., съ цѣлью подготовленія къ профессурѣ, въ Дерптъ и затѣмъ въ Берлинъ и Парижъ лучшіе студенты университета и посланные въ 1828 г. за границу воспитанники с.-петербургской и московской духовныхъ академій съ цѣлію пріобрѣтенія юридическаго образованія также для занятія профессорскихъ каедръ. Воскрешенный въ 1828 г. главный педагогическій институтъ также сталъ выпускать кандидатовъ на профессорскія каедрѣ и посылать лучшихъ изъ своихъ питомцевъ за границу для усовершенствованія. И вотъ мы видимъ какъ, на каедрѣхъ петербургскаго университета, въ 1837 году возвратившагося въ зданіе XII коллегіи, появляются одно за другимъ лица, которыя составили его блескъ какъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, такъ и вообще служатъ украшеніемъ профессуры въ исторіи этого университета. Воскресенскій, братья Куторги, Устряловъ, Прейсъ, Неволинъ, поступившіи сначала въ кievскій университетъ, наконецъ Чебышевъ, свидѣтельствуютъ, какъ росъ въ научномъ отношеніи с.-петербургскій университетъ по разнымъ факультетамъ со времени преобразования, которому онъ подвергся въ первые годы министерскаго управленія графа Уварова. Обозрѣвая на актѣ 1844 г. двадцатипятилѣтіе университета, тогдашній ректоръ его, П. А. Плетневъ, заявляетъ уже о томъ, что университетъ дошелъ до *цвѣтущаго* состоянія. Но это «цвѣтущее» состояніе продолжалось не долго. Не прошло со времени преобразования университета и полуторыхъ десятковъ лѣтъ, какъ надъ нимъ стряслась новая бѣда, на этотъ разъ раздѣленная и всѣми другими русскими университетами. Процвѣтаніе университета, безъ какой-бы то ни было вины съ его стороны, было снова остановлено.

Въ февралѣ 1848 г. вспыхнула въ Парижѣ революція, кончившаяся паденіемъ орлеанской монархіи. Парижское революціонное движеніе встрѣтило откликъ и въ другихъ странахъ западной Европы; но въ Россіи

продолжало царствовать полное спокойствіе и не видѣлось какихъ-бы то ни было признаковъ возможности близкаго его нарушенія. Тѣмъ не менѣе пришлось идти въ отвѣтъ за чужіе грѣхи русскому образованію. Немедленно была запрещена командировка молодыхъ ученыхъ, какъ и вообще чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, за границу, а черезъ годъ, именно въ апрѣлѣ 1849 г., послѣдовало распоряженіе объ ограниченіи числа своекоштныхъ студентовъ на философскомъ и юридическомъ факультетахъ русскихъ университетовъ тремя стами человекъ и прекращень былъ приѣмъ на эти факультеты новыхъ студентовъ въ ожиданіи, когда цифра старыхъ спустится до указанной нормы. Графъ Уваровъ, создатель петербургскаго университета, не могъ выдержать новаго удара, нанесеннаго его дѣтищу вмѣстѣ съ другими университетами, и вышелъ, въ октябрѣ 1849 г., въ отставку. Съ этого момента положеніе университета и университетской науки пошло еще къ худшему. Но заставимъ объ этомъ печальномъ эпизодѣ исторіи высшаго образованія въ Россіи говорить официальнаго историка перваго пятидесятилѣтія с.-петербургскаго университета, В. В. Григорьева.

«Въ томъ-же октябрѣ (когда вышелъ въ отставку Уваровъ) Совѣты университетовъ лишены были права избирать ректора изъ своей среды, а факультеты ограничены въ правѣ избранія декановъ: положено было, что ректоромъ по назначенію отъ правительства можетъ быть и лицо постороннее университету, лишь бы имѣло ученую степень. Съ конца того-же года пріостановлено было преподаваніе въ нашемъ университетѣ государственнаго права европейскихъ державъ, а въ январѣ 1850 года повелѣно принимать въ студенты преимущественно молодыхъ людей изъ дворянскаго сословія. Вслѣдъ затѣмъ отмѣнено было право университетовъ и даже академіи наукъ выписывать изъ заграницы книги и періодическія изданія безъ цензурнаго разсмотрѣнія, а курсъ философіи ограниченъ логикою и опытною психологією, съ присоединеніемъ этихъ предметовъ къ кафедрѣ Богословія, но съ обращеніемъ ихъ въ обязательные для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Упраздненная кафедра философіи замѣнена была кафедрою педагогій... Въ заключеніе, съ начала 1851 года дана ректору и деканамъ университетовъ особая, весьма строгая инструкція, съ цѣлью «усилить надзоръ за университетскимъ образованіемъ»¹⁾.

Сколько ударовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ! Бѣдному университету не давали опомниться, выходя какъ бы изъ мысли, что въ университетской наукѣ, широко поставленной, скрывается корень всевозможныхъ золъ государственныхъ. Казалось, у государственныхъ людей того времени помрачилась сама идея университетскаго образованія. Запретивъ поѣздки за границу съ цѣлью научнаго усовершенствованія, запретивъ

¹⁾ Имп. С.-Петербург. Унив., стр. 122.

доступъ книгъ въ ученые учрежденія, устранивъ изъ филологических факультетовъ кафедру философіи, остановивъ преподаваніе Государственного права европейскихъ державъ, считали совершенно нормальнымъ открыть во время Крымской войны въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ преподаваніе строевого устава пѣхотной службы, ротного и батальоннаго, и ввести практическое преподаваніе артиллеріи и полевой фортификаціи.

Трудно сказать, какъ разыгралась бы дальнѣйшая судьба русскихъ университетовъ, еслибы несчастное окончаніе Крымской войны не произвело благодѣтельнаго переворота во всемъ строѣ нашей жизни, при чемъ настала лучшая пора и для университетовъ. Еще въ первый годъ новаго царствованія, въ ноябрѣ 1855 года, было отмѣнено ограниченіе цифры поступающихъ въ университеты студентовъ, и вслѣдъ затѣмъ стали падать одно за другимъ стѣснительныя для развитія науки постановленія. Въ 1856 году отмѣнено запрещеніе ѣздить съ ученою цѣлью за границу и командировать туда молодыхъ ученыхъ для дальнѣйшаго образованія; въ 1857 г. возстановлено чтеніе лекцій по Государственному праву европейскихъ державъ; въ 1859 году отмѣнено запрещеніе университетамъ и академіи наукъ получать безъ цензуры книги и періодическія изданія изъ заграницы; разрѣшено еще въ 1858 году университетскимъ преподавателямъ читать въ залахъ университета публичныя лекціи для всѣхъ желающихъ ихъ слушать мужчинъ и женщинъ. Петербургскій университетъ зажилъ въ это время бодрою и шумною жизнью. Мало-по-малу двери его открылись для всей публики, и лекціи для студентовъ превратились въ публичныя. Аудиториі популярныхъ профессоровъ — Стасюлевича, Кавелина, затѣмъ особенно Костомарова — посѣщались множествомъ слушателей всякаго рода: посѣщеніе университета сдѣлалось модой между людьми свѣтскими обоюга пола. Рядомъ съ этимъ стали открываться, не дожидаясь перемѣны устава, новыя кафедры. Такъ, на историко-филологическомъ факультетѣ, какъ онъ сталъ называться съ 1850 года, была открыта кафедра Всеобщей исторіи литературы, и преподаваніе этого предмета было поручено магистру петербургскаго университета Пыпину, а также повелѣно было отдѣлить преподаваніе философскихъ предметовъ отъ кафедры богословія; на юридическомъ открыта кафедра Сравнительной исторіи положительныхъ законодательствъ, преподавателемъ по которой былъ избранъ магистръ дерптскаго университета, Борисъ Утинъ, а вслѣдъ за тѣмъ было предоставлено факультету открыть кафедру Практическаго Судопроизводства. Отъ новаго устава, который долженъ былъ замѣнить собою уставъ 1835 года, такъ сильно искаженный позднѣйшими распоряженіями въ царствованіе Николая I-го, ожидалось новое приращеніе кафедръ и возстановленіе университетскаго самоуправленія. Все предвѣщало, повидному, плодотворную жизнь нашимъ университетамъ, пере-

несшимъ уже не мало испытаній въ короткій періодъ своего существованія.

Но русская жизнь не привыкла идти по гладкой дорогѣ. Въ то самое время, когда не только университеты, но и вся Россія, только что сбросившая съ себя угнетающее прогрессивный ходъ ея жизни крѣпостное право, отвлечена была стремленіемъ къ выходу на болѣе широкую дорогу національнаго и государственнаго развитія, когда правительство съ своими реформами шло на встрѣчу общественнымъ требованіямъ, стали происходить въ средѣ университетской молодежи волненія, все болѣе и болѣе нарушавшія правильный ходъ жизни въ университетахъ. Особенно усилившись осенью 1861 года, послѣ вступленія въ должность новаго министра народнаго просвѣщенія графа Путятина, назначившаго попечителемъ генерала Филиппсона, они привели къ тому, что въ декабрѣ того года петербургскій университетъ былъ закрытъ, хотя и не надолго.

Всякое явленіе имѣетъ свои причины: имѣли ихъ и студентскія волненія 1861 года. Въ этомъ прискорбномъ явленіи, отъ котораго пришлось пострадать не только научной дѣятельности университета, такъ насильственно прерванной, но и массѣ студенчества, подвергавшагося арестамъ, исключеніямъ, ссылкѣ, наконецъ необходимости ѣхать для продолженія и окончанія образованія въ другіе русскіе университеты или за границу, въ этомъ, говорю я, прискорбномъ явленіи вина лежитъ на многомъ и многихъ. Но прежде всего виновата исторія: она не приучила насъ къ стройности жизни, то отнимая всякую тѣнь самостоятельности въ дѣлахъ общественныхъ, то ставя насъ разомъ, безъ замѣтныхъ переходовъ, въ положеніе, при которомъ мы должны обнаруживать столько такта и опытности, сколько ихъ можно ожидать лишь послѣ продолжительнаго пребыванія въ школахъ автономной и самостоятельной жизни. Послѣ суроваго режима николаевского времени, когда не только отъ учащейся молодежи, но и отъ самихъ ея руководителей требовалось какъ можно меньше разсуждать, университетскіе студенты въ Петербургѣ во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ приобрѣли столько самостоятельности, что сдѣлались наконецъ какъ бы хозяевами университета. Начавши издавать «Студентскій Сборникъ», который для нихъ печатался безвозмездно въ типографіи II отдѣленія Императорской канцеляріи ¹⁾, заведши свою кассу для бѣдныхъ товарищей и бібліотеку, устроивши для завѣдыванія всѣми этими учрежденіями видъ своего представительства въ лицѣ редакторовъ и депутатовъ, они собиравшись для рѣшенія дѣлъ на сходки въ аудиторіяхъ и въ актовомъ залѣ, когда имъ это было нужно, не всегда обращая вниманіе, насколько это мѣшаетъ чтенію лекцій и вообще университетскимъ занятіямъ. Во всей этой суетнѣ было много жизни, которая была пріятна послѣ вре-

¹⁾ Первый выпускъ «Сборника» вышелъ еще въ 1857 г.

мени мрачнаго застоя и унынія, поддерживалась сочувствіемъ общества; встрѣчала видимое расположеніе со стороны многихъ профессоровъ и признавалась начальствомъ, особенно въ лицѣ попечителя князя Г. А. Щербатова, смѣнившаго собой суроваго Мусина-Пушкина (1845—1856 гг.). Но это была жизнь не урегулированная, не знавшая своихъ границъ и не умѣвшая себя сдерживать тамъ, гдѣ она приходила въ столкновение съ формальными требованіями закона и установленнаго порядка. Кромѣ того, жизнь эта легко допускала къ себѣ внѣшнія вліянія, пзъ которыхъ не всѣ руководились желаніемъ блага студенчеству, а нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствовали съ крайней эгоистичностью. Тогда въ средѣ петербургскихъ студентовъ была масса поляковъ, которые во всѣхъ студентскихъ исторіяхъ принимали дѣятельное участіе. Нѣкоторые изъ студентовъ поляковъ, стоявшіе въ связи съ поднявшеюся въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Польшѣ революціонной агитаціей, были въ то же время и въ числѣ руководителей студентскаго движенія въ Петербургѣ. Кромѣ явныхъ руководителей были еще тайные; и тѣмъ и другимъ были нужны волненія въ университетской молодежи. Нѣтъ поэтому ничего мудренаго въ томъ, что при этой внѣшней агитаціи, шедшей впрочемъ не изъ одного польскаго лагеря, волненія студентовъ скоро перешли границы, вышли изъ стѣнъ университета на улицу и были прекращены только вмѣшательствомъ внѣшней силы и закрытіемъ университета ¹⁾.

Первое проявленіе студентскихъ безпорядковъ, принявшее размѣры общественнаго явленія, относится къ 8-му февраля 1861 г., когда студенты шумно требовали на университетскомъ актѣ рѣчи Костомарова о Константинѣ Аксаковѣ. Ректору едва удалось успокоить молодежь обѣщаніемъ, что рѣчь эта будетъ прочтена популярнымъ профессоромъ въ видѣ публичной лекціи. Но волненія не прекращались. Министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій долженъ былъ выйти въ отставку, и на его мѣсто весной 1861 г. былъ назначенъ извѣстный суровостью дисциплины адмиралъ графъ Путятинъ. Перемена министерства ознаменовалась тѣмъ, что 31-го мая вышло Высочайшее повелѣніе, которымъ форменная одежда студентовъ отмѣнялась, освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій ограничивалось двумя студентами на губернію въ округѣ, съ остальныхъ же требовалась установленная плата (въ 50 руб. за годъ). Новый министръ тотчасъ-же назначилъ комиссію изъ профессоровъ для выработки правилъ для студентовъ на основаніи новаго закона. Комиссія положила ввести такъ называемыя *матрикулы*, которыя содержали въ себѣ правила, относящіяся къ обязанностямъ и поведенію

¹⁾ Подробности студентскихъ волненій 1861 года сообщены *Вл. Д. Спасовичемъ* въ статьѣ, вошедшей въ его сборникъ подъ заглавіемъ «За много лѣтъ». Спб. 1872 г., стр. 14—39.

студентовъ, и служили вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ документомъ о личности. Составленныя профессорскою коммисіею правила были въ измѣненномъ видѣ утверждены попечителемъ и 2-го сентября даны къ исполненію, хотя самыя матрикулы къ этому времени еще не были отпечатаны.

Эти-то несчастныя «матрикулы» и послужили поводомъ къ возобновленію волненій. Студенты слышать не хотѣли о матрикулахъ, отмѣнившихъ между прочимъ выборное начало въ управленіи студентской кассой и библіотекой, и при открытіи 17 сентября лекцій приступили къ попечителю, приглашая его на сходку для объясненія новыхъ порядковъ. Въ слѣдующіе дни тѣже сходки продолжались, одинъ разъ даже были взломаны для этого двери актовъ залы, и лекціи, только что начатыя, сами собою прекратились. 25 сентября волненіе изъ стѣнъ университета перешло на улицу: студенты въ огромной процессіи шли изъ университета по Невскому проспекту въ Колокольную улицу къ попечителю Филиппсону. Очутившись тамъ въ присутствіи военной силы, генералъ-губернатора Игнатьева и оберъ-полиціймейстера Паткуля, они согласились удалиться только тогда, когда попечитель объявилъ имъ, что онъ будетъ говорить съ ними въ университетѣ. 11 октября были открыты лекціи для тѣхъ изъ студентовъ, которые согласились взять матрикулы, но на самомъ дѣлѣ лекціи почти не возобновлялись, такъ какъ даже получившая матрикулы часть студентовъ не посѣщала университета, а тѣ, которые входили въ него, скоро уходили, видя передъ зданіемъ толпы другихъ студентовъ, требовавшихъ отъ нихъ, чтобы лекціи не посѣщались. Не смотря на многочисленные аресты, студенты не успокаивались, и лекціи не устраивались. Такъ шло дѣло до 20 декабря, когда по Высочайшему повелѣнію университетъ былъ закрытъ впредь до пересмотра университетскаго устава.

Между тѣмъ тогда-же графъ Путятинъ долженъ былъ оставить министерство, и министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ А. В. Головнинъ. При немъ петербургскій университетъ вступилъ въ новый, самый блестящій періодъ своей жизни и дѣятельности.

В. Модестовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕИЗЛЕЧИМЫЕ.

ПОВѢСТЬ.

I.

— Сейчасъ, сейчасъ! — говорила извозчику, торопливо роясь пальцами въ старенькомъ портмоне, барыня, немолодая, въ сѣрой накидѣй и несвѣжей шляпѣ.

Она близоруко глядѣла внутрь портмоне и не могла сразу добыть оттуда пятиалтынный.

Извозчикъ терпѣливо ждалъ, покрытый своей кожаной пелеринкой. Только что пересталъ идти мелкій дождь, лившій съ утра.

Дама нашла наконецъ монету и подала ее извозчику, продолжая щурить свои большіе впалые глаза съ побурѣлыми, утомленными вѣками.

Легкая просѣдь проглядывала сквозь темную вуалетку.

Фигура была еще довольно стройная и сзади ее приняли-бы за молодую женщину. Лицо очень поблѣло и желтоватая кожа морщи-нилась на вискахъ и около угловъ рта.

Подъѣздъ съ двумя ступенями, безъ швейцара, велъ по длинному, плохо освѣщенному коридору въ дешевыя меблированныя комнаты, занимавшія два этажа.

Она жила во второмъ.

Дверь въ него отперывалась съ жидкимъ звукомъ плохо прибитаго колокольчика. Въ коридорѣ стояли густыя сумерки. Почти ошупью надо было пробираться въ конецъ его, гдѣ, противъ кухни, она занимала узкую комнатку за пятнадцать рублей, съ двумя самоварами.

Запахъ керосина, щей и ваксы охватывалъ всякаго входящаго.

Лидія Петровна Ярославцева — такъ звали постоялицу дешеваго гарни, въ одной изъ улицъ Песковъ — жила тутъ всего вторую не-

дѣлю и ни съ кѣмъ изъ сосѣдей своихъ не была знакома. Ея сосѣдка на другой сторонѣ стояла въ дверяхъ и ждала прислуги.

Ярославцева тотчасъ же распознала въ ней нѣмку, откуда-нибудь изъ Ревеля или изъ Риги.

Рослая, съ чудеснымъ станомъ, ярко-русская, она стояла въ своей отворенной двери и съ явственнымъ акцентомъ кричала:

— Скорѣй... Маша... Пфуй!.. Какъ копаются!..

На ней былъ красный фланелевый пенюаръ съ открытыми рукавами и небольшимъ вырѣзомъ на ея высокой и бѣлой, какъ кипень, груди.

Ярославцева, помимо своей воли, подумала:

„Она, кажется, изъ такихъ“...

И съ этимъ словомъ „изъ такихъ“ затворила она за собою дверь и стала снимать свой поношенный сѣрый плащъ.

— Изъ такихъ,— повторила она уже съ упрекомъ себѣ.

До сихъ поръ она не можетъ отстать отъ этой барской, неопытной повадки: сейчасъ же отнести какую угодно женщину въ извѣстному разряду; если не къ падшимъ, то къ подозрительнымъ...

Ну, а она развѣ на иной взглядъ тоже, въ своемъ родѣ, не „изъ такихъ“?

Этого еще мало, что она сама считаетъ себя нисколько не падшей, даже не заблудшей, а просто обломкомъ жизни, какихъ сотни и тысячи вездѣ, у насъ и по всему свѣту, отъ Эйдбунена до крайнихъ прерій Америки и трущобъ Австраліи...

Ярославцева сняла свой плащъ, присѣла къ столику, гдѣ стояло номерное тусклое зеркальце, и стала вынимать длинную булавку изъ своей прошлогодняго фасона шляпки.

Потомъ глаза ея повернулись къ правой стѣнѣ, гдѣ у двери въ слѣдующій номеръ, на двухъ облѣзлыхъ стульяхъ, стоялъ ея дорожный сундукъ: все тотъ же, послужившій ей болѣе десяти лѣтъ. Она его купила въ Вѣнѣ за двѣнадцать гульденовъ. Былъ онъ песочнаго цвѣта, а теперь неизвѣстно какого, со множествомъ ярлыковъ, съ багажными номерами и отельными, цвѣтными. Имена: Берлинъ, Парижъ, Киссингенъ пестрѣли на этихъ ярлыкахъ.

Болѣе десяти лѣтъ тянулась скитальческая жизнь... А передъ тѣмъ было тоже не мало переселеній, съ мѣста на мѣсто, по Россіи... Жила она и за Ураломъ, и въ Новороссіи, и въ Бессарабіи...

— Пфуй!.. Маша!.. — раздался звонкій голосъ нѣмки.— Какая гадость!..

Ярославцева опять пристыдила себя за то, что у нея вырвалось про себя замѣчаніе: „изъ такихъ“.

Кажется, ея личная доля должна-бы ее сдѣлать глубоко терпи-

мой ко всякимъ видамъ паденія... И можно-ли сейчасъ же приклеивать ярлыки, какъ вонъ тѣ билеты, къ кому-бы то ни было: даже къ злодѣю, даже къ завѣдомо погибшей женщинѣ?..

Есть что-то заложненное въ тебя спервоначала, въ видѣ основного инстинкта, и это, впоследствии, будетъ зваться „темпераментомъ“... Онъ и тебѣ самой въ тягость, когда проходитъ любовный жаръ и чадъ; но раскаяніе бываетъ и у закоренѣлыхъ преступниковъ, или, по крайней мѣрѣ, сознаніе того, что ихъ злодѣйства возмутительны и гнусны.

Не хочетъ она уходить за эту модную траншею: за оправданіе всякаго хищничества, каждой гнусности научной теоріей... И она читала Ломброзо; да еще въ подлинникъ и въ самомъ Туринѣ, и видѣла эту знаменитость... Онъ вмѣстѣ съ ней, на другомъ столикѣ, ѣлъ мороженое въ кондитерской, подъ сводами, на площади, гдѣ старый королевскій замокъ.

Но что же дѣлать, если въ зародышѣ, въ какой-то ничтожной ячейкѣ уже заложено ядро всего, что темпераментъ будетъ расширять по канвѣ жизни?..

И она, и ея братъ — разновидности одного зародыша... Только ее пылъ охватывалъ въ видѣ влеченія, прежде всего, къ человѣку, а потомъ уже къ мужчинѣ... Можетъ быть, ея мозгъ вѣчно обманывалъ ее... Вѣдь выносила же она мужчину, и не одного, за двадцать слишкомъ лѣтъ?... Цѣлыхъ четыре страсти, въ разныя полосы ея жизни, владѣли ею. Почему она знаетъ?.. Какой-нибудь выученикъ того же туринскаго чудака — попади она къ нему въ качествѣ „субъекта“ — доказалъ-бы, пожалуй, что никакихъ духовныхъ стремленій въ ней и въ поминѣ не было, а просто „гистерія“ на самой заурядной, чувственной подкладкѣ.

— Что же это я?.. — спохватилась Ярославцева, встала и начала прибирать на столѣ, гдѣ у нея лежало нѣсколько книжекъ, рядомъ съ картономъ и дорожнымъ сафьяннымъ сакомъ...

Цѣлую недѣлю ходила и ѣздила она по улицамъ Петербурга. Сегодня только добилась результата...

Работа ей обѣщана и, кажется, прочная... Черезъ четыре дня, она приступитъ къ переводу большой книги съ норвежскаго. Нынче на скандинавскихъ писателей — мода; а она свободно читаетъ на обонхъ языкахъ — и норвежскомъ и шведскомъ. Какъ переводчицу и заграничную сотрудницу журналовъ и газетъ, ее знали въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Поэтому все сравнительно легко и устроилось... И цѣну положили хорошую: тридцать рублей съ листа... Она можетъ доставлять полъ листа въ день. Прежде могла переводить и по цѣлому листу. Случалось получать по семи рублей отъ такихъ подряд-

чиевъ, которые удерживали себѣ восемь, и работа считалась подъ ихъ редакціей.

Но раньше, чѣмъ она не оперится и не возьметъ квартиру отъ жильцовъ, тихую, здѣсь же на Пескахъ, и немножко не обновить своего туалета, она не явится къ брату. Да его и нѣтъ еще въ Петербургѣ. Семейство — здѣсь. Этихъ „дамъ“ она совсѣмъ не знаетъ... Съ нимъ не видалась много, много лѣтъ; врядъ-ли бы и узнала, встрѣтятся на улицѣ. И переписки между ними не было уже болѣе десяти лѣтъ.

А когда-то она такъ страстно увлеклась его умомъ и характеромъ...

II.

Аркадій Петровичъ Самородинъ всталъ съ тяжелой головой. Онъ зналъ, что къ обѣду у него разыграется жестокая мигрень и онъ будетъ лежать пластомъ на широкомъ диванѣ своего обширнаго кабинета, гдѣ у него такъ уютно и красиво, гдѣ стѣны увѣшаны, почти исключительно, картинами, гравюрами и акварелями съ женскими головками и торсами...

Спальня его — рядомъ съ кабинетомъ, узкая, довольно душная комната съ однимъ окномъ. Онъ не хочетъ спать въ кабинетѣ — изъ-за воздуха и декорама. Уже больше десяти лѣтъ, какъ онъ спитъ отдѣльно отъ жены своей, Анны Алексѣевны. Такимъ только путемъ могъ онъ отдѣлаться отъ всѣхъ тошнхъ „ненужностей“, неизбѣжныхъ при совмѣстномъ „опочиваніи“. Онъ любитъ употреблять это слово съ брезгливымъ оттѣнкомъ. Давно, чуть не со второго года супружества, онъ сталъ тяготиться всѣмъ тѣмъ, что женщина вообще вноситъ лишняго и тревожнаго, раздражающаго и вздорнаго въ жизнь, когда съ ранняго утра и поздно ночью вы должны выносить ея нервы, ея болтовню, или ворчанье, или подозрѣнія...

По части подозрѣній Анна Алексѣевна имѣла тонкій нюхъ.

Особенно трудно было провести ее, если она нюхала что-либо въ буквальный смыслъ слова.

Поведетъ носомъ и скажетъ: „Отъ тебя пахнетъ опопонавсомъ. Откуда это“?

И такъ посмотреть, что надо непременно что-нибудь присочинить...

„Откуда“? Онъ каждый разъ прекрасно знаетъ, откуда...

Потомъ онъ сталъ умнѣе... Возвращаясь домой, онъ усиленно душился своими собственными духами. И тогда она скажетъ, въ видѣ размышленія, вслухъ:

— Удивительно, какъ ты сильно душишься! Къ чему это?

Вспышки бывали въ первые годы супружества. Съ годами Аркадій Петровичъ становился все осторожнѣе и тоньше въ искусствѣ хоронить концы.

Развѣ жена его могла выставить хоть одинъ положительный фактъ, что-нибудь вѣское, очевидное? Развѣ его поведеніе, какъ мужа, отца или общественнаго дѣятеля — скандально? Ни до какой исторіи онъ себя не допуститъ. Деборумъ всегда будетъ соблюденъ. И никогда онъ не дастъ себя затянуть во что-нибудь такое, что ставитъ на карту семейный очагъ. Есть вещи, которыя „грѣхъ“ дѣлать.

И онъ ихъ никогда не дѣлалъ. Не думаетъ, чтобы и старикомъ далъ себя увлечь до такой степени.

Семья его обезпечена. Онъ на нее работаетъ. Доходъ съ капитала жены удвоилъ. Дѣтей по міру не пуститъ. У дочери его, Бетси — прекрасное приданое. И сынъ, Боря, учится въ привилегированномъ заведеніи и карьера его обезпечена. Чего же больше?

У него есть свои „карманные“ деньги. Прежде онѣ были меньше, теперь стали все расти... И онъ можетъ себѣ позволить расходы, неизбѣжныя въ какомъ угодно дѣлѣ... Былъ помоложе, тогда расходы на женщинъ сводились на такъ называемые „faux frais“; тогда еще слава Богу! — въ обществѣ — можно было находить милыхъ женщинъ, ищущихъ пониманія, оцѣнки своихъ качествъ. А такіе оцѣнщики, какъ онъ — рѣдки. Никто изъ людей его поколѣнія не потратилъ столько ума, вкуса, усердія, тонкости — на культъ красоты и ея проявленій въ существѣ женщины, какъ Аркадій Петровичъ Самородинъ.

Нынѣшніе любители женщинъ — циники, какіе-то обжоры, величайшіе эгоисты, съ отвратительнымъ тономъ. Они совсѣмъ и не любятъ женщины; все то, чѣмъ природа одѣлила ее, въ отличіе отъ другого пола. Для нихъ нужны: наѣздницы цирка, грубыя чувственныя бабенки съ ужасными манерами, или скандальныя знаменитости, которыхъ „котируютъ“, точно на биржѣ.

Съ годами, конечно, „карманныхъ“ денегъ онъ на себя сталъ тратить больше... Что же дѣлать? Законъ природы! И ему надо подчиняться... Нельзя быть такимъ жалкимъ себялюбомъ... Мужчины требуютъ отъ женщинъ красоты, граціи — первѣе всего — свѣжести, и здоровья, неувадаемой молодости... А онѣ, въ свою очередь какъ будто не имѣютъ такихъ же правъ на точно такія же требованія?..

И пришла такая пора (увы! раньше, чѣмъ онъ ждалъ) — вотъ уже болѣе пяти лѣтъ — какъ безъ извѣстной „подтопки“ дѣло пошло-бы очень плохо... Одной общей представительности мало...

Аркадій Петровичъ, проснувшись сегодня — какъ-то заново и обидно — почувствовалъ, что одной общей представительности мало...

Выйдя въ кабинетъ, въ красивой тужуркѣ изъ свѣтлосѣраго сукна — онъ почти съ гримасой подошелъ къ зеркалу надъ мраморнымъ чернымъ каминомъ и — сначала вправо отъ часовъ, потомъ влѣво — глядѣлъ на себя.

Никогда еще лицо его не казалось ему такъ землисто и морщинисто — такъ „старо“... Да, старо — другого слова нечего придумывать...

Лицо, положимъ — интересное... Сейчасъ можно подумать, что онъ былъ когда-то очень хорошъ. Но и только... Носъ раздался къ низу, какъ будто раздвоился и красенъ... Зубы — давно уже вставные въ верхней челюсти, посрединѣ — и дантистъ не сдумѣлъ сравнять ихъ совершенно со своими: они свѣтлѣе и не совсѣмъ той формы... Прежде это ему не бросалось въ глаза, какъ теперь... Волосы тоже давно сѣдѣютъ, но это скорѣе къ лицу. Съ тѣхъ поръ какъ они стали сѣдѣть, Аркадій Петровичъ брѣтется и носитъ только усы, длинные и щеткой. Но и ихъ цвѣтъ — „явно подозрительный“... Много перемѣнилъ онъ красокъ: и „Меланоженъ“, и „Олленъ“, и „Маскара“, и „Зуавъ“... Остановился на „Олленѣ“, который возитъ изъ-заграницы. Въ Россіи эта англійская краска не допущена. И за дѣло: она вредна, на металлической основѣ и вызываетъ прыщи на щекахъ. Но она держится хорошо и даетъ довольно похожій оттѣнокъ.

Одно еще остается: его ростъ, походка, моложавая худошавость туловища и прямизна ногъ. Сзади всѣ принимали его за молодого человѣка, которому еще не минуло тридцати...

Аркадій Петровичъ отошелъ отъ зеркала и, пройдясь по кабинету, остановился у широкаго зеркальнаго углового окна.

На дворѣ — слякоть... Внизу — съ высоты второго этажа — уличная утренняя жизнь ползла, подъ нимъ, промоклая и тусклая, съ несомкаемымъ лязгомъ колесныхъ шинъ о развѣзжанную мостовую...

Все это было-бы ничего. Человѣкъ, знающій, въ чемъ состоятъ краса и вкусъ жизни, не станетъ жаловаться на климатъ... Къ чему климатъ такому городу, какъ Петербургъ? Это одна претензія!..

Положимъ, пріятель его, проживающій больше на островѣ Майоркѣ, говоритъ всегда, попадая въ Петербургъ:

— „У васъ, господа, не климатъ, а метеорологическое недоразумѣніе“.

Все это вздоръ! Еслибы онъ самъ не былъ принужденъ вставать въ девять часовъ и заниматься дѣлами дома и въ двухъ мѣстахъ своей частной службы, — онъ-бы не желалъ видѣть другого свѣта, кромѣ свѣта лампы, канделябра, газа или электричества. Только при

искусственномъ свѣтѣ и есть жизнь... Голова разгорается, фантазія будитъ милые образы, полусвѣтъ, въ углахъ богато и уютно убраннаго кабинета, ласкаетъ васъ лучше глупаго солнца, неизмѣнно жарящаго, какъ ему полагается — съ восхода до захода — тамъ, въ такъ называемыхъ „благословенныхъ“ странахъ, хоть на той-же Майоркѣ его пріятеля, гдѣ должна душиť смертельная тоска, если женщины — плохи...

Что гвоздитъ и ноетъ въ груди Аркадія Петровича, это то, что онъ „не пристроенъ“. Вотъ уже больше трехъ мѣсяцевъ, какъ у него ровно ничего нѣтъ... даже въ перспективѣ... Къ веснѣ произошелъ разрывъ съ пріятельницей его жены, и та продолжаетъ бывать у нихъ. Съ чьей стороны вышло такъ — съ ея, или съ его — сказать трудно, но онъ уже не „клюетъ“... Французское выраженіе „donner sur la peau“ никто лучше его не понимаетъ... У него есть даже ощущеніе въ родѣ гусиной кожи, когда онъ встрѣтитъ женщину, говорящую ему нѣчто...

И вотъ безвкусно тянется полоса томительнаго жданья.

Онъ отошелъ отъ окна, и только что хотѣлъ позвонить, приложившись къ пуговкѣ электрическаго звонка, въ видѣ груши, подвѣшенной надъ столомъ у лампы, какъ его камердинеръ — единственный человѣкъ, который могъ, въ разное время, кое о чемъ догадываться, — вошелъ и подалъ ему молча карточку. На ней онъ прочелъ: „Лидія Петровна Ярославцева“.

III.

— Какъ? Ты? Лидя!.. Прямо съ неба свалилась!..

Братъ усадилъ сестру на диванъ, придерживая ее за руку и осматривая ее.

Они не видались болѣе десяти лѣтъ. И давно у нихъ не было переписки...

— Да, я, выговорила сестра и, бросивъ на него болѣе пристальный взглядъ, она вполголоса замѣтила: мы-бы вѣдь не узнали другъ друга, встрѣться мы на Невскомъ...

— Будто я такъ постарѣлъ?

— Не больше меня, Аркадій; но постарѣлъ.

— Какъ-же быть!

Онъ пожалъ слегка плечами.

Это внезапное появленіе сестры не разстроило Аркадія Петровича — скорѣе обрадовало; но онъ подъ нимъ чувствовалъ нѣчто...

Вѣроятно она явилась совсѣмъ разбитая, въ видѣ обломка тѣхъ бурныхъ прожиганій жизни, которыя за нею всегда водились...

По ея внѣшности можно было судить только о томъ, что ея дѣла не въ блестящемъ положеніи и что она ужасно потерта въ лицѣ. Туалетъ не нищенскій, однако показывается, что она давно уже не живетъ жизнью женщины изъ общества, въ тѣхъ привычкахъ, къ какимъ съ дѣтства была приучена.

— Откуда-же ты собственно? спросилъ Самородинъ, выпуская руку сестры...

Тонъ у него былъ родственный, съ неувимымъ оттѣнкомъ; какъ будто онъ сталъ сейчасъ гораздо моложе лѣтами и положеніемъ.

Такъ всегда бывало, когда они росли. Лидія была всего на два года старше его, но, когда онъ еще ходилъ въ мундирчикъ, ее уже вывозили... И она умѣла съ первыхъ лѣтъ ихъ общаго дѣтства взять нѣкоторое преобладаніе надъ нимъ, — мягкое, очень для него лестное, потому что она съ его студенческихъ лѣтъ всегда становилась на его сторону, находила его наружность интересною, даже льстила ему, безъ всякой, однако, задней мысли... Ей всегда надо было увлекаться чѣмъ-нибудь и кѣмъ-нибудь, и почти всегда себѣ во вредъ.

И долго она не могла отстать отъ такихъ „engouements“ къ своему любимцу. Только болѣе десяти лѣтъ спустя, когда она уже сложилась въ то, что она теперь, слетѣла съ нея всякая идеализація его натуры, инстинктовъ, рода жизни и всего того, что онъ выказывалъ, какъ членъ общества, какъ отецъ, какъ руководитель семьи, какъ мужъ...

На вопросъ, „откуда она?“ Лидія отвѣтила не сразу.

Она усмѣхнулась и отвела голову немножко вбокъ.

— Изъ разныхъ мѣстъ...

— Изъ Европы... или изъ Америки?

— Почему-же изъ Америки, Аркадій?

— Да вѣдь я ничего не знаю!.. Ты меня и всѣхъ моихъ вычеркнула изъ своего существованія...

Онъ выговорилъ эти слова безъ горечи, скорѣе съ усмѣшкой на своихъ красиво вырѣзанныхъ губахъ чувственника...

— Что-же старое перебирать, Аркадій?.. Ты помнишь... Мы встрѣтились съ тобой во Флоренціи. Тебѣ не понравилось, какъ я жила..... Ты находилъ...

— Развѣ это продолжается?..

— Нѣтъ, протянула она неопредѣленнымъ звукомъ.

— Что-же?.. Умеръ?..

Лидія помотала головой.

— Ушелъ? Бросилъ?

— Развѣ это можетъ быть иначе съ вами, мужчинами?

— А съ вами, женщинами? шутливо спросилъ онъ.

И мѣняя тонъ, тотчасъ-же сказалъ вполголоса...

— Пора-бы, Лидія и забастовать, какъ ты думаешь? Вѣдь ты не одна...

— Совсѣмъ одна.

— Какъ такъ?

Аркадій Петровичъ быстро всталъ.

Онъ отлично зналъ, что у нея были дѣти. Отъ мужа, законнаго, былъ мальчикъ. И заграницей явилось чадо... Онъ помнилъ эту дѣвочку, но хорошенько не зналъ никогда, отъ кого она.

— Я бобыль! Макса давно унесла оспа... Лиля — тоже умерла...

— Когда?

— Два года тому назадъ.

— Какже было, Лидія, даже не дать мнѣ знать?..

Онъ опять присѣлъ къ ней на диванъ.

— Зачѣмъ, Аркадій?.. Ты знаешь меня, я не люблю ничего формальнаго, двойственнаго... Тебя я не упрекала... Ты — со своими взглядами, — я со своими. Ты правъ: жизнь меня потрепала, и по моей винѣ... Въ насъ обоихъ темпераментъ бралъ верхъ надъ головой.

— Во мнѣ — не думаю.

— Тѣмъ лучше, полушутя откликнулась она. Съ тѣхъ поръ какъ ты женатъ, ты ушелъ въ свою жизнь... Зачѣмъ-же-бы я стала писать тебѣ жалобныя письма? Зачѣмъ? Изъ свѣтскаго приличія? Какъ строго соблюдается въ Старой Европѣ? Непремѣнно на большихъ листахъ съ траурнымъ ободкомъ, шириной въ цѣлый дюймъ, чтобы получить une bonne lettre de condoléance отъ моей belle soeur?..

Анну Алексѣвну Самородину она еле помнила изъ того времени, когда братъ только что женился, и съ тѣхъ поръ не видала ее, не имѣла понятія и о дѣтяхъ.

— Вотъ и теперь, Аркадій, продолжала Ярославцева, усаживаясь на диванъ въ болѣе покойную позу, я не хотѣла являться раньше извѣстнаго срока...

— Ты, стало — давно здѣсь?

— Съ конца августа.

— Ахъ Лидія!

— Такъ лучше!.. Я приѣхала сюда съ пятью рублями.

— И какъ-же ты?..

— Такъ.... Я, мой другъ, никакихъ подачекъ не люблю, даже и родственныхъ. Пока есть голова и руки, буду держаться. И держалась, могла-бы и заграницей прожить... Да стало какъ-то безвкусно...

Глаза брата досказали ей: „Конечно, любвей нѣтъ, и стала тоска забирать“.

Лидія точно поняла его мысль и прибавила:

— Надо и честь знать... На личную жизнь слишкомъ много отдано. Пора и душу спасать... Да и то еще... Всѣ, кого я видѣла изъ русскихъ, такъ говорили мнѣ о томъ, что у васъ дѣлается, что меня потянуло еще больше...

— Развѣ у насъ такъ соблазнительно?

— Нѣтъ, напротивъ... Но теперь-то и надо всѣмъ быть въ сборѣ... у кого еще осталось что-нибудь за душой...

Лобъ Аркадія Петровича слегка наморщился.

— Пора-бы и по этой части забастовать.

— По какой? Насчетъ идей, которымъ ты никогда не сочувствовалъ, Аркадій? Успокойся. Сивеу уватали крутыя горки. Идеи остаются при мнѣ, Аркадій. Много и въ нихъ посягало.

— *A la bonne heure!* вырвалось у брата.

— Надо дома умирать.

— Ужъ и умирать... Я не собираюсь.

— Я и не приглашаю... Такъ позволь мнѣ договорить... Приѣхала я съ пятью рублями... Являться просительницей?.. Только смущать тебя и твоихъ дамъ... Я переждала... Теперь я довольна своимъ положеніемъ.

— Какже ты устроилась? спросилъ Аркадій Петровичъ, подавляя въ себѣ вздохъ облегченія.

— Недурно. Въ гарні... Я привыкла, работу нашла и, кажется, прочную.

— По литературной части?

— Пошла мода на скандинавскую литературу...

— На счетъ Ибсена? Знаю.

— И другихъ. Я могу легко зарабатывать до трехъ сотъ рублей.

— Въ мѣсяцъ? Это прекрасно.

Братъ протянулъ ей руку. Оба они поднялись.

— Надо тебѣ теперь познакомиться съ Анной и Бетси. Не хочешь-ли чаю?

Самородинъ взялъ ее за талію и они стали ходить по кабинету.

IV.

Черезъ полчаса Аркадій Петровичъ былъ опять одинъ, въ своемъ кабинетѣ.

Сестра удалилась, не повидавшись съ его „дамами“. Онъ еще не вставали.

Онъ и не настаивалъ на томъ, чтобы Лидія дожидалась ихъ. Лучше было ихъ предупредить и, предварительно, успокоить Анну Алексѣвну. Она могла-бы взволноваться внезапнымъ появленіемъ

„бѣглою сестры“. Сейчас начнетъ тянуть деньги изъ брата и ком-прометировать всей своей личностью и своимъ прошлымъ.

А такъ дѣло обойдется гораздо ловчѣе. Онъ представитъ все въ приличномъ видѣ. Разумѣется, надо будетъ кое-что затушевать. Да онъ и не допрашивалъ сестру о всѣхъ ея похожденияхъ... Къ ней надо имѣть жалость.

Безпорядочность ея прежней жизни извѣстна Аннѣ Алексѣевнѣ; но, за послѣдніе годы, никогда о ней не говорилось въ семьѣ, и врядъ-ли кто изъ ихъ теперешнихъ знакомыхъ зналъ, что у него была сестра, живущая за границей, по фамиліи Ярославцева. И родственниковъ ея мужа онъ тоже не встрѣчалъ ужъ очень давно; онъ даже забылъ, когда это было...

Аркадій Петровичъ возбужденно прошелся по кабинету и позвонилъ.

— Когда барыня съ барышней выйдутъ въ столовую пить чай доложить мнѣ, — сказалъ онъ человѣку.

Пріѣздъ сестры, послѣ того, какъ она оказалась не нищей, не мизерабельнаго вида и тона, поднялъ въ немъ великодушное настроеніе. Ему захотѣлось быть съ ней добрымъ и понимающимъ, показать ей, что онъ снисходитъ къ ея „женской“ слабости и, если не мирится съ ея прошлымъ, то объясняетъ его.

Разумѣется, вздумай она и теперь, старухой, увлекаться, влюбись въ какого-нибудь „лохматого“ и начини всаживать въ него свой заработокъ, онъ будетъ сначала отечески-внушительнъ, потомъ строгъ и даже беспощаденъ. Пускай не прогнѣвается. Тогда онъ ей торжественно объявитъ:

„Мой домъ для тебя отнынѣ закрытъ, Лидія! Я не могу внести скандалъ въ очагъ, гдѣ у меня взрослая дочь и сынъ подростокъ“.

Не говоря уже о томъ, что Анна Алексѣевна первая потребуетъ отъ него — не принимать сестру.

„Нынче — думалъ онъ — столько шатается этихъ „лохмачей“, готовыхъ подъ предлогомъ „средства душъ“ и служенія „святому дѣлу“ поступать на иждивеніе къ старымъ блудницамъ“.

Сегодня у него есть дѣло на Острову. Онъ набавунѣ сказалъ своему домашнему секретарю, чтобы тотъ пришелъ только послѣ обѣда.

Онъ опять позвонилъ и приказалъ подать себѣ одѣться въ спальню, откуда вышелъ не раньше, какъ минутъ черезъ двадцать, съ освѣженной головой, съ налетомъ пудры на щекахъ, въ темно-синемъ костюмѣ и галстухѣ — широкимъ бантомъ, цвѣта средняго между сиренью и резедой...

Душился онъ, какъ всегда, очень сильно. Но, присвая на себя

изъ стеклянки духи, онъ съ грустью подумалъ, что такъ сильно душиться не было никакой положительной надобности.

Никакихъ „диверсій“ у него нѣтъ, и теперь, по уходѣ сестры, онъ еще сильнѣй почувствовалъ полную пустоту своей интимной жизни, той жизни, безъ которой все дѣлалось для него травой безвкусной. И что-то смутно ему подсказало, что, будь у него „хоть что-нибудь“ на очереди— „sur le chantier“, какъ онъ любилъ выражаться, прїѣздъ сестры, съ которой у него все-таки же кровная связь — многому-бы помогаль.

Его лѣта и положеніе не позволяютъ задушевно болтать, даже съ мужчиной его лѣтъ... Еще недавно у него былъ прїятель и они повѣряли другъ другу свои „récadilles...“ Того въ нѣсколько дней унесло петербургское повѣтріе. Заводить новыхъ конфидентовъ поздно. Онъ и не любитъ лишней болтовни... Прїятно, изрѣдка, сообщеніе какого-нибудь „штриха“, гдѣ женская натура покажетъ себя въ особенно привлекательномъ или, напротивъ, ехидномъ свѣтѣ. Или-же подѣлиться тонкимъ смакованьемъ какой-нибудь подробности наружности и темперамента.

А Лидія, нужды нѣтъ, что она всегда носилась съ своимъ идеаломъ, должна быть очень опытна...

И все-таки Аркадій Петровичъ принужденъ былъ еще разъ сознаться, что пустоту онъ испытываетъ томительнѣе той, какая и прежде бывала, въ промежуткахъ между „диверсіями“, отъ тягостей супружеской жизни.

Онъ совсѣмъ было собрался пойти на-половину жены, но, на порогѣ кабинета, выходящаго главною дверью въ переднюю, остановился и даже приложилъ палецъ къ переносицѣ.

Не благоразуміе-ли будетъ ничего не говорить дамамъ и самому сначала побывать у сестры, убѣдиться, что она говоритъ правду, посмотреть, въ какой обстановкѣ живетъ?.. Кто ее знаетъ: быть можетъ тамъ уже есть какой-нибудь „lui“—выговорилъ онъ про себя, по-итальянски. Это слово обозначало у него то, что зовутъ обыкновенно „Альфонсомъ“, а по-русски оно звучитъ и посылкаѣ...

Конечно такъ благоразуміе... Ужъ чего другого, а такта ему не занимать стать. Тактомъ и тонкой осторожностью все и держится, слава Богу, въ его семействѣ. И Анна Алексѣевна, до сихъ поръ не желающая отказываться отъ своихъ „правъ“, не могла и не можетъ имѣть прямого повода сдѣлать ему форменную сцену.

Да, важныхъ уликъ противъ себя онъ не давалъ ей въ руки...

Въ началѣ двѣнадцати, Аркадій Петровичъ вѣхалъ въ своемъ одноконномъ низкомъ фаэтонѣ на резинахъ по направленію къ Острову.

Дѣловой визитъ взялъ у него около часу, позавтракалъ онъ у

Кюба, за тѣмъ столомъ „финансистовъ“, который даетъ тонъ всему ресторану, съ полчаса побылъ въ правленіи, а часу въ четвертомъ, его фаэтонъ, на лихихъ рысяхъ, побачиваясь и издавая заглушенный звукъ, подѣзжалъ къ мостику Лиговей и взялъ потомъ въ сторону Греческой церкви.

Лидія оставила ему своей адресъ... Онъ и не рассчитывалъ найти ничего, кромѣ плоховатыхъ меблированныхъ комнатъ. Но сестра прибавила, — что думаетъ скоро взять квартиру отъ жильцовъ, тамъ же, на Пескахъ, поближе къ Невскому.

Входя по лѣстницѣ, Аркадій Петровичъ морщился... Надо, чтобы Лидія поскорѣ выѣхала отсюда. У нея всегда была склонность къ беспорядочной цыганщинѣ. Но разъ она зарабатываетъ до трехсотъ рублей въ мѣсяцъ, — съ какой-же стати ютиться „въ трущобѣ“?

Въ томъ этажѣ, гдѣ жила она, онъ долго ходилъ по темному коридору, тщетно зовя прислугу, и собрался уже уходить, брезгливо недовольный.

Одна дверь отворилась и женскій молодой голосъ, съ явственнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, спросилъ:

— Вамъ кого нужно, месье?

Аркадій Петровичъ возрился въ нѣмку и отъ пріятнаго изумленія не сразу отвѣтилъ...

— Вы здѣсь живете? — тихо спросилъ онъ, подходя къ ней. Голосъ его мгновенно принялъ оттѣнокъ нѣжной внимательности.

— Да, месье. Вы ищите?

— Госпожу Ярославцеву.

— А! Это номеръ десятый... Она ушла.

— Вы навѣрно знаете?

— О, да! Я видѣла.

Передъ нимъ высился стройный станъ блондинки. Ея шея, голова, волосы, руки, книзу обнаженные, заиграли въ его глазахъ.

„Живеть здѣсь, въ этихъ номерахъ, значить нуждается, ищетъ“ — подумалъ онъ, и, съ наклономъ головы, сказалъ мягко и вѣрадливо:

— Благодарю васъ... Я найду послѣ.

V.

Было воскресенье. Боря, сынъ Аркадія Петровича, сидѣлъ въ столовой съ сестрой Бетси, въ ожиданіи выхода матери. Боря уже приготовился къ выѣзду. Воротникъ его мундира блестѣлъ золотыми петлицами и совсѣмъ подпиралъ ему щеки. Онъ носилъ его, непо-мѣрно-высокимъ, по прусскому образцу; также и фуражку, когда былъ въ заведеніи. И фуражка, у него и у всѣхъ кто себя „уважалъ“

въ его курсѣ, кроилась „прусская“; съ высокимъ околышемъ и узкой тульей, вошедшая въ моду — не дальше послѣдней весны...

Лицо у Бори — овальное, тонкое, носъ удлинненный и съ на- смѣшливыми ноздрями; на верхней губѣ замѣтный пушокъ и начало бакенбардъ подъ вьющимися слегка висками. Онъ считается между товарищами „интереснымъ“ и его умѣніе носить мундиръ цѣнится всѣмъ классомъ. Хотя тратить онъ и не можетъ такъ, какъ многіе товарищи, и даже побаивается долговъ, но ни у кого изъ богачей нѣтъ такого шика въ размѣрахъ цвѣтныхъ обшлаговъ, длиннѣ мундира и покроѣ панталонъ.

Бетси гораздо его старше — и, до сихъ поръ смотритъ на себя, какъ на его воспитательницу... Онъ часто отдѣливается шутками; а иногда даетъ ей довольно язвительный отпоръ; но они все-таки ладятъ... Сестра на него не похожа... Онъ — брюнетъ, сухой, жилистый, средняго роста; она — длинная, худая блондинка съ перетянутой таліей и падающими узкими плечами. Бетси беретъ безукоризненной англійской выправкой, изящнымъ говоромъ, на четырехъ языкахъ, и, вмѣстѣ съ свѣтскостью, желаніемъ показать, что ей не чужды „допустимыя“ идеи, и она способна понимать „всякую книжку“.

Она — бывшая „трубиства“, или „трубичка“, какъ иногда называетъ ее Боря, когда она ему надоѣсть своими сентенціями. Бетси — некрасивая, лицо длинное, выдавшійся подбородокъ, мелкіе прыщи на лбу, глаза — съ красноватыми вѣками, руки слишкомъ длинныя и кисти ихъ съ плосковатыми ногтями.

Но она не боится того, что останется „дѣвой...“ У нея такъ много такта и пониманія людей; она такъ хорошо одѣвается и у нея такой акцентъ по-англійски, что и въ тридцать лѣтъ она сдѣлаетъ партію: — выйдетъ за какого-нибудь немолодого холостяка: вице-директора, прокурора, полкового командира, если согласится сдѣлаться „военной дамой“, что, на ея оцѣнку, слишкомъ банально.

Боря глотаетъ чай изъ стакана съ подстаканникомъ отрывочными глотками, причѣмъ смотритъ сосредоточенно въ глубь.

— Бетси! — окликнулъ онъ. — Въ какомъ она вкусѣ?

— Кто? — отозвалась Бетси, наливъ себѣ чашку.

— Да тетенька?

Обыкновенно они говорили по-французски, кромѣ разговоровъ семейныхъ, которые, почему-то, велись всегда исключительно по-русски.

Бетси прищурилась, и ея безкровныя губы повело улыбкой.

— Такъ... Прилична... Но ужъ старуха... Видно...

Она остановилась.

— Кутнула?.. Ха, ха...

Намъ до этого нѣтъ дѣла, Борисъ, — протянула Бетси имя брата, напирая на чистый звукъ „о“, который у нея выходилъ съ французскимъ *accent circonflexe*.

— Зачѣмъ-же такъ секретно? — спросилъ Боря стихомъ изъ „Горе отъ ума“, единственной русской комедіи, какую онъ „признавалъ“; да и то, потому больше, что ее любилъ самъ Пушкинъ; а Пушкинъ онъ не прочь-бы быть, вѣрный традиціямъ своего заведенія.

Бетси пожала плечами.

— Она прилична... какъ можетъ быть прилична особа...

— Послѣ разныхъ карамболяжей и шлянья по заграничѣ съ господами анархистами?..

— Этого, кажется, не было... И разъ она принята въ нашемъ домѣ, совсѣмъ лишнее говорить о ней въ такомъ тонѣ...

— Ну, ужъ, пожалуйста, безъ прописей, огрызнулся Боря, пропустилъ въ горло послѣдній потокъ чая, откинулся на спинку стула и сталъ старательно, сжавъ брови, разглядывать фасонъ своихъ сапогъ. Ему третьяго дня принесли сапоги не съ острыми, а съ четырехугольными носками, немного смягченными по угламъ... Только онъ не зналъ, можно ли ихъ называть: „des bouts Carnot“, какъ бы ему очень хотѣлось, или-же „bouts Carnot“ — другіе, поокруглѣе, хотя и такой же ширины.

— Ну а какъ мама ее приняла?

— Ничего... разумѣется, не такъ, чтобы особенно, но прилично... выговорила потише Бетси.

— А не станетъ эта тетенька тянуть отъ отца субсидіи?.. Вѣдь она, я думаю, — совсѣмъ... Боря хотѣлъ сказать „нищая“, но воздержался и кончилъ свою фразу выразительнымъ жестомъ правой ладони.

— Она живетъ литературой.

— *Maigre pitance!* съ гримасой пустилъ онъ выраженіе, которое считалъ, почему-то, чрезвычайно новымъ.

— Папа говорилъ, что ей платять въ мѣсяцъ до трехъ сотъ рублей.

— Скажите пожалуйста!.. Если не хвастаетъ на первыхъ порахъ, чтобы потомъ начать производить давленіе... Вѣдь папа слабъ... И родственное чувство въ немъ заговорить пожалуй...

И братъ, и сестра отлично знали, какая „слабость“ самое характерное свойство ихъ отца. Они знали и то, что онъ до сихъ поръ еще не разорлся на женщинъ. У нихъ въ домѣ постоянно бываетъ нѣкая Маргарита Ивановна Крамеръ, съ талантомъ свѣтской австрисы, играющая во французскихъ пьесахъ „не хуже Лего“. Больше пяти лѣтъ какъ она сдѣлалась пріятельницей — не столько матері, сколько

отца... И въ первые три года—тогда она была побогаче—отъ этой вдовы доставалось имъ обоимъ не мало всякихъ подарковъ, мѣсть въ ложѣ и разныхъ parties de plaisir. Теперь — что-то не то... Оба отлично сообразили, что она уже „напина ancienne“, но продолжаетъ ѣздить по прежнему, только гораздо рѣже... И братъ и сестра къ ней внимательны. Бетси она была полезна по части туалетовъ и самыхъ новыхъ французскихъ романовъ. Борю она принимаетъ къ себѣ, какъ большого, иногда даже угощаетъ какимъ нибудь десертнымъ виномъ, и рассказываетъ ему всякія новости изъ того круга, гдѣ и онъ будетъ скоро увлекать женщинъ, если захочетъ воспользоваться своей наружностью, шикомъ, увѣреннымъ тономъ и связями съ тѣми изъ товарищей, у кого отцы—богаты и знатны.

Въ смежной комнатѣ слышались довольно тяжелые женскіе шаги съ легкимъ скрипомъ кожаныхъ ботинокъ.

Анна Алексѣевна, показавшись въ портьерѣ столовой, остановилась въ ней и оглядѣла дѣтей.

У нея широкая дородная фигура и ясное, полное лицо. Она живетъ безъ лишнихъ волненій и въ постоянномъ сознаніи своихъ правъ, какъ матери и жены. Дѣти ея побаивались, потому что она была скушечка и карманная деньги шли отъ нея... Бетси она не любила, къ Борису тайно имѣла слабость... И дѣти, и мужъ, и всѣ въ домѣ считали ее ограниченной; и всѣ держались съ ней осторожно. У каждаго были на то свои причины... Мужъ около двадцати лѣтъ игралъ съ ней комедію, которую она смутно прозрѣвала и не хотѣла допытываться; а свои супружескія „права“ и до сихъ поръ ограждала, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ.

VI.

Анна Алексѣевна не любила много разговаривать съ дѣтьми. Она считала это дурной замашкой матерей, не умѣющихъ соблюдать свое достоинство...

И въ ея присутствіи они не позволяли себѣ того, что сошло бы съ рукъ при отцѣ.

Чай она пила медленно. Наливала Бетси. Боря, по воскресеньямъ, рассказывалъ матери про товарищей и подговаривался къ чему-нибудь „экстремному“, т. е. къ перехвату денегъ, или къ необходимости заказать себѣ новое пальто, или купить рinсе-нез девяносто шестой пробы. Надо было всегда заручиться согласіемъ матери и потомъ уже идти къ отцу...

И братъ и сестра давно распознали, что отецъ „дрейфитъ“ пе-

редь матерью, по выраженію Бори, потому что за нимъ водятся „des peccadilles“, какъ снисходительно выражалась и Бетси.

— Сашка Скуратовъ проигралъ на тотализаторѣ больше тысячи, небрежно, но съ видимымъ удовольствіемъ сообщилъ Боря.

Анна Алексѣевна повела полной шеей и остановила на сынѣ свои круглые влажные глаза.

— Что же тутъ хорошаго?.. выговорила она.

Ея лобъ не наморщился; только ея „front“ изъ рыжевато-русыхъ волосъ, недавно сдѣланный парикмахеромъ изъ Морской, вздрогнулъ... Подъ этой накладкой волосы у ней сильно рѣдѣли и отдавали уже легкой сѣдиной.

— Ахъ, мама, — возразилъ Боря, рѣдко уступавшій матери, зная, что та имѣетъ къ нему слабость... — Это понятно: онъ получаетъ 10 тысячъ рублей — на перчатки и конфеты, прибавилъ онъ, и въ носъ засмѣялся.

— И тебѣ завидно? построжее спросила Анна Алексѣевна.

— Какъ ни завидуй — все равно!..

Бетси взглянула полунасмѣшливо на мать, какъ-бы желая сказать этимъ взглядомъ: „полюбуйтесь; вѣдь это вы допустили до такого тона!“

— Если ты подговариваешься — Анна Алексѣевна съ дѣтми любила говорить характернымъ русскимъ языкомъ — то очень неудачно... Постоянно клянчить за тебя у отца я не намѣрена... Онъ и не на твои глупости сталъ приминистъ...

Въ другое время Анна Алексѣевна не позволила-бы себѣ такъ говорить про ихъ отца; и она всегда поддерживала деворумъ... Аркадій Петровичъ съ нѣкоторыхъ поръ — не больше, какъ въ концѣ прошлаго мѣсяца — сталъ дѣйствительно приминистъ... Онъ увѣряетъ, что сумма, которую онъ получаетъ въ дополненіе къ окладу въ одномъ изъ обществъ, окажется къ новому году непременно уменьшенной, процентовъ на тридцать, такъ какъ дѣла шли гораздо хуже и одинъ заграничный крахъ произвелъ брешь въ полмилліона.

Можетъ быть. Она никогда не желала подозрѣвать своего мужа въ денежной безчестности; но опять явились, въ гораздо сильнѣйшей степени, знакомые признаки. Аркадій Петровичъ чаще ѣздитъ въ клубъ... Въ клубъ-ли? Объ этомъ справиться можно; но она никогда не унижалась до такихъ справокъ. Въ клубъ можно заѣхать на четверть часа. Если нѣкто изъ знакомыхъ его тамъ не видѣлъ, отговорка проста: сидѣлъ въ читальнѣ, или отдыхалъ въ „мертвецкой“, какъ они тамъ называютъ комнату съ кушетками, гдѣ они храпятъ, наѣвшись пряной ѣды, или напившись разныхъ винъ, отъ

которыхъ у Аркадія Петровича уже есть признаки подагры, которые онъ упорно называетъ — „невралгіями“.

Главный признакъ — опять непомѣрно началъ душиться... И какіе-то совсѣмъ новые духи... Такъ что и придраться нельзя... Сказать: „я такихъ у тебя духовъ не знала что-то“ — онъ отвѣтитъ: — „не хочешь-ли и ты душиться ими? Они въ большой модѣ. Я ихъ купилъ въ Морской у твоего-же куаффера“...

— Папа дома? — спросила Анна Алексѣевна, ни къ кому изъ дѣтей не обращаясь...

— Нѣтъ, — увѣренно отвѣтилъ Боря. — Il devient très matinal, — прибавилъ онъ и повелъ губами. — Даже въ воскресенье.

— Есть дѣла и по воскресеньямъ...

Про себя она этому не вѣрила... У обѣдни онъ не бываетъ — почти никогда, кромѣ Пасхи, да и она съ дѣтьми — очень рѣдко: въ большіе праздники. Приходскихъ церквей она не выноситъ, для домовыхъ надо одѣваться слишкомъ рано, затягивать себя въ корсетъ, а когда она поѣдетъ туда не напившись чаю, у ней сейчасъ начнетъ сосать подь ложечкой.

— Мама! — окликнула Бетси, вставая послѣ того какъ налила матери вторую чашку, madame Gramer хотѣла заѣхать за мной послѣ завтрака... Ты ничего не имѣешь противъ этого?

Бетси, прежде всего, желала всегда брать безукоризненностью своего тона и обращенія... Ни она, ни Боря не могли допустить, чтобы мать ничего никогда не подозрѣвала насчетъ этой дамы и отца. Но теперь это уже „старая исторія аббата Роллена“: одна изъ обычныхъ прибаутокъ самого Аркадія Петровича.

Анна Алексѣевна не тотчасъ отвѣтила. Она отхлебнула изъ плоской дорогой чашки, чуть слышно посапывая, привычка, перешедшая и къ Бетси, когда та разбирала ноты или что-нибудь сосредоточенно считала.

— Ты можешь... Только нѣтъ надобности засиживаться у нея.

— Я и не думаю... Мнѣ воздухъ нуженъ... А ты вѣдь будешь дѣлать визиты... Или папа возьметъ лошадей?..

— Отецъ, кажется, не злоупотребляетъ этимъ? — сказала Анна Алексѣевна съ оттѣнкомъ упрека.

Внутренно она не очень умилалась тѣмъ, что Аркадій Петровичъ рѣдко беретъ карету, и даже не каждый день выѣзжаетъ въ одиночку.

Давно онъ держится извѣстныхъ привычекъ... Утромъ по дѣламъ онъ еще выѣзжаетъ въ экипажѣ или саняхъ. Къ обѣду и вечеромъ почти никогда на своихъ.

Это тоже „штрихъ“. Кучеръ лишній свидѣтель; а то и сообщ-

ниѣ. Гораздо-же благоразумиѣе—не давать прислугѣ никакихъ поводовъ что-либо знать или до чего-нибудь допытываться. И за это Анна Алексѣевна скорѣй благодарна ему.

Бетси стоя, наклонясь надъ столомъ, спросила:

— Tu as fini, maman?..

— Мерси,— отвѣтила ей мать, и когда дочь вышла изъ столовой, исполнивъ обрядъ наливанія чая, Анна Алексѣевна, положила локти на столъ и спросила Борю особымъ, ему отлично знакомымъ, голосомъ:

— Ты пожалуйста не воображай, что я буду тебѣ выпрашивать у отца деньги... И пожалуйста не финти... Ты, должно быть, опять задолжалъ?

— Пустяки.

— Однако?

— Да все тому-же Сашѣ... Онъ подождетъ... Но по счету того, Léon Auclair, уже больше двухъ мѣсяцевъ... и вотъ еще эти...

Боря указалъ головой на сапоги.

— Léon Auclair, Léon Auclair!—повторяла Анна Алексѣевна, какія претензіи!

— Да вѣдь это твой-же фурниссеръ, maman?.. Переведи на свой счетъ. Деньги на туалетъ — у тебя... Тебѣ вѣтъ надобности докладывать отцу. Онъ никогда и не протестуетъ.

И сынъ такъ, при этомъ, подмигнувъ, что Анна Алексѣевна чуть не покраснѣла: она еще сохранила эту способность...

Ну да, и этотъ мальчишка отлично понимаетъ, что за отцомъ водится всегда что-нибудь, и „протестовать“ ему неудобно.

VII.

По воскресеньямъ Аркадій Петровичъ никогда не обѣдалъ въ своемъ клубѣ... Это день семейныхъ или званыхъ обѣдовъ...

Сегодня онъ, не предупредивъ никого у себя — все равно, они будутъ обѣдать дома, — уѣхалъ съ намѣреніемъ не возвращаться въ седьмомъ часу. Онъ отослалъ кучера отъ Кюба, гдѣ завтракалъ, и приказалъ доложить, что „баринъ кушать домой не будутъ“.

Въ клубѣ обѣдъ ранній, въ началѣ шестого. Ему такъ именно и удобно, чтобы къ семи часамъ быть уже свободнымъ; а это ему нужно...

У швейцара, снимавшаго съ него шинель съ бобромъ, Аркадій Петровичъ лѣниво и немножко въ носъ спросилъ:

— Кто есть сегодня?

— Немного-съ... Ипполитъ Сергѣевичъ Прейсъ сейчасъ пришли. Генераль Старовъ...

— А-а-а, протянулъ Аркадій Петровичъ и сталъ, болѣе бодрой походкой, подниматься по лѣстницѣ старинныхъ сѣней.

Высокіе потолки барскаго дома, оставшагося съ отдѣлкой начала вѣка, смотрѣли на него своими поблеклыми фресками. Ему хорошо дышалось, когда онъ медленно проходилъ по амфиладѣ огромныхъ гостинныхъ, превратившихся въ игральныя комнаты. Клубъ поддерживалъ въ немъ чувство холостой свободы. Сюда женъ не пускаютъ, да и вообще никакихъ женщинъ, какъ въ каждомъ, уважающемъ себя, клубѣ. Онъ — поклонникъ женской красоты; но что имъ здѣсь дѣлать?.. Играть въ карты? Какой ужасъ!.. Онъ только въ женѣ допускалъ привычку, и даже страстишку, къ зеленому сукну... Въ ней это — прекрасное свойство: голова занята, вечера наполнены... Нѣтъ ни времени, ни повода о чемъ-нибудь допытываться...

Самъ Аркадій Петровичъ до сихъ поръ не играетъ. Онъ считалъ-бы жалкимъ безуміемъ: тратить свой темпераментъ на волненія карточного стола... Карты сушатъ, старятъ, дѣлаютъ брызгой, даютъ привычку сидѣть цѣлыми ночами за такимъ бессмысленнымъ пересыпаніемъ бумажекъ изъ кармана одного партнера въ карманъ другого.

Обѣдать разъ въ недѣлю, — въ дни особенныхъ, болѣе дорогихъ и вкусныхъ обѣдовъ — онъ любитъ... Тогда вокругъ него идутъ чисто холостые разговоры; раздается зычный смѣхъ; чувствуется, какъ все эти мужчины, молодые и старые — на двѣ трети, мужья и отцы семействъ — охвачены особенной радостью и молодечествомъ... Тутъ царство мужского духа. Никто за тобой не слѣдитъ, никто не гувернанствуетъ. Можно давать полный ходъ всему своему естеству мужчины, любить игру, вино, женщинъ, острить, не сдерживать себя въ балагурствѣ, въ ѣдѣ, вызывать смѣхъ у слушателей вольнымъ анекдотомъ.

Аркадій Петровичъ вошелъ въ проходную залу, гдѣ стояла обильная закуска, и увидѣлъ у стола, какъ разъ, двухъ своихъ близкихъ пріятелей по клубу — Прейса и генерала Старова.

Оба холостяки. Прейсъ — еще молодой, съ выразительнымъ лицомъ, высокой, черноволосый, одѣтъ въ черное, но съ особеннымъ оттѣнкомъ франтовства — сюртукъ его былъ непомерной длины и воротникъ рубашки открывалъ слишкомъ глубоко вырѣзъ бѣлой полной шеи... Генералъ — коренастый, съ геморoidalнымъ лицомъ, держался твердо на короткихъ толстыхъ ногахъ, лысый, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ игривыми глазками большого женолюбца и любителя пикантныхъ исторій.

— А-а!.. Аркадій Петровичъ, — обрадованно крикнули оба пріятеля, забывая себѣ въ ротъ жадно и торопливо — одинъ кусокъ форшмака, другой — два куса балыка.

— Рѣдкій воскресный гость! — добавилъ генералъ. — Хвалю... Хвалю... Эмансипировался отъ супружескаго ярма.

Они сѣли подрядъ за обѣдомъ, гдѣ ѣли за двумя столами. Самородинова они помѣстили между собою и генераль предложилъ даже ознаменовать „эмансипацію“ Аркадія Петровича, спросилъ бутылку „Гейдзика“. Къ пирожному бесѣда получила ноты задухевности и они перестали обращаться къ другимъ, обѣдавшимъ за тѣмъ-же столомъ.

Генераль, съ пылающими щеками отъ кулебяки и вина, наклонился къ Прейсу черезъ Самородина и, подмигнувъ, сказалъ:

— Что-то у насъ Аркадій Петровичъ притаился за послѣднее время. Должно быть нашелъ какой-нибудь занимательный сюжетъ?

— Конечно, — отозвался Прейсъ, закинувъ голову и снисходительно усмѣхнувшись.

Эта усмѣшка покорибила Аркадія Петровича. Онъ вообще, внутренно, не долюбиваль этого красавца, съ его „каботинскимъ“ лицомъ и замашками влюбленнаго въ себя петербургскаго „побѣдителя“.

Знаетъ онъ его побѣды!.. Это все экземпляры изъ драмы и оперы. Но какія? Уже перерзѣлыя бабенки, лѣтъ подъ сорокъ и больше. Въ нихъ онъ мастеръ вызывать истерическіе припадки мужелюбія, да и то дѣйствуетъ онъ самыми избитыми приѣмами: стихи читаетъ съ подкатываніемъ глазъ, грозитъ пистолетомъ, пріѣдетъ куда-нибудь въ провинцію, гдѣ играетъ „звѣзда“, тамъ производитъ свой натискъ и, когда она не сразу сдается, пускаетъ такой приѣмъ: послѣ бурной сцены прощается съ ней „навсегда“, возьметъ поѣздъ, доѣдетъ до ближайшей станціи, тамъ пересядетъ, и ночью, вдругъ, стучится у номера „звѣзды“, вернувшейся изъ театра. Картина! Она падаетъ въ его объятія и онъ обладаетъ ею до новой охоты за знаменитостью.

Не любилъ и не уважалъ въ немъ Аркадій Петровичъ и то, что онъ такъ безцеремонно рассказываль, первому встрѣчному: кто, когда и въ какой обстановкѣ „отдавалась“ ему. Эти исторіи ходятъ по городу. Развѣ возможно поступать такъ человѣку, дѣйствительно цѣнящему то, что привлекаетъ въ женщинѣ?

Снисходительная усмѣшка пріятеля раззадорила его. Послѣ кофе они посидѣли на диванѣ въ билліардной и тутъ, на новое представленіе генерала, Аркадій Петровичъ, протянувши ноги, на особый ладъ улыбнулся и медленно, полутаинственно выговорилъ:

— Есть въ нѣмецкой расѣ... качества перваго разряда...

— Будто? — безрзливо откликнулся Прейсъ.

— Бываетъ, — отозвался генераль и насторожилъ уши.

— Мы — рабы предрасудковъ. Мы слишкомъ привыкли все девигрировать. Нѣмка: это почти бранная кличка.

— Конечно, и Гретхенъ была нѣмка, но только одна! — все также безрзливо сказалъ Прейсъ.

— Есть сюжетцы... особенно въ Вѣнѣ, — замѣтилъ генераль.

— Глыбы мяса! — отрѣзаль самоувѣренно Прейсъ.

— Не скажите, милый мой, — возразилъ Аркадій Петровичъ и мечтательно провелъ рукой по глазамъ.

Онъ могъ-бы имъ, въ самыхъ художественныхъ деталяхъ, дать почувствовать: *какія* бываютъ нѣмки. Но онъ даже и о такихъ встрѣчахъ не будетъ говорить, какъ этотъ непорядочный фатъ, поражающій сердца перезрѣлыхъ „каботинокъ“.

Въ началѣ седьмого, онъ сталъ собираться. Генераль и Прейсъ переглянулись и первый сказалъ ему на прощанье:

— Времени не теряете! Хвалю! хвалю!..

VIII.

Къ семи часамъ Аркадій Петровичъ долженъ былъ ждать у сквера, около Греческой церкви. Тамъ условлена была встрѣча. Онъ послалъ изъ клуба за извощичьей каретой. Мѣсто свиданія выбралъ онъ не совсѣмъ удачное; но иначе вышло-бы неловко...

До сихъ поръ сестра его, Лидія Петровна Ярославцева, все еще сидитъ въ своемъ дешевомъ гарни, на Пескахъ; только взяла номеръ въ двѣ комнаты... Тамъ-же завязалось у него знакомство съ Эммой, ея роскошной сосѣдкой.

И онъ дѣйствовалъ такъ осторожно и ловко, что Лидія Петровна врядъ-ли даже догадывается объ этомъ знакомствѣ. Какъ будто дѣло пошло на ладъ довольно быстро.

Нѣмка ищетъ мѣста продавщицы или лектрисы на нѣмецкомъ языкѣ къ старому холостяку. Она изъ какого-то тамъ Якобштадта или Феллина. Въ Петербургѣ уже второй годъ.

Предполагаетъ онъ, что лѣтомъ ее „возили“ въ Крымъ и она оттуда пріѣхала съ нѣкоторой денежной поддержкой, которую и успѣла уже истратить... Разумѣется, она это скрываетъ и даетъ понять, что она можетъ устроиться какъ ей угодно. Аркадій Петровичъ попросилъ ее въ первый-же свой визитъ воздержаться отъ лишнихъ разговоровъ съ той дамой, которая живетъ съ нею въ одномъ коридорѣ; но вышло такъ удачно для него, что сестра перешла этажемъ ниже, и онъ могъ, даже посѣщая Эмму, не сталкиваться съ ней... А онъ только издали видалъ одна другую, и нѣмка, до сихъ поръ, не знаетъ, что та дама и онъ — сестра и братъ.

И, все-таки, онъ счелъ осторожнѣе сегодня не заѣзжать къ ней въ номера, чтобы не встрѣтиться какъ нибудь съ Лидіей... Да ему и пріятнѣе было для его мужского чувства сойтись въ темнотѣ, у сквера. Карета будетъ ждать на углу. Вотъ справа отъ Слоновой

Эти слова Анна Алексѣевна прочла два раза, сначала про себя, потомъ вслухъ.

— *Quelle infamie!* — воскликнула она, и шелковый корсажъ ея издалъ трескъ отъ поворота головы.

Братъ не сталъ защищать сестру.

Этотъ скандальный бракъ произвелъ выгодную для него „диверсію“. Послѣ исторіи съ посыльнымъ жена — не дѣлая ему сценъ, начала доѣзжать его маленькими вопросами, на которыхъ можно было легко пойматься.

Онъ распозналъ также, что Анна Алексѣевна считала Лидію его сообщницей, какъ „завѣдомую развратницу“. У нея онъ могъ познакомиться съ какой-нибудь легкой особой... Такъ вѣдь оно и вышло въ дѣйствительности. Если не у нея въ номерѣ, то въ ея номерахъ, что — одно и то-же...

Теперь сама Лидія сдѣлала своимъ письмомъ то, что родственная ихъ связь виситъ на ниточкѣ, и если она будетъ упорствовать въ своемъ жалкомъ мужелюбїи, — онъ, разумѣется, откажетъ ей отъ дому, о чемъ неоднократно и прежде думалъ... На это у него достанетъ твердости принциповъ.

— Однако, уже по русски продолжала Анна Алексѣевна, подумавъ—что у ней всегда выходило съ характернымъ наморщиваніемъ лба—для нашего имени это будетъ Богъ знаетъ что!..

— Какъ-же съ ней быть?.. Не высѣчь-же ее?.. возразилъ Аркадій Петровичъ, останавливаясь противъ глубокаго кресла, куда ушла плотная фигура его жены.

— *Comme chef de famille*, медленно, ища выраженій, говорила Анна Алексѣевна—ты долженъ все-таки вразумить ее... Аркадій...

— Вразумить ее?..

— Въ послѣдній разъ...

— Опять нарываться на разныя милья дерзости?..

— По крайней-мѣрѣ, у насъ будетъ совѣсть чиста... Я—во всемъ этомъ умываю руки. Да и не могу-же я отправляться туда... гдѣ она живетъ... Извиня меня... я, до сихъ поръ, упребаю себя за то, что тогда—помнишь?—и глаза Анны Алексѣевны досказали: „когда приходилъ подозрительный посыльный?“ — отравила Ветси сдѣлать визитъ...—теткѣ...

— Ты поступила вполне порядочно.

— Можетъ быть, мой другъ, но я все-таки упрекаю себя...

Анна Алексѣевна чего-то не договорила... Ей что-то кажется, что Ветси, побывавъ у тетки,—стала слишкомъ легкимъ тономъ говорить объ отцѣ... Кто ее знаетъ, эту развратницу! Можетъ быть, она въ одинъ разговоръ впустила въ нее нѣсколько капель нигили-

стическаго яда... Весьма возможно и то, что сестра — изъ злобнаго чувства—стала говорить о своемъ братѣ непочтительно, намекая на его нравы, о которыхъ сама Анна Алексѣевна, до сихъ поръ, имѣетъ смутное представленіе, больше въ видѣ цѣлаго ряда подозрѣній и уликъ... И это длится двадцать лѣтъ, или немногимъ менѣе, по крайней-мѣрѣ — съ года рожденія Бори, а ему пошелъ уже восемнадцатый...

— Какъ-же ты думаешь?.. спросила она, грузно поднявшись съ кресла.

— Что-жь... Какъ это ни тошно, я готовъ...

— Мерси!—значительно сказала Анна Алексѣевна, поцѣловавъ его въ лобъ, и вышла изъ кабинета...

Точно обуза свалилась съ худощавыхъ плечъ Аркадія Петровича... Теперь инцидентъ съ письмомъ уже не будетъ прыгать въ мозгу его жены... Она посылаетъ его къ сестрѣ для очистки совѣсти, прекрасно зная, что для Лидіи онъ не имѣетъ никакого авторитета. И разумѣется, произойдетъ ея скандальный выходъ замужъ за „писаря“, котораго жена его даже хорошенько въ глаза не знаетъ... Видѣла только два раза его „хамскую“ спину и беспорядочную шевелюру.

„Однако она тонкая баба!“ подумалъ Аркадій Петровичъ, охорашиваясь все-таки передъ зеркаломъ надъ каминомъ... Сегодня онъ былъ доволенъ и цвѣтомъ кожи, и выраженіемъ своихъ, все еще, прекрасныхъ глазъ.

Лидію вѣрнѣе заставить передъ ея обѣдомъ — она ѣстъ дома — и не позднѣе пяти... Такъ онъ и распорядится своимъ временемъ. Но теперь онъ пойдетъ пѣшкомъ по направленію къ Поварскому переулку...

„Періодъ достиженія“ — онъ самъ такъ называетъ — все еще тянется... Эмма „tient la dragée haute“. Эту французскую фразу приходится ему повторять каждый день... Онъ сталъ — съ своей стороны — пускать въ ходъ стратегическіе приемы — не каждый день заходить къ ней... Она какъ будто не замѣчаетъ этого... Придетъ онъ — она очень рада, болтаетъ, смѣется, допускаетъ до нѣкоторыхъ „степенныхъ“ ласкъ — но и только... Мѣсто продавщицы или кассирши онъ предлагалъ ей достать, но она что-то медлитъ... у нея, и безъ того, какъ она говоритъ, есть дѣло. Она устраиваетъ свою квартиру, ходитъ въ гостинный дворъ, навѣщаетъ какихъ-то подругъ на Васильевскомъ острову, даже безпрестанно что-нибудь шьетъ или улаживаетъ изъ туалета. Книжки тоже читаетъ, больше — романы Гаулендера и Грегора Самарова. Любитъ и пересказывать ихъ содержаніе.

Отъ мѣста она не отказывается въ принципѣ, и даже замѣчала

Лидія могла помочь ему. А, быть можетъ, она что-нибудь и знаетъ про Эмму. Онъ ловко подойдетъ къ этому...

Безъ всякихъ колебаній, онъ, молодой походкой, спустился въ нижній этажъ и прямо, не глядя на доску, пошелъ къ номеру сестры.

IX.

Первая комната — довольно приличная — освѣщалась лампой. У стола, за самоваромъ, сидѣла Лидія — и не одна.

Аркадій Петровичъ чуть не подался назадъ... Въ креслѣ у стола онъ увидѣлъ Неустоева, своего домашняго секретаря...

Этого онъ никакъ не ожидалъ; но тотчасъ-же вспомнилъ, что Неустоева Лидія, на-дняхъ, застала у него въ кабинетѣ, и, когда онъ, отлучившись въ спальню, вернулся, то они уже разговаривали.

Неустоевъ былъ блондинъ, лѣтъ подь сорокъ, худой, съ длинными волосами и беспорядочной бородой. Веселые глаза пріятно блестѣли... Онъ смотрѣлъ простодушно.

Для письменной работы къ себѣ Самородинъ взялъ его въ прошломъ году изъ писцовъ правленія одного изъ обществъ гдѣ былъ членомъ совѣта, и считалъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, его благодѣтелемъ.

Неустоевъ быстро поднялся съ мѣста. Поднялась и Лидія, и Аркадій Петровичъ успѣлъ, не безъ удивленія, замѣтить, что она не стѣснялась.

„Опять начала блудить“, безперемонно подумалъ онъ и настолько почувствовалъ въ себѣ „главу фамиліи“, что даже забылъ, почему онъ пошелъ къ сестрѣ.

— А, Аркадій! — окликнула его Лидія... — Какими судьбами?

— Мое почтеніе, Аркадій Петровичъ, — выговорилъ Неустоевъ и, какъ побазалось Самородину, сказалъ это не съ тѣмъ оттѣнкомъ подчиненности, какъ являясь къ нему въ кабинетъ съ бумагами.

— Здравствуйте-съ, — съ чопорной оттяжкой выговорилъ Самородинъ и руки ему не протянулъ.

— Хочешь чаю? — спросила все такъ-же развязно и увѣренно Ярославцева.

— Спасибо... Слишкомъ рано.

Аркадій Петровичъ тутъ только замѣтилъ, что все еще стоитъ въ своей шинели съ бобромъ...

— Что-же ты не снимешь? — указала ему сестра.

Онъ повѣсилъ шинель и, снимая калоши, не могъ сдѣлать это сразу, что его еще болѣе разстроило.

— Не угодно-ли? — предложилъ ему Неустоевъ свое мѣсто.

— Благодарствуйте, — отвѣтилъ Самородинъ все также чопорно и сѣлъ на диванъ около сестры.

Неустоевъ взглянулъ бокомъ на хозяйку номера, и не присаживаясь, сказалъ ей:

— А мнѣ позвольте удалиться...

— Почему-же? — живо воскликнула Ярославцева. — Вы еще и стакана не допили... Посидите... Съ какой стати? — почти противъ воли вырвалось у нея.

— Да право...

Неустоевъ не договорилъ и опустился на кресло.

— Ты откуда? — спросила брата Лидія, одобрительно улыбнувшись Неустоеву.

— Изъ клуба...

— По дорогѣ куда нибудь? — просто, но съ усмѣшкой въ глазахъ добавила она.

— Да, если хочешь.

Аркадію Петровичу рѣшительно было неудобно интимно разговаривать съ сестрой въ присутствіи этого „лохмача“ — какъ онъ называлъ про себя Неустоева. Уже одно то оказалось для него крайне неприятнымъ, что какой-то мизерабельный писарекъ, въ которомъ онъ подозрѣвалъ „разрывныя идеи“, вдругъ видитъ его въ довольно-таки жалкомъ гарни, у родной его сестры.

И съ какой стати, случайно познакомившись съ этимъ „писарькомъ“, сейчасъ приглашать его за-просто пить чай, съ глазу на глазъ?

— „Ахъ, Лидія“!

Разговоръ поползъ туго. Неустоевъ, намолчавшись, сталъ прощаться. По крайней мѣрѣ хоть это было не глупо. А „сестрица“ выказала гораздо меньше такта, во второй разъ упрасивая его посидѣть и выпить еще стаканъ.

Она пошла провожать его въ коридоръ и они о чемъ-то уговаривались — о какой-то работѣ или книжкахъ.

Самородинъ всталъ съ дивана и сталъ прохаживаться по комнатѣ. Визитъ сестрѣ уже казался ему весьма неумѣстнымъ... И о чемъ онъ будетъ съ ней разговаривать?..

Косвенно разузнать что-нибудь объ Эммѣ; но для этого надо владѣть собою, чтобы подойти тонко... А онъ потерялъ надлежащее настроеніе.

— Ну-съ, — встрѣтилъ онъ Лидію. — Ты что-же, мой другъ, приголубиваешь его? И онъ на особый ладъ поглядѣлъ на нее.

— Да, если хочешь, — отвѣтила она возбужденно, — но скажи пожалуйста: зачѣмъ-же ты его выгналъ, какъ прислугу?

— Я? Съ какой стати?..

— Разумѣется. Ты принялъ Аркадій такіе генеральскіе *эры*, что онъ долженъ былъ удалиться.

— Это его дѣло... Онъ поступилъ только какъ подчиненный — и я его за это хвалю... А ты, мой другъ, кажется слишкомъ его жалѣешь, — выговорилъ онъ, подчеркивая послѣднее слово. — Ахъ, Лидія! — вздохнулъ онъ и отошелъ къ двери. — Узнаю тебя...

Лидія уже сидѣла опять за самоваромъ и наливала себѣ чашку..

— Ну, а ты, Аркадій, — отвѣтила она ему въ тонъ, — развѣ не вѣренъ себѣ?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Ты зачѣмъ-же попалъ сюда? А?..

Она тихо разсмѣялась, но такъ снисходительно, что онъ покраснѣлъ: это показалось ему просто дерзостью съ ея стороны.

— Я въ загадки не привыкъ играть... И ребусы не охотникъ разгадывать.

— Это ребусъ — самый простой. Но я прежде отвѣчу на твой репримандъ... Ты находишь, кажется, страннымъ, что я заинтересовалась судьбой твоего секретаря?

— Секретарь — слишкомъ громкій титуль... Просто писарекъ... которому я прибавилъ жалованье и далъ работу, у себя...

— И ты думаешь, — переспросила Лидія уже гораздо нервнѣе, — что его облагодѣтельствовалъ?

— Во всякомъ случаѣ обратилъ на него вниманіе.

— Онъ получаетъ сорокъ рублей... У него слѣпая мать и сестры на его рукахъ... И онъ двадцать лѣтъ бьется, какъ рыба объ ледь.

— Ха-ха-ха! Значитъ онъ уже старался тебя разжалобить.

Аркадій Петровичъ пододвинулся къ столу.

— Знаешь, Аркадій, — вскрикнула Лидія и ея глубокіе глаза зажглись, — ты всегда былъ рабомъ своей натуры; но я не ожидала, что ты дойдешь и до такого бездушія, до такой высокоумѣрной черствости.

— Та-та-та! — остановилъ ее Самородинъ. — Tu a tes nerfs; а главное этотъ лохмачъ со своимъ видомъ раскольничьяго пророка t'a donné sur la peau, и прикармливать его удобно.

Лидія отодвинула чашку и почти гнѣвно подняла голову.

Х.

— Однако позволь, — остановилъ Аркадій Петровичъ сестру, возвышая голосъ. — Мнѣ кажется, тебѣ не слѣдовало-бы такъ морализировать?.. Твое прошедшее вовсе не таково, чтобы уполномочивало...

Отъ недовольства онъ началъ мямлить, искать словъ и, вообще, не владѣлъ рѣчью.

— Что ты хочешь этимъ сказать? — спросила Лидія, менѣе строго. Голосъ ея ощутительно вздрогнулъ. Глаза ея немного затуманились. — Если это намекъ на мою интимную жизнь... Положимъ, оно—съ твоей стороны—не очень великодушно... Но принимаю твой вызовъ.

— Вызовъ? — повторилъ онъ, переводя плечами.

— Конечно, вызовъ.

Лидія сложила руки на груди и сѣла глубже, опираясь на спинку дивана.

— Я не обижаюсь, — мягко выговорила она и глаза ея стали краснѣть. — Ты хочешь сказать, я потратила слишкомъ много на любовь...

— И на мужчинъ, — прибавилъ Самородинъ, точно про себя.

— Любила я, Аркадій, и не однихъ мужчинъ. И дѣтей любила... Я не отказываюсь отъ своего прошлаго и не стыжусь его. Да, любила... Увлекалась. Меня тоже любили... Много и обманывали, бросали... Что-жъ! Но во всемъ этомъ была душа...

— Душа! Душа! *Çaçon de parler!*

— Это ужъ просто грубо, Аркадій. Ты хочешь сказать, что я стала развратной женщиной? Ты меня не оскорбишь и этимъ. Я знаю, что всегда меня влекло чувство. И безъ него я не повимала влеченія къ мужчинъ, хотя-бы онъ былъ писанный красавецъ.

— Женщины — мастерицы сами себя обманывать.

— Можетъ быть; но этотъ обманъ выше всего, что ты когда-либо испыталъ за всю твою долгую охоту за женщинами.

— Будто?

— Разбери и ты, безъ самообмана, всю твою любовную психологию. Какіе слѣды твои похождения оставили въ душѣ? У меня цѣлое богатство!

Братъ опять повелъ плечами.

— Да богатство! — горячо, но не громко выговорила она. — Любовь даетъ силу... Тратишь здоровье, бодрость тѣла, но становишься богаче. А ты банкротъ... Ты нищій, милый мой Аркадій, при всемъ твоемъ довольствѣ собой и успѣхахъ всякаго рода! Извини, я съ тобой не помѣняюсь.

— На здоровье. Но не въ этомъ, мой другъ, дѣло.

— А въ чемъ же? — еще кротче спросила Ярославцева.

— А въ томъ, милая моя, что есть на все время и возрастъ... Можно имѣть слабости... Я и самъ не святой и могу терпимо смотрѣть на многое. Такая-же натура, какъ твоя, не имѣетъ, видно,

предѣльнаго возраста. Ты, пожалуйста, не рисуйся и не дипломатничай со мной... Этотъ господинъ... enfin se *quidam*, котораго ты нашла у меня въ кабинетѣ—уже вызвалъ въ твоей душѣ—насмѣшливо протянулъ Аркадій Петровичъ—новый жаръ... И ты размякла и способна приглубить его... какъ носителя дорогихъ для тебя идей... Ха! Ха!

Самородинъ окончательно всталъ и началъ отходить къ двери, повидимому, намѣреваясь взяться за шинель.

— Аркадій, — мѣняя тонъ, остановила его сестра. — Ты мнѣ скажи — ты за этимъ только заѣхалъ ко мнѣ?.. А?

— Заѣхалъ такъ...

— Лжешь!

— Однако, Лидія, позволь... Я не Боря, чтобы...

— Лжешь, говорю я тебѣ, и если говорю такъ рѣзко, то имѣю право. *A charge de revanche!*.. Ты пользуешься не знаю ужъ, какимъ правомъ... во всякомъ случаѣ — не старшаго брата — и началъ говорить мнѣ обидныя вещи... А того не сообразилъ, что самого тебя ничего не стоитъ изловить...

— На чемъ? Это интересно.

Братъ опять приблизился къ столу.

— Я тебѣ скажу, зачѣмъ ты ко мнѣ зашелъ. Узнать что-нибудь о нѣмочкѣ Эммѣ... бывшей моей сосѣдкѣ... Она тебя заставила—*faigé rié de gréce*,—произнесла шутливо Ярославцева.—Не вышла на свиданіе... И ты прилетѣлъ сюда... Ея нѣтъ... „Дай, молъ, заверну къ Лидіи, авось у нея что-нибудь узнаю“?..

Аркадія Петровича взбѣсила эта выходка сестры; особенно то, что она такъ сразу проникла во все... Она знаетъ, что у него съ Эммой было условлено: сойтись около Греческой церкви. Еще одна насмѣшливая фраза Лидіи, и онъ-бы произвелъ разность. Но она замолчала и, покачавъ головой, стала набивать себѣ папиросу, взявъ со столика гильзъ и щепоть табаку изъ коробочки.

Разноса не вышло. Онъ, напротивъ, сталъ улыбаться, и вмѣсто того, чтобы подойти къ вѣшалкѣ — сѣлъ вдругъ у печки и широко разставилъ ноги.

— Tu es au courant? — спросилъ онъ вполголоса.— Прекрасно!

— Прошу тебя вѣрить—я за тобой не наблюдаю, и твои нравы меня не касаются. Объ этой Эммѣ—продолжала она также вполголоса—я имѣла самое смутное понятіе... Когда я занимала комнату наверху, она была моей сосѣдкой... Но мы даже не кланялись и не говорили... Почему-то она узнала, что я сестра твоя—и, если тебя это интересуеть — сама явилась ко мнѣ, не дальше, какъ сегодня.

— Къ тебѣ?—вскрикнулъ Аркадій Петровичъ и развелъ руками.

— Да... И напустила на себя тонь... невинной дѣвушки... Она прошла хорошую школу. Берегись!..

Лидія размѣялась. Въ эту минуту братъ ея былъ дѣйствительно смѣшонъ въ ея глазахъ.

— Но съ какой стати?

— Вотъ видишь: взяла, да и пришла!..

— Что-жь, жаловаться, что-ли?

— Нѣтъ... А скорѣе, какъ-бы, совѣтоваться... Я, разумѣется, отклонила отъ себя всякій такой разговоръ. Но, уходя, она—не безъ язвительности сказала—извини: „такой старъ и rendez-vous назначилъ въ скверную погоду, на тротуарѣ... Я — не швейка!“

Ему хотѣлось крикнуть: „ты лжешь“! Но тотчасъ же онъ почувалъ совершенную правдивость разсказа сестры: такими именно выраженіями должна была говорить нѣмка. Онъ разсердился на нее, чуть мысленно не назвалъ ее „дрянью“—и тутъ-же ощутилъ сладкое и жуткое нытье внутри. Ему было и досадно и обидно, и какъ-то молодо, возбужденно онъ себя чувствовалъ. Это ему напомнило другія свиданія, когда его иногда надували, заставляя дожидаться цѣлыми часами.

— Вотъ зачѣмъ ты завернулъ ко мнѣ, бѣдный Аркадій! Не увертывайся.

— Какъ-бы тамъ ни было... все-таки, мой другъ, не резонъ: такъ говорить съ братомъ и—онъ хотѣлъ добавить—и увлекаться, старухѣ какимъ-то лохмачемъ-мизераблемъ“.

Но онъ ничего не добавилъ.

— Читалъ ты романъ Балзака „Les parents pauvres?“—спросила Лидія, прищуривъ на него свои огромные впалые глаза.

— Кажется...

— Ну, такъ тамъ есть одинъ баронъ, маньякъ женолюбія... Онъ кончаетъ тѣмъ, что уходитъ уже старцемъ отъ семьи и его находятъ въ будкѣ уличнаго писца возлюбленнымъ гризетки... Только, Аркадій, ты хуже его... Тотъ тратилъ всего себя на страсть къ любовнымъ увлеченіямъ; по своему, онъ отдавалъ этому всю душу: а ты ничѣмъ не способенъ жертвовать... да тебѣ и не чѣмъ... Ты — нищій духомъ!..

— Пожалуйста! Прощай. Довольно! Жалѣю, что зашелъ къ тебѣ, впередъ буду умнѣе...

Лидія его не удерживала и, закуривъ папиросу, смотрѣла спокойно, какъ онъ надѣвалъ свои калоши.

XI.

Бетси собралась идти кататься на конькахъ. Слегка посапывая, она поправляла на головѣ мѣховую шапочку и вуалетку.

Мать не иначе отправляла ее на катокъ, какъ съ лакеемъ. Бетси находила это „un peu vieux jeu“, но подчинялась... Какъ-бы кто ни умничалъ, но когда за дѣвухой изъ порядочнаго общества идетъ выѣздной въ ливреѣ, — всякій прохожій знаетъ, кто она, и сторонится, и нивакъ уже не позволитъ себѣ заглянуть на нее на извѣстный ладъ, или идти слѣдомъ и сказать что-нибудь дерзкое, или слишкомъ любезное...

Иногда, правда, ей хотѣлось-бы испытать: что происходитъ съ вами, когда вечеромъ, при свѣтѣ фонарей, мужская изящная тѣнь движется вслѣдъ и пріятный баритонъ говоритъ: „mademoiselle — или — madame est donc bien pressée?“

Но она, вѣроятно, до выхода своего замужъ не испытаетъ ничего подобнаго...

Выѣздной что-то замѣшался съ надѣваніемъ ливреи... Горничная стояла и держала въ рукахъ пару англійскихъ коньковъ на желтыхъ блестящихъ ремняхъ...

Позвонили съ лѣстницы...

Горничная отворила. Вошелъ посыльный въ красномъ картузѣ...

— Кому? — спросила Бетси тономъ молодой хозяйки дома.

— Самородину, Аркадію Петровичу.

— Отъ кого? — любопытствовала Бетси.

— Изъ Поварского переулка...

— Отвѣтъ нужно?

— Приказано подождать отвѣта.

— Аркадія Петровича дома нѣтъ...

— Тогда позвольте назадъ, — сказалъ посыльный, и Бетси побазалось, что онъ при этомъ какъ-то особенно повелъ глазами, слезившимися отъ холода...

— Зачѣмъ-же?.. Аркадій Петровичъ будетъ къ обѣду дома, тогда и пришлетъ отвѣтъ.

— Такъ мнѣ приказано, — настойчиво выговорилъ хмурый посыльный, носившій длинную сѣдую бороду.

На этотъ разговоръ изъ своей комнаты вышла Анна Алексѣевна.

— Qu'est-ce? — спросила она, важно глядя черезъ *pinse-nez*, въ которомъ читала газету.

Бетси мгновенно сообразила, что этотъ посыльный могъ явиться отъ какой-нибудь дамы.

— C'est une lettre pour papa — отвѣтила она равнодушнымъ тономъ.

Въ эту минуту въ передней показался и выѣздной въ огромномъ мѣховомъ воротникѣ.

— Барина дома нѣтъ, — вѣско произнесла Анна Алексѣевна, не снимая *pinse-nez*.

— Я слышалъ-съ... только мнѣ приказано: — ежели ихъ нѣтъ, — доставить обратно...

— Почему? — спросила, поднявъ голову, Анна Алексѣевна и бросила вопросительный взглядъ на дочь...

И, вполголоса, по-французски, она замѣтила въ сторону Бетси, что, вѣроятно, это отъ его сестры. — Бетси осторожно отвѣтила, что нѣтъ...

Аннѣ Алексѣевнѣ извѣстно было, что ея свояченица живетъ тамъ гдѣ-то, около Греческой церкви. Сегодня за чаемъ было, между матерью и дочерью, рѣшено, что Бетси зайдетъ съ катка, на Фонтанкѣ, къ Лидіи Петровнѣ, извиниться за мать, что та, до сихъ поръ, не могла быть за нездоровьемъ и, „конечно“, прибавила Анна Алексѣевна, „ты засиживаться тамъ не будешь“.

— Я уже докладывалъ, — отвѣтилъ посыльный недовольнымъ звукомъ. — Вы меня не задерживайте, сударыня: холодъ и не ближнее мѣсто. Мнѣ приказано: доставить отвѣтъ, ежели баринъ дома; и притомъ отдать въ собственныя руки; а нѣтъ — принести письмо обратно. Я все это докладывалъ барышнѣ, да онѣ письмо не даютъ... Воля ваша — это не въ правилѣ!..

Онъ переминался съ ноги на ногу и его старыя воспаленныя глаза усиленно мигали.

Анна Алексѣевна слегка покраснѣла... Кровь играла въ ней, съ нѣкоторыхъ поръ, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, и на щекахъ давно уже выступили красныя жилки.

— Отпустить его! — приказала она, сдерживая себя. И, точно спохватившись, она спросила: — ты однако долженъ сказать, любезный другъ, кто тебя послалъ?.. Если что-нибудь экстренное, то мы тебя пошлемъ искать барина.

— Я докладывалъ барышнѣ — продолжалъ такъ-же хмуро и недовольно посыльный. — Изъ Поварскаго переулка.

— Какой домъ? — довольно стремительно спросила Анна Алексѣевна и ближе пододвинулась къ старику...

— Туда, къ Колокольной. Номеръ запомятовалъ.

„C'est bien trouvé“, — про себя выговорила Бетси, уже вполне увѣренная, что во всемъ этомъ: „il y a quelque chose de louche“!

— Да отъ кого?

— Не могу знать... Горничная мнѣ передавала. Въ четвертомъ этажѣ... сказывала просить отвѣта...

— *Cela ne vous regarde pas*, — сказала Бетси успокоительно...

„*Cela me regarde beaucoup*“, — отвѣтила ей, про себя, мать.

— Ты видишь — барина нѣтъ, — начала Анна Алексѣевна. — Отдай ему письмо — прибавила она въ сторону Бетси, — *et que cela finisse!*

Письмо возвратили посыльному. Онъ надѣлъ цвѣтной картузь еще въ передней и не сѣбша выдвинулся тяжелыми старыми ногами въ высокихъ резиновыхъ калошахъ...

Никакого замѣчанія вслухъ Анна Алексѣевна себѣ не разрѣшила. Она только оглядѣла дочь и сказала ей опять по-французски, чтобы она не очень утомляла себя и не была-бы въ испаринѣ, такъ какъ ей надо сдѣлать большой конецъ на Пески...

Въ головѣ ея уже сложилось очень цѣпкое и стройное соображеніе, вызванное этимъ таинственнымъ письмомъ.

Это, конечно, отъ какой-нибудь „*drolesse...*“ Въ сторонѣ Стремянной, въ этихъ переулкахъ, всегда селятся разныя дамочки... Она это слыхала — давно, отъ самого Аркадія Петровича, когда онъ позволялъ себѣ шутить на игривыя темы, т. е. когда у него „рыльце не было еще въ пушму“.

И почему-то въ головѣ Анны Алексѣевны это письмо, обличающее новую „авантюрку“ Аркадія Петровича, — сейчасъ-же, по ассоціаціи идей, слилось съ личностью ея свояченицы, этой бѣглянки, хоронившей въ заграничныхъ трущобахъ свою постыдную безпорядочность...

Съ ея появленіемъ для Анны Алексѣевны несомнѣнны признаки того, что ея мужъ опять что-то такое замышляетъ, или находится у цѣли... Духи у него совсѣмъ новые и ужасно крѣпкіе. О клубѣ онъ все чаще говоритъ и расположеніе его духа, тонъ съ ней — вѣжливый и примирительный — все это — хотя и не прямыя улики, но для косвенныхъ — чего-же больше и желать?

— *Partez*, — сказала дѣловымъ тономъ Анна Алексѣевна и подумала: „Бетси такъ умна, что отъ нея ничего не укроется...“

Допрашивать свою дочь она не станетъ; но отъ Бетси ничего не скроешь. И если оно такъ, нога этой „авантюристки“ больше не переступитъ порога ихъ квартиры.

ХII.

Съ тревожно-недовольной миной глядѣлъ Аркадій Петровичъ въ угловое зеркальное окно на улицу.

Снѣгъ хлопьями валилъ съ низкихъ облаковъ и ѣзда по улицѣ мелькала съвозъ эту движущуюся пелену... Обыкновенно такая погода успокаивала нервы Аркадія Петровича... Сегодня это густое и непрерывное мельканіе пухлыхъ снѣжинокъ наводило на него уныніе...

И думалъ онъ на очень тошную тему... Ему надо усилить мѣры осторожности... Вышло вѣчто очень глупое и досадное.

Эмма отправила посыльнаго съ письмомъ и тотъ повелъ себя нелѣпо, требовалъ назадъ письмо. Теперь Анна Алексѣевна знаетъ, что кто-то живетъ въ Поварскомъ и находится съ нимъ въ какихъ-то таинственныхъ сношеніяхъ.

Вчера она, совершенно неожиданно, за обѣдомъ при дочери, спросила его:

— Кто это, по экстренному дѣлу, прислалъ тебѣ записку изъ Поварского переулка? И посыльный не хотѣлъ ни за что оставить ее...

Бетси тревожно замигала и онъ почувствовалъ, что дочь догадывается, въ чемъ тутъ дѣло, и желала - бы какъ - нибудь замять разговоръ.

— Въ Поварскомъ? переспросилъ онъ, уходя лицомъ въ тарелку супа, послѣ чего сталъ усиленно дѣйствовать ложкой.

И ему показалось, что онъ краснѣетъ. Едва-ли не въ первый разъ въ такихъ случаяхъ. Можетъ быть, онъ и не покраснѣлъ; но довольно того, что у него было подобіе такого ощущенія.

И увернулся онъ — неумѣло, т. е. просто „бухнулъ“, что онъ не можетъ знать, кто гдѣ живетъ изъ его знакомыхъ или лицъ, имѣющихъ до него нужды.

Анна Алексѣевна, не горячась, въ очень приличномъ домашнемъ тонѣ, сказала на это:

— Посыльный говорилъ, что его просили въ четвертый этажъ. Номеръ дома онъ забылъ, или не хотѣлъ сказать, — добавила она безъ всякаго особеннаго выраженія; но онъ понялъ, что подъ этимъ сидѣла капелька супружескаго яда.

Вѣки Бетси опять замигали, и она тоже начала усиленно дѣйствовать ложкой.

И теперь надо „замазывать“ весь этотъ глупый инцидентъ. Непріятнѣ всего и то, что Эмма не сказала ему ничего про отправку записки... Что ее такъ приспичило — онъ не знаетъ. Разумѣется, и она, изъ осторожности, приказала посыльному принести записку обратно, если не застанетъ его дома...

Но все-таки Эмма повела себя съ большимъ характеромъ и ловкостью. Вотъ уже она „съ собственной мебелью“, у нея хорошенькая квартира въ Поварскомъ переулкѣ, и это все, вмѣстѣ съ расходомъ на подновленіе туалета, обошлось не въ одну сотню рублей.

„C'est une misère“, утѣшалъ себя Аркадій Петровичъ, но онъ долженъ сознаться, что далеко еще не хозяинъ въ этой квартирѣ Поварскаго переулка. Великолѣпная вѣмка изъ Якобштадта даже не обольщаетъ его надеждами. Она взяла съ нимъ тонъ игривой дочери, называетъ его „Parascheu“ и не очень допускаетъ до болѣе явственныхъ ласкъ; иногда просто смѣется надъ нимъ, а то такъ и заставляетъ прыгать передъ нею.

И у ней есть нервы. Характеръ свой она умѣетъ выказывать, какъ женщина, прекрасно сознающая, что она „lui donne sur la peau“.

Да, въ такой степени, какъ, быть можетъ, ни одна женщина за послѣднія пять, десять лѣтъ, ужъ конечно больше, чѣмъ другъ ихъ дома, madame Крамеръ. Сравненія нѣтъ!

„Постыднаго“ увлеченія онъ не признаетъ въ себѣ. Никогда онъ не отдавался никакой женщинѣ до забвенія того, кто онъ, какія на немъ лежатъ семейныя и общественныя обязанности. Чувство лѣтъ никогда не побидало его.

И вотъ это самое и начинаетъ его щемить. Отчего-же онъ лишенъ той душевной пылкости, какая есть, напримѣръ, у его сестры, Лиди? Ихъ недавній разговоръ у нея припомнился ему весь, даже съ ея интонаціями. Она его сравнила съ какимъ-то бальзаковскимъ маньякомъ-женолюбцемъ, который кончаетъ тѣмъ, что убѣждаетъ отъ своихъ, кормится должностью уличнаго писца, состоя возлюбленнымъ гризетки. Это его взорвало, и онъ ушелъ, чуть не хлопнувъ дверью. Но развѣ такой маньякъ — не завидная натура? „Глупо, безобразно!“ скажутъ даже его пріятели, любители женщинъ... Но такая маія даетъ настоящую иллюзію. Она согрѣваетъ, краситъ жизнь. Только съ этою страстью къ увлеченіямъ и стоитъ выносить всѣ тѣ довольно-таки несносныя и унизительныя „финты“, какіе онъ долженъ воть уже болѣе десяти лѣтъ продѣлывать съ своей супругой.

Будь онъ бальзаковскій маньякъ, онъ, можетъ быть, и старикомъ ушелъ-бы отъ семьи и гдѣ-нибудь въ Галерной гавани, въ грошевой квартиршкѣ, снискалъ-бы блаженство.

— Мало-ли что! — остановилъ себя Аркадій Петровичъ охлаждающимъ возгласомъ.

Онъ отвернулся отъ окна, боясь, что падающій снѣгъ будетъ еще сильнѣе затягивать его въ хандру.

Въ дверяхъ его кабинета стоялъ Неустоевъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ они встрѣтились у Лиди, Неустоевъ работалъ у него всего два раза, и Аркадій Петровичъ очень сухо и довольно ядовито сдѣлалъ ему выговоръ за какую-то канцелярскую оплошность. Тотъ въ первый разъ огрызнулся.

— Что угодно? — спросилъ Самородинъ. Приходь секретаря былъ не въ обычный часъ.

— Вы позволите, на минуту?

— Я слушаю.

Онъ не просилъ Неустоева сѣсть.

— Пришелъ проститься съ вами и отблагодарить за неоставленіе, — выговорилъ Неустоевъ съ усмѣшкой въ глазахъ.

Въ голосъ его Аркадію Петровичу послышалась иронія.

— То есть какъ-же это?.. Ухѣдите?..

— Ухожу-съ... Если я вамъ экстренно нуженъ, еще недѣлю могу походить...

— Нашли другое мѣсто?

— Нашель.

— По какой части?

— Въ одной редакціи.

— Съ Богомъ!

Аркадій Петровичъ хотѣлъ было спросить:

„Вась устроила моя сестрица?“

Для него ясно было, что у нихъ „дѣло налажено“. И онъ ощутилъ джентльменское презрѣніе къ этому „лохмачу“, который не брезгуетъ старой бабенкой и хочетъ жить теперь на ея счетъ.

— Желаю всякаго успѣха! — выговорилъ онъ уже съ явнымъ юморомъ. — Вашихъ услугъ мнѣ не нужно... Можете получить то, что вамъ причитается.

— Это не къ спѣху... Я только пришелъ заявить. А засимъ — мое почтение!

И съ короткимъ поклономъ Неустоевъ вышелъ изъ портьеры, оставивъ Аркадія Петровича одного, посреди кабинета.

XIII.

— C'est scandaleux! — выговорила Анна Алексѣвна — и повела своими синеватыми бѣлками.

Аркадій Петровичъ ходилъ по кабинету съ опущенной головой.

Они говорили конфиденціально о Лидіи Петровнѣ. Предчувствіе брата ея сбылось: она выходитъ замужъ за „лохмача“. И цинизмъ свой простерла до того, что написала ему — а стало, въ лицѣ его, и всей семьѣ, вызывающее письмо, гдѣ говорилось, что если онъ считаетъ ея бракъ возмутительнымъ, онъ можетъ и „освободить себя и свой домъ отъ неудовольствія считать ея принадлежащей къ ихъ фамиліи“.

покажется стройная фигура въ кофточкѣ... Онъ стоитъ, уходя лицомъ въ бобровый воротникъ... Всякій приметъ его за молодого человѣка...

Изъ кареты Аркадій Петровичъ вышелъ въ семь часовъ безъ семи минутъ и двинулся по направленію къ скверу.

Эмма приняла приглашеніе въ нѣмецкій театръ, въ помѣщеніи общества „Пальма“. Тамъ можно было сидѣть такъ, чтобы ни въ комъ не возбудить подозрѣнія... Тамъ они въ антрактахъ поговорятъ объ устройствѣ ея судьбы.

Разговоры эти ведутся въ крайне приличномъ тонѣ... У него огромная опытность. Эмма, прежде всего, желаетъ показать, что она не изъ тѣхъ особъ, которыя бросаются на шею всякому богатенькому старичку. Пускай ее. Да такъ и лучше... Тонъ у ней не особенно элегантный, но приличный. Нѣтъ никакихъ рѣзкихъ замашекъ подозрительной особы изъ Остзейскаго края. Говорятъ они по-нѣмецки, а на этомъ языкѣ Аркадій Петровичъ, со студенческихъ лѣтъ, отличался большой элегантностью жаргона.

Эмма видитъ, что онъ готовъ устроить ее. Мѣсто конторщицы онъ ей сейчасъ найдетъ... Этакъ — гораздо лучше. И въ собственныхъ глазахъ она можетъ стоять повыше, да и дѣло у ней будетъ... Это всегда хорошо... Иначе аппетиты празднои хищницы разгорятся съ поражающей быстротой.

Больше десяти минутъ ходитъ Аркадій Петровичъ по тротуару сквера и нервно оглядывается по сторонамъ... Стройная женская фигура не показывалась ни справа, ни слѣва.

Въ такомъ ожиданіи протянулась цѣлая четверть часа.

Очевидно, она не придетъ. Это его кольнуло... Положимъ, если она заболѣла, ей нельзя было извѣстить его во время: до сихъ поръ она хорошенько не знала ни его фамиліи, ни его адреса.

Но онъ не привыкъ вѣрить женскому нездоровью; тутъ есть какой-нибудь „подходъ“. Она желала довести его до того градуса, когда мужчины его лѣтъ идутъ на всякое безумство. Онъ не изъ такихъ старичковъ... Эмма ему очень нравится; но не на столько, чтобы ему сейчасъ-же давать себя въ лапы даже достаточно опытной дѣвицѣ, съ неизвѣстнымъ прошедшимъ.

Пошелъ мокрый снѣгъ. Аркадій Петровичъ кутался въ бобровый воротникъ шинели и его недовольство росло. Его начало разбирать чувство, похожее на укоръ самому себѣ. Въ такую погоду, гдѣ-то на Пескахъ, мовнуть — человѣку подъ пятьдесятъ, отцу семейства?..

Ждать безъ конца рѣшительно нелѣпо... Протянулась и еще цѣлая четверть часа...

Она не придетъ, это очевидно... Можетъ быть и ей показалось несерьезнымъ такое приглашеніе: сойтись у Греческой церкви?.. Очень

вѣроятно... Быть можетъ она просто-напросто ждетъ у себя... Наконецъ, она могла дурно понять его, хотя онъ, кажется, изящно и отчетливо выражается по-нѣмецки.

Колебанія Аркадія Петровича прекратились сразу. Онъ быстро, подбирая полы шинели, пересѣкъ улицу, вскричалъ задремавшаго кучера и приказалъ ему ѣхать по близости, въ тотъ домъ, гдѣ меблированныя комнаты.

Если-же она нездорова, но такъ, что можетъ его принять — тѣмъ лучше... Развѣ это не ускорило-бы ихъ интимность?..

Когда карета подѣхала къ дому, на губахъ Аркадія Петровича уже скользила та особая усмѣшка, по которой всего легче было узнать, что онъ игриво думаетъ о женщинѣ...

Выйдя изъ кареты, онъ осторожно оглянулся и сталъ подниматься тихо, подбирая полы шинели. Лѣстница была плоховато освѣщена керосиновыми фонарями. Сильнѣе всего ему не хотѣлось-бы столкнуться съ Лидіей. Она могла какъ разъ въ этотъ часъ спускаться... Теперь у ней деньги водятся... Какъ всѣ восторженные радикалы, она „обогащает“ оперу: сучнѣйшій видъ удовольствій, на его вкусъ...

Но ему никто не попался — ни до площадки нижняго этажа меблированныхъ комнатъ, ни выше.

Въ верхній коридоръ онъ вошелъ, чуть слышно двигаясь въ своихъ кожаныхъ, къ сожалѣнію, калошахъ, издававшихъ легкій звукъ... Тотчасъ-же онъ повстрѣчалъ горничную. Ей онъ уже успѣлъ сунуть въ руку желтенькую.

— А! Милая... — тихо и вкрадчиво сказалъ Аркадій Петровичъ. — Барышня дома?

— Эмма Христіановна?

— Да.

— Никакъ нѣтъ!

— Когда-же она ушла?

— Давно... Около обѣда никакъ.

Горничная глядѣла на него съ усмѣшкой въ глазахъ.

— И не возвращалась?

— Не видала... Да нѣтъ... Вотъ и ключъ.

Этого онъ не ожидалъ. Стало, она и „не думала“ ждать... Это — фортель, и прекрасно ему знакомый.

Онъ даже закусилъ губу и отрывисто выговорилъ:

— Хорошо.

— Сказать о васъ?

— Нѣтъ, не надо. Прощайте, милая!

И вдругъ на площадкѣ его потянуло сейчасъ къ сестрѣ, по какому-то смутно сознанному повороту мужского чувства. Какъ будто

не разъ, что она не желаетъ — „жить даромъ“: „*umsonst*“. Но только она медлитъ какъ въ этомъ, такъ и во всемъ остальномъ.

Вотъ Аркадій Петровичъ и въ Поварскомъ. У нихъ съ Эммой условлено, что его часъ — между четырьмя и пятью. Теперь около четырехъ; онъ посидитъ съ полчаса и попадетъ къ сестрѣ въ ея обѣдъ.

Онъ каждый разъ подходитъ къ подъѣзду дома съ особымъ чувствомъ чего-то молодого. Самая тактика Эммы, ея видимое желаніе довести его до болѣе сильного увлеченія—въ сущности пріятна ему... это напоминаетъ о другихъ временахъ. Свѣтскія женщины, очень многія, бывали гораздо стоворчивѣе...

Швейцаръ уже зналъ, къ кому онъ ходитъ...

— Ихъ нѣтъ, сказалъ ему швейцаръ, скромнаго вида бородачъ, и улыбнулся глазами.

— Нѣтъ? переспросилъ Самородинъ.

— Сейчасъ только ушли...

Тактика принимала уже безцеремонный оттѣнокъ.

— Ничего не приказывала сказать? спросилъ онъ, сисясь сохранить благосклонный тонъ.

— Никакъ нѣтъ, ничего.

Подниматься наверхъ и ждать — онъ не разсудилъ. Такъ еще хуже пойдетъ.

XIV.

Опять онъ засталъ Лидію за самоваромъ, только-что кончившую обѣдать — и одну.

По крайней мѣрѣ хотъ это его успокоило.

Онъ началъ очень мягко, закурилъ папиросу и даже принялъ отъ нея чашку чая.

Лидіи не трудно было догадаться, зачѣмъ онъ пожаловалъ... Но и она говорила съ нимъ ровно, такимъ тономъ, точно будто ничего не произошло въ ея судьбѣ.

— Что-жъ, ты остаешься все въ томъ же гарни? — спросилъ Аркадій Петровичъ.

— Беру квартиру.

— Въ этой мѣстности?..

— Нѣтъ, на Петербургской сторонѣ.

— Такая даль?

— Тамъ воздухъ прекрасный... Садыъ есть... И дешевизна... А по конкѣ можно въ двадцать минутъ быть на Михайловской...

— Развѣ что такъ, — одобрительно отозвался братъ и промь-

чалъ безъ словъ, что у него значило, что онъ собирается заговорить о чемъ-нибудь рѣшительномъ...

— Не надо на дачу переѣзжать, — добавила сестра самымъ простымъ тономъ.

— И скоро?.. — онъ остановился.

— Что?

— Твоя свадьба, — съ нѣкоторымъ усиленіемъ вымолвилъ Аркадій Петровичъ.

— Большихъ приготовленій не будетъ, — сказала Лидія и выпустила длинную струю дыма...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Послушай, сестра, — началъ онъ болѣе торжественно, чѣмъ когда-либо говорилъ съ нею — ты понимаешь, мнѣ не особенно пріятно было являться къ тебѣ...

— Я тебя не вызывала, Аркадій, это твоя добрая воля...

— Прекрасно, но дай же мнѣ досказать...

— Сдѣлай одолженіе.

— Забуди, что я твой братъ, что я представитель и защитникъ той фамилии, съ которой ты связана родственною связью... Говорить съ тобой просто — другъ твой, почти ровесникъ, человѣкъ съ извѣстнымъ опытомъ.

Аркадій Петровичъ почувствовалъ, что вступленіе удачно и красиво звучало, замѣчалась даже чуть слышная вибрація его пріятнаго голоса...

— Осмотрись, Лидія, куда и на что ты идешь?.. Я не стану доказывать, что ты жертва... такой слабости... къ мужчинамъ... У каждого есть своя слабость... Что же намъ съ тобой считается... по этой части. Но вѣдь одно дѣло — слабость, другое — роковой шагъ... Твой возрастъ мнѣ, слава Богу, извѣстенъ — ты на два почти года старше меня...

— Знаю, — благодушно отълигнулась Лидія.

— Не впадай, ради Бога, въ самообманъ... А еще хуже — не бросайся съ головой въ прорубь... Не давай такой поблажки твоему увлеченію... Вотъ еще два-три года — и ты будешь раба человѣка, моложе тебя лѣтъ на десять — и кто знаетъ, черезъ что ты съ нимъ пройдешь?.. И кто его знаетъ, кто онъ? Могла-ли ты въ такой короткій срокъ изучить его? Пожалѣй ты себя самое!

— Нѣтъ, не желаю я этого, Аркадій, — отвѣтила Лидія, и сдѣлала жестъ, показывая брату, что теперь пришла ея очередь говорить, а онъ — не прогнѣвается — помолчить.

— Не хочу ломать себя, Аркадій. — Голосъ ея вздрогнулъ и теплыя немного нервныя ноты полились, — не хочу. Такъ прожила

весь вѣкъ... Такъ и умру. Знаю все — я почти старуха, онъ мо-
жеже меня на восемь лѣтъ, у меня — никакихъ прочныхъ средствъ...
Мое чувство къ нему будетъ все расти... Онъ можетъ имъ злоупо-
треблять — бросить меня или заставить работать на себя...

— А — а! — протянулъ Аркадій Петровичъ.

— Все это возможно! И то возможно, что на меня это-то и
дѣйствуетъ. Начала съ жалости, — и тутъ главный виновникъ —
ты самъ.

— Я?.. — вскрикнулъ братъ.

— Конечно... Ты его держалъ въ черномъ тѣлѣ. Я его приго-
лубила, узнала его судьбу... Мнѣ совѣстно стало: работаетъ онъ
вдвое противъ меня, а получаетъ сорокъ рублей, я — до трехсотъ
въ мѣсяць... А для меня жалость — вещь опасная... Привязалась
къ нему — и тогда сближеніе неизбежно для натуры, какъ моя. При-
творства въ немъ я не замѣчала... Вѣдь и я тоже опытный человѣкъ,
Аркадій... Что-жь!.. быть можетъ, какъ мужъ и жена — мы прожи-
вемъ какой-нибудь годъ, два... Только-бы онъ остался тѣмъ, что я
въ немъ вижу хорошаго, честнаго... Буду счастлива дѣлиться съ
нимъ всѣмъ, чѣмъ могу... Другого счастья для меня никогда не было
на свѣтѣ: ты это знаешь... А, можетъ быть, и до сихъ поръ не вѣ-
ришь этому!..

— И это твое послѣднее слово?

— Послѣднее... Если ты пришелъ объявить мнѣ ультиматумъ
свой и твоей супруги, — не трудись. Я тебѣ уже писала: считайте
меня выбывшей изъ списковъ живыхъ существъ. Никто не услышитъ,
что г-жа Ярославцева, сестра Самородина — замужемъ за какимъ-то
разночинцемъ, Неустоевымъ...

Аркадій Петровичъ повелъ плечами и вбокъ наклонилъ голову.

— Моя миссія кончена... — началъ было онъ опять съ торже-
ственностью и тягуче.

— Полно, Аркадій, — тономъ старшей сестры остановила его
Лидія... Безъ официальныхъ фразъ!.. Пожалуйста, не жалѣй обо
мнѣ — это прежде всего... А собрушаться ты долго ни о чемъ не
можешь... извини! Это не выговоръ, а просто — товарищеская правда...
Помнишь, — въ тотъ разъ, я тебя сравнила съ балзаковскимъ ба-
рономъ и сказала, что онъ выше тебя... Извини... чтобы загладить
немного впечатлѣніе, я позволяю тебѣ приравнять и меня къ этому
типу... Быть можетъ я ближе къ нему. Въ немъ, какъ и во мнѣ,
живетъ такое влеченіе — „родъ недуга“ — прибавила она съ усмѣш-
кой — и заставляетъ отдавать все свое существо. А ты отъ этого
застрахованъ. Ты — уравновѣшенный...

Она встала съ дивана и вышла на середину комнаты...

— Мнѣ надо идти. Ты не взыщешь?..

— Прекрасно, прекрасно, — отозвался Самородинъ, чувствуя, что онъ совсѣмъ сбить со своего торжественно-родственного тона. — Знаешь, есть пословица: сама себя раба бьетъ...

— Она одинаково примѣнима ко всѣмъ намъ бѣднымъ, — сказала Лидія — ко всѣмъ, у кого чувство... или чувства — подчеркнула она — царятъ въ душѣ... А теперь, Аркадій, прощай! Вѣроятно — навсегда... Успокой, главное, твою супругу: ей не придется выпроваживать меня... Ты вѣдь видѣлъ — къ тебѣ я пришла только тогда, когда у меня былъ кусокъ хлѣба... Прощай!..

Она подошла къ нему еще ближе, и положивъ обѣ руки ему на плечи, поцѣловала его въ лобъ.

Аркадій Петровичъ, при этомъ, закрылъ глаза. Потомъ — поведя плечами — выговорилъ чуть слышно:

— Богъ съ тобой... Умываю руки...

— Еще-бы! — вырвалось у Лидіи, уже менѣ тронутымъ тономъ, и Аркадій Петровичъ, испугавшись, что она чѣмъ-нибудь его „прихлопнетъ“, молча отошелъ къ вѣшалкѣ. Послѣдняго слова ему сказать не удалось.

XV.

Визитъ къ теткѣ, дѣйствительно, вызвалъ въ Бетси нѣчто новое, что не ускользнуло отъ Анны Алексѣевны.

Лидія могла-бы, прощаясь съ братомъ, передать ему кое-что изъ разговора съ племянницей, когда Бетси сдѣлала ей, вмѣсто матери, оффиціальнй визитъ. Бетси, раза два, дала ей почувствовать, что она прекрасно все понимаетъ и желаетъ, чтобы ее считали за вполне взрослую дѣвушку. Она „прошла“ на счетъ madame Крамеръ, друга ихъ дома, и на счетъ того, какъ отецъ ея не желаетъ еще „engage“, то есть переходить на положеніе пожилого мужчины и отца семейства.

Не безъ удовольствія услышала Лидія отъ племянницы, что той хотѣлось поступить на какіе-нибудь высшіе курсы: у Труба она шла первой, и ея сочиненія, на трехъ языкахъ, считались образцовыми. Она какъ-бы попросила даже тетку настроить отца на счетъ курсовъ; а мать она будетъ обрабатывать, постепенно, всю зиму и все лѣто. Она знала, что это самая лучшая метода... Сначала та откажетъ; но если возвращаться къ тому-же, то можно добиться своего.

По уходѣ ея Лидія подумала: „этой неглупой и очень уже скептической дѣвушкѣ не хочется-ли, просто-на-просто, воспользоваться хожденіемъ на курсы, чтобы имѣть больше свободы?“

И она не ошиблась. Это было главнымъ побужденіемъ Бетси. Но

къ нему присоединилось и желаніе показать и себѣ, и постороннимъ, что для нея нѣтъ никакихъ трудностей. Она и на высшихъ курсахъ будетъ первая. Разумѣется, она и тамъ станетъ держаться въ сторонѣ отъ разныхъ „растерзанных“, если тѣя еще есть... Нынче вѣдь и онѣ франтаты, и прежнихъ „типовъ“ она что-то нигдѣ и на улицахъ не встрѣчаетъ.

Когда она будетъ искать себѣ мужа, она выберетъ его изъ людей немолодыхъ и серьезныхъ, дѣлающихъ себѣ карьеру. Такимъ мужчинамъ нужна жена съ большимъ образованіемъ, способная играть роль, помогать мужу въ его планахъ, вліять своимъ знаніемъ людей, начитанностью, репутаціей женщины „выдающейся“.

Бетси не торопилась и первымъ разговоромъ съ отцомъ; но сегодня она, съ утра, надѣла темное суконное платье, точно собралась именно на курсы, и передъ тѣмъ, какъ идти въ столовую, садиться за самоваръ, спросила у камердинера: дома-ли отецъ?

Онъ еще не уѣзжалъ.

Въ кабинетъ вошла она какъ-то особенно плавно, склоня голову въ правому плечу, оглянула отца еще въ портьерѣ двери, приблизилась къ нему и положила руку на его плечо, сзади поцѣловавъ въ голову...

— Здравствуй, Бетси!.. Тебѣ что?

Аркадій Петровичъ спросилъ такъ потому, что у нея не было привычки приходить къ нему по утрамъ.

— Ты очень занятъ? — спросила Бетси и присѣла къ столу.

— Не особенно.

— Видишь, я хотѣла поговорить съ тобою, — небрежно прибавила она.

— Сдѣлай одолженіе.

— А ты нынче молодцомъ выглядишь! — употребила Бетси неизбѣжное петербургское выраженіе, которое отецъ ея, проведеншій дѣтство не въ Петербургѣ, считалъ совершенно недопустительнымъ.

— Что-же такъ? — откликнулся польщенный Аркадій Петровичъ.

— Такъ... глаза свѣтлѣе и цвѣтъ лица сталъ лучше.

„Она что-нибудь будетъ просить“, — подумалъ Самородинъ.

— Скажи, папа, — продолжала она легко, почти игриво, — я не ошиблась?... Могла я тебя встрѣтить вчера?

— Гдѣ?

— Я шла отъ Владимірской...

— Какъ шла?

— Съ лакеемъ, успокойся... — замѣтила она съ ироніей. — Вѣдь мама до сихъ поръ не допускаетъ...

— Какъ-же иначе? — выговорилъ Аркадій Петровичъ такимъ

голосомъ, что онъ самъ и не стоитъ за такую строгость, но мать надо слушаться.

— Яшла отъ Владимірской,—повторила Бетси, а ты ѣхалъ въ въ каретѣ... въ извожичей...

— Когда-же?—спросилъ, нахмуриваясь, Аркадій Петровичъ, движеніемъ бровей желая скрыть свое смущеніе.

Онъ, дѣйствительно, ѣхалъ въ каретѣ и не одинъ, а съ Эммой. Это было неосторожно, крайне неосторожно; но, передъ тѣмъ, у ней на квартирѣ, она такъ была красиво и задорно соблазнительна, что онъ тутъ-же предложилъ ей самъ довести ее до Гостинаго двора, гдѣ у Шутова и Кольцова она замѣтила какую-то „confection“, не давшаю ей спать всю ночь. Но и послѣ покуски этой „confection“ онъ все-таки не сталъ полнымъ хозяиномъ квартиры въ Поварскомъ переулкѣ.

— Значить, я ошиблась? — спросила такъ-же игриво Бетси и такъ на него взглянула, что онъ сразу почувствовалъ въ ней свою сообщницу.

„За это она съ меня что-нибудь стребуетъ“, — быстро подумалъ онъ.

— Не знаю, мой другъ, — проговорилъ онъ неяснымъ звукомъ.

— Конечно это былъ твой двойникъ. Въ каретѣ сидѣла дама... блондинка. Очень красивая.

Бетси опять вскинула на него глазами.

Помолчавъ, она нагнулась къ нему и сказала вполголоса:

— Теперь я не буду тебя задерживать... Видишь, мнѣ давно пришла мысль...

— Какая, мой другъ?

— Ты вѣдь не такъ à cheval sur les convenances, какъ тамап, неправда-ли?.. Ты знаешь, что у меня никакого веуса ни къ чему непорядочному нѣтъ.

— Ты у меня большой дипломатъ! — вырвалось у него.

— Можетъ быть... Ты видишь, рара, я скучаю... у меня слишкомъ много времени... Одни гости и выѣзды—это не можетъ наполнить.

— И ты... хочешь что-нибудь затѣять? Поступить въ общество? или взять... какую-нибудь спеціальность?—шутливо спросилъ онъ — выжигать по дереву? Или рисовать по фарфору?

— Нѣтъ, это слишкомъ банально. Я хорошо училась. Зачѣмъ-же это забрасывать?

— Неужели въ курсистки пришла проситься?

— *Jes*,—шутливо выговорила Бетси, встала и положила ладони руеъ вокругъ своей, черезъ-чуръ тонкой, талии.

— Охота... И тамап ни за что на это не согласится!

— А ты?

Взглядъ Бетси говорилъ: „ты меня не можешь не поддержать, особенно послѣ вчерашней встрѣчи.“

Онъ это мгновенно сообразилъ.

— Мамап мы будемъ готовитьъ, — сказала вполголоса Бетси и, наклонившись надъ его кресломъ ближе, поцѣловала его въ голову. — Это пока между нами... Когда у тебя будетъ свободная минута, мы къ этому вернемся, ты позволяешь? Вѣдь мамап все еще не признаетъ, что я съ августа — увь!.. совершеннолѣтняя; могу даже замужь выйти...

— Безъ согласія родителей?

— Только я не собираюсь. Да и не за кого, ты самъ знаешь, — добавила Бетси съ усмѣшкой.

„Ее на мякинѣ не проведешь“, — подумалъ Аркадій Петровичъ, глядя ей вслѣдъ, и хотѣлъ было разсердиться, какъ отецъ; но не нашелъ въ себѣ для этого никакого настроенія, хотя ему приходилось отнынѣ еще труднѣе хоронить концы и передъ женою, и передъ дочерью.

XVI.

Сверху падала мокрая крупа, сродни той, когда Аркадій Петровичъ, кутаясь въ шинель, ходилъ вдоль рѣшетки сѣвера, около Греческой церкви.

И такъ-же мигали фонари, только газовые. И такъ-же онъ кутался въ свою шинель съ бобровымъ воротникомъ.

Но его грызетъ нѣчто другое... Онъ и оживленъ, и взволнованъ, какъ давно не былъ въ своихъ многолѣтнихъ встрѣчахъ съ женщинами...

Слишкомъ хорошо онъ знаетъ ихъ, чтобы удивляться лживости, обману, ихъ прирожденному таланту: непремѣнно проводить и дурачить мужчину, бѣсить его, вымещать на немъ обиды, или блажь, или злость...

Все это онъ зналъ, хотя и не могъ про себя сказать, что именно онъ былъ всегда жертвой женскаго коварства. Съ нимъ онѣ обходились почти всегда прилично, нѣкоторыя даже — очень великодушно... Долженъ онъ сознаться и въ томъ, что стремленіе къ новизнѣ, къ смѣнѣ ощущеній — отличало гораздо болѣе его, чѣмъ его тайныхъ подругъ, вплоть до послѣдней его „дружбы“ съ пріятельницей его жены, madame Крамеръ... Не она, а онъ самъ все отходилъ и отходилъ отъ нея, съ тѣхъ поръ, какъ она уже болѣе не давала ему „трепета“ — „le frisson nouveau“ — выраженіе, вычитанное имъ у французскихъ романистовъ реальной школы...

Случалось не мало такихъ охлажденій съ его стороны и раньше. Нѣкоторыя женщины изъ общества были на столько умны, что во время догадывались, сами начинали выказывать равнодушіе, или дѣлали сцены, для того, чтобы съ честью „попадать въ отставку“.

И едва-ли не въ первый разъ приходится ему испытывать такое „третированіе“, и отъ кого? Отъ нѣмки изъ Якобштадта, которую онъ сразу „помѣстилъ въ собственную мебель“... Положимъ, она очень красива; но почему-же она перебивалась въ дешевомъ гарни, гдѣ ѣла дрянную кухмистерскую стряпню, безъ хорошихъ туалетовъ, безъ всякаго прочнаго заработка? Вѣдь, когда онъ ее перевозилъ, она была „кругомъ въ долгу“.

И вотъ, въ какія нибудь двѣ-три недѣли, она вошла до такой степени въ чувство своей силы — силы своего роскошнаго тѣла и вызывающаго лица... До сихъ поръ, онъ все еще на положеніи „папаша“.

Сегодня случилось нѣчто, уже изъ ряда вонъ выходящее.

Было условлено, что они поѣдутъ обѣдать въ ресторанъ...

Аркадій Петровичъ обставилъ это всѣми предосторожностями: карета, Дюонъ, кабинетъ внизу, чтобы сейчасъ-же юркнуть изъ коридора, высочій бобровый воротникъ шинели, которую онъ снялъ бы въ кабинетѣ...

Часъ былъ условленъ вполне точно — половина седьмого. Онъ пріѣхалъ, остановилъ карету за два дома и взбѣжалъ молодой походкой въ четвертый этажъ. Звонилъ онъ безконечно. Никого въ квартирѣ. Зашелъ онъ съ задняго крыльца — то же самое!.. Значить, не только обманула, но и отпустила всю прислугу, зная хорошо, что онъ долженъ непременно заѣхать.

Вмѣсто того, чтобы сѣсть въ карету и ѣхать домой, — онъ отпустилъ ее и сталъ ходить взадъ и впередъ по тротуару противоположной стороны переулка.

Ходилъ онъ больше часа. Его глодало чувство большой обиды, почти негодованія... Будь у него ключъ отъ квартиры, онъ проникъ бы туда, и не знаетъ, чего бы ни надѣлалъ. Можетъ быть, избилъ бы всю посуду и тѣ „bibelots“, которыми онъ украсилъ ея будуаръ.

Но его началъ глотать и голодъ. Куда идти?.. Онъ вспомнилъ, что въ двухъ шагахъ — Палвинъ... Никогда онъ не бывалъ тамъ. Сидя въ большой залѣ, съ оркестріономъ, онъ ѣлъ механически, сконфуженный и подавленный тѣмъ, что онъ — совершенно безпомощенъ, что онъ не въ силахъ ничего произвести, чтобы „отвести душу“ — ничего!

И когда онъ, съѣвъ поспѣшно обѣдъ, спустился на Невскій, то его потянуло на Владиміревскую, а оттуда въ Стремянную и въ Поварской переулковъ.

Вотъ онъ опять заходилъ по тротуару, безпрестанно поднимая голову на окна четвертаго этажа... Они оставались темны... На улицѣ выходятъ столовая и гостиная; спальня и маленькій будуаръ — окнами на дворъ...

Теперь ему хотѣлось одного: поймать ее, обрушиться на нее грубо, гнѣвно, такъ, какъ эта „бабенка“ того заслуживаетъ, и объявить ей, что онъ отъ нея отказывается навсегда.

Сгоряча, все это казалось ему выполнимымъ...

И вдругъ онъ сообразилъ: — что такое обозначала эта возмутительная безцеременность обращенія съ нимъ?..

На-дняхъ Эмма подъѣзжала къ нему съ ласками, общавшими многое, насчетъ ея брата, какого-то конториста, на Острове. Тотъ могъ бы поступить кассиромъ въ одинъ торговый домъ экспортеровъ; но для этого нужна: „eine Caution“. Онъ отвелъ разговоръ и она не настаивала... Залогъ кассирскаго мѣста — не шуточная сумма... И безъ того онъ совращаетъ свои личные расходы до-нельзя.

Переулочъ сталъ совсѣмъ пустой. Вотъ раздался глухой звукъ саней. Аркадій Петровичъ очень стремительно воззрися въ даль.

Сани — или лихачъ, или барскія, судя по ходу сѣрой лошади — остановились за два дома до того крыльца, которое ведетъ къ ней...

Мелькнула цвѣтная фуражка. Офицеръ остался въ саняхъ, а женская фигура, въ ротондѣ съ бѣлымъ бараномъ, высочила, бивнула ему два раза головой и пошла по тротуару. Сани повернули назадъ, къ Стремянной.

Это она—Эмма! Онъ теперь прямо противъ нея... Его точно что внутри толкнуло: — перебѣжать и остановить ее „съ поличнымъ“. Ноги отказывались.

Прежде всего онъ боялся скандала... Свѣтлая ротонда скрылась въ подъѣздѣ.

Аркадій Петровичъ все стоялъ, какъ бы дожидаясь, что вотъ покажется свѣтъ въ окнахъ квартиры. Но свѣтъ не появлялся. Она прошла прямо въ спальню.

И опять—такъ безпощадно и рѣзко—представился ему выводъ: „онъ даже не тотъ бальзаковскій баронъ, съ каковымъ сравнила его Лидія!“

Лидія? Она — счастливица! Живетъ съ новымъ мужемъ, лелѣетъ его, отдаетъ ему и трудъ свой, и всю душу... Въ ней горитъ неугасимый огонь, ее влечетъ жажда пылаго чувства, неутолимая тяга къ тому, кто дастъ ей самозабвеніе...

Если роскошная блондинка такъ захватила его—человѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ—кто же мѣшаетъ ему—броситься въ эту, хотя бы

и чувственную, страсть головой внизъ; подняться сейчасъ къ ней, сдѣлать ей бурную сцену, потомъ пасть на колѣна: поклясться, что для нея онъ броситъ все: жену, дѣтей, свое положеніе, женится на ней... пойдетъ на все—вплоть до преступленія...

Кто мѣшаетъ?.. Онъ самъ... Лидія передъ нимъ—„богачка“,—это глубокая правда. А онъ—съ выѣденной, оскудѣлой душой...

И. Бобрыкинъ.

ХОРОША-ЛИ РОЗНЬ МЕЖДУ ХУДОЖНИКАМИ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ сомнѣваться, кажется, нельзя. Большинство навѣрное скажетъ: «Рознь? Да само собою разумѣется, она никуда не годится. Она очень дурна. Ея не надо. Она никогда не должна быть». Но все это очень поверхностно и шаблонно. Если хорошенько разсмотрѣть дѣло, отвѣтъ выйдетъ, быть можетъ, совсѣмъ другой.

Конечно, если дѣло пойдетъ о той розни, которая состоитъ изъ ненависти, злости, нетерпимости, преслѣдованій, насилія всякаго рода—такой розни не надо, она противна и вредна. Надо желать, чтобъ ея на свѣтѣ не было. Но если мы подумаемъ о той розни, которая ни съ кѣмъ не враждуетъ, никого не насилуетъ, никому зла не желаетъ, но которая тверда, непоколебима и неуступчива въ отстаиваньи своихъ понятій и стремленій, потому что они идутъ изъ глубины натуры самостоятельной и сознающей свою особенность, — такая рознь хороша и прекрасна, она заковна, она необходима, и безъ нея было-бы худо.

Большинство людей—*противъ* художественной розни. Но посмотрите вокругъ себя, въ Европѣ и даже въ Америкѣ, куда направляется теперь художественное дѣло? къ объединенію-ли, къ приведенію-ли людей и созданий къ одному знаменателю—или же къ розни и раздѣленію художественной дѣятельности на множество отдѣльныхъ группъ, обществъ, товариществъ? Конечно, передъ нашими глазами совершается послѣднее. Неужели-же это происходитъ по нечаянности, по неразумію, по капризамъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ? Нѣтъ, раздѣленіе совершается вслѣдствіе глубокихъ внутреннихъ потребностей и непобѣдимыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Пусть энтузіасты восклицаютъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ: «Seid umschlungen Millionen! Meinen Kuss der ganzen Welt!» ¹⁾. Такіе порывы благородны и симпатичны, такія чувства великодушны и картинны, но они адресуются только къ міру морали и чловѣчности, они дѣйствуютъ только въ области людскихъ взаимныхъ отношеній, въ сферѣ

¹⁾ Сбнмайтесь, милліоны! Мой поцѣлуй всему міру!

практической и общественной жизни. Какія задачи этого прелестнаго общаго еднениа, этой завлекательной всемірной гармоніи? Шпллеръ говоритъ намъ это въ той же самой одѣ: «О, радость, твои чары связываютъ снова то, что сурово было разъединено модой... Нищія становятся братьями земныхъ владыкъ... Клянитесь: да водворится спасеніе отъ тиранскихъ цѣпей, да народится великодушіе даже и въ отношеніи къ злодѣю, да присуствуетъ надежда и на смертныхъ одрахъ, да будетъ милость на великомъ судѣ!» Для всѣхъ этихъ чудныхъ задачъ, что можетъ быть лучше, нужнѣе, возвышеннѣе, чѣмъ общее согласіе людской массы, общаа гармонія, нераздѣльность интересовъ, стремленіе ко всему, что благородно и благотвельно, что удваиваетъ силу, что несетъ помощь и утѣшеніе, что уравниваетъ состоянія и сглаживаетъ несправедливости судьбы, что соединяетъ и сплачиваетъ, что даетъ жизнь и дѣлаетъ жизнь отрадною. О, тогда надо всею горячею душою желать, чтобъ «обнялись милліоны» и чтобъ на цѣломъ мірѣ запечатлѣлся «поцѣлуй» страстной, любящей души. Это все чудно хорошо, это все широко и увлекательно. Но міръ искусства—совершенно иной міръ, и задачи его совершенно инныя задачи. Въ искусствѣ дѣло идетъ не о морали и освобожденіи. Оно не хочетъ ни учить, ни спасать, ни бороться съ тираніей людей или несправедливостями судьбы, оно не казнить, но и не награждаетъ. Оно должно только смотрѣть на жизнь вокругъ, зорко видѣть и глубоко ощущать ее, оно должно обсуждать своею мыслью, своимъ чувствомъ все видѣнное и почувствованное, и—изображать это въ правдивыхъ и могучихъ формахъ. Но способенъ-ли истинный художникъ оставаться равнодушнымъ и безучастнымъ ко всему видѣнному и почувствованному имъ? Это былъ бы бѣдный, жалкій художникъ. Что говорить про того человѣка, который всѣмъ доволенъ, всѣмъ счастливъ, ничего не разбираетъ, ничѣмъ не интересуется, кромѣ своего ремесла или своей работы, и со всѣмъ мирится, ничѣмъ не возмущается? Говорятъ: у него, быть можетъ, прекрасное сердце, но голова плохая. Человѣкъ онъ ничтожный, равнодушный и мертвый, въ немъ нѣтъ того, что всего важнѣе: понятія жизни, могучей и бодрой мысли. У него параличъ души, точно такой же, каковъ параличъ тѣла у того человѣка, который не слышитъ никакого укола, никакого удара. Но еще во сто разъ скорѣе пришлось бы сказать это про того художника, который, вмѣсто того, чтобъ еще болѣе всѣхъ остальныхъ, простыхъ людей, быть впечатлительнымъ, возбуждающимся, глубоко отзывчивымъ на добро и зло, на высоту и низость, на поэтичность или пошлость совершающагося вокругъ него, — всѣмъ доволенъ, со всѣмъ мирится, и, пропуская мимо глазъ счастье и горе несущейся вокругъ него жизни, или ничего въ нихъ не разбирая, все только тѣшитъ виѣшностью своего искусства, тѣшится виртуозностью и наполняетъ свои картины или статуи все только «объятіями» и «поцѣлуйми» всему и всѣмъ? Конечно,

онъ этимъ самого себя и свои созданія обрекаетъ на пустоту, на ничтожество, на ложь, каковъ бы, впрочемъ, ни былъ при этомъ его внѣшній талантъ, талантъ исполнительскій. Но всегда будутъ тутъ, съ нимъ же рядомъ, другіе художники, болѣе истинные и глубокіе, которымъ живая жизнь не безразлична и не далека, которые все вокругъ себя не только видятъ, но и понимаютъ, и потому одно любятъ, другое ненавидятъ, а слѣдовательно, точно также наполняютъ свои картины и статуи не однимъ выраженіемъ сытаго любованья и празднаго довольства, не одними сибаритскими восторгами отъ всего существующаго, но и негодованіемъ, презрѣніемъ, болью и отвращеніемъ къ тому, что имъ больно, что ихъ возмущаетъ, что ихъ мучитъ. Чего на свѣтѣ больше: счастья или несчастья, красоты или безобразія, ума или безумія, того-ли, что должно быть, или того, чего никогда бы не должно было быть? Отвѣтъ для всякаго, кажется, простъ и несомнѣненъ. Несчастья, бѣды, безумія, бѣдность, страданія, несправедливость, насиліе, лишенія—вотъ что всего болѣе занимаетъ мѣста въ жизни людской. Значитъ, понятно, чѣмъ всего скорѣе и чѣмъ всего болѣе должны наполняться созданія тѣхъ художниковъ, которые хотятъ быть правдивы и искренни и которые не желаютъ всю свою жизнь жить для праздныхъ побрякушекъ, или для потѣхи толпы. Все будетъ вѣчно раздѣлять эти двѣ совершенно разныя породы художниковъ.

Эти двѣ породы художниковъ всегда будутъ существовать и всегда будутъ чувствовать антипатію одни къ другимъ; они всегда будутъ стараться быть не вмѣстѣ, а врозь, какъ можно подальше одинъ отъ другого. Ихъ постоянно будутъ раздѣлять и стремленія и задачи для ихъ произведеній, да даже и самый способъ выполненія ими этихъ задачъ.

Одни, скудные мыслью и рабскіе понятіемъ, будутъ всегда смотрѣть назадъ, будутъ стремиться по слѣдамъ прежнихъ отжившихъ мастеровъ, почитая ихъ недостижимыми образцами совершенства и величія, не мечтая ни о чемъ другомъ, кромѣ счастья къ нимъ приблизиться. Другіе, бодрые духомъ и смѣлые мыслью, будутъ смотрѣть впередъ, уперевъ глаза и чувство свое единственно въ свою собственную задачу, даваемую современною жизнью, и ни откуда не будутъ ожидать себѣ ни помощи, ни совѣта, ни примѣра. Для однихъ старые греки и старые итальянцы—какіе-то *господа*, а мы, современные, только ихъ недостойные наслѣдники и смиренные рабы; для другихъ они только высокодаровитые, но давно сдѣлавшіе и закончившіе свое дѣло люди, которое уже не требуетъ съ нашей стороны никакого новаго продолженія, ни подражанія—у насъ есть своего собственнаго, новаго дѣла выше головы, и дай намъ Богъ съ нимъ однимъ справиться, не то что вдобавокъ возиться съ чужимъ дѣломъ, стариннымъ, давно отцвѣтшимъ и вылпнявшимъ.

Одни художники воображаютъ, что вездѣ нужна «гармонія», величавая «плавность» формъ и красокъ, спокойствіе и премудрая сдержан-

ность, всегда и вездѣ, что ни выполняла-бы ихъ кисть или рѣзецъ. Другіе говорятъ: «Да, правда, это все превосходныя качества, завидныя способности, только не вездѣ, а тамъ, гдѣ ихъ требуетъ задача созданія и натура самого художника. Но это не законъ для всѣхъ задачъ и для всѣхъ художниковъ. Они могли бы сказать самимъ себѣ, какъ страстный и страдающій Саулъ юношѣ Давиду:

Пусть будетъ пѣснь твои дикѣ,
 Миѣ тягостны веселья звуки!
 Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
 Иль разорвется грудь отъ муки.
 Страданьями была унитапа она,
 Томилась долго и безмолвно;
 И грустный часъ насталь—теперь полна она,
 Какъ кубокъ смерти, яда полный.

Тутъ уже не до «гармоніи», не до величавыхъ «царственныхъ» линій и красокъ, не до того, что тѣшитъ глазъ и нѣжно ласкаетъ вкусъ—тутъ должны выдвинуться впередъ вся сила выраженія, вся правда безпорядочнаго и мечущагося волненія. Сколько далека здѣсь отъ правильностей и гармоній страстно смятенный духа, столько-же пускай будутъ безстрашно неправильны и смятенны—и линіи, и краски, и формы. Но кромѣ этой разницы настроенія къ свѣту или мраку жизни, есть еще одна громадная разница, раздѣляющая художниковъ: какова бы ни была противоположность и разнообразіе натуръ, есть одни художники, которымъ вездѣ прежде всего нужны—красота и изящество, невозмутимыя, безхарактерныя и безличныя, вездѣ одинакія, не смотря ни на какое время и мѣсто, эти качества для нихъ высшій законъ; но есть еще другіе, которымъ гораздо выше и дороже—правда жизни, какова бы она ни была, красива или не красива, потому—исключительная отграниченная отъ всѣхъ другихъ національность, такая, какою въ дѣйствительности живутъ всѣ народы, и которая для каждаго народа въ отдѣльности есть то-же, что физиономія, характеръ и свое особенное выраженіе у каждаго человѣка въ отдѣльности; наконецъ, такіе, которымъ невыносимы всѣ выдумки и фантазіи, переходящія изъ роду въ родъ по преданію, и которымъ масса бессознательно живетъ, никогда ихъ не разбирая: эти люди находятъ ихъ бѣдными, жалкими и тощими въ сравненіи съ тѣми безчисленными правдивыми темами, которыя насъ цѣлый день окружаютъ.

Послѣ того, сколько есть въ каждой націи цѣлыхъ тысячъ художниковъ, для которыхъ главную роль играютъ милость и благоволеніе толпы, награды и отличія, жажда первенствовать, всякія игрушки и сласти самолюбія, наконецъ—ихъ невѣжество, безвкусіе, рутинныя понятія, лѣнь и неспособность мысли.

Неужели со всѣми ими могутъ уживаться и спокойно, невозмутимо

ладить тѣ художники, у которыхъ натура выше, душа глубже, потребности богаче и разнообразіе, горизонты шире. Это все люди разныхъ породъ, которымъ вмѣстѣ тѣсно и узко, и они, кое-какъ побившись нѣсколько времени вмѣстѣ, приходятъ, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, къ тому открытію, что имъ жить и быть вмѣстѣ — не должно и вредно, и въ сто разъ выгоднѣе разойтись и никогда ни на чемъ существенномъ не встрѣчаться близко. Послѣ нѣсколькихъ колебаній и пробъ, тѣ которые пожизненнѣе, поэнергичнѣе и поболѣе проникнуты важностью своего новаго символа, бросаютъ старое насѣженное гнѣздо и идутъ пробовать новаго счастья.

Рой народившагося вновь поколѣнія ставитъ свой новый улей и работа закипаетъ.

Перебрать и рассказать всѣ подобныя событія въ жизни новаго европейскаго искусства—трудно. Ихъ слишкомъ много, особливо въ теченіе послѣднихъ 40—50 лѣтъ, и число ихъ съ каждымъ годомъ все только прибавляется. Но я попробую выставить на судъ читателя нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ примѣровъ.

I.

Въ продолженіе цѣлыхъ 200 лѣтъ академіи художествъ мирно наслаждались неограниченною властью. Онѣ явились въ эпоху нужды, въ минуту преобладанія *маніеризма* въ искусствѣ, т. е. въ такое время, когда искусство падало, и надо было ему помочь чѣмъ-нибудь, повысить его уровень, придать ему здоровья, силы и бодрости. И первая академія художествъ, основанная въ Болоньѣ въ концѣ XVI вѣка тремя живописцами Каррачи (дядей Лодовикомъ и двумя его племянниками — Агостиномъ и Аннибаломъ), достойно послужила своему дѣлу и много пособила искусству. Ученики Каррачей и вслѣдъ за ними и всѣ ученики цѣлой Италіи, а позже и всей Европы, стали учиться своему искусству дѣльнѣе и серьезнѣе, стали прилежниѣе всматриваться въ красоты античныхъ статуй, въ картины замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ художниковъ начала XVI в., стали понемногу руководствоваться и натурой, и дѣло ихъ значительно подвинулось впередъ и расширилось. Безвкусный *маніеризмъ* былъ сверженъ, хорошіе примѣры и натуры произвели благодѣтельное дѣйствіе. Авторитетъ болонской академіи сталъ всемогущъ и несомнѣненъ, и вслѣдъ за болонской скоро вездѣ основались и другія академіи, по примѣру той, и ни одному художнику не приходило въ голову мысли, что въ этомъ авторитетѣ могутъ когда-нибудь оказаться прорѣхи, что придетъ однажды такое время, когда академіи переживутъ свою первоначальную пользу, станутъ вредны и перестанутъ быть верховнымъ снѣдриономъ для художественной мысли, чувства и понятія. Однако же такое время пришло.

Первые удары далекаго, подземнаго грома раздались еще въ концѣ XVIII столѣтія, и, конечно, во Франціи.

Тогдашніе великаны мысли и смѣлаго почина во всѣхъ дѣлахъ интеллигенціи вожди и путеводители своего поколѣнія не могли не затронуть и академіи. Вольтеръ писалъ еще въ 1751 году: «Живописцы должны изображать природу, которая одна и та же во всѣхъ странахъ, для всѣхъ глазъ. Но иногда на талантъ художниковъ вліяетъ самымъ стѣснительнымъ образомъ то, что, казалось-бы, должно было-бы распырять его — академическій вкусъ и та *манера*, которую они заимствуютъ отъ своихъ академическихъ начальниковъ. Если у начальника вкусъ мизеренъ, если его выполнение сухо и прилизано, если его фигуры жеманны, если его картины написаны щепетильно, какъ опахала, ученики, притиснутые подражательностью или желаніемъ понравиться худому хозяину, до тла теряютъ понятіе о прекрасной природѣ. Какая-то злая судьба виситъ надъ академіями: никакое «академическое» созданіе еще не бывало, ни въ какомъ родѣ, созданіемъ гениальнымъ. Дайте мнѣ художника, который съ головы до ногъ наполненъ только боязнью не уловить *манеру* своихъ собратьевъ,— и его произведенія будутъ деревянны и принужденны. Но дайте мнѣ человѣка съ умомъ свободнымъ, полного мысли о той натурѣ, которую онъ воспроизводитъ — ему все удастся. Почти всѣ великіе художники либо процвѣтали раньше основанія академіи, либо работали во вкусъ, совершенно имъ противоположномъ»... (Siècle de Louis XIV). Спустя всего 20 лѣтъ, Дидро писалъ въ 1773 году: «Что касается до высоко-талантливаго человѣка, то онъ такъ мало владѣетъ собою, что онъ и самъ не знаетъ, что и какъ онъ дѣлаетъ; и вотъ почему академіи почти задушаютъ людей этого склада: онѣ подчиняютъ ихъ напередъ опредѣленной задачѣ»... (Réfutation de l'ouvrage d'Helvétius intitulé «L'homme»). Вотъ какъ давно уже была понята академія въ ея зловредной сущности. Справедливыхъ словъ рѣдко слушаются сразу, хотя-бы они исходили изъ устъ глубочайшихъ и даже самыхъ почитаемыхъ гениевъ міра. На этотъ разъ было иначе. Французская художественная молодежь еще во второй половинѣ прошлаго вѣка начинала исповѣдывать нѣкоторыя изъ тѣхъ самыхъ мыслей, которыя ронялись въ головѣ ея великихъ людей (хотя даже вовсе и не художниковъ), и перестала вѣровать въ академію безпрекословно и бессмысленно. Молодые художники даже иной разъ принимались понемножку бунтовать противъ академіи, когда ихъ уже слишкомъ донимала ея косность, близорукость, а значить и несправедливость. Такъ напр., когда въ 1767 г. парижская академія присудила награду за скульптурную программу не ученику Милло, который и ученикамъ, и публикѣ казался самымъ талантливымъ и достойнымъ, а Муатту, по ихъ мнѣнію совершенно бездарному, но потому что онъ былъ сынъ академика и ученикъ знаменитаго тогда, скульптора Пигалля, который грозился выйти изъ ака-

деми, если не дадут награды Муатту,— то ученики устроили на площади передъ Лувромъ цѣлый скандалъ Пигаллю и прочимъ его товарищамъ. Сначала хотѣли заставить Муатта пройти по площади на четверенькахъ, посадивъ ему на спину Милло, но потомъ оставили этотъ буйный проектъ, и кричали, свистали и шикали на выходящихъ изъ засѣданія академиковъ, и пропускали ихъ, какъ сквозь строй, сквозь весь свой длинный нескончаемый рядъ; когда же показался главный виновный, самъ Пигалль, кто-то изъ нихъ скомандовалъ: «Задомъ!», всѣ ученики мгновенно оборотились къ Пигаллю спиной, и Пигалль принужденъ былъ, какъ ни былъ золъ и дерзокъ, пройти сквозь двойной рядъ ученическихъ спинъ. Академическій совѣтъ собирался изгнать изъ академii каждаго десятаго, но ученики твердо рѣшились своими шпагами исковеркать секретаря академii, Кошена, который это предложилъ, вмѣшалась публика, газеты, самъ Дидро — великая тогдашняя сила — и изгнаніе не состоялось. Но академія такъ чувствовала свою неправоту и такъ была смущена, что велѣла поломать барельефы всѣхъ трехъ конкурентовъ, чтобъ никакихъ документовъ противъ нея не оставалось (Diderot, Salon de 1767) Вотъ каковы бывали иногда академіи и вотъ какъ мало начинали вѣрять въ ихъ величіе и погрѣшимость.

Самъ Дидро помогаль этому и не только своими талантливыми, горячими разказами о томъ, что дѣлалось въ академіи и академіею, но еще прямыми совѣтами, какъ надо справляться со всѣми несправедливостями и неправильностями академii. Въ своемъ «Salon de 1769» онъ съ великимъ негодованіемъ рассказываетъ своему другу Гримму новое происшествіе въ академіи: то, какъ его пріятель, Грѣзь, почувствовалъ непреодолимую жажду сдѣлаться академикомъ, и для этого представилъ въ академію историческую картину на сюжетъ изъ римской исторii. Это было дѣло для него довольно не подходящее, потому что онъ былъ собственно «жанристъ», и въ историческомъ родѣ себя прежде никогда не пробоваль. И дѣйствительно: академія забраквала его картину, но академикомъ его сдѣлала, объявивъ ему въ засѣданii совѣта, что ему даютъ званіе не за эту картину, а за прежнія, за всѣмъ пзвѣстныя его заслуги. «Что-жь вы думаете, говоритъ Дидро, что онъ сдѣлаль тогда? Другой, напримѣръ хоть бы я, выхватилъ-бы ножъ изъ кармана и разрѣзалъ-бы картину въ куски, потомъ надѣлъ-бы раму себѣ на шею, и уходя вонъ, сказалъ-бы академіи, что не желаю быть ни жанристомъ, ни историческимъ живописцемъ; потомъ пришелъ-бы домой и повѣсилъ-бы на стѣнкѣ въ рамахъ чудныя головы Паппиана и сенатора (вырѣзанныя изъ картины), и академія осталась-бы устыженной и обезчещенной. Да, мой другъ, обезчещенной, потому что раньше представленія въ академію картина эта слыла великолѣпной, а обрѣзки ея заставляли-бы угадывать красоту остальныхъ частей, и любой аматѣръ купилъ-бы ее на всѣхъ зо-

дота. Но Грѣзь, вмѣсто того, остался увѣренъ въ собственномъ достоинствѣ и несправедливости академіи, и пошелъ домой, чтобъ выслушать бѣшенныя упреки своей жены, женщины совершенно сумасшедшей»...

Вѣроятно совѣты Грѣза доходили по адресу до французской художественной молодежи и научали ее собственному достоинству и самостоятельности мысли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія такая же близорукость, несправедливость и произволь, какъ во французской академіи, царствовали и въ другихъ европейскихъ академіяхъ и влекли за собою такія же послѣдствія пониженія авторитета академіи. Такъ, на примѣръ, вѣнская академія художествъ такъ мало понимала въ своемъ дѣлѣ и въ своихъ обязанностяхъ, что жестоко преслѣдовала трехъ лучшихъ и способнѣйшихъ учениковъ: Фогеля изъ Цюриха, Пфорра изъ Франкфурта и Овербека, впоследствии одну изъ нѣмецкихъ художественныхъ знаменитостей, за то, что они рисовали въ классѣ, съ натурщика, не такъ, какъ тогдашніе академическіе учителя приказывали, банально, безхарактерно и поверхностно, а съ глубокимъ вниканіемъ въ натуру, стоявшую передъ ихъ глазами. Юноши отрясли пылъ съ сапоговъ своихъ, бросили академію, уѣхали въ Римъ, образовали тамъ цѣлую самостоятельную оригинальную школу (извѣстную въ исторіи, вслѣдствіе своего религіознаго направленія, подъ именемъ «назарянъ»), и стали знаменитостями.

Но это все были только первые, далекіе раскаты грозы, первыя вѣянія очищающагося отъ академій воздуха. Камешки, брошенные въ заростающій прудъ, только на минуту зарыблили поверхность. Пошли по гладкой скатерти воды большіе и глубокіе круги, но скоро ихъ опять затянуло, и прудъ снова стоялъ ровный, гладкій, ничего не выдающій наружу изъ того, что внутри его дѣлалось и заростало; мертвое спокойствіе стояло недвижимое и непоколебимое.

Во все продолженіе Наполеона не до академій и художествъ было и ему самому, и всѣмъ, кто едва дышалъ подъ его пятой. Съ него самого достаточно было триумфальныхъ, прославительныхъ картинъ и статуй, а что касается до художниковъ и ихъ дѣятельности, положенія и творчества, то какое ему дѣло было до всего этого, когда по всѣмъ дорогамъ тянулись въ Парижъ нескончаемыя возы съ награбленными отовсюду картинами и статуями старыхъ временъ, признанныхъ великими и несравненными, а современные художники, французъ Давидъ (еще недавно огненный, неукротимый республиканецъ) и итальянецъ Канова за величайшее счастье считали изгибать спину передъ счастливымъ деспотомъ, ловить его одобрительную улыбку и писать его портретъ или лѣпить его статую. Остальной Европѣ тоже было не до художниковъ и ихъ академій, когда вся забота ея могла состоять въ томъ, чтобы спастись отъ бросаемыхъ ей поминутно на шею аркановъ. Вездѣ царствовали только насилие, смерть и истребленіе.

Но едва вздохнули повсюду свободно послѣ варварскаго Атиллы, какъ снова поднялась работа мысли, перерванная имъ. Вопросъ о свободѣ художника и независимости искусства зазвучалъ съ новой силой. Всѣ 20-е года XIX-го столѣтія прошли для французскаго искусства, а вслѣдъ за нимъ, и почти для всего остальнаго европейскаго, въ сплошномъ протестѣ противъ школьныхъ традицій и академическихъ законовъ и вкусовъ. Выдвинувшійся съ новою, небывалою силою, послѣ паденія Наполеонова вопросъ о «національности» у народовъ, получилъ вдругъ и въ искусствѣ громадное преобладаніе, подъ именемъ «романтизма». Все, что въ этомъ «романтизмѣ» было преувеличеннаго, ходульнаго, ложнаго, безобразнаго, нелѣпаго, быстро исчезло и стерлось, но завоеванія «романтизма» пошли на пользу дѣлу національности и самостоятельности. Превнѣй космополитизмъ, прежнее безразличіе сюжетовъ, полное равнодушіе ко всѣмъ имъ, только-бы процвѣтала блестящая техника и лихое мастерство, понемногу начали казаться если далеко не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ лучшимъ изъ художниковъ—постыдными и неподходящими. Искусство все болѣе и болѣе стремилось не быть празднымъ и выражать что-то «нужное» и «важное» для людей. Преданіе, академическіе законы стали все болѣе и болѣе казаться праздными и для нашего времени непригодными.

Время, мѣсто, вся виѣшняя обстановка жизни и сцены получили такое значеніе, какого прежде никогда не имѣли. вмѣстѣ съ тѣмъ, художники стали и въ выраженіи искать такихъ сторонъ близости къ натурѣ, спеціальнаго и индивидуальнаго настроенія, о какихъ прежде никто никогда и не задумывался.

Послѣ «романтиковъ» и «народниковъ» выступили въ 50-хъ годахъ реалисты. Эти тоже принесли съ собою великія новизны и продолжали возстаніе противъ преданій, все-таки гнѣздившихся въ стѣнахъ школы, продолжали дѣло освобожденія отъ оковъ, и стремленія къ правдѣ жизни, и къ истинности выраженія, съ еще большею настойчивостью и упорствомъ, чѣмъ ихъ предшественники. Они громадно расширили область задачъ своихъ, перейдя отъ аристократизма и исключительности ихъ къ демократизированію искусства и къ представленію, вмѣсто прежнихъ героевъ, боговъ и принцевъ — всѣхъ классовъ народа, отъ самаго низшаго и до самаго высшаго, но уже не въ какомъ-то прославленномъ, возвышенномъ и выдуманномъ видѣ, а въ настоящей правдѣ ихъ жизни и дѣйствительно происходящихъ на дѣлѣ сценъ и событій. Этотъ новый шагъ былъ самый важный и самый рѣшительный въ искусствѣ: никогда еще прежде не было внесено заразъ столько правды и жизненности въ дѣло творчества. И толпы народа, публики радостно сознавали это и съ торжествомъ аплодировали новому направленію. Но рутинна старинныхъ задачъ, академическія привычки къ «лжевысокому» стилю и сюжетамъ, легкость подражанія прежнимъ художникамъ и трудность дѣлать что-то

свое, новое, продолжали одолѣвать втихомолку цѣлыя массы художниковъ лѣнливыхъ, ограниченныхъ или мало способныхъ, и они продолжали жить и плодиться на свѣтѣ, не взирая на всѣ завоеванія реализма и побѣды правды. Отъ этого-то, художники самыхъ разнообразныхъ направленій, въ дѣйствительной жизни не знавшіе другъ друга, впродолженіе года никогда не встрѣчавшіеся, сходились вдругъ вмѣстѣ на годичныхъ выставкахъ и, конечно, съ удивленіемъ глядѣли другъ на друга, какъ чужіе. Только случайность сблизала ихъ и заставляла какъ будто вмѣстѣ везти одинъ, и тотъ-же возъ. Но, по мѣрѣ того, какъ одни росли мыслью и намѣреніями, а другіе все продолжали упорно купаться въ своемъ заростающемъ пруду, первымъ становилось все затруднительнѣе незаконное сожителство, и хотѣлось избавиться отъ него. Нуженъ былъ только вѣршній поводъ, чтобы произошелъ разрывъ. И онъ произошелъ, скоро послѣ парижской всемірной выставки 1889 года. Поводомъ послужилъ вопросъ о наградахъ.

Въ концѣ декабря того года «Общество французскихъ художниковъ», къ которому принадлежала вся почти масса французскихъ художниковъ и которое завѣдывало съ 1881 года ежегодными большими «выставками» (Salon), рѣшило большинствомъ 408 голосовъ, что медали и награды, присужденныя художникамъ со стороны международного жюри 1889 года, не должны имѣть никакого значенія для того жюри, который будетъ присуждать награды за выставку 1890 года. Казалось бы, что-же можетъ быть лучше? Дарованы права — самой глубокой справедливости, новый жюри будетъ рѣшать, не обращая вниманія ни на какой предъидущій жюри и будетъ дѣйствовать сообразно съ тѣмъ, что появится на новой выставкѣ. Но это могло такъ казаться незнающему сущности дѣла. Во время всемірной выставки 1889 года французское художественное дѣло было въ рукахъ Антонена Прусъ (Antonin Proust), который былъ рѣшительный врагъ академіи, академическаго направленія и французской академической клики, и напротивъ былъ горячій сторонникъ направленія реалистическаго и реалистическихъ французскихъ художниковъ. Онъ обладалъ такою властью и вліяніемъ, что всѣ награды художникамъ за всемірную выставку были присуждены въ этомъ направленіи, и очень многіе приверженцы французской «Ecole des Beaux-Arts» (по нашему академіи художествъ) потерпѣли крушеніе. Этому они не хотѣли долѣе выносить, поэтому-то и настаивали, чтобъ присужденіе жюри всемірной выставки считалось ни во чтѣ. Противуположная сторона, реалисты, протестовала. Конечно, академисты ихъ не послушались и поставили на своемъ. Быть можетъ, они воображали, что все это дѣло—легкое, не стоящее вниманія, такое дѣло, которое скоро само собою лопнетъ и улетитъ какъ дымъ. Мало-ли сколько «правовѣрные» пережили капризовъ, бунтовъ и возстаній со стороны своихъ неугомонныхъ товарищей. Давно-ли, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ,

появлялись отщепенцы и создавали — то «выставку отказныхъ» (*Salon des refusés*), то «Группу независимыхъ» (*Groupe des artistes Indépendants*, она основана была 11 апрѣля 1884 года), то «Общество независимыхъ» (*Société des artistes Indépendants*, оно основано было 11 юня 1884 года)? Но всё эти художники жаловались только на недопущеніе ихъ на большую выставку, и по большей части были художники посредственные или худые, и потому не могли долго продержаться: хотя картинъ у нихъ набиралось всякій разъ по 300 и по 400, но это свидѣтельствовало не въ пользу живучести и не въ пользу права на существованіе каждаго изъ этихъ обществъ, а только въ пользу развившагося чувства справедливости, самостоятельности, общаго равенства. Всё эти общества, просуществовавъ по 2 по 3 года, исчезали съ лица земли безслѣдно.

Но не такова должна была быть участь новаго общества. Оно состояло изъ лучшихъ художниковъ современной Франціи, полныхъ не только негодованія на несправедливость товарищей, но также негодованія и на устарѣлость дороги, по которой они шли, на отсталость ихъ задачъ и дѣятельности. И въ добавокъ ко всему, во главѣ ихъ сталъ знаменитый Мейсонье, конечно самый капитальный художникъ новой французской школы и самый рѣшительный реалистъ, горячій искатель жизненной правды. Около него сгруппировались такіе художники, какъ живописцы Бастіенъ-Лепажъ, Даньянъ-Бувере, Лермитъ, Ролль, Раффаэлли, Бердъ, Дюэцъ, Фраппа, Фирмень-Жиранъ, Жервѣ, Гёнѣтъ, Фрианъ, и даже многіе изъ иностранныхъ, напримеръ, нѣмцы Уде и Либерманъ, шведы Цорнъ и Гагборгъ, голландцы Израэльсъ, Мельхерсъ и Меодагъ и т. д., изъ скульпторовъ: Роденъ, Далу и Ренжель-д'Ильзагъ; сверхъ того множество другихъ. Конечно, ихъ таланты были далеко не равны, но всё они были одушевлены одинакимъ стремленіемъ къ истиннымъ цѣлямъ своего искусства. Такое общество, со своими свѣтлыми и правдивыми задачами и съ такимъ главой, не могло не носить въ себѣ задатковъ прочности и долговѣчности. Академисты этого не поняли — и глубоко ошиблись. Мейсонье уже давно сталъ въ новой Франціи настоящимъ центромъ всего, что было у него въ отечествѣ самага талантливаго, свѣжаго, новаго и самостоятельнаго.

Еще передъ самымъ началомъ всемірной выставки онъ, вмѣстѣ со всей лучшей художественной французской молодежью и значительнѣйшими изъ французскихъ литераторовъ, негодовалъ противъ «Эйфелевой башни», которая такъ восхищала не только праздныхъ невѣждъ всей Европы, но и всѣхъ рутинныхъ членовъ и чадь французской академіи художествъ. Напечатанъ былъ въ газетахъ страстный и негодующій протестъ, гдѣ говорилось, что эта «Эйфелева башня» (признанная всѣми ротозѣями Европы за «гвоздь выставки» — *le clou de l'exposition*) есть только ненужная и чудовищная прихоть, попирающая французскій вкусъ, французское искусство и французскую исторію, и безобразящій красоту Па-

рижа. Во главѣ протестантовъ подписался Мейсонье, словно патриархъ и глава современнаго искусства. Но теперь, послѣ выставки, поднялись и зашипѣли всѣ французскіе академисты. Имъ былъ нестерпимъ новый протестъ Мейсонье и лучшихъ французскихъ художниковъ, онъ шелъ на перерѣзъ всѣмъ ихъ понятіямъ, вкусамъ и матеріальнымъ интересамъ. Имъ нужны были кумовство академическое, протекція и лелѣяніе старинныхъ ихъ художественныхъ привычекъ; имъ нужны были прежде всего, наперекоръ времени, картины съ сюжетами «классическими» и «высокими», изъ мифологии или библіи; имъ нужны были картины лже-историческія, напыщенные, высокопарныя или сухія; имъ нужна была также масса картинъ, изображающихъ будто-бы сцены изъ современной жизни, но въ дѣйствительности изображающихъ только ничтожество, ненужность и полнѣйшую безсодержательность; наконецъ, имъ нужны были массы полезныхъ для продажи картинъ, но банальныхъ, съ голыми женщинами— вотъ они и затыкали себѣ уши противъ Мейсонье и его самостоятельныхъ товарищей. Во главѣ ихъ стоялъ живописецъ Бугрô, живописецъ сахарныхъ мадоннъ и всяческихъ «эллинскихъ» нимфъ, амуровъ, венеръ и сатиуровъ, любитель всего классическаго и выдуманнаго, покровитель всякой академической условности и неправды въ искусствѣ. Эти люди одолѣли— ихъ было слишкомъ много. Но Мейсонье съ товарищами не захотѣли выносить безобразнаго торжества устарѣлой художественной черни, и— отдѣлились. Академисты всею своею массою сохранили, для своихъ выставокъ, помѣщеніе въ громадномъ стеклянномъ дворцѣ Елисейскихъ Полей (бывшее помѣщеніе всемірной выставки 1855 года), реалисты-отщепенцы добыли себѣ отъ правительства разрѣшеніе дѣлать свои выставки въ громадномъ дворцѣ художественнаго отдѣла послѣдней всемірной выставки (1889 года) на Марсовомъ полѣ. Ежегодныхъ большихъ выставокъ въ Парижѣ сдѣлалось двѣ. Тщетно старались академисты снова сойтись съ «отщепенцами», принявшими названіе «Société Nationale des beaux-arts»: эти послѣдніе не пошли ни на какія соглашенія, не слушались никакихъ мировыхъ приглашеній, условій, уступокъ, высказанныхъ на множествѣ общихъ сходовъ, и остались непреклонно одинокими. Лучшая и интеллигентнѣйшая доля публики стала на ихъ сторону.

Однакоже, далеко не всѣ были на сторонѣ отщепенцовъ. Множество художниковъ, критиковъ и даже значительная доля публики была противъ нихъ. Обычный обозрѣватель выставокъ въ журналѣ «l'Art», Поль Леруа, писалъ про первую выставку на Марсовомъ полѣ: «Архитекторы тщательно воздержались отъ участія въ этой отщепенской затѣѣ (cette aventure sécessionniste), о которой большинство изъ примкнувшихъ къ ней горько сожалеютъ. Намъ объявилъ это одинъ очень достойный человѣкъ, давшій увлечь себя: онъ вообразилъ себѣ, что тутъ дѣло будетъ идти о художественномъ заявленіи, свободномъ отъ всякой примѣси. И это доказываетъ,

лучше всякихъ комментаріевъ, на сколько хорошо и разумно воздержаніе архитекторовъ. За исключеніемъ очень небольшого меньшинства, скульпторы, офортисты и литографы, хорошо помня, что единеніе составляетъ силу, послѣдовали примѣру архитекторовъ... Едва вы войдете на выставку, какъ вы уже чувствуете какую-то провалившуюся, неудавшуюся манифестацію. Говоришь себѣ: не стоило изображать собою братьевъ-враговъ подъ фальшивымъ предлогомъ уваженія къ искусству, оскорбленнаго патриотизма и т. д., и добиться только выставки вовсе не избранной, не капитальной. Входишь въ галереи живописи, и уже ничего болѣе не ожидаешь, кромѣ полного фіаско...» Когда таково уже заранѣе готовое убѣжденіе, нѣтъ ничего удивительнаго, что Леруа все опорочиваетъ и оплевываетъ на выставкѣ, одинаково и картины, и статуи. Онъ говоритъ, что пускай *настоящая* французская выставка того года, та что въ Елпсейскихъ Поляхъ, и слаба на нынѣшній годъ, а все-таки куда слабѣе эта *незаконная*, несчастная выставка Марсова Поля. Ничто его не удовлетворяетъ: ни скульптура Далу и Родена (лучшихъ современныхъ французскихъ скульпторовъ), ни великолѣпная картина Мейсонье (тогда еще живого) «1806 годъ», ни картины Лермитта — который, по словамъ критика, начинаетъ пугать его, ни картины Пювись-де-Шаванья, Казена, Куртуа, Кютюрё, и т. д., и т. д., — никто и ничто не заслуживаетъ его благоволенія; даже такіе выдающіеся иностранные художники, какъ нѣмецъ Уде, голландецъ Скредвигъ и другіе, не въ состояніи унять его задоръ и антипатію: перваго онъ, конечно, слегка и похваливаетъ (*son originalité prouve lui procure de si légitimes succès*), но тутъ же обвиняетъ его въ окарикатуреніи Израэляса; втораго обвиняетъ въ преувеличеніи красочныхъ эффектовъ (*M-r Skredvig s'est livré à une débauche de colorations férocés*), и наконецъ, въ заключеніе всего, восклицаетъ: «Списокъ мой вышелъ бы безконеченъ, еслибъ я сталъ продолжать обзоръ всѣхъ мертворожденныхъ или нездоровыхъ произведеній этой выставки»...

Но къ счастью, далеко не вся французская публика и не всѣ французскіе критики были столько же близоруки, злобны и мстительны за отпаденіе цѣлой большой группы художниковъ, какъ Леруа и ему подобные. Одинъ изъ важнѣйшихъ критиковъ «*Gazette des beaux-arts*», Мабильдъ, совершенно иначе относился къ отдѣлившимся. Далекій отъ негодованія и преслѣдованія, онъ громко провозглашалъ: «Кто бы что ни думалъ о причинахъ, заставившихъ французскихъ художниковъ раздѣлиться на двѣ независимыя группы, надо признаться, что этотъ кризисъ привелъ къ самымъ неожиданнымъ и счастливымъ результатамъ. Мысль о раздѣленіи, явившаяся по нечаянности, влѣдствіе личной ссоры, представляла явныя опасности. Въ этомъ можно теперь признаться, потому что благодѣтельная судьба и человѣческія усилія такъ хорошо одолѣли ихъ. Такъ напр., можно было опасаться, что публика испугается все болѣе и болѣе увеличивающейся

требовательности художниковъ на счетъ того, чтобъ на нихъ обращали вниманіе, и рѣшивъ, что мѣра переполнена, откажется идти за живописцами на ту почву борьбы, которую они теперь для себя избрали. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противное. Тотъ, немного вялый интересъ, съ которымъ свѣтскіе люди относятся обыкновенно ко всѣмъ художественнымъ дѣламъ, вдругъ оживился по поводу неожиданныхъ вопросовъ, выдвинувшихся тутъ впередъ; даже самые равнодушные люди нашли вдругъ забавнымъ, чтобъ вмѣсто *одной* выставки было ихъ *двѣ*, которыя можно сравнивать одну съ другою. Однимъ словомъ, новое событіе принесло разочарованіе только однимъ мрачнымъ пророкамъ: прежнее художественное общество ничуть не потеряло прежняго своего мѣста, а новое завоевало себѣ совершенно новое мѣсто. Сокровища симпатіи и любопытства, посвящаемыя имъ публикою—неисчислимы! Если же обратиться къ однимъ только «отщепенцамъ» Марсова поля, то представлялось сомнѣніе болѣе серьезное: найдутъ-ли они среди своего кружка достаточно средствъ для того, чтобъ оправдать разрывъ? Въ разсужденіяхъ объ искусствѣ единственные вѣскія доказательства — это сами созданія. Вотъ потому и спрашивалось: будутъ-ли эти художники на столько богаты своими произведеніями, что ихъ неожиданная выставка не будетъ имѣть надобности въ разныхъ вспомогательныхъ средствахъ? Не будутъ-ли они принуждены отыскивать себѣ рекрутовъ среди тѣхъ, кого съ презрѣніемъ отвергла традиціонная выставка Елсейскихъ Полей? Но и здѣсь дѣла повернулись какъ не надо лучше. При первой вѣсти о томъ, что готовится манифестация истинно либеральная и независимая, многіе художники, лѣтъ по 20-ти не выставившіе своихъ картинъ, вдругъ снова появились; но тутъ же выступили вновь и другіе, еще вовсе неизвѣстные, и принесли съ собою многочисленность и оригинальность картинъ. Впрочемъ совѣтъ очень разсудительно рѣшилъ: не хлопотать единственно только о томъ, чтобъ цѣликомъ набить всѣ галлерей, отведенныя имъ щедрою парижскою Думой: онъ благоразумно воспользовался своимъ правомъ избранія и допустилъ всего только 900 картинъ, тогда какъ общество Дворца Промышленности (Елсейскихъ Полей) торопливо скопляло цѣлыхъ 2400, чтобъ только раздавить соперницу. Это благоразумное воздержаніе сдѣлало то, что всѣ художественныя произведенія получили свое настоящее значеніе. Быть можетъ, *еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ что существуютъ выставки*, публика увидала феноменъ: живописцевъ, посылающихъ на выставку такія вещи, какія они сами хотятъ, развѣшивающихъ ихъ какъ сами хотятъ, устранивающихъ себѣ освѣщеніе и сосѣдей какъ сами того хотятъ. Результатъ всего этого—необыкновенно любопытствъ, и какія бы ни были будущія судьбы «раскола», этотъ урокъ навѣрное будетъ полезенъ. Устроители Марсова Поля мечтали о *настоящей* выставкѣ — и осуществили ее; они употребили на это громадныя сокровища изобрѣ-

тательности и вкуса. Зато публика и критика въ одинъ голосъ поздравли г. Дюбюфа, который вмѣстѣ съ гг. Каролусомъ Дюраномъ и Дюзомъ изготовили эту мастерскую и роскошную декорацію. Наконецъ, хотя ясно было, что составъ юнаго общества вовсе не вполне однороденъ, но не трудно было замѣтить, съ самаго же начала, что «новая школа» занимала тутъ главное мѣсто...» Далѣе слѣдовалъ подробный разборъ всѣхъ художественныхъ качествъ, которыми блистали произведенія новой выставки, хотя критикъ никому не льстилъ, и, вмѣстѣ съ замѣчательными совершенствами Даньбана, Лермитта и другихъ, и даже самого Мейсоньё, указывалъ также и ихъ недостатки.

Новое общество, вопреки всѣмъ зловѣщимъ предсказаніямъ и недоброжелательнымъ отзывамъ, оказалось прочно и живуче. Вторая его выставка (1891 года) опять привлекла громадныя толпы народа, и уже не просто какъ новинка, а какъ выраженіе дѣятельности группы артистовъ талантливыхъ и могущественно стоящихъ за провозглашенные ими принципы. Сама газета «l'Art», за годъ передъ тѣмъ съ такою темною злобою напавшая на новое общество, вынуждена была перешагнуть на совершенно другую дорогу, и пропѣть совершенно иную, противъ прошлогодней, пѣсенку. Конечно, при этомъ своемъ отступленіи она все-таки выпускала изъ своего колчана нѣкоторыя стрѣлы, которыя она желала сдѣлать отравленными и которыми она старалась повредить противнику. «Послѣ великаго успія первой выставки (говорить Леонсъ Бенедитъ, выпущенный для этого редакціей вмѣсто Леруа, критикъ), можно удивляться тому, что на Марсово Поле явились новые художники съ такимъ значительнымъ багажемъ, накопленнымъ въ теченіе всего одного только года. Это доказываетъ трудолюбіе нашихъ художниковъ, а также необыкновенную живучесть современнаго искусства. Выставка 1891 года навѣрное стоить выставки 1890 года, и даже большинство художниковъ выступаетъ на Марсовомъ Полѣ съ картинами высшаго значенія. Однакоже публика не встрѣтила «отщепенцевъ» со всѣмъ такимъ-же расположеніемъ, какъ въ прошломъ году ¹⁾. Даже нѣкоторые изъ самыхъ горячихъ друзей ихъ сочли долгомъ заявить нѣсколько порціаній. А отчего? Оттого, что выставка Марсова Поля совершенно понапрасну выступаетъ въ параллель выставки Елисейскихъ Полей, и какъ будто хочетъ соперничать съ нею. Но «Национальное Общество» (Марсова Поля) есть по преимуществу предпріятіе частное, большая выставка кружка, гдѣ произвольно выражаются стремленія, почти всѣ сплошь однородныя. И это даже, можно

¹⁾ Это ничѣмъ не доказывалось на выставкѣ! Критики нигдѣ также ничего подобнаго не высказывали. Это, безъ сомнѣнія, только очень обыкновенный приемъ враговъ, который мы часто встрѣчаемъ и въ Петербургѣ по поводу передвижныхъ выставокъ. «Нынѣшній годъ, молъ, выставка хуже прошлогодней, а прошлогодняя хуже предъидущихъ». Всегдашняя одна и та же пѣсня! В. С.

сказать, одна изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ этого общества. Но было-бы совершенно ошибочно смотрѣть на выставку Марсова Поля, какъ будто на настоящій «Салонъ» (ежегодная огромная традиціонная выставка французовъ) и обращаться къ ней съ точно такою же критикою, какъ къ выставкѣ Елисейскихъ Полей. Если, въ прошломъ году, этой послѣдней, выставкѣ официальной, выговаривали за излишнее накопленіе, за то, что она допускала въ свои галереи громадную массу картинъ банальныхъ, которыхъ сюжеты были точь въ точь одно и тоже съ сюжетами давно всѣмъ намозолившими глаза, то на Марсовомъ Полѣ получалось впечатлѣніе чего-то совершенно одинакаго, но отличнаго отъ картинъ Елисейскихъ Полей: тутъ дѣло шло уже не о накопленія много разъ видѣнныхъ и заснувшихъ вещей, а о массѣ изображеній рѣзкихъ, преувеличенныхъ, торопливыхъ импровизацій, не совершенныхъ этюдовъ и какъ будто-бы родственныхъ одинъ съ другимъ, до такой степени, что, по выраженію злыхъ языковъ, художники какъ будто все только и дѣлаютъ, что копируютъ съ самихъ себя и съ другихъ.

«Впрочемъ, надо признаться, художники Марсова Поля имѣютъ претензію на индивидуализмъ, и можно сказать, что оставивъ въ сторонѣ тѣ спеціальныя причины столкновенія, которыя произвели раздѣленіе, одною изъ главныхъ причинъ было желаніе возстать противъ мастерскихъ, школъ, противъ всего художественнаго движенія, связаннаго съ прошедшимъ, для того чтобы отдѣлаться отъ устарѣлыхъ формулъ и горячо работать надъ тѣми формулами, которыя однажды образуютъ будущее искусство»...

Итакъ, мы встрѣчаемъ здѣсь кисло-сладкія похвалы, приправленныя горчицей, и полу-вражескія антипатіи, осыпанныя кое-какимъ мелкимъ сахаромъ. Но всѣ эти микстуры не могутъ скрыть того положительнаго, рѣзко и опредѣленно выглядывающаго изъ-за ширмъ факта, что новое общество—есть общество съ глубокимъ корнемъ и могучею силою, и что выставки его—враждебны, но сильно талантливы и новы, а потому грозны и опасны.

Это не моя цѣль описывать и разбирать теперь выставки Елисейскихъ Полей и Марсова Поля. Мнѣ нужно только показать общій ходъ дѣла стараго и новаго общества, и потому я закончу свой параграфъ о французакъ тѣмъ, что приведу послѣдній *крупный* фактъ ихъ взаимной борьбы. Лѣтомъ прошлаго (1892) года общее собраніе художниковъ Елисейскихъ Полей прислало обществу Марсова Поля проектъ новаго соединенія обоихъ обществъ по прежнему, въ одно общество. Распорядительный комитетъ общества Марсова Поля (la délégation de la Société Nationale des beaux-arts) обсудилъ этотъ вопросъ въ особомъ засѣданіи и постановилъ протоколомъ (тотчасъ же напечатаннымъ во многихъ парижскихъ газетахъ) слѣдующее: «Комитетъ находить, что онъ не имѣетъ права раз-

смаковать съ «Обществомъ французскихъ художниковъ» (т. е. съ обществомъ Елисейскихъ Полей) проектъ слиянія обоихъ обществъ, потому что всякія пренія этого рода могутъ быть таковы, что повлекутъ за собою новое разсмотрѣніе статутовъ, утвержденныхъ общимъ собраніемъ. Полныя рѣшимости точно выполнить свое порученіе и въ цѣлости оберегать права своихъ членовъ, а также сохранить ненарушимо статуты и положенія своего общества, комитетъ не можетъ, однакоже, не быть глубоко тронуть тѣмъ шагомъ, который сдѣлалъ ему на встрѣчу высокія художественныя личности, и считаетъ за великую честь то, что ему предстоитъ поддерживать и защищать передъ общимъ собраніемъ заявленія новоприбылыхъ сочувствій».

Итакъ, въ учтивѣйшей формѣ — положительный и рѣшительный отказъ. Маленькое «частное» общество не пожелало слиянія съ большимъ «официальнымъ». Оно чувствовало свою собственную жизнь и силу, и твердо высказало, что ему довольно и *своихъ*, единомышленныхъ художниковъ. Прочіе ему, дескать, не нужны. И безъ нихъ проживемъ.

Какъ все это напоминаетъ мнѣ нашихъ русскихъ «передвижниковъ». Но о нихъ рѣчь будетъ еще ниже.

II.

Въ Мюнхенѣ повторилась, въ 1892 году, та самая художественная исторія, которая происходила въ Парижѣ начиная съ 1890 года. И тутъ тоже художники почувствовали, что всей ихъ разросшейся массѣ не житье вмѣстѣ, что между ними — пропасть, что давно уже образовались разныя группы, у которыхъ мысль и намѣренія, вкусъ и чувство—всѣ совершенно ныня, и другъ друга терпѣть они дольше не въ состояніи, пора развестись. Они и развелись, какъ за три года передъ тѣмъ французы.

Какъ и тамъ, отдѣлилась лучшая часть художниковъ: всѣ самые талантливые, всѣ самые мыслящіе, всѣ чувствующие вредъ и стыдъ ненавистнаго преданія, всѣ негодующіе на давнишнее рабство передъ школьной академической традиціей, какъ на капканъ, какъ на ошейникъ, находившіе, наконецъ, что не стоитъ терпѣть ничьего произвола и несправедливостей, особливо отъ товарищей.

Окончательная рѣшимость отдѣлиться, разъѣхаться, опредѣлилась лишь ранней весной 1893 года, незадолго до выставкн, обычной ежегодной въ «Хрустальномъ мюнхенскомъ дворцѣ». Конечно, главныхъ заботъ было раньше всего—двѣ. Первая: какъ возможно скорѣе привести въ извѣстность и образовать свой личный составъ, созвать и соединить всѣхъ желающихъ и всѣхъ единомышленниковъ вмѣстѣ; вторая—приготовить мѣсто для выставкн. Для выполнения первой задачи, «отщепенцы» назвали себя «Мюнхенскимъ художественнымъ обществомъ» (*Verein bildender Künstler*

in München), поставили во главѣ его знаменитого Фрица Уде, подобно тому, какъ въ Парижѣ былъ поставленъ во главѣ знаменитый Мейсоньё, и тотчасъ написали и разослали «меморандумъ». Главное содержаніе этого манифеста или программы было слѣдующее: «Цѣль нашего соединенія состоитъ въ томъ, чтобы образовать мужественную и дѣятельную группу художниковъ всѣхъ направленій, которые будутъ всякій годъ устраивать международныя выставки, и которые, не останавливаясь на личныхъ преимуществахъ, будутъ держаться одного только слѣдующаго принципа: мюнхенскія выставки должны быть избранными выставками! Интересы чисто-художественные не должны быть ни обезображиваемы, ни нарушаемы никакими другими соображеніями. Мы не можемъ ни общать, ни допускать «однакое право для всѣхъ», какъ это дѣлаютъ члены прежняго «Художественнаго Товарищества». На нашихъ выставкахъ должно появляться только *искусство*, и каждый талантливый художникъ, все равно какого направленія, стараго или новаго, но чьи произведенія принесутъ честь Мюнхену, долженъ получить возможность богато развить свои способности. Мы готовы на самыя широкія жертвы; пусть всякій приноситъ только то, что у него есть лучшаго и пусть подчинится суду присяжныхъ, избираемыхъ всякій разъ общимъ собраніемъ».

Одинъ изъ лучшихъ берлинскихъ критиковъ, Бирбаумъ, писалъ по поводу этого «манифеста» въ «Magazin für Litteratur»: «Мнѣ кажется, это золотыя правила, и если они сохраняются у «сецессионистовъ» (отщепенцевъ) во всей своей чистотѣ и могучести, мы вправѣ ожидать такихъ выставокъ въ Мюнхенѣ, какихъ еще отъ роду не бывало. Потому что эти принципы никогда еще не были одни единственно въ ходу, по крайней-мѣрѣ на большихъ выставкахъ очень широкихъ размѣровъ. Если сецессионисты выполнятъ свой планъ, то это будетъ имѣть послѣдствіемъ полнѣйшую реформу всего выставочнаго дѣла, на которую будутъ радоваться всѣ тѣ, кто приходитъ въ отчаяніе отъ колоссальныхъ базаровъ, складываемыхъ съ какимъ-то безпредѣльнымъ добросердечіемъ. Хорошая художественная выставка не можетъ быть достаточно мала — горе ей, если она станетъ впадать въ лже-демократизмъ и въ состраданіе къ художникамъ, которые очень хорошіе люди и очень худые музыканты! Главный законъ настоящаго художественнаго жюри долженъ быть тотъ-же, что «новая скрижаль» знаменитаго современнаго философа Нитше: «Будьте тверды!» Самъ кроткій Христосъ изгналъ торжниковъ изъ храма... Мы находимъ, что громадныя американскія concerts-monstres безвкусны и антихудожественны, со своими полками дѣвцовъ и трубачей, а развѣ наши чудовищно-громныя европейскія выставки лучше?» Далѣе, сурово нападая на все плохое, слабое, несамостоятельное, рутинное, что преимущественно наполняло въ послѣдніе годы, а также и въ 1893 году, громадныя пространства ежегодной выставки въ мюнхенскомъ Хрустальномъ Дворцѣ,

Бирбаумъ говорилъ: «Я повторю сегодня то, что и въ прошломъ году говорилъ (раньше образованія общества сецессионистовъ): у всѣхъ лучшихъ художниковъ новаго времени проявляется одинакое бѣгство отъ банальности въ царство сильнаго и самостоятельно-личнаго искусства. Это самая главная черта у всѣхъ ихъ. Потому являются два потока: одинъ устремляется ко всему естественному, чисто-дѣйствительному, которое впрочемъ уже болѣе не принимается какъ что-то абсолютное съ точки зрѣнія небывалаго нормальнаго взгляда; другой-же потокъ направляется къ тому, что узрѣно внутреннимъ окомъ, къ картинѣ чувства, къ фантазіи...»

Что касается до помѣщенія, то съ нимъ предстояли бѣднымъ «отщепенцамъ» безконечныя хлопоты. Они адресовались къ министру и къ мюнхенской городской думѣ, прося отвести имъ, для выставки, если уже не зданіе, то по крайней мѣрѣ хоть пустое мѣсто. И тутъ дѣло не состоялось такъ легко и доброжелательно, какъ въ Парижѣ. Нарядили комисію, та пошла на оттяжки и на отсрочки, и, казалось, дѣло кончится рѣшительнымъ, хотя и учтвымъ отказомъ. Тогда сецессионисты стали подумывать о томъ, чтобъ бросить Мюнхенъ, и перенести свою выставку во Франкфуртъ-на-Майнѣ, или какой-нибудь другой большой нѣмецкій городъ—они твердо намѣрены были не дать своему дѣлу заглухнуть. Но вдругъ оно поворотилось въ ихъ пользу: и дума, и министръ рѣшились удовлетворить просьбу художниковъ и дали имъ мѣсто отъ города. Тутъ закипѣла тотчасъ-же громадная дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ: назначили первые дни іюля какъ крайній срокъ для открытія выставки, тотчасъ принялись строить зданія, разослали приглашенія, торопящія художниковъ высылать, немедленно-же, свои картины и скульптуры. И все сдѣлалось, все поспѣло въ самое короткое время. Зданіе было выстроено и окончено—просто невѣроятно—въ 34 дня! А стояло оно на фундаментѣ кирпичномъ, на который уже упирается вся постройка, изъ дерева и желѣза. Заль—дѣлхъ 12, и вышиной онѣ—по 8 метровъ (10 аршинъ) и 19 метровъ (почти 20 арш.) ширины каждая. Освѣщеніе—вездѣ сверху, и превосходно расположенное. Бѣлые наметы, или балдахины, повсюду устроенные, уравниваютъ или смягчаютъ солнечный свѣтъ, какъ это вездѣ теперь принято. Обивка ивухъ заль имѣетъ свѣтло-желтый колоритъ, уподобляющій ее какимъ-то словно пластинамъ изъ слоновой кости. Развѣшены картины истинно мастерски, такъ какъ мѣста было за-глаза довольно, и каждый художникъ имѣлъ возможность выставить свои *хорошія* вещи (такъ какъ дурныхъ не принимали), выставить такъ, какъ ему самому хотѣлось, и какъ для картины было всего выгоднѣе.

А навезли картинъ и скульптуръ довольно: около 900 нумеровъ, тогда какъ въ Хрустальномъ Дворцѣ ихъ было около 2,500 (опять близкая парал-

лель съ двумя парижскими выставками). Тутъ были, во-первыхъ, почти всѣ лучшіе изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ художниковъ, каковы Уде, Штукъ, Либерманнъ, Бёклингъ, Максъ, Отто Энгель, Альбертъ Келлеръ, Габерманнъ, Гертерихъ и многіе другіе. (Замѣтимъ при этомъ, мимоходомъ, что, къ сожалѣнію, такія художественныя величины, какъ Ленбахъ, Лейбль и Гебгардтъ, остались, по старой привычкѣ, въ Хрустальномъ Дворцѣ: но одинъ изъ критиковъ мюнхенской «Allgemeine Zeitung», Альфредъ Фрейгоферъ говоритъ, что всѣ они, да еще и другіе съ ними вмѣстѣ, смѣло могли-бы быть причислены къ сецессионистамъ, и даже слѣдовало-бы о томъ постараться. Но сверхъ собственно нѣмецкой группы, тутъ было еще и множество значительнѣйшихъ иностранцевъ: каковы: Геркоммеръ, Виллегасъ, Лермиттъ, Данъанъ-Буверѣ, Жервекъ, Раффаэлли, Мюнье, Монтеверде, Роденъ, Гаррисонъ, Цорнъ, Стюардъ и т. д. Почти всѣ они исключительно были тѣ французы, американцы, англичане, шведы, и другіе, которые уже и прежде принадлежали къ парижскому «расколу», а теперь, восхищенные новымъ нѣмецкимъ «манифестомъ» и новымъ нѣмецкимъ художественнымъ починкомъ, съ радостью примкнули къ сецессионистамъ, и въ нѣсколько дней наслали въ Мюнхенъ множество хорошихъ своихъ вещей. Такъ сильна притягательная сила новой загорѣвшейся мысли, такъ велико обаяніе людей, рѣшившихся на смѣлый починъ для того, чтобъ поправить дѣло испорченное, хромающее, и возвести его на ту высоту самостоятельности, силы и правды, которая лежитъ въ основѣ его.

Конечно, далеко не всѣ въ Германіи сознавали значеніе новаго общества, не всѣ довольны были его появленіемъ и торжествомъ. Фридрихъ Пехтъ, считающійся у нѣмцевъ первымъ ихъ художественнымъ критикомъ, и дѣйствительно имѣющій много достоинствъ, не смотря на весь свой нѣмецкій квасной патріотизмъ и отчасти классицизмъ,—не могъ рѣшиться стать прямо на сторону «отщепенцевъ». Конечно, онъ признавалъ за ними и за ихъ выставкой большія совершенства, много таланта и значительности, а все-таки горько жалѣлъ (въ нѣсколькихъ номерахъ своей «Allgemeine Zeitung»), что эта вторая выставка — какая-то «пзлшняя роскошь», напрасный капризъ нѣсколькихъ руководящихъ личностей; объявлялъ, что расщепленіе на двѣ половины — вредно для обѣихъ партій, и «наврядъ-ли основывается на дѣйствительной нуждѣ», а не на личныхъ причинахъ; вообще признавалъ, что хотя обѣ выставки, правовѣрная и неправовѣрная, выказали не мало дарованія и подвинувшася впередъ умѣнья, и жаль, жаль, что «нѣтъ болѣе у нѣмецкихъ художниковъ того «единства идеаловъ и вдохновенія, какъ то было при Корнелиусъ, Каульбахъ, Пплоти, когда все нѣмецкое искусство повиновалось одному единичному вліянію» — теперь же все ползетъ врозь, и вездѣ въ искусствѣ царствуетъ «умственная анархія», а это есть знаменіе современныхъ художественныхъ созданій. Другіе шли гораздо дальше: они не ограни-

чивались соображеніями теоретическими, историческими и критическими, они переступали отъ мнѣній къ практикѣ. Газета «Münchener Neueste Nachrichten» сообщала (въ своей третьей статьѣ о выставкѣ сецессионистовъ), что эта выставка приходилась инымъ такъ тошна, что «кружки придворные, дипломатическіе и правительственные дѣлали самыя блестящія предложенія одному изъ не-мюнхенскихъ художниковъ (кто такой именно—не сказано), чтобъ онъ только покинулъ лагерь сецессионистовъ. Но (прибавляетъ тутъ-же критикъ, Ф. фонъ-Остенъ), все это ни къ чему не повело, такъ какъ «этотъ человѣкъ оказался истиннымъ художникомъ Божіею милостью, и такъ какъ ему казалось, что гораздо важнѣе стоять звѣздою въ небѣ, чѣмъ нацѣплять на себя звѣзду, которую его желали соблазнить!..»

Но такихъ недоброжелательныхъ критиковъ, какъ Пехтъ, было на этотъ разъ немного. Выводя общее заключеніе, тотъ же фонъ-Остенъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи: «Мы, конечно, много хорошаго видѣли до сихъ поръ на мюнхенскихъ выставкахъ, но по единогласному отзыву посѣтителей сецессионистской нынѣшней выставки, не бывало еще у насъ ни одной, которая по общему впечатлѣнію была такъ утѣшительна, такъ удачна, такъ гармонична, какъ эта. Если бы нѣкоторымъ вліятельнымъ кругамъ удалось задавить это предпріятіе, Мюнхень понесъ-бы громадную утрату».

Упомянутый у меня уже выше художественный критикъ Альфредъ Фрейгоферъ говорилъ также, что «эта первая выставка мюнхенскихъ сецессионистовъ произвела на публику самое положительное, самое серьезное впечатлѣніе, и что это такое торжество, какого самимъ сецессионистамъ даже и во снѣ не снилось»... А въ другой статьѣ онъ прибавлялъ: «Кому случается бывать въ мюнхенскихъ кругахъ, убѣждается съ радостью, что происходившая у насъ художественная борьба никоимъ образомъ не отравила атмосферу: сторонникъ партіи не пожралъ художника и человѣка. Теперь каждый можетъ спокойно идти своею собственною дорогою»...

Наконецъ, въ лейпцигской «Kunstchronik» Гербертъ Гиртъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: «Результаты мюнхенской сецессионистской выставки». Здѣсь онъ говорилъ: «Всѣ прежнія наши художественныя школы, классики, назаряне ¹⁾, романтики, историки—всѣ смотрѣли взадъ, а не вокругъ себя. Только лишь въ наши дни окончательно было сломлено магическое чародѣйство старыхъ поколѣній, которое заставляло отворачивать глаза отъ окружающей дѣйствительности и упирать ихъ назадъ; только лишь теперь люди снова стали свободны и на тотъ пунктъ, который указалъ Гёте, споря съ Эккерманомъ: «Все толкуютъ объ изученіи

¹⁾ Послѣдователи Овербека, названные «назарянами» вслѣдствіе того, что они писали почти всѣ свои картины исключительно на евангельскіе сюжеты.

древнихъ, но что же это изученіе значитъ, если не слѣдующее: гляди на дѣйствительный міръ и старайся его выразить: древніе дѣлали именно только это самое, пока были живы». Единственно близкое принятіе къ сердцу этого правила дало возможность перейти отъ подражанія къ оригинальности, отъ несамостоятельнаго примыканія къ имѣющимся на лицо образцамъ—къ могучей собственной личности, отъ преданія—къ свободѣ. Ничего не стоящая ломка съ одной стороны, безустанное, сознающее свою цѣль созиданіе—съ другой стороны, вотъ тѣ два движенія, которыя чуднымъ образомъ взаимно перекрещиваются въ наше время.

«Мы нынѣ встрѣтились съ ими обоими въ Мюнхенѣ. Первое изъ нихъ—консервативное, преимущественно въ «Хрустальномъ Дворцѣ», по крайней мѣрѣ въ нѣмецкомъ отдѣленіи, потому что, что касается иностраннаго искусства, то даже и въ Хрустальномъ Дворцѣ можно было видѣть, сверхъ всякаго ожиданія, много смѣлыхъ и замѣчательныхъ шаговъ впередъ; даже не было недостатка и въ созданіяхъ крайне-либеральныхъ. Конечно, и въ нѣмецкомъ отдѣленіи было довольно произведеній, представлявшихъ что-то среднее между старымъ и новымъ, а также прекрасныхъ произведеній, которыя, однако-же, бѣльшею частью ни на единую линію не двигали искусство впередъ. Выставка Хрустальнаго Дворца имѣла въ сущности характеръ ретроспективный; она не была художественнымъ проявленіемъ нынѣшняго года, она не была однимъ изъ тѣхъ событій, которыя должны быть вписаны въ исторію. Такова была, скорѣе, выставка сецессионистовъ.

«Мы поздравляемъ сецессионистовъ съ тѣмъ матеріальнымъ успѣхомъ, который не оставлялъ желать ничего лучшаго. Но намъ кажется гораздо еще важнѣе тотъ успѣхъ, котораго размѣровъ нельзя по настоящую минуту (статья напечатана 30-го ноября новаго стиля) еще по настоящему опредѣлить. Кто переберетъ всѣ отзывы прессы, найдетъ изумительное единодушіе въ той горячей симпатіи, съ которою ихъ обсуживаютъ. Неблагопріятныя критики являются рѣдкими исключеніями: лишь изрѣдка можно встрѣтить холодное, сдержанное осужденіе, но гораздо чаще доброжелательное отношеніе возвышается до энтузіазма. Кто наблюдалъ публику на выставкѣ сецессионистовъ, кому случалось слышать ея сужденія, знаетъ, что печать была только вѣрнымъ эхомъ общественнаго мнѣнія. Ледъ, кажется, проломленъ; та плотина, которая отдѣляла новое художественное развитіе отъ публики, прорвана. И это, конечно, самый чудесный результатъ, достигнутый сецессионистами посредствомъ ихъ выставки... Раскрылись глаза у многихъ людей, остававшихся прежде слѣпыми къ новѣйшимъ проявленіямъ нынѣшняго художественнаго поколѣнія».

Я привелъ два самыхъ крупныхъ примѣра расщепленія европейскихъ художниковъ на два общества: французскій (въ Парижѣ) и нѣмецкій (въ

Мюнхенѣ). Но они были въ это послѣднее время далеко не единственные. Подобное же расщепленіе водворилось и во многихъ другихъ мѣстахъ: такъ существуютъ теперь отдѣльныя общества и отдѣльныя выставки въ Брюсселѣ и Лондонѣ, недавно рѣчь зашла о точно такомъ-же раздѣленіи въ средѣ дрезденскихъ художниковъ, а на берлинской было отведено двѣ особыя, почетныя залы мюнхенскимъ сецессионистамъ.

Наконецъ, и Америка также почувствовала необходимость раздѣленія художниковъ и лейпцигская «Kunstchronik» сообщила, въ началѣ ноября, слѣдующее: «Движеніе въ пользу независимости художниковъ, достигшее такихъ громадныхъ размѣровъ въ Парижѣ и Мюнхенѣ, достигло теперь и Нью-Йорка. Въ этомъ городѣ основалось «общество независимыхъ» (Society of Independents), заключающее въ себѣ живописцевъ, скульпторовъ, литографовъ, граверовъ и архитекторовъ. Это общество образовалось съ цѣлью обходиться безъ жюри и раздачи наградъ. Художники желаютъ представлять свои работы публикѣ для публичнаго ихъ обсужденія. Первая выставка произойдетъ 7-го марта 1894 года въ Нью-Йоркѣ, и для того будетъ нанята галлерей, гдѣ стѣны будутъ раздѣлены на пространства въ 4 или 5 футовъ. Эти пространства будутъ раздаваться по жребію, и каждый художникъ можетъ развѣшивать на своемъ участкѣ картины свои какъ ему самому угодно. Тоже самое будетъ соблюдено и относительно скульптуры. За нѣсколько дней до открытія официальной выставки будетъ происходить «частный предвыставочный обзоръ» (private view), назначенный на то, чтобъ дать художникамъ возможность перемѣнять свою разстановку, если понадобится. Всякій художникъ, заявившій до 1-го декабря 1893 г. о своемъ желаніи участвовать и внесшій назначенную сумму (никакъ не болѣе 10 фунтовъ стерлинговъ), имѣетъ право дѣйствовать какъ «основатель». Общество имѣетъ право всякій годъ производить нужныя реформы. Въ разосланномъ повсюду манифестѣ или программѣ будущаго общества сказано: «Мы полагаемъ, что пришло теперь такое время, что жюри и награды принадлежатъ къ числу анахронизмовъ въ художественномъ дѣлѣ. Мы думаемъ, что таланты будутъ лучше поощряемы *побужденіемъ*, чѣмъ *давленіемъ*, и надѣемся, что всеобщая симпатія поддержитъ это предпріятіе!»

Время покажетъ, живуче-ли будетъ это новое художественное общество среди интригантства и пройдошничества, на которое, къ сожалѣнію, часто приходится жаловаться художникамъ въ Америкѣ; но, кажется, несомнѣнно уже и теперь то, что равноправность и самораспорядительность въ своемъ собственномъ дѣлѣ такіе принципы, которые не могутъ не быть драгоценны въ художественномъ дѣлѣ и что американскій примѣръ непременно найдетъ себѣ много сочувствія и по сю сторону Океана.

III.

Какую-же роль играла художественная Россія среди этого почти всеобщаго движенія? Она играла роль не только передовую, но просто — *самую первую*. Она на цѣлыхъ 30 лѣтъ опередила остальные страны Европы. То, о чемъ въ послѣднее время говорятъ во Франціи и Германіи какъ о новости, какъ о томъ, что наконецъ пришло и водворяется въ массахъ (примѣры тому мы привели выше изъ французской и германской прессы 90-хъ годовъ), то у насъ давно уже въ ходу и въ полномъ развитіи. Конечно, еще ранѣе нашей «Артели» и «Товарищества передвижныхъ выставокъ» являлись «романтики» во Франціи, «праерафаэлиты» въ Англии, и вообще образовывались отдѣльные отъ остального художественнаго движенія кружки, но задачи ихъ были далеко не такъ существенны и искренны, какъ задачи новой русской школы.

Конечно, Прудонъ и гениальный Курбэ еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ начали проповѣдь новаго искусства и новаго направленія, одинъ своимъ перомъ, другой своею кистью, но въ тѣхъ-же самыхъ годахъ у насъ были свои Курбэ и Прудонъ, тоже проповѣдывавшіе новое искусство и новое направленіе, одинъ кистью, другой перомъ, и проповѣдь ихъ была совершенно самостоятельна и совершенно независима отъ писателей и живописцевъ Запада, о которыхъ (въ отношеніи искусства) они даже вовсе ничего не знали. Но во всякомъ случаѣ, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, все это были еще событія единичныя, конечно въ высшей степени важныя, но не достигавшія немедленно всей своей цѣли и не получавшія широкаго распространенія въ массахъ. Художники новаго направленія, какъ ни противоположенъ былъ талантъ ихъ старому, общепринятому направленію, какъ-то все еще могли и умѣли уживаться съ прежними людьми и порядками; многимъ изъ нихъ Академія раздавала, по необычайному недоразумѣнію, свои поощренія и награды, въ томъ числѣ даже и Перову.

Но въ 1863 году раздался громовой ударъ, и атмосфера русскаго искусства прочистилась, и яркое солнце засіяло на его горизонтѣ. Горсточка молодыхъ художниковъ, бѣдная, беспомощная, слабая, совершила вдругъ такое дѣло, которое было-бы въ пору развѣ только великанамъ и силачамъ. Она перевернула вверхъ дномъ всѣ прежніе порядки и отношенія, и сбросила съ себя вѣковыя канканы. Это была заря новаго русскаго искусства, это былъ разцвѣтъ ея силъ и могучей дѣятельности.

Сознаны были права художника и онъ тотчасъ сталъ очень высоко, онъ сталъ индивидуаленъ и самостоятеленъ. Сознаны были въ тоже время и истинныя права и требованія искусства нашего времени, и оно стало — такъ національно, какъ никогда прежде не было.

Горсточка молодыхъ людей скоро притянула къ себѣ всѣ лучшія рус-

скія художественныя личности, а когда, по разнымъ причинамъ, артель ослабла и сошла со сцены, духъ ея и коренной завѣтъ уже не погибли и перешли цѣликомъ въ сердце и душу новаго общества, быстро сложившагося — Товарищества передвижныхъ выставокъ.

Около 10-лѣтня просуществовало первое изъ этихъ двухъ учреждений, цѣлое 20-лѣтне просуществовало (до сихъ поръ) второе, и символъ вѣры ихъ, свѣтлый, бодрый, здоровый, полный чудесныхъ начинаній, удержался до сихъ поръ цѣль и невредимъ.

Мнѣ нѣтъ надобности разсказывать исторію этихъ двухъ несравненныхъ русскихъ сообществъ, такъ ярко выдѣляющихся на сѣромъ и слабомъ фонѣ многихъ другихъ нашихъ сообществъ, не-художественныхъ. Русскіе художники показали многимъ соотечественникамъ своимъ, чѣмъ можетъ быть дѣятельность немногихъ, не владѣющихъ никакими внѣшними преимуществами, мощью, вліяніемъ, но искренно наполненныхъ своимъ дѣломъ и ни о чемъ другомъ не желающихъ заботиться. И это все у насъ довольно уже знаютъ. Такъ много было писано въ послѣднія 30 лѣтъ и объ Артели, и о Товариществѣ (въ томъ числѣ и мною), что повторять снова всю эту исторію—уже нечего. Но я только выскажу нѣсколько общихъ соображеній.

Хорошо ли было бы, еслибъ никакой розни художниковъ у насъ не произошло?

Хорошо ли было бы, еслибъ люди новаго закала не разорвали со всемъ прошедшимъ, не отказались бы отъ всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ, отъ всѣхъ блестящихъ предложеній, которыми люди слабые, немощіе и безпомощные такъ часто бываютъ подкупаемы и совращаемы, какъ какая-нибудь несчастная, но красивая швейка опытной мадамой, отъ множества соблазнительныхъ выгодъ, каковы: значительные заказы, званіе, квартира, санъ преподавателя, жалованье, чины, ордена. Еще Александръ Ивановъ, за 36 лѣтъ до нашихъ артельщиковъ, писалъ: «Вы полагаете, что жалованье въ 6—8 тысячъ по смерти, получить красивый уголокъ въ Академіи—есть уже высокое блаженство для художника? Я думаю, что это есть совершенное его несчастье. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда никому не подчиненъ, независимость его должна быть безпредѣльна. Художникъ долженъ почти никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, не имѣющемъ ничего характеристическаго. Академія есть вещь прошедшаго столѣтія, ее основали уставшіе изобрѣтать итальянцы. Они хотѣли воздвигнуть опять искусство на степень высокую, но не создали ни одного гениа о сию пору. Если живописецъ привелъ въ нѣкоторый восторгъ часть публики, то вотъ уже онъ достигъ всего, что доступно художнику. Купеческіе расчеты никогда не подвинутъ искусство впередъ, а въ шитомъ, высоко стоящемъ воротникѣ тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ стоять вытянувшись...» Этотъ

великій завѣтъ свято хранимъ былъ новыми русскими художниками послѣднихъ 30-ти лѣтъ, и провозглашаемъ сто разъ съ новою силою Крамскимъ, истиннымъ какъ бы воспитанникомъ и наслѣдникомъ Ивановской мысли. Неужели хорошо было бы, еслибы у насъ не вѣдрилось, крѣпко и прочно, все это свѣтлое и здоровое вѣрованіе и не проводилось упорно и непоколебимо сквозь всѣ западни и силки жизни, сквозь всѣ выгодныя и добрыя предложенія «соединиться снова, забыть прежнее, установить новый ладъ?»

Хорошо ли было бы, еслибъ наше искусство не перестало быть космополитическимъ, всеяднымъ, эклектическимъ, какъ его равнодушно вели весь свой вѣкъ Брюлловы и Бруни, хорошо-ли было-бы, еслибъ не народилось у насъ то искусство, которое оказалось вдругъ національнымъ и которое впервые принесло намъ истинную мощь, характеръ, фізіономію и — лавры?

Хорошо-ли было-бы, еслибъ наше искусство продолжало слушаться все только чужихъ заказовъ, вялыхъ, безцвѣтныхъ и притворныхъ и не рѣшилось-бы, вмѣсто того, рисовать только тѣ картины, которыя наполняютъ душу кипучимъ восторгомъ или щемлящимъ негодованіемъ?

Хорошо-ли было-бы, еслибъ наше искусство въ продолженіе всѣхъ 30-ти лѣтъ своего существованія слушалось только призывовъ къ подражанію европейской виртуозности и пренебреженію своихъ собственныхъ сюжетовъ?

Нѣтъ, оно поступило смѣло и рѣшительно, оно никого не слушалось ни направо, ни налѣво, и гордо шло своею собственною дорогою, какъ слонъ, на котораго изъ всѣхъ подворотенъ лаютъ москыи, высокихъ шпыхъ воротниковъ не носило, за границу на чужой счетъ не ѣздило, своихъ задачъ ни на секунду не теряло изъ глазъ и оттого стало, во-первыхъ, національнымъ, а во-вторыхъ—чѣмъ-то значительнымъ и прекрасно-оригинальнымъ.

Замѣчу мимоходомъ, что въ цѣлыхъ 30 лѣтъ существованія новыя наши художники такъ мало пользовались вѣнскими авантажами и всякими благодатями, что никогда не въ состояніи были достигнуть возможности имѣть прочное, постоянное помѣщеніе для своихъ выставокъ и управленія. Въ этомъ случаѣ они Богъ знаетъ на сколько меньше были счастливы и успѣшны, чѣмъ «отщепенцы» иностранныя. Тамъ почти всегда тотчасъ-же было отпущено, *навсегда*, городомъ или министерствомъ даровое помѣщеніе, не только сносное и удовлетворительное, но богатое, обширное и привлекательное.

И во всемъ тутъ «отщепенство» его отъ искусства оффиціального, авторитетнаго, искусства по преданію и чужому завѣту, играло громадную роль. Выньте вонъ это «отщепенство», и картина вся тотчасъ перемѣняется, русское искусство мгновенно теряетъ всю свою почву и становится тѣмъ искусствомъ, ровнымъ, гладкимъ, иногда очень даже

виртуознымъ, но ничтожнымъ и мертвымъ, которое никого не затрогиваетъ и ни для кого ровно ничего не составляетъ въ его душевной жизни.

Кончая свои замѣтки, я обращаю вниманіе моихъ читателей на одинъ очень замѣчательный фактъ, обнаруживающійся въ исторіи новаго русскаго искусства, и уже однажды указанный мною. Это именно тогъ, что когда тогъ или другой художникъ покидаетъ Товарищество, выходитъ изъ его среды—всѣ послѣдующія его произведенія оказывались уже вовсе слабыми, или по крайней-мѣрѣ несравненно менѣе важными и значительными, чѣмъ были до тѣхъ поръ. Такъ началось, однажды, съ самимъ Перовымъ, этою столь крупною нашею художественною величиною, и кончая напримѣръ, хотя-бы... К. Маковскимъ, а, можетъ быть, еще другими. Конечно, тутъ нѣтъ ничего непонятнаго, таинственнаго, рокового; конечно, невозможно видѣть здѣсь какую-то «кару» самой судьбы, «наказывающей кого-то за измѣну». Такая мысль была-бы совершенно безобразна и нелѣпа. Нѣтъ, дѣло объясняется, какъ я думаю, гораздо проще и естественнѣе. Не потому художники становились слабѣе и бѣднѣе прежняго, что вышли изъ Товарищества, а, напротивъ, вышли они изъ Товарищества, потому что стали слабѣе и бѣднѣе прежняго, и менѣе прежняго стали понимать свои права и обязанности, и менѣе разумѣютъ нынѣшнее искусство и новое время. Иные вдругъ воображаютъ, что теперь стоятъ на дворѣ точь въ точь то самое дѣло, какое во времена оны, при Рафаэляхъ и Тиціанахъ, и для искусства достаточно того, чтобъ художникъ былъ талантливъ и виртуозенъ, все остальное — ненужная посуда. Какъ они глубоко ошибаются, какъ глубоко не понимаютъ того, что на свѣтѣ теперь дѣлается, а главное — какъ глубоко самимъ себѣ вредятъ!

Нынѣче хужнику нельзя уже быть только хорошимъ мастеромъ своего дѣла и жить какъ медвѣдю въ берлогѣ, отдѣльно и далеко отъ всѣхъ, не думая ни о чемъ, не вмѣшиваясь ни во что, не понимая никакихъ многосложныхъ общихъ интересовъ.

Еще только у насъ, иногда, думаютъ такъ иные изъ художниковъ, и Крамской, еще во цвѣтѣ своей роли трибуна, вождя и указателя дороги, принужденъ былъ инымъ изъ своихъ товарищей растолковывать и вбивать въ голову ихъ обязанности. Вездѣ въ другихъ мѣстахъ Европы, кажется, все рѣже и рѣже можно встрѣчать перебѣжчиковъ и ренегатовъ отъ всего хорошаго, важнаго, и національнаго опять назадъ въ страну эклектичности, условнаго искусства, а также личной одинокости.

По счастью, и у насъ тоже такіе случаи—крайняя рѣдкость, и, смѣло можно надѣяться, что Товарищество нашихъ «отщепенцевъ» будетъ еще долго жить и здравствовать, будетъ бодро выполнять назначеніе настоящаго русскаго художника новаго времени. И это потому, что въ немъ еще не поколеблена вѣра въ свое національное назначеніе и въ свои обществен-

ныя обязанности, и что оно даже и до сихъ поръ чувствуетъ всю правду своего отдѣленія отъ того, что фальшиво или ничтожно.

Но пусть случится это несчастіе, пусть падеть или разсыпется Товарищество «отщепенцевъ», кажется несомнѣнно можно надѣяться, что тотчасъ же займетъ его мѣсто другое общество или товарищество, которое унаслѣдуетъ весь его символъ вѣры и свято примется снова исполнять его.

Въ будущемъ, конечно, еще больше чѣмъ нынче, сходные будутъ сходиться, розные — расходиться.

В. Стасовъ.

З А Р Н И Ц Ы.

(Р А З С К А З Ъ).

Мы только что пообедали, и сидимъ втроемъ у себя на балконѣ, въ Chaussée d'Antin.

Алексѣй Александровичъ, комфортабельно развалившись въ креслѣ, курить сигару, пуская клубы дыма въ небо Парижа. Катя сидитъ подлѣ него за маленькимъ столикомъ и съоблнить вилочкой остатки своего мороженого; а я стою, облокотившись на перила, и смотрю на уличную суету и на зарево заката. Четвертый мѣсяцъ нашего пребыванія въ Парижѣ приходитъ къ концу, а мы все еще мечемся съ утра до ночи, добросовѣстно осматривая все, что можно здѣсь видѣть за деньги. У насъ такъ много денегъ, что присматриваться къ тому, что можно видѣть, не платя за это, — намъ совершенно некогда. Вѣдь вернемся въ Россію, будемъ говорить о своей поѣздкѣ съ людьми, которые тоже смотрятъ только на то, что показываютъ за деньги; и вдругъ окажется, что мы что-нибудь просмотрѣли; точно не знали или денегъ пожалѣли; какъ можно?.. И какъ подевшики, не зная отдыха, мы бѣгаемъ по Парижу, по дворцамъ и музеямъ, по театрамъ и магазинамъ. Едва возставъ отъ сна, Алексѣй Александровичъ сейчасъ-же надѣваетъ *pinse-nez* на свой греческій носъ и начинаетъ рыться въ газетахъ, въ афишахъ. На столѣ у него лежитъ толстый „Гидъ“ въ красномъ переплетѣ съ золотыми тисненіями; подлѣ него другой, еще толще, безъ переплета; оба „Гида“ заложены множествомъ бумажекъ и закладочекъ. Если мы просимъ Алешу: „Дай намъ посидѣть дома хоть денекъ!“ Онъ пожимаетъ плечами и говоритъ: „Насидитесь въ деревнѣ. Смѣшно пріѣхать въ Парижъ затѣмъ, чтобъ сидѣть въ мебелированныхъ комнатахъ“. Мы сдаемся и ѣдемъ...

Вчера, напримѣръ, мы были въ Palais d'Industrie, на выставкѣ картинъ и статуй; оттуда проѣхали въ Jardin d'Acclimatation, гдѣ

смотрѣли на жестокое искусственное откармливаніе куръ и цыплятъ, затѣмъ были на скачкахъ въ Longchamps, послѣ обѣда смотрѣли фокусника на бульварѣ и кончили вечеръ въ Comédie Française.

Сегодня мы провели утро въ Jardin des Plantes, потомъ заѣхали въ Notre-Dame, въ Morgue, — смотрѣли состязаніе велосипедистовъ и поднимались на воздушномъ шарѣ. Видѣли сначала змѣй и обезьянъ, потомъ алтари и конфессіоналы, потомъ утопленницу, молодую красивую дѣвушку съ жалкимъ мертвымъ лицомъ, которое мерещится мнѣ до сихъ поръ. Утонула она или утопилась. И если утопилась, то отчего? Она лежала съ закинутой головой на деревянной скамейкѣ, съ которой бѣжала вода, и ждала, чтобъ ее признали. Праздные люди, вродѣ насъ, смотрѣли на нее и не признавали ея. Признають ее или не признають? Или въ огромномъ шумномъ Парижѣ не найдется ни одного близкаго ей, родного человѣка, чтобъ похоронить ея трупъ, какъ не нашлось родной души, дружеской руки, чтобъ удержать ее отъ безумнаго отчаяннаго поступка?..

Замѣтивъ, что мы съ Катей не сохраняемъ хладнокровія при видѣ бѣдной утопленницы, Алексѣй Александровичъ спѣшитъ взять насъ въ Булонскій лѣсъ, чтобъ разсѣять тяжелое впечатлѣніе. По дорогѣ, за Лувромъ, мы видимъ стеченіе публики, спрашиваемъ: что такое? Оказывается состязаніе велосипедистовъ: партія французовъ противъ партіи англичанъ. Платимъ за входъ и примѣшиваемся къ толпѣ зрителей. Видъ пестро одѣтыхъ маленькихъ нервныхъ французовъ и крупныхъ мускулистыхъ англичанъ, быстро несущихся съ напряженно-взволнованными фізіономіями, на своихъ высокихъ сверкающихъ велосипедахъ, скоро надоедаетъ намъ, къ тому-же вниманіе отвлекается воздушнымъ шаромъ, парящимъ въ небѣ надъ нашими головами.

„Полетимъ!“ говоримъ мы въ одно слово. И не доглядѣвъ велосипедистовъ, мы переходимъ въ другой конецъ площади Caronsel, гдѣ играетъ музыка и толпится пестрая публика. Жарко. И въ Тюильри и на площади оживленно движутся гуляющіе. Плетеные стулья и скамеечки, на расхватъ, разбираются нарядными дамами въ свѣтлыхъ весеннихъ туалетахъ, въ соломенныхъ шляпахъ съ цвѣтами и лентами, съ яркими пестрыми зонтиками. Нарядныя дѣти играютъ и бѣгаютъ тутъ-же, оглашая воздухъ смѣхомъ и восклицаніями. Кормилицы, съ развѣвающимися на волосахъ лентами и съ грудными младенцами на рукахъ, тоже слѣдятъ, закинувъ головы, за полетомъ шара. Оркестръ играетъ мотивы Гуно, свозъ которые прорывается трескотня экипажей на Риволи. Спустившійся на землю шаръ тихо покачивается въ ожиданіи новыхъ пассажировъ. Вокругъ возвышенной деревянной платформочки, на которой стоитъ лодка, толпятся и зрители, и желающіе подняться. Алексѣй Александровичъ отсчитываетъ у входа

тридцать франковъ, и поднявшись по трапу, мы входимъ въ лодку, имѣющую видъ кольцеобразной галлерейки, въ которой свободно помѣщается тридцать человѣкъ. Всѣ вошли, двери заперли. Музыка играетъ маршъ. Дамы, сидящія на плетеныхъ стульяхъ, въ тѣни платановъ, устремляютъ на насъ лорнеты и бинокли. Дѣти прерываютъ игры и заглядываются на насъ, разинувъ рты. А шаръ, не дрогнувъ, тихо и плавно летитъ вверхъ. Съ высоты мы видимъ мелькающія на площади яркія шапки велосипедистовъ, продолжающихъ свое состязаніе. Они кажутся намъ теперь маленькими заводными игрушками...

Передъ глазами нашими развертывается восхитительная панорама Парижа и окрестныхъ холмовъ и полей. Сена съ перекинутыми черезъ нее мостами, съ снующими по ней пароходиками, вьется серебристой ленточкой, теряясь въ голубой дали. Изящно распланированные сады и скверы Парижа кажутся зеленымъ кружевомъ прелестнаго рисунка. Мы ищемъ и находимъ знакомыя зданія, бульвары, улицы... Вонъ Madeleine, а вонъ биржа, Перъ-Лашезъ, Бюттъ-Шомонъ... Все это такъ знакомо и все это представляется теперь совсѣмъ, совсѣмъ въ другомъ видѣ. Великое дѣло—высокая точка зрѣнія.

Птицы съ крикомъ пролетаютъ мимо насъ; какъ огромны ихъ крылья, и какъ рѣзки и громки ихъ крики! Мы поднимаемся все выше и выше. Воздухъ становится все рѣже и прохладнѣе. Дышется такъ легко и вольно. Никакіе земные звуки уже не достигаютъ насъ. вмѣстѣ съ пріятной прохладой насъ охватываетъ полная тишина. Маленькій Парижъ, отъ котораго мы уходимъ все дальше и дальше, кажется теперь игрушечной моделью города, затерянной въ полѣ. Поднявшись на положенную высоту, мы стоимъ нѣсколько минутъ неподвижно въ воздухѣ, затѣмъ начинаемъ опускаться. Увы, мы спускаемся! Очертанія, лежащей у нашихъ ногъ земли, вырастаютъ и вытягиваются, точно раздвигаются стекла биноклей, въ которыя мы смотримъ. Можно уже различать отдѣльныя зданія Парижа. Сады и скверы вырисовываются отчетливѣе. Еще немного, и до ушей нашихъ долетаетъ едва слышный шорохъ, не то жужжанье мухи, не то тихое журчанье ручейка. Это шумъ Парижа. Улицы и зданія вырастаютъ. Видны уже люди, снующіе какъ муравьи по тротуарамъ и катающіеся въ своихъ орѣховыхъ скорлупкахъ. Шорохъ растетъ, усиливается и разрѣшается въ знакомую намъ уличную трескотню экипажей, шелканье бичей и стукъ копытъ и колесъ по асфальту. Воздухъ снова становится душнымъ и тяжелымъ. Въ общемъ шумѣ можно уже уловить и звуки оркестра, играющаго вальсъ изъ „Ромео и Джульетты“. Дамы, не сводя съ насъ биноклей, машутъ намъ платочками. Дѣти хлопаютъ въ ладоши. Всѣ зрители, закинувъ головы, ждутъ насъ. И завопыхавшись, лодка твердо устанавливается на своей платформочкѣ.

Намъ отворяютъ дверцы, и мы спускаемся на землю, получая при выходѣ по брошюркѣ съ описаніемъ du grand ballon captif de M-r Henri Giffard и по бронзовой медалькѣ на память о полетѣ.

Алексѣй Александровичъ очень угодилъ намъ этимъ развлеченіемъ. Утопленница забыта. И теперь, кушая мороженное, Катя нѣтъ-нѣтъ и возвращается къ впечатлѣніямъ полета.

— Восхитительно!.. Просто жалко было возвращаться на землю. И до чего однако все на свѣтѣ относительно! Прежде мнѣ доставляло удовольствіе сидѣть здѣсь на балконѣ, а теперь ужъ это кажется мнѣ мизернымъ. И главное: такъ низко, низко!..

Алексѣй Александровичъ смѣется:

— Вотъ постой! Благодѣтели человѣчества усовершенствуютъ и этотъ способъ передвиженія, и вмѣсто того, чтобы ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, мы будемъ съ тобой летать изъ Божидаровки въ Парижъ и обратно.

— Ну, нѣтъ; путешествовать-то все-таки въ вагонѣ спокойнѣе. Но я желала-бы, чтобы у меня въ деревнѣ былъ воздушный шаръ, такъ хоть маленькій, хоть меньше этого, на которомъ въ жаркій день я могла-бы подняться себѣ и сидѣть тамъ на высотѣ, какъ на балконѣ, съ книгой. съ работой... Чуть жарко или надоѣли люди, взяла и взлетѣла. Чудесно!..

— А я поднялась-бы на твоемъ шарѣ въ хорошую звѣздную ночь и просидѣла-бы тамъ до восхода солнца...

— Все это прекрасно,—говоритъ Алексѣй Александровичъ, вставая съ качалки и взглядывая на часы, — но куда-же мы идемъ сегодня?..

— Ахъ, хоть-бы никуда! — съ ужасомъ восклицаетъ Катя. — Откровенно говоря, мнѣ все это смертельно надоѣло. И какъ посмотрѣла я сегодня съ шара на поля, на голубую даль, такъ еще сильнѣе потянуло изъ Парижа. И я рѣшила здѣсь дня больше не оставаться! Чего мы себя мучимъ? Къ тому же ты и раньше общалъ мнѣ, что завтра мы уѣдемъ.

— Общаль? Ну, завтра, такъ завтра. Только куда-же мы уѣдемъ?

— Куда хочешь. Мнѣ совершенно все равно. Только-бы уѣхать изъ Парижа.

— Что это ты такъ его не влюбила? Прежде Парижъ тебѣ нравился?

— И нравился, и нравится. Но всему свое время. Сами парижане разѣзжаются; а мы все еще гранимъ тутъ мостовую.

— Ну, ѣдемъ, ѣдемъ. Куда-же ты хочешь?

— Ахъ, мнѣ совершенно все равно. Какъ ты хочешь. Только

куда-нибудь, гдѣ тихо и хорошо. И главное, чтобъ не таскаться съ мѣста на мѣсто, а посидѣть спокойно.

— Но надо-же и показать что-нибудь сестрѣ; вѣдь она въ первый разъ заграницей, и ей надо воспользоваться этимъ случаемъ. Ты, собственно, что желала-бы видѣть, Наташа?

— Я? Рейнъ и Римъ.

— Ну, ужъ въ Римъ-то ѣхать теперь безуміе, — говоритъ Катя. — Кто же ѣздитъ въ Италію въ іюнѣ мѣсяцѣ? Въ Парижѣ не знаешь куда дѣваться отъ жары; воображаю, каково теперь въ Италиі!

— Такъ не сдѣлать-ли намъ такъ?.. Прежде всего проѣхать въ Montreux...

— Только не на Женевское озеро; я его терпѣть не могу. Мало-ли хорошихъ уголковъ въ Швейцаріи: Интерлакенъ, Люцернъ... Мнѣ все равно куда, только-бы было тихо“.

— Да вѣдь ты же хотѣла навѣстить Марьяну?..

— Марьяну мы можемъ выписать къ себѣ. Неужели у Салтыковыхъ никого не найдется, чтобы привезти ее къ намъ! А ей и самой пріятнѣе будетъ погостить у насъ въ другомъ мѣстѣ; все-таки разнообразіе. Выпишемъ ее въ Люцернъ и посидимъ тамъ, отдохнемъ отъ этой сутолоки“...

Конечно. Я тоже хочу въ Люцернъ и къ Марьянѣ и начинаю открещиваться отъ Рейна и Рима. Что мнѣ Римъ? Мнѣ гораздо важнѣе и дороже Марьяна, хоть я и не говорю этого громко.

Алексѣй Александровичъ надѣваетъ *pinse-nez*, беретъ карту, путе-водитель, карандашъ и бумагу и погружается въ соображенія и выкладки.

Обыкновенно послѣ обѣда мы нѣкоторое время отдыхаемъ у себя на балконѣ. Нельзя не отдохнуть послѣ легкаго французскаго обѣда, состоящаго изъ супа, закусокъ, двухъ *relevés*, двухъ *entrée*, трехъ *entre-mets*, десерта, вина, кофе и ликеровъ. Къ тому же окончивъ съ этимъ важнымъ дѣломъ, намъ предстоитъ иринаться за другое, а именно собраться съ мыслями насчетъ того, гдѣ провести вечеръ.

Алексѣй Александровичъ уже не рабовладѣлецъ, но сынъ рабовладѣльца и обладатель большого имѣнія, служившаго источникомъ доходовъ нѣсколькимъ поколѣніямъ въ его родѣ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ конномъ полку, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, чтобы лично наблюдать за извлеченіемъ доходовъ, необходимыхъ на поддержаніе привычнаго комфорта и на поѣздки за границу. Онъ любитъ свою деревню и усердно и добросовѣстно хозяйничаетъ, распекая и мѣняя управляющихъ, продавая и покупая.

Вотъ уже четыре года, что Катя состоитъ его женой. Замужество ея было для меня значительнымъ событіемъ. Я моложе ея и живу, такъ сказать, влѣдъ за ней. Ея мысли, поступки, рѣшенія слишкомъ близки мнѣ для того, чтобы не вліять и на мою жизнь. Теперь Катя замужемъ. Какъ въ дѣтствѣ, бывало, она перескочитъ раньше меня канаву и стоитъ на другомъ берегу, улыбаясь и протягивая мнѣ руку, такъ и теперь она уже сдѣлала этотъ значительный, роковой въ жизни женщины шагъ, который мнѣ еще предстоитъ сдѣлать. Случилось все это такъ быстро и неожиданно, что самымъ лучшимъ и подходящимъ объясненіемъ случившагося было то, что это — *судьба*. Мы давно знали Алексѣя Александровича, но никто не смотрѣлъ на него какъ на жениха, пока наша горничная не сообщила, что услышала отъ своихъ знакомыхъ, состоящихъ въ свою очередь въ знакомствѣ съ прислугой въ его семьѣ, что Катя ему нравится. Тогда поднялись разговоры о томъ: женихъ онъ или не женихъ, а Катя пожимала плечами и говорила: „Какой вздоръ!“ но улыбалась, смотря въ зеркало. И когда послѣ этого онъ пріѣхалъ съ визитомъ, Катя покраснѣла; а я въ волненіи убѣждала отъ нихъ, оставляя ихъ наединѣ. Онъ сталъ бывать чаще, и пошло, и пошло... Катя сдѣлалась нервной, разсѣянной, отвѣчала невпопадъ, плохо спала и ѣла и наконецъ объявила намъ, что выходитъ за него замужъ. Нельзя сказать, чтобы она имѣла счастливый видъ, но очень смахивала на угорѣвшую. Что касается жениха, то онъ уже совсѣмъ былъ въ угарѣ. День свадьбы назначили очень скоро, и всѣ стали шить себѣ платья. У насъ только и было рѣчи, что „Ты въ чемъ будешь?“ — „А ты что надѣнешь?“ — „Господи! Неужели и шляпу еще заказывать?“ — „Конечно. Что же дѣлать? Вѣдь, все равно, потомъ пригодится“...

Отношеніе родныхъ къ жениху и невѣстѣ было такъ пошло и обыкновенно, что я даже приходила иногда въ недоумѣніе; но успокаивала себя тѣмъ, что за то между ними двумя несомнѣнно происходитъ что-то великое и значительное, что-то таинственное и мнѣ еще непонятное, но глубокое и крѣпкое, что-то среднее между жизнью и смертью; и я старалась оставлять ихъ наединѣ, а вечеромъ, ложась спать, крѣпко обнимала Катю, которая въ свою очередь цѣловала меня со слезами на глазахъ. Я волновалась кажется больше, чѣмъ она сама, и вообще преисполнялась самыхъ святыхъ и возвышенныхъ чувствъ, размышляя о томъ, на что рѣшалась моя Катя.

Потомъ была свадьба, самая обыкновенная. Всѣ надѣли новыя платья и изрѣдка врестаясь въ церкви, рассматривали другъ друга и родню жениха, которую нашли чопорной и непріятной. Катя была блѣдна и вся въ красныхъ пятнахъ, а онъ стоялъ какъ вбопанный,

выпятивъ грудь; но и у него дрожали мускулы лица, такъ что я чуть не плакала отъ волненія, стоя сбоку въ моемъ блѣднорозовомъ платьѣ, такъ мнѣ было жутко и жалко ихъ. Все-таки ихъ обвѣнчали, поздравили и проводили на желѣзную дорогу. Въ тотъ же день они уѣхали въ Италію, откуда Катя писала намъ восторженныя письма, въ которыхъ подписывалась: „Счастливейшая изъ женъ“...

Когда они вернулись, я съ любопытствомъ приглядывалась къ нимъ. Между мной и Катей легло что-то новое и неуловимое. Она обращалась теперь ко мнѣ, какъ и къ другимъ дѣвушкамъ въ семьѣ, съ спокойной снисходительной улыбкой, которая говорила: „Кабы знали вы, кабы вѣдали!“.. Но что было за этимъ: разочарованіе или удовлетвореніе,— этого Катя не показывала. Они цѣловались теперь, говорили другъ другу *ты*, ходили подъ руку. Онъ все безпокоился, какъ-бы она не утомилась; а она безпокоилась, какъ-бы онъ не простудился. Но при этомъ они преисправно ссорились и сердились другъ на друга и изъ-за сущаго вздора, говорили другъ другу самыя непріятныя вещи. Катя рассказывала намъ о своихъ путешествіяхъ, о роднѣ мужа, которую и она находила чопорной и ехидной, но съ которой поддерживала дружескую переписку. И слушая ее, я думала: „Ну на что это? И стоило выходить замужъ“?! — Я вѣдь всегда думала, что пока мы живемъ у мамы, мы можемъ и должны подчиняться разнымъ условностямъ и установленному строю жизни, но зато разъ выйдешь замужъ, все это совершенно измѣнится, и начнется новая жизнь, полная хорошей осмысленной дѣятельности, не затемняемой никакимъ ненужнымъ вздоромъ. Будущій мужъ представлялся мнѣ добрымъ товарищемъ по осуществленію въ жизни общихъ высокихъ идеаловъ. Въ томъ-то и задача, чтобъ найти и выбрать его; а разъ выбравъ, уже не трудно ему подчиниться, такъ какъ добровольное подчиненіе и есть свобода. Я знала, что и Катя думала и разсуждала точно такъ же. Отчего же теперь она такъ измѣнилась въ другую сторону? Она надѣла въ уши брильянтовые шапочки, говоритъ: „Каеъ Алеша“... „Что Алеша“... и смотритъ на меня съ снисходительной улыбкой. Жутко!..

Вотъ уже четыре года, что Катя замужемъ, а у нея все еще нѣтъ дѣтей. Это тоже удивляетъ меня и сбиваетъ съ толку. Если-бъ еще у нея были дѣти, я-бы что-нибудь понимала. Но такъ!..

Алексѣй Александровичъ, наморщивъ лобъ, усердно роется въ „Путеводителѣ“. Катя пересѣвъ въ оставленную имъ качалку, тихо качается, закрывъ глаза и напѣвая мотивы Донъ-Жуана. А я все стою, облокотившись на перила и вдыхая теплый лѣтній вѣтерокъ. Заря гаснетъ. Вдоль тротуаровъ и въ магазинахъ зажигаются газо-

вые рожки. Съ угла Avenue de l'Орѣга льется мягкій молочный свѣтъ фонарей Яблочкова. Итакъ, завтра уѣзжаемъ отсюда. Какъ будто немножко и жалко. Неужели я уже успѣла привыкнуть къ Парижу?

Когда мы уѣзжали изъ Петербурга, тамъ всё были удручены вѣстями о чумѣ, поднявшейся въ Ветлянкѣ. Не успѣли еще наши знакомые офицеры и солдаты залечить ранъ и увѣчій, нанесенныхъ войною, какъ на смѣну послѣдней встала чума. Война! Чума! Ожидала-ли я, сидя послѣдній годъ на институтской скамейкѣ, за пюпитромъ, въ которомъ были сложены учебники, изъ которыхъ мы почерпали житейскую мудрость и свѣдѣнія о жизни, передъ каедрой, съ которой обращено было къ намъ живое слово наставниковъ и учителей,— что жизнь такъ скоро развернетъ передо мной свои страшныя язвы? Сидя на институтской скамьѣ, я при словѣ „война“ представляла себѣ образы шлемоблещущаго Гектора, быстрогоаго Ахилла, доблестныхъ средневѣковыхъ рыцарей, наконецъ военныхъ геніевъ, вродѣ Наполеона и Суворова, окруженныхъ ореоломъ военной славы. Война — это триумфъ героевъ, бранная слава, барабанный бой и побѣдныя трубы!..

И вотъ мнѣ довелось познакомиться ближе съ войною и военными героями. Началось съ газетъ. Каждое утро къ чаю намъ приносили сложенную газету, по образу и подобию ничѣмъ не отличающуюся отъ обыкновенной, мирно сплетничающей газеты. Но когда ее разворачивали, оказывалось, что столбцы ея сверху до низу переполнены задорными и неискренними словами, пустыми и трескучими, какъ барабанный бой... И начитавшись ихъ, всё у насъ вздыхали и качая головами, говорили: „Плохо дѣло!.. Кончится дѣло войною! И къ чему это? И какъ имъ не грѣшно!..“ Женщины громко и открыто возмущались и негодовали, а мужчины мужественно молчали, но ни на одномъ лицѣ не читала я жажды подвиговъ и бранной славы.

Война была объявлена, и мы стали снаряжать и провожать своихъ родныхъ и знакомыхъ. Снарядили и мы нашего Ваню, моего двадцатидвухлѣтняго двоюроднаго брата, веселаго жизнерадостнаго юношу, влюбленнаго въ мою подругу, Машу Бѣляеву. Онъ весело шутилъ и смѣялся, прощаясь съ нами. И много, много еще родныхъ и знакомыхъ уѣхало въ поѣздахъ, вагоны которыхъ биткомъ набиты были солдатами, которые шли на смерть, какъ ходили въ караулы и на ученья. Петербургъ опустѣлъ. Проводивъ родныхъ, мы стали щипать корпію, и пить бѣлье солдатамъ. По утрамъ мы съ жадностью набрасывались на газету, читая все, что можно было прочесть въ ней. И еще съ большой жадностью читали мы получаемыя съ войны письма, которыя были проще и искреннѣе, чѣмъ газеты и часто говорили совѣмъ другое.

Потомъ на улицахъ Петербурга стали развѣваться флаги, знаменуя первыя побѣды русскаго оружія. Одновременно стали развѣваться и черныя креповыя вуали на шляпахъ знакомыхъ дамъ, облегающихъ въ трауръ. Первымъ умеръ Тюрнертъ, молодой и красивый артиллеристъ, и сейчасъ-же появились въ продажѣ его карточки, карточки *героя!* Но потомъ пошло умирать ихъ столько, что ужъ было не до карточекъ...

„Да“, — писалъ мнѣ Ваня послѣ выиграннаго сраженія, — „кто разъ видѣлъ вблизи это ужасное звѣрское дѣло, того ужъ не потянетъ въ другой разъ на войну. Не подумай, что я говорю это изъ трусости. Между нами, я считаюсь здѣсь храбрецомъ. Лѣзу всегда впередъ. Но это заключеніе есть гласъ народа, воюющаго въ эту кампанію. И если кто скажетъ тебѣ, что война хорошее и полезное дѣло, — не вѣрь ему. Говорится это изъ пустословія, изъ желанія показать себя храбрецомъ, а въ душѣ такого человѣка война навѣрное оставила глубокія царапины...“

„Объ одномъ молю Бога“, — писалъ онъ дальше, — „чтобъ по окончаніи кампаніи живымъ и неискалѣченнымъ вернуться въ Россію.“

Маша Бѣляева послала ему образокъ и свою карточку. Онъ былъ очень радъ и получивъ ихъ на Шипкѣ, написалъ мнѣ оттуда свое послѣднее письмо. Затѣмъ мы узнали, что онъ раненъ въ ногу; ногу отняли, и онъ умеръ. Это была первая панихида въ нашей семьѣ. Потомъ умеръ еще родственникъ, недавно женившійся и прожившій только два мѣсяца съ молодой женой, отъ которой скрыли его смерть, такъ какъ она была беременной. Умирили отъ ранъ, умирали отъ тифа... Мы молились, плакали, щипали корію и получали письма.

Это былъ тяжелый годъ, полный горя, потерь и тяжелыхъ впечатлѣній. Война кончилась. Убитыхъ схоронили, раненныхъ и контуженныхъ разсовали по госпиталямъ, а уцѣлѣвшіе, щедро награжденные деньгами и орденами, стали возвращаться по домамъ. Петербургъ украсился флагами и коврами. Мы тоже вывѣшивали изъ оконъ ковры и бросили проходящимъ солдатамъ цвѣты и папиросы. Они шли мимо насъ мѣрнымъ бодрымъ шагомъ, подъ звуки благороднаго торжественнаго марша. И глядя на ихъ загорѣлыя радостныя лица, мы невольно переглядывались и говорили: „Бѣдный, бѣдный, Ваня!..“ А мать его закрывала лицо платкомъ и тихо плакала.

Помню, какъ у насъ завтракалъ Радецкій, для котораго готовили геройскій завтракъ. Онъ пріѣхалъ весь увѣшанный орденами, съ большимъ бѣлымъ георгіемъ, кушалъ пирогъ и закуску, смѣялся, скромно и добродушно, принималъ комплименты и нашелъ меня хорошенькой. Я была польщена.

Не успѣли мы оттанцовать зимняго сезона съ воротившимися съ войны офицерами, какъ пришла черная вѣсть о чумѣ. Грязь, обнаруженная астраханскими ватагами, проникала уже въ газеты, которыя дышали теперь заразой и уныніемъ. Чума въ передовой статьѣ, чума въ телеграммахъ, чума въ корреспонденціяхъ, чума въ фелетонѣ, въ романѣ Мордовцева — было отчего призадуматься и закручиниться. Затмѣвая ярко разгорѣвшуюся славу Вѣлаго-Генерала, передъ публичкой вставалъ въ роли героя дня чумный дворникъ Наумъ Прокофьевъ. О немъ говорили въ гостинныхъ, о немъ говорили въ газетахъ и на улицахъ. Вездѣ говорили о Боткинѣ, о томъ, чума это или не чума?.. Но тамъ-то, на Волгѣ, въ грязной Ветлянкѣ — несомнѣнно была чума. Говорили и о новыхъ обыскахъ и арестахъ, о покушеніи на жизнь всепобѣждающаго графа Лорисъ-Меликова, который только что справившись съ Карсомъ, справился и съ крамолой и со своимъ убійцей, (котораго онъ схватилъ за шиворотъ), и ѣхалъ теперь на Волгу расправляться съ чумой.

Катя и Алексѣй Александровичъ провели масляницу въ Петербургѣ, но не найдя его достаточно забавнымъ, стали собираться въ Парижъ. Они предложили мнѣ ѣхать съ ними, и я съ радостью ухватилась за это предложеніе, тѣмъ болѣе, что прямо изъ-за границы они намѣревались провезти меня въ деревню, гдѣ я не была уже два года и куда стремилась всей душой.

За четыре мѣсяца, проведенные въ Парижѣ, тяжелыя впечатлѣнія послѣднихъ событій поблѣдняли. Изъ газетъ и изъ писемъ родныхъ мы уже знали, что чума въ Петербургѣ оказалась *не чумой*, что графъ Лорисъ-Меликовъ вычистилъ и провѣтрилъ грязныя ватаги, и теперь самъ поѣхалъ за границу, чтобъ освѣжиться и провѣтриться...

Маршрутъ составленъ. Алексѣй Александровичъ скидываетъ *ripsepez*, складываетъ карту и снова взглянувъ на часы, рѣшительно говоритъ:

— Маршрутъ составленъ. Надѣюсь угодить вамъ обѣимъ. А теперь маршируйте и ѣдемъ въ Hippodrome. Тамъ сегодня аптеки; мы ихъ еще не видѣли.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ Hippodrome, — ворчитъ Катя, не поднимаясь съ качалки. — Идите вдвоемъ. Мнѣ уложиться надо.

— Пустяки. Пошлемъ завтра за *emballeur'омъ*, и онъ тебѣ въ пять минутъ все уложитъ. Ну, вставай, вставай!

Ѣдемъ въ *Hippodrome*, гдѣ въ сотый разъ смотримъ давно набоѣвшихъ намъ амазонокъ, клоуновъ, вольтижеровъ, жонглеровъ и акробатовъ. Новаго только аптеки.

Бѣдные маленькіе аптеки съ косматыми черными головами, толстыми губами и безпокойно бѣгающими глазками, сидятъ какъ дикіе

звѣрки въ парадной раззолоченной коляскѣ, которая ихъ обвозить нѣсколько разъ вокругъ арены, подѣ устремленными на нихъ биноклями, лорнетами и взорами пестрой праздно публики.

Они робко сидятъ въ своихъ черныхъ бархатныхъ платьяхъ и леопардовыхъ шкурахъ, не взглядывая ни на толпу, ни другъ на друга; а одинъ изъ клоуновъ, съ безобразно размалеваннымъ лицомъ, кривляясь и кувыркаясь, догоняетъ коляску и, вскочивъ съ разбѣгу на запятеи, приподнимаетъ за вихры бѣдныхъ ацтековъ и заставляетъ ихъ кланяться публикѣ. И публика хохочетъ, радуясь гримасамъ клоуна, такъ какъ сами по себѣ мексиканскіе человѣчки недостаточно забавны. О, Вицилицли, Вицилицли!.. Долго-ли еще люди будутъ служить предметомъ забавы для людей? Нужно-ли это? И что нужно людямъ?.. „Хлѣба и зрѣлищъ!“ нашептываетъ дьяволъ тупой и жестовой толпѣ, „Царства Божія и правды его“, шепчуть ангелы имѣющимъ уши слышать ихъ.

— Изъ Ипподрома идемъ домой пѣшкомъ.

Вечеръ тихій и теплый. Верхушки зеленыхъ платановъ и каштановъ тихо шелестятъ надъ нашими головами. Впереди мелькаютъ длинныя яркія линіи газовыхъ фонарей.

— Я такъ привыкла къ Парижу, — говоритъ Катя, — что мнѣ странно будетъ очутиться завтра въ другомъ мѣстѣ.

— А вѣдь недуренъ, недуренъ городъ, — прибавляетъ Алексѣй Александровичъ.

Изъ „Café des Princes“ и „Des Ambassadeurs“ расходится толпа, обгоняющая и окружающая насъ. Молодежь весело болтаетъ и смѣется, приплясывая и припѣвая:

C'est la p'tit' Atata...

Имъ весело. И весело смотрѣть на нихъ...

На бульварѣ уже тихо. Магазины заперты. Торговый Парижъ спитъ; ярко свѣтятся только окна ресторановъ и огненная вывѣска „Café Riche“, колеблемая и задуваемая вѣтромъ, то гаснетъ, то вспыхиваетъ, дрожа и переливаясь.

Каждый вечеръ мы возвращаемся домой поздно-поздно, утомленные и одурманенные пестротой и шумомъ парижскихъ театровъ, парижскихъ улицъ; чуть вытянешься въ постели, въ головѣ поднимается хаосъ: Мадоны Лувра, Венера Капитолійская, часы и тарелки музея Клюни, гробница Наполеона, Chappelle Expiatoire, обвитые плющемъ монументы Перъ-Лашеза, лавки, конки, фіакры, витрины, отели, блузники и франты, бонны и франтихи въ модныхъ шляпкахъ и яркихъ платьяхъ съ высоко приподнятыми подолами, изъ-подъ ко-

торыхъ виднѣются балэйзы бретонскаго кружева... Все это безсвязно и отрывочно лѣзетъ въ голову, мѣшая заснуть.

Усталость беретъ свое: все-таки засыпаешь; но и во снѣ продолжаетъ грезиться все та же дребедень подъ несмолкающей гуль и грохотъ экипажей на безсонныхъ улицахъ Парижа. Гуль этотъ длится до разсвѣта, до той минуты, когда улицы и тротуары уже вымыты и выметены, мелкіе лавочники отворяютъ двери и ставни своихъ лавочекъ и сгѣmeries, воздухъ оглашается знакомыми возгласами разнощиковъ и камвонёровъ: „Lapin, lapereau!“... Кухарки въ бѣлыхъ чепцахъ и бѣлыхъ передничкахъ съ корзинками, изъ которыхъ торчатъ овощи и длинный бѣлый хлѣбъ, начинаютъ бѣгать по тротуарамъ, сторонясь отъ рабочихъ, мастеровыхъ и ребятишекъ, выснавшихъ на улицу, а знакомый шарманщикъ, ежедневно получающій отъ меня по нѣсколько су, водворяется подъ нашимъ балкономъ и начинаетъ играть въ качествѣ утренней серенады „L'amant d'Amanda“.

Проснувшись, вспоминаю, что сегодня мы уѣзжаемъ изъ Парижа. Алексѣй Александровичъ уже всталъ и послалъ за emballeur'омъ, который немедленно является и принимается за дѣло. Мы съ Катей бросаемъ ему свои платья, вещи, кардонки, покупки; онъ подхватываетъ ихъ и съ изумительнымъ проворствомъ и ловкостью заворачиваетъ и разсовываетъ все по чемоданамъ. Катя наблюдаетъ за его работой, а я, пользуясь свободной минуткой, бѣгу купить себѣ карточки Мопассана, Додэ и Зола, прохожу по знакомымъ улицамъ, раскланиваюсь съ знакомыми лавочниками, объявляя нѣкоторымъ изъ нихъ о томъ, что сегодня мы уѣзжаемъ и получаю отъ добрыхъ французовъ ласковыя напутствія и пожеланія всего хорошаго. Воротясь домой, застаю и Алешу и Катю уже въ шляпахъ и одѣтыхъ советмъ по дорожному. Спѣшу сдѣлать то-же самое. Тѣмъ временемъ Алексѣй Александровичъ платитъ по счетамъ, а Катя шаритъ въ шкафахъ и комодахъ, желая убѣдиться въ томъ, что ничто не забыто.

Передохнувъ въ Страсбургѣ, гдѣ мы осматриваемъ знаменитый соборъ, Готаскирхе и заходимъ въ нѣсколько гастрономическихкихъ магазиновъ въ тщетныхъ поискахъ за страсбургскими пирогами, — ѣдемъ въ Базель, гдѣ я должна увидѣть Рейнь.

Карета подвозитъ насъ къ отелю „Трехъ Королей“ какъ разъ въ ту минуту, когда раздается звонокъ къ табльдоту. Занимаемъ комнаты и, переодѣвшись, спускаемся въ большую обѣденную залу.

За столомъ сидитъ уже многочисленное и довольно фэшенебельное общество. Англичане съ холодными стеклянными глазами и безстрастными каменными физиономіями, молодая miss съ лебединными шеями, нѣжнымъ цвѣтомъ лица и ослѣпительно-сверкающими зубами, пожилыя

леди съ сухими гусиными шеями, суровой надменной осанкой и огромными крѣпкими челюстями. Только что вошедшая въ моду маленькая прическа изъ собственныхъ волосъ, скрученныхъ на затылкѣ, дѣлаетъ этихъ чопорныхъ старухъ еще болѣе безобразными.

Мы присоединяемся къ трапезующимъ. Обѣдъ проходитъ почти въ мертвомъ молчаніи. Только страшныя челюсти работаютъ, разрывая и разжевывая куски мяса благородныхъ и неблагородныхъ животныхъ, кровь которыхъ одинаково потребна какъ для улучшенія состава крови благородныхъ потомковъ Сэлисбері, Варвиковъ и Суффольковъ, такъ и для поддержанія хорошаго состава крови мистера Смита и его супруги. Отъ времени до времени одинъ изъ джентльменовъ, не разжимая зубовъ, издаетъ невнятные загадочные звуки, получая въ отвѣтъ подобное-же кваканье. Въ общемъ обѣдъ нашъ очень смахиваетъ на представленіе чревовѣщателя съ восковыми фигурами. Безмолвные лакеи тихо и чинно разносятъ блюда, наклоняясь поочередно надъ каждой восковой фигурой.

Дверь на балконъ и нѣсколько оконъ столовой открыты и среди благопристойнаго безмолвія свободно раздается плескъ и шумъ волнъ Рейна.

Не знаю почему, но для меня Рейнъ давно уже нѣчто родное, желанное, чудное и поэтическое, и я волнуюсь при мысли, что сейчасъ увижу его.

Алексѣй Александровичъ приказываетъ подать намъ кофе на балконъ, куда я выхожу вслѣдъ за Катей. Я вижу Рейнъ и въ первую минуту не узнаю его.

Мой Рейнъ, Рейнъ моего воображенія, непремѣнно освѣщенъ луною. Только при лунномъ свѣтѣ вижу я его живописные поэтическіе берега, поросшіе виноградниками, черепичныя кровли чистенькихъ нѣмецкихъ городковъ, тонкіе шпицы и башни высящихся къ небу готическихъ церквей, мирныхъ обитателей этихъ городковъ, ученыхъ и ремесленниковъ, честныхъ труженниковъ, домовитыхъ добрыхъ женщинъ, ихъ здоровыхъ дѣтей, нѣжныхъ бѣловурыхъ дѣвушекъ и задорныхъ веселыхъ буршей въ оригинальныхъ костюмахъ корпорацій, съ трубками въ зубахъ и пѣнящимися кружками пива, высоко поднимаемыми подъ звуки дружнаго хорового *Gaudeamus*.

При лунномъ свѣтѣ вижу я и мрачную башню епископа Гаттона, жестоко наказаннаго голодными мышами за жестокое отношеніе къ голоднымъ людямъ. При лунномъ свѣтѣ вижу я скалу Лорелеи съ сидящей на вершинѣ ея блѣдной дѣвой, неземной красоты, расчесывающей золотымъ гребнемъ золотистыя кудри и поющей свою дивную пѣню. Слышу это чарующее пѣніе, слышу плескъ весель очарованнаго

гребца, стремящагося на пѣсню, разбивающагося объ утесъ и погибающаго въ водоворотѣ...

Волны мѣрно плещуть и подъ плескъ ихъ, въ которомъ мнѣ мерещится тихое *tremolo* и *Andante maestoso* Рихарда Вагнера, на горизонтѣ, въ туманной дали проходятъ передо мной туманные образы героевъ Нибелунговъ и Гудруны, мужественный Зигфридъ, кроткая Кримгильда, Парсиваль и Титюрель, Тристанъ и Изольда. Надъ готическими башнями соборовъ, надъ шпицами скромныхъ церквей мерещится мнѣ тѣнь великаго Лютера. А тихо пролетающій геній славы поетъ громкія имена германскихъ философовъ, ученыхъ, композиторовъ и художниковъ. Сколько громкихъ именъ, сколько славныхъ именъ! Много, много ихъ, и старому Рейну есть чѣмъ гордиться, орошая страну, подарившую міру такихъ людей, какъ Лейбницъ, Кавтъ, Фихте и Гегель, Бетховень, Клопштокъ, Лессингъ, Гёте и пр. и пр.

Полоса луннаго свѣта дрожить въ волнахъ. Въ воздухѣ разлиты мелодіи Шуберта и Шумана; цвѣты и деревья шепчуть пѣсни любви Гейне. И подъ звуки тихой нѣжной музыки встаютъ передо мной въ сіяніи лунныхъ лучей всѣ поэтическіе женскіе образы Шиллера и Гёте. Юная невинная Гретхень, обрывающаяся, гадая, лепестки бѣлой маргаритки, страстная и странная, порывающаяся вдаль Миньона, Шарлотта, Доротея, и тургеневская Ася, худенькая, простенькая Ася, дичокъ изъ родныхъ степей, пересаженный на эту поэтическую почву. Съ нервнымъ смѣхомъ и грустными глазками карабкается и она по крутому берегу, заглядываясь на дрожащій въ водѣ столбъ луны, и смѣется, и плачетъ, и любитъ...

И среди этихъ чудныхъ поэтическихъ береговъ старый Рейнь свободно катитъ свои чистыя волны, оставляя далеко въ сторонѣ всѣ грубыя и пошлыя стороны нѣмецкой жизни и олицетворяя могущество Германіи, глубину и чистоту ея духа и ея идеаловъ.

И невольно при воспоминаніи объ этомъ Рейнѣ, о Рейнѣ моихъ мечтаній, въ памяти моей возстаетъ и образъ худенькой дѣвочки въ грубомъ камлотовомъ платьѣ, въ бѣлой пелеринкѣ и бѣломъ передникѣ, забившейся въ пыльный уголъ класса съ огромной книгой, тяжелой для моихъ худенькихъ рукъ. Забившись въ уголъ, я сажусь тамъ на полъ и загораживаюсь отъ взоровъ классной дамы огромной старой и порванной географической картой, за которой сижу, какъ за каменной стѣной со своей книгой. На старой зеленой картѣ вьется толстой черной черточкой рѣка Рейнь, вытекающая и впадающая... а со страницъ поэтовъ, твореніями которыхъ я упиваюсь, встаетъ для меня другой Рейнь, утоляющій мою жажду поэзіи живою водой идеаловъ Шиллера и Гёте. Теперь передъ глазами моими

настоящій Рейвъ. Съ горизонта несется величественная масса холодныхъ сѣрыхъ волнь, которыя быстро и бурно бѣгутъ и плещутся, проносясь передъ нами. Балконъ виситъ надъ самой рѣкой, такъ что съ него легко броситься въ воду. Солнце садится на горизонтъ, бросая красный отблескъ на массу сѣрыхъ волнь.

— Что-жь? Хорошо? — спрашиваетъ меня Алексѣй Александровичъ.

— Чудо! Но какой онъ широкій и какой бурный!..

— Здѣсь онъ еще не такъ широкъ, — говоритъ Катя, — шире всего онъ у Майнца, потомъ у Кёльна. А живописиѣ всего считается его средняя часть отъ Базеля до Дюссельдорфа. Мы ѣздили на пароходъ, а тебѣ-бы слѣдовало пройти это пѣшкомъ.

— Непремѣнно. Жива буду, пойду.

Намъ подають на балконъ подносъ съ тремя чашками кофе. Мы садимся и молча любимся волнами.

— У тебя просто какая-то страсть къ водѣ, — говоритъ Катя, улыбаясь моему восторгу и помѣшывая сахаръ ложечкой.

— Влечение — родъ недуга, — подтверждаетъ Алексѣй Александровичъ, подливая себѣ въ кофе коньяку, — я замѣтилъ, что Наташа куда ни пріѣдетъ, первымъ долгомъ спрашиваетъ: гдѣ рѣка и гдѣ лодка?

— А ты знаешь, — продолжаетъ Катя, — я читала, не помню гдѣ, въ какомъ-то иллюстрированномъ журналѣ, что не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ долго въ воду, потому что водяной царь можетъ овладѣть изображеніемъ такого человѣка, снять съ него моментальную фотографію, и тогда кончено! Человѣкъ этотъ начинаетъ томиться тоской; его все влечетъ къ берегамъ, пока наконецъ онъ не утонетъ.

— Ну, вѣроятно, у водяного давно уже есть мое изображеніе, потому что я не могу равнодушно видѣть воду. Если-бъ я была женщиной, я была-бы рыбакомъ или морякомъ.

— Выходи за моряка, — говоритъ Алексѣй Александровичъ.

— Чтобъ остаться одной на сушѣ, — возражаетъ Катя. — *Femme de marin* — *femme de chagrin*. У насъ, впрочемъ, и нѣтъ знакомыхъ моряковъ.

— Какъ нѣтъ? А мои двоюродные братья?

— Всѣ женатые.

— А Николинъ?

— Этотъ-то! Ну, во-первыхъ, онъ неутѣшный вдовецъ... И потомъ, какой-же онъ морякъ? въ отставкѣ!..

Я краснѣю до ушей, поворачиваю имъ спину и начинаю смотрѣть въ воду такъ пристально, что водяной царь можетъ безпрепятственно снять съ меня дюжину фотографій.

Долго, долго смотрю я въ волны, которыя пѣняются и колышутся и бѣгутъ, бѣгутъ... И какъ всегда, когда я такъ долго смотрю на воду, мнѣ начинаетъ казаться, что вотъ-вотъ, сейчасъ волны разступятся, и вынырнетъ на поверхность нѣжная бѣлая сирена, или мелькнетъ рука витязя съ золотымъ кубкомъ, или тамъ, гдѣ гнѣвно вздымается бѣлая пѣна, покажется сѣдая борода водяного царя, выглянетъ сердитый дядя Струй. Или тамъ, вдали на горизонтѣ, въ сіяніи алой зари покажется свѣтящійся корабль, который выброситъ волнамъ сокровище изъ сокровищъ, Божіе дитя, посланное въ міръ съ высокою и святою миссіей: короля Артура (мой идеалъ мужчины и человѣка, the blameless king), или Моисея въ осмоленной корзинѣ... Не лучше-ли явиться въ міръ, окруженнымъ тайной, чѣмъ гордиться своимъ происхожденіемъ по прямой линіи отъ Людовика Косноязычнаго, Простого, Толстого и Лѣниваго?.. Зачѣмъ знать такъ много о рожденіи, о смерти человѣка?.. Божья тайна и то и другое? И что мы знаемъ о рожденіи человѣческой души?

. . . . Where is he who knows?

From the great deep to the great deep he goes...

какъ говоритъ мудрый Мерлинъ.

А хорошо должно быть, чувствуя приближеніе смертнаго часа, сѣсть въ челнокъ, уплыть далеко, далеко отъ берега, остаться наединѣ съ Богомъ и совѣстью, въ послѣдній разъ взглянуть на красоту Божьяго міра и исчезнуть.

Ну что-же покажется тамъ, на горизонтѣ, въ красномъ пламени заката? Корабль-ли, ожидающій короля Артура, лебедь-ли Лоэнгринна?..

Двѣ молоденькія англичанки перебираютъ у рояля ноты и смѣются и спорятъ, сговариваясь о томъ, что спѣть. Нѣсколько бритыхъ джентльменовъ (нисколько непохожихъ на короля Артура) сидятъ съ нами на балконѣ. Пожилыя лэди съ работами расположились въ салонѣ, приготовляясь слушать музыку. Одна изъ барышень играетъ прелюдію, а другая начинаетъ пѣть или вѣрнѣе мяукать „Лунную ночь“ Шумана. Она поетъ старательно, но холодно и глупо, слегка фальшивя на верхнихъ нотахъ, и Катя ежится и дѣлаетъ страдальческія гримасы, слушая ее.

— Вотъ-то отравляетъ вечеръ! И берется еще за Шумана! Ужъ пѣла-бы beautiful star!

— Но прехорошенькая,—нѣжно говоритъ Алеша, поглядывая на пѣвицу черезъ окно. — Ротикъ, зубки, профиль!..

— Ну, и показывала-бы себѣ профиль и зубы. Зачѣмъ-же намъ слухъ терзать?

Помучивъ насъ еще нѣсколькими романсами, барышни складываютъ

ноты, и раскрасившіяся и очень довольныя собою, выходятъ къ намъ на балконъ. А за рояль садится толстый некрасивый нѣмецъ и начинаетъ превосходно играть *Etudes Symphoniques* Шумана.

И Катя развѣтаетъ и упивается твореніемъ любимаго композитора, а я наслаждаюсь видомъ волнъ.

Вода — моя стихія. Она похожа на поэзію. Пейзажъ безъ воды все равно, что жизнь безъ поэзіи. Сухо и скучно. Какъ поэзія, она освѣжаетъ, очищаетъ человѣка, отражаетъ небо и землю и

Kehrt wellen athmend ihr Gesicht
Nicht doppelt schöner her?

Какъ я люблю море! Я желала-бы быть рыбачкой и жить на берегу, просыпаться и засыпать у моря, любить и молиться у моря! Кто часто видитъ море, тотъ не можетъ не думать о Богѣ и о лучшей жизни, чѣмъ та, которую мы влачимъ въ нашихъ тѣсныхъ и душныхъ кирпичныхъ норахъ, закутавшись и закутавшись въ предразсудки. Христосъ любилъ рыбаковъ и любилъ море. И когда я вижу море, я невольно представляю себѣ Его, идущаго краемъ берега и зовущаго учениковъ, которые оставляютъ свои лодки и сѣти, чтобъ слѣдовать за Нимъ. Вижу Его и сидящимъ въ лодкѣ и говорящимъ притчи народу, толпящемуся на берегу. Отчего никто не напишетъ этой картины. Онъ училъ или въ лодкѣ или на горѣ, въ настоящихъ храмахъ Вожинхъ...

— А не сыро? — говоритъ Алексѣй Александровичъ, которому давно надоѣло это созерцаніе волнъ.

— Посидимъ еще немного, — говоритъ Катя. — Вѣдь завтра ужъ не увидимъ Рейна, если-бъ и захотѣли. Дай Наташѣ насладиться.

И они начинаютъ тихо разговаривать между собою о томъ, что завтра Катя проѣдетъ прямо въ Люцернъ, гдѣ будетъ отдыхать отъ Парижа. А мы съѣздимъ въ Montreux за Марьяной, которую пошлемъ къ Катѣ, а сами черезъ Шамуни и Монъ-Бланъ проѣдемъ въ Италію на озеро, а затѣмъ черезъ С.-Готардъ вернемся въ Люцернъ, гдѣ и поживемъ всѣ вмѣстѣ.

— Николинька будетъ очень благодаренъ намъ за то, что мы навѣстимъ Маничку, — говоритъ Алексѣй Александровичъ. — Что-то давно, давно ужъ нѣтъ о немъ никакихъ извѣстій? Вотъ узнаемъ отъ Мани...

И опять они говорятъ о Николинькѣ. А я опять краснѣю и отворачиваюсь. Заря погасла. Сумерки сгущаются и рѣка становится темной, темной.

Въ одиннадцать часовъ мы расходимся спать.

Но я не могу еще заснуть. Окно моей комнаты, этажомъ выше

балкона, выходитъ на Рейнъ. Волны теперь немощко дальше отъ меня; но видъ сверху еще красивѣе. Я раздѣваюсь, сажусь на открытое окно и смотрю на Рейнъ и на небо, въ которомъ загораются яркія звѣзды. Въ наступившей глубокой тишинѣ еще слышнѣе гулъ и плескъ волнъ, пробѣгающихъ мимо отеля. Какъ блѣднѣютъ въ такой чудный вечеръ всякія тяжелыя или горькія воспоминанія! Я счастлива. Я живу и наслаждаюсь. Вечернее небо такъ глубоко; Божій міръ такъ чудно хорошъ!..

На противоположномъ берегу стоитъ небольшой бѣлый домикъ крытый черепицей и обвитый плющомъ и дикимъ виноградомъ, съ зеленымъ палисадникомъ, полнымъ розъ, жасминовъ и сирени. Мы всѣ любовались этимъ домикомъ еще до наступленія вечера. Теперь тамъ совсѣмъ темно, и только въ верхнемъ окошечкѣ, подъ самой крышей свѣтится огонекъ. Онъ дрожитъ и колеблется... Вѣрно окошко открыто. Кто-то тамъ живетъ? Можетъ быть, такая же молодая дѣвушка, какъ и я? Можетъ быть и она сидитъ теперь у своего окна, какъ и я волнуемая смутной тревогой, смутными мечтаніями. И такъ близко отъ меня...

Отчего я не знаю ея? Отчего я не знаю всѣхъ, всѣхъ людей? Можетъ быть теперь много, много людей смотреть на звѣздное небо, волнуясь смутными добрыми чувствами? Можетъ быть, есть между ними такіе, которые грустятъ и горюютъ о своемъ одиночествѣ... Какъ жаль, что я не могу протянуть имъ руку!.. Можно-ли быть одинокимъ въ мірѣ, полномъ душъ и сердецъ? Вѣдь сердца людей ближе къ намъ, чѣмъ эти звѣзды, они живѣе и подвижнѣе, чѣмъ эти волны... Я желала-бы, чтобъ у всего человѣчества было одно сердце, которое я могла-бы прижать къ своему въ такой тихій звѣздный вечеръ!.. Отчего мы всѣ такъ далеки другъ отъ друга? Что насъ разъединяетъ? Только глупость и злоба, которыя торчатъ, какъ угрожающіе рога на головѣ звѣря, который, отрѣшившись отъ нихъ, могъ-бы быть человѣкомъ.

Любовь, — тебя довольно для того, чтобы быть человѣкомъ. Вижу кроткаго Христа въ терновомъ вѣнцѣ, съ каплями крови, струящимися по блѣдному лицу, съ глазами Бога. Онъ далъ намъ заповѣдь новую: любить другъ друга. Онъ сказалъ намъ: будьте кротки, милосердны, чисты сердцемъ и на все готовы за правду! Божественныя слова, которыя каждому шепчетъ совѣсть и которыя горятъ какъ чистыя звѣзды во мракѣ человѣческаго невѣдѣнія, среди массы лживыхъ, ненужныхъ и темныхъ словъ, которыя носятся въ этомъ мракѣ какъ слѣпныя совы и летучія мыши, хлопая по воздуху крыльями, оглушая, пугая и сбивая человѣка. Новая заповѣдь стала старою. Но кто ее исполнилъ?..

Мнѣ становится грустно и стыдно передъ звѣздами. И при плескѣ темно-свинцовыхъ волнъ мнѣ снова вспоминается бѣдная молодая утопленница, которую я видѣла въ Mogue. Мнѣ кажется, что она здѣсь близко, что она у меня подъ окнами и сейчасъ вынырнетъ, покажется и подниметъ къ моему окну блѣдное страдальческое лицо, съ горькимъ упрекомъ во взглядѣ... Вѣдное молодое существо! Конечно, не волны причинили твою смерть, а людское безучастіе. Въ чемъ было ея горе, въ чемъ ея обида?..

Неужели и я буду страдать? Да какъ же не страдать, слыша вокругъ себя этотъ плачъ и скрежетъ зубовъ... вѣдь всё, всё кругомъ страдаютъ; зачѣмъ? — не понимаю, но всё страдаютъ... Даже и тѣ, на чью долю выпадаетъ счастье. Вѣдь и счастье дорого стоитъ и оплачивается страданіями. Вспоминаю Маргариту въ тюрьмѣ и въ цѣпяхъ, Дездемону, задушенную любимымъ мужемъ, Офелію, лишившуюся разсудка и тонущую среди водяныхъ лилій...

Ну, что-жь, страдать такъ страдать!.. Все-таки жить хорошо! Жаловаться нечего; жалуется только малодушіе и бессилие. Надо страдать молча. Придется, вѣрно, и пострадать, но это еще впереди; а пока чудесно...

Чудесно сидѣть вотъ такъ на открытомъ окнѣ въ темную лѣтнюю ночь, вдыхая влажный рѣчной воздухъ, и любоваться темными волнами и яркими звѣздами. Завтра или послѣзавтра увижу Марьяну и буду говорить съ ней о ея отцѣ, и узнаю, какъ онъ прожилъ эти два года, все, все узнаю... Кто-бы думалъ, что я увижусь съ ней! Мнѣ казалось, что все это уже такъ кончено, и вотъ... И ничего-то, ничего мы не знаемъ!..

Время бѣжить, и волны бѣгутъ и бѣгутъ, какъ мои мысли. Звѣзды ярко горять, какъ горять мои молодя мечты и надежды. Ночная сырость становится все ощутительнѣй. Въ домикѣ на противоположномъ берегу погасъ огонекъ... Пора спать?.. Ну, прощай, невѣдомая душа, такая близкая и далекая!.. Прощай, мой Рейнъ!

Изъ Базеля ѣдемъ въ Женеву. Катя отстаетъ отъ насъ по дороге, поручая намъ прислать къ ней въ Люцернъ Марьяну, и мы остаемся вдвоемъ.

Поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ. Длинные темные туннели становятся все чаще и чаще. „Они ужъ начинаютъ надоѣдать мнѣ“, говорю я Алексѣю Александровичу. — „Постой. За то сейчасъ ты увидишь чудную картину. Приготовь бинокль“.

Всѣ въ вагонѣ встаютъ и устремляются къ окнамъ. Подхожу и я къ окну и вижу глубоко внизу чудное голубое озеро съ нѣжными очертаніями окружающихъ его голубыхъ горъ, и вѣнецъ горной цѣпи —

снѣжную вершину Монблана, которая бѣлѣетъ и сіяетъ на солнцѣ, какъ чистый голубокъ, вѣщающій о божествѣ. Я поражена и очарована этимъ райскимъ пейзажемъ, въ которомъ все такъ чисто, воздушно и гармонично. Кто разъ видѣлъ эту панораму, тотъ о ней не забудетъ, кто не видѣлъ,—тому никакое описаніе не дастъ о ней понятія. И меня тѣшитъ мысль, что я ѣду туда, въ эти чудныя голубыя горы, что съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой я приближаюсь къ нимъ, что скоро я стану взбираться на нихъ, поднимусь высоко-высоко и проникну въ очарованное царство льдовъ и снѣга.

А поѣздъ летитъ, пыхтя и гремя, и незамѣтно чудный пейзажъ, улыбнувшійся намъ для привѣта, исчезъ и смѣнился зелеными холмами, веселыми швейцарскими городами и селеньями съ стройными зелеными тополями, желтѣющими хлѣбными полями, въ которыхъ пестрѣютъ и мелькаютъ синіе васильки и крупныя яркія пятна красного мака.

Въ Женеву мы пріѣзжаемъ поздно вечеромъ. Въ городѣ тихо и темно. На длинномъ мосту, по которому мы переѣзжаемъ озеро, горятъ газовые фонари и при свѣтѣ ихъ я вижу за перилами темную, тихо колышущуюся массу воды.

— Спокойной ночи,—говоритъ мнѣ Алексѣй Александровичъ, прощаясь со мной на порогѣ моей комнаты въ отелѣ.— Постарайся хорошенько выспаться, чтобы пораньше встать и осмотрѣть Женеву до парохода въ Montreux. Я думаю завтра же ѣхать къ Манѣ. Ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Конечно, нѣтъ.

Итакъ, завтра я увижу Марьяну. И я засыпаю, думая о ней, о ея отцѣ, вспоминаю Божидаровку, вспоминаю прошлое, радуюсь настоящему и грежу о невѣдомомъ будущемъ.

Два года тому назадъ я проводила весну у Кати въ деревнѣ. Пріѣхала я туда въ началѣ великаго поста съ мамой, которая должна была уѣхать на Оминой недѣлѣ въ Москву къ одной изъ своихъ сестеръ, а меня намѣревалась оставить на все лѣто у Кати. Кромѣ насъ въ Божидаровкѣ гостила еще кузина Лиза и ея братъ, одиннадцатилѣтній Петя, котораго прислали сюда поправляться послѣ бывшего у него зимой воспаленія легкаго. Гостила еще Ольга Павловна Свицова, бѣдная дворянка, скитавшаяся по усадьбамъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Когда-то у Ольги Павловны были свои шесть тысячъ, но она великодушно отдала ихъ займы бывшему предводителю, который вскорѣ затѣмъ умеръ, оставивъ разоренную семью и разоренное имѣніе. Оставшись безъ гроша, Ольга Павловна отнеслась къ

этому философски и стала ѣздить отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ, не принимая на себя никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, но и не отказываясь ни отъ какой работы. Она появлялась на всѣхъ балахъ, обѣдахъ, свадьбахъ, именинахъ и похоронахъ. На вечеринкахъ она неутомимо играла для танцевъ; гадала барышнямъ на картахъ, толковала сны, чинила и штопала бѣлье и ходила за больными. У нея былъ родной братъ въ уѣздномъ городѣ; но когда онъ высказалъ неодобреніе тому, что она отдала свои деньги (выразивъ еще опасеніе, что теперь она, пожалуй, сядетъ ему на шею), Ольга Павловна, не сердясь и не ссорясь съ нимъ, вычеркнула его изъ списка своихъ знакомыхъ и забыла о его существованіи. Уѣздъ былъ ея семьей и ея вселенной. Ко всѣмъ своимъ знакомымъ она относилась ровно, никому не оказывая предпочтенія. По части сильныхъ привязанностей въ нашей семьѣ у нея былъ котъ Васька, лѣнивый старый сѣрый котъ, платившій ей взаимностью. Онъ вѣчно терся о ея коричневое платье и слѣдовалъ за ней вездѣ, какъ тѣнь.

Въ двадцати верстахъ отъ Божидаровки жила еще наша теть Аня съ мужемъ Евграфомъ Ивановичемъ, девятилѣтней дочкой Соной и ея гувернанткой, Жозефиной. Тамъ же на станціи жили два инженера, строители новой желѣзной дороги. Одинъ изъ нихъ, веселый румяный блондинъ, ухаживалъ за Лизой, другой, грубоватый и неловкій брюнетъ, за мной. У нихъ были имена и фамиліи, но дома у насъ ихъ не звали иначе, какъ „Лизинъ инженеръ“ и „Наташинъ инженеръ“. Мы съ Лизой не принимали въ серьезъ ихъ ухаживанья, но и не тяготились имъ. Молодые люди часто бывали у насъ, приглашали насъ всѣхъ на свои работы, взрывали при насъ динамитомъ скалы и т. п. Мы же освящали станціи, пробовали новые пути, катались на открытой платформѣ и вообще за эту весну хорошо ознакомились съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ.

Мнѣ было восемнадцать лѣтъ. До замужества Кати я и не бывала въ деревнѣ и теперь чувствовала себя какъ рыба, пущенная въ воду. Лизу тоже радовали деревенская простота и приволье, и мы обѣ искренно сокрушались о томъ, что дѣтство наше протекло въ городѣ. Мы старались вознаграждать себя теперь за это лишеніе, наслаждаясь деревней и всѣми радостями Божьяго міра, не заслоненнаго нязкими городскими уродливостями.

Мы жили дружно, просто и пріятно. Само собой наше маленькое общество распалось на старшихъ и на младшихъ.

Старшими были: Евграфъ Ивановичъ, теть Аня, мама, Катя и Алексѣй Александровичъ. Они читали газеты, интересовались политикой и правительственными распоряженіями, которыя почти всегда подвергались ихъ строгой критикѣ, вставляли позже насъ, мало хо-

дили пѣшкомъ, умѣли принимать и занимать гостей и вообще знали все правила и даже тонкости хорошаго тона. Мужчины много говорили между собой о хозяйствѣ, о статьяxъ и сочиненіяхъ агрономовъ и о цѣнахъ на хлѣбъ и шерсть. Дамы боялись жары, боялись бѣшеныхъ собакъ, летучихъ мышей и лягушекъ, боялись и дурныхъ дорогъ, такъ что при переѣздахъ черезъ бродки или сомнительные мосты всегда выходили изъ экипажей.

Младшими были: Жозефина, Лиза, Пета, Соня, я и оба инженера. Мы всемъ ничего не боялись и даже не знали, какъ и чего бояться, не знали также, что дѣлать съ пріѣзжавшими гостями хорошаго тона, отъ которыхъ наровили удрать какъ можно дальше. Въ присутствіи старшихъ все мы упорно молчали, чувствуя, что говоримъ на разныхъ языкахъ; но чуть мы оставались въ своей компаніи, мы болтали и хохотали безъ умолку, и вообще были глуны, веселы, молоды и необыкновенно счастливы.

Ольга Павловна не примыкала открыто ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Она держалась въ сторонѣ, нянчилась со своимъ коташкой или удалялась въ людскія и въ кухню, гдѣ вела интересующую ее бесѣду съ прислугой.

Что это было за райское житье! Я вставала рано и какъ только встану, сейчасъ же бѣгу на *базз* къ коровамъ, гдѣ выпиваю кружку парного молока. Возвращаясь оттуда черезъ оврагъ, въ глубинѣ котораго бѣжитъ маленькая быстрая рѣчонка, черезъ которую мнѣ надо перебираться по камушкамъ, я встрѣчаю съ важностью расхаживающихъ гусей, утокъ съ маленькими утятами, плавающими и ныряющими въ водѣ... Сверху, съ птични, доносится воркованье, гоготанье и кудахтанье. Пестрыя курочки скромно и степенно похаживаютъ по берегу, деликатно наклоня головки и поклеывая тутъ и тамъ. Маленькіе цыплята, какъ комки желтаго пуха, катятся по землѣ и жмутся къ толстой насѣдкѣ, выведшей ихъ на прогулку. Я поднимаюсь на берегъ и крошу остатки хлѣба птицамъ, которыя слетаются и сбѣгаются со всехъ сторонъ. Жадные дерзкіе пѣтухи, налетая съ разбѣга, вырываютъ у меня изъ рукъ самыя большіе куски. Знакомыя собаки подходят поздороваться, толкая меня подъ локоть и тоже посматриваютъ просительно, не найдется-ли чего и для нихъ? Раздавъ свой хлѣбъ, иду домой. У калитки лежитъ растянувшись „Буянь“ и грѣется на солнышкѣ. Онъ тоже поднимается, чтобъ поздороваться, и идетъ за мной. Входимъ въ тихій садъ, гдѣ не видно еще не души. Прохожу мимо цвѣтниковъ и не спущенныхъ еще фонтановъ и углубляюсь въ аллею, окаймленную рядами фруктовыхъ деревьевъ, осыпанныхъ бѣлымъ и блѣдно-розовымъ цвѣтомъ. Яблони, груши, вишни, сливы, тернъ, черемуха—все уже въ цвѣту.

И при видѣ окружающаго меня рая, въ душѣ невольно поднимается глубокая благодарная молитва; молясь, я иду все дальше и дальше, машинально выхожу изъ сада, перепрыгиваю все черезъ ту же быструю рѣчку и знакомой тропинкой взбираюсь на скалу, оглядываясь изрѣдка, чтобъ еще полюбоваться остающейся внизу чащей бѣлыхъ, какъ ивей, деревьевъ. На скалѣ одиноко стоитъ старая, сѣрая, вѣтряная мельница. Добравшись до нея и уставъ отъ подъема, я сажусь на траву или на сложенные подлѣ мельницы бревна и сижу, любясь далеко и широко раскинувшейся стенью, среди которой вьются, скрещиваясь и расходясь, проселочныя дороги. Вижу овраги, рѣчки, зеленые лѣсочки, вблизи три улицы села съ хорошо знакомыми хатами, вдали, за большимъ лѣсомъ, чуть виднѣющуюся крышу станціи желѣзной дороги.

Отдохнувъ, снова спускаюсь въ садъ, гдѣ встрѣчаю уже садовника, копающагося въ грядкахъ. Иду дальше и встрѣчаю Лизу, которая рассказываетъ мнѣ свой сонъ. вмѣстѣ съ ней идемъ въ столовую, гдѣ всѣ собираются у самовара. Старшіе разговариваютъ, а мы молчимъ. Затѣмъ самоваръ убираютъ, и всѣ принимаются за свои занятія. Я сажусь за рояль и выламываю себѣ пальцы гаммами и экзерсисами, а Лиза тѣмъ временемъ занимается съ собравшимися къ ней деревенскими ребятишками, которыхъ она обучаетъ ариметикѣ и закону Божію. Потомъ она передаетъ ихъ мнѣ, для обученія грамотѣ, а сама даетъ урокъ Петѣ. Отпустивъ учениковъ, я занимаюсь съ Петей, а Лиза рисуетъ. Такъ проходитъ время до обѣда, послѣ котораго мы читаемъ, работаемъ или предпринимаетъ большія прогулки и поѣздки всей компаніей въ лѣсъ, на шахты. И незамѣтно проходитъ день и наступаетъ всеми любимый тихій поэтическій часъ вечера, когда идутъ

...Коровы изъ дубровы,
А овечки съ поля.

Воздухъ оглашается блянѣмъ, мычанѣмъ, ржанѣмъ, хрюканѣмъ. Село оживляется; на улицахъ его показываются хохлушки, загоняющія своихъ коровъ. Я бѣгу къ себѣ въ комнату, мою руки, беру снова свою кружку, кусокъ хлѣба и спѣшу къ воротившимся съ поля коровамъ. Солнце садится. На птичнѣ ужъ тихо. Отворяю плетеную калитку и вхожу къ коровамъ, изъ которыхъ многихъ уже доятъ. Бабы и дѣвки-скотницы кричатъ, отгоняя растерянно мечущихся и скачущихъ телятъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще сосутъ. Рыжая „Маслянка“, поворачивая ко мнѣ голову, оглашаетъ воздухъ протяжнымъ мычанѣмъ. Толстая рябая Санька, научившая меня доить, подаетъ мнѣ доенку, рассказывая о событіяхъ и новостяхъ, касающихся стада и скотнаго двора. Я слушаю и дою. Запахъ коровы, навоза,

теплаго молока не только не противенъ мнѣ, но доставляетъ мнѣ удовольствіе. Звонкіе здоровые голоса бабъ и дѣвокъ, переговаривающихся между собою, стоятъ въ воздухѣ. За плетеной стѣной, въ своемъ помѣщеніи, громко и радостно блеютъ овцы. Бабы глупы, коровы глупы, телята глупы; отчего-же мнѣ съ ними такъ легко и чудесно, какъ никогда не бывало въ обществѣ самыхъ интересныхъ кавалеровъ во фракахъ или гвардейскихъ мундирахъ? И съ состраданіемъ къ себѣ, я вспоминаю о томъ, сколько вечеровъ провела я, напримѣръ, въ театрѣ, въ залѣ съ сѣверной непріятной атмосферой, съ тяжелымъ запахомъ газа, вспотѣвшихъ людей и ихъ вѣркихъ духовъ, съ рядами тѣсно связанныхъ пыльных стульевъ, съ ярусами грязныхъ ложей, въ которыхъ сидятъ нарядные, скучающіе, замученные и изломанные люди,—со сценой, на которой, поворачиваясь лицомъ къ публикѣ, часто не очень хорошіе люди лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобъ живо изобразить людей еще худшихъ, чѣмъ они сами, и ихъ дурные поступки!.. Вспоминаю и о непріятномъ нервномъ утомленіи, всегда выносимомъ изъ такого вечера и вообще изъ городскихъ развлеченій. А здѣсь-то!.. Надъ головой у меня свѣтлое весеннее небо, кругомъ зеленыя горы и степь, въ которой тихо колышется высокая трава и легкій ковыль... Старый вѣтрякъ сочувственно смотритъ на меня сверху. Доемка полна. Радуюсь своему настоящему счастью, я пѣжу теплое пѣнящееся молоко черезъ чистенькую кисейку, и выпиваю полную кружку. Толстая Санька, подоившая свою корову, улыбается моему удовольствію, приговаривая: „На здоровьечко!“

Баба Ганна, старая ключница, повязанная чернымъ платочкомъ, съ фальшивой и сладкой улыбкой и безпокойствомъ во взглядѣ, хитро и заискивающе заговариваетъ со мной. Я знаю, что ей не нравится моя выдумка доить. Она подозрѣваетъ, что я дѣлаю это неспроста, а съ цѣлю провѣрять и выслѣживать ее. Ея внучки и племянницы стоятъ и прячутся за плетень, ожидая моего ухода. Нацѣдивъ еще кружку для мамы, я прощаюсь съ Санькой и ухожу, чтобъ не стѣснять Ганну.

Заря горитъ въ небѣ. Пыль столбомъ вьется надъ дорогой, по которой тянется длинный обозъ чумаковъ. Телѣги скрипятъ, и сѣрые волю выступаютъ ровнымъ мѣрнымъ шагомъ.

Бережно придерживая полную кружку обѣими руками, я спускаюсь въ оврагъ; бѣловолосые мальчуганы, все мои ученики, стоятъ на камняхъ посреди рѣчки съ удочками. На краю берега, повыше, толпится группа дѣвочекъ, семилѣтнихъ нянякъ, держащихъ на рукахъ своихъ большеголовыхъ питомцевъ. Дѣвочки хихикаютъ и посмѣиваются; а мальчики радостно рассказываютъ мнѣ, гдѣ и какихъ червей они накопили и какихъ рыбъ поймали. Мнѣ показываютъ пойманную рыбу

величиной съ пъяву. Она переходитъ изъ рукъ въ руки; затѣмъ пускается обратно въ воду. И рыболовы, и няньки присоединяются ко мнѣ и большой веселой компаніей мы подходимъ къ зеленой рѣшеткѣ сада.

Лиза въ желтомъ платьѣ съ бѣлой вышивкой, съ распущенными черными косами, стоитъ у калитки, тоже обруженная толпой ребятишекъ, которыхъ она одѣляетъ леденцами и сѣмячками. Со всѣхъ сторонъ тянутся къ ней маленькія грязныя горсточки. Получившія свою долю, отходятъ въ сторону и щелкаютъ сѣмячки, прильнувъ головами и всѣмъ туловищемъ къ зеленой рѣшеткѣ, съвозъ которую они смотрятъ во всѣ глаза на бѣлый домъ съ колоннами и съ зелеными ставнями, на обвитую дикимъ виноградомъ веранду, на цвѣтники и фонтаны.

Прощаюсь съ моей свитой и вхожу въ калитку, которую мнѣ отворяетъ Лиза.

— Какъ это тебя не тошнитъ отъ этой гадости? говоритъ она, морщась на теплое молоко.—Почту привезли. Тебѣ письмо есть.

Вхожу въ тѣнистый свѣжій садъ. На площадѣ, передъ домомъ, подъ группою высокихъ старыхъ липъ стоитъ большой деревянный столъ, окруженный скамейками. По обѣ стороны площадки тихо журчатъ фонтаны. На столѣ, свернувшись въ клубокъ и тихо треща, сидитъ старый котъ Васьба, а на скамеечкѣхъ подъ расцвѣтающей черемухой Ольга Павловна.

— Подоили?—спрашиваетъ она меня съ улыбкой.— Почту привезли. Вамъ письмо есть.

— А гдѣ всѣ?

— На балконѣ. Надо и намъ идти. Я видѣла, Ермолай ужъ самоваръ повесъ. Сейчасъ позовутъ.

Лиза догоняетъ насъ, щелкая сѣмячки, и втроемъ мы входимъ на балконъ, гдѣ уже всѣ въ сборѣ.

Но переходъ отъ скотнаго двора къ этому саду, огороженному рѣшеткой, съ цвѣтниками и фонтанами, съ усыпанными пескомъ дорожками, къ этимъ стѣнамъ и окнамъ, черезъ которыя видѣются мягкіе диваны, золоченныя рамы, зеркала и рояль Эрара, кажется мнѣ рѣзкимъ и неожиданнымъ. Мнѣ становится грустно.

Что-же, или я ожидала, что выйду съ моей кружкой въ бѣлую хатку съ маленькими обонцами, съ мазанными стѣнами и деревянными лавками? Вѣроятно; а здѣсь-то вотъ что...

На полукругломъ балконѣ, обвитомъ эпимеей, стоитъ большой столъ съ самоваромъ и чистой сватертью, на которой тѣсно наставлены: фарфоръ, хрусталь, серебро, тарелочки, салфеточки, сухарицы, масляницы. Горячій чайникъ, въ которомъ настаивается чай, накрытъ

атласнымъ стеганымъ одѣяльцемъ. Всѣ наши сидятъ тутъ въ креслахъ, какъ будто такъ и быть должно, и Катя тихо говоритъ еще Ермолаю тономъ упрека: „Опять ситечко забылъ? О чемъ ты думаешь?..“ Очарованіе разрушено. Передъ балкономъ раскинуты клумбы, предметъ особенной заботливости садовника; посреди ихъ стоитъ на пьедесталѣ бѣлая статуя съ изогнутыми руками. Мнѣ становится еще грустнѣе. Я съеживаюсь и чувствую себя какъ-то неловко и тоскливо...

„Вотъ тебѣ“, говоритъ мама, протягивая мнѣ письмо отъ пріятельницы. Я читаю его; затѣмъ, воспользовавшись первой удобной минутой, исчезаю съ балкона и скрываюсь въ саду.

Въ саду еще свѣтло. Солнце не погасло. Соловьи свободно и громко заливаются, свистятъ и щелбаютъ въ разныхъ концахъ сада. За густой зеленью кустовъ и деревьевъ уже не видно ни цвѣтниковъ, ни фонтановъ, и очарованіе весны воскресаетъ съ новой силой. Опять я чувствую себя на волѣ, опять я чувствую себя хорошо. Перечитавъ письмо любимой пріятельницы, которая спрашиваетъ меня, что выше: правда или милосердіе, — я задумываюсь, и вынувъ изъ кармана корку хлѣба, которой не успѣла доѣсть на скотномъ дворѣ, принимаюсь грызть ее. И задумавшись, я тихонько пробираюсь между рядами фруктовыхъ деревьевъ, одѣтыхъ такъ роскошно, какъ конечно никогда не одѣвался во всей славѣ своей царь Соломонъ, котораго царица Савская при первомъ свиданіи могла принять за золотого истукана съ руками изъ слововой кости.

Лиза и Петя съ „Буяномъ“ присоединяются ко мнѣ, и мы гуляемъ всѣ вмѣстѣ. Петя теревитъ „Буяна“ за уши, бѣгаетъ съ нимъ и ломаетъ прутья, которые отдѣлываетъ и обращаетъ въ хлысты, сдирая съ нихъ кожу и листья. А Лиза, приколовъ къ плечу букетикъ яблочнаго цвѣта, беретъ меня подъ руку. И мы начинаемъ ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ и судачить. Лиза находитъ, что Катя очень измѣнилась.

— Не знаю, что ее такъ измѣнило: богатство или замужество?

— Можетъ быть, и то, и другое. Хотя, по моему, она все та-же. Только теперь она дальше отъ насъ и не высказывается.

— Можетъ быть, она напускаетъ это на себя? Ты замѣть: она при немъ одна, а безъ него совсѣмъ другая. Къ чему это?.. И вѣдь это должно быть тяжело ей самой? Сегодня, напримѣръ, она играетъ сонату Бетховена. Онъ входитъ, она закрываетъ ноты и начинаетъ играть Травіату!.. И это Катя, Катя!.. Вѣдь это ужасно!.. И къ чему это!.. Я понимаю, что надо угождать мужу, но у нея это всегда какъ-то выходитъ, какъ долгъ, какъ усиліе. По моему, она просто его не любитъ.

— Любить!

— Нѣтъ, нѣтъ!

Мы часто и подолгу разговариваемъ о любви, считая себя очень компетентными въ этомъ дѣлѣ. Мы убѣждены въ томъ, что любовь—достояніе молодости, и что люди старые, то-есть тѣ, кому больше двадцати лѣтъ,—слишкомъ извращены жизнью для того, чтобъ правильно относиться къ этому вопросу.

И мы говоримъ о любви громко и авторитетно, захлебываясь и съ такимъ-же воодушевленіемъ, съ какимъ поютъ о ней соловьи во всѣхъ углахъ и аллеяхъ сада, украшеннаго всей роскошью малоросійской весны.

— Конечно не любить,—утверждаетъ Лиза,— иначе къ чему ей такъ добросовѣстно исполнять свои обязанности? Это всегда такъ бываетъ. Кто чувствуетъ, что въ сердцѣ не все есть, что нужно,—тотъ ухватывается за долгъ. Со стороны это такъ замѣтно! Вотъ возьми Евграфа и тетю Аню. Они промолчатъ цѣлый день, а все-таки чувствуешь, что они любятъ другъ друга. А здѣсь — нѣтъ; да они и не пара...

— Онъ очень добрый и прямой человѣкъ...

— Добрый-то добрый; но все-таки у него любимая фраза: „А намъ-то что?“ Каково-же это должно быть Катѣ? И вѣдь, по правдѣ сказать, *что* его интересуетъ: въ прошломъ — полкъ, въ настоящемъ — уѣздъ и хозяйство... Вѣдь всѣмъ остальнымъ онъ интересуется только притворно. Вѣдь это чувствуется. А Катя молчитъ изъ самолюбія... Нѣтъ, ужъ если когда-нибудь *я* выйду замужъ...

— Да, ужъ когда *мы* выйдемъ замужъ...

И мы начинаемъ въ одинъ голосъ рассказывать другъ другу, что будетъ, когда мы выйдемъ замужъ. Кажется, міръ тогда только и узнаетъ, какія бываютъ настоящія жены! Нашихъ мужей можно будетъ любить, потому что въ нихъ не будетъ ничего дурного. О, это будутъ такіе люди, такіе люди!.. И вотъ они и увидятъ, *какъ* любятъ людей, въ которыхъ нѣтъ ничего дурного!..

Яблони одобрительно киваютъ намъ, а соловьи сплятятся перекричать насъ. Петя, которому давно надоѣли наши разглагольствованія, удалился съ „Буяномъ“ къ рѣчкѣ, гдѣ пачкается и скачетъ, устраивая какую-то запруду, за которую завтра его выбранятъ, а, можетъ быть, и накажутъ. А мы съ Лизой все ходимъ, ходимъ и говоримъ. „А какими матерями мы будемъ! Вѣдь до сихъ поръ никто не умѣлъ воспитать своихъ дѣтей. Ну, что тетя Аня дѣлаетъ изъ Сони! Богъ знаетъ что!.. Да и насъ-то, какъ насъ-то воспитали! Вѣдь, по правдѣ сказать, на что мы годимся? Ну, на что? Что мы такое? Что-то ужасное!.. Нѣтъ, вотъ *мы* покажемъ на своихъ дѣтяхъ, какъ

это дѣло дѣлается! По твоему, главное въ чемъ?.. А по твоему?.. А по моему... По моему“...

И мы горячимся и бѣгаемъ, и кричимъ, не слушая другъ друга, пока насъ не позовутъ ужинать. Послѣ ужина всѣ прощаемся, цѣдуемся, получаемъ родительское благословеніе и расходимся по своимъ комнатамъ.

Мы съ Лизой поднимаемся къ себѣ въ мезонинъ. Лиза начинаетъ расчесывать свои длинныя чудесныя косы. Операція эта беретъ много времени, и я успѣваю окончить весь мой вечерній туалетъ, пока она заплететъ одну только косу.

Когда обѣ косы расчесаны, заплетены и заложены на головѣ, Лиза принимается за мытье: плещется, полощется, наливая и выливая воду. А я, тѣмъ временемъ, вынимаю изъ стола завѣтную тетрадку и пишу дневникъ. Тайно отъ всѣхъ, я занимаюсь самоисправленіемъ и каждый вечеръ исписываю нѣсколько страницъ, сокрушаясь о своихъ порокахъ и поощряя себя къ борьбѣ съ ними. Надо быть очень строгимъ къ себѣ и въ мелочахъ, чтобъ незамѣтно не погрязнуть советамъ въ чемъ-нибудь дурномъ. Каждый понедѣльникъ, каждое первое число мѣсяца я съ особенной энергіей приступаю къ борьбѣ съ пороками; затѣмъ, къ концу недѣли, энергія ослабѣваетъ, и пороки торжествуютъ. Главныя мои пороки: вспыльчивость, нетерпѣливое и неравное отношеніе къ людямъ, насмѣшливость, кокетство, гордость и главное—лѣнь, лѣнь, лѣнь...

Лиза думаетъ, что я пишу стихи, и я поддерживаю ее въ этомъ заблужденіи. Я умерла-бы со стыда, еслибъ кто-нибудь заглянулъ въ мою тетрадку, хотя въ ней нѣтъ ничего дурного. Но я тщательно запираю ее въ столъ, ключъ отъ котораго ношу въ карманѣ.

Покончивъ съ мытьемъ, Лиза, не спѣша, вытирается, съ удовольствіемъ поглядывая на себя въ зеркало, потомъ вѣшаетъ полотенце, и хорошенькая, свѣженькая, чистенькая, опускается на колѣни подлѣ своей кровати, принимаетъ серьезное и сосредоточенное выраженіе и начинаетъ молиться и креститься. А я все строчу и строчу, письменно прося у Бога смиренія, незлобія и чистоты сердца, о которыхъ, можетъ быть, молится и Лиза.

Положивъ земной поклонъ, она встаетъ, ласково говоритъ мнѣ:

— Ну, прощай, писательница! — зѣвая, крестить свои подушки и, вытянувшись, ворочается и укладывается въ постели.

— Дверь не затворяй еще, а то душно будетъ, — сонно говорить она уже съ закрытыми глазами.

Я гашу свой огарокъ, прячу тетрадку и выхожу на балконъ, съ котораго видѣны мой вѣтрякъ на скалѣ. Онъ вырисовывается теперь чернымъ силуэтомъ на вечернемъ небѣ. Все спитъ, все дремлетъ,

и среди чудной тишины малороссійской весенней ночи, полной безмолвной, но глубокой хвалы Богу, — не спитъ только соловей. Я слушаю его и думаю: „А какъ-же лучше? Безъ его пѣсни или съ ней?.. Онъ поетъ о веснѣ, о земной мимолетной любви и радости. Грѣшно это или не грѣшно?.. И дурно это или не дурно?.. Нѣтъ! И не грѣшно, и не дурно! Иначе вѣдь онъ и не пѣлъ-бы въ такомъ храмѣ, какъ эта ночь съ ея небомъ! Это мгновенно, мимолетно, кратко, какъ весна, но не грѣшно и не дурно!.. Пой себѣ, соловей! Ты не помѣшаешь небеснымъ силамъ славить Бога и „гласу ихъ гремятъ изъ края въ край!“.. Пой, маленькій соловей! Ты поешь хорошо, и сердце отзывается на твою пѣсню“...

— Экъ расщелкался! — ворочаясь говоритъ Лиза. — Безсонная команда!.. Затвори ужъ дверь, нечего дѣлать. Съ ними и не заснешь. — И она громко зѣваетъ.

Я затворяю дверь и тоже ложусь; но и черезъ закрытыя двери и ставни до насъ доносятся свистъ и шелканье. И подъ соловьиныя пѣсни мы засыпаемъ и безмятежно спимъ до утра, пока горячіе лучи утренняго солнца не прокрадутся сквозь щели ставень, говоря: „А вотъ вамъ и еще свѣтлый и радостный день!“

На третій день Пасхи мы съ Лизой и Петей уѣхали на два дня изъ Божидаровки въ Ивановское къ тетѣ Анѣ, съ которой сговорились съѣздить на ярмарку въ большое ближайшее къ нимъ село. Наше пребываніе въ Ивановскомъ для насъ—всегда празднествъ. Жозефина — милая и образованная дѣвушка, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, живая и моложавая. Она всегда радуется нашему пріѣзду тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за нами неизмѣнно появляются наши поклонники, съ которыми она охотно балагурить и зубоскалить. И на этотъ разъ инженерамъ разрѣшено сопровождать насъ на ярмарку. Цѣлый день мы толкаемся въ толпѣ нарядныхъ и подвыпившихъ хохловъ и хохлушекъ, слушаемъ ихъ пѣсни, смотримъ ихъ пляску, качаемся съ ними на качеляхъ, накупаемъ въ балаганахъ разной драни для подарковъ и вообще проводимъ время очень весело и пріятно. Петя купилъ себѣ необыкновенно длинный и необыкновенно вонючій кнутъ, который считаетъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ и за который мы всѣ на него ворчимъ.

Обѣдать возвращаемся къ тетѣ Анѣ. У нея не такъ богато, какъ у Кати, но проще и веселѣе. Домъ у нея старенькій и побосившійся на сторону, съ высокой камышевой крышей, подъ которой воркуютъ голуби, съ некрашенными сѣрыми ставнями, которыя затыкаются щепками и обломками, словомъ, отъ крестьянскихъ домовъ

отличается только размѣрами, да внутреннимъ убранствомъ, хотя и послѣднее очень просто.

Садъ у Тети Ани заглохшій и запущенный. Все вниманіе хозяйки устремлено на огородъ; садъ же предоставленъ Богу и природѣ. На дорожкахъ растутъ не только трава, но и полевые цвѣточки. Розы разцвѣтають рядомъ съ подсолнечниками и пшеничкой. А кусты дикой малины и высокія махровыя штокъ-розы тянутся изъ всѣхъ силъ, чтобъ выбиться изъ заглушающей ихъ массы бурьяна, крапивы и репейника. Передъ домомъ двѣ клумбы, на которыхъ почти всегда лежатъ собаки, располагающіяся здѣсь или для того, чтобъ справиться съ стащенной на кухнѣ костью, или просто за тѣмъ, чтобъ подремать и погрѣться на солнышкѣ. Если собаки встають пройтись, то приходятъ куры и разгребають лапками клумбы, въ которыхъ каждую весну сѣется что-то, что никогда не выходитъ. Кошка тоже вырыла себѣ здѣсь ямку, въ которой отдыхаетъ, когда мѣсто не занято. Тетя Аня поливаетъ только посаженный ею кустъ розъ. Юзефина поливаетъ только посѣянный ею макъ, да въющіяся растенія, посаженные ею же вдоль стѣны. У Сони своя грядка редеды и картофеля, съ которой она цѣлый день яростно сгоняетъ куръ и кошекъ, не понимающихъ, почему это на одной грядкѣ можно сидѣть, а на другой нельзя? Евграфъ Ивановичъ, слывущій опытнымъ и замѣчательнымъ садоводомъ, совѣтъ не интересуется садомъ и расчистилъ себѣ только одну дорожку, по которой и прогуливается по вечерамъ, заложивъ руки за спину и обдумывая свои сельскохозяйственныя статьи, за писаньемъ которыхъ проводитъ цѣлые дни.

Болѣе безпорядочный садъ трудно себѣ представить; но онъ красивъ и живописенъ, и когда вечеромъ луна выходитъ надъ бѣлымъ домикомъ съ камышевой крышей, тетя Аня, присѣвъ у себя на завалинкѣ, искренно любитъ своимъ жилищемъ и говорить:

— А вѣдь хорошо у насъ! Даромъ, что нѣтъ фонтановъ; а по моему, здѣсь не хуже, чѣмъ въ Божидаровкѣ!..

И мы всѣ дружнымъ хоромъ подхватываемъ:

— Еще-бы!

Въ Божидаровкѣ крошечная рѣчонка, въ которой нельзя и покататься на лодкѣ, а здѣсь и рѣка и лодка, изъ которой мы почти не выходимъ, разъ забравшись въ Ивановское. И въ этотъ вечеръ мы катаемся въ лодкѣ всѣ вмѣстѣ, съ тетей Аней и съ инженерами и даже съ Евграфомъ Ивановичемъ. Поздно вечеромъ инженеры уѣзжаютъ, изъявивъ намѣреніе на слѣдующій день нагрнуть въ Божидаровку.

Мы переночевали у тети Ани, которая съ утра начала волноваться и укладываться, такъ какъ, погостивъ немного въ Бо-

жидаровкѣ, она собиралась ѣхать въ Харьковъ для операціи. Союю тоже надо было показать доктору и поэтому ее брали съ собою. Евграфъ Ивановичъ уѣхалъ съ утра съ заѣхавшимъ за нимъ докторомъ, намѣреваясь поздравить съ праздникомъ кой-кого изъ сосѣдей. Жозефина помогала тетѣ Анѣ укладываться, а мы съ дѣтьми пропадали въ лодкѣ. Послѣ обѣда къ крыльцу подали старую коляску тети Ани, обитую заплатаннымъ и вылинявшимъ ситцемъ, заложенную четверикомъ худыхъ и некрасивыхъ, но горячо любимыхъ нами лошадей, которыхъ мы кормили съ ладони сахаромъ и дружески звали по именамъ: „Сokolь, Мишка, Безклубый и Мухортка“. Мы находили ихъ прекрасными и лучшихъ не желали. Петя, не разставаясь со своимъ новымъ кнутомъ, влѣзъ на козлы, гдѣ помѣстился между флегматичнымъ Наумомъ и хорошенькой босоногой Палашкой, держащей въ одной рукѣ огромный саквояжъ тети Ани, а въ другой пару новыхъ козловыхъ башмаковъ, которыми она собиралась щегольнуть въ Божидаровкѣ.

Ѣхать было жарко, но весело. Въ воздухѣ парило, какъ передъ грозой. По небу носились, клубясь и скучиваясь, большія бѣлыя и сѣрыя облака, грозившія дождемъ, по увѣренію тети Ани. Изъ предосторожности она приказывала поднять верхъ; но едва мы проѣзжали нѣсколько шаговъ, какъ верхъ падалъ, каждый разъ возбуждая нашъ хохотъ. Тетя Аня сердилась на коляску и приказывала остановиться и поправить дѣло. Но коляска была старая и упрямая, и верхъ продолжалъ падать. Между тѣмъ скучившіяся облака заволкли солнце, и завапалъ мелкій частый дождичекъ. Палашка молча передала сакъ и свои сапоги Науму, который также молча, передалъ возжи торжествующему Петѣ, и повернувшись спиной къ лошадямъ и задѣвая меня по спинѣ своими босыми ногами, она стала придерживать руками кожаный верхъ надъ головой тети Ани, кототорая похвалила ее за находчивость. Мы всему хохотали и радовались.

— Чтобы въѣхать въ такомъ видѣ на одну изъ улицъ Петербурга? — сказала Жозефина.

— На Большую Морскую.

— Насъ забрали-бы въ участокъ.

— А за что? Что тутъ дурного?

— Да развѣ забираютъ только за дурное?

Дождикъ покосалъ и пересталъ. Солнышко снова выглянуло, озаря весеннюю степь. Палашка молча отняла руки, и перекинувъ ноги, приняла прежнюю позу. Верхъ упалъ. Тѣмъ временемъ Петя чуть не вывалилъ насъ на поворотѣ, наѣхавъ на камень. Мы и этому смѣемся, а тетя Аня со слабой улыбкой говоритъ намъ: „То есть что вы можете смѣяться, это просто удивительно. Какъ вы не уста-

нете“? Соня, съ важностью развалившись между матерью и гувернанткой и держа въ рукахъ куклу, считаетъ овражковъ (сусликовъ), мелькающихъ среди зеленыхъ всходовъ. Жозефина восхищается красотой полевого репейника. Жаворонки высоко взлетаютъ надъ нашими головами и парятъ въ небѣ, журча свои чистыя пѣсенки. Въ высокой зеленой травѣ стоитъ свистъ и стрекотанье.

— Ничего у насъ земля,— говоритъ тетя Аня, любясь черноземомъ, проглядывающимъ между яркой зеленою всходовъ.

Я чувствую особенно радостное возбужденіе. Радуюсь я и тому, что наша коляска такъ легко катится посреди широкой, вольной степи, дышащей мощью и покоемъ, и тому, что все на свѣтѣ такъ хорошо и чудесно. Такъ чудесно, что даже не о чемъ жалѣть и печалиться! Ужъ если пожалѣть о чемъ, такъ только о томъ, какъ это всё не поймутъ, какъ хорошо жить въ Божьемъ мірѣ, съ Божьей лаской въ душѣ, съ такимъ раемъ вокругъ!.. Какъ это всё не поймутъ, до чего хорошъ нашъ путь отъ рожденія къ смерти, до чего сильно все доброе и прекрасное, и какъ ничтожно и слабо зло? И душа переполняется счастливыми добрыми чувствами. Всѣ люди такъ милы, такъ близки... И эти, что сидятъ здѣсь со мной, и всѣ другіе, всѣ, всѣ существующіе подъ солнцемъ!..

Вдемъ мы не торопясь; часто останавливаемся. То Петя уронилъ свой кнутъ, то Соня жалуется, что ее тошнитъ; тетя Аня отсидѣла ногу; Жозефина желаетъ сорвать репейникъ. Дѣти бѣгаютъ и рвутъ фіалки и тюльпаны. Наумъ оправляетъ отдыхающихъ лошадей. Потомъ снова усаживаемся и двигаемся въ путь. Лошади весело бѣгутъ. Мы дружно поемъ хоромыя пѣсни и Палашка оборачивается къ намъ, прислушиваясь къ словамъ, которыя ей хочется заучить и запомнить. Мы уже перепѣли всѣ свои веселыя пѣсни, лошади снова замедляютъ шагъ, и Лиза затягиваетъ „Не одну въ полѣ дороженьку“... А мы тихо подтягиваемъ ей.

— Чудная эта пѣсня,— говорю я,— и какъ ее понялъ и описалъ Тургеневъ!

— Да, видно у него была русская душа, если онъ такъ пѣнилъ этой пѣсней. И какъ онъ могъ жить за границей?— удивляется Лиза.

— Есть чувство сильнѣе чувства любви къ родинѣ, — сентенціозно замѣчаетъ Жозефина.

— Все есть въ этой пѣснѣ,— продолжаю я.— И русскій пейзажъ, и русская печаль. Во полѣ бѣгутъ дороженьки; онѣ поросли частымъ ельничкомъ и березничкомъ. Вотъ и весь русскій пейзажъ! Кто изъ русскихъ не узнаетъ его? И вотъ я, русскій человекъ, думалъ, моль, поѣхать къ своей любушкѣ-сударушкѣ, а нельзя. Думалъ поѣхать,—не поѣду. Нельзя, такъ и не поѣду, а махну рукой, вздохну

и запою. Ахъ, не одна во полѣ дороженька... Вѣдь это русскій характеръ: покориться, помириться, отказаться отъ личнаго счастья во имя чего-то высшаго, сильнѣйшаго... Иностранцу не понять этого...

— Нѣтъ, я очень понимаю эту пѣсню,—говоритъ Жозефина.— Миѣ нравится мелодія; она такъ тянется...

— Что мелодія?—говоритъ Лиза,—тутъ русская душа, русская тоска и грусть, которой мы и сами не понимаемъ, хоть и носимъ ее въ душѣ. Вы думаете, мы и характеръ свой понимаемъ?..

— Ну, что вы говорите!.. — и онѣ переходятъ къ переборкѣ русскихъ литературныхъ типовъ. Тетя Аня виѣшивается въ разговоръ, и онѣ горячатся и захлебываются, сравнивая Обломова съ Базаровымъ, Лаврецькимъ, Рудинимъ и пр. А я думаю про себя о русской душѣ и о русскомъ характерѣ, напѣвая сквозь зубы: „Думалъ поѣхать,— не поѣду!“...

— Впередъ! — энергично восклицаетъ Наумъ, и лошади подхватываютъ.

— Ну, спойте-ка еще что-нибудь веселое,—говоритъ тетя Аня, разваливаясь въ коляскѣ.

— Нѣтъ, зачѣмъ?..

Незамѣтно спустился вечеръ. Облака, скучившіяся на горизонтѣ, окрасились въ яркій розовый цвѣтъ. Наше веселье и оживленіе стихаетъ по мѣрѣ того, какъ солнце садится ниже и ниже. Степь совсѣмъ мѣняется... Жаворонки все еще журчатъ свои чистыя трели, взлетая и падая въ воздухъ. Свистъ и стрекотанье въ густой высокой травѣ становятся все страстнѣй и смѣлѣй. Тихо и задумчиво разстилаются по полю вечернія тѣни. И мы всѣ стихаемъ и задумываемся. А коляска все катится и катится по мягкой проселочной дорогѣ, задѣвая колючій репейникъ и безжалостно давя цвѣточки, неосторожно разцвѣтшіе слишкомъ близко къ колеямъ...

— Ну, не чудо-ли наши степи?—говоритъ Лиза французенкѣ.— Полюбуйтесь-ка Россіей.

— Хороша не Россія, хороша природа,—отвѣчаетъ съ улыбкой Жозефина.—Вы думаете, у насъ, во Франціи, хуже?

И мечтательно поднявъ черные глаза къ небу, она задумывается.

Тетю Аню совсѣмъ увачало и она ѣдетъ, закрывъ глаза. Соня тоже клюетъ носомъ, прижавъ въ сердцу куклу, закутанную въ носовой платокъ въ предохраненіе отъ простуды. Палашва, сложивъ руки на саквояжѣ, тихо сидитъ, вперивъ каріе глазки въ розовыя облака. И всѣ мы молчимъ и мечтаемъ. Только кучеръ Наумъ, которому, какъ мужчине, не пристало мечтать, мужественно покрививаетъ: „Впередъ!.. Но, дурачокъ!.. Впередъ, чертова скотина!“

И Петя, какъ эхо, и какъ мужчина, повторяетъ за нимъ эти мужественныя восклицанія.

Солнце зашло. На горизонтѣ, среди густыхъ облаковъ, уже превратившихся изъ розовыхъ въ голубыя, сверкнула свѣтлая зарница, озаривъ край неба.

— Видѣли молнію? — испуганно говорить вытаращившая глаза Соня.

— Это зарница.

— Ахъ, какъ я люблю это! — восклицаетъ Жозефина. — А вотъ и еще!..

— Господа,—говоритъ Петя, оборачиваясь къ намъ съ козель — если будетъ гроза, побѣжимте опять къ мельницѣ. Какъ оттуда красиво!.. Все небо видно!..

— Какъ онъ глупъ, мама,—говоритъ Соня.—Онъ думаетъ, что съ мельницы все небо видно.

— Ты очень умна. Ужъ чья-бы корова мычала, твоя-бы молчала,—раздается съ козель.

— Мамочка, вѣдь все небо вокругъ всей земли? стало быть ни откуда не можетъ быть видно все небо?

— Туда-же о землѣ и небѣ разговариваетъ,—насмѣшливо ворчить Петя.

— Мама, а отчего онѣ безъ грома; это ужъ не молніи?—спрашиваетъ Соня о зарницахъ.

— Ахъ, какъ ты надоѣдаешь! — съ раздраженіемъ отвѣчаетъ тетя Аня.—Сиди ты, смирно и не ерзай, пожалуйста!

Мы все ближе и ближе къ дому. Каждый разъ, что я возвращаюсь откуда-нибудь, мнѣ всегда кажется, что безъ меня что-то случилось. Я такъ вѣрю въ то, что „l'homme n'est maitre que de son âme; les jours et les évènements sont à Dieu“. И мнѣ всегда кажется, что событія эти должны придти непременно въ мое отсутствіе. И сегодня, когда я такъ особенно радостно настроена, навѣрное я узнаю, услышу что-нибудь хорошее. Письмо, новость, что-нибудь! Ужъ я знаю, знаю!..

И я довѣрчиво и весело смотрю въ темнѣющее весеннее небо, въ которомъ трепещутъ и вспыхиваютъ свѣтлыя зарницы.

Вотъ уже виднѣется мой вѣтрякъ; а вотъ и село. Лошади, чуя близость жилья, бѣгутъ быстрѣе. Наумъ оживляется, подтягивается и старается придать себѣ важную осанку. Собравшись съ духомъ, перелетаемъ черезъ старый соломенный мостъ съ огромной дырой, которую уже нѣсколько лѣтъ собираются починить, взлетаемъ на крутую горку. лихо проносимся мимо люлскихъ и кухни и останавливаемся у зеленой калитки, въ которой подбѣгаетъ Лизинъ инже-

неръ и, помогая намъ выбраться изъ экипажа, говорить скороговоркой и улыбаясь:

— Что-же это вы такъ пропали? Насъ пригласили, а сами не ѣдете! Ужь мы съ Петромъ Антоновичемъ хотѣли вамъ на встрѣчу ѣхать. Тутъ гость сидитъ какой-то. Съ умными разговорами!.. Ростомъ съ Петра Великаго!.. Бѣгите скорѣй переодѣваться.

В. Миклуличъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПѢСНЬ НЕРОНА.

Изъ В. Гюго.

(«Odes et ballades»).

Esclave, apporte moi des roses,
Le parfum des roses est doux...

Веселитесь, друзья! Не толпу безнадежно тоскующихъ,
Я увидѣть хочу беззаботныя лица пирующихъ!

Васъ на пиръ приглашаетъ Неронъ.

Полу-міра монархъ и властитель гармоніи,
Услаждая вашъ слухъ сладкозвучнымъ напѣвомъ Іоніи,
Выйдетъ самъ съ семиструнною лирою онъ.

Собирайтесь скорѣй! Никогда за трапезою нашею
Не давали испить наслажденье столь полною чашею
Ни Палладій, ни грекъ Агеноръ.

Этотъ пиръ далеко превзойдетъ пированія,
На которомъ Сенека, хвала мудрецовъ воздержаніе,
Плпъ фалернъ изъ безцѣнныхъ амфоръ.

Кто въ восторгѣ стоялъ предъ картиною столь изумительной
Даже въ полдень, когда красотой засіявъ ослѣпительной,
Появилась Аглая у насъ,

Съ обнаженною схожа Венерою,
И по Тибру скользя золоченой галерою,
Какъ видѣніе скрылась изъ глазъ.

Римъ въ огнѣ! Гордый Римъ весь объятъ пожирающимъ пламенемъ,
Надъ холмами его развернувшимся знаменемъ,
Не пугающимъ только меня.

Что борьба гладиаторовъ съ тиграми!
Въ этотъ мигъ, о друзья, мы любимся новыми играми:
Поединкомъ людей и огня.

Властелину земли, овладѣвшему вѣщими струнами,
Подобаеть порой, какъ Юпитеру, сыпать перунами,
Услаждая тоску, охватившую сердце его.

Ночь темнѣетъ, огонь разростается гидрой стоголавою, —
Приходите, друзья, полюбуйте моею забавою,
Началось торжество!

Колоннады, дворцы, съ драгоценными ихъ украшеньями —
Все огонь охватилъ, все облилъ смертоносными звеньями,
И какъ будто ласкается къ нимъ.

Тамъ въ объятяхъ его погибають роскошныя зданія...
Отчего и мои не смертельны лобзанія?
Я хочу убивать поцѣлуемъ однимъ!

Погибають дворцы, величавые храмы съ колоннами,
Необъятный просторъ огласился отчаянья стопами,
Гибнетъ Римъ, какъ разрушенный храмъ,
Полюбуйтесь картиной огня величавою:
Мѣдь и бронза текутъ, расплавляясь огненной лавою,
Къ мутнымъ Тибра волнамъ.

Капитолій, прости! Пламя вспыхнуло съ новою силою.
Эти арки дворца, возведеннаго Силлою,
Уподобились ада вратамъ роковымъ.

Такъ желаетъ Неронъ — и жилища да будутъ могилами!
Гдѣ безсмертья вѣнецъ, что когда-то сивиллами
Быль тебѣ предрекаемъ, о Римъ?

Какъ прекрасенъ пожаръ! О, клянуся, что въ эти мгновенія
Блескомъ славы своей затмѣваетъ на-вѣкъ безъ сравненія
Самого Герострата Неронъ!

Что мнѣ этотъ народъ, о спасеніи тщетно взывающій?
Уберите вѣнокъ, мнѣ чело обвивающій:
Отъ огня вянетъ онъ...

Если кровь обогреть вамъ одежды струею багровою —
Поспѣшите омыть ихъ за чашею новою
Драгоценнымъ хосскимъ виномъ.

Я въ стѣнахъ жертвъ не ищу наслажденія,
Я хочу, чтобы ихъ заглушили собой пѣнопѣнія,
Раздаваясь во мракѣ nocturno.

Легкомысленный Римъ я караю ужасною карою,
Этотъ Римъ, трепетавшій предъ вѣрою старою
 И внимавшій ученью Христа.
Я построю свой храмъ и пускай подъ священными сводами
Тѣ-же почести мнѣ воздаются народамъ,
 Пусть меня прославляютъ уста!

Разрушаю я Римъ, и ликую! Его разрушеніе
Повлечетъ за собой и креста рокового паденіе,
 И не страшень мнѣ будетъ Распятый Христосъ.
Христіанству—конецъ! Съ этихъ поръ я смѣюсь надъ угрозами.
Эй, рабы! Усыпайте носяпки мнѣ розами,
 Я люблю запахъ розъ!

1893 г.

О. Чюмина.

НОВЫЕ СОЮЗЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПѢ ¹⁾.

На нашихъ глазахъ совершаются въ союзахъ государствъ большія измѣненія и перемѣненія: не только падаютъ старыя, казавшіяся столь прочными, и завязываются новыя, но и кореннымъ перемѣнамъ подвергаются ихъ число, строй и преслѣдуемыя ими задачи. Все это крайне любопытно и не можетъ не остановить на себѣ вниманія каждаго серьезнаго человѣка. Всмотриваясь ближе въ происходящія тутъ явленія, не трудно свести новѣйшіе союзы къ слѣдующимъ пяти главнымъ типамъ: союзовъ политическихъ, экономическихъ, общественныхъ, юридическихъ и частныхъ, соединяющихъ между собою уже не правительства, а частныхъ лицъ различныхъ государствъ. Посмотримъ-же, въ чемъ заключается ихъ сущность и значеніе для нашего времени.

I.

Собственно подъ *политическимъ союзомъ* (alliance) разумѣютъ такое соглашеніе между государствами, когда они, въ виду общности своихъ политическихъ интересовъ, устанавливаютъ между собою совмѣстныя, общія дѣйствія. Подобные союзы нельзя смѣшивать ни съ формами сложнаго государства, — гдѣ для общихъ интересовъ ихъ членовъ создаются даже особыя, государственныя органы, — ни съ такими договорами, въ которыхъ стороны хотя принимаютъ на себя извѣстныя, одинаковыя обязательства, но безъ установленія совокупнаго дѣйствія, направленнаго къ осуществленію опредѣленной политической цѣли (напримѣръ, торговые договоры, конвенціи почтовыя, желѣзно-дорожныя, о выдачѣ преступниковъ и проч.) ²⁾. Союзы, насъ теперь занимающіе, могутъ быть заключаемы только между государствами независимыми (суверенными) и должны быть, по природѣ

¹⁾ Публичная лекція, читанная 3-го декабря 1893 года въ Историческомъ музеѣ въ пользу сельскихъ библиотекъ, устраиваемыхъ московскимъ комитетомъ грамотности.

²⁾ Статья *Геггера*: Allianz, въ Bluntschli's Deutsches Staats-Wörterbuch; 1857. B. I; S. 164—169.

foedera aequa, т. е. покоиться на равноправности сторонъ и, не посягая на ихъ самостоятельность, устанавливать, по возможности, одинаковыя для нихъ права и тягости. Союзы, нарушающіе это коренное правило, foedera pop aequa у римлянъ, вводятъ уже начало порабощенія слабѣйшаго сильнѣйшимъ и, поэтому, перестаютъ уже быть союзами.

Политическіе союзы восходятъ къ древнѣйшимъ эпохамъ исторіи: въ глубокой древности, когда народы жили въ полномъ разобщеніи и враждѣ другъ къ другу, мы уже встрѣчаемъ между ихъ правительствами союзы, которые хотя на время, подъ давленіемъ общихъ имъ нуждъ, сближали ихъ—чаще всего для борьбы противъ общаго врага. Исторія этихъ союзовъ ¹⁾ играла въ жизни народовъ не меньшую, если даже не болѣшую роль, чѣмъ войны, которыя они предпринимали, ибо ими чаще всего обусловливались возвышеніе или паденіе царствъ. Отсюда ихъ чрезвычайное число и разнообразіе; но писатели дѣлятъ ихъ, смотря по ихъ предметамъ (мирные союзы и заключенные на случай войны ²⁾), по ихъ дѣйствию (равные или неравные, общіе или спеціальные) и по времени, на которое они устанавливаются (срочные или вѣчные) ³⁾. Съ того времени, какъ окончательно сложились новыя европейскія государства и вступили въ оживленныя между собою сношенія, политическіе союзы стали появляться въ большомъ числѣ. Главною цѣлью при ихъ заключеніи дипломаты выставляли заботу о поддержаніи *политическаго равновѣсія*. Нельзя отрицать, что это пресловутое ученіе помѣшало осуществленію властолюбивыхъ замысловъ Испаніи, Австріи и Франціи: вызванныя имъ коалиціи спасли свободу Европы отъ такихъ завоевателей, какъ Карль I, Филиппъ II, Людовикъ XIV и Наполеонъ I. Но, съ другой стороны, шаткость и неопредѣленность этого понятія сдѣлали его, въ рукахъ дипломатовъ XVIII и частію даже XIX вѣка, желаннымъ орудіемъ безконечныхъ интригъ: никто, въ сущности, не помышлялъ при этомъ о законныхъ стремленіяхъ народовъ, объ естественныхъ условіяхъ ихъ существованія, а всѣ наперерывъ спѣшили другъ передъ другомъ во что бы то ни стало обогатиться на счетъ владѣній сосѣда. Союзники дѣлили добычу, чтобы вѣрнѣе удержать ими захваченное. На примѣрахъ намъ нечего останавливаться, ибо они слишкомъ извѣстны. Борьба монархической Европы съ французскою революціею выдвигаетъ на политическую арену новое начало — *легитимизма*. Во имя божественнаго права совершается рядъ вмѣшательствъ во

¹⁾ Много интересныхъ о нихъ свѣдѣній см. у *Гейкена* Bündnissverträge въ Holtzendorf's Handbuch des Völkerrechts. 1887; В. III; S. 113—139.

²⁾ Последніе раздѣляютъ далѣе на оборонительные, наступательные и такіе, которые преслѣдуютъ объ эти цѣли совмѣстно.

³⁾ Теорію политическихъ союзовъ излагаетъ обстоятельно, съ многочисленными ссылками на примѣры, взятые изъ исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій *Pradier-Fodéré. Traité de Droit international public. 1885. Т. II, p. 530—591.*

внутреннія дѣла слабѣйшихъ государствъ и такія вмѣшательства возводятся въ право. Но этой якобы охранительной политикѣ наносятъ сильные удары событія 1830 и особенно 1848 годовъ. Монархическая реакція усиливаетъ революціонныя броженія и почти всюду въ европейскомъ обществѣ пробуждаются *національности*. Придя въ сферѣ умственной къ самосознанію, онѣ начинаютъ добиваться и политической самостоятельности. Это вызываетъ немалыя передѣлки въ картѣ Европы. То, что было дипломатіею соединено, теперь разъединяется, но чаще видимъ явленіе обратное: сліяніе того, что дипломатія раздѣляла. Бельгія отдѣляется отъ Голландіи; германскій союзъ превращается въ имперію; Італія объединяется; дунайскія княжества сливаются въ Румынію; процессъ распада Турціи, хотя медленно, но продолжается неудержимо.

Какое смѣшеніе должно было все это произвести въ понятіяхъ дипломатовъ изъ старой школы — Талейрана и Меттерниха! На ихъ глазахъ падали искусно возведенныя ими системы, и событія слѣдовали одно за другимъ неожиданно и съ быстротою, какъ будто на театральномъ сценѣ!

Все это отразилось на новѣйшихъ союзахъ: они становятся рѣдки, робки, преходящи. Каждое государство боится связать свою участь съ другимъ при такой неустойчивости государственной жизни, когда со дня на день какой-либо переворотъ или преступленіе могутъ измѣнить какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю политику правительства. Вотъ почему за послѣднее десятилѣтіе союзы заключались не ради поддержанія общаго положенія Европы, а въ виду специальныхъ, рѣзко определенныхъ интересовъ, которые желали осуществить немедленно и даже чаще всего войною. Такова ихъ общая картина на западѣ Европы ¹⁾. Но не меньшее перемѣненіе въ нихъ замѣчаемъ, съ конца 70-хъ годовъ, и въ восточной ея половинѣ. Сдѣлавшись активнымъ членомъ европейской семьи народовъ, Россія особенно часто заключала союзы съ двумя ближайшими къ ней державами Германіи: съ Австріею и Пруссіею. Въ прошломъ столѣтіи эти соглашенія чередовались между собою, но въ нынѣшнемъ, со времени актовъ 1814 и 1815 годовъ, они слились какъ-бы въ одинъ общій великій союзъ трехъ восточныхъ дворовъ, который, за исключеніемъ нѣкоторыхъ въ немъ колебаній и частныхъ уклоненій, продолжался до возобновленія союза трехъ императоровъ на ихъ берлинскомъ съѣздѣ въ 1872 году. Союзъ этотъ покоился на общности и солидарности началъ той *консервативной* политики, которой въ цѣломъ держались кабинеты: русскій, австрійскій и прусскій. Ему противостояла политика западныхъ державъ, Франціи и Англіи, иногда также принимавшая форму союза, большею частью, однако, шедшая лишь совмѣстно; къ общимъ имъ поли-

¹⁾ *Rolin-Jaequemyns*. Les alliances européennes au point de vue du droit international. Тутъ приведены примѣры и послѣднихъ союзовъ, бывшихъ въ Европѣ съ 1853 г. (*Revue de Droit international*. 1888; p. 5—35).

тическимъ цѣлямъ, а иногда даже враждебно сталкивавшая объ эти державы между собою, вслѣдствіе какъ ихъ прошлыхъ традицій, такъ и неодинаковости ихъ политическихъ идеаловъ вообще.

Какъ бы то ни было, но до крымской войны Европа въ политическомъ отношеніи распадалась на эти два, довольно между собою противоположные, лагеря. Война 1853—56 г., а еще болѣе франко-германская оказали самое сильное дѣйствіе и на систему европейскихъ союзовъ. Россія, оскорбленная поведеніемъ Австріи въ эпоху севастопольской кампаніи, оставила ее въ войну 1866 г.; заступленіе ея за разгромленную Францію въ 1875 г. вызвало охлажденіе между нею и Пруссіею, превратившеюся теперь не безъ ея содѣйствія въ Германію, охлажденіе, которое усилилось послѣ злополучнаго берлинскаго конгресса 1878 г.

И теперь въ наши дни Европа опять представляетъ два обширные военные и политическіе лагеря, но дѣйствующія въ немъ лица размѣщаются уже совершенно иначе. Прежніе союзники оказались противниками, недавніе еще враги — друзьями. Какой интересный предметъ размышленій не только для историка, но даже и для психолога.

Главнымъ факторомъ, около котораго вращаются всѣ эти явленія, это такъ называемый *тройственный союзъ*¹⁾. Какъ извѣстно, первоначально онъ состоялъ изъ союза Германіи съ Австріею, заключеннаго Бисмаркомъ съ Андраши въ Вѣнѣ, 7 октября 1879 г., вскорѣ послѣ свиданія императоровъ Александра II и Вильгельма I въ Александровѣ. Говорятъ, престарѣлый германскій императоръ долго не хотѣлъ подписать вѣнскаго акта, и только настойчивость Бисмарка побудила его къ этому. Вѣнскимъ соглашеніемъ союзъ трехъ имперій превращался въ союзъ двухъ и Пруссія великодушно протягивала руку своей старинной соперницѣ, которую она еще недавно такъ насильственно выкинула изъ Германіи. Въ октябрѣ 1887 г., вслѣдствіе поѣздки Криспи къ Бисмарку во Фридрихсруэ, состоялось присоединеніе Италіи къ обѣимъ средне-европейскимъ державамъ. До 2 февраля 1888 г. союзники хранили въ тайнѣ свое соглашеніе, но въ этотъ день, по предварительному ихъ рѣшенію, вѣнскій договоръ былъ опубликованъ одновременно въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Говорятъ, что нашему Государю онъ былъ сообщенъ конфиденціально еще въ сентябрѣ 1886 г., въ эпоху удаленія Баттенберга изъ Болгаріи и предпринятія туда поѣздки генераломъ Каульбарсомъ.

¹⁾ *Rolin-Jacquemys*. Назв. ст. La Triple Alliance (въ *Revue des Deux Mondes* 1891. 15 février безъ имени автора). Содержитъ много интересныхъ данныхъ, между прочимъ очеркъ политикъ Бисмарка и его отношеній къ Россіи. Авторъ осуждаетъ этотъ союзъ.

Татищевъ. Императоръ Николай и иностранные дворы 1889; стр. 455 сл. Недавно вышла брошюра: *Geffcken*. Frankreich, Russland und der Dreibund Geschichtliche Rückblicke für die Gegenwart 1893.

Соглашеніе же Италіи съ нѣмецкими державами по сей часъ не обнародовано (официально): мы даже не знаемъ, выражается-ли оно въ одномъ общемъ договорѣ, или, какъ утверждаютъ нѣкоторые, въ двухъ различныхъ актахъ съ каждою изъ сторонъ.

Въ виду капитальной важности для нашего времени тройного союза, прославляемаго его составителями какъ «лига мира», а противниками его — клеймимаго, какъ главная причина безвыходнаго современнаго положенія Европы, — необходимо ознакомиться съ содержаніемъ создавшаго его *вѣнскаго договора*.

Ему предшествуетъ вступленіе, въ которомъ стороны излагаютъ причины, побудившія ихъ связать себя взаимнымъ обязательствомъ. Такихъ причинъ приводится три: во первыхъ, императоры германскій и австрійскій провозглашаютъ своимъ долгомъ заботиться во всѣхъ обстоятельствахъ о безопасности ихъ имперій и спокойствіи ихъ народовъ; во вторыхъ они находятъ, что этотъ долгъ будетъ ими выполненъ легче и дѣйствительнѣе, если обѣ имперіи тѣсно сплотятся, на подобіе прежде существовавшему между ними союзу, и въ третьихъ, они полагаютъ, что такое тѣсное соглашеніе Германіи съ Австро-Венгрією не можетъ угрожать никому, но способно укрѣпить миръ въ Европѣ, созданный постановленіями берлинскаго трактата ¹⁾. Въ силу этихъ соображеній оба императора рѣшили заключить между собою союзъ мира и взаимной защиты, торжественно обѣщавъ другъ другу никогда не придавать этому чисто-оборонительному соглашенію наступательный характеръ.

Самый договоръ содержитъ въ себѣ три статьи.

Ст. I. Если бы, вопреки всякому ожиданію и искреннему желанію обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, одна изъ нихъ подверглась нападению со стороны Россіи, то обѣ онѣ обязаны оказать другъ другу поддержку всѣми своими вооруженными силами и не заключать мира иначе, какъ вмѣстѣ и по общему согласію.

Ст. II. Если-бы на одну изъ сторонъ напала какая либо иная держава, то другая сторона смѣ обязывается не только не оказывать поддержки державѣ нападающей, но соблюдать по отношенію къ своему союзнику благожелательный нейтралитетъ. Но если-бы однако, въ этомъ случаѣ нападающая держава была поддержана какимъ-бы то ни было способомъ Россією, подъ видомъ-ли активнаго содѣйствія, или же военными мѣрами, угрожающими для державы, подвергнувшейся нападению, — то обязательство взаимной помощи всѣми военными силами, предусмотрѣнное ст. I настоящаго договора, вступаетъ немедленно въ силу и съ этого момента война ведется обѣими сторонами вмѣстѣ до заключенія ими мира сообща.

¹⁾ По намѣренію сторонъ, проявляемому ими въ договорѣ, имъ слѣдовало-бы прибавить: и франкфуртскаго мирнаго трактата (1871 г.).

Ст. III. Настоящій договоръ, въ виду его мирнаго характера и дабы предотвратить всякое его ложное толкованіе, сохраняется втайнѣ обѣими сторонами и можетъ быть сообщенъ третьей державѣ лишь съ ихъ взаимнаго согласія и въ условленной степени. Основываясь на чувствахъ, выраженныхъ императоромъ Александромъ при свиданіи въ Александровѣ, обѣ стороны питаютъ надежду, что вооруженія Россіи не примутъ угрожающаго для нихъ характера и заявляютъ поэтому, что въ настоящую минуту у нихъ нѣтъ никакой причины дѣлать сообщеніе. Но если бы, однако, вопреки ихъ ожиданію, надежда эта не оправдалась, обѣ стороны сочтутъ за долгъ чести предупредить по крайней мѣрѣ конфиденціально императора Александра, что онѣ сочтутъ нападеніе на одну изъ нихъ, какъ направленное противъ нихъ обѣихъ. Вѣнскимъ договоромъ ¹⁾ предусматриваются *три условія* вступленія союза въ силу (*casus foederis*): а) нападеніе Россіи на одного изъ контрагентовъ обязуетъ другого къ помощи всѣми его военными силами; б) нападеніе на одного изъ союзниковъ со стороны иной державы, кромѣ Россіи: другой соблюдаетъ, по отношенію къ своему союзнику, благожелательный нейтралитетъ. Этимъ ограничивается его обязательство, пока не вступится въ дѣло Россія, и в) нападеніе, направленное противъ одной изъ договаривающихся сторонъ какою-либо третьей державою, но съ поддержкой, прямой или косвенной, Россіи: другая сторона приходитъ на помощь союзнику со всѣми своими военными силами и, какъ въ первомъ случаѣ, сливается свое дѣло съ нимъ.

Разсматривая эти условія мы прежде всего должны оговориться, что не можемъ согласиться съ тѣми, которые (какъ напр. Татищевъ) утверждаютъ будто австро-нѣмецкій союзный договоръ направленъ не противъ кого нкого, какъ противъ Россіи и противъ нея одной. О Франціи, говорятъ, въ немъ даже не упоминается ²⁾. Франція не называется, но упоминается *другая держава* и предусматривается случай помощи со стороны Россіи этой державѣ въ ея нападеніи (*agresseur*). Вопросъ въ томъ: кого слѣдуетъ разумѣть подъ этою другою державою (*une autre puissance*)? Принимая въ соображеніе обстоятельства, среди которыхъ былъ подписанъ вѣнскій договоръ, нельзя не согласиться съ Ролень-Жекменомъ, что подъ этою другою державою можно было тогда разумѣть столько же Францію, какъ и Италію. Въ то время въ Италіи было довольно сильно ирредентистское движеніе, антипатіи противъ Австріи далеко еще не улеглись и можно было опасаться враждебнаго столкновенія между этими старинными врагами. Позднѣе, съ присоединеніемъ Италіи къ австро-гер-

¹⁾ Замѣтимъ еще, что онъ заключенъ не на срокъ и подписанъ бывшимъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ кн. Рейссомъ и гр. Андраши. По утвержденіямъ газетъ, онъ возобновленъ до 1903 года.

²⁾ Татищевъ, назв. соч. стр. 458.

манскому союзу, эта опасность, до извѣстной степени, устранилась. Италію не мало осуждали за этотъ шагъ, но, съ другой стороны, въ защиту его приводили: желаніе ея не остаться изолированной, оградить себя отъ пронсковь ультрамонтанъ, все еще мечтающихъ о возвращеніи Рима папѣ, и нѣкоторыя опасенія ея Франціи, занявшей (въ формѣ протектората) Тунисъ.

Одинъ изъ западныхъ писателей, Ролень-Жекменъ, относящійся къ тройному союзу весьма сочувственно, такъ опредѣляетъ его значеніе: въ отличіе отъ прежнихъ политическихъ союзовъ, онъ заключенъ не въ видахъ защиты какого-либо опредѣленнаго принципа или правила, въ родѣ: политическаго равновѣсія, легитимизма, преобладанія извѣстнаго царствующаго дома, а направляется къ поддержанію существующаго нынѣ въ Европѣ (территоріальнаго) порядка. Цѣль эта проста, но тѣмъ не менѣе велика и благотворна, ибо ею обезпечивается миръ. Въ связи съ этимъ— и строго-оборонительный характеръ союза. Въ частности же онъ долженъ оградить: Германію отъ соединенныхъ силъ Франціи и Россіи, если бы эти державы на нее напали, Австрію — отъ Россіи, при возможной между ними войнѣ изъ-за балканскихъ замѣшательствъ и Италію отъ посягательствъ ультрамонтанъ на Римъ. Тотъ же авторъ отрицаетъ враждебный характеръ союза противъ кого-либо: обязанность союзниковъ оказывать другъ другу помощь поставлена, въ вѣнскомъ договорѣ, въ зависимость отъ суспенсивнаго условія, зависящаго отъ воли третьихъ государствъ, именно отъ факта *нападенія* съ ихъ стороны на союзниковъ. Поэтому, въ самомъ союзѣ ничего не лежитъ еще враждебнаго противъ Россіи или Франціи. Но понятіе «благожелательнаго нейтралитета», хотя и допускавшееся прежними писателями, должно быть отвергнуто, какъ неточное и неюридическое: нейтралитетъ благожелательный по отношенію къ одному воюющему, становится недоброжелательнымъ, и поэтому несправедливымъ по отношенію къ другому воюющему, въ чемъ бы онъ ни выразился: въ снабженіи ли одной изъ воюющихъ сторонъ оружіемъ или припасами, въ дозволеніи ли ей прохода чрезъ свою территорію и т. п. Нейтралитетъ существуетъ только пока онъ дѣйствительно и строго соблюдается относительно всѣхъ враждующихъ.

Такъ представляется дѣло съ формальной юридической точки зрѣнія; творцы тройственной лиги говорятъ намъ, заботясь о предотвращеніи грозящихъ имъ опасностей, имѣли въ виду вообще упроченіе мира въ нашей части свѣта, а развѣ, при теперешнихъ порядкахъ, это не наиболѣе благоприятное условіе для развитія цивилизаціи и даже справедливости въ сношеніяхъ народовъ? Нѣтъ, отвѣтимъ мы на этотъ вопросъ бельгійскаго ученаго. Взгляните на прославляемую вами лигу глубже, съ политической, т. е. жизненной стороны. Даже оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ: она ли угрожаетъ своимъ противникамъ, или послѣдніе ей, мы видимъ,

что, при ея воздѣйствіи, именно миръ въ Европѣ не упрочивается, а становится все болѣе шаткимъ и тягостнымъ, вооруженія всѣхъ только усиливаются, долги и налоги въ такой же прогрессіи растутъ, антагонизмъ соперниковъ лишь обостряется и т. д. Очевидно, это миръ не настоящій, жалкая на него пародія! Самъ Ролень-Жежменъ сознается, что въ мирѣ нельзя видѣть единственный предметъ международной политики. Выше его—стоитъ справедливость, т. е. внутренняя правда отношеній. А съ этой стороны каковы плоды лиги?

Однимъ изъ ея послѣдствій было содѣйствіе сближенію между тѣми ея противниками, противъ которыхъ она болѣе всего направлена—между Россіею и Франціею. Пережитыя нами недавно проявленія этого сближенія по-истинѣ похожи на какую-то феерію! Два народа, правительства которыхъ въ прошломъ рѣдко шли объ руку и не разъ вели между собою отечественныя войны, два народа, столь различные по своимъ политическому строю и идеалу, вдругъ протягиваютъ другъ другу руку не только сближенія, но дружбы, самой горячей, безпредѣльной. Явленіе небывалое, по которому можно видѣть, что такое *дружба народовъ*, въ противоположность собственно *политическимъ союзамъ кабинетовъ*. Съ внѣшней стороны неподготовленная, дружба эта сказалась: въ горячности чувствъ, охватившихъ населенія обѣихъ сторонъ, безъ различія въ нихъ политическихъ лагерей и стремленій; въ необыкновенно тактичномъ воздержаніи обидныхъ или вызывающихъ выходовъ по адресу противниковъ; наконецъ, въ неменѣе страстномъ желаніи поддержать и укрѣпить чрезъ это вѣчно-угрожаемый въ Европѣ миръ. Значитъ, также союзъ строго-оборонительный, но во сколько разъ болѣе надежный, ибо онъ проходитъ чрезъ разнообразнѣйшіе слои самихъ населеній. Причины, его вызвавшія, были не только, какъ въ прежнихъ союзахъ правительствъ, общіе политическіе интересы въ виду возможнаго общаго врага, но и болѣе сильныя факторы: сочувствіе душъ вслѣдствіе немаловажнаго ихъ внутреннаго сродства, — продуктъ, быть можетъ, столько же ихъ природы, какъ и взаимоотношеній за послѣдніе два вѣка. Союзы, покоящіеся на такихъ основахъ, самыя прочныя: они никому не угрожаютъ, не зависятъ отъ временныхъ колебаній политики, не нуждаются въ письменныхъ ихъ закрѣпленіяхъ и съ теченіемъ времени торжествуютъ надъ своими противниками болѣе всего силою своего нравственнаго авторитета. Того же самаго желаемъ мы и русско-французскому союзу, хотя и не знаемъ, повелъ ли онъ, или нѣтъ, въ какому-либо писанному акту между правительствами и въ чемъ собственно намѣчена, ради блага самихъ его участниковъ и ради общаго мира, его политическая программа?

II.

Переходя къ области *экономическихъ* отношеній, мы встрѣчаемся едва-ли не съ большимъ еще, чѣмъ на почвѣ политики, антагонизмомъ и враждою между народами. Но борьба тутъ ведется, по выраженію Бисмарка, не кровью, а золотомъ. Многие утѣшаютъ себя мыслью, будто эта экономическая вражда, доходившая въ послѣднее время до настоящихъ тарифныхъ войнъ¹⁾, совмѣстима съ политическимъ миромъ. Но это грубая ошибка. Въ частной жизни мы видимъ, что лица изъ-за денежныхъ вопросовъ ощущаютъ иной разъ другъ къ другу глубокую ненависть, доводящую ихъ даже до преступленій. И въ международномъ быту эта экономическая рознь въ сильной степени подрываетъ политическій миръ, накопляя между современными государствами тотъ опасный и горячій матеріалъ взаимнаго недружелюбія и раздраженія, изъ котораго такъ легко могутъ воспламениться и войны.

Въ сферѣ экономической борются, какъ извѣстно, два противоположныхъ направленія: охранительное (протекціонизмъ) и система свободной торговли. Оба стремятся къ одной и той же конечной цѣли — къ наибольшему поднятію и развитію національнаго труда и благосостоянія, — но понимаютъ они эту цѣль различно и поэтому идутъ къ ней неодинаково. Отсюда нескончаемые споры между ихъ приверженцами какъ въ теоріи, такъ еще болѣе на практикѣ. Справедливо говорить, что это происходитъ отъ тенденціозности и отвлеченнаго, апіорнаго характера, съ которыми большею частію ведутся эти споры. Выставляется какой-либо принципъ и затѣмъ къ нему подбираются факты съ извѣстною, предвзятою односторонностію. Писатели проявляютъ не мало ловкости и таланта при изложеніи своей темы, но, въ сущности, доводы ихъ неубѣдительны. Особенно нельзя всецѣло полагаться — какъ показываетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, Poincard²⁾ — на цифры представленныя намъ таможенною статистикою. Это — величины фантастичныя. Контроль, производимый таможеню надъ экономическимъ оборотомъ, не на столько серьезенъ, чтобы служить надежною опорою для выводовъ и хозяйственныхъ явленій извѣстной страны вообще. Это убѣдительно доказываетъ названный нами авторъ, который, безъ предвзятыхъ идей, изъ тщательнаго изученія и сопоставленія фактовъ, старается опредѣлить относительное значеніе въ хозяйственной жизни народовъ обѣихъ системъ: охранительной и свободной. Существующія госу-

¹⁾ Въ состояніи такой войны находились недавно между собою: Франція и Италія, Россія и Германія.

²⁾ Poincard. Libre—Echange et Protection. La politique douanière de tous les pays expliquée par les circonstances de leur état social et économique. 1893.

дарства онъ, въ этомъ отношеніи, дѣлится на два главные типа, съ двумя дальнѣйшими подраздѣленіями каждаго изъ нихъ и, въ общемъ выводѣ, склоняется къ свободѣ торговли, наиболѣе подходящей для странъ, хорошо организованныхъ и на столько богатыхъ и снабженныхъ орудіями производства, что онѣ могутъ производить много и дешево. Если же на практикѣ приходится уклоняться отъ этого идеала и прибѣгать къ охранѣ національной промышленности, это должно дѣлать всегда съ большою осмотрительностью и умѣренностью. Не слѣдуетъ забывать, что такая охрана мало надежна сама по себѣ и если приноситъ пользу, то развѣ тамъ, гдѣ уже существуетъ дѣйствительно развитая промышленная дѣятельность. Въ случаяхъ же слабости послѣдней правительственная охрана ослабитъ ее еще болѣе и превратитъ въ безплодную рутину ¹⁾,

На практикѣ охранительная система всегда преобладала: до половины нашего столѣтія она царила почти нераздѣльно, и если договоры 60-хъ годовъ ее нѣсколько поколебали, то съ 80-хъ годовъ она снова возродилась и продолжаетъ съ тѣхъ поръ все усиливаться. Отправляясь отъ принципа *экономической независимости* народовъ, она хочетъ посредствомъ содѣйствія ихъ національному труду сдѣлать ихъ въ области хозяйственной, самодовольными и самостоятельными. Однимъ изъ ея главныхъ орудій являются, какъ извѣстно, *автономные* или *независимые тарифы*, издаваемые правительствами односторонне, на подобіе любимымъ законамъ. Въ наши дни эта система отождествляется съ національнымъ направленіемъ въ политикѣ вообще, такъ что противоположная ей система свободной торговли клеймится многими, какъ антипатріотичная, вредная и т. д. Особенно рѣзки нападки на требуемые послѣднею *торговые договоры* съ ихъ *договорными тарифами* и прочими ограниченіями, которыя будто-бы ведутъ насъ къ порабощенію иностранцами. Но кто же не видитъ крайностей такихъ утверждений? Они могутъ еще исходить отъ аграріевъ и отъ представителей той или иной крупной отрасли промышленности, но не отъ *науки*, говорящей отъ имени *благосостоянія цѣлаго населенія* при современныхъ условіяхъ экономической жизни народовъ. Оставляя въ сторонѣ развѣ такіе два великіе и своеобразные народа, какъ русскій и сѣверо-американскій, мы должны сказать, что для остальныхъ спасительною является ихъ *взаимная экономическая зависимость*, а не независимость. Современное крупное производство, покоящееся на раздѣленіи и спеціализаціи труда и требующее столь большихъ капиталовъ, можетъ развиваться лишь подъ условіемъ нахождения возможно обширнаго рынка для сбыта своихъ продуктовъ. Для него такія территоріи, какъ Франція и Германія, представляются уже очень неболь-

¹⁾ См. рецензію *Cruchon* на книгу *Poinsard* въ *Annales de L'Ecole libre des Sciences politiques*; 15 Avr. 1893; p. 367.

шими, что-то въ родѣ уѣзда или городского квартала! Съ этимъ каштальнымъ *интересомъ промышленности въ цѣломъ* совпадаютъ, съ другой стороны, и *интересы большинства населенія*; оно хочетъ, чтобы всѣ экономическія силы страны направлялись къ одной главной цѣли: къ доставкѣ потребителямъ возможно бѣльшаго количества товаровъ по самой низкой цѣнѣ, но возможно лучшаго качества, какъ относительно добротности сырья, такъ и обрабатываемыхъ изъ него продуктовъ ¹⁾.

Удовлетвореніе этимъ запросамъ жизни и имѣетъ болѣе всего въ виду теорія *свободы обмѣна*, вовсе не чуждая, какъ обвиняють ее ея противники, заботамъ и о поднятїи народнаго труда, но понимающая этотъ вопросъ въ болѣе широкомъ и, для массы населенія, болѣе справедливымъ смыслѣ. Затѣмъ не слѣдуетъ забывать, что мы говоримъ о свободѣ торговли въ *относительномъ*, а не абсолютномъ смыслѣ. Даже Англія не достигла послѣдней, и еще вопросъ, можетъ ли она когда наступить въ дѣйствительности, ибо это предположило бы уничтоженіе между государствами даже финансовыхъ пошлинъ, вытекающихъ изъ національныхъ особенностей того или другого народа. Вотъ почему мы говоримъ, и на долго еще будемъ говорить, лишь объ относительной свободѣ торговли, по скольку таковая сказывается въ заключаемыхъ государствами *торговыхъ договорахъ* и соглашеніяхъ. Весьма любопытна исторія ихъ въ нашемъ столѣтїи ²⁾. Въ ней проявилось троякое теченіе.

Въ знаменитой континентальной системѣ Наполеонъ I-й сдѣлалъ грандіозную попытку сломить морское и торговое могущество Англіи, но это ему не только не удалось, но и отразилось гибельно на торговлѣ самого нашего материка. Возрѣній охранительной торговой политики особенно упорно держалась Франція: даже правительство Людовика-Филиппа, въ виду оппозиціи крупныхъ промышленниковъ, не смѣло ступить на болѣе либеральный путь и отказалось отъ плана о таможенномъ союзѣ между Франціею и Бельгіею. Первая изъ европейскихъ державъ, смѣло порвавшая въ этомъ отношенїи съ традиціями прошлаго, была Пруссія. Побуждаемая разьединенностью своей территорїи, она ступила на путь торговыхъ соглашеній съ своими нѣмецкими сосѣдями въ видахъ устраненія безчисленныхъ таможенныхъ преградъ, задерживавшихъ, внутри

¹⁾ *Moireau. Le tarif minimum et les conventions commerciales (Revue des Deux Mondes. 1892; 1 Dec.).*

Поль Леруа-Болле. Торговые трактаты центральной Европы и торговыя конвенціи американскихъ государствъ («Экономическій Журналъ»; сент.—окт. 1892 г.).

²⁾ Она мастерски изложена у *Мелле*, который даетъ намъ и обстоятельную пхъ теорїю на основанїи богатаго фактическаго матеріала (изъ договоровъ 1860—85 гг.), расположеннаго въ юридическомъ порядкѣ съ многочисленными указаціями на литературу. *Werner von Melle. Handels-, und Schiffahrtsverträge (Holtzendorffs Handbuch des Völkerrechts. B. III. S. 141—256).*

Германіи, свободное передвиженіе лицъ и товаровъ. Результатомъ этихъ усилій явился таможенный союзъ (1833 г.), въ столь значительной степени подготовившій объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи ¹⁾.

Даже Англія слѣдовала, въ продолженіе двухъ вѣковъ, протекціонной политикѣ, созданной навигаціоннымъ актомъ Кромвеля (1651 г.). Она считалась главнымъ оплотомъ ея благосостоянія и лишь съ устраненіемъ старыхъ запретительныхъ законовъ о хлѣбной торговлѣ (1849 г.), пала вся эта система. Гавани Великобританіи открылись для судовъ всѣхъ народовъ, изъ какой-бы части свѣта они ни привозили товары.

Рѣшительный поворотъ въ пользу свободной торговли былъ сдѣланъ Наполеономъ III, заключеніемъ знаменитаго торговаго договора съ Англіею, въ 1860 г. За нимъ слѣдовали такія-же соглашенія съ другими государствами. Австрія вступила на этотъ-же путь лишь въ 1865 г. (договоромъ съ таможеннымъ союзомъ). Хотя всѣ эти трактаты заключались на опредѣленный срокъ (отъ 3—28 лѣтъ) и представляли не мало разнообразія въ частностяхъ, но въ цѣломъ они установили опредѣленную, довольно свободную систему торговыхъ сношеній между народами западной Европы. Извѣстные принципы въ нихъ стали признаваться постоянно; таковы: условія о наиболѣе благоприятствуемой націи, объ уравниніи иностранцевъ въ гражданскихъ правахъ съ туземцами (съ тѣми или иными видоизмѣненіями) и т. д.

Въ общественное сознаніе проникла мысль о выгодности и необходимости такихъ соглашеній. Поняли, что каждое государство, стоя на почвѣ собственныхъ торговыхъ интересовъ, должно однако прямо и благожелательно относиться къ таковымъ-же интересамъ другихъ странъ, если оно желаетъ вступить съ ними въ торговые соглашенія и извлечь изъ нихъ не мимолетную, а прочную для себя пользу. Заключеніе подобныхъ договоровъ перестало быть, какъ прежде, дѣломъ взаимныхъ обмановъ и нескончаемыхъ интригъ между участниками, а возлагаетъ нынѣ на нихъ обязанность серьезнаго и всесторонняго изученія экономической жизни, какъ отечественной, такъ и иностранной.

Внѣ этого движенія 60-хъ годовъ и вѣрными протекціонизму остался Россія, С. Штаты, Испанія и Турція. Впрочемъ и на Западѣ оно чрезъ 20 лѣтъ уступило снова мѣсто реакціонному теченію. Кн. Бисмаркъ круто повернулъ съ 1879 г. къ охранительной системѣ, что и отразилось на нѣмецкомъ таможенномъ тарифѣ этого года и на послѣдовавшихъ затѣмъ торговыхъ договорахъ Германіи съ иностранными правительствами.

«Къ какимъ результатамъ поведетъ эта новѣйшая ея таможенная политика,—замѣчаетъ Мелле,—и долго-ли она продлится, мы пока не знаемъ. Во всякомъ случаѣ о ней нельзя не пожалѣть съ точки зрѣнія между-

¹⁾ Исторію его излагаетъ весьма хорошо *Мелле*, назв. ст. стр. 162, сл.

народнаго оборота, ибо ею характеризуется серьезный шагъ назадъ, который угрожаетъ уничтоженіемъ результатамъ, достигнутымъ благодаря либеральнымъ торговымъ договорамъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Величіе, основанной Наполеономъ III и столь энергично поддержанной Англіею и Пруссіею системы, лежитъ въ сознаніи той истины, что торговля и производство отдѣльнаго народа лучше всего развиваются чрезъ облегченіе сношеній его съ другими. Если вновь воздвигаемыми таможенными преградами хотять постепенно отказаться отъ всего уже сдѣланнаго и снова искусственно обособить государства другъ отъ друга, то имѣли бы на это право, если бы на самомъ дѣлѣ прежніе принципы болѣе свободной торговой политики угрожали хозяйственному благосостоянію народовъ. Доказать это пытались, правда, многіе, но доселѣ не на столько убѣдительно, чтобы правительствамъ слѣдовало тутъ вдругъ отказаться отъ всего, что въ продолженіе десятилѣтій прославлялось какъ прогрессъ нашего вѣка».

По тому-же пути рѣзкаго усиленія протекціонизма пошла въ наши дни и Франція. Въ этомъ отношеніи третья республика оказалась болѣе консервативна, чѣмъ вторая имперія. Уже французскій тарифъ 1881 г. явился компромиссомъ между существовавшимъ тогда у нея договорнымъ тарифомъ и требованіями охранителей ея экономической будто-бы независимости. Но болѣе рѣшительный шагъ, въ послѣднемъ направленіи, сдѣланъ ею въ ея новѣйшемъ тарифѣ 11 января 1892 г., совпавшій съ истеченіемъ срока, 1 февраля того-же года, ея торговыхъ договоровъ съ иностранными дворами. О возобновленіи ихъ на прежнихъ основаніяхъ не могло быть и рѣчи. Франція, въ сферѣ экономической, очутилась изолированной, и эта отчужденность ея только усилится, если она будетъ продолжать развивать новыя начала своей таможенной политики. Справедливо указываютъ противники послѣдней, что подобное положеніе менѣе всего соотвѣтствуетъ какъ интересамъ ея промышленности, требующей для себя болѣе обширнаго рынка, такъ даже и самому національному генію Франціи, всегда стремившемуся къ воздѣйствію на другіе народы. Послѣдній тарифъ подарилъ ее двойною, весьма запутанною системою тарифныхъ ставокъ, предназначенныхъ какъ-бы для времени таможенной войны и для мирныхъ, нормальныхъ сношеній. *Максимальный тарифъ* долженъ примѣняться къ произведеніямъ странъ, съ которыми Франція не вступитъ въ торговые соглашенія, *минимальный тарифъ* будетъ служить отвѣтомъ тѣмъ странамъ, которыя и французскимъ товарамъ окажутъ у себя подобную-же льготу наименьшаго обложенія. Для увеличенія произрастающей отсюда путаницы, французское правительство поспѣшило еще оговориться, что оно удерживаетъ за собою право примѣнять пошлины и еще болѣе возвышенныя, чѣмъ въ максимальномъ тарифѣ (къ произведеніямъ тѣхъ государствъ, таможенный режимъ которыхъ будетъ

особенно суровъ по отношенію къ Франціи) ¹⁾, а также право назначать въ своихъ торговыхъ соглашеніяхъ пошлины и ниже существующихъ въ минимальномъ тарифѣ. «Мы находимся,—говоритъ Лёруа-Больё, въ полной неурядицѣ. Очевидно, что ни правительство, ни палаты наши не признавали того, что они дѣлаютъ. Они не приняты во вниманіе всѣ другія существующія государства; они считали возможнымъ установить правила своимъ собственнымъ авторитетомъ для экономическихъ отношеній Франціи съ иностранными государствами, забывая, что дѣло идетъ тутъ о высшихъ сношеніяхъ, въ которыхъ Франція не одна и не можетъ играть роли повелительницы и что въ договорахъ, какова-бы ни была ихъ форма и продолжительность, надо принимать въ расчетъ волю, интересы и даже самыя предразсудки каждаго вступающаго въ нихъ. И вотъ французское правительство вслѣдъ за тѣмъ стало вести переговоры если не о торговыхъ *трактатахъ*, то по крайней мѣрѣ о торговыхъ *конвенціяхъ*. Оно хотѣло сохранить сущность дѣла, но смягчить его посредствомъ подысканія для него выраженія, менѣе дискредитированнаго. Конвенціи эти, которыя хотятъ выработать, не будутъ имѣть значенія равносильнаго съ торговыми трактатами: онѣ устанавливають только годичный срокъ, не содержатъ опредѣленныхъ тарифовъ; словомъ, не представляютъ никакой устойчивости» ²⁾. Безъ ограниченія-же тарифовъ договорнымъ путемъ немыслима никакая твердость въ торговыхъ сношеніяхъ. Не менѣе важна и другая, внутренняя сторона дѣла: общее вздорожаніе товаровъ, какъ продуктъ усилившагося протекціонизма: «у насъ во Франціи,—замѣчаетъ Муаро, — обложено пошлинами почти все, что населеніе ѣстъ и пьетъ. Не только вздорожали товары, которые послѣ предметовъ первой необходимости, полезны или просто пріятны для жизни, но обложили даже хлѣбъ, мясо и вино — эти три необходимѣйшіе продукта потребленія для населенія, которое уже перестало размножаться» ³⁾.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что протекціонизмъ вообще за эти послѣдніе года усилился во всемъ цивилизованномъ мірѣ: вездѣ наблюдается повышеніе тарифовъ за исключеніемъ Англій, Голландіи и Норвегіи. Даже Швейцарія не отстала отъ этого движенія. Въ Россіи недавно введенъ двойной тарифъ; въ Испаніи существуетъ даже тройной ⁴⁾; въ С.-Штатахъ, актомъ Макъ-Кинлея (1890 г.), новый таможенный режимъ превращаетъ несчастнаго импортера въ раба, съ которымъ таможенные власти могутъ поступать, какъ имъ угодно. Это, въ сущности, система полного запрета иностранной торговли. Канада послѣдо-

¹⁾ Намекъ на Италію и, можетъ быть, на С. Штаты.

²⁾ Названная статья.

³⁾ Наз. ст.

⁴⁾ Максимальный, минимальный и договорный съ нѣкоторыми странами (напр. Англію).

вала за Штатами по пути таможенныхъ строгостей: въ цѣломъ рядѣ законовъ, изданныхъ въ послѣднее время, она продолжала измѣнять свой тарифъ въ усиливавшемся ограничительномъ направленіи. За нѣкоторыми исключеніями и республики Центральной и Южной Америки относятся враждебно къ свободной торговой политикѣ.

Не смотря на столь рѣшительное возобладавіе въ наши дни протекціонизма можно подмѣтить, однако, въ экономическомъ мірѣ, и другое еще теченіе, толкающее народы къ образованію болѣе или менѣе крупныхъ *таможенныхъ союзовъ*. Во главѣ этого движенія видимъ Германію и С. Штаты.

Леруа-Болье, жалуясь на близорукость французскаго правительства, указываетъ на образованіе, въ современномъ цивилизованномъ мірѣ, трехъ главныхъ группъ народовъ: 1) Великобританія съ своими колоніями занимаетъ 23 мил. квадр. километровъ или 17% всей земной поверхности съ населеніемъ въ 313 милл. жит. или 21% народонаселенія земнаго шара; 2) Россія простирается на 21 милл. кв. кл. или 16% всего земнаго пространства съ 105 милл. жит. (или скорѣе 100—115 милл.), т. е. 7% всего народонаселенія земли; наконецъ, 3) С. Штаты, если-бы имъ удалось осуществить ихъ проектъ торговаго союза трехъ Америкъ, заключилъ-бы въ себѣ 30 милл. кв. кл. и болѣе 108 милл. жит., тоже около 7% всего земнаго народонаселенія. Въ виду этихъ трехъ гигантскихъ системъ, что могутъ сдѣлать маленькія національности западной и центральной Европы при своей раздробленности и обособленіи? Какъ могутъ у нихъ впредь развиваться раздѣленіе труда, спеціализація промышленности и распространеніе техническаго прогресса? Всѣ эти условія труда, по неоспоримому закону, зависятъ отъ обширности рынка. Малочисленность націй западной и центральной Европы будетъ проявляться рѣзче съ каждымъ годомъ. Паденіе ихъ достовѣрно, ибо онѣ будутъ поражены прогрессивной анеміей. Чрезъ нѣсколько десятилѣтій онѣ превратятся въ маленькіе старо-буржуазные городки, въ которыхъ еще встрѣчаются, благодаря бережливости, нѣкоторыя частныя состоянія, но откуда жизнь и движеніе постоянно исчезаютъ.

Идея обширныхъ торговыхъ группировокъ становится все болѣе и болѣе необходимой для нашей цивилизаціи. Франція, всегда протестовавшая противъ монополій и отличавшаяся своими широкими идеями, должна была-бы въ этомъ дѣлѣ взять на себя инициативу, но дала опередить себя Германіи. Какъ извѣстно на нашихъ глазахъ смѣлая и предприимчивая Пруссія возвратилась къ своимъ старымъ традиціямъ, отъ которыхъ 12 лѣтъ тому назадъ удалось уклонить ее Бисмарку ¹⁾. 6 декабря 1891 г. державы тройственнаго союза, послѣ долгихъ переговоровъ, под-

¹⁾ Экономическій Журн. тамъ-же.

писали *новые торговые* между собою *договоры*, къ которымъ присоединились, два дня спустя Бельгія и Швейцарія. 18-го уже декабря германскій рейхстагъ далъ имъ свое одобреніе 243 голосами, противъ 48. Новые трактаты, вступивъ въ силу 1 февраля 1892 г., должны дѣйствовать до 31 дек. 1903 г., послѣ чего останутся обязательными, пока правительства отъ нихъ не откажутся. Нельзя не согласиться съ тѣми, которые говорятъ, что, при ихъ заключеніи, играли роль столько-же экономическіе мотивы, какъ и политическія соображенія: Каприви, въ своей рѣчи въ рейхстагѣ (7 дек. 1891 г.), по поводу этихъ договоровъ, не безъ основанія подчеркнул ту мысль, что «государства, заключающія между собою политическій союзъ въ видахъ поддержанія общаго мира, не могутъ вести другъ противъ друга экономической войны, хотя-бы на краткій срокъ». Конечно и эти новые договоры представляютъ еще значительное покровительство и далеки отъ свободной торговли, такъ что говорить о какомъ-то, созданномъ ими, европейскомъ центральномъ таможенномъ союзѣ очевидное преувеличеніе. Но, съ другой стороны, нельзя не видѣть въ нихъ, вмѣстѣ съ Леруа-Больё, попытку Германіи сдѣлать изъ себя «кристаллизационный центръ европейской цивилизаціи». Какъ-бы ни критиковался этотъ шагъ, но онъ важенъ, свидѣтельствуя о новѣйшемъ торжествѣ принципа торговыхъ договоровъ на долгій срокъ и съ опредѣленными тарифами. При все еще высокихъ таможенныхъ ставкахъ, пошлины однако уменьшены въ договорахъ 1891 г. почти на четвертую часть.

Заслуживаетъ вниманія, что мысль объ учрежденіи *европейскаго таможеннаго союза* давно уже обсуждается въ литературѣ. За нее высказался напр. Молинали мѣтъ 12 тому назадъ ¹⁾; въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ такой союзъ предлагалъ Леруа-Больё: изъ Франціи и шести окружающихъ ее націй ²⁾; ту же идею объ экономической уніи государствъ Европы отстаиваетъ и талантливый писатель Швейцаріи, Дрозъ ³⁾.

Пока, конечно, мы далеки отъ этого идеала, но представленія о немъ какъ-бы носятъ въ воздухѣ. Возможно, что на этомъ пути опередитъ Европу Америка. Какъ извѣстно С. Штаты выступили на вашингтонскомъ конгрессѣ 1889—90 г., изъ делегатовъ всѣхъ республикъ Америки, съ грандіознымъ проектомъ таможеннаго объединенія, подъ ихъ водительствомъ, всего Новаго Свѣта. Между прочимъ предполагалось: принятіе мѣръ, способныхъ обезпечить преусибыніе американскихъ націй и совокупное ихъ сопротивленіе противъ захватовъ монархическихъ государствъ Европы; установленіе между ними таможеннаго союза съ одно-

¹⁾ *Molinari*. La question de l'Alsace Lorraine—et l'union douanière de l'Europe centrale (Journ. des Economistes 1888; Déc.).

²⁾ См. 1-е изд. его *Traité de la science des finances*.

³⁾ *Droz*. L'Anarchie économique en Europe (Bibliothèque universelle et Revue suisse, 1888; Janv.).

образными пошлинами, единствомъ монеты, мѣръ и вѣсовъ и правильными пароходными сообщеніями между всѣми американскими портами и т. д. Эти замыслы не удались: С. Штаты пока еще далеки отъ того, чтобы пріобрѣсти рынки всѣхъ трехъ Америкъ, но несомнѣнно что, они къ этому стремятся и стараются, чтобы отъ Гренландіи до Огненной Земли, европейскіе продукты были обложены дифференціальными пошлинами на 25%, дороже, чѣмъ произведенія любого американскаго государства. Тутъ для Европы предстоить значительная опасность, если не для настоящаго времени, то для будущаго и весьма недалекаго ¹⁾.

III.

Кромѣ политическихъ и экономическихъ соглашеній между правительствами — частичныхъ и еще весьма несовершенныхъ, — на нашихъ глазахъ возникаютъ и быстро размножаются другія, весьма любопытныя, формы соединеній, какъ между государствами, такъ и частными лицами. Касаясь болѣе или менѣе общихъ имъ всѣмъ и дорогихъ интересовъ культуры, онѣ только еще пробиваются наружу и, подобно нѣжнымъ побѣгамъ зелени въ весеннюю пору, требуютъ тщательнаго и умѣлаго за собою ухода, но это самое дѣлаетъ ихъ тѣмъ интереснѣе въ глазахъ каждаго, изучающаго жизнь современнаго намъ общества.

На первомъ планѣ тутъ должны быть поставлены тѣ союзы, или уніи, которые стали заключать между собою государства за послѣднее 30-лѣтіе по разнороднымъ вопросамъ управленія, науки и филантропіи. Ихъ можно-бы подвести, по ихъ сущности, подъ одно широкое обозначеніе *союзовъ общественныхъ* (соціальныхъ). Число ихъ пока доходитъ до *восьми*. Это союзы: телеграфный, почтовый, мѣръ и вѣсовъ, промышленный, литературный, геодезическій, по обнародованію таможенныхъ тарифовъ и желѣзнодорожный (по международной перевозкѣ желѣзными дорогами грузовъ, 1865—90) ²⁾. Чуждые всѣ области политики, эти союзы задачею своею имѣютъ установить извѣстное единство по регулированію отмѣренной имъ области. Они такимъ образомъ не упраздняютъ дѣятельности административныхъ органовъ въ отдѣльныхъ странахъ, но являются счастливыми къ нимъ дополненіями, устанавливая между ними постоянныя взаимодѣйствія и солидарность. Многія изъ этихъ уній до-нынѣ ограничиваются нѣкоторыми только странами даже Европы, но по своимъ предметамъ и цѣлямъ, онѣ, очевидно призваны сдѣлаться *универсальными*, какъ этого достигла уже почтовая унія и отчасти телеграфная.

¹⁾ Эком. Журн. ib.

²⁾ О нихъ см. специально прекрасныя работы: *Meili*. Die internationalen Unionen über das Recht der Weltverkehrsanstalten und des geistigen Eigentums. 1889.— *Mognier*. Les Bureaux internationaux des Unions universelles. 1892.

Черты, наиболѣе ихъ характеризующія, состоятъ въ томъ, что онѣ управляются извѣстною, опредѣленною *конвенціею*, заключаемою не на срокъ, открытою для присоединенія къ ней всѣмъ постороннимъ желающимъ правительствамъ. Въ этой конвенціи, какъ и въ сопровождающемъ ее *регламентъ*, начертаны *нормы* дѣятельности каждаго конкретного союза. Онѣ двоякаго рода: частію юридическія, частію прямо техническія, по природѣ опредѣляемыхъ ими отношеній. Осуществленіе ихъ возлагается на особые *международные органы-бюро* — съ опредѣленнымъ ежегодно весьма скромнымъ бюджетомъ и установленнымъ мѣстопробываніемъ, большею частію въ Швейцаріи (въ Бернѣ), иногда въ столицѣ Бельгіи. Служащіе въ этихъ бюро хотя назначаются мѣстною властью, но они состоятъ на жалованьѣ и на службѣ не у нея, а у всѣхъ правительствъ, учредившихъ данную унію и потому представляются международными должностными лицами въ полномъ смыслѣ этого слова. Этимъ бюро не дана никакая власть, но они незамѣнимыя инстанціи, для установленія связи и единства въ взаимныхъ сношеніяхъ однородныхъ съ ними, національныхъ органовъ различныхъ странъ. Всѣ относящіеся къ ихъ дѣятельности матеріалы они собираютъ, систематизируютъ и періодически печатаютъ во всеобщее свѣдѣніе. Телеграфное бюро, напр., работаетъ, между прочимъ, надъ составленіемъ громаднаго *обще-употребительнаго словаря* (*Vocabulaire du langage convenu*), долженствующаго заключать въ себѣ не менѣе 200,000 словъ изъ всѣхъ главныхъ языковъ западной Европы и призваннаго какъ-бы облегчить телеграфную рѣчь между ея разноплеменными народами; литературное бюро издаетъ ежемѣсячный журналъ (*Le Droit d'auteur*), въ которомъ печатаются какъ обзоры дѣйствующихъ законодательствъ, такъ и чисто-научныя работы; бюро уніи по обнародованію таможенныхъ тарифовъ печатаетъ въ своемъ бюллетенѣ (*Bulletin international des douanes*) даже на пяти языкахъ обязательно сообщаемые ему правительствами документы: тарифы, таможенные законы, распоряженія и инструкціи, даваемые ими по этой части чиновникамъ, наконецъ торговые договоры. Эти бюро собираютъ всѣ свѣдѣнія и готовятъ матеріалы для *новыхъ конференцій*, которыя періодически собираются въ условленные сроки, вносятъ въ эти уніи измѣненія и улучшенія, необходимыя по указаніямъ опыта. Занимающіе насъ союзы всѣ новы, скромны, но преслѣдуемая ими цѣль велика: пока разрозненные, они со временемъ, вѣроятно, сольются какъ части единой, обширной *международной организаціи*, призванной связать народы во имя бдльшаго ихъ благосостоянія. Пока въ поступательномъ ихъ развитіи наблюдается двоякое направление: растетъ число правительствъ къ нимъ приступающихъ и они распространяются довольно быстро на новые вопросы и отношенія.

IV.

Въ еще болѣе раннемъ фазисѣ развитія, находится иная форма сближенія между государствами, которую мы назвали-бы *союзомъ юридическимъ*. Международный строй, подобно всякому другому обществу, нуждается въ *законѣ*; при отсутствіи такового господствуетъ анархія и невозможно между людьми миръ. Когда возгорается споръ между гигантскими личностями, называемыми народами, чѣмъ сдержать и ограничить ихъ самоуправство, эту худшую изъ всѣхъ формъ для возстановленія правды? Дружественное посредничество нейтральныхъ державъ недостаточно: необходимо настоящее юридическое рѣшеніе спора на основаніи принциповъ права, а не по соображеніямъ дружбы или вѣжливости. Но какъ ввести и укрѣпить эту юридическую идею въ области положительнаго права. Практика указываетъ намъ два пути: государства стали представлять рѣшеніе нѣкоторыхъ, специальныхъ, своихъ споровъ избраннымъ ими *третейскимъ судьямъ* и даже вводить условіе объ этомъ въ заключаемые ими договоры. Въ нашемъ столѣтіи подобныя третейскія рѣшенія довольно часты: это — первые, робкіе шаги зарождающейся *международной юстиціи*. Но уже замѣчается, въ ея проявленіи, второй, слѣдующій фазисъ: государства задумываются о договорахъ, *объ общемъ и постоянномъ международномъ третейскомъ судѣ* для вѣданія возникающихъ между ними несогласій. Эта идея, говоритъ Ревонъ, своею практичностью и серьезностью легко осуществима; по своему-же строго-юридическому характеру она призвана дать праву громадную силу и движеніе впередъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что ей принадлежитъ будущее. Черезъ нее юстиція водворится въ сношеніяхъ народовъ. Въ наши дни поняли, что мечты о благополучіи челоуѣчества должны уступить мѣсто болѣе яснымъ воззрѣніямъ и терпѣливымъ усиліямъ разума. Вѣчный миръ не можетъ быть импровизованъ въ одинъ день, ибо всякое развитіе въ мірѣ идетъ путемъ самой строгой постепенности, подобно тому, какъ нельзя достигъ конца лѣстницы, не начавъ ея восхожденія съ первой ступени. Поэтому бросили споры о вѣчномъ мирѣ, федераціи народовъ и т. п. и принялись за задачи международного третейскаго суда. Поняли, что судъ этотъ *факультативный*—какимъ примѣняли его до-нынѣ—не въ силахъ создать юридическаго порядка. Для этого требуется *новый органъ*, болѣе совершенный, но однако возможно простой, который, не посягая на права народовъ и ихъ независимость, а съ другой стороны, не связывая ихъ какимъ-либо союзомъ наступательнымъ или даже оборонительнымъ, установилъ-бы однако между государствами *общія, обязательныя и прочныя связи*. Въ этомъ и лежитъ *идея* указываемаго нами суда. Съ вѣншей стороны представляя нѣкоторыя черты сходства съ формою фе-

дѣраціи государствъ, она, однако, глубоко отличается отъ нея тѣмъ, что не лишаетъ связываемыхъ въ силу нея народовъ ихъ *автономіи* и не требуетъ *принужденія*, какъ матеріальной санкціи для проявленія своей дѣятельности ¹⁾. Въ литературѣ слѣды ея можно открыть уже въ прошломъ столѣтіи, у авторовъ различныхъ проектовъ вѣчнаго мира и между прочимъ у Канта, но практическую форму она стала получать лишь въ эти самые послѣдніе годы, на нашихъ глазахъ: въ 1873 г. Генри Ричардъ провелъ въ англійскомъ парламентѣ свое предложеніе о томъ, чтобъ Англія вступала съ другими правительствами въ переговоры, въ видахъ установленія общаго и постоянного междунагоднаго третейскаго суда. Съ тѣми или нными оттѣнками въ подробностяхъ подобныя желанія высказали и палаты въ другихъ государствахъ. Въ 1883 г. мы видимъ любопытные переговоры на ту же тему уже между правительствами: С. Штаты и Швейцарія обсуждали проектъ постоянного между собою третейскаго суда. Былъ уже составленъ Швейцаріею подробный объ этомъ договоръ, не заключенный вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, но, какъ слышно, стороны и до нынѣ не отказались отъ мысли къ нему возвратиться.

Но главнымъ документомъ по вопросу о такомъ судѣ является *Вашингтонскій договоръ 18 апрѣля 1890 года*. Конгрессъ делегатовъ всѣхъ американскихъ республикъ, засѣдавшій въ Вашингтонѣ въ томъ году и, какъ мы видѣли выше, не добившійся задуманныхъ имъ экономическихъ реформъ, былъ гораздо счастливѣе на почвѣ права... Представители 16 американскихъ государствъ, т. е. всѣхъ, кромѣ Чили, подписали договоръ изъ 19 статей, въ которомъ объявляется, что отнынѣ они принимаютъ *третейскій судъ какъ принципъ публичнаго права Америки*, примѣнимый ко всѣмъ вообще спорамъ между ними, какъ-то: относительно правъ и привилегій посланниковъ и консуловъ; территоріальныхъ границъ и владѣній, различныхъ убытковъ, правъ судоходства, обязанности, толкованія и исполненія договоровъ, наконецъ и *по всякимъ инымъ спорамъ, каковы бы ни были ихъ происхожденіе, характеръ и предметъ*. Только одно дѣлается исключеніе: для споровъ могущихъ угрожать независимости какой-либо стороны. Тогда для нея третейскій судъ факультативенъ, но онъ обязателенъ для ея противника, если будетъ предложенъ. Выборъ судей не ограничивается американскими государствами; каждое правительство можетъ его произвести, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ съ противникомъ того, кто на него укажетъ. Судьями могутъ быть члены различныхъ судовъ, ученыхъ корпорацій, сановники и даже простые частныя лица, причемъ вовсе не требуется, чтобъ они были граждане

¹⁾ *Revon. L'Arbitrage international.—Son passé. Son présent. Son avenir. 1892; p. 276, sv.*

избирающаго ихъ государства. Въ видѣ опыта договоръ заключается на 20 лѣтъ, но онъ можетъ быть продолженъ и послѣ этого срока. Отказъ тогда отъ него со стороны одного или нѣсколькихъ государствъ не прекратитъ его дѣйствіе для остальныхъ.

Нынѣ,—восклицаетъ Ревонъ,—благодаря этому договору, Америка, съ ея стомилліоннымъ населеніемъ, перешла изъ состоянія войны къ состоянію права. То, что считалось утопіею, осуществилось; сонъ сбылся. Какой сюрпризъ для Европы! Она все еще не можетъ очнуться отъ удивленія, и множество людей у насъ не перестаютъ дивиться тому, что такой фактъ могъ дѣйствительно совершиться, но истина на лицо: этотъ удивительный договоръ вотъ уже почти два года, какъ подписанъ и не преминетъ, конечно, оказать самыя благотворныя дѣйствія, когда народы, благодаря ему, незамѣтно примутъ привычку жить подъ владычествомъ *закона мира*¹⁾. Какое дѣйствіе окажетъ вашингтонскій трактатъ на Европу? Въ немъ предусматривается присоединеніе къ нему всякаго посторонняго (не американскаго) государства и въ исполненіе этой статьи, вашингтонскій кабинетъ препроводилъ офиціально текстъ его ко всѣмъ дворамъ Европы, съ указаніемъ этой статьи. Какъ и слѣдовало ожидать, европейскія правительства, при глубокой раздѣляющей ихъ розни, отнеслись къ этому шагу Соединенныхъ Штатовъ весьма скептически: спеціально Россія, говорятъ, отвѣтила, что вопросъ этотъ недостаточно еще назрѣлъ. Но тѣмъ съ болѣшимъ восторгомъ попытка Америки была привѣтствуема общественнымъ мнѣніемъ, справедливо признавшимъ въ ней зарю новаго, лучшаго международнаго порядка. На международно-парламентской конференціи въ Бернѣ (1892 г.), по предложенію французскаго сенатора Трагіеихъ, принята резолюція о томъ, чтобы члены различныхъ палатъ въ Европѣ ходатайствовали предъ своими правительствами о принятіи американскаго предложенія, т. е. заключали-бы договоры объ общихъ третейскихъ судахъ. Любопытныя пренія по тому же вопросу происходили въ англійскомъ парламентѣ 16 іюня настоящаго года. Кремеръ и Лѣббокъ внесли предложеніе о томъ, чтобы Англія заключила съ Штатами договоръ, въ силу котораго всѣ споры между обѣими странами, не устраненные дипломатіею, рѣшались-бы впредь третейскимъ судомъ. Они напомнили, что въ этомъ смыслѣ была уже подана петиція президенту С. Штатовъ отъ имени 234 членовъ палаты общинъ. Имъ отвѣчалъ Гладстонъ: онъ всегда счастливъ бороться за благо человѣчества. Еще вопросъ, устраняетъ-ли господствующій милитаризмъ войну, или напротивъ, не вызываетъ-ли ее? За 1882—85 г. Англія обращалась къ третейскому суду четырнадцать разъ и только три или четыре раза выигрывала она предъ нимъ свое дѣло. Недавно она предоставила тако-

¹⁾ Revon, ib. p. 286—292.

вому же рѣшеніе вопроса о рыболовствѣ въ Беринговомъ морѣ¹⁾. Онъ надѣется, что въ скоромъ времени будетъ заключенъ желаемый договоръ между Великобританіею и С. Штатами. Главное препятствіе для осуществленія обсуждаемой идеи лежитъ въ сложности отношеній между державами европейскаго континента, но онъ лично придаетъ большое значеніе *учрежденію въ Европѣ верховнаго суда, въ роли совѣтника великимъ державамъ*. Онъ умѣрялъ-бы ихъ соперничающій эгоизмъ и явился-бы безпристрастнымъ авторитетомъ для окончанія ихъ взаимныхъ несогласій²⁾. Затѣмъ, по предложенію Гладстона, палата единогласно высказалась за содѣйствіе Англій стремленіямъ С. Штатовъ къ тому, чтобы споры между ними рѣшались третейскимъ судомъ³⁾

V.

Не одни правительства вступаютъ въ наши дни между собою въ самыя разнообразныя соглашенія и союзы: гораздо чаще и многочисленнѣе таковыя между *частными лицами* и ихъ соединеніями. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что нѣтъ такой области человѣческой дѣятельности—научной, художественной, промышленной или всякой иной, — въ которой трудящіеся, не заботясь о политическихъ границахъ, не стремились-бы придти съ единомышленниками во взаимныя соприкосновенія и общеніе. Этого требуетъ прежде всего польза самаго дѣла, которому они служатъ. Чѣмъ шире поле ихъ кругозора и дѣятельности, тѣмъ плодотворнѣе оказываются на практикѣ ихъ усилія. Въ этомъ направленіи человѣческой мысли и работы къ международному, универсальному, столь характеризующемъ нашъ вѣкъ, нельзя не видѣть примѣненія экономическаго закона специализаціи и сочетанія (коопераціи) труда. Международныя выставки, съѣзды, праздники непрерывно смѣняютъ другъ друга. Все это сближаетъ людей самыхъ различныхъ національностей, возрѣвній и общественнаго положенія. Это движеніе усиливается, благодаря особенно усовершенствованнымъ сношеніямъ и быстротѣ передвиженія вслѣдствіе примѣненія къ нимъ электричества и пара. Черезъ это съ каждымъ днемъ растетъ число и значеніе собственно *практическихъ задачъ для международного права*, призваннаго именно оберегать и расширять этотъ всемірно-гражданскій оборотъ. Отсюда, быстрый, утомительный ростъ этой младшей изъ юридическихъ наукъ, обѣщающей еще такъ много въ будущемъ. Но усиленіе въ средѣ людей общенія и солидарности немислимо

¹⁾ Судъ этотъ, какъ извѣстно, засѣдалъ въ Парижѣ лѣтомъ 1893 г. и постановилъ свое рѣшеніе 15 августа.

²⁾ Вотъ подлинныя его слова: «There is another method of proceeding, to which I have attached very considerable value, a central tribunal in Europe, a council of the Great Powers, in which the rival selfishnesses may neutralise one another, and something like impartial authority may be attained for the settlement of disputes».

³⁾ Archives diplomatiques; 1893; Juillet. p. 12.

безъ соотвѣтствующаго укрѣпленія *мира* и вотъ мы присутствуемъ и предъ постепеннымъ раскрытіемъ, въ сознаніи людей, и этой великой идеи. Удастся-ли указаннымъ, благотворнымъ факторамъ восторжествовать надъ противоположными имъ темными силами недовѣрія и вражды народовъ другъ къ другу, которыя также, къ сожалѣнію, усилились за послѣднее время? Полагаемъ, что да. Темныя силы, о которыхъ мы упомянули, намъ представляются частію наслѣдіемъ прежнихъ, болѣе грубыхъ, временъ, частію продуктомъ нашего собственнаго эгоизма и невѣжества, но неотразимыя потребности жизни и усѣхи просвѣщенія призваны разсѣять эти облегающіе насъ туманы и дать полный просторъ живительнымъ лучамъ солнца правды.

Закончимъ нашу бесѣду небольшимъ рассказомъ изъ жизни Ричарда Кобдена: однажды, за праздничнымъ обѣдомъ, къ нему обратились съ просьбою, чтобы онъ сказалъ нѣсколько словъ. «Друзья мои, началъ онъ, этотъ столъ, вокругъ котораго мы собрались сегодня съ чувствами взаимнаго расположенія и общей радости, представляетъ, на мой взглядъ, подобіе великаго человѣческаго общества. Весьма разнообразныя кушанья были поставлены на немъ предъ нами. Представьте себѣ, что каждый изъ насъ по жадности, зависти или вообще по дурному расчету, захотѣлъ-бы, не заботясь о сосѣдяхъ, захватить себѣ все, что ему попадетъся. Къ чему-бы это привело? Всѣмъ намъ стало-бы очень плохо! Одинъ присвоилъ-бы себѣ весь супъ, но и только, другой наложилъ-бы руку на салатъ, третій на жаркое; молодежь, не насытившись, обкушалась-бы фруктами и лакомствами. Славный вышелъ-бы обѣдъ! вмѣсто того,—всѣ блюда обнесены по очереди для всѣхъ; мы не побоялись давать, чтобы получать и получать, чтобы давать. Такимъ образомъ, мы имѣли удовольствіе ни въ чемъ не терпѣть недостатка и быть кое-въ чемъ обязанными другъ другу. Мы насладились разнообразіемъ, избыткомъ, благодарностію и веселостію. Такъ могло-бы, т. е. такъ должно быть и за трапезою, накрытою для рода человѣческаго. Всѣ народы, даже особенно благопріятствуемые судьбою, желаютъ себѣ еще чего-либо. Всѣ, даже наиболѣе обдѣленные, могутъ что-либо предложить другимъ. Они не дѣлаютъ этого достаточно, и вотъ—одна изъ главныхъ причинъ ихъ нищеты и страданій. Для всѣхъ насъ хватило-бы и съ избыткомъ, если-бы мы, вмѣсто того, чтобы оспаривать другъ у друга дары Провидѣнія, рѣшились ихъ подѣлить; если-бы мы не опустошали безумно землю, а дружными усиліями оплодотворяли ее; если-бы, наконецъ, мы не истощали всѣ наши силы и средства на причиненіе другъ другу зла и на возведеніе вдоль нашихъ границъ и побережій таможенъ и крѣпостей, вмѣсто того, чтобы производить какъ слѣдуетъ, превращая желѣзо въ плуги и орудія труда, а корабли въ носителей, среди народовъ, идей мира, согласія и дружбы»¹⁾.

Гр. Л. Камаровскій.

¹⁾ *Revol.* Назв. соч. стр. 433.

Н Е Л Л И.

(Надпись къ портрету).

Ее — жемчужину Океаниды знойной,
 Къ туманамъ сѣвера приплывшую съ волной,
 Цвѣтокъ, взлелѣянный бразильскою весной,
 Облагороженный Британіей спокойной,
 Ее — гармонію всѣхъ таинствъ и святынъ,
 Всѣхъ чаръ земной любви божественной и лживой, —
 Художникъ, просвѣтленъ догадкою счастливой,
 Представилъ жрицею египетскихъ богинь.
 И съ гордымъ профилемъ, съ изгибомъ длинной шеи
 Въ одинъ аккордъ слился загадочный нарядъ.
 Окутанъ низкій лобъ, волосъ прикрыты змѣи
 Тяжелой повязью, откинутаю назадъ.
 Съ очей, съ лица и съ плечъ густой покровъ снимая,
 Запястья звонкія встревоживши слегка,
 Застыла въ воздухъ цвѣтушая рука,
 Какъ будто на струнахъ незримыхъ отдыхая.
 И вотъ она стоитъ съ улыбкой предъ судьбой,
 Живой прекрасный сфинксъ, и божество, и жрица
 Сіянемъ собственнымъ вѣнчанная царица,
 И взоръ таинственный вперила предъ собой.

О, красота! Кумиръ или божество безъ храма,
 Сфинксъ, неразгаданный до нашихъ дней, какъ встарь,
 О, сила силъ земныхъ! Какъ дымъ отъ омиама,
 Изчезла-бъ пестина, попавъ на твой алтарь,
 И на вѣсахъ судьбы высоко-бы взлетѣли
 Добро и честь, и долгъ — передъ улыбкой Нелли.

Н. Мипскій.

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генрика Сенкевича.

(Переводъ съ польскаго М. Кривошеева).

XIX.

Осень иногда въ послѣдніе дни свои улыбается людямъ какъ-то особенно грустно, но и очень привѣтливо, словно женщина, умирающая отъ чахотки. Въ такой именно ясный, тихій день происходили похороны Литки. Есть что-то болѣзненное и въ то-же время утѣшительное въ томъ, что люди, остающіеся въ живыхъ, продолжаютъ жить мыслями и чувствами близкихъ покойниковъ. Этотъ тихій и грустный день наполнилъ душу Поланецкаго, распорядившагося похоронами, еще болѣею грустью, но, представляя себѣ чувства Литки, онъ подумалъ, что дѣвочка навѣрное пожелала-бы такого именно дня — и онъ нашелъ въ этомъ для себя нѣкоторое облегченіе. Онъ положительно до сихъ поръ не былъ въ состояніи измѣрить всей глубины своей скорби. Сознаніе это приходитъ гораздо позже, оно начинается тогда, когда любимое существо остается на кладбищѣ и человѣкъ одиноко возвращается въ опустѣвшій домъ. Кромѣ того, хлопоты по похоронамъ отняли у Поланецкаго все время. Жизнь обставила искусственными формами и даже осложнила совершеніе такого простаго акта, какъ погребеніе. Поланецкому хотѣлось отдать Литкѣ этотъ послѣдній долгъ, выполненіемъ котораго, впрочемъ, некому было и заняться. Всѣ тѣ жизненныя пружины, въ силу которыхъ человѣкъ мыслить, рѣшаетъ и дѣйствуетъ, были у пани Эмилиі, благодаря смерти дѣвочки, совершенно ослаблены и развинчены. Буря на этотъ разъ обазалась слишкомъ сильной для столь слабого, хилаго существа. Къ счастью, однако, всякое слишкомъ сильное страданіе находитъ смерть въ самомъ себѣ, такъ какъ оно дѣлаетъ человѣческое сердце нечувствительнымъ. Это и случилось съ пани Эмилией. Поланецкій замѣтилъ, что въ выраженіи ея лица и глазъ царилъ кабой-то

безграничный, застывшій ужасъ. Въ глазахъ у нея не было слезъ, въ устахъ—словъ, а только какой-то трагическій, какой-то дѣтскій шопотъ, показывавшій, что мысль ея не въ состояннн обнять и измѣрить всего несчастія, а лишь вертится около сопровождающихъ его мелочей, цѣпляется за нихъ и окружаетъ ихъ такой заботливостью, точно ребенокъ продолжалъ еще жить. Ни въ чемъ, казалось, не было недостатка у Литки, покоившейся среди цвѣтовъ, на атласной подушкѣ, въ комнатѣ, обращенной теперь въ траурную свѣтлицу. Однако, обезумѣвшее отъ горя сердце матери не переставало заботиться и беспокоиться мыслью о томъ, все-ли есть у ребенка. Когда пытались отвлечь ее отъ тѣла умершей, она не сопротивлялась, а лишь теряла послѣднее сознаніе и начинала жалобно стонать, точно ей причиняли невыносимую боль.

Поланецкій и Хвастовскій, братъ покойнаго ея мужа, пріѣхавшій предъ самыми похоронами, попробовали было увести ее въ ту минуту, когда стали заколачивать гробъ; но когда пани Эмилиа начала звать малютку по имени, у нихъ обоихъ не хватило ни силъ, ни рѣшимости сдѣлать это. Наконецъ, печальный кортежъ тронулся среди факеловъ, широко растянувшись, съ громаднымъ хвостомъ каретъ сзади, предшествуемый ксендзами и торжественнымъ пѣніемъ и окруженный толпой любопытныхъ, наслаждающихся въ современныхъ городахъ зрѣлищемъ человѣческой скорби, какъ въ древнихъ городахъ наслаждались зрѣлищемъ человѣческой крови въ циркахъ. Пани Эмилиа, подъ руку съ братомъ ея покойнаго мужа, рядомъ съ Мариней, платутъ-же за гробомъ съ лицомъ сухимъ и бездушнымъ. Глаза ея видѣли предъ собой только одну, въ сущности, мелочь, которой была исключительно занята ея мысль. Случилось такъ, что небольшая прядь свѣтлыхъ, но очень густыхъ волосъ Литки выбилась изъ-подъ крышки гроба. Пани Эмилиа всю дорогу не спускала съ нея глазъ, повторяя ежеминутно: „О, Боже, Боже, ребенку прищемили волосы!..“

Глубокая скорбь, усталость и нервное разстройство Поланецкаго отъ бессонныхъ ночей перешли теперь въ чувство такой невыносимой тяжести, что минутами его охватывало непреодолимое желаніе повернуть съ поль-пути, побѣжать домой, броситься на какой-нибудь диванъ, ни о чемъ не думать, ничего не желать, никого не любить и ничего не чувствовать. И въ то-же время такое проявленіе эгоизма удивляло и возмущало его; онъ отлично зналъ, что онъ не повернетъ домой, что онъ выпьетъ всю эту чашу до дна, дойдетъ до самаго конца, не только потому, что это такъ нужно, но главное потому, что ему жаль Литки, а его привязанность къ ней куда сильнѣе его эгоизма. Онъ со всей силой чувствовалъ теперь, что всѣ другія его чувства точно застыли, высохли и что по отношенію ко всему міру въ сердцѣ его нѣтъ ничего, кромѣ равнодушія. Впрочемъ, его мысли и чувства

перепутались въ какомъ-то хаосѣ, исходя изъ какихъ-то вѣдшихъ впечатлѣній, воспринятыхъ поверхностно, изъ неопредѣленныхъ наблюдений, произведенныхъ имъ неизвѣстно зачѣмъ и для чего, перемѣшанныхъ совершенно механически съ чувствомъ сожалѣнія и печали. Онъ смотрѣлъ то на дома, мимо которыхъ тянулась похоронная процессія, различая цвѣтъ, въ какой они были выкрашены, то онъ читалъ попадавшіяся ему на глаза вывѣски магазиновъ, самъ не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ; то снова онъ думалъ о томъ, что ксендзы вдругъ перестали пѣть и что они сейчасъ снова начнутъ пѣть, ожидая возобновленія прерваннаго пѣнія съ какимъ-то непонятнымъ ему трепетомъ. Были моменты, когда размышленія его походили на размышленія человѣка, пробудившагося отъ тяжелаго сна, старающагося отдать себѣ отчетъ объ окружающей его дѣйствительности. „Вотъ это дома, думалъ онъ, это вывѣски, это запахъ смолы отъ зажженныхъ факеловъ, а тамъ, наверху, лежитъ Литка и мы идемъ за ней на кладбище“. И вдругъ въ немъ поднималась словно волна безграничнаго сожалѣнія объ этомъ миломъ, любимомъ ребенкѣ, объ этомъ дорогомъ личикѣ, которое столько разъ ему такъ привѣтливо улыбалось. Припоминалъ онъ ее себѣ такой, какой она была раньше и потомъ, въ послѣднее время; припоминалъ онъ ее себѣ въ Рейхенгаллѣ, какъ онъ несъ ее на рукахъ, возвращаясь изъ Тумзее, затѣмъ на дачѣ у Бигелей, а потомъ на городской квартирѣ пани Эмилии, когда она говорила ему, что она хотѣла-бы быть молодой березкой—и, наконецъ, какъ она за нѣсколько часовъ передъ смертью просила Мариню выйти за него замужъ. Поланецкій не говорилъ себѣ прямо, что Литка любила его, питала къ нему чувство взрослой женщины и что сблизивъ его съ Мариной, она принесла ему жертву; ему трудно было, въ самомъ дѣлѣ, формулировать эти неопредѣленные чувства дѣвочки-ребенка, но онъ чувствовалъ, что тутъ была жертва, принесенная изъ той глубокой привязанности, какую дѣвочка къ нему питала. Такъ какъ утрата даже самыхъ дорогихъ существъ чувствуется преимущественно вслѣдствіе личнаго ущерба, то и Поланецкій началъ повторять: „Да, это была единственная душа, которая искренно меня любила! Теперь же нѣтъ у меня никого въ цѣломъ свѣтѣ!“... И поднявъ глаза къ гробу, къ этой пряди свѣтлыхъ волосъ, которая развѣвалась въ воздухъ, онъ мысленно началъ звать Литку всѣми тѣми нѣжными, ласкательными именами, какими называлъ ее при жизни. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что слезы душатъ его, сознавая, что этотъ зовъ останется безъ отклика. Есть что-то душу раздражительное въ безмолвіи мертвыхъ. Когда существо, недавно еще чувствовавшее каждое слово, каждый взглядъ, становится равнодушнымъ, когда существо любящее становится холоднымъ, а близкое въ повседневной жизни и самое близкое сердцу — торжественно спо-

койнымъ и далекимъ, тогда безсильны слова: „Смерть! смерть!“! Рядомъ со страшной болью, причиненной утратой, чувствуется еще какой-то обманъ, раздражающій душу — точно сердечная обида, нанесенная мертвымъ тѣломъ, которое остается глухимъ къ нашему горю, къ нашему зову. И Поланецкій въ глубинѣ души чувствовалъ, что Литка, бросивъ его, уходя въ край смерти, поступила съ нимъ какъ-бы несправедливо. Она — столь ему близкая, теперь отошла отъ него далеко, она, недавно еще такая простая, теперь стала какой-то торжественной, — чѣмъ-то далекимъ, высокимъ, святымъ, но совершенно равнодушнымъ къ безконечному отчаянію матери и къ глубокому одиночеству самаго близкаго ея друга. Въ этихъ чувствахъ Поланецкаго было не мало эгоизма; но не будь этого эгоизма, который ставить на первомъ мѣстѣ личную утрату и личное одиночество, люди, въ особенности вѣрующіе въ загробную жизнь и въ загробное счастье, не стали-бы скорбѣть о покойникахъ.

Похоронная процессія минула, наконецъ, городъ и вышла на широкое, открытое пространство, а за городской заставой двинулась вдоль кладбищенскаго забора. Ряды ксендзовъ въ бѣлыхъ стихаряхъ, факельщики съ зажженными факелами, траурная колесница съ гробомъ и всѣ, шествовавшіе за нимъ, остановились у кладбищенскихъ воротъ, сняли гробъ — и Поланецкій вмѣстѣ съ Букацкимъ, Хвостовскимъ и Бигелемъ понесли Литку къ могилѣ ея отца.

Та тишина и пустота, которая послѣ каждыхъ похоронъ ожидаетъ дома людей, возвращающихся отъ свѣжихъ могилъ, на этотъ разъ, казалось, наступала уже тутъ же, на кладбищѣ. День былъ тихій, блѣдный; тамъ и сямъ съ деревьевъ безъ шелеста спадали послѣдніе пожелтѣвшіе листья; печальный кортежъ сталъ какъ-бы меньше среди этого обширнаго пространства, усыяннаго крестами, которое, казалось, не имѣло конца, словно въ самомъ дѣлѣ отъ этого кладбища открывалась безконечность. Почернѣвшія голыя деревья, верхушки которыхъ сплетались изъ тонкихъ и словно таявшихъ въ свѣтѣ вѣтвей, сѣрые и бѣлые памятники, стоявшіе точно призраки, завядшіе листья, устилавшіе длинныя прямыя аллеи, — все вмѣстѣ дѣйствительно производило впечатлѣніе какихъ-то полей елисейскихъ, полныхъ глубокаго покоя и глубокой, спящей меланхолии, какихъ-то „мѣстъ холодныхъ и грустныхъ“, о которыхъ мечталъ гордый умъ Цезаря и куда теперь должна была прибавиться еще одна „*anima vaga*“.

Наконецъ, гробъ поставленъ надъ открытой могилой. Раздалось раздражающее „*Requiem aeternam*“, а затѣмъ „*Anima ejus*“... Поланецкій, въ хаосѣ мыслей и впечатлѣній, подавленный собственной скорбью, точно сквозь сонъ видѣлъ окаменѣвшее лицо и стеклянные глаза пави Эмилии, слезы Марини, которая въ эту минуту его только

раздражали, блѣдное лицо Букацкаго, по выраженію котораго видно было, что житейская его философія, для которой не было пищи на этомъ кладбищѣ, покинула его у входа — и гробъ съ Литкою. Когда на крышку брошена была первая горсть земли, онъ послѣдовалъ примѣру другихъ, а когда опустили гробъ на полотнахъ въ глубь могилы и заложили ее каменными плитами, что-то снова сдавило ему горло и все, о чемъ онъ думалъ и что занимало его мысли, расплылось и растаяло. Мысленно онъ повторялъ простые слова: „До свиданья, Литусь!“, которыя впослѣдствіи, когда онъ о нихъ вспоминалъ, казались ему ничтожными въ сравненіи съ его мучительной душевной бурей — и далѣе мысль его не шла. Печальный кортежъ началъ, удаляясь, уменьшаться. Поланецкаго чрезъ нѣкоторое время разбудилъ вѣтеръ, потянувшійся издалека между крестами. У могилы онъ увидѣлъ теперь пани Эмилию съ Мариней, Бигелевой, Васковскимъ и дядей Литки. Онъ рѣшилъ уйти послѣднимъ — и ждалъ, повторяя про себя: „До свиданья, Литусь!“, размышляя о смерти, о томъ, что и ему не миновать этого мѣста надмогильныхъ холмовъ, — этого моря, куда стекаются всѣ мысли, стремленія, чувства... Ему казалось теперь, что и онъ самъ, и всѣ стоявшіе у этой могилы, и отошедшіе отъ нея, находятся на кораблѣ, который несется на всѣхъ парусахъ прямо къ безднѣ. О загробной жизни онъ въ эту минуту не думалъ.

Между тѣмъ, незамѣтно наступили осеннія сумерки. Кресты на кладбищѣ казались еще блѣднѣе. Старый профессоръ вмѣстѣ съ Хвастовскимъ повели пани Эмилию къ выходу безъ всякаго съ ея стороны сопротивленія. Поланецкій еще разъ повторилъ: „До свиданья, дитя мое!“ — и вышелъ.

У выхода онъ подумалъ:

„Счастье, право, что мать находится въ безсознательномъ состояніи, а то страшно и подумать, что дѣвочка осталась тамъ одна. Мертвые насъ оставляютъ, но и мы ихъ оставляемъ“.

Издали какъ-то онъ замѣтилъ карету, въ которой пани Эмилия отѣхала, и ему показалось, что существующій на свѣтѣ порядокъ вещей просто возмутителенъ.

Однако, самъ сѣвши на извозчика, онъ испыталъ минуту эгоистическаго облегченія, при мысли, что мучительный, тяжелый актъ уже кончился, и что наступилъ отдыхъ. Его квартира показалась ему пустой, ему не оставалось въ ней просвѣта, упованія и надежды. Но когда онъ послѣ чаю вытянулся на диванѣ, его охватило животное самодовольство отдыха послѣ труда. Какое-то чувство облегченія вродѣ удовлетворенія при мысли, что похороны уже окончились и Литка погребена, охватило его во второй разъ. Ему вспомнилось изреченіе какого-то философа, сказавшаго, что онъ не знаетъ пре-

ступниковъ, а знаетъ только людей порядочныхъ — но они-то мерзки и отвратительны. Поланецкій въ эту минуту казался самому себѣ отвратительнымъ.

Вечеромъ, однако, онъ вспомнилъ, что надо провѣдать пани Эмилию, которую Мариня рѣшила забрать къ себѣ на нѣсколько недѣль. Выходя, онъ замѣтилъ на столѣ фотографическую карточку Литки и поцѣловалъ ее. Черезъ четверть часа онъ позвонилъ въ квартиру Плавицкихъ.

Лакей сказалъ ему, что баринъ вышелъ, но у нихъ сидятъ, кромѣ пани Хвастовской, профессоръ Васковскій и ксендзъ Хилакъ. Мариня встрѣтила его въ гостиной, немного растрепанная, съ красными глазами, почти некрасивая. Зато обхожденіе ея съ нимъ совершенно измѣнилось, точно она, благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, позабыла о старыхъ обидахъ.

— Эмилька у меня, — начала она шептать. — Она чувствовала себя очень скверно, хотя, кажется, она теперь понимаетъ по крайней мѣрѣ, что ей говорятъ. При ней профессоръ Васковскій.. Онъ говоритъ съ ней такъ трогательно... Вы непременно хотите видѣть Эмильку?

— Нѣтъ. Я пришелъ только осведомиться, что съ ней и сейчасъ ухожу.

— Не знаю, право... можетъ быть, она захочетъ васъ видѣть; подождите немножечко, я пойду туда и скажу, что вы пришли. Литка васъ такъ любила, что Эмилька, быть можетъ, пріятно будетъ васъ видѣть.

— Хорошо, — сказалъ Поланецкій.

Мариня вышла въ другую комнату, но, должно быть, она не могла начать разговора, такъ какъ Поланецкій слышалъ черезъ открытую дверь не ея голосъ, а голосъ Васковского, въ которомъ звучали ноты глубокаго убѣжденія и какого-то усилія, направленнаго къ тому, чтобы пробить стѣну безграничной апатіи и страданія.

Старый профессоръ говорилъ:

— Это все равно, какъ бы она вышла въ другую комнату за игрушкой, откуда сейчасъ вернется... Она не вернется, но вы пойдете къ ней. Говорю вамъ, милая моя, смотрите на смерть не со стороны земной, а съ божественной. Дѣвочка живетъ и счастлива, потому что, будучи въ вѣчности, она смотритъ на вашу разлуку, какъ на одно мгновеніе ока. Литка живетъ, говорилъ онъ далѣе, подчеркивая каждое слово, — живетъ и счастлива. Она видитъ, что вы идете къ ней и она простираетъ къ вамъ свои ручки, увѣренная, что вы въ одинъ мигъ придете къ ней, потому что жизнь и страданія предъ лицомъ Бога короче мгновенія ока. А затѣмъ цѣлая вѣчность вмѣстѣ съ Литкой, — подумайте только, милая, съ

Литкой, въ спокойствіи и благодати... Нѣтъ ни болѣзни, ни смерти. Мѣры исчезнуть, а вы все будете вмѣстѣ.

Поланецкій подумалъ съ горечью:

„Было-бы хорошо, если-бы это было такъ“...

А чрезъ минуту онъ продолжалъ думать:

„Если-бы я чувствовалъ, какъ онъ, то имѣло-бы еще смыслъ туда войти. А такъ не стѣбитъ“!

Однако, наперекоръ своему рѣшенію, онъ вошелъ, не ожидая даже возвращенія Марини, потому что ему показалось, что если у него не было причины, то была своего рода обязанность и что онъ просто права не имѣетъ трусить передъ чужимъ страданіемъ. Эгоизмъ — это „та же вата, которой люди обыкновенно затыкаютъ себѣ уши, чтобы не слышать человѣческаго стона“, оправдываясь предъ самимъ собою тѣмъ, что если страданіе велико, то не помогутъ ему ни утѣшенія, ни соболѣзнованія. Поланецкій сознавалъ, что это такъ, и ему стыдно стало спокойно ретироваться, вмѣсто того, чтобы пойти на встрѣчу материнской скорби. Войдя, онъ замѣтилъ пани Эмилию, сидѣвшую на кушеткѣ; надъ кушеткой стояла лампа, а немного пониже — пальма, бросающая на эту несчастную голову тѣнь словно огромныхъ, растопыренныхъ пальцевъ. Подлѣ пани Эмилиі сидѣлъ Васковскій и, держа ея руки, прямо глядѣлъ ей въ лицо. Поланецкій отнял у него эти руки и, нагнувши къ нимъ свою голову, сталъ, молча, прижимать ихъ къ своимъ губамъ.

Пани Эмилиа только моргала глазами, какъ человѣкъ, старающійся пробудиться отъ сна, послѣ чего она вдругъ воскликнула съ неожиданнымъ отчаяніемъ:

— Помните, какъ она...

И она вдругъ разразилась тѣмъ страшнымъ рыданіемъ, при которомъ сжимаются руки, сдавливаются дыханіе и надрывается грудь. Наконецъ, силы ея не выдержали и она лишилась чувствъ. Когда обморокъ прошелъ, Мариня увела ее въ свою комнату. Поланецкій съ Васковскимъ прошли въ гостиную, гдѣ они столкнулись съ Плавцкимъ, который успѣлъ уже вернуться изъ города.

— Имѣтъ въ домѣ такую грустную особу равносильно тому, чтобы испортить себѣ жизнь, — сказалъ онъ; — мнѣ-бы слѣдовало немного спокойствія, нѣкоторый отдыхъ, но что дѣлать, что дѣлать! Надо будетъ отойти на второй планъ, я на все готовъ...

Чрезъ полчаса зашла Мариня и сообщила, что пани Эмилиа уступила, наконецъ, ея просьбамъ и легла и что она, кажется, немного успокоилась. Поланецкій и Васковскій распрощались и ушли.

Они шли сквозь густой туманъ, который послѣ теплаго дня поднялся ночью съ земли, пересѣвая улицу и образуя около фонарей разноцвѣтные круги. Оба думали о Литкѣ, которая проводила первую

ночь вдали отъ матери, среди мертвыхъ. Поланецкому это показалось просто ужаснымъ, не для Литки, а для пани Эмилии, которая не могла объ этомъ не думать. Ему вспомнились теперь также и слова Васковскаго, которыя тотъ недавно говорилъ пани Эмилии, и онъ, наконецъ, замѣтилъ:

— Я слышалъ, что вы говорили... Если это доставило ей облегченіе, то это очень хорошо; но видите-ли, будь это неопровержимая истина, тогда мы должны были-бы теперь... развѣ я знаю что... развѣ только устроить празднествъ и радоваться тому, что Литка умерла.

— А откуда знать, что мы этому не будемъ радоваться послѣ нашей смерти?

— Нѣтъ, ужъ вы лучше скажите, откуда вы знаете, что такъ будетъ?

— Я не знаю, я вѣрую.

На это нечего было возражать, а потому Поланецкій продолжалъ, какъ-бы разсуждая самъ съ собою:

— Милосердіе, свѣтъ въ эмпиреяхъ, вѣчность, воссоединеніе, а въ дѣйствительности что? Трупъ ребенка лежитъ на кладбищѣ, а мать изнываетъ отъ боли... Приносила бы смерть съ собою, по крайней мѣрѣ, хоть эту вашу вѣру, а то она приноситъ лишь сомнѣніе. Вѣдь вамъ жаль этого ребенка, а мнѣ еще болѣе жаль его, и это чувство жалости прямо ставитъ вопросъ: почему она умерла? Къ чему такая жестокость? Я знаю, что это все глупѣйшіе вопросы и что сотни милліоновъ людей задавали эти самые вопросы; но если въ этомъ вся потѣха, то чортъ-бы ее побралъ. Я знаю, что не найду отвѣта, и вотъ поэтому мнѣ такъ хочется скрежетать зубами и проклинать... Я не понимаю, и потому возмущаюсь—вотъ и все. И это весь результатъ, котораго и вы, надѣюсь, не можете признать утѣшительнымъ.

Васковскій отвѣтилъ не прямо, а какъ-бы разсуждая самъ съ собой:

— Христось воскресъ изъ мертвыхъ, потому что Онъ Богъ, но, какъ человѣкъ, и Онъ не минулъ смерти. Что же послѣ этого остается мнѣ, жалькому червяку, какъ только славить волю и мудрость Бога во смерти.

Поланецкій пробормоталъ:

— Съ вами нечего говорить.

— Очень скользко, — сказала Васковскій, — подай мнѣ, пожалуйста, руку.

И взявши Поланецкаго подъ руку, онъ оперся на его плечо и продолжалъ:

— У тебя, мой милый, благородное, любящее сердце, ты такъ любилъ эту бѣдную малютку, ты бы для нея все сдѣлалъ — не правда-ли? Сдѣлай же еще вотъ что: вѣришь-ли, или не вѣришь —

помолись за нее и прочти „вѣчный покой“... Если ты думаешь, что ей отъ этого пользы не будетъ, то скажи себѣ: „Больше ужъ я ничего не могу для нея сдѣлать, а это, единственное еще, могу“...

— Оставьте меня въ покоѣ! — отвѣтилъ Поланецкій.

— Быть можетъ, ей это и не нужно, но ей пріятна будетъ твоя память о ней и она вымолить для тебя у Бога милосердіе.

Поланецкій вспомнилъ, какъ Васковскій, узнавъ о послѣднемъ припадкѣ Литки, говорилъ тогда, что жизнь дѣвочки не можетъ пройти безслѣдно и что если ей и суждено умереть, то, навѣрное, ей предназначено предъ смертью что-либо выполнить. И онъ ужъ готовъ былъ накинуться изъ-за этого на Васковского, какъ вдругъ его поразила мысль, что, вѣдь, Литка сблизила его предъ смертью съ Мариной.

И совершенно неожиданно онъ задалъ себѣ вопросъ: „а можетъ быть она для этого только и жила“? Но въ ту же минуту онъ сталъ возмущаться этой мыслью. Гнѣвъ овладѣлъ имъ противъ Марини, онъ почувствовалъ приливъ озлобленія, почти презрѣнія.

„Я не хочу ея за такую цѣну — думалъ онъ, стиснувъ зубы. — Не хочу! Я ужъ достаточно и безъ того намучился. Охотно отдалъ-бы я десять такихъ за одну Литку“.

Между тѣмъ, Васковскій, топчась около него, сказалъ:

— Просто, ни зги не видать, хоть глазъ выколи, а на тротуарахъ стало скользко изъ-за тумана. Если-бы не ты, я-бы ужъ давно полетѣлъ головой внизъ.

А Поланецкій, овладѣвъ собой, отвѣтилъ:

— Видите-ли, господинъ профессоръ, кто ходитъ по землѣ, тотъ долженъ смотрѣть внизъ, а не вверхъ.

— У тебя, мой милый, хорошія ноги.

— И глаза, которые отлично видятъ даже съвозъ такой туманъ, какой насъ теперь окружаетъ. Вѣдь мы всѣ живемъ въ туманѣ, — а за нимъ одинъ чортъ знаетъ, что тамъ. Все, что вы говорили, производитъ на меня такое впечатлѣніе, словно кто-нибудь взялъ и сталъ ломать сухія вѣтви, бросать ихъ въ потокъ и увѣрять, что изъ этого выростутъ цвѣты. Гниль будетъ — и больше ничего. И у меня потокъ вырвалъ и унесъ что-то, изъ чего, я думалъ, могъ-бы когда-нибудь распухнуть пышный цвѣтокъ. Глупо... Но вотъ вашъ подъѣздъ! — покойной ночи!

И они растались. Поланецкій вернулся домой еле живой отъ усталости и, бросившись на постель, продолжалъ томиться преслѣдовавшими его мыслями или, скорѣе, видѣніями. Сначала предъ его глазами выросла подавленная горемъ фигура пани Эмилии, сидящая въ гостиной Марини, подъ пальмовымъ листомъ, который повисъ надъ ея головой, словно гигантская, зловѣщая рука съ растопыренными,

хищными пальцами, бросая тѣнь на ея лицо. „Эдакъ можно-бы было философствовать до завтрашняго утра — бормоталъ онъ про себя. Все, изъ чего складывается жизнь — точно такая же рука, отъ которой падаетъ тѣнь — и ничего больше! потому что, будь при этомъ еще хоть немного милосердія, ребенокъ не умеръ-бы — а тѣмъ, что говорить Васковскій, трудно даже воробья накормить“.

Тутъ, однако, онъ вспомнилъ, что Васковскій не только говорилъ о смерти, но просилъ его также прочесть за Литку „вѣчный покой“. Въ Поланецкомъ происходила теперь внутренняя борьба. Отсутствіе глубокой вѣры въ то, что Литва могла услышать его „вѣчный покой“ и что это принесетъ ей какую-нибудь пользу, наложило печать молчанія на его уста. Ему просто стыдно было говорить слова, которыя не исходили изъ глубины его убѣжденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему также стыдно было не дѣлать этого. „Вѣдь, въ концѣ концовъ, что я знаю? — думалъ онъ. — Ничего. Кругомъ туманъ и туманъ... Вѣриѣ всего, что ей отъ этого ничего не прибавитъ, однако, какъ-бы тамъ ни было, это все-таки единственная еще вещь, которую я могу сдѣлать для моего „котика“, для той дорогой дѣвочки, которая наканунѣ смерти думала обо мнѣ“.

Онъ нѣкоторое время еще колебался, но потомъ тутъ же на постели преклонилъ колѣни и прочелъ „вѣчный покой“.

Но это, однако, не принесло ему никакого утѣшенія, а только подняло въ немъ еще бѣльшую скорбь о Литкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — злость противъ Васковского, поставившаго его въ такое тягостное положеніе, что ему оставалось или впасть въ противорѣчіе съ самимъ собой, или нѣкоторымъ образомъ измѣнить Литкѣ. Онъ почувствовалъ, наконецъ, что черезъ-чуръ уже поддакъ этимъ мучительнымъ терзаніямъ и твердо рѣшилъ завтра же, съ самого утра, отправиться въ контору и заняться съ Бигелемъ первымъ попавшимся текущимъ дѣломъ, лишь-бы только оторвать свою мысль отъ этого мучительнаго заколдованнаго круга, въ которомъ онъ вертѣлся уже нѣсколько дней.

Но на другой день Бигель предупредилъ его, явившись къ нему самъ, быть можетъ съ той же цѣлью, чтобы занять его чѣмъ-нибудь другимъ. Поланецкій съ особымъ усердіемъ приступилъ къ разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ, — но это продолжалось не долго, такъ какъ черезъ часъ пришелъ Букацкій, чтобы попроситься.

— Ёду теперь въ Италію и одинъ Богъ знаетъ, когда я вернусь — сказалъ онъ, — а мнѣ хотѣлось сказать вамъ предъ отъѣздомъ: будьте здоровы. Смерть этого ребенка засѣла у меня гораздо глубже, чѣмъ я предполагалъ.

— И ты изъ-за этого уѣзжаешь?

— Долго объ этомъ толковать. Видишь-ли, у насъ принято го-

ворить: я буддистъ или что тамъ въ голову взбредеть, а на самомъ дѣлѣ немного вѣруешь, немного надѣешься на... какое-то милосердіе... и такъ живешь изо дня въ день. Между тѣмъ, что же выходитъ? Дѣйствительность бьетъ насъ по лицу чуть-ли не каждый день, ввергая насъ въ душевную пропасть, въ непріятности, въ нравственныя тревоги. Здѣсь вѣчно кого-нибудь или что-нибудь любишь, вѣчно терзаешься чужимъ несчастіемъ, а я этого не хочу. Это меня мучаетъ...

— Чѣмъ же тебѣ поможетъ Италія?

— Чѣмъ она мнѣ поможетъ? Вѣдь тамъ есть солнце, котораго тутъ нѣтъ; тамъ есть искусство, котораго тутъ нѣтъ и къ которому я чувствую слабость; тамъ есть отличное вино, которое хорошо дѣйствуетъ на мой катарръ желудка и, наконецъ, я окруженъ людьми, которые для меня совершенно безразличны и которые могутъ себѣ умирать по сотнѣ въ день, не причиняя мнѣ никакого огорченія. Буду любоваться картинами, буду покупать то, что мнѣ нужно, буду ухаживать за своимъ ревматизмомъ, буду возиться съ головной болью, и буду изображать изъ себя болѣе или менѣе изнѣженное, сытое и здоровое животное, — что смѣю тебя увѣрить, въ сущности есть еще самое желательное состояніе жизни. Тутъ я не могу быть вполне животнымъ, — а я въ душѣ хочу имъ быть.

— Ты правъ, Бувацкій. Видишь-ли, мы вотъ сидимъ за счетами, чтобы разбогатѣть и чтобы не думать ни о чемъ другомъ. Какъ только дойдемъ до такого матеріальнаго состоянія, какъ ты, то, навѣрное... не знаю впрочемъ, какъ Вигель, но я послѣдую твоему примѣру.

— Итакъ, до свиданья во времени и пространствѣ — сказалъ Бувацкій.

Черезъ минуту по его уходѣ Поланецкій замѣтилъ:

— Онъ дѣйствительно правъ. Насколько, напримѣръ, я былъ-бы теперь счастливѣе, если-бы я не привязался ни къ этой дѣвочкѣ, ни къ пани Эмилиі. Мы въ этомъ отношеніи неизлечимы и добровольно портишь себѣ жизнь. Онъ правъ. Тутъ всегда кого-нибудь или что-нибудь любишь. Это дѣтская болѣзнь... Вѣчный ревматизмъ, вѣчный сентиментализмъ — и вѣчная боль въ сердцѣ...

А Вигель сказалъ:

— Кланяется тебѣ старикъ Плавицкій. Вотъ онъ-то ужъ никого не любитъ, кромѣ самого себя.

— Пожалуй, что и такъ, но у этого старика полное отсутствіе ума и мужества, чтобы сказать себѣ, что такъ можно и нужно. Наоборотъ, онъ самъ убѣжденъ, что слѣдовало-бы быть инымъ и потому онъ всегда находится въ какомъ-то рабствѣ. Здѣсь, на землѣ, если кто-нибудь и обладаетъ такой натурой, какъ онъ, такъ непременно

долженъ еще притворяться, хотя-бы даже предъ самимъ собою, — что онъ кого-то или что-то любить.

— А сегодня ты будешь у пани Эмилиі? — спросилъ Бигель.

— Ну, разумѣется... Если-бы я, напримѣръ, сказалъ тебѣ, что у меня горячка, то еще не значить, что я этимъ самымъ уже вылезъ-бы отъ нея.

И дѣйствительно, онъ не только въ этотъ день былъ у пани Эмилиі, но онъ былъ тамъ даже два раза, потому что въ первый разъ онъ ни пани Эмилиі, ни Марини не засталъ дома. Плавницкій на вопросъ, гдѣ дочь, отвѣтилъ ему съ какимъ-то пафосомъ и покорностью: „У меня теперь нѣтъ дочери!“ — Поланецкій-же, удерживая себя, чтобы его не выругать, къ чему вдругъ явилась у него большая охота, сейчасъ-же вышелъ и вернулся только вечеромъ.

На этотъ разъ къ нему снова вышла Мариня, и сказала что пани Эмилиа уснула въ первый разъ послѣ похоронъ Литки. Говоря это, она, долше обыкновеннаго задержала его руку въ своей. Поланецкій, не смотря на полнѣйшій хаосъ, царствовавшій въ его мысляхъ, не могъ этого не замѣтить, а когда онъ вопрошающе посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, то замѣтилъ, какъ щеки дѣвушки покрылись румянцемъ. Между тѣмъ, они усѣлись рядомъ и продолжали бесѣдовать:

— Мы были сегодня на Повонзкахъ ¹⁾, — сказала Мариня; — я общала Эмилькѣ, что мы будемъ туда ѣздить каждый день.

— Развѣ для нея хорошо каждый день вспоминать дѣвочку и растравлять свои раны?

— Да что вы? Развѣ ея раны зажили? — отвѣтила Мариня; — развѣ мыслимо сказать ей: „не ходи туда!“ Сначала я также думала, что это будетъ для нея не хорошо; но потомъ я убѣдилась, что наоборотъ. На Повонзкахъ она долго плакала, но ей стало легче. На обратномъ пути она вспомнила, что ей говорилъ профессоръ Васковскій — и эта мысль стала ея единственнымъ утѣшеніемъ — единственнымъ!

— Пусть хоть это служить ей утѣшеніемъ, — отвѣтилъ Поланецкій.

— Видите-ли, сначала я просто боялась напоминать ей о Литкѣ, но она только о ней и говоритъ, и бредитъ. Вы можете прямо говорить о ней, ничего не опасаясь, такъ какъ это, видно, доставляетъ ей громадное облегченіе...

Тутъ дѣвушка стала рассказывать, какъ-бы неувѣренно, понизивъ голосъ:

— Она постоянно себя упрекаетъ, что она въ послѣднюю ночь послушалась доктора и легла спать. Ей жаль послѣднихъ потерянныхъ минутъ, которыя она могла-бы провести съ Литкой, и эта мысль

¹⁾ Повонзки — католическое кладбище въ Варшавѣ.

Прим. Переводчика.

страшно ее угнетаетъ. Сегодня, возвращаясь съ кладбища, она стала распрашивать меня о мельчайшихъ подробностяхъ: какъ она выгля- дѣла, какъ долго спала, принимала-ли лекарство и что говорила, обращалась-ли въ намъ... Притомъ, она заклинала меня, чтобы я все припомнила и не пропустила-бы ни слова.

— И вы ничего не пропустили?..

— Нѣтъ.

— Какъ она это выслушала?

— Она очень-очень плакала.

Оба замолчали и молчали довольно долго, послѣ чего Мариня сказала:

— Пойду, посмотрю, что тамъ съ ней.

Черезъ минуту она вернулась.

— Спать, — сказала она. — Слава Богу!

Поланецкій въ этотъ вечеръ такъ и не видѣлъ пани Эмилии, которая словно впала въ летаргическій сонъ. При прощаніи Мариня снова крѣпко пожала ему руку, спросивъ почти со смиреніемъ:

— Вы ничего не имѣете противъ того, что я повторила Эмилькѣ послѣднее желаніе Литки?

— Въ такія минуты, — отвѣтилъ онъ, — я, право, не могу думать о себѣ. Меня интересуешь только пани Эмилиа и если слова ваши доставили ей какое-нибудь облегченіе, то я отъ души вамъ благо- даренъ.

— Итакъ, до завтра, неправда-ли?

— До завтра.

Поланецкій распрощался и вышелъ, а, спускаясь съ лѣстницы, думалъ:

„Она считаетъ себя моей невѣстой“.

И онъ не ошибся. Мариня считала его своимъ женихомъ. Онъ никогда не былъ ей совершенно чужимъ; наоборотъ, сила обиды явля- лась лишь мѣриломъ того необыкновеннаго интереса, какой онъ воз- будилъ въ ней. Къ тому-же, во время болѣзни Литки и ея похоронъ онъ самъ могъ открывать въ себѣ какіе ему угодно глубокіе слои эгоизма, ей-же онъ казался такимъ добрымъ, что она просто не находила ему равнаго. Остальное довершили слова Литки. Въ сущности, сердце ея, прежде всего, жаждало любви — и теперь — разъ она обѣщала это Литкѣ на смертномъ одрѣ, разъ она обязалась лю- бить и выйти замужъ, то ей казалось, что если-бы она даже не любила, то она должна заставить себя любить, что теперь ей ужъ нельзя не любить. Поланецкій вошелъ въ сферу ея обязанностей, ея долга, — а она принадлежала къ числу тѣхъ прямыхъ женскихъ на- туръ, какихъ не мало еще и по сіе время, для которыхъ жизнь и

долгъ тѣсно связаны между собой и которыя соединяють поэтому съ долгомъ и добрую волю, и не только добрую, но и очень твердую.

Такая, именно, воля влечетъ за собою любовь, которая свѣтитъ, какъ солнце, грѣетъ, какъ теплота его, и успокоиваетъ, какъ ясное, лазоревое небо. Такимъ образомъ жизнь становится не сухимъ терновымъ кустомъ, полнымъ колючихъ шиповъ, а цвѣткомъ, полнымъ упоенія и восторга.

Эта здравомыслящая, прямая и деликатная въ своихъ чувствахъ деревенская дѣвушка въ наивысшей степени обладала способностью жить и быть счастливой.

И поэтому, когда Поланецкій ушелъ, она, размышляя о немъ, называла его въ душѣ не иначе, какъ „панъ Стахъ“. Вѣдь онъ былъ уже ея „панъ Стахъ“.

А Поланецкій, лежа въ постели, повторилъ почти механически: — Она считаетъ себя моею невѣстой.

Смерть Литки и происшествія послѣднихъ дней отодвинули Мариню не только въ его мысляхъ, но и въ сердцѣ его, куда-то далеко на задній планъ.

Теперь онъ снова началъ думать о ней и о своей будущности. И вдругъ надъ нимъ нависла тяжелая туча мучительныхъ вопросовъ, на которые, въ эту минуту по крайней мѣрѣ, онъ не находилъ отвѣта.

Онъ только испыталъ предъ ними безотчетный страхъ; онъ чувствовалъ, что нѣтъ у него теперь ни силъ, ни охоты взяться за этотъ трудъ. Снова начать жить старой жизнью, снова очутиться въ этомъ сентиментальномъ заколдованномъ кругѣ, снова волноваться, снова напрягать все усилія и добиваться того, что приносить одну лишь горечь, снова бороться съ самимъ собою изъ-за какихъ-то чувствъ! Не лучше-ли будетъ, вмѣстѣ съ Бигелемъ, взяться за счеты, сколотить деньжонки, чтобы потомъ, какъ Букацкій, махнуть въ Италію или куда-нибудь въ другое мѣсто, гдѣ есть солнце, искусство, вино, хорошо дѣйствующее на желудокъ, а, главное, чужіе люди, счастье которыхъ не радуешь и не грѣетъ, а смерть и горе не вызываютъ ни одной слезинки...

Конецъ первой части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Неизданные историческіе документы).

Изъ записныхъ книжекъ 1826 — 1845 гг.

Пушкинъ и Жуковскій обѣдали у насъ, говорили о воспитаніи. Сверчокъ уже заботится о воспитаніи своихъ дѣтей и онъ правъ: оно начинается съ первымъ зубомъ, а можетъ быть и ранѣе. Мы говорили о дѣтскихъ книгахъ. Мой мужъ сказалъ, что греки и итальянцы рождены артистами, такъ какъ они постоянно созерцаютъ дивную природу, роскошныя краски, которыя мы, сѣверяне, видимъ только во снѣ. Кромѣ того они живутъ среди дивныхъ произведеній искусства, самый языкъ этому способствуетъ: онъ такъ звученъ въ Италіи, люди воспитываются тамъ посредствомъ глазъ и ушей. Пушкинъ разсказалъ намъ, что онъ вчера страшно взбѣлся: кормилица его сына дала ребенку хлѣба, который сама сначала прожевала; онъ былъ въ ярости. Няня балуетъ дѣвочку, которая очень живая; ей спускаютъ всѣ ея капризы; мой мужъ посовѣтывалъ ему взять няню англичанку или шотландку; это не англоманія: онѣ аккуратнѣе и чистоплотнѣе, нѣсколько знакомы съ гигиеной, я на нихъ насмотрѣлась при дворѣ ¹⁾, онѣ также очень правдивы и добросовѣстны; Блай ²⁾ выпишетъ намъ няню изъ Абердина и конечно оказалъ-бы ту же услугу Пушкину. Леди С. и леди Д. ³⁾ говорили мнѣ, что книги для младшаго возраста въ Англіи прекрасны и няня, которая живетъ у Д.,—какое-то совершенство. Пушкинъ очень любитъ обѣихъ Скугель ⁴⁾, въ особенности Маріанну; онъ находитъ ее оригинальной и прямой. Онъ уже составилъ

¹⁾ Няньки при дворѣ со времянь Екатерины II были всегда англичанки или шотландки.

²⁾ Секретарь англійскаго посольства.

³⁾ Англійскія посланницы.

⁴⁾ Двѣ сестры шотландки, жившія въ гувернанткахъ, одна у Карамзинныхъ, другая у Гагаринныхъ.

планъ воспитанія своихъ дѣтей, одобренный Жуковскимъ. Онъ говорилъ намъ: «Надо воспитывать дѣтей по ихъ способностямъ» и прибавилъ: «Вилъеръ ¹⁾ сказалъ мнѣ очень тонкую вещь, говоря объ О. Д. «Ученый дуракъ дважды дуракъ, человѣкъ не долженъ быть воспитанъ выше своихъ способностей, излишекъ воспитанія такъ же вреденъ какъ излишекъ въ пищѣ». Жуковскій говоритъ, что женщинъ слѣдуетъ воспитывать такъ, чтобы онѣ были подругами для своихъ мужей, не будучи синими чулками. Пушкинъ восхищается здоровымъ смысломъ англичанъ во всемъ; онъ находитъ методы и книги нѣмцевъ педантичными, но у нихъ есть нѣсколько хорошихъ дѣтскихъ книгъ, впрочемъ менѣе, чѣмъ у англичанъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что нѣтъ ничего труднѣе какъ создать дѣтскую и народную литературу; онъ того мнѣнія, что ее и создавать не надо, что есть только одинъ способъ ее найти—это изучить ту, которая существуетъ у всѣхъ народовъ; ребенокъ и крестьянинъ на одномъ уровнѣ, во надобно дать этой литературѣ большую обработанность, отбросивъ все грубое, но не посягая на присущіе ей умъ и истину. Онъ ненавидитъ дѣтскую литературу конца XVIII столѣтія и изъ тѣхъ, которые еще теперь подражаютъ ей во Франціи, онъ предпочитаетъ Перро Беркену и всѣмъ этимъ нравственнымъ и педантичнымъ сказкамъ. Гулливеръ, Робинзонъ, наши сказки, сказки нѣмцевъ и англичанъ, Тысяча и одна ночь,—ничто изъ этого не было написано для дѣтей, а это блаженство дѣтей и онъ считаетъ невозможнымъ написать что-нибудь лучшее. Онъ хочетъ писать сказки и легенды для своихъ дѣтей, приспособить уже существующія вездѣ, а также житія святыхъ, изложивъ ихъ хорошимъ, доступнымъ русскимъ языкомъ. Мой мужъ далъ ему сборникъ итальянскихъ разказовъ; они всегда скабрены; онъ говорилъ ему объ итальянскомъ переводѣ одной греческой книги очень поэтическихъ разказовъ. Они говорили объ итальянскихъ нравахъ, объ этой смѣси безцеремонности и чопорности; тамъ женщины средняго сословія никогда не выходятъ безъ провожатаго, среди аристократіи чичисбей смѣнили дуэнья и обычай продолжаетъ держаться. Пушкинъ смѣялся: «Итальянскія барскія барыни; Зеа ²⁾ говорилъ мнѣ, что дуэнья еще существуютъ въ Испаніи и что онѣ очень обязательны». По мнѣнію Жуковского, дѣтямъ можно читать много книгъ, написанныхъ не для нихъ; можно доставлять удовольствіе ихъ воображенію, но надо дѣлать выборъ: наиримѣръ рыцарскія сказки, все компеское и поэтическое и стихотворенія, вообще хорошо написанныя книги, но никогда не давать пмъ ничего безобразнаго, никакихъ карикатуръ, ничего необычайнаго. Пушкинъ былъ его мнѣнія, говоря: «Въ мое время читали можетъ быть слишкомъ много; моя сестра въ пятнадцать лѣтъ прочла

¹⁾ Вслѣдствіи лордъ Кларендонъ; мои родители въ то время видали много дипломатовъ.

²⁾ Испанскій посланникъ.

Новую Элоизу; въ двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ поступать въ Лицей, я прочелъ все, что было въ библіотекѣ моего отца; до семи лѣтъ я былъ тяжелъ, молчаливъ, мало развитъ; едва научившись читать, я сталъ размышлять, сравнивать и сдѣлался болтливъ. Я былъ снѣдаемъ любопытствомъ, я хотѣлъ все прочесть, все знать. До семи лѣтъ моей единственной литературой были сказки моей бабушки и моей няньки Арины; вотъ почему я переложилъ ихъ въ стихи: Стенька Разинъ былъ моимъ первымъ героемъ и я уже мечталъ о немъ, когда мнѣ не было восьми лѣтъ». Онъ прибавилъ: «Смирновъ правъ, говоря, что глазъ и ухо начинаютъ воспитаніе и, что надо избѣгать развращать ихъ безобразнымъ и ужаснымъ. Еслибъ мы могли найти игрушки грековъ и римлянъ, мы получили-бы откровеніе относительно воспитанія первыхъ лѣтъ того, которое предшествовало образованію и было его основой. замѣтите, что до XIX-го вѣка ребенка одѣвали какъ взрослыхъ, жизнь начиналась очень рано, женили дѣтей; въ то-же время роль мальчика и дѣвочки въ семействѣ была очень безпѣтна, а между тѣмъ съ ними обращались не какъ съ дѣтьми, ихъ заставляли косвенно способствовать всѣмъ семейнымъ и имущественнымъ комбинаціямъ, а съ XVII-го вѣка это уже были хорошо дрессированныя куклы; ихъ, обвѣнчанныхъ въ 12 и 15 лѣтъ, толкали въ жизнь въ томъ возрастѣ когда начинается воспитаніе, пли точнѣе истинное образованіе. Было-ли это дурно? Не знаю, выходили мужчины и женщины; быть можетъ по пустотѣ и легкомыслію мы не лучше ихъ. Теперь болѣе стараются заставить ихъ учиться. Копчатъ тѣмъ, что создадутъ педантовъ и снѣе чулки; учатъ больше, но воспитываютъ меньше для той роли, которую придется играть въ жизни. Перемѣна въ педагогическомъ отношеніи громадна, особенно за послѣднія 20 лѣтъ. Богъ вѣсть, создастъ-ли это серьезное поколѣніе, но родители стали серьезнѣе, дѣти играютъ болѣе выдающуюся роль въ семьѣ и это къ лучшему, въ особенности для родителей». Жуковский говорилъ о нѣмецкихъ системахъ, Кампе, Базедовъ, Песталоцци, о школахъ моралистовъ въ Цюрихѣ и Винтертурѣ, о Лафатерѣ и Сюльцерѣ и о школахъ Герренгутеровъ въ Цинцендорфѣ; онъ находилъ ихъ практичными, а прочія педантичными, для народа онъ предпочитаетъ ланкастерскій методъ, въ особенности для пріютовъ.

Пушкинъ продолжалъ развивать свою мысль, говоря: «Если родители будутъ преувеличивать въ томъ смыслѣ, что ребенокъ слишкомъ восчувствуетъ свое значеніе, это будетъ зло, такъ какъ, быть можетъ, слишкомъ забудутъ пятую заповѣдь, стануть читать ее наоборотъ: почитай сына твоего и дочь твою! Такъ трудно достигъ скучной, золотой середины и здравого смысла, этого качества драгоцѣннаго въ семейномъ быту, способствующаго счастью, имъ слишкомъ пренебрегаютъ, тогда какъ онъ обезпечиваетъ счастье и успѣхъ въ воспитаніи. Въ сущности людей слѣдуетъ воспитывать для той роли, которую имъ приходится играть на свѣтѣ; роль боль-

шинства быть добрымъ мужемъ, добрымъ отцомъ, доброй женой, доброй матерью, но для этого надо сначала быть добрымъ сыномъ, добрымъ братомъ, доброй дочерью, доброй сестрой. Слѣдуетъ также быть добрымъ гражданиномъ и добрымъ патриотомъ; понятно не въ смыслѣ гражданственности 1793 года. Полагаю, что добрые люди христіане всегда будутъ добрыми гражданами и пр., даже добрыми монархами и монархинями. Я отдаю должное кесарю, но не слѣдуетъ отдавать ему то, что ему не принадлежитъ, т. е. «львиную часть!» Мы всѣ смѣялись, такъ какъ Пушкинъ никогда не можетъ воздержаться, чтобы не закончить своихъ размышленій насмѣшливымъ словомъ, смыслъ котораго всегда глубокъ, хотя онъ придаетъ ему форму шутки; у него всегда много юмора. Вилберъ сказалъ моему мужу, что онъ былъ пораженъ, встрѣтивъ въ Россіи чело-вѣка, одареннаго такимъ юморомъ; мой мужъ отвѣтилъ ему: «Вы, значить, воображали, что Джонъ Буль получилъ монополію на юморъ?»¹⁾

Я объявила нашему хохлу, что онъ до отъѣзда долженъ намъ пере-честь Тараса Бульбу, такъ какъ онъ въ совершенствѣ прочелъ его въ первый разъ, а разговоры слѣдуетъ читать по-малороссійски, съ удареніями, присущими родниѣ Тараса. Пушкинъ, Жуковскій, Плетневъ, Мятлевъ и Вяземскій пріѣхали обѣдать; я было пригласила Натали и даже ея сестеръ, но онѣ ѣхали къ тетускѣ Xavier. Мятлевъ, всегда насмѣшливый, сказалъ мнѣ тихонько: «мнѣ кажется, что вы задумали сдѣлать изъ Натали Николаевны женщину увлекающуюся литературой, но я полагаю, что вы потерпите неудачу; не для того чтобы говорить о *Путешествіи вокругъ моей комнаты* отправится она къ этой госпожѣ Ксавье-Де-Местръ.

Я отвѣчала: «молчите, бѣдовый челоуѣкъ».

Онъ возразилъ: «Вашъ господинъ и повелитель того же мнѣнія; онъ то и сказалъ мнѣ, что вы стремитесь внушить вкусъ къ музамъ этой барынѣ, которая прекрасна и граціозна, но по части музъ знаетъ одну Терпсихору».

Послѣ обѣда, который былъ очень веселый, Вяземскій объявилъ, что гастрономія нашей столовой *пестрая*: блюда французскія, русскія, малороссійскія и польскія, причемъ онъ задается вопросомъ: эмигрировали-ли борщъ, колтуны и зразы изъ Польши въ Украину, или съ береговъ Сейма и Днѣпра на берега Вислы и Немана.

Они отправились курить и играть на билліардѣ, а я осталась съ Гоголемъ и Плетневымъ. Гоголь говорилъ намъ о своей матери и своихъ

¹⁾ Много лѣтъ спустя мать моя встрѣтила въ Лондонѣ лорда Кларендона, а въ Римѣ сэра Джона Блай и они еще вспоминали Пушкина, равно какъ и графъ Фикельмонъ, который въ 1857 году въ Венеціи, въ послѣднюю зиму своей жизни, говорилъ о поэтѣ также какъ и жена его графиня Долли Фикельмонъ, дочь Елисаветы Хитрово.

сестрахъ; онъ очень счастливъ, что императрица платитъ за нихъ въ Патриотическій институтъ, такъ какъ сначала платилъ самъ и это было для него довольно тяжело; я обѣщала навѣщать ихъ, если насъ не отправятъ на какой-нибудь заграничный постъ, быть можетъ въ Берлинъ, или Парижъ, или Лондонъ, но мнѣ думается, что для дебюта будетъ Берлинъ; Лиза Репнина и г-жа Балабина будутъ къ нимъ ѣздить, а также г-жа Васильчикова и Варета Репнина, если она будетъ въ Петербургѣ. Меня поразило, что Гоголь, который еще такъ молодъ, говорилъ о своихъ сестрахъ и даже о матери, которую любитъ съ большой нѣжностью, точно будто онъ отецъ семейства, обязанный имъ помогать, а между тѣмъ Варета говорила мнѣ, что у нихъ прехорошенькое имѣніе и что онъ отказался отъ своей доли въ пользу сестеръ и матери, но госпожа Гоголь не особенно опытная хозяйка и ее часто обманываютъ. Когда кончилась партія въ биллиардъ, они всѣ возвратились въ гостиную и Гоголь началъ читать съ перерывами—для чая и для ужина послѣ двѣнадцати.

На этотъ разъ Тарасъ Бульба показался намъ еще оригинальнѣе; тутъ столько поэзіи и правды, столько *малороссійскаго* въ характерахъ.

Пушкинъ говорилъ во время роздыха: «Это эпопея, въ которой можно было бы найти матеріалъ для прекрасной драмы. Актъ первый: пріѣздъ сыновей и прощаніе съ матерью, двѣ прелестныя сцены по представляемому ими контрасту радости и горя. Актъ второй: любовныя сцены между Андреемъ и его хорошенькой полячкой, гнѣвъ Тараса, негодованіе и горе Остапа. Актъ третій (великолѣпный): совѣтъ у казаковъ. Актъ 4-й: пытка Остапа и сцена, посвященная Андрею и его польской Джульеттѣ. 5-й актъ составить трудно, такъ какъ невозможно изобразить на сценѣ рядъ убійствъ; слѣдовало бы сдѣлать его короткимъ, изобразивъ Тараса, возвѣщающаго о катастрофѣ женѣ своей и бунтующаго Сѣчу своей рѣчью, сказанною въ чисто казацкомъ духѣ.

Гоголь слушалъ его и казался счастливымъ. Наконецъ, онъ сказалъ ему: «Александръ Сергѣевичъ, если-бъ вы написали драму Тараса, вы бы сдѣлали это по Шекспировски».

Пушкинъ отвѣтилъ: «Сюжетъ Шекспировскій, но сдѣлать изъ него драму дѣло автора, а не мое. Вообще чрезвычайно мало романовъ поддаются передѣлкѣ на театральныя пьесы; надо, чтобы дѣйствіе могло быть сжато, чтобы страсти были очень просты; хотя человѣкъ существо сложное, страсти его всегда одинаковы, но онъ видоизмѣняется, такъ какъ онъ измѣнчивъ въ своихъ дѣйствіяхъ, мысляхъ, даже цѣляхъ; здѣсь проявляются двѣ страсти: страсть къ независимости и родительская любовь, вопіющая о мщеніи, у матери материнская любовь и привычка къ покорности мужу, главѣ семьи. Остапъ, который учился, остался чистокровнымъ казакомъ, онъ обладаетъ геройской твердостью спартамца, въ его героизмѣ есть гордость; а между тѣмъ это сердце способное любить, что сказывается

въ его крикъ съ эшафота: «слышишь-ли, видишь-ли меня, батько?» Въ этомъ развѣтъ сказывается казакъ и сынъ, этотъ крикъ великолѣпнень. Андрей—юноша вѣрно схваченный, наивный, онъ романтиченъ, онъ не герой Сѣчи, а парень, Грицко, Левко въ платьѣ запорожца. Всѣ эти противоположенія совершенно вѣрны и естественны». Гоголь сіялъ и наконецъ сказалъ: «Это историческій эпизодъ или, вѣрнѣе, нѣсколько эпизодовъ, слитыхъ вмѣстѣ; бывали романы между малороссами и поляками, казаки иногда увозили паннъ на своихъ коняхъ».

Вяземскій. Какъ римляне похищали сабинянокъ; впрочемъ любовь ничего не имѣетъ общаго съ патриотизмомъ и, со временъ Прекрасной Елены, прекрасный полъ причинялъ несчастія. Плетневъ сдѣлалъ замѣчаніе, которое Пушкинъ нашелъ превосходнымъ: «Монтекки и Капулетти ненавидѣли другъ друга, что и помѣшало Ромео сдѣлаться открыто мужемъ Джульетты; влюбленные любили въ то время, какъ ихъ милыя семейства ненавидѣли, и они отъ этого умерли; но любовь тѣмъ не менѣе восторжествовала, такъ какъ она сблизилась со смертію, ибо надъ ихъ трупами обѣ семьи-соперницы примирились».

Одобривъ это замѣчаніе, Пушкинъ продолжалъ: «Пѣснь Пѣсней говорить, что любовь сильнѣе смерти. Говорятъ, что Шекспиръ заимствовалъ свой сюжетъ изъ итальянской новеллы, которую я-бы желалъ прочитать. Знаешь-ли ты ее, Смирновъ? Мой мужъ отвѣчалъ: «Да, новелла дель-Порта, другія комедіи онъ заимствовалъ у Итальянскихъ писателей, которые въ то время были въ большой модѣ въ Англіи; мнѣ это говорилъ поэтъ *** и я ихъ читалъ. Я читалъ ту новеллу, изъ которой взять Венеціанскій купецъ. Авторъ ея Банделло; въ Англіи также существовала пѣсня о жидѣ Шейлокѣ, которая появилась изъ Италіи; я читалъ Беатриче Ченчи, откуда Шелли заимствовалъ свою трагедію. Знакомая съ этими слабыми набросками, поражаешься тѣмъ, что они внушили. Гамба, братъ Терезы Гвичіолли, говорилъ мнѣ, что Паризина также заимствована изъ старой сказки. Шекспиръ также читалъ шотландскія и англійскія хроники: немного ему нужно было, чтобы создать педевръ: эскизъ, фактъ, безформенная канва. Столько любопытныхъ вещей въ интимной исторіи англійскихъ и итальянскихъ семей, вещей не позабытыхъ, такъ какъ они чтутъ преданія прошлаго».

Пушкинъ. Чего намъ слишкомъ недостаетъ, но у насъ мало писанныхъ документовъ, такъ какъ мы долго были безграмотны, но они должны существовать въ монастыряхъ, кромѣ государственныхъ архивовъ.

Вяземскій. Романовъ-то мало, такъ какъ въ русской исторіи недостаетъ женщины.

Мятлевъ. А онѣ-то дѣлаютъ романы или по меньшей мѣрѣ вызываютъ ихъ и даже эпопею, со временъ Трои.

Пушкинъ. Не станемъ на это жаловаться, такъ какъ это создаетъ

шедевры, безъ которыхъ жизнь была-бы пустыней, рай, безъ Евы, показался-бы печальнымъ Адаму.

Я спросила: «Вы говорите это потому, что я единственная представительница прекраснаго пола».

Онъ покачалъ головой: «Развѣ я говорю вамъ комплименты, придворныхъ впитязей гроза, вы мнѣ это говорите съ пѣжной проницей?»

Когда Гоголь окончилъ свое чтеніе, Пушкинъ взялъ его за голову, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: «Пиши, пиши, думай, работай; все, что въ этой головѣ, должно изъ нея вылиться, не заглушай ничего, ни ума, ни сердца, ни воображенія, ни души. Ты будешь путешествовать, ты увидишь, что Западъ создалъ въ мѣръ искусства, ты уже понялъ искусство. Мнѣ очень понравилсъ твои статьи объ искусствѣ, я завидую тебѣ, что ты можешь путешествовать».

Я вчера вечеромъ играла на фортепіано, когда мнѣ доложили о Пушкинѣ, Виземскомъ и графѣ Фикельмонѣ. М-ше Элиза также хотѣла быть, но Долли ¹⁾ нездорова, ея маленькая дѣвочка прихворнула, она за ней ухаживала и утомилась.

Говорили о Екатеринѣ Великой, о Маріи-Терезіи, о раздѣлѣ Польши и въ особенности о Фридрихѣ Великомъ. Пушкинъ говорилъ, что онъ читалъ записки о немъ, а также записки его сестры, маркграфини Байрейтской, которую ея дрожайшій родитель публично сѣкъ. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Во всѣхъ тайныхъ запискахъ о Россіи XVIII вѣка говорится о нашихъ варварскихъ нравахъ и обычаяхъ; они конечно не были утончены, но дворъ Фридриха-Вильгельма былъ отвратителенъ: это былъ капралъ, чувствовавшій потребность мучить людей. Когда кто нибудь дерзалъ мыслить, онъ заявлялъ, что резонеры ни на что негодны. Онъ не давалъ денегъ своему сыну, который вѣчно искалъ, у кого-бы занять, онъ даже раздражалъ и безъ того не слишкомъ нѣжный характеръ сына, унижая его.

Гр. Фикельмонъ. Но сынъ походилъ на него. Отецъ былъ скареденъ, сынъ скупъ; есть знаменитые стихи его къ м-ше Альтенъ, которая просила у него пенсіи; я вамъ ихъ скажу на ухо, такъ какъ они очень неприличны.

Они пошентались и Фикельмонъ продолжалъ: «Раздѣлъ Польши очень рано сталъ *idée fixe* Фридриха Великаго, она его стѣсняла, такъ какъ Россія и Имперія его не стѣснялись. Всю жизнь онъ работалъ надъ тѣмъ, чтобъ раздавить Имперію или то, что отъ нея оставалось. Отецъ съ сыномъ отъ времени до времени мирился, но это были лишь перемирія.

¹⁾ Долли — графиня Фикельмонъ, дѣвочка—ея единственная дочь Элиза, красавица, замужемъ за княземъ Эдмондомъ Клари. Графиня Долли была красива и отличалась очаровательной добротой. Г-жа Элиза Хитрово была рожденная графиня Тизенгаузень и внучка фельдмаршала Кутузова.

Пушкинъ. Однако онъ царствовалъ по отцовской программѣ, съ при-мѣсью философіи. Папенька занимался богословіемъ, такъ какъ не выно-силъ философіи, а богословіе приспособлялъ по своему.

Вяземскій. Можно сказать, что съ легкими оттѣнками отецъ и сынъ стояли другъ друга. Сынъ выходилъ изъ терпѣнія, что онъ не король, а папаша морщился при мысли, что послѣ его смерти сынъ будетъ ко-ролемъ.

Пушкинъ. Пріятныя семейныя отношенія.

За симъ мой мужъ сказалъ, что Георгъ II и его жена ненавидѣли ихъ старшаго сына, умершаго въ молодости и бывшаго отцомъ Георга III и что въ этомъ отношеніи ганноверскій дворъ походилъ на прусскій. Георгъ I ненавидѣлъ свою жену и заперъ ее. Регентъ дѣлалъ все на свѣтѣ, чтобъ заточить Георга III, но Питтъ воспротивился и къ королю возвратился разсудокъ. Въ то время виги поддерживали регента; они обѣщали уплатить его долги и хотѣли отдѣлаться отъ короля, чтобы низвергнуть Питта. Матусевичъ рассказывалъ ему невѣроятныя подробности объ этомъ дворѣ, о королевѣ съ зеленымъ мѣшкомъ ¹⁾ у Бергами, что ни-сколько не оправдывало ея высокаго супруга, этого безукоризненнаго джентльмена, съ идеальными галстуками.

Фикельмонъ говорилъ, что супружескія отношенія курфюрстовъ прус-скаго и ганноверскаго были чистымъ скандаломъ. Отецъ Фридриха Ве-ликаго ненавидѣлъ своего зятя, англійскаго короля, и терпѣть не могъ королеву. У Фридриха Великаго была жена добрая и кроткая, которую онъ ненавидѣлъ, а нравы его были таковы, что Вольтеръ, послѣ ссоры, охарактеризовалъ ихъ словомъ, которое онъ сказалъ на ухо мужчинамъ. Фикельмонъ продолжалъ: «Необузданность Фридриха Вильгельма прус-скаго была невѣроятна; драться, браниться, проклинать, оскорблять для него ничего не значило; изъ скарденности онъ лишалъ себя пищи, дворъ его умиралъ съ голоду, онъ проводилъ вечера за трубкой и кружкой пива. Это какой-то маниакъ».

Вяземскій. Какъ нашъ Иванъ Грозный: боязнь діавола сильнѣе страха Божьяго, безумная гордость и часы рабскаго смиренія при мысли о смерти.

Пушкинъ. Такая неограниченная власть сдѣлаетъ всякаго человѣка необузданнымъ, а человѣка деспотическаго нрава, узкаго и гордаго ума, сдѣлаетъ маниакомъ, это неизбѣжно! Впрочемъ гордость сдѣлаетъ умъ еще болѣе узкимъ, чѣмъ тщеславіе, которое особенно мелочно. Зависть же вообще вызывала самые черные поступки.

Гр. *Фикельмонъ.* Гордость, однако, слыветъ менѣе низкимъ порокомъ.

¹⁾ Королева Каролина—она имѣла прозвище королевы съ зеленымъ мѣшкомъ, по-тому что бумаги по ея процессу находились въ зеленомъ шелковомъ мѣшкѣ, который ова хранила въ своемъ тюфякѣ. Она въ то время жила на виллѣ д'Эсте, на Комскомъ озерѣ и ее показывали туристамъ съ ея курьеромъ Бергами.

Пушкинъ. Менѣе низкимъ, чѣмъ зависть и скупость, согласенъ. Люциферъ выше Маммона, но умъ гордецовъ омрачается и быть можетъ грѣшитъ противъ духа.

Фикельмонъ возвратился къ Фридриху Великому. «Есть любопытныя вещи въ инструкціяхъ Фридриха Вильгельма его сыну, на царствованіи котораго онъ быть можетъ отразились; онъ завѣщаль ему свое довѣріе къ однимъ и довѣріе къ другимъ; они только расходились во взглядѣ на имперію, по отношенію къ которой Фридрихъ Великій имѣлъ готовую программу, заимствуя взгляды отца на другія страны».

Пушкинъ. Отецъ сыгралъ прологъ, а сынъ всю пьесу; едва ставъ королемъ, онъ объявилъ войну, этотъ философъ, вооруженный разумомъ, главной заботой котораго было стрѣлять изъ пушекъ. Однако у него были нѣкоторыя представленія о терпимости; онъ бывалъ благоразуменъ въ дѣйствіяхъ, любилъ науку, искусства; онъ стремился развивать экономическія силы страны, онъ былъ человѣчнѣе по отношенію къ войску. Онъ олицетворялъ идею государства и интересовъ королевства, слитыхъ воедино съ интересами монарха.

Фикельмонъ. Это совершенно вѣрно, но какъ для Людовика XIV, государство это онъ — Фридрихъ.

Пушкинъ. Онъ мнѣ также мало симпатиченъ, какъ Людовикъ XIV; онъ ему даже, кажется, подражалъ на прусскій образецъ, такъ какъ щедрымъ онъ не былъ, онъ былъ скупъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ его былъ скарденъ, какъ Гарпагонъ. Людовикъ XIV былъ, несмотря на свой эгоизмъ, щедрѣе для своихъ друзей и духовниковъ. Фридрихъ ничего не дѣлалъ для своихъ друзей; онъ поворачивалъ имъ спину, едва получивъ отъ нихъ, что ему было нужно.

Мой мужъ. Татищевъ ¹⁾ однажды бесѣдовалъ о немъ при мнѣ въ Вѣнѣ и говорилъ: съ его появленіемъ все измѣнилось въ Пруссіи. Отецъ чувствовалъ себя еще курфюрстомъ, такъ какъ онъ не забывалъ, что они были только курфюрстами. Фридрихъ сбросилъ съ себя кожу курфюрста, онъ былъ прусскимъ королемъ и, насколько возможно было, забывалъ даже о великомъ курфюрствѣ ²⁾.

Пушкинъ. Эта перемена фронта, задуманная Фридрихомъ Великимъ, подобна тому, какъ онъ заранѣе обдумывалъ свои смотры. Къ тому-же здѣсь онъ единственный командиръ.

Фикельмонъ. Онъ былъ современное государство въ странѣ еще феодальной, государство всецѣло воплотившееся въ его личности, хотя онъ говорилъ о странѣ и даже думалъ о ней. Вся его переписка, мемуары, письма его сестры Вильгельмины рисуютъ его съ головы до ногъ, даже съ флейтой.

¹⁾ Посоль въ Вѣнѣ.

²⁾ Въ Вѣнѣ называли великаго курфюрста возмущившимся маркграфомъ.

Пушкинъ. По-моему, у него были двѣ idées fixes: унижить имперію и французскаго короля, о которомъ онъ говорилъ: «Еслибъ я былъ король французскій, безъ моего разрѣшенія не производилось-бы ни одного выстрѣла», и онъ желалъ быть единственнымъ монархомъ въ Европѣ, достаточно сильнымъ, чтобы давать это разрѣшеніе. Онъ не долюблялъ англійскихъ родственниковъ, но заискивалъ въ нихъ, какъ и во Франціи, и надѣялся еще увидать, какъ англійскіе солдаты сдѣлаются съ французскими. Всѣ средства для него хороши; у него даже агенты посредственные, такъ какъ онъ самъ у себя министръ иностранныхъ дѣлъ, военный и юстиціи, онъ все и вездѣ; это удивительный характеръ; въ то-же время его дерзость забавляетъ, такъ какъ его безстыдство отличается крайней развязностью; но я думаю, что это у него скорѣй маска, которая ему часто чрезвычайно полезна. Быть можетъ это великій король, но это не великій человѣкъ, не великій характеръ.

Фикельмонъ. Превосходная характеристика.

Вяземскій. Обѣ императрицы, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, отличались, наоборотъ, величіемъ характера и даже онъ это понималъ: онъ стремился обидѣть Екатерину, онъ уступилъ Маріи-Терезіи Галицію въ обмѣнъ на Силезію; еслибъ ему удалось завладѣть Саксоніей, онъ умеръ-бы счастливымъ.

Фикельмонъ. Но у Саксоніи за курфюрстомъ стояла имперія; Саксонія была затѣнкой между Пруссіей и имперіей, потомъ бракъ дофина съ принцессой саксонской, маршалъ саксонскій, все это разстроило нѣкоторые планы Пруссіи.

Вяземскій. Екатерина впоследствии не довѣряла ему, онъ это понималъ.

Пушкинъ. Фридрихъ Великій создалъ Пруссію при помощи пушечныхъ выстрѣловъ, а отецъ его — палочныхъ ударовъ, подъ барабанъ. Вольтеръ долго находился подъ обаяніемъ Фридриха, а Фридрихъ, подъ конецъ, смѣялся надъ Вольтеромъ; эти два цинизма не могли до конца ужиться въ мирѣ.

Фикельмонъ. Отецъ продолжалъ дѣло великаго курфюрста, того, кого въ Вѣнѣ звали возмутившимся маркграфомъ.

Мой мужъ повезъ меня смотрѣть Распятіе Брюлова. Мимоздомъ мы захватили Пушкина, онъ желалъ вторично видѣть картину вмѣстѣ съ Николаемъ, который часто видалъ братьевъ Брюловыхъ въ Италіи, они нѣсколько разъ у насъ обѣдали вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Николай гораздо болѣе любитъ самихъ Брюловыхъ, чѣмъ ихъ картины, даже извѣстнаго живописца; акварелистъ также дѣлалъ мой портретъ; портреты всего болѣе имъ удаются, равно какъ и Соколову, который не безъ та-

ланта рисуетъ акварелью. Николай, впрочемъ, чрезвычайно разборчивъ, онъ видѣлъ столько галлерей повсюду: въ Италіи, въ Сициліи, во Франціи, въ Германіи, въ Австріи, въ Англіи, гдѣ у нихъ имѣются дивныя портреты въ замкахъ. Картина Брюлова ему не нравится, а еще менѣе нравится картонъ: *Послѣдній день Помпеи*. Вернувшись, мы оставили Пушкина обѣдать съ нами, втроемъ; жена его не въ одиночествѣ—у нея сестры. Послѣ обѣда они играли на билліардѣ, пока я приготовляла свой урокъ изъ генераль-басса; это похвальное усердіе привело Сверчка въ восторгъ. Остальная часть вечера прошла въ разговорахъ объ Италіи. Пушкинъ заставляетъ Николая рассказывать массу подробностей о Байронѣ, Шелли, друзей котораго онъ встрѣчалъ въ Тосканѣ, о Сициліи и ея соборахъ, о театрѣ въ Туринѣ, о Сиракузѣ, Неаполѣ, Помпѣ, Римѣ, Флоренціи, Римини, Пизѣ, Сиеннѣ, Генуѣ, Миланѣ, Равеннѣ, Болонѣ, Веронѣ, Падуѣ, Венеціи, о галлерейхъ, развалинахъ, церквахъ, о статуяхъ, о Капри и Голубомъ Гротѣ (Николай и сень-При разъ тамъ купались). Пушкинъ его разспрашиваетъ, глаза его оживляются, у него просто Heiſſweh по Италіи, я также испытываю Sehnsucht, посѣтить эту страну, а Николай наслаждается собственными воспоминаніями. Пушкину также очень хочется посѣтить Англію, видѣть ихъ палаты, присутствовать при преніяхъ, видѣть подлинныя замки и итальянскія палаццо, въ особенности привлекають его Венеція и Римъ. Николай говорилъ, что Венеція при лунномъ свѣтѣ поэтичнѣе всего, что онъ когда-либо видѣлъ, въ особенности потому, что городъ такъ мало оживленъ, имѣеть видъ падшаго величія, на что Пушкинъ замѣтилъ:

— Время и несчастія поэтизируютъ все, но въ особенности то, что прекрасно, физически или нравственно.

Николай также говорилъ, что ему кажется, что Колизей въ развалинахъ, поросшій вьющимся растеніями, быть можетъ прекраснѣе, чѣмъ былъ во всемъ блескѣ; онъ даже служилъ крѣпостью для одного изъ папъ, когда его осаждалъ одинъ изъ германскихъ императоровъ. Сень-При и Николай провели въ Колизеѣ одну лунную ночь и прогуливались по Форуму до восхода солнца; это одно изъ самыхъ очаровательныхъ воспоминаній моего мужа, который, наконецъ, сказалъ:

— Надо мнѣ когда-нибудь показать тебѣ Италію, Пушкинъ, тогда ты напишешь русскаго Чайльдъ-Гарольда.

Пушкинъ вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Это воздушныя замки, другъ мой.

Затѣмъ онъ спросилъ, что ему собственно не нравится въ картинѣ Брюлова. Николай объяснялъ, что академизмъ современныхъ школъ, который совершенно ложный; уже съ XVII вѣка религиозныя и историческія сюжеты обрабатываются совершенно иначе, чѣмъ портреты и жанры.

но академизмъ, наконецъ, коснулся и жанра и портретовъ. Онъ описалъ *Распятіе* Тинторетто въ Венеціи; *Положеніе во Гробъ* Рафаеля въ палаццо Боргезе въ Римѣ, онъ предпочитаетъ ихъ знаменитымъ произведеніямъ Рубенса, которыя находитъ слишкомъ театральными; онъ больше любитъ другія вещи Рубенса. Очень многія религіозныя и историческія картины, начиная съ XVII вѣка, смотрять росписными плафонами. Въ скульптурѣ этотъ жанръ возникъ уже со времени кавалера Бернень, а Канова, какъ тогда говорилось, «прикрашала природу»; но это понятіе ложное, древніе и итальянцы подражали природѣ, которая лучшей образецъ для искусства; пытаются украсить природу — нелѣпо, такъ какъ въ естественныхъ красотахъ не существуетъ искусства, причѣмъ нельзя даже изобразить красоту природы во всей ея полнотѣ, что особенно замѣтно въ ландшафтахъ. Микель-Анджело, Рафаэль, Корреджіо, Леонардо Де-Винчи, Тиціанъ, Рубенсъ, Рембрандтъ не менѣе древнихъ изучали природу; невозможно ихъ превзойти, исправляя природу. Мужъ говорилъ, что современная школа извращена своимъ академизмомъ и вредитъ таланту Брюллова, это лжеклассицизмъ.

Во Франціи Давидъ писалъ чудные портреты, картины-же его, по мнѣнію мужа, вполне академическія. У англичанъ два знаменитыхъ портретиста: Рейнольдсъ и Генсборо, котораго мало знаютъ на материкѣ и который именно былъ дивнымъ колористомъ; мужъ говорилъ также, что Лауренсъ, по его мнѣнію, лучше рисовалъ мужчинъ, чѣмъ женщинъ, хотя слыветъ онъ исключительно — женскимъ портретистомъ. Мужъ восхищается портретами XVIII вѣка во Франціи и нѣкоторыми портретами вѣка Людовика XIV-го, но отнюдь не историческими и религіозными картинами этого времени, которыя предназначены служить апофеозами для заль Версальскаго дворца ¹⁾.

У Кановы, конечно, былъ замѣчательный талантъ, его статуя Полины Боргезе великолѣпна, онъ не побоялся дать ей руки, какія у нея были на самомъ дѣлѣ, довольно красивыя, но большія, ноги, сравнительно, были меньше; но стоило Кановѣ приняться за богинь, или фантастическіе сюжеты и онъ преувеличивалъ тонкость членовъ, украшалъ природу, головы часто слишкомъ малы по тѣлу, такъ какъ онъ воображалъ, что это ближе къ классическому идеалу, а школа Кановы преувеличила его недостатки. Вѣнскій мавзолей прекрасенъ, но онъ также отвѣчаетъ представленію, которое Канова составилъ себѣ о классическомъ. Стиль этотъ именно и создалъ кавалеръ Бернень и даже изысканный стиль въ драпировкахъ

¹⁾ Мой отецъ всю жизнь, съ самой молодости, собиралъ картины, въ особенности портреты; онъ былъ тонкимъ знатокомъ; у дѣда моего была картинная галерея, которая сгорѣла въ 1812 году въ Москвѣ; бабушка моя увезла только одну очень маленькую мадонну Корреджіо.

и движеніи тѣль, которому Канова не подражалъ, такъ какъ у него было болѣе вкуса. Торвальдсенъ преимущественно дѣлалъ превосходные барельефы, но онъ также стремился превзойти природу. Скульптура древнихъ, самыхъ блестящихъ эпохъ, копировала природу, создавая богинь,—идеализировала типы, оставаясь въ то же время вѣрной образцамъ, какіе даетъ скульптору природа. Художники, скульпторы и живописцы, до возрожденія и во время его, одновременно, подражали древнимъ и природѣ. Итальянскія статуи особаго типа, который существуетъ въ Италіи,—эти удлиненныя формы, эти тонкіе члены, эти прекрасныя руки и ноги, эти изящныя лініи присущи нѣкоторымъ провинціямъ, такъ какъ въ Италіи типы чрезвычайно разнообразны. Римлянка, римлянинъ вообще отличаются сильными формами, прекрасными, но крупными членами: таковы-же созданія Микель-Анджело и всей римской школы. Николай говорилъ также, что менѣе всего артисты—неаполитанцы и что, собственно, съверъ, Великая Греція, Венеція, Тоскана, Умбрія и наконецъ Римъ — истинные центры искусства въ Италіи, причемъ каждый городъ имѣетъ свою школу и въ каждой школѣ (даже изъ самыхъ малочисленныхъ) имѣются одинъ или два крупныхъ таланта, самаго перваго разбора. Говорилъ онъ также, что путешественники, которые вѣчно торопятся, недостаточно посѣщаютъ эти мелкія герцоства, эти небольшіе итальянскіе города, что англичане и даже отчасти, нѣмцы знаютъ Италію гораздо лучше самихъ современныхъ итальянцевъ и французовъ. Онъ говорилъ намъ о статуяхъ Ватикана, о часовыхъ Медичисовъ, о Персеѣ Бенвенуто Челлини, о Давидѣ Іоанна Болонскаго ¹⁾, о Моисеѣ, о Галатеѣ Фарнезинской, о фрескахъ Ватикана, о фрескахъ въ церквахъ, о Бурбонскомъ музеѣ въ Неаполѣ. Глаза Пушкина горѣли, онъ вздыхалъ; Николай показавъ ему эстампы, гравюры: у него есть разныя артистическія мелочи, которыя Пушкинъ видалъ, но исторію которыхъ желалъ узнать. Николай снабдилъ его итальянскими книгами о живописцахъ и нѣкоторыми другими сочиненіями. Мужъ былъ радъ говорить о своихъ путешествіяхъ; онъ часто прогуливается по Эрмитажу; во дворцѣ есть античная Венера, которую папа подарилъ Петру Великому. Николай говорилъ, что статуя Фальконета также хороша, какъ статуя Маркъ-Аврелія въ Капитоліи.

Французскіе скульпторы XVIII-го вѣка были очень замѣчательны, въ особенности Пигаль и Гудонъ. Знаменитая Діана Гудона—(бюсть—m-me Дюбарри), находится во дворцѣ въ Лазенкахъ, его приобрѣлъ Станиславъ-Августъ. Кажется, это оригиналь. Николай видѣлъ его проѣздомъ въ Варшавѣ и нашель, что бюсть этотъ слѣдовало бы поставить въ Эрмитажъ. Пушкинъ спросилъ его мнѣнія объ эрмитажномъ Рафаэлѣ ²⁾, Николай отвѣчалъ:

¹⁾ Нерейда Пушкина олицетворяетъ Нерепду Іоанна Болонскаго близъ Флоренціи. Онъ видѣлъ гравюру статуи у Раевскихъ,—статуя въ срединѣ фонтана.

²⁾ La Madonna di Casa Alba. Картина круглая.

— Одна изъ совершеннѣйшихъ его мадоннъ, малаго размѣра, но его шедевръ это дрезденская Мадонна: она божественна, это какое-то видѣнiе, Младенецъ идеаленъ, въ этой картинѣ все—совершенство. Дворецъ, гдѣ находятся картины, очень холодный, его не топятъ ¹⁾ и я сильно боюсь, какъ бы они не перенесли своихъ сокровищъ. Въ Вѣнѣ, въ Бельведерѣ, есть дивныя Рубенсы, въ особенности портретъ его жены.

— Что ты думаешь о Вандикѣ, Смирновъ?

— Тоже великiй живописецъ; у насъ есть прекраснѣйшiе его портреты, наиримѣръ Вальпола, но надо видѣть его вещи въ Англиціи и въ Италіи, портретъ Карла V и портреты, находящіеся въ Генуѣ. У насъ больше картинъ Рембрандта, чѣмъ въ Голландіи, но «*Ночной Дозоръ*» тамъ. У англичанъ ровно столько же замѣчательныхъ портретовъ, какъ у итальянцевъ, но находятся они въ частныхъ галлерейхъ и въ Виндзорѣ, публика ихъ видитъ мало, или совсѣмъ не видитъ. Вообще же у нихъ прекрасныя коллекціи и чудныя готическіе соборы.

Часовые, которыхъ поставили въ залѣ, гдѣ выставлено *Распятіе* Брюлова, произвели на насъ тяжелое впечатлѣнiе; эти солдаты такъ не отвѣчаютъ сюжету картины.

Пушкинъ говорилъ намъ: «Это меня оскорбляетъ, это язычество, я убѣжденъ, что это измышленіе діавола».

Когда онъ уѣхалъ, мой мужъ сказалъ мнѣ: «Онъ правъ, тутъ одновременно оскорблено религіозное и артистическое чувство».

Я отвѣчала ему: «Хочешь пари держать, что онъ напишетъ стихотвореніе на этотъ случай; когда что-нибудь произведетъ на него сильное впечатлѣнiе, ему надо излить его въ стихахъ».

Я выиграла пари, Пушкинъ назвался обѣдать съ Жуковскимъ, больше никого не было; послѣ обѣда онъ вынулъ изъ кармана стихотвореніе на *Распятіе*, охраняемое стражей; это истинный перлъ; я умоляла его дать мнѣ его для Государя, онъ отказалъ, сказавъ: «Слишкомъ рано, позже я вамъ его дамъ, но облегчился, написавъ эту вещь, не могу вамъ выразить, какое впечатлѣнiе произвелъ на меня тамъ этотъ часовой, я подумалъ о римскихъ солдатахъ, которые охраняли гробъ и препятствовали его вѣрнымъ ученикамъ приближаться къ нему» ²⁾).

Онъ былъ взволнованъ и, по своей привычкѣ, началъ ходить по комнатѣ; жена его заѣхала за нимъ, чтобъ ѣхать на вечеръ. Когда онъ уѣхалъ, Жуковскiй сказалъ намъ: «Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ развилося его религіозное чувство; онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я». Мы запротестовали. «Да, да, я правъ, говорилъ Жуковскiй, это результатъ всѣхъ его размышленій, это не дѣло одного чувства, его сердце и

¹⁾ Новая галлерей существуетъ только съ 1860 года.

²⁾ Рѣчь идетъ о стихотвореніи Пушкина: «Когда великое свершилось торжество»..

его разумъ вмѣстѣ увѣровали, впрочемъ онъ уже въ самой первой молодости написалъ Пророка». [Позже мой мужъ говорилъ Жуковскому: «Какое несчастье, что этотъ человѣкъ не можетъ путешествовать, видѣть все, что создано въ Италіи, искусство возрожденія, именно религіозное искусство, а также искусство древнихъ; еслибъ онъ тамъ побывалъ, онъ говорилъ-бы объ этомъ также хорошо какъ Байронъ. Слишкомъ ужъ забываютъ, какъ Байрону все легко давалось. Все, что Пушкинъ написалъ, онъ черпалъ изъ самого себя, изъ своего сердца, изъ своей души; такъ эта картина кажется мнѣ очень плохой, по сравненію съ лучшими произведеніями итальянскаго искусства, а Пушкину она внушаетъ шедевр. Что-же было-бы, еслибъ онъ видѣлъ Ватиканъ и Уффиціи!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Extraits des carnets de souvenirs d'Alexandrine Smirnoff née de Rosset d. 1826 à 1845.

Pouschkine et Joukowsky ont diné chez nous, on a parlé d'éducation, le Grillon se préoccupe déjà de celle de ses enfants, il a raison, elle commence avec la première dent et peut-être avant. Nous parlions des livres d'enfants, mon mari disait que les grecs et les italiens sont nés artistes, parce qu'ils ont toujours vu une nature magnifique, des teintes superbes, que nous autres gens du nord ne voyons qu'en rêve. Ils ont vécu aussi au milieu de chef-d'oeuvres de l'art. la langue même y contribue, elle est si mélodieuse en Italie, l'éducation s'y faisait par les yeux et l'oreille. Pouschkine nous a raconté qu'il a eu un accès de colère hier, la nourrice de son fils lui a donné du pain, qu'elle avait maché avant. il a été furieux. La bonne gâte la petite, qui est très vive, on lui passe tous ses caprices; mon mari lui a conseillé de prendre une mēse anglaise ou écossaise. ce n'est pas de l'anglomanie, elles sont plus soigneuses, plus propres, elles savent un peu d'hygiène, je les ai vūes à la cour ¹⁾, elles sont très véridiques aussi et consciencieuses ²⁾; Bligh nous en fera venir une d'Aberdien et il rendrait le même service à Pouschkine sans doute. Lady H. ³⁾ et lady D. m'ont dit que les livres du mēsery ⁴⁾ sont excellents en Angleterre et la mēse des D. est une merveille. Pousckine aime beaucoup les deux Skoughel ⁵⁾, surtout Marianne, il la trouve originale et si droite. Il a déjà un projet d'éducation pour ses enfants, que Joukowsky a approuvé, il nous disait: «Il faut élever les enfants selon leurs

¹⁾ Les bonnes de la cour étaient écossaises ou anglaises depuis Catherine II.

²⁾ Secrétaire anglais.

³⁾ Les ambassadrices anglaises.

⁴⁾ Дѣтскія книги и поэзія — mēsery tales and rhymes, они всѣ заимствованы изъ старой, простонародной велико-британской пѣсни.

⁵⁾ Gouvernantes, dont l'une était chez les Karamzine, l'autre chez les Gagarine deux soeurs écossaises.

capacités» et il a ajouté: «Villiers ¹⁾ m'a dit une chose très fine en me parlant de O. D.». A learned fool is twice a fool, a man should not be educated above his capacities, overeducation is as bad as overfeeding». Joukowsky a dit que les femmes doivent être élevés de manière à être des compagnes pour leurs maris, sans être des bas bleus. Pouschkine admire le bon sens des anglais en toutes choses; il trouve les méthodes et les livres allemands pédants, mais ils ont quelques bons livres d'enfants, moins que les anglais pourtant. Il disait ensuite que rien n'est plus difficile que de créer une littérature enfantine et populaire et qu'il est d'avis qu'il ne faut même pas la créer et qu'il n'y a qu'un secret pour la trouver, c'est d'étudier celle qui existe chez tous les peuples, l'enfant et le paysan est sur la même ligne, mais il faut donner à cette littérature une forme plus littéraire, rejeter ce qui est grossier sans enlever la vérité et l'esprit qu'il y a. Il déteste la littérature enfantine de la fin du XVIII s. et de ceux qui l'imitent encore à présent en France et il trouve Perrault préférable à Berquin et à tous ces contes moraux et pédants. Gulliver, Robinson, nos skassky, ceux des allemands et des anglais, les 1001 nuits, rien de tout cela n'a été écrit pour les enfants et c'est le bonheur de l'enfant et il lui semble impossible de faire mieux. Il veut écrire des contes et des légendes pour ses enfants, adopter ceux qu'il y a partout et des légendes des Saints aussi en bonne prose russe très-populaire. Mon mari lui avait donné des contes italiens, ils sont toujours scabreux, il lui a parlé d'une traduction italienne d'un livre grec, des contes très-poétiques. Ils ont parlé des moeurs italiennes, du mélange, de sans façon et de pruderie; ainsi les femmes du mezzo ceto ne sortent jamais senza essere accompagnata, dans l'aristocratie le sigisbée a remplacé la duègne et l'usage existe encore. Pouschkine riait: «Des vertugadins, des barskié barynii italiennes: Zéa ²⁾ m'a dit que les duègnes existent encore en Espagne et sont fort obligeantes!» Joukowsky est d'avis qu'on peut lire aux enfants beaucoup de livres qui ne sont pas écrits pour eux-mêmes et qu'on peut leur donner les plaisirs de l'imagination, mais il faut faire un choix; les contes de chevalerie p. ex. tout ce qui est poétique et comique et des poésies, des livres bien écrits, et ne jamais leur donner des choses laides, des caricatures, des choses extravagantes. Pouschkine a été de son avis: «De mon temps on lisait trop peut-être, ma soeur a lu à 15 ans la nouvelle Héloïse, à 12 ans j'avais lu tout ce qu'il y avait dans la bibliothèque de mon père, avant d'aller au Lycée; jusqu'à 7 ans j'étais lourd, taciturne, très peu développé, dès que j'ai su lire, j'ai commencé à réfléchir, à comparer et je suis devenu lognace! J'étais dévoré de cu-

¹⁾ Devenu lord Clarendon plus tard. Mes parents voyaient beaucoup le diplomate alors.

²⁾ Ministre d'Espagne.

riosité, je voulais tout lire, tout savoir. Jusqu'à 7 ans ma seule littérature a été les contes de ma grand'mère et de ma bonne Arina, c'est pourquoi je les ai mis en vers; Stenka Razine a été mon premier héros, j'ai rêvé à lui avant 8 ans déjà!» Il a ajouté: «Smirnoff a raison de dire que l'oeil et l'oreille commencent l'éducation et qu'il faut éviter de les dépraver par le laid, l'horrible. Si nous pouvions retrouver les joujoux des grecs et des latins, on aurait une révélation sur l'éducation des premières années, celle qui a précédé l'instruction et a été la base même. Remarquez que l'enfant jusqu'au XIX s. a été vêtu comme les grandes personnes, la vie commençait très tôt, on mariait des enfants; en même temps le rôle du petit garçon et de la petite fille dans la famille était si effacé et pourtant on ne les traitait pas en enfants, on les faisait contribuer indirectement à toutes les combinaisons de famille, de fortune, et depuis le XVII s. c'étaient des poupées bien dressées; mariés à 12 et 15 ans on les lançait dans la vie à l'âge où commence l'éducation, ou plutôt l'instruction véritable. Était-ce un tort? Je n'en sais rien, cela faisait des hommes et des femmes, ils n'étaient pas plus frivoles que nous peut-être? A présent on tient plus à les faire étudier, on finira par créer des pédants et des bas bleus; on *instruit plus*, mais on *élève moins* pour le rôle qu'on doit jouer dans la vie. Le changement pédagogique est immense depuis 20 ans surtout. Dieu sait si cela créera une génération sérieuse, mais les parents sont plus sérieux, les enfants jouent un plus grand rôle dans le ménage et c'est tant mieux pour les parents surtout» (sic). Joukowsky a parlé des systèmes allemands, Campe, Basedow, Pestalozzi, de l'école des moralistes de Zürich et Winterthour, de Lavater et Sülzer et des écoles des Herrenhuter de Zinsendorf, ce sont celles qu'il trouve pratiques, il trouve les autres pédantes, il préfère pour le peuple celle de Lancaster, pour la salle d'asile surtout.

Pouschkine a repris le thème en disant: «Si les parents exagèrent dans le sens que l'enfant sentira trop son importance, il y aura un mal, on oubliera peut-être trop le 5-e commandement, on le dira au rebours: honore ton fils et ta fille! L'ennuyeux juste milieu est si difficile à atteindre et le bon sens, cette qualité si précieuse dans le ménage, si utile au bonheur et dont on fait si beaucoup trop, il assure aussi le bonheur et dans l'éducation il assure des succès. Il faut après tout élever les gens pour le métier qu'ils doivent faire en ce bas monde; celui du plus grand nombre est d'être bon mari, bon père, bonne femme, bonne mère, mais pour cela il faut commencer par être bon fils, bon frère, bonne fille, bonne soeur. Il faut être bon citoyen aussi et bon patriote, mais pas dans le sens du civisme de 1793 s'entend. Je crois que de bons chrétiens seront toujours de bons citoyens et le reste, et même bons souverains et bonnes souveraines! Je rends à César ce que je lui dois, mais il ne faut pas

lui rendre ce que ne lui appartient pas, c. à. d. la part du lion!» Nous avons ri, car Pouschkine ne peut jamais s'empêcher d'achever ses réflexions par un mot ironique, dont le sens est toujours profond et qu'il travestit en plaisanterie; il a toujours du humour. Villiers a dit à mon mari, qu'il a été très frappé de trouver un homme «*si humoristique en Russie*», mon mari lui a répondu: «Vous croyez donc que John Bull a le monopole du humour?» ¹⁾.

J'ai déclaré à notre Hohol qu'il doit nous relire Tarass Boulba avant de partir, car il l'a lu en perfection la première fois et il faut lire le dialogue en petit-russien, avec les intonations du pays natal de Tarass. Pouschkine, Joukowsky, Pletneff, Miatleff et Wiasemskoy sont venus diner. J'avais invité Nathalie et ses soeurs même, mais elles allaient chez la tante Xavier. Miatleff toujours moqueur m'a dit tout bas: «Je crois que vous voulez faire une femme littéraire de Nathalia Nicolavna, mais je crois que vous échouerez. Ce n'est pas pour parler du «Voyage autour de ma chambre» qu'elle va diner chez cette Xavier de Maistre».

J'ai répondu: «Taisez-vous, enfant terrible». Il a riposté: «Votre seigneur et maître est du même avis, c'est lui qui m'a dit que vous cherchez à inspirer le goût des Muses à cette Madame, qui est belle et qui est gracieuse, mais en fait de Muses elle ne connaît que Terpsichore».

Après le diner qui a été très gai, Wiasemskoy a déclaré que la gastronomie de notre salle à manger est *panachée*: des plats français, des plats russes, des plats petits-russiens et polonais, et il se demande si le Bortch, les *Koltouny* ¹⁾ et les *Zrazy* ont émigré de Pologne en Oukraïne, ou des rives du Sÿme et du Dnièpre sur ceux de la Vistule et du Niémen. Ils sont allée fumer et jouer au billiard; je suis restée avec Gogol et Pletneff, il nous a parlé de sa mère et de ses soeurs, très heureux que l'Impératrice paie pour elles à l'Institut Patriotique, car il a payé lui-même d'abord et c'était assez lourd pour lui. J'ai promis d'aller les voir si on ne nous envoie pas à un poste à l'étranger, peut-être Berlin ou Paris, ou Londres, mais je crois que le début sera Berlin; Lise Repnine et M-me Balabine iront les voir et aussi M-me Wassiltchikoff et Warette Repnine, si elle est à Pétersbourg. Ce qui m'a frappée c'est que Gogol, qui est si jeune encore, parle de ses soeurs, même de sa mère qu'il aime avec une grande tendresse, comme s'il était le père de famille qui doit les secourir, et cependant Warette m'a dit qu'ils ont un très-joli bien et il a renoncé

¹⁾ Bien des années après, ma mère a retrouvé à Londres lord Clarendon et sir John Blegb à Rome et ils se souvenaient encore de Pouschkine, connue C-te Fiequelmont qui, en 1857 à Venise, le dernier hiver de sa vie reparlait du poète, ainsi que sa femme la C-tesse Dolly Fiequelmont, la fille de M-me Elisa Hitrowo.

¹⁾ Plats polonais et petits-russiens aussi.

à sa part pour ses soeurs et sa mère; seulement M-me Gogol n'est pas une *hozäika* ¹⁾ très experte et on la trompe souvent.

Quand on a fini la partie de billiard, ils sont tous rentrés au salon et Gogol a commencé à lire avec entre acte pour le thé et le souper après minuit.

Cette fois Tarass Boulba nous a paru encore plus original, poétique d'une part et si vrai, si *petit-russien* dans les caractères.

Pouschkine disait pendant l'entre acte. «C'est une épopée dans laquelle on trouverait de quoi faire un très beau drame. 1-er acte: arrivée des fils et les adieux à leur mère, deux scènes charmantes par leur contraste de joie et de douleur. 2-d acte: scènes d'amour entre Andrëy et sa jolie Polonaise et colère de Tarass, indignation et chagrin d'Ostap. 3-ème acte: le conseil des cosaques, acte superbe. 4-ème acte: le supplice d'Ostap et une scène sur Andrëy et sa Juliette polonaise. Le 5-ème acte est difficile à faire, parcequ'une série de tueries est impossible à mettre en scène; il faudrait le faire court; Tarass annonçant la catastrophe à sa femme et enfin ameutant la Seïtcha dans un discours à la cosaque».

Gogol l'écoutait et paraissait heureux. il lui a dit enfin: «Alexander Serguéévitch, si vous faisiez le drame de Tarass, vous le feriez à la Shakespeare».

Pouschkine a répondu: «Le sujet est shakespérien mais c'est à l'auteur d'en faire un drame. pas à moi. En général fort peu de romans prêtent à devenir pièce de théâtre. Il faut que l'action puisse être concentrée, les passions très simples. Quoique l'homme soit un être compliqué, ses passions sont toujours les mêmes, mais il varie, car il est mobile dans ses actes, ses idées, ses buts même. Ici il y a deux passions: celle de l'indépendance et l'amour paternel qui crie vengeance. Chez la mère l'amour maternel et l'habitude de la soumission au mari, au chef de la famille. Ostap, qui a étudié, est resté un cosaque pur sang et il a la fermeté héroïque d'un Spartiate; il y a de la fierté dans son héroïsme. Pourtant c'est un coeur qui saurait aimer, ce qui se révèle dans son cri sur l'échafaud: «Entends-tu, me vois-tu, mon père?» C'est le cosaque et le fils à la fois qui s'exhale; c'est très beau ce cri. Andrëy est un jouvenceau et très vrai, très naïf même; il est romanesque, il n'est pas autant un héros de la Seïtcha, c'est un *parëin* ²⁾, un Gritzkó, un Levko en habit de Zaporogues. Tous ces contrastes sont absolument vrais et naturels».

Gogol rayonnait et il a dit enfin:

«C'est un épisode historique, ou plutôt plusieurs ensemble; il y a eu

¹⁾ Ménagère, Hausfrau en allemand

²⁾ Un jeune paysan.

des romans entre petits-russiens et polonaises, les cosaques ont enlevé des panni ¹⁾ sur la croupe de leur cheval par fois».

Wiasemskoy. «Comme les Romains ont enlevé les Sabines. Du reste l'amour n'a rien à faire avec le patriotisme et depuis la belle Hélène le beau sexe a causé des désastres».

Pletneff a fait une observation que Pouschkine a trouvée admirable: «Les Montecchi et Capuletti se détestaient, ceci a empêché Roméo de devenir ouvertement le mari de Juliette. Les deux amants aimaient là où leurs chères familles haïssaient et ils en sont morts; mais l'amour a pourtant triomphé parce qu'il est plus fort que la mort, car c'est sur leurs cadavres que les deux familles rivales ont fait la paix».

Ayant approuvé l'observation Pouschkine a continué: «C'est dans le cantique des cantiques, l'amour est plus fort que la mort. On dit que Shakespeare a pris son sujet dans une nouvelle italienne que je voudrais lire. La connais-tu, Smirnoff?»

Mon mari a répondu: «Oui, une nouvelle de della Porta; il a pris d'autres comédies chez les conteurs italiens, fort à la mode en Angleterre alors, c'est ***, le poète, qui me l'a dit et j'en ai lu. J'ai lu celle qui a servi au Marchand de Venise, qui est de Bandello; il y avait une complainte aussi sur un Juif Sheylock en Angleterre, qui aura émigré d'Italie; j'ai lu la Cenci d'où Shelly a pris sa tragédie et, en lisant ces canevas si pauvres, on est émerveillé de ce qu'ils ont inspiré. Gamba, le frère de M-me Teresa Guiciolli m'a dit que Parisina a été trouvée dans un vieux conte aussi. Shakespeare a aussi lu des chroniques écossaises et anglaises, il lui fallait peu de choses pour faire un chef-d'œuvre; une esquisse, un fait, un canevas informe. Il y a tant de choses curieuses dans l'histoire intime des familles anglaises et italiennes et qui ne sont pas oubliées; ils ont le culte des traditions du passé».

Pouschkine. «Qui nous manque trop. Mais nous avons bien peu de documents écrits, parce qu'on était si illettré. Mais il doit y en avoir dans les couvents, outre les archives d'Etat».

Wiasemskoy. «Peu de romans, car l'histoire de Russie manque de femmes».

Miatleff. «Et c'est elles qui font les romans, ou du moins y donnent lieu: même les épopées depuis la prise de Troie».

Pouschkine. «Ne nous en plaignons pas, puisque cela produit des chefs-d'œuvre, sans lesquels la vie serait un désert. Même le paradis sans Eve aurait paru triste à Adam».

¹⁾ Pan est Monsieur, Pani — Madame, Panna — Mademoiselle en polonais et en petit-russien on a conservé ces locutions.

J'ai demandé: «C'est parce que je suis la seule représentante du beau sexe que vous dites cela».

Il a hoché la tête: «Est-ce que je vous fais des compliments, terreur des courtisans? C'est par une douce ironie que vous me dites cela?»

Quand Gogol a achevé sa lecture, Pouschkine lui a pris la tête et l'a baisé au front en lui disant: «Ecris, écris, pense, travaille, tout ce qui est dans cette tête doit en sortir. N'étouffe rien, ni ton esprit, ni ton coeur, ni ton imagination, ni ton âme. Tu vas voyager, tu verras ce que l'occident a créé dans les arts et déjà tu as compris l'art. J'ai été très satisfait de tes articles sur les arts. Je t'envie de pouvoir voyager».

Je jouais du piano hier soir, quand on m'a annoncé Pouschkine, Wissemkoy et le C-te Fiequelmont. M-me Elisa voulait venir mais Dolly ¹⁾ est souffrante; la petite a été indisposée, elle l'a veillée et s'est fatiguée. On a parlé d'histoire de la Grande Catherine, de Marie Thérèse, du partage de la Pologne et surtout de Frédéric le Grand. Pouschkine disait qu'il avait lu des mémoires sur lui et ceux de sa soeur la Margrävin de Bareüth, que son cher père rossait en public. Et il a fini par dire: «Dans tous les mémoires secrets sur la Russie du XVIII-ème s. on parle de nos moeurs et usages barbares. Elles n'étaient pas raffinées certes, mais la cour de Frédéric-Guillaume était hideuse; c'était un caporal, qui avait le besoin de tourmenter les gens. Dès qu'on s'avisait de penser, il disait, que les raisonneurs ne sont propres à rien. Il ne donnait pas d'argent à son fils, qui était toujours en quête de prêteurs; il a même aigri le caractère déjà peu tendre de son fils en l'humiliant».

Le C-te Fiequelmont. «Mais le fils tenait de lui: le père était ladre, le fils avare. — Il y a des vers célèbres de lui à M-me d'Alten, qui lui demandait une pension; je vous le dirai tout bas, car ils sont très crus».

Ils ont chuchoté et Fiequelmont a continué:

«Le partage de la Pologne a été *l'idée fixe* de Frédéric le Grand très tôt: elle le gênait, car la Russie et l'Empire, n'en étaient pas gênées. Il a travaillé toute sa vie à écraser l'Empire, ce qui en restait. Le père et le fils se réconciliaient de temps en temps, mais ce n'était que des trêves».

Pouschkine. «Il a pourtant régné selon le programme paternel, mais en y ajoutant de la philosophie; le papa faisait de la théologie, car il détestait la philosophie, et accommodait à sa guise la théologie».

Wissemkoy. «On peut dire qu'à de petites différences près, c'était

¹⁾ Dolly c'est la C-tesse Fiequelmont, la petite—c'est sa fille unique Elise Alex., très belle personne, mariée au Prince Edmont Clary de Toëplitz. La C-tesse Dolly était belle et d'une bonté charmante. M-me Elisa Hitrowo était sa mère; elle était du 1-er lit, née C-tesse Tiesenhausen et petite-fille de M-e Koutouzow.

tel père, tel fils. Le fils s'impatientait de n'être pas roi, et le papa était jaloux de penser que lui mort, le fils serait roi».

Pouschkine. Aimables rapports de famille».

Mon mari disait ensuite que Georges II et sa femme détestaient leur fils aîné, mort jeune, et qui était le père de Georges III; et que la cour de Hanovre ressemblait à celle de Prusse sous ce rapport. Georges I a exécré sa femme et l'a enfermée. Le régent a fait tout au monde pour enfermer Georges III, mais Pitt a résisté et le roi a repris la raison peu après. Les whigs soutenaient le régent alors; ils lui ont promis de payer ses dettes et voulaient se débarrasser du roi pour renverser Pitt. Matou-séwicz lui a raconté des détails inouïs sur cette cour, sur la reine au sac vert ¹⁾ et Bergami, quoique celà ne blanchissait pas son illustre consort, le perfect gentleman *si bien cravaté*. Fiequelmont disait que les rapports conjugaux des Electeurs de Prusse et de Hanovre étaient un scandale. Le père de Frédéric le Grand haïssait son beau-frère, le roi anglais et détestait la reine. Frédéric le Grand a eu une femme douce et bonne qu'il a haïe et il avait des moeurs que Voltaire a caractérisés après la brouille par un sobriquet, qu'il a dit à l'oreille aux messieurs. Fiequelmont disait ensuite: «La violence de Frédéric-Guillaume de Prusse était fantastique, car rosser, jurer, maudire, insulter ne lui coutait rien; par ladrerie ²⁾ il se privait de manger, sa cour mourait de faim, il passait ses soirées à fumer des pipes et à boire de la bière. Il y a du maniaque en lui».

Wiasemskoy. «Comme chez notre Iwan Grosnoï est la peur du diable plus que la crainte de Dieu, un orgueil insensé et des heures d'humilité objecte quand la mort les talonnait.

Pouschkine. «Ce pouvoir absolu rendra tout homme violent, de caractère absolu, d'esprit étroit et orgueilleux, maniaque, c'est fatal! Du reste l'orgueil rend l'esprit même étroit plus que la vanité, qui est chose mesquine surtout. Et l'envie a fait commettre les plus grandes noirceurs en général».

Fiequelmont. «L'orgueil passe pourtant pour un vice moins bas».

Pouschkine. «Moins bas que l'envie et l'avarice, je l'accorde; Lucifer est plus grand que Mammon. Mais l'esprit des orgueilleux s'obscurcit et ils commencent le péché contre l'Esprit peut-être?»

Fiequelmont a repris Frédéric le Grand:

«Il y a des choses curieuses dans les instructions de Frédéric-Guillaume

¹⁾ La reine Caroline; elle a eu le sobriquet de reine au sac vert, parce que les papiers de son procès étaient dans un sac en soie verte qu'elle gardait dans son matelas. Elle demeurait alors à la villa d'Este au lac de Côme et on la montrait aux touristes dans son bateau avec son courrier Bergami.

²⁾ Avarie — скупость, ladrerie — скарденность, мелкая, щепетильная, мѣшанская скупость.

à son fils, dont le règne en est le résultat peut-être; il lui a passé ses méfiances, ses confiances, seulement ils ont différé sur l'Empire, vis-à-vis duquel le Grand Frédéric avait son programme tout fait, tout en prenant à son père ses idées sur d'autres pays».

Pouschkine. «Le père a joué le prologue et le fils toute la pièce. Il était à peine roi qu'il a déclaré la guerre, ce philosophe armé de la raison, dont l'idée fixe était de tirer des coups de canon. Cependant il a eu quelques idées de tolérance, a fait des actes de raison, a aimé la science, les arts; il voulait développer les ressources du pays, il a été plus humain pour son armée. L'idée de l'Etat et de l'intérêt du royaume uni à celui du souverain».

Ficquelmont. «C'est très vrai, mais comme pour Louis XIV l'Etat c'est lui — Frédéric».

Ponschkine. «Il m'est aussi peu sympathique que Louis XIV, même il le copiait, je crois, à la prussienne, car il n'était pas un magnifique; il était avare là où son père était ladre comme Harpagon. Louis XIV avait plus de générosité pour ses amis et directeurs malgré son égoïsme, Frédéric ne faisait rien pour les amis, il leur tournait le dos dès qu'il avait eu d'eux ce qu'il voulait».

Mon mari. «Taticheff ¹⁾ causait une fois de lui devant moi à Vienne et disait: quand il a paru, tout a changé en Prusse. Le père se sentait encore Electeur, car il n'oubliait pas qu'ils avaient été des Electeurs seulement. Frédéric a jeté *la peau de l'Electorat*, il était roi de Prusse et a oublié même le Grand Electeur ²⁾ le plus possible».

Pouschkine. «C'est un changement de front que Fritz der Grosse a réglé comme une revue, dont il est le seul commandant».

Ficquelmont. «L'Etat moderne dans un pays encore féodal et tout incarné dans sa personne, quoiqu'il parlait du pays et même il y pensait. Toutes ses correspondances, les mémoires, les lettres de sa soeur Wilhelmine, le peignent des pieds à la tête, y compris la flûte».

Pouschkine. «Il a eu deux idées fixes à mon avis: abaisser l'Empire et le roi de France, dont il disait: «Si j'étais roi de France, il ne se tirerait pas un seul coup de canon sans ma permission». Et il voulait être le seul assez fort pour donner cette permission en Europe. Il n'aimait pas la parenté anglaise, mais il lui fit des avances comme à la France, et il espérait les voir aux prises, les soldats anglais et les soldats français. Tout les moyens lui sont bons et même il a des agents médiocres, car il est son propre ministre des affaires étrangères, de la guerre, de la justice. Il est tout et partout. C'est un caractère étonnant, en même temps son

¹⁾ Ambassadeur à Vienne.

²⁾ On appelait le Grand Electeur: le Margrave rebelle à Vienne.

insolence amuse, car il est éffronté avec désinvolture. Mais je crois, que ceci est surtout un masque chez lui et qui lui est fort utile souvent. C'est peut-être un grand roi, mais ce n'est pas un grand homme, ni un grand caractère».

Fiequelmont. «Admirable définition».

Wiasemskoy. «Les deux Impératrices avec lesquelles il a eu à faire avaient au contraire un grand caractère et même il l'a compris. Il cherchait à cogner Cathérine, il a donné la Gallicie à Marie-Thérèse en échange de la Silésie. S'il avait pu prendre la Saxe, il serait mort heureux».

Fiequelmont. «Mais la Saxe avait l'Empire derrière l'Electeur et c'était le tampon entre la Russie et l'Empire. Il y a eu le mariage du Dauphin avec la P-sse de Saxe et le M-l de Saxe, ce qui a dérangé quelques plans de la Prusse».

Wiasemskoy. «Cathérine se défait de lui plus tard, et il l'a compris».

Pouschkine. «Frédéric le Grand a créé la Prusse à coups de canons et son père à coups de bâtons. tambour battant. Voltaire a été sous le charme de Frédéric longtemps, et Frédéric s'est moqué de Voltaire enfin. Ces deux cynismes n'ont pas pu aller jusqu'au bout amicalement».

Fiequelmont. «Le père a continué le Grand Electeur, celui qu'on appelait à Vienne le Margrave rebelle».

Mon mari m'a menée voir la crucifixion de Bruloff. Nous avons pris Pouschkine en passant. il a voulu revoir le tableau avec Nicolas, qui a vu souvent les frères Bruloff en Italie; ils ont diné chez nous avec Pouschkine plusieurs fois. Nicolas aime beaucoup plus les Bruloff que leur peinture, même celle du peintre; l'aquarelliste a aussi fait mon portrait et ce sont les portraits qui leur réussissent, de même Sokoloff qui a du talent pour l'aquarelle. Nicolas est du reste très difficile; il a vu tant de galeries partout: en Italie, en Sicile, en France, en Allemagne, en Autriche, en Angleterre où ils des portraits admirables dans les châteaux. Le tableau de Bruloff ne lui plait pas et encore moins le carton du dernier jour de Pompeï. En rentrant nous avons gardé Pouschkine à dîner en trio, sa femme ayant ses soeurs pour lui tenir compagnie. Après dîner ils ont joué au billiard pendant que je préparais ma leçon de basse général; ce zèle louable a charmé Grillon. Le reste de la soirée s'est passé à parler d'Italie. Pouschkine se fait raconter beaucoup de choses par Nicolas sur Byron, Shelly, dont il a vu des amis en Toscane, sur la Sicile et ses cathédrales, le théâtre de Turin, Syracuse, Naples, Paestum Pompeï. Rome, Florence, Rimini, Pise, Sienne, Gênes, Milan, Ravenne, Bologne.

Vérone, Padoue, Venise, les galeries, les ruines, les églises, les statues, Capri et la Grotte Bleue (Nicolas et S-t. Priest s'y sont baignés une fois) Pouschkine le questionne, ses yeux s'animent, il a le *Heimwehe* pour l'Italie, j'ai aussi de la *Sehnsucht* pour y aller et Nicolas jouit de ses propres souvenirs. Pouschkine a aussi très envie d'aller en Angleterre, de voir leurs chambres, d'assister à des débats, de voir des châteaux authentiques et des palazzo italiens; Venise et Rome l'attirent surtout. Nicolas disait que Venise au clair de lune est la chose la plus poétique qu'il ait vu et surtout parceque la ville est si peu animée, a l'air si déchu, à quoi Pouschkine a observé:

«Le temps et les malheurs ajoutent de la poésie à toutes choses, mais surtout à celles qui sont belles, soit physiquement belles, soit moralement belles».

Nicolas lui disait aussi qu'il croyait que le Colysée en ruines, couvert de plantes parasites, devait être plus beau peut-être que dans sa perfection; il a même servi de forteresse à un pape quand un des Empereurs d'Allemagne l'a assiégé. S-t. Priest et Nicolas ont passé une nuit de clair de lune au Colysée et se sont promenés sur le Forum jusqu'au lever du soleil, c'est un de ses plus charmants souvenirs et il a fini par lui dire: «Il faut que je te fasse voir l'Italie un jour, Pouschkine, et tu écriras un Childe-Harold russe alors».

Pouschkine a soupiré et a répondu: «Se sont des châteaux en Italie, mon ami».

Il lui a demandé ensuite ce qui lui déplait dans le tableau de Bruloff. Nicolas lui a expliqué que c'est l'académisme des écoles modernes, qui est faux; on traite les sujets religieux et historiques depuis le XVII s. déjà tout autrement que les portraits, les tableaux de genre et même l'académisme a porté sur le genre et les portraits enfin. Il a décrit la crucifixion du Tintoretto à Venise, la mise au tombeau de Raphaël au palazzo Borghèse à Rome, il les préfère aux célèbres Rübens. Beaucoup de tableaux historiques et religieux depuis le XVII s. ont l'air de plafonds décoratifs. En sculpture le genre a commencé déjà avec le chevalier Bernin et Canova, à ce que l'on disait: «faisait *plus beau* que nature», mais ceci est une idée fausse, les anciens et les italiens ont fait comme la nature qui est le meilleur modèle pour l'art; faire plus beau que nature est une chose ridicule parcequ'il n'y a pas d'art en dehors des beautés naturelles, même on n'atteint pas à sa beauté complète; dans un paysage c'est très visible justement. Michel-Ange, Raphaël, Corregio, Leonardo Vinci, Titien, Rübens, Rembrandt ont étudié la nature autant que les anciens, on ne peut pas les surpasser en corrigeant la nature. Il a dit que l'école moderne est fautive par son académisme et nuit au talent de Bruloff, c'est du faux classique.

En France David a fait des portraits admirables et ses tableaux sont à son avis complètement académiques. Les anglais ont deux grands peintres de portraits, Reynolds et Gainsborough qu'on connaît peu sur le continent et qui était un coloriste merveilleux justement. Il disait aussi que Lawrence, selon lui, a mieux peint les hommes que les femmes. quoiqu'il passe pour être le peintre des femmes surtout.

Il admire les portraits du XVIII s. en France et quelques uns du grand siècle, mais nullement leurs peintures historiques et religieuses, qui sont des apothéoses de salles de Versailles surtout.

Canova avait un talent remarquable certes, sa statue de Pauline Borghese est magnifique, il n'a pas craint de lui donner les mains qu'elle avait, assez belles mais grandes. les pieds était plus petits en comparaison. Mais dès que Canova faisait des déesses ou des sujets de fantasia il exagérait la finesse des membres, il embellissait la nature. Les têtes étaient souvent trop petites pour le corps, parcequ'il croyait que c'était plus classique et l'école de Canova a exagéré ses défauts. Le monument funèbre de Vienne est beau, mais il est ausse selon l'idée que Canova se faisait du classique. Le chevalier Bernin a justement créé se style et même le style tourmenté dans les draperies et le mouvement des corps, que Canova n'a pas imité, car il a eu plus de goût. Thorwaldsen a fait des bas-reliefs excellents surtout, mais lui aussi a eu l'idée de surpasser la nature. Dans la statuaire antique des belles époques on a copié la nature et en faisant des déesses on a idéalisé les types tout en restant fidèle au modèles que donne la nature au sculpteur. Les artistes sculpteurs et durant la Renaissance ont copié les anciens et la nature à la fois, même les primitifs. Les figures sculptées de l'art italien sont d'un type spécial, qui existe en Italie, ces formes allongées, minces, ces attaches si fines, ces lignes si délicates sont celles de certaines provinces, car en Italie les types sont très variés. Une romaine, un romain ont des formes robustes en général, des membres superbes mais forts, et Michel Ange et toute l'école romaine sont ainsi. Nicolas disait aussi que les napolitains sont ceux qui sont les moins artistes et que c'est le Nord, la grande Grèce, la Vénétie, la Toscane, l'Ombrie et enfin Rome qui sont les vrais centres de l'art en Italie et que chaque ville avait son école et dans chaque école un ou deux. (même dans les plus petites) grands talents de tout premier ordre. Il disait aussi que les voyageurs trop pressés ne visitent pas assez ces petits duchés, ces petites villes, italiennes, et que les anglais connaissent

¹⁾ Mon père a collectionné toute sa vie, dès sa jeunesse et des portraits surtout. Il était très connaisseur. Mon grand père avait une galerie de tableaux qui a brûlé en 1812 à Moscou, ma grand'mère a emporté seulement une madonne très petite du Corrège.

l'Italie et enfin quelques allemands bien mieux que les italiens modernes eux-mêmes et les français. Il nous a parlé des statues du Vatican, de la chapelle de Médicis, du Persée de Benvenuto Cellini, du David de Jean de Bologne, de Donatello, du Moïse, de la Galathée à la Farnésine, des frèsques du Vatican, des frèsques dans les églises, du musée Bourbon à Naples. Les yeux de Pouschkine brillaient, il soupirait, Nicolas lui a fait voir ses estampes, ses gravures, il a des Marc Antoine et des objets d'art que Pouschkine avait vus, mais dont il voulait l'histoire. Nicolas lui a prêté des livres italiens sur les peintres et quelques autres ouvrages. Il était content de parler de ses voyages, il va souvent se promener à l'Ermitage; il y a une Vénus antique au palais que le Pape a donnée à Pierre le Grand. Nicolas disait que la statue de Falconnet est aussi belle que celle de Marc Aurèle au Capitole et celle de Golliave Calléone à Venise. Les sculpteurs français du XVIII s. étaient très remarquables, surtout Pigalle et Houdon. La Diane de Houdon, le buste est celui de M-me Dubarry, il est au palais de Lazienki; c'est Stanislas Auguste qui l'a acheté, c'est l'original parait-il. Nicolas l'a vu en passant par Varsovie et il trouve qu'on devrait mettre ce buste à l'Ermitage. Pouschkine lui a demandé son opinion sur le Raphaél ¹⁾ de l'Ermitage. Nicolas a répondu:

«Une des plus parfaites Madonnes qu'il ait faites, petite nature; mais celle de Drède est son chef d'oeuvre, elle est divine, c'est une vision, l'Enfant est divin, tout est parfait dans ce tableau. Le palais où sont les tableaux est très-froid, on ne le chauffe ²⁾ pas, et je crains bien qu'ils n'abiment leurs chef d'oeuvre. A Vienne il y a des Rubens merveilleux au Belvédère, surtout le portrait de sa femme».

«Que penses-tu de Vandyke, Smirnoff?»

«Un grand peintre aussi. Nous en avons de bien beaux, ceux de Walpole, mais il faut le voir en Angleterre, et en Italie, le Charles Quint et ceux de Gènes. Nous avons plus de Rembrandts que la Hollande, mais ils ont la Ronde de nuit. Les anglais ont tout autant de portraits que les italiens, mais dans les galeries privées et à Windsor, le public les voit peu ou point. En général ils ont de belles collections et des cathédrales gothiques admirables».

Les sentinelles qu'on a placées dans la salle où l'on a exposée la crucifixion de Bruloff nous a fait une impression pénible; ces soldats en faction *jurent* tellement avec le sujet du tableau.

Pouschkine nous disait: «Cela me froisse, c'est du paganisme, je suis sûr que c'est une invention de satan». Lorsqu'il est parti mon mari m'a dit: «Il a raison, le sentiment religieux et artistique est froissé à la fois».

¹⁾ La Madonna di Casa Alba, le tableau est rond.

²⁾ La galerie nouvelle ne date que de 1860.

Je lui ai répondu: «Voulez-vous parier qu'il écrira un poème sur cet épisode; quand quelque chose l'impressionne il faut qu'il le dise en vers».

J'ai gagné mon pari, Pouschkine s'est invité à dîner avec Joukowsky, il n'y avait personne d'autre, après dîner il a tiré de sa poche un poème sur le crucifix gardé par la sentinelle; c'est une vraie perle, je l'ai supplié de me le confier pour l'Empereur, il a refusé, disant: «C'est trop tôt. plus tard je vous le donnerai; mais cela m'a soulagé de l'écrire, car je ne puis pas vous dire quel effet cette sentinelle m'a fait là; j'ai pensé aux soldats romains gardant le sépulchre et empêchant ses fidèles d'approcher». Il était ému et s'est mis, selon son habitude, à arpenter la chambre; sa femme est venue le chercher pour aller à une soirée. Lorsqu'il est parti Joukowsky nous a dit: «Comme Pouschkine a mûri et comme son sentiment religieux s'est développé, il est beaucoup plus croyant que moi». Nous nous sommes récriés: «Si, si, j'ai raison, disait Joukowsky, c'est le résultat de toutes ses méditations, ce n'est pas une affaire de sentiment. son cœur et sa raison sont convaincus à la fois; du reste il a écrit le Prophète dans sa première jeunesse déjà». Plus tard mon mari disait à Joukowsky: «Quel malheur que cet homme ne puisse pas voyager, voir tout ce que l'art de la Renaissance a créé en Italie. l'art religieux justement et aussi l'antiquité; s'il y allait il en parlerait aussi bien que Byron. On oublie beaucoup trop les facilités que Byron a eues. Tout ce que Pouschkine a écrit lui vient de lui-même, de son cœur, son âme; ainsi ce tableau me paraît très mauvais ¹⁾, comparé à tous les chefs d'œuvre italiens, et à Pouschkine il inspire un chef d'œuvre. Que serait-ce s'il voyait le Vatican et les offices!»

(A suivre).

*
* *

Пловучихъ облаковъ румяная кайма
На блѣдномъ небѣ догорѣла.
Какъ призракъ сходитъ ночь — и тихо полутьма
Въ саду прозрачномъ зашумѣла.

Звенить въ кустахъ ручей, зеленая листва
Трепещетъ радостью пугливой...
Во всемъ неясныя, но милыя слова,
Во всемъ восторгъ нетерпѣливый.

Куда ни погляжу, куда ни брошу взоръ,
Все наслаждается, все дышетъ,
На лепесткахъ цвѣтовъ таинственный узоръ,
Какъ письма, зарю вышить.

Отъ розы, сорванной и брошенной въ траву,
Мнѣ вѣетъ тихое прощанье.
Я внемлю, я люблю; я плачу и живу,
Живу мечтою упованья...

Молитва на устахъ, волненіе въ умѣ,
Въ очахъ восторженныя слезы...
Молю продлить закатъ на облачной каймѣ,
Молю продлить дыханье розы...

ИЗЪ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ.

Переводъ съ французскаго М. Толстой, подъ редакціей гр. Л. Н. Толстого.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Года полтора тому назадъ мнѣ въ первый разъ довелось прочесть книгу Амиеля: „Отрывки задушевнаго дневника“ (Fragments d'un journal intime). Я былъ пораженъ значительностью и глубиной содержанія, красотой изложенія и, главное, искренностью этой книги. Читая ее, я отмѣчалъ изъ нея мѣста, особенно поразившія меня. Дочь моя взялась перевести эти мѣста, и такъ составились эти выдержки изъ „Fragments d'un journal intime“, т. е. выдержки изъ выдержекъ всего многого и не напечатаннаго дневника Амиеля, веденнаго имъ изо дня въ день въ продолженіе 30 лѣтъ.

Henri Amiel родился въ 1821 году въ Женевѣ и рано остался сиротою. Окончивъ въ Женевѣ курсъ высшаго образованія, Амиель поѣхалъ за границу и тамъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ гейдельбергскомъ и берлинскомъ университетахъ. Вернувшись въ 1849 году на родину, онъ, 28-ми-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, получилъ въ женевской академіи мѣсто профессора сначала эстетики, а потомъ философіи и занималъ его до самой смерти.

Вся жизнь Амиеля прошла въ Женевѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1881 году, ничѣмъ не выдѣлившись изъ большого числа тѣхъ самыхъ обыкновенныхъ профессоровъ, которые, механически компилируя свои лекціи изъ послѣднихъ вышедшихъ по ихъ специальности книгъ, также механически передаютъ ихъ своимъ слушателямъ, и изъ еще большого числа безсодержательныхъ стихотворцевъ, которые поставляютъ этотъ хотя и никому не нужный, но все еще покупаемый, товаръ на десятки тысячъ издающихся журналовъ.

Амиель не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха ни на ученомъ, ни на литературномъ поприщѣ. Уже приближаясь къ старости, онъ писалъ про себя слѣдующее:

„Что-же я сумѣлъ извлечь изъ тѣхъ даровъ, которые мнѣ были даны. изъ особенныхъ условій моей полувѣковой жизни? Что я извлекъ

изъ своей почвы? Развѣ всѣ мои бумагомаранія, собранныя вмѣстѣ, моя переписка, *эти тысячи задушевныхъ страницъ*, мои лекціи, мои статьи, мои стихи, мои различныя замѣтки — развѣ все это не есть только сухіе листья! Кому и на что я, когда-либо, былъ нуженъ? И развѣ имя мое проживеть хоть днемъ дольше меня, и будетъ для кого-нибудь имѣть какое-либо значеніе? Ничтожная, пустая жизнь! *Vie nulle*“.

Объ Аміелѣ и о дневникѣ его уже послѣ его смерти писали два извѣстные французскіе писателя: его другъ, извѣстный критикъ Э. Шереръ и философъ Каро. Интересенъ тотъ сочувственный, но отчасти покровительственный тонъ, съ которымъ оба эти писателя относятся къ Аміелю, сожалѣя о томъ, что онъ былъ лишенъ тѣхъ качествъ, которыя нужны для совершенія настоящаго труда. А между тѣмъ, тѣ настоящіе, труды этихъ двухъ писателей — критическіе труды Э. Шерера и философскіе Каро, едва-ли долго переживутъ своихъ авторовъ, тогда какъ нечаянный, не настоящій трудъ Аміеля, его дневникъ останется навсегда живою, нужною для людей и плодотворно дѣйствующею на нихъ книгой.

Писатель вѣдь дорогъ и нуженъ намъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ отрываятъ намъ внутреннюю работу своей души, само собой разумѣется если работа эта новая, а не сдѣланная прежде. Что-бы онъ ни писалъ: драму, ученое сочиненіе, повѣсть, философскій трактатъ, лирическое стихотвореніе, критику, сатиру, намъ дорога въ произведеніи писателя только эта внутренняя работа его души, а не та архитектурная постройка, въ которую онъ большей частью, да я думаю и всегда, уродуя ихъ, укладываетъ свои мысли и чувства.

Все, что Аміель отливалъ въ готовую форму: лекціи, трактаты, стихотворенія, было мертво; дневникъ-же его, гдѣ, не думая о формѣ, онъ говорилъ только самъ съ собой — полонъ жизни, мудрости, поучительности, утѣшенія, и навсегда останется одной изъ тѣхъ лучшихъ книгъ, которыя намъ нечаянно оставляли люди, какъ Маркъ Аврелій, Паскаль, Эпиктетъ.

Паскаль говоритъ:

„Есть только три рода людей: одни тѣ, которые, найдя Бога, служатъ Ему, другіе, которые, не найдя Его, заняты исканіемъ Его, и третьи тѣ, которые, не найдя Его, все-таки не ищутъ Его“.

„Первые разумны и счастливы, послѣдніе безумны и несчастны, средніе несчастны, но разумны“.

Я думаю, что разница, которую устанавливаетъ Паскаль между первыми и вторыми, между тѣми, которые, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, найдя Бога, всѣмъ сердцемъ служатъ Ему, и тѣми, которые, не найдя Его, всѣмъ сердцемъ ищутъ Его, не только не такъ

велика, какъ онъ это думалъ, но и вовсе не существуетъ. Я думаю, что тѣ, которые всѣмъ сердцемъ своимъ и страдая (*en gemissant*, какъ говоритъ Паскаль) ищутъ Бога — уже служатъ Ему. Служать тѣмъ, что этими страданiями исканiя прокладываютъ и отерываютъ для другихъ путь къ Богу, какъ это сдѣлалъ самъ Паскаль въ своихъ мысляхъ и какъ это всю свою жизнь дѣлалъ Амiель въ своемъ дневникѣ.

Вся жизнь Амiеля, какъ она представляется намъ въ этомъ дневникѣ, полна этого, всѣмъ сердцемъ своимъ страдающаго, исканiя Бога. И созерцанiе этого исканiя тѣмъ болѣе поучительно, что оно никогда не перестаетъ быть исканiемъ, никогда не останавливается, не переходитъ въ сознанiе обрѣтенiя истины и въ поученiе. Амiель не говоритъ ни себѣ, ни другимъ: „я знаю теперь истину, слушайте меня!“ Напротивъ, ему кажется, какъ это и свойственно тому, кто искренно ищетъ истину, что чѣмъ больше онъ узнаетъ, тѣмъ больше ему нужно знать и онъ, не переставая, дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы болѣе и болѣе познавать истину, и потому постоянно чувствуетъ свое незнанiе. Онъ постоянно загадываетъ о томъ, каково должно быть христіанство и состоянiе христіанина, ни на минуту не останавливаясь на мысли о томъ, что христіанство есть то самое, что онъ исповѣдуетъ, и что онъ самъ осуществляетъ въ себѣ состоянiе христіанина. А между тѣмъ, весь дневникъ его полонъ выраженiями самаго глубокаго христіанскаго пониманiя и чувства. И выраженiя эти дѣйствуютъ особенно сильно на читателя именно своей безсознательностью и искренностью. Онъ говоритъ самъ съ собою, не думая о томъ, что его слушаютъ, не стараясь казаться увѣреннымъ въ томъ, въ чемъ онъ не увѣренъ, не скрывая своего страданiя и исканiя.

Какъ будто присутствуешь безъ вѣдома хозяина при самой таинственной и глубокой и страстной, обыкновенно скрытой отъ посторонняго взгляда, внутренней работѣ души.

И потому можно найти много болѣе стройныхъ и краснорѣчивыхъ выраженiя религіознаго чувства, чѣмъ выраженiя религіознаго чувства Амiеля, но трудно найти болѣе задушевныя и хватающія за сердце. Не за долго до своей смерти, зная, что болѣзнь его всякій день можетъ кончиться задушенiемъ, онъ пишетъ:

„Когда не мечтаешь уже о томъ, что имѣешь передъ собой свободными десяти лѣтъ, годъ, мѣсяцъ, когда считаешь уже десятками часовъ, и будущая ночь несетъ въ себѣ уже угрозу неизвѣданнаго, очевидно, что отказываешься отъ искусства, науки, политики и довольствуешься бесѣдой съ самимъ собой, а это возможно до самаго конца. Внутренняя бесѣда эта — одно, что остается приговоренному къ смерти, казнь котораго откладывается. Онъ (этотъ приговоренный) сосредоточивается въ себѣ самомъ. Онъ уже не лученспускаетъ, а

только бесѣдуетъ съ своей душой. Онъ уже не дѣйствуетъ, а созерцаетъ... Какъ заяцъ, онъ возвращается умирать къ своему жилищу; и жилище это его совѣсть, его мысль. Пока онъ можетъ держать перо и имѣть минутку уединенія, онъ сосредоточивается передъ этимъ отзвукомъ самого себя и бесѣдуетъ съ Богомъ.

„Это, впрочемъ, не нравственное изслѣдованіе, не покаяніе, не призывъ. Это только „аминь“ покорности“.

„Дитя мое, отдай мнѣ свое сердце“.

„Отреченіе и согласіе мнѣ менѣ трудны, чѣмъ другимъ, потому что я ничего не хочу. Я-бы желалъ только не страдать. Христосъ въ Геосиманскомъ саду просилъ о томъ же. Сдѣлаемъ же то же, что и Онъ. „Впрочемъ пусть будетъ не моя воля, но Твоя“ — и будемъ ждать“.

Таковъ онъ наканунѣ своей смерти. Онъ не менѣ искрененъ и серьезенъ и въ продолженіе всего дневника, не смотря на изящество и во многихъ мѣстахъ кажущуюся изысканность своей рѣчи, ставшей для него привычкой. Въ продолженіе всѣхъ 30-ти лѣтъ своего дневника онъ чувствуетъ то, что мы всѣ такъ старательно забываемъ, — то, что мы всѣ приговорены къ смерти и казнь наша только отсрочена. И отъ этого-то такъ искренна, серьезна и полезна эта книга.

Левъ Толстой.

[Въ настоящей книгѣ «Сѣвернаго Вѣстника» помѣщены выдержки изъ I тома французскаго изданія «Дневника Аміеля», въ слѣдующія книги войдутъ выдержки изъ II тома, еще болѣе замѣчательнаго по глубинѣ содержанія].

Берлинъ. 16 іюля 1846 г. Одно только нужно: сознать Бога. Всѣ чувства, всѣ силы души и ума, всѣ внѣшнія средства пониманія суть только просвѣты на божество: суть только способы вкушать и обожать Бога. Надо умѣть оторваться ото всего, что можетъ быть потеряно, и привязаться исключительно къ вѣчному и основному, всѣмъ же остальнымъ наслаждаться, какъ даннымъ взаимно на время. Обожать, понимать, принимать, чувствовать, давать, дѣйствовать: вотъ твой законъ, твой долгъ, твое счастье, твое небо, — пусть будетъ что будетъ, хотя бы и смерть. Установи внутреннее согласіе, живи передъ Богомъ, въ общеніи съ Нимъ и предоставь вѣчнымъ силамъ, съ которыми не можешь бороться, руководить твоею жизнью. Если смерть еще не беретъ тебя, тѣмъ лучше. Если она унесетъ тебя, опять тѣмъ лучше. Если она убьетъ тебя на половину, все-таки тѣмъ лучше, она закрываетъ для тебя попріще успѣха для того, чтобы открыть тебѣ попріще подвига, самоотреченія, нравственнаго величія. Всякая жизнь имѣетъ свое величіе и такъ какъ тебѣ невозможно выйти изъ Бога, то лучше сознательно выбрать Его своимъ обиталищемъ.

20 іюля 1848 г. Берлинъ. Судить о нашемъ времени съ точки зрѣнія всемірной исторіи, исторію съ точки зрѣнія геологическихъ періодовъ, геологію съ точки зрѣнія астрономіи, вотъ что дѣлаетъ мысль свободной. Когда продолжительность жизни человѣка или народа намъ представляется такой-же микроскопической, какъ и жизнь мушкарки и наоборотъ, жизнь эфемериды также безконечна, какъ жизнь небеснаго тѣла со всею своею пылью народовъ, мы чувствуемъ себя и очень малыми и очень великими и мы со всей высоты небесныхъ сферъ можемъ разсматривать наше собственное существованіе и тѣ маленькіе вихри, которые волнуютъ нашу маленькую Европу.

Въ сущности есть только одинъ предметъ изученія: это разные виды и превращенія духа. Всѣ другіе предметы сводятся къ этому-же, всѣ другія изученія приводятъ къ нему-же.

3 мая 1849 г. Ты никогда не ощущалъ въ себѣ внутренней увѣренности гениа, предчувствія славы и счастья. Ты никогда не во-

ображалъ себя великимъ, знаменитымъ, или хоть бы мужемъ, отцомъ, вліятельнымъ гражданиномъ. Это равнодушіе къ будущему, это полное недовѣріе, суть безъ сомнѣнія указанія. То о чемъ ты мечтаешь, смутно и неопредѣленно; ты не долженъ жить, потому что ты сейчасъ неспособенъ къ жизни. Держи себя въ порядкѣ; оставь живыхъ жить, сведи къ одному твоей мысли и сдѣлай завѣщаніе того, что ты передумалъ и того, что ты перечувствовалъ; это самое полезное, что ты можешь сдѣлать.

Отвергнись отъ себя и возьми свою чашу—все равно, наполненную медомъ или желчью, сдѣлай такъ, чтобы Богъ вошелъ въ тебя, впередъ пропитайся имъ, такъ чтобы душа твоя сдѣлалась храмомъ Св. Духа, дѣлай добрыя дѣла, содѣйствуя счастью и совершенствованію другихъ.

Только бы не было въ тебѣ личнаго честолюбія и тогда ты примиришься съ жизнью или смертью что-бы не случилось.

Мая 27 1849 г. Быть непонятымъ даже тѣми, кого любишь, вотъ чаша горечи и крестъ жизни, это-то накладываетъ на уста выдающихся людей ту скорбную и грустную улыбку, которая поражаетъ насъ: въ этомъ самое жестокое испытаніе людей, которые жертвуютъ собой, и это-то и должно было чаще всего сжимать сердце Сына человѣческаго; а если бы Богъ могъ страдать, то это была-бы рана, которую мы наносили бы и Ему каждый день. Онъ, главное Онъ, всегда непризнанный, и въ высшей степени непонятый. Увы! Увы! не тяготиться, не остывать, быть терпѣливымъ, отзывчивымъ, добродушнымъ, слѣдить за рождающимся цвѣткомъ и открывающимся сердцемъ, всегда надѣяться, какъ Богъ всегда любить, вотъ въ чемъ долгъ.

Долгъ имѣть свойство заставлять насъ чувствовать реальность дѣйствительнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ отрываетъ насъ отъ него.

30 декабря 1850 г. Всякій бутонъ разцвѣтаетъ только разъ и у всякаго цвѣтка есть только одинъ моментъ совершенной красоты, также въ саду души у каждаго чувства есть какъ-бы моментъ разцвѣта, т. е. единственный моментъ распустившейся прелести и царственнаго блеска.

Всякая звѣзда только разъ въ ночь проходитъ меридіанъ надъ нашими головами и блеститъ на немъ только одно мгновеніе; также въ небѣ разумѣнія существуетъ для каждой мысли, если можно такъ выразиться, только одинъ зенитный моментъ, во время котораго она блеститъ во всей своей силѣ и царственномъ величіи. Артистъ, художникъ, поэтъ или мыслитель, лови свои мысли и чувства въ этотъ опредѣленный, но бѣглый моментъ, чтобы остановить, увѣковѣчить ихъ, такъ какъ это высшая ихъ точка. До этого мгновенія у тебя

были только смутные намеки или темныя предчувствія ихъ; послѣ него, у тебя останутся только ослабленныя воспоминанія и безсильныя раскаянія. Это мгновеніе есть мгновеніе идеала.

Чѣмъ больше отталкиваешь свой крестъ, тѣмъ онъ становится тяжелѣе.

Досада (le deŕit) это злоба, которая боится обнаружиться: это безсильное бѣшенство, чувствующее свое безсиліе.

Ничто такъ не походитъ на гордость, какъ уныніе.

Для управленія своею жизнью привычки важнѣе правилъ, потому что привычка есть живое правило, ставшее кровью и плотью. Передѣлать свои правила это не важно, это значитъ перемѣнить заглавіе книги. Приобрѣсти же новыя привычки это — все, потому что этимъ захватывается жизнь въ ея сущности. Жизнь есть только сплетеніе привычекъ.

6 апрѣля 1851 г. Я не вѣрю самъ себѣ, не вѣрю счастью, потому что знаю себя. Идеаль отравляетъ для меня неполное обладаніе всѣмъ несовершеннымъ. Все, что опредѣляетъ будущее и разрушаетъ мою внутреннюю свободу, поработаетъ меня вещамъ или заставляетъ быть инымъ, чѣмъ я хотѣлъ и долженъ былъ бы быть, все, что умаляетъ мое представленіе о совершенномъ человѣкѣ, дѣлаетъ мнѣ больно, сжимаетъ меня, огорчаетъ меня, даже въ мысляхъ, даже раньше времени. Я ненавижу бесполезныя сожалѣнія и раскаянія. Неизбѣжность послѣдствій, связанныхъ съ каждымъ изъ нашихъ поступковъ, — это главная мысль драмы, и мрачная и трагическая сторона нашей жизни удерживаетъ меня болѣе непреодолимо, чѣмъ рука командора. Я дѣйствую всегда только съ сожалѣніемъ и почти насильно.

Быть зависимымъ для меня невыносимо, но зависѣть отъ неправимаго, отъ случайнаго, отъ непредвидѣннаго и главное зависѣть по своей же винѣ, зависѣть отъ ошибки, т. е. лишиться своей свободы, своей надежды, лишиться сна и счастья — это адъ!

Все необходимое, роковое, вообще все невмѣняемое я перенесу, мнѣ кажется, съ душевнымъ мужествомъ. Но отвѣтственность убійственно отравляетъ всякое горе. Поступокъ же, по существу своему, всегда свободенъ. И потому я поступаю какъ можно меньше.

Послѣдній отпоръ личной воли, который противится, скрывается, ищетъ покоя, удовлетворенія, независимости!

Нѣтъ-ли остатка эгоизма въ этомъ безкорыстіи, въ этой боязни, въ этой празднои чуткости? Ты хочешь исполнить долгъ, но гдѣ

онъ, въ чемъ онъ? Вотъ тутъ-то выступаетъ желаніе и становится на мѣсто прорицателя. Послѣдній вопросъ таковъ: должно-ли повиноваться своей природѣ, даже лучшей и самой духовной, или побѣждать ее?

Заключается-ли жизнь главнымъ образомъ въ воспитаніи ума и духа, или въ воспитаніи воли и въ чемъ состоитъ воля: въ силѣ или въ отреченіи? Если цѣль жизни въ достиженіи отреченія, то приходятъ болѣзни, препятствія, страданія всякаго рода! Если-же цѣль въ проявленіи человѣка со всѣми его свойствами, то тогда надо оберегать его цѣльность. Вызывать испытанія—значитъ искушать Бога. Въ сущности Богъ справедливости заслоняетъ мнѣ Бога любви. Я трепещу, но не довѣряю. Всякій двойственный голосъ, борющійся въ сознаніи, не есть еще голосъ Божій. Спустись глубже въ самого себя до тѣхъ поръ, пока не услышишь только одинъ голосъ, простой голосъ, уничтожающій всякое сомнѣніе, дающій убѣжденіе, ясность и спокойствіе. Счастливы тѣ, говоритъ апостоль, которые находятся въ согласіи съ самими собой и которые не осуждаютъ себя въ избираемомъ ими жребіи. Это внутреннее тождество, это единство убѣжденій тѣмъ болѣе трудно, чѣмъ болѣе умъ различаетъ, разлагаетъ и предвидитъ. Свободу трудно соединить съ непосредственнымъ единствомъ инстинкта. Увы! надо, стало быть, тысячи разъ взбираться на тѣ же вершины, вновь прибрѣтать уже достигнутыя точки зрѣнія. надо *πολεμίζω-πᾶλεμον*. Сердце, также какъ и царь, подъ видомъ постояннаго мира, подписываетъ только перемирія. Итакъ, вѣчную жизнь нужно вѣчно прибрѣтать. Увы, да! даже миръ есть борьба, или скорѣе борьба и дѣятельность это законъ жизни. Мы находимъ покой только въ усиліи, какъ пламя находитъ существованіе только въ горѣніи. О, Гераклитъ! Стало быть вѣшній видъ счастья таковъ-же, какъ и страданія; тревога и прогрессъ, рай и адъ одинаково подвижны. Алтарь Весты и казнь Вельзевула горятъ тѣмъ-же огнемъ. Да, въ этомъ жизнь, жизнь двусторонняя, жизнь обоюдоострая. Одинъ и тотъ-же огонь уничтожаетъ и освѣщаетъ. Стихія Боговъ могутъ превратиться въ стихію проклятыхъ.

15 августа 1851 г. Великое дѣло умѣть быть готовымъ! это драгоценное свойство, включающее въ себя расчетъ, глазомѣръ и рѣшительность. Для этого надо умѣть рѣзать, потому что не все можно развязать; надо умѣть освобождать существенное отъ опутывающихъ его мелочей, такъ какъ нельзя дѣлать всѣхъ дѣлъ вмѣстѣ — однимъ словомъ, надо умѣть упрощать свои обязанности, свои дѣла и свою жизнь. Умѣть быть готовымъ—значитъ умѣть тронуться съ мѣста.

Удивительно, какъ мы бываемъ обыкновенно опутаны тысячами препятствій и обязанностей, не существующихъ въ дѣйствительности,

но тѣмъ не менѣе запутывающихъ насъ въ свою паутину и препятствующихъ движенію нашихъ крыльевъ. Безпорядокъ дѣлаетъ насъ рабами. Сегодняшній безпорядокъ уменьшаетъ свободу завтрашняго дня.

Загроможденіе мѣшаетъ свободѣ, а загроможденіе происходитъ отъ откладыванія. Умѣть быть готовымъ—значитъ умѣть кончать. Ничто не сдѣлано, что не окончено. Дѣла, которыя мы оставляемъ за собой, впоследствии опять возстанутъ передъ нами и затруднятъ нашъ путь. Пусть каждый нашъ день управится съ тѣмъ, что его касается, очиститъ свои дѣла, пусть бережетъ послѣдующій день, и тогда мы всегда будемъ готовы. Умѣть быть готовымъ—въ сущности значить умѣть умереть.

6 сентября 1851 г. Время великихъ людей уходитъ. Наступаетъ эпоха муравейника, жизни толпы. Очень можетъ случиться, что если только отвлеченное равенство восторжествуетъ, то въ вѣкъ индивидуализма не будетъ больше появляться настоящихъ индивидуальных. Постоянное уравненіе и раздѣленіе труда сдѣлаетъ то, что общество будетъ все, а человѣкъ ничего.

Также какъ дно долинъ поднимается вслѣдствіе оголенія и осыпанія горъ, такъ все среднее поднимется въ ущербъ всякаго величія. Исключеніе сгладится. Плоскость все менѣе и менѣе волнистая безъ контрастовъ, безъ противоположеній, однообразная, — таковъ будетъ видъ человѣческаго общества. Статистикъ отмѣтитъ возрастающій прогрессъ, а моралистъ постепенный упадокъ. Прогрессъ вещей, упадокъ душъ. Полезное займетъ мѣсто прекраснаго, ремесло—искусства, политическая экономія—религій и ариметика—поэзіи. Сплинъ сдѣлается болѣзью вѣка равенства.

Неужели такова будетъ роковая судьба демократической эры? Не слишкомъ-ли дорого будетъ куплено всеобщее благосостояніе, если оно куплено будетъ такою цѣною? Неужели процессъ творчества, который сначала стремился къ постоянному выдѣленію и увеличенію безъ конца различій, вернется назадъ, съ тѣмъ, чтобы одно за другимъ уничтожить эти различія? И равенство, которое въ началѣ существованія есть еще инерція, оцѣпенѣніе, смерть, станетъ въ концѣ концовъ естественной формой жизни? Или, быть можетъ, сверхъ равенства экономическаго и политическаго, къ которому стремится социалистическая и не социалистическая демократія, принимая ее слишкомъ часто за предѣлъ своихъ усилій, установится новое царство духа, церковь, какъ убѣжище, республика душъ, въ которой, сверхъ права и гнусной пользы, красота, самопожертвованіе, святость, героизмъ, энтузіазмъ, необыкновенное и безконечное будутъ имѣть поклоненіе и убѣжище. Неужели утилитарный матеріализмъ, бесплодное благосостояніе, поклоненіе своей плоти и своему я, поклоненіе временному

и мамонѣ — представляютъ предѣлъ нашихъ усилій и всю награду, обѣщанную намъ за труды человѣческаго рода? Я не думаю этого. Идеаль человѣчества безъ сравненія выше. Но животное первое заявляетъ требованіе и, потому, прежде чѣмъ вернуться къ духовному благу, должно сначала уничтожить излишнія страданія общественнаго происхожденія.

18 ноября 1851 г. Энергическая, съ вѣрою въ себя утверждающая себя самоё, субъективность, не боящаяся быть чѣмъ либо особеннымъ и опредѣленнымъ, не имѣющая сознанія своей субъективной иллюзіи и не стыдящаяся ею — мнѣ совершенно чужда. Я преимущественно объективенъ въ своей умственной жизни, и моя отличительная спеціальность состоитъ въ томъ, что я могу стать на всевозможныя точки зрѣнія, видѣть всякими глазами, — стало быть не быть запертымъ ни въ какую индивидуальную темницу. Отсюда способность къ теоріямъ и нерѣшительность въ практикѣ; отсюда критическій талантъ и трудность самобытнаго творчества; отсюда тоже продолжительная неопредѣленность убѣжденій и мнѣній до тѣхъ поръ, пока способность моя оставалась инстинктомъ; но теперь когда она стала сознательною и владѣть собою, она можетъ заключать и въ свою очередь утверждать самоё себя. Такъ что эта способность, производившая прежде безпокойство, даётъ теперь успокоеніе. Она говоритъ: успокоеніе ума только въ абсолютномъ, чувство только въ безконечномъ и душа только въ божественномъ. Все конечное неправдиво, неинтересно и не достойно занимать меня. Все особенное неисключительно, а все, что исключительно, отталкиваетъ меня. Не исключительно только Все; только черезъ общеніе съ Существомъ я нахожу свою цѣль. Только тогда въ свѣтѣ абсолютнаго всякая мысль становится достойной изученія, въ безконечномъ всякая жизнь — достойной уваженія, въ божественномъ всякое существо — достойнымъ любви.

2 декабря 1851 г. Отдѣли въ самомъ себѣ частицу тайны, не распахивай себя всецѣло плугомъ изслѣдованія, но удержи въ сердцѣ своемъ невспаханный уголокъ пару для сѣмянъ, приносимыхъ вѣтромъ, и поберегай тѣнистый уголокъ для пролетающихъ птицъ небесныхъ; имѣй въ душѣ своей мѣсто для нежданнаго гостя и алтарь для невѣдомаго Бога. И если птица запоетъ въ твоей листьѣ, не слѣши подходить къ ней, чтобы приручить ее. И если ты ощутишь въ глубинѣ своего существа зарожденіе чего-то новаго — мысли или чувства, не слѣши подносить къ нимъ свѣта или взгляда; защити забвеніемъ рождающійся зародышъ, окружи его миромъ, не сокращай его ночи, дай ему образоваться и вырасти и не разглашай своего счастья. Священное дѣло природы, всякое зарожденіе должно быть завѣшано тройнымъ покрываломъ стыдливости, молчанія и тѣни.

Доброта есть основа такта, и уваженіе къ другимъ—первое условіе *sa voir vivre*—умѣнья жить.

Кто молчитъ, того забываютъ, кто воздерживается, того ловятъ на словѣ (признавая его безсильнымъ), кто не подвигается—пятится, кто останавливается, того перешли, перегнали, задавили; кто перестаетъ расти, тотъ уже — уменьшается; кто перестаетъ дѣйствовать, тотъ — отрекается отъ власти; состояніе неподвижности есть начало конца, это опасный признакъ и предвѣстникъ смерти. Итакъ жить — значить безпрестанно торжествовать, утверждать себя противъ разрушенія, болѣзни, уничтоженія и разсѣянія нашего физическаго и нравственнаго существа. Жить, стало быть, значить непрерывно желать или ежедневно возобновлять свою волю.

Не исторія учитъ совѣсть честности, но совѣсть учитъ этому исторію. Факты развращаютъ, мы исправляемъ ихъ, не отступая отъ своего идеала. Душа морализируетъ прошедшее съ тѣмъ, чтобы не быть деморализованной имъ. Какъ средневѣковые дѣлатели золота, она находитъ въ сосудѣ испытанія только то золото, которое она вложила въ него.

26 апрѣля 1852 г. In der Beschrenckung zeigt sich erst der Meister,— говоритъ Гёте. Мужественное самоотверженіе есть точно также девизъ мастеровъ жизни: мужественное,— потому что храброе, дѣятельное, рѣшительное, упорное; — самоотверженіе, стало быть, лишеніе, отреченіе, сосредоточеніе, ограниченіе. Самоотверженная энергія это мудрость сыновъ земли. Это единственно возможная душевная ясность въ этой жизни усилій и борьбы; это міръ мученика и обѣщаніе побѣды.

28 апрѣля 1852 г. Весеннее умиленіе, ты вновь вернулось и посѣтило меня послѣ долгаго отсутствія. Сегодня утромъ и поэзія, и пѣніе птицъ, и спокойные лучи, и воздухъ зеленѣющихъ полей — все подступило мнѣ къ сердцу. Теперь все молчитъ. О, молчаніе, какъ ты страшно! Страшно, какъ спокойствіе океана, въ непостижимую бездну котораго погружается нашъ взглядъ; ты показываешь намъ въ насъ самихъ глубины, отъ которыхъ кружится голова, неутолимая потребности, сокровища страданія и сожалѣнія. Приходите же бури! Они по крайней мѣрѣ хоть колеблютъ поверхность этихъ волнъ, прикрывающихъ страшныя тайны. Вѣйте страсти! подымая волны душевныя, онѣ ими скрываютъ бездонную пропасть. Намъ всемъ, дѣтямъ грѣха, сынамъ времени—вѣчность внушаетъ невольный ужасъ, а безконечность какой-то таинственный страхъ. Намъ кажется, что мы вступаемъ въ царство смерти. Вѣдное сердце, ты жаждешь жизни, любви, мечты, и ты все-таки право, потому что жизнь священна.

До какой степени иначе представляется жизнь въ тѣ мгновенія, когда находишься съ глазу на глазъ съ безконечнымъ! Какъ все, что занимаетъ, поглощаетъ, волнуетъ и наполняетъ насъ обыкновенно, представляется намъ вдругъ пустымъ, ничтожнымъ и тщетнымъ. Мы представляемся самимъ себѣ маріонетками, которыя, серьезно продѣлывая фантастическія роли, принимаютъ побрякушки за драгоценныя вещи.

Какъ тогда все преобразуется и кажется инымъ. Берклея и Фихте тогда правы и Эмерсонъ тоже: міръ есть только аллегорія; мысль реальнѣ факта; волшебныя сказки, легенды такъ же истинны, какъ и естественная исторія, даже болѣе, такъ какъ онѣ болѣе прозрачныя символы; собственно говоря единственная сущность — это душа; что же все остальное? тѣнь, предлогъ, образъ, символъ и сновидѣніе; одно сознаніе только безсмертно, положительно и совершенно реально; міръ есть фейерверкъ — величественная фантазмагорія, цѣль котораго есть увеселеніе и образование души. Сознаніе есть вселенная, солнце котораго есть любовь.

29 апрѣля 1852 г. Сегодня утромъ воздухъ былъ тихъ, небо слегка заволочено. Мнѣ хотѣлось въ саду прослѣдить успѣхи растительности; я пересмотрѣлъ ирисы, сирень, клумбы и бесѣдки. Прелестная неожиданность! На поворотѣ одной изъ аллей, почти скрытый въ чащѣ *choychoyus*, со своими маленькими листиками, разцвѣлъ за ночь. Свѣжій и нарядный, какъ свадебный букетъ, этотъ вѣнчаный кустикъ блестялъ передо мной во всей прелести начавшагося разцвѣтанія. Сколько весенней невинности и изящной цѣломудренной красоты было въ этихъ бѣлыхъ вѣнчикахъ, подобно мыслямъ, улыбающихся вамъ при пробужденіи, скромно распутившихся надъ этой молодой листвою такой дѣвственной зелени. Мать всѣхъ чудесъ, таинственная и вѣчная природа, отчего мы не живемъ ближе къ тебѣ? Поэтическіе праздные юноши Тѣпфера, его Карлы, его Юліи, страстные друзья и любовники твоихъ тайныхъ прелестей, эти восхищенные и ослѣпленные наблюдатели, представлялись моему воображенію какъ укоризна и урокъ. Скромный садикъ священника, узкій горизонтъ чердака заключаютъ въ себѣ для того, кто умѣетъ смотрѣть и ждать, болѣе поучительнаго, чѣмъ цѣлая бібліотека, даже чѣмъ бібліотека „моего дяди“! ¹⁾ Да, мы слишкомъ озабочены, слишкомъ загромождены, слишкомъ заняты и слишкомъ дѣятельны! Мы слишкомъ много читаемъ. Надо умѣть сбрасывать черезъ бортъ весь грузъ своихъ хлопотъ, заботъ и педантства. Сдѣлаться молодымъ, простымъ, превратиться въ

¹⁾ Знаменитая книга Тѣпфера «Библіотека моего дяди».

ребенка, жить настоящей минутой, быть благодарнымъ, наивнымъ и счастливымъ. Да, надо уметь быть празднымъ, что не значитъ лѣнивымъ. Во внимательномъ и сосредоточенномъ бездѣйствіи складки нашей души сглаживаются, она расправляется, разворачивается и потихоньку оживаетъ, какъ стоптанная трава у дороги, и какъ поврежденный листъ растенія, восстанавливаетъ свой ущербъ, становится опять новой, самобытно - правдивой, оригинальной. Мечтаніе, какъ ночной дождь, заставляетъ вновь зеленѣть усталыя и поблекшія отъ дневного жара мысли. Нѣжное и плодотворное, оно будитъ въ насъ тысячи заснувшихъ зародышей. Оно шутя накапливаетъ матеріалъ для будущаго и образы для таланта. Мечтаніе есть праздникъ мысли, и, кто знаетъ, что важнѣе и плодотворнѣе для человѣка, — напряженная-ли работа ведѣли, или оживляющій отдыхъ дня субботняго? Беззаботная праздность такъ умно восхваленная и воспѣтая Тѣпферомъ, не только пріятна, но и полезна. Это — цѣлительная ванна, которая придаетъ силу и гибкость всему существу, какъ душѣ, такъ и тѣлу, это признакъ и праздникъ свободы, это радостный и цѣлительный пиръ, пиръ бабочки, рѣзвящейся и кормящейся въ долинахъ и лугахъ. А душа въ сущности — та же бабочка.

2 мая 1852 г. (Воскресенье). Сегодня утромъ читалъ посланіе св. Іакова, толкованіе этого посланія Селерье, нѣкоторыя мысли Паскаля, послѣ того какъ провелъ все-таки болѣе часа съ дѣтьми въ саду. Я заставлялъ ихъ всматриваться въ цвѣты, кусты, обращалъ ихъ вниманіе на жуковъ, улитокъ, чтобы развивать въ нихъ наблюдательность, чувство восхищенія прекраснымъ и добродушіе. Какъ велико значеніе первыхъ бесѣдъ для ранняго дѣтства! Я это сознавалъ съ благоговѣніемъ. Невинность и дѣтство — священны. Святель, кидающій сѣмена, отецъ или мать, которые бросаютъ въ душу ребенка плодотворное слово, совершаютъ священное дѣло и должны-бы всегда совершать его религиозно съ благоговѣніемъ и молитвой, ибо они трудятся для Царствія Божія. Всякій посѣвъ есть дѣло таинственное, попадаетъ-ли брошенное сѣмя на земную почву или въ души человѣческія. Всякій человѣкъ подобенъ земледѣльцу; вся задача его, если ее хорошо понять, заключается въ разработкѣ жизни и разсѣваніи ее повсюду; таково призваніе человѣчества и призваніе это — свято. И слово—его главное орудіе. Мы слишкомъ часто забываемъ, что слово въ одно и то же время — и посѣвъ и откровеніе. Послѣдствія слова, сказаннаго во-время, неисчислимы. О, какъ глубоко значеніе слова! но мы тупы, потому что мы тѣлесны. Мы видимъ камни, деревья, по сторонамъ дороги, обстановку нашихъ жилищъ, мы видимъ все, что есть вещь и матерія. Но мы не разли-

чаемъ вереницы невидимыхъ мыслей, которыя наполняютъ воздухъ и постоянно бьютъ своимъ крыломъ вокругъ каждаго изъ насъ.

6 мая 1852 г. Подобно горной флорѣ женщины опредѣляютъ съ наиболѣе характерной точностью градацію возвышающихся другъ надъ другомъ слоевъ общества. Ступени цивилизаціи рѣзче всего выражаются въ нихъ. Онѣ менѣе рѣзки въ мужчинахъ. Въ женщинахъ эти ступени выражаются, какъ все въ природѣ, безъ рѣзкихъ переходовъ. Въ мужчинахъ онѣ проявляютъ неожиданныя особенности свободы. Дѣло въ томъ, что мужчина своею дѣятельностью самъ себя образуетъ, женщину же образуетъ судьба; мужчина своею энергіею измѣняетъ и передѣлываетъ по своему обстоятельства; женщина же подчиняется имъ и отражаетъ ихъ въ своей кротости. Женщина скорѣе — родъ, мужчина — индивидъ.

Такимъ образомъ, странное дѣло, женщины въ одно и то же время являются поломъ наиболѣе однообразнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе различнымъ: наиболѣе однообразнымъ съ точки зрѣнія моральной, наиболѣе различнымъ съ точки зрѣнія соціальной. Братство въ первомъ случаѣ и іерархія во второмъ. Всѣ ступени культуры, всѣ условія жизни ясно выражены въ ихъ наружности, обхожденіи и вкусахъ; но ихъ внутреннее братство выступаетъ въ ихъ чувствахъ, инстинктахъ и ихъ желаніяхъ. Женскій полъ одновременно представляетъ естественное равенство и историческое неравенство. Онъ поддерживаетъ единство рода и разграничиваетъ категоріи общества; онъ приближаетъ и раздѣляетъ, совокупляетъ и разъединяетъ, онъ порождаетъ касты или разрушаетъ ихъ. Въ сущности назначеніе женщины — удерживать старое, но она удерживаетъ все безъ разбора. Съ одной стороны она удерживаетъ дѣло Божье, то что есть неизмѣннаго, возвышеннаго, истинно человѣческаго въ человѣкѣ: поэзію, религію, добродѣтель, нѣжность, — съ другой стороны она удерживаетъ дѣло случая, то что есть преходящаго, мѣстнаго, искусственнаго въ обществѣ, т. е. обычаи, слабости, предразсудки и мелочности, она окружаетъ одинаковой почтительной и упорной вѣрой — серьезное и пустое, дурное и хорошее. Что дѣлать! нельзя отдѣлить дыма отъ огня. Это роковой законъ и потому онъ хорошъ. Женщина — консерваторъ, преданіе, точно такъ же, какъ мужчина — прогрессъ. А потому, такъ какъ не можетъ быть семьи и человѣчества безъ этихъ двухъ половъ, безъ этихъ двухъ силъ не можетъ быть и исторіи.

14 мая 1852 г. (Ланси). Вчера я философствовалъ на тему радости, молодости, улыбающейся весны и оныяющихъ розъ. Я проповѣдывалъ силу, забывая, что если-бы я былъ такъ же огорченъ и испытанъ въ жизни, какъ тѣ два друга, съ которыми я гулялъ, я-бы разсуждалъ и говорилъ, какъ они.

Наши міровозрѣнія, какъ говорятъ, суть выраженія нашего характера или оправданіе нашего положенія, т. е., что мы охотно принимаемъ за пріобрѣтенное то, что намъ дано, что мы думаемъ, что сами создали свою природу и считаемъ свой жребій за завоеваніе. Иллюзія, порожденная нашимъ тщеславіемъ, а также и потребностью свободы. Намъ непріятно признать себя произведеніемъ случайныхъ обстоятельствъ или раскрывшимся внутреннимъ зародышемъ, а между тѣмъ мы получили все, и часть дѣйствительно намъ принадлежащая очень мала, ибо главнымъ образомъ ее составляютъ отрицаніе, противодѣйствіе, ошибки и заблужденія. Мы получаемъ все—и жизнь и счастье, но способъ, какимъ мы это беремъ, вотъ что наше. Будемъ-же брать это довѣрчиво, не краснѣя, безъ боязни. Примемъ отъ Бога и нашу природу, будемъ относиться къ ней съ любовью, твердостью и заботливостью: не примемъ зла и болѣзни, которыя въ насъ, но примемъ самихъ себя, не смотря на болѣзни и зло. Не будемъ бояться чистой радости; Богъ благъ, и то, что онъ дѣлаетъ, хорошо сдѣлано. Примемъ съ покорностью все, даже и счастье, будемъ просить себѣ духа самопожертвованія и отрѣшенія отъ всего, а главное духа радости и благодарности, истиннаго религіознаго оптимизма, который видитъ въ Богѣ отца и не требуетъ благодарности за добрыя дѣла свои. Надо дерзать быть счастливымъ и смѣть высказывать это, признавая себя хранителемъ, а не творцомъ своего счастья.

12 августа 1852 г. (Ланси). Всякая сфера жизни стремится къ сферѣ болѣе возвышенной и имѣетъ уже откровенія и предчувствія о ней. Идеаль во всѣхъ своихъ формахъ есть упрежденіе, пророческое видѣніе о жизни высшей, чѣмъ собственная, которой постоянно стремится достигъ всякое существо. Эта жизнь, высшая по своему достоинству, по своей природѣ болѣе внутренна, т. е. болѣе духовна. Какъ вулканы приносятъ намъ тайны нѣдръ земного шара, такъ энтузіазмъ, экстазъ суть преходящіе взрывы этого внутренняго міра души. И человѣческая жизнь не что иное, какъ приготовленіе къ наступленію этой духовной жизни. Ступени посвященія въ нее неисчислимы. Итакъ, бодрствуй, ученикъ жизни, бризолида ангела, работай надъ твоимъ будущимъ разцвѣтомъ, потому что божественная Одиссея есть не больше, какъ рядъ превращеній все болѣе и болѣе одухотворенныхъ, гдѣ всякая форма есть результатъ предъидущихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое условіе тѣхъ, которые за ней слѣдуютъ. Божественная жизнь есть рядъ послѣдовательныхъ смертей, въ которыхъ духъ отбрасываетъ свои несовершенства и свои символы и уступаетъ возрастающему притяженію невыразимаго центра тяжести солнца, разума и любви.

27 сентября 1852 г. (Ланси). Сегодня мѣ исполнилось 31 годъ. Самая прекрасная поэма — это жизнь, жизнь, которую въ одно и то-же время читаешь и сочиняешь, въ которой увлеченіе и совѣсть соединяются и помогаютъ другъ другу, жизнь, которая признаетъ себя микрокосмомъ и передъ Богомъ представляетъ въ маломъ видѣ всемірную божественную поэму. Да, будь человекомъ, т. е. будь природой, будь духомъ, будь образомъ Бога, будь тѣмъ, что только есть самаго великаго, самаго прекраснаго и самаго возвышеннаго во всѣхъ сферахъ существованія, будь мыслью, безконечной волей и воспроизведеніемъ великаго цѣлаго. И будь все. не будучи ничѣмъ, обезличиваясь, давай Богу войти въ тебя, какъ воздухъ входитъ въ пустое пространство, признавая свое эгоистическое *я* только за сосудъ, содержащій божественную сущность. Будь кротокъ, сосредоточенъ и молчаливъ, чтобы слышать тихій и глубокій голосъ внутри тебя самаго. Будь духовенъ и чистъ, чтобы войти въ общеніе съ чистымъ разумомъ. Входи часто въ святилище твоей совѣсти, входи въ точку атома, чтобы освободиться отъ прѣстранства, времени, матеріи, соблазна, разсѣянія, чтобы уйти отъ твоихъ органовъ, отъ твоей собственной жизни, т. е. умирай часто и вопрошай себя передъ лицомъ этой смерти, для приготовленія къ послѣдней и настоящей. Тотъ, кто можетъ безъ содраганія вообразить себя слѣпымъ, глухимъ, парализованъ, кого не ужасаетъ болѣзнь, предательство, нищета, тотъ, кто безъ трепета можетъ предстать передъ лицомъ высшей справедливости, тотъ только можетъ считать себя приготовленнымъ къ смерти, временной или совершенной. О, какъ далеко я отъ этого, какъ далеко мое сердце отъ такого стоицизма! Но по крайней мѣрѣ отрѣшиться отъ всего того, что можетъ быть отнято, принимать все какъ есуду, какъ даръ и дорожить только нетлѣннымъ, вотъ что надо испытать. Вѣрить въ Бога добраго, отеческаго и воспитывающаго, умѣряющаго вѣтеръ для остриженной овцы, наказывающаго только по необходимости и отнимающаго только съ сожалѣніемъ: это убѣжденіе даетъ смѣлость и сознаніе безопасности. О! какъ мы нуждаемся въ любви, вѣжности, привязанности, добротѣ и какъ мы уязвимы, мы, сыны Бога, мы бессмертные и владыки, сильные какъ міръ или слабые какъ червяки, смотря потому, изображаемъ-ли мы Бога или самихъ себя, опираемся-ли мы на Существо или мы одни.

Только міровоззрѣніе религіозное, религіи дѣятельной, нравственной, духовной и глубокой, одно только придаетъ жизни все ея достоинство и энергію. Оно дѣлаетъ неуязвимымъ и непобѣдимымъ. Землю можно побѣдить только именемъ неба. Всѣ блага даются кромѣ того тому, кто ищетъ только мудрости. Только тогда бываешь сильнѣе всего, когда воплѣ безкорыстенъ, и міръ у ногъ того, кого онъ не

можетъ обольстить. Почему? потому что духъ властвуетъ надъ матеріей и міръ принадлежитъ Богу. „Мужайтесь, — сказалъ небесный голосъ, — я побѣдилъ міръ!“

Боже, дай силы слабымъ, желающимъ добраго.

6 ноября 1852 г. Я способенъ на всѣ страсти, потому что, онѣ всѣ во мнѣ; какъ усмиритель дивихъ звѣрей, я держу ихъ въ клѣткахъ и на-привязи, но слышу иногда ихъ рычанія. Я задумилъ въ себѣ не одну зарождающуюся любовь. Почему? Потому что вѣрнымъ пророческимъ чутьемъ нравственнаго сознанія я чувствовалъ, что она не живуча и менѣе продолжительна, чѣмъ моя жизнь. Я задумилъ ее въ пользу будущей, окончательной привязанности. Любовь чувственная, воображаемая и сентиментальная, — я видѣлъ тщету ея и отбросилъ, я хотѣлъ любви настоящей и глубокой. И я теперь вѣрю въ нее. Я не хочу этихъ страстей, которыя вспыхиваютъ, какъ солома, ослѣпляютъ, сжигаютъ и иссушаютъ; я призываю, жду и надѣюсь великой, святой, важной и серьезной любви, которая живетъ всеми фибрами, всеми силами души. И если мнѣ суждено остаться одинокимъ, я предпочитаю унести съ собою свою надежду и мечту, чѣмъ связать неравнымъ бракомъ свою душу (*mésailler mon âme*).

8 ноября 1852 г. Отвѣтственность передъ собою — это мой главный, невидимый кошмаръ. Страдать по своей винѣ, — это страданія проелятыхъ, потому что смѣшная сторона этого увеличиваетъ страданія. Нѣтъ ничего хуже, какъ стыдиться передъ самимъ собою. У меня бываетъ сила и энергія только противъ золь, приходящихъ извнѣ, но непоправимое зло, сдѣланное мною самимъ, отбазъ отъ своей воли на всю жизнь, отъ своего спокойствія, свободы, — одна мысль эта приводитъ меня въ бѣшенство. Я долженъ платить за свое преимущество. Преимущество-же мое въ томъ, что я присутствую при драмѣ своей жизни, сознаю траги-комедію моей судьбы, мало того, знаю секретъ этого траги-комизма, состоящаго въ томъ, что я не могу принимать серьезно моихъ иллюзій, что я смотрю на себя изъ залы на сцену, съ того свѣта на эту жизнь, и долженъ притворяться, что интересуюсь своей индивидуальной ролью, тогда какъ я пользуюсь довѣренностью сочинителя, не считающаго важными всѣ эти обстоятельства, и знающаго то, чего не знаютъ зрители. Это странное положеніе, которое становится жестокимъ, когда страданіе заставляетъ меня возвратиться къ моей маленькой роли, съ которой оно меня связываетъ, предупреждая меня о томъ, что я слишкомъ эманципируюсь послѣ моихъ разговоровъ съ поэтомъ, предполагая, что я могу освободиться отъ роли слуги въ комедіи. Шекспиръ долженъ былъ испытать это чувство и Гамлетъ, мнѣ кажется, гдѣ-то и вы-

ражаетъ его. Это двойничество, Doppelgänger, — совершенно нѣмецкое, которое вполне объясняетъ столь обычное отвращеніе отъ общественной жизни нѣмецкихъ мыслителей. Есть какая то деградація, гностическое паденіе въ томъ, чтобы, сложивъ свои крылья, вернуться въ грубую скорлупу простого смертнаго. Безъ страданія, которое составляетъ ту бичевку, на которой держится этотъ смѣлый летучій змѣй, 'человѣкъ поднялся-бы слишкомъ скоро и слишкомъ высоко, и избранные люди были-бы потеряны для своего рода, какъ балоны, которые безъ тяготѣнія не вернулись-бы изъ небесныхъ странствъ.

Какъ-же увеличить въ себѣ смѣлость для дѣятельности?

Допуская въ себѣ безсознательность, непосредственность, инстинктъ, которые возвращаютъ къ землѣ и указываютъ на добро относительное и полезное.

Практически вѣруя въ провидѣніе, которое прощаетъ и позволяетъ исправить испорченное, болѣе наивно и просто принимая условія человѣческой жизни, менѣе боясь труда, менѣе разсчитывая и болѣе надѣясь, т. е. уменьшая отвѣтственность предвидѣніемъ и уменьшеніемъ отвѣтственности уменьшая робость, приобретаая болѣе опытности потерями и уроками.

Ошибка тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе она заключаетъ правды... Для того, чтобы рѣшить что вѣрно, пересмотри разъ и другой, для того, чтобы узнать, что красиво — взгляни только одинъ разъ.

Всеякій понимаетъ только то, что находитъ въ себѣ.

6 января 1853 г. Религія ребенка зависитъ отъ образа дѣйствій, а не отъ образа выраженій его родителей. Внутренній и безсознательный идеалъ, направляющій ихъ жизни, есть именно то, что доходитъ до ребенка; слова-же ихъ, выговоры, наказанія, вспышки даже, для него не что иное, какъ комедія, громъ; вѣру-же ихъ онъ предчувствуетъ и чувствуетъ инстинктомъ. Ребенокъ видитъ, каковы мы, сквозь то, чѣмъ мы хотимъ казаться; отъ этого то его репутація фizioномиста. Онъ распространяетъ свою власть надъ каждымъ изъ насъ, на сколько можетъ. Это тонкій дипломатъ. Онъ безсознательно подвергается вліянію cadaго и отражаетъ его, преображая посредствомъ своей собственной природы; это увеличивающее зеркало. Вотъ почему первый принципъ воспитанія слѣдующій: воспитывай самъ себя; и первое правило, которому надо слѣдовать для того, чтобы владѣть волей ребенка: овладѣй своей.

20 марта 1853 г. Сонъ есть просѣваніе своихъ волненій, сбрасываніе своей тины, успокоеніе своей души, вылечиваніе своей лихорадки, возвращеніе себя въ нѣдра материнской природы и тамъ преобращеніе себя въ лучшаго и болѣе сильнаго. Сонъ есть нѣкотораго рода невинность и очищеніе. Благословенъ тотъ, кто далъ сынамъ человѣческимъ этого вѣрнаго и твердаго спутника жизни, этого ежедневнаго возобновителя и утѣшителя.

27 октября 1853 г. Благодарю тебя, Господи, за часъ, который я только что провелъ въ твоемъ присутствіи. Я узналъ твою волю, я оцѣнилъ свои ошибки, счелъ свои слабости и почувствовалъ твою доброту ко мнѣ. Я наслаждался своимъ ничтожествомъ. Ты далъ мнѣ миръ твой. Въ горечи сладость, въ горѣ радость, въ сокрушеніи сила, въ Богѣ казнящемъ—Богъ любящій. Потерять жизнь, чтобы пріобрѣсти ее, отдавать, чтобы получить ее, ничего не имѣть, чтобы все покорить, отречься отъ своего „я“, чтобы Богъ отдался намъ—какая невозможная задача и какая дивная дѣйствительность! Безъ страданія не узнаешь истиннаго счастья и выкупленный счастливѣй избраннаго.

(Въ тотъ-же день). Торжество страданій, превращеніе зла въ добро — есть преимущественно божественное чудо. Вернуть посредствомъ любви свободное существо къ Богу и грѣшный міръ къ добру: это довершеніе творческаго дѣла, это вѣчная воля безконечнаго милосердія. Всякая, обращающаяся отъ зла къ добру, душа, есть символъ исторіи міра. Быть счастливымъ, имѣть жизнь вѣчную, быть въ Богѣ, быть спасеннымъ — все это одно и то-же: это рѣшеніе задачи, цѣль существованія. И блаженство растетъ, какъ можетъ расти и горе. Неизмѣнно мирный и вѣчный ростъ, все болѣе глубокое вникновеніе, все болѣе сильное и духовное овладѣваніе небесной радостью — вотъ въ чемъ счастье. Счастью нѣтъ границъ, потому что въ Богѣ нѣтъ ни дна, ни береговъ, а счастье есть овладѣваніе Богомъ черезъ любовь.

Центръ жизни ни въ мысли, ни въ чувствѣ, ни въ волѣ, ни даже въ сознаніи, на сколько оно мыслить, чувствуетъ и хочетъ, потому что нравственная истина можетъ быть усвоена всѣми этими средствами и все-таки ускользнуть отъ насъ. Глубже нашего сознанія находится наше существо: наша сущность, наша природа. Только тѣ истины, которыя входятъ въ эту область, сдѣлавшись нами самими, неожиданно и невольно, инстинктивно и безсознательно, только тѣ составляютъ дѣйствительную нашу жизнь, т. е. болѣе чѣмъ нашу собственность. Пока мы различаемъ какое-либо пространство между истиной и нами, мы внѣ ея. Мысль, чувство, желаніе, сознаніе жизни — все это еще не есть жизнь. Въ сущности мы можемъ найти миръ и спокойствіе

только въ жизни и въ жизни вѣчной. Жизнь-же вѣчная—это жизнь божественная—это Богъ. Быть божественнымъ существомъ—вотъ въ чемъ стало быть цѣль жизни: только тогда истина не можетъ быть нами утрачена, потому что она уже болѣе не внѣ насъ, ни даже въ насъ, но мы сами составляемъ истину, а истина насъ; мы тогда истина, воля и дѣло Божье. Свобода дѣлается тогда нашей природой, твореніе составляетъ одно съ творцомъ, соединяется съ нимъ любовью, дѣлается тѣмъ, чѣмъ оно должно быть. Его воспитаніе окончено и начинается его окончательное блаженство. Солнце времени заходить и появляется свѣтъ вѣчнаго блаженства.

Наши плотскія сердца могутъ назвать это мистицизмомъ, но это мистицизмъ Христа. „Я и Отецъ одно. Я въ Отцѣ моемъ и вы во мнѣ и я въ васъ“.

17 декабря 1854 г. Когда мы не дѣлаемъ ничего особеннаго, тогда только мы живемъ всѣмъ существомъ нашимъ. И мы перестаемъ расти только для того, чтобы овладѣвать собою и овладѣвать. Воля перестаетъ дѣйствовать, но природа и время дѣйствуютъ постоянно, и несмотря на то, что жизнь наша уже не есть наше дѣло, дѣло жизни все-таки продолжается. Съ нами, безъ насъ или вопреки намъ, наше существованіе проходитъ всѣ свои видоизмѣненія; наша невидимая Психея ткеть шелкъ своей кризолиды, наша судьба совершается, и каждый часъ нашей жизни приближаетъ насъ къ тому разцвѣту, который мы называемъ смертью. Итакъ эта дѣятельность неизбѣжна; сонъ и праздность не останавливаютъ ее, но она можетъ сдѣлаться свободной и нравственной, можетъ стать радостью, вмѣсто ужаса.

Ничто такъ не характеризуетъ человѣка, какъ его обращеніе съ дураками.

Намъ очень трудно не соглашаться съ нашимъ самолюбіемъ и не находить пріятными тѣхъ, кто насъ одобряетъ.

Будемъ правдивы, въ этомъ тайна краснорѣчія и добродѣтели, въ этомъ нравственное вліяніе, въ этомъ высшее правило искусства и жизни.

16 апрѣля 1855 г. О, какая сладостная вещь—хоть немного самаго простого, наивнаго счастья! Даже теперь духовая музыка, остановившаяся на улицѣ, заставляетъ вздрагивать мое сердце, какъ въ 18 лѣтъ. Благодарю тебя, Боже мой! Уже нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ я считалъ себя старикомъ. Приходите-же поэзія, природа, молодость, любовь, переищите жизнь вашими волшебными руками, начните вновь во мнѣ ваши безсмертные хороводы, пойте свои пѣсни серень, дайте мнѣ пить изъ чаши безсмертія, верните меня на Олимпъ

моей души. Или нѣтъ, лучше безъ язычества! Богъ радости и печали, дѣлай изъ меня, что хочешь; хороша и печаль, хорошо и веселье. Ты ведешь меня черезъ веселье. Я принимаю ее отъ тебя и благодарю за нее.

23 мая 1855 г.

27 юля 1855 г. Съ точки зрѣнія счастья вопросъ жизни неразрѣшимъ, такъ какъ самыя высокія наши стремленія мѣшаютъ намъ быть счастливыми. Съ точки зрѣнія долга то-же затрудненіе, такъ какъ исполненный долгъ даетъ миръ, а не счастье. Только божественная святая любовь и обладаніе Богомъ вѣрою уничтожаетъ это затрудненіе, потому что если жертва стала радостью постоянной, растущей, ненарушимой радостью, то душа обезпечена достаточнымъ хотя и неопредѣленнымъ питаніемъ.

21 января 1856 г. Вчерашній день для меня такъ-же далеко, какъ прошлый годъ; все прошлое представляется моей памяти стоящимъ на одномъ планѣ, какъ звѣздное небо моему глазу. Я также не могу найти въ моей памяти ни одного дня изъ прошлаго, какъ не могъ-бы найти стакана воды, вылитаго въ озеро; они не пропали, но распустились, индивидуальное вошло въ общее; раздѣленія времени суть категоріи, не могущія формировать моей жизни, такъ-же, какъ и отдѣленія, намѣченныя тростью—палкой на поверхности воды, не оставляютъ на ней продолжительнаго отпечатка. Я — теченіе и надо примириться съ этимъ.

22 октября 1856 г. Жизнь есть обученіе прогрессивному отреченію, постоянному уменьшенію нашихъ требованій, нашихъ надеждъ, нашихъ силъ, нашей свободы. Кругъ все болѣе и болѣе суживается: хотѣлъ все узнать, все видѣть, всего достигнуть, все завоевать, и во всѣхъ направленіяхъ приходишь къ своему предѣлу. Non plus ultra. Богатство, слава, любовь, власть, здоровье, счастье, долголѣтіе, всѣ блага, которыми пользовались другіе люди, представляются сначала обѣщанными и достижимыми, а потомъ надо дунуть на эту мечту, уменьшать постепенно свою личность, сдѣлать себя маленькимъ, смиреннымъ, чувствовать себя ограниченнымъ, слабымъ, зависимымъ, незнающимъ, хилымъ, бѣднымъ, всего лишеннымъ, и положить во всемъ на Бога, потому что не имѣлъ ни на что права, и потому что дурень. Въ этомъ-то ничтожествѣ и находишь еще жизнь, потому что искра Божія въ глубинѣ его. Смиряться и въ довѣрчивой любви вновь завоевываешь истинное величіе.

27 октября 1856 г. Въ важныхъ вопросахъ жизни мы всегда одни, и наша настоящая исторія почти никогда не можетъ быть понята другими. Лучшая часть этой драмы есть монологъ или скорѣе

задушевное разсужденіе между Богомъ, нашей совѣстью и нами. Слезы, горести, уныніе, обманы, оскорбленія, хорошія и дурныя мысли, рѣшенія, нерѣшительности, взвѣшиванія, все это—наши тайны; почти все это не сообщаемо и не передаваемо другимъ, даже когда мы и хотимъ высказать это, даже когда пишемъ объ этомъ. Самое драгоценное въ насъ никогда не показывается, оно не находитъ себѣ выхода даже въ дружбѣ, достигаетъ даже нашего сознанія только отчасти, проявляется вполне только въ молитвѣ и, вѣроятно, можетъ быть понято только Богомъ, потому что наше прошедшее уходитъ отъ насъ. Наша монада можетъ подвергаться влиянію другихъ, но она все-же остается въ своемъ центрѣ также непроницаема для нихъ, и въ концѣ концовъ мы сами-же остаемся внѣ нашей собственной тайны. Центръ нашего сознанія безсознателенъ, такъ-же какъ ядро солнца темно. Все, что мы есмы, все, чего мы хотимъ, дѣлаемъ, знаемъ— все болѣе или менѣе поверхностно, и тьма непостижимой сущности находится ниже лучей нашей периферіи.

Но темное существуетъ только для того, чтобы перестать быть имъ, оно есть необходимое условіе всякой побѣды и всякаго прогресса. Называйся оно предопредѣленіемъ, смертью, ночью или матеріей, — оно все-таки пьедесталь жизни, свѣта, свободы, духа, потому что оно сопротивленіе, т. е. точка опоры дѣятельности, условія ея развитія и торжества.

17 декабря 1856 г. Какъ часто мы лицемеримъ, когда оставаясь наружно и для другихъ самими собой, сознаемъ въ себѣ и для себя внутреннюю переменъ. Это не есть лицемеріе въ прямомъ смыслѣ слова, потому что мы не представляемъ другое лицо, а самихъ себя, но это все-таки нѣчто вроде лжи. Эта ложь унижаетъ, и униженіе это есть наказаніе, въ родѣ того, которое накладываетъ маска на лицо, это есть наказаніе, которое наше настоящее несетъ за прошедшее, и это униженіе полезно, потому что оно производитъ стыдъ, а стыдъ порождаетъ раскаяніе. И такимъ образомъ въ правдивой душѣ зло превращается въ добро, и паденіе приводитъ къ возрожденію.

Долгъ состоитъ въ томъ, чтобы быть полезнымъ не такъ, какъ намъ хочется, но такъ, какъ возможно.

Стремленіе къ личному благу есть только продолженіе въ насъ животности; человѣчность-же начинается въ человѣкѣ только съ отреченіемъ отъ него.

Кто хочетъ вполне ясно все разсмотрѣть передъ тѣмъ, какъ рѣшиться, никогда не рѣшается. Кто боится раскаянія, боится жизни.

Судить — значитъ видѣть правду, это значитъ заботиться о справедливомъ, и слѣдовательно быть безпристрастнымъ, болѣе того — быть безкорыстнымъ, болѣе этого быть безличнымъ.

Легко сдѣлать то, что трудно другимъ — въ этомъ талантъ; сдѣлать то, что невозможно таланту — въ этомъ геній.

Обучая, мы учимся, рассказывая наблюдаемъ, утверждая слѣдуемъ, показывая видимъ, и, когда пишемъ, думаемъ. Качая воду, мы притягиваемъ ее въ свой колодезь.

28 мая 1857 г. Мы останавливаемся въ Женевѣ, чтобъ слышать „Тангейзера“ Ричарда Вагнера, исполненнаго въ театрѣ нѣмецкой дѣйствующей труппой. Вагнеръ могущественный умъ и владѣеть чувствомъ высокой поэзіи. Его произведеніе даже больше поэтично, чѣмъ музыкально. Уничтоженіе лирическаго элемента, слѣдовательно и мелодіи, у него систематично и умышленно. Нѣтъ болѣе ни дуэтовъ и тріо; монологъ и аріи также исчезли. Остается декламация, речитативъ и хоры. Чтобы избѣгнуть условности въ пѣніи, Вагнеръ впалъ въ другую условность, въ ту, чтобы не пѣть. Онъ подчиняетъ голосъ отдѣльно произносимымъ словамъ, и изъ страха, чтобы муза не улетѣла, онъ отсѣкаетъ ей крылья. Поэтому его произведенія скорѣе симфоническія драмы, чѣмъ опера. Голосъ низведенъ на степень инструмента, поставленъ на уровень со скрипкой, цимбалами и гобоями, и съ нимъ обходятся какъ съ инструментомъ. Человѣкъ низведенъ съ своего высшаго положенія и центръ тяжести произведенія переходитъ въ палочку дирижера. Это музыка обезличенная, музыка новогегелианская, музыка — толпы, вмѣсто музыки — личности.

Въ этомъ случаѣ она дѣйствительно музыка будущаго, музыка социальной демократіи, замѣняющая аристократическое, героическое и субъективное искусство. Увертюра мнѣ еще менѣе понравилась, чѣмъ въ первый разъ; она соотвѣтствуетъ до-человѣческой природѣ; все въ ней громадно, дико, первобытно, какъ шумъ лѣсовъ и ревъ животныхъ. Это чудовищно и темно, потому что человѣкъ, т. е. духъ, ключъ къ загадкѣ, личность, созерцатель отсутствуютъ. Замыселъ пьесы широкъ: это борьба сладострастія съ чистой любовью, словомъ, — плоти съ духомъ, животнаго съ ангеломъ въ человѣкѣ. Музыка все время выразительна, хоры прекрасны, оркестровка умѣлая, ensemble утомителенъ и преувеличенъ, слишкомъ полный, слишкомъ тяжелый; въ ней недостаетъ въ концѣ концовъ веселости, легкости, естественности и живости, т. е. крыльевъ и улыбки. Въ поэтическомъ смыслѣ чувствуешь себя охваченнымъ ею, но музыкальное наслажденіе нерѣшительно, часто сомнительно и ничего не помнишь кромѣ впечатлѣнія.

Музыка Вагнера представляетъ отреченіе отъ себя и освобожденіе

всѣхъ побѣжденныхъ силъ. Это возвращеніе къ спинозизму, торжество предопредѣленія. Эта музыка имѣетъ свое начало въ двухъ направленіяхъ нашего времени—матеріализма и соціализма, двухъ направленіяхъ, ложно понимающихъ истинное назначеніе человѣческой личности и потому жертвующихъ ею для цѣльности природы или общества.

18 іюня 1857 г. Я только что окончилъ чтеніе Бирана. Нѣтъ ничего меланхоличнѣе и утомительнѣе этого дневника Майн-де-Биранъ. Это неизмѣнное однообразіе разсужденій, повторяющихся безъ конца, раздражаетъ и приводитъ въ уныніе. Такъ вотъ она жизнь знаменитаго человѣка, въ самыхъ интимныхъ ея подробностяхъ. Это длинное повтореніе, съ незамѣтнымъ перемѣщеніемъ центра въ его взглядѣ на самого себя. Этому мыслителю нужно тридцать лѣтъ, чтобы двинуться съ эпикурейскаго спокойствія къ квіетизму Фенелона, и то только отвлеченно, такъ какъ практическая жизнь остается все та же, и все его антропологическое открытіе состоитъ въ повтореніи теорій трехъ жизней (низшей, человѣческой и высшей), которыя есть уже у Паскаля и даже у Аристотеля. И это во Франціи называется философомъ! На ряду съ великими философами, какой слабой представляется эта умственная жизнь! Это путешествіе муравья, совершающееся въ предѣлахъ поля, крота, тратащаго свои дни на устройство своей норы. Какимъ душнымъ показался бы тотъ кругъ, которымъ ограничиваются кротъ и муравей, ласточкѣ, перелетающей черезъ старый свѣтъ и сфера жизни которой заключаетъ въ себѣ Африку и Европу.

Я испытываю съ книгой Бирана что-то вродѣ асфиксіи и то же, какъ и всегда, омертвѣніе по сочувствію и внушеніе по симпатіи. Я чувствую къ нему состраданіе и я боюсь своей жалости, потому что я чувствую, какъ я самъ близокъ къ тѣмъ-же страданіямъ и къ тѣмъ же ошибкамъ.

26 іюля 1857 г. (Вандеврз). Въ десять часовъ вечера, подъ звѣзднымъ небомъ, толпа деревенскихъ жителей, ставши подъ окнами гостиницы, орала безобразныя шансонетки. Почему это ухорское карканіе умышленно фальшивыхъ нотъ и насмѣшливыхъ словъ—веселость этихъ людей? Зачѣмъ это безстыдное хвастовство безобразіемъ? Почему эта отвратительная гримаса антипоэзіи есть ихъ способъ развернуться и разцвѣсть въ этой величественной, безмолвной и тихой ночи? Почему? По тайному и печальному инстинкту. По потребности чувствовать себя обособленной личностью, по потребности самоутвержденія исключительнаго, эгоистическаго, идолопоклонническаго обладанія самимъ собой, противопоставляя свое *я* всему остальному, грубо противопоставляя его природѣ, насъ окружающей, поэзіи, восхищающей насъ, гармоніи, соединяющей насъ съ другими, и обожанію, влекущему насъ

къ Богу. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; одинъ *я* и довольно; *я* въ отрицаніи, въ безобразіи, въ кривляніи и насмѣшкѣ; *я* въ своемъ самодурствѣ, въ своей независимости и въ своемъ безответственномъ самовластіи; освобожденный смѣхомъ, вольный какъ демонъ, ликующій отъ своей воли, *я*—хозяинъ самого себя, непобѣдимая монада, существо, довольствующееся собой, живущее наконецъ хоть разъ само собой и для себя самого. Вотъ что въ основаніи этой радости; это эхо сатаны, искушеніе сдѣлаться центромъ всего. Но это также мгновенное сознание абсолютной стороны личной души, это грубое возвеличеніе субъекта, злоупотребляющаго своимъ правомъ субъективности, это карикатура нашего драгоценнѣйшаго преимущества, пародія нашего апофеоза и опозореніе нашего высшаго величія. Ревите же, пьяницы! Вашъ отвратительный концертъ, въ своемъ отталкивающемъ безобразіи, все-таки свидѣтельствуешь, не зная того, о величіи и высочайшемъ могуществѣ души.

24 сентября 1857 г. Вчера я размышлялъ объ Атала и о Рене—и Шатобрианъ мнѣ сталъ понятенъ. Великій художникъ, но не великій человекъ, огромный талантъ, но еще болѣе огромная гордость; пожираемый честолюбіемъ, но нашедшій въ мірѣ достойномъ любви и обожанія только свою личность; неутомимый въ трудѣ, способный ко всему, кромѣ дѣйствительнаго самопожертвованія, самоотреченія и вѣры. Завистливый ко всякому успѣху, онъ всегда былъ въ оппозиціи, для того, чтобы имѣть право отрицать всякую заслугу и всякую славу, кромѣ своей.

Легитимистъ во время имперіи, парламентаристъ во время легитимизма, республиканецъ во время конституціонной монархіи, защитникъ христіанства во Франціи во время философовъ, отвернувшійся отъ религіи, какъ только она снова стала серьезной силой, — тайна этихъ безграницныхъ противорѣчій заключается въ потребности быть единымъ какъ солнце, въ неутолимой жаднѣ торжества, неизлечимомъ и неасытномъ тщеславіи, которое присоединяетъ къ жестокости тираніи высшее отвращеніе къ какому-либо раздѣленію славы. Великолѣпное воображеніе и отвратительный характеръ, неоспоримая сила, но антипатичный эгоизмъ, сухое сердце, могущее терпѣть около себя только обожателей и рабовъ. И все-таки измученная душа и печальная жизнь, несмотря на его ореолъ славы и лавровые вѣнки.

Особенно завистливый и раздражительный Шатобрианъ съ самаго начала воодушевляется задоромъ, потребностью противорѣчить, уничтожить и побѣдить, и это остается постояннымъ и особеннымъ мотивомъ его дѣятельности. Руссо представляется мнѣ его исходной точкой, человекомъ, у котораго, по противоположности и сопротивленію, онъ будетъ черпать всѣ свои возраженія и нападki. Руссо революціонеръ; Шатобрианъ напишетъ свой „Опытъ о революціяхъ“. Руссо республиканецъ

и протестантъ. Шатобріанъ сдѣляется роялистомъ и католикомъ; Руссо буржуа; Шатобріанъ будетъ прославлять только дворянство, честь, рыцарство и героев; Руссо завоевалъ для французской литературы природу, въ особенности природу горъ, озеръ Савои и Швейцарію, онъ отстаивалъ ее передъ цивилизаціей; Шатобріанъ вооружится новой колоссальной природой океана и Америки, но заставить своихъ дикарей говорить языкомъ Людовика XIV, заставить Атала преклоняться передъ католическимъ миссіонеромъ и освятить мессой страсти, зародившейся на берегахъ Миссисипи. Руссо создалъ апологію мечтательности, Шатобріанъ воздвигнетъ ей памятникъ, чтобы разбить его въ Рене. Руссо краснорѣчиво проповѣдуетъ деизмъ въ „савойскомъ священникѣ“, Шатобріанъ обовѣтъ гирляндами своей поэіи римскій символъ въ *Геніи христіанства*. Руссо требуетъ возстановленія естественнаго права и проповѣдуетъ будущность народовъ, Шатобріанъ будетъ воспѣвать прелести прошедшаго, печаль исторіи и благородныя развалины имперіи. Постоянная рисовка, ловкость, предвзятость, потребность извѣстности, задача воображенія, вѣра по заказу, рѣдко искренность, честность, правдивость. Всегда дѣйствительное равнодушіе, принимающее личину страсти къ истинѣ; всегда исканіе славы вмѣсто преданности добру; всегда тщеславный художникъ, а не гражданинъ, не вѣрующій, не человекъ—Шатобріанъ всю свою жизнь игралъ роль соскучившагося колосса, улыбающагося изъ жалости передъ карликомъ міромъ и притворяющагося въ томъ, что онъ изъ презрѣнія ничего не хочетъ брать отъ него, тогда какъ онъ могъ бы взять отъ него все своимъ геніемъ.

Мы никогда не бываемъ болѣе недовольны другими, какъ когда мы недовольны собой. Сознаніе вины дѣлаетъ насъ нетерпимыми, а наше лукавое сердце старается раздражиться тѣмъ, что внѣ его, для того, чтобы заглушить то, что внутри его.

Способность умственныхъ превращеній есть первая способность, критика. Безъ нея онъ неспособенъ понять другіе умы, вслѣдствіе этого онъ долженъ молчать, если онъ правдивъ. Добросовѣстному критику предстоитъ критика самого себя: о томъ, чего не понимаешь, не имѣешь права судить.

14 іюня 1856 г. Безъ обладанія вѣчностью, безъ религіознаго взгляда на жизнь, эти бѣглыя мгновенія суть только поводы къ ужасу.

Счастье должно быть молитва и несчастье также. Вѣра въ нравственный порядокъ, въ отеческое покровительство божества возникла передо мной во всей своей серьезной прелести.

Мысли, люби, дѣйствуй и страдай въ Богѣ — въ этомъ великая наука.

14 июля 1858 г. Мечталъ одинъ, сидя у окна, послѣ десяти часовъ вечера, когда звѣзды зажигались между облаками, а огни сосѣдей одинъ за другимъ потухали въ окрестныхъ домахъ. Мечталъ о чемъ? о смыслѣ этой траги-комедіи, которую мы всѣ играемъ тутъ. Увы, увы! Я былъ такъ-же грустенъ, какъ Еклезіастъ. Сто лѣтъ представлялись мнѣ сномъ, жизнь — однимъ дыханіемъ и все — ничтожествомъ. Сколько нравственныхъ мученій, — и все это, чтобы умереть черезъ нѣсколько минутъ. Чѣмъ интересоваться и зачѣмъ?

Время ничто для души, дитя, твоя жизнь полна и сей день стоитъ сотни лѣтъ, если ты въ этомъ днѣ найдешь Бога.

Обязанность, которую ты предчувствуешь, связываетъ тебя съ того самаго момента, какъ ты угадалъ ее.

14 июля 1859 г. Я только что перечелъ Фауста. Увы! Каждый годъ я бываю вновь охваченъ этой безпокойной жизнью и этой темной личностью. Это именно та тоска, къ которой меня влечетъ, и я встрѣчаю въ этой поэмі все больше и больше словъ, поражающихъ меня прямо въ сердце. Безсмертный, злоторный, проклятый типъ. Призракъ моей совѣсти, привидѣніе моего мученія, изображеніе непрерывной борьбы, которая не нашла своей пищи, своего мира, своей вѣры, — не есть-ли ты примѣръ жизни, пожирающей себя, потому, что не встрѣтила своего Бога и которая въ своемъ блужданіи черезъ міры несетъ съ собою, какъ комета, неугасимый пожаръ желанія и казни неизлечимаго разочарованія? И я тоже приведенъ къ небытію и чувствую себя охваченнымъ тоской по неизвѣстному, измученнымъ жаждой безконечнаго, уничтоженнымъ передъ невыразимымъ, я содрогаюсь на краю великой пустоты своего внутреннего существа. Я тоже иногда ощущаю эти глухія бѣшенства жизни, эти отчаянные порывы къ счастью, но чаще всего полное изнеможеніе и молчаливую безнадежность. А отчего это? отъ сомнѣнія въ мысли, въ самомъ себѣ, въ людяхъ и въ жизни, отъ сомнѣнія, которое, расслабляетъ волю, лишаетъ возможности исполненія, которое заставляетъ забывать Бога, пренебрегать молитвой, обязанностями, отъ тревожнаго, развѣдающаго сомнѣнія, которое дѣлаетъ существованіе невозможнымъ и насмѣхается надъ всякой надеждой.

17 июля 1859 г. Всегда и вездѣ спасеніе есть мѹка, освобожденіе — смерть, успокоеніе въ жертвѣ. Чтобы получить благодать, нужно цѣловать раскаленное желѣзо креста; жизнь есть рядъ терзаний, Голгоа, на которую восходятъ только изранивъ себѣ колѣна. Развлекаешься, разсѣиваешься, одуряешься, чтобы избавить себя отъ испытанія, отворачиваешься, стараешься не видать свою *via dolorosa*. И все-таки надо вернуться къ ней. Надо признать то, что каждый

изъ насъ носить въ самомъ себѣ своего палача, своего демона, свой адъ въ своемъ грѣхѣ, и что этотъ грѣхъ его — его идолъ, и что этотъ идолъ, который соблазняетъ волю его сердца, — есть его проклятіе. Умереть грѣху — это удивительное слово христіанства остается высшимъ теоретическимъ разрѣшеніемъ внутренней жизни. Въ этомъ только спокойствіе совѣсти, а безъ этого спокойствія нѣтъ мира.

Я только что прочелъ семь главъ Евангелія. Это чтеніе дѣйствуетъ успокоительно. Исполнять свой долгъ любовно и послушно, дѣлать добро — вотъ главныя выступающія мысли. Жить въ Богѣ и дѣлать Его дѣло — вотъ религія, спасеніе, вѣчная жизнь, вотъ дѣйствіе и признакъ святой любви и св. Духа. Это новый человѣкъ, провозглашенный Иисусомъ, новая жизнь, въ которую входишь вторымъ рожденіемъ. Переродиться — это значитъ отказаться отъ прежняго себя, отъ природнаго человѣка, отъ грѣха, это значитъ усвоить себѣ другое начало жизни, это значитъ существовать для Бога другимъ человѣкомъ, съ другой волей, съ другой любовью.

9 августа 1859 г. Природа забывчива. Міръ кажется еще болѣе, стоитъ человѣку только не противиться этому, и забвеніе окутаетъ его какъ саванъ. Это быстрое и неумолимое растяженіе всеобщей жизни, которое покрываетъ, заливаютъ и поглощаетъ отдѣльныя существа, которое стираетъ нашу жизнь и уничтожаетъ память о насъ, убійственно грустно. Родиться, суетиться, исчезнуть — въ этомъ вся эфемерная драма человѣческой жизни. Едва-ли въ нѣсколькихъ сердцахъ, а то и не въ одномъ, память о насъ пройдетъ, какъ волна по водѣ, какъ дуновеніе вѣтра въ воздухѣ. Если нѣтъ ничего безсмертнаго въ насъ, то какъ ничтожна эта жизнь! Какъ сновидѣніе, которое дрожитъ и улетаетъ при первомъ свѣтѣ зари, все мое прошлое, все мое настоящее распускается во мнѣ и отдѣляется отъ моего сознанія, когда оно возвращается само на себя. Я чувствую себя тогда пустымъ и ничего не имѣющимъ, какъ выздоравливающій, который ничего не помнитъ. Мои путешествія, мои чтенія, мои изученія, мои планы, надежды — исчезли изъ моего сознанія. Это странное состояніе. Всѣ мои способности уходятъ какъ плащъ, который снимаешь, какъ кризолида бабочки. Я чувствую, что перехожу въ другую форму, или, скорѣе, возвращаюсь въ первобытное состояніе. Я присутствую при своемъ раздѣваніи. Я забываю еще больше чѣмъ забываемъ. Я медленно живой еще вхожу въ свой гробъ. Я испытываю невыразимый міръ уничтоженія и неясную тишину нирваны; я чувствую какъ передо мной и во мнѣ течетъ быстрая рѣка времени, скользятъ безтѣлесныя тѣни жизни и чувствую это съ каталептическимъ спокойствіемъ.

13 декабря 1859 г. Пятая лекція о „вѣчной жизни“ ¹⁾ (доказательство Евангелія сверхъестественнымъ) также талантлива и краснорѣчива, но ораторъ не понимаетъ, что сверхъестественное должно быть исторически доказано, если-же нѣтъ, то онъ не долженъ выходить изъ области вѣры и вступать въ область исторіи и науки. Онъ приводитъ Штрауса, Ренана, Шерера, но онъ беретъ только ихъ бубву, а не духъ. Все тотъ-же картезіанскій дуализмъ, отсутствіе генетическаго, историческаго, умозрительнаго и критическаго смысла. Идея живой эволюціи не проникла еще въ сознаніе оратора. Съ самыми лучшими намѣреніями быть объективнымъ, онъ остается субъективнымъ, риторичнымъ. Это происходитъ оттого, что онъ полемизируетъ, а не ищетъ.

Нравственность у Навиля преобладаетъ надъ разсудочностью, и мѣшаетъ ему видѣть то, чего онъ не хочетъ видѣть; въ его метафизикѣ воля первенствуетъ надъ разсудкомъ и въ его личности характеръ выше ума: все это послѣдовательно. Вслѣдствіе этого онъ можетъ удержать то, что расшатано, но не можетъ побѣждать; онъ консерваторъ истинъ или вѣрованій, но лишентъ инициативы и обновленія. Онъ проповѣдуетъ, но не внушаетъ. Популяризаторъ, вульгаризаторъ, апологетъ, ораторъ вышаго достоинства, онъ въ сущности схоластикъ: онъ разсуждаетъ точь въ точь какъ въ XII вѣкѣ, и защищаетъ протестантизмъ, какъ тогда защищали католичество. Лучшій способъ доказать недостаточность такой точки зрѣнія состоитъ въ томъ, чтобы выказать посредствомъ исторіи, до какой степени стара уже эта точка зрѣнія. Это химера простой и безусловной правды, совершенно въ духѣ католицизма и анти-исторична. Умъ Навиля математиченъ, а предметъ его — нравственность; математизировать нравственность — вотъ его дѣло. Какъ только дѣло касается того, что развивается, измѣняется, образовывается, какъ только приступаютъ къ подвижному міру жизни, и особенно жизни духовной, онъ уже болѣе не компетентенъ. Языкъ для него есть только система опредѣленныхъ знаковь: человекъ, народъ, книга — это опредѣленныя геометрическія фигуры, свойства которыхъ нужно изслѣдовать. Вотъ еще приложеніе закона внутреннихъ противорѣчій, потому что Навиль любитъ жизнь сердцемъ, если онъ ее теоретически не понимаетъ.

Всякая потребность утихаетъ, а всякій порокъ увеличивается отъ удовлетворенія.

Упрямство — это воля, утверждающая, но не могущая оправдать

¹⁾ «Вѣчная жизнь», семь рѣчей, прочитанныхъ въ Женевѣ и Лозаннѣ 1859—1860 годахъ изд. 1861 г.

себя, это настаиваніе безъ достаточной, настоящей причины, это упорство самолюбія, подставленное вмѣсто упорства разума или совѣсти.

17 апрѣля 1860 г. Ночныя птицы улетѣли. Мнѣ лучше. Я былъ въ состояніи совершить свою обычную прогулку. Всѣ бутоны распустились и молоденькіе ростки зеленѣли на всѣхъ сучьяхъ. Странное дѣйствіе производитъ на больного журчаніе свѣтлыхъ водъ, веселое щебетаніе птицъ, молодая свѣжесть растений, шумныя игры дѣтства! Или скорѣе мнѣ было странно смотрѣть глазами слабого или умирающаго на это проявленіе жизни и вступать въ него. Этотъ взглядъ очень грустенъ. Чувствуешь себя отрѣзаннымъ отъ природы, виѣ общенія съ нею, потому что она вѣчная сила, радость и здоровье. Не мѣшайте живымъ! — кричитъ она намъ: — Что вы омрачаете мою лазурь вашими горестями. Каждому своя очередь; сторонитесь! — Чтобы придать себѣ смѣлости надо сказать себѣ: Нѣтъ, полезно показывать міру страданія и умаленія, они придаютъ особенный вкусъ радости беззаботныхъ и служатъ предупрежденіемъ для мыслящихъ. Жизнь была дана намъ въ долгъ и мы должны показать своимъ спутникамъ, какъ мы употребляемъ ее до конца. Мы должны показать своимъ братьямъ, какъ должно жить и умирать. Эти первыя предупрежденія имѣютъ кромѣ того еще божественную цѣну. Они позволяютъ намъ заглянуть за кулисы жизни, увидеть ея страшную дѣйствительность и неизбѣжный конецъ. Они учатъ насъ сочувствію. Они совѣтуютъ намъ пользоваться временемъ пока еще свѣтло. Они учатъ насъ благодарности за тѣ блага, которыя остаются намъ и смиренію по отношенію тѣхъ даровъ, которыя даны намъ. Эти страданія, стало-быть благо, они призываютъ свыше, они ударъ отцовскаго хлыста.

Какая хрупкая вещь здоровье, и какая тонкая оболочка защищаетъ нашу жизнь отъ поглощенія извнѣ и отъ разстройства внутри ея. Дуновеніе! И лодочка трескается или опрокидывается! Бездѣлица, и все погублено! Туча — и все темно. Жизнь есть тотъ цвѣтокъ, который завядаетъ въ одно утро и скашивается ударомъ крыла; это свѣтильникъ вдовы, который потухаетъ отъ малѣйшаго дуновенія. Чтобы живо ощущать поэзію утренней зари, надо высвободиться изъ когтей коршуна, называемаго болѣзнью. Вверху и внизу всего — кладбище. Единственная достовѣрность въ этомъ мірѣ пустыхъ тревоженій и безконечныхъ безпокойствъ — это смерть и предвѣстникъ смерти, разнѣнная монета ея — страданіе.

Пока отворачиваешься отъ этой безпощадной дѣйствительности, трагическая сторона жизни скрывается, но какъ только посмотришь ей въ лицо, то тотчасъ-же восстанавливаются истинныя отношенія вещей и торжественное опять вступаетъ въ жизнь. Ясно видишь, что раньше только игралъ, дулся, противился, забывалъ и былъ неправъ.

Надо умирать и отдать отчетъ своей жизни, вотъ во всей своей

простотѣ великое наставленіе болѣзни. Сдѣлай какъ можно скорѣе все то, что тебѣ надо сдѣлать, приведи себя въ порядокъ, подумай о своемъ долгѣ, приготовься къ отъѣзду: вотъ что кричатъ тебѣ совѣсть и разумъ.

3 мая 1860 г. Перевелъ стихами страницу изъ Фауста Гёте, въ которой излагается пантеистическое исповѣданіе вѣры. Мнѣ кажется, что дѣло идетъ недурно. Но какая разница между двумя языками въ отношеніи ясности; это растушевка и рѣзецъ: одинъ изображаетъ усиліе, другой обозначаетъ результатъ дѣйствія; одинъ заставляетъ испытывать нѣчто неопредѣленное, пустое, безформенное, — другой опредѣляющій, утверждающій, рисующій даже неопредѣленное; одинъ изображаетъ причину, силу, преддверья, изъ которыхъ выходятъ предметы, другой самъ предметъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ темная глубина безконечнаго, во французскомъ — радостная ясность конечнаго.

5 мая 1860 г. Стариться труднѣе, чѣмъ умирать, оттого что одинъ разъ цѣликомъ отказаться отъ какого-нибудь блага легче, чѣмъ каждый день и по мелочамъ возобновлять жертву имъ. Переносить спокойно свое увяданіе и сознательно принимать свое умаленіе есть болѣе горькая и рѣдкая добродѣтель, чѣмъ презрѣніе смерти. Надъ преждевременной и трагической смертью есть нѣкоторый ореолъ, а въ возрастающей дряхлости только долгая печаль. Но разсмотримъ это получше: безропотная и религіозная старость представится тогда болѣе трогательной, чѣмъ героическая пылкость молодыхъ годовъ.

Созрѣваніе души дороже, чѣмъ блескъ и избытокъ силъ, и вѣчное въ насъ должно воспользоваться тѣмъ разрушеніемъ, которое производитъ въ насъ время. Эта мысль утѣшаетъ.

22 мая 1860 г. Во мнѣ есть какая-то тайная сдержанность, мѣшающая мнѣ выказывать мое настоящее волненіе, сказать то, что можетъ нравиться, отдаться настоящей минутѣ, — глупая сдержанность, которую я всегда съ грустью замѣчалъ въ себѣ. Мое сердце никогда не осмѣливается говорить серьезно, стыдясь лести и боясь не найти подходящаго оттѣнка. Я всегда шучу въ настоящую минуту, и только когда она прошла, испытываю волненіе. Моей непокорной природѣ противно признавать торжественность настоящей минуты; провинческій инстинктъ, происходящій отъ моей застѣнчивости, всегда заставляетъ меня легко относиться къ тому, чѣмъ я обладаю, подъ предлогомъ чего-то другого и другого момента. Страхъ увлеченія и недовѣріе къ самому себѣ преслѣдуютъ меня даже тогда, когда я растроганъ и по какой-то непобѣдимой гордости я не могу рѣшиться сказать какой-нибудь минутѣ: остановись! рѣши мою судьбу! Будь высшей минутой! выдѣлись изъ однообразнаго фона вѣчности и отгнѣй собою единственную точку моей жизни.

Свободное существо, которое отдается самому себѣ, этимъ же самымъ отдаетъ себя дьяволу; въ нравственномъ мірѣ нѣтъ земли безъ хозяина, а неопредѣленныя земли принадлежать лукавому.

28 апреля 1860 г. Такъ же какъ сновидѣніе по своей природѣ преобразуетъ событія сна, — душа превращаетъ въ психическія явленія мало опредѣленныя впечатлѣнія организма.

Неловкое положеніе тѣла становится кошмаромъ, тяжелый грозовой воздухъ вызываетъ нравственныя страданія. Воображеніе и сознаніе — не вслѣдствіе механическаго воздѣйствія и прямой причинности, но по своей природѣ производятъ аналогичныя дѣйствія, они переводятъ на свой языкъ и отливаютъ въ свою форму то, что приходитъ къ нимъ извнѣ. Такимъ образомъ сновидѣніе можетъ служить медицинѣ и прорицанію. Такимъ-же образомъ метеорологическое явленіе вызываетъ изъ души страданія, которыя она смутно скрывала внутри себя. Жизнь вызывается только внѣшними явленіями и не производитъ никогда ничего, кромѣ самоѣ себя; оригинальность состоитъ въ томъ, чтобы быстро и ясно реагировать противъ внѣшнихъ вліяній и давать имъ нашу индивидуальную форму.

Думать — это значитъ сосредоточиться въ своемъ впечатлѣніи, освободить его въ себѣ и проявить его въ своемъ личномъ сужденіи. Въ этомъ-же и облегченіе, освобожденіе и побѣда надъ собой.

Все, что приходитъ извнѣ, есть вопросъ, на который мы должны отвѣчать — давленіе, которому мы должны противодѣйствовать до тѣхъ поръ, пока мы живемъ и хотимъ оставаться свободными. Развитие нашей бессознательной природы слѣдуетъ по астрономическимъ законамъ Птолемея. Оно все — перемѣна, циклъ, эпициклъ и превращеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ПСИХИКЪ ПРЕСТУПНИКА.

(Наблюдения и впечатлѣнія изъ жизни на островъ Сахалинѣ).

Живя почти исключительно среди ссыльно-каторжнаго населенія въ теченіе трехъ лѣтъ, имѣя съ ними близкое общеніе и какъ врачъ и въ частной жизни своей, я старался провѣрить воззрѣнія школы Ломброзо и другихъ иностранныхъ авторитетовъ на характеръ и нравственныя свойства преступниковъ, на сколько они примѣнимы къ нашимъ нравамъ. Пробудившійся за послѣднее время интересъ къ ссыльно-каторжнымъ на о. Сахалинѣ побудилъ меня опубликовать свои наблюденія.

Мнѣ кажется, что психическая сторона каждого преступника сильно мѣняется съ наступленіемъ подневольной жизни. Преступникъ на волѣ и въ мѣстѣ ссылки и заточенія — два не совершенно одинаковыхъ индивидуума. Подобно тому, какъ солдатскій мундиръ и солдатская жизнь кладутъ извѣстный отпечатокъ и на психику индивидуума, режимъ каторги и арестантскій халатъ имѣютъ свое вліяніе. Существуетъ какъ-бы типъ гимназиста, студента, существуетъ и общій типъ прикащика, каковы-бы ни были душевныя свойства, національныя и другія отличія каждого лица въ отдѣльности. Если мы обратимся къ прошлому ссыльныхъ, то у большинства, каково-бы ни было совершенное каждымъ отдѣльнымъ лицомъ преступленіе, мы находимъ одинаковые факторы, не могшіе пройти безслѣдно для характера даннаго лица, именно недостатокъ воспитанія въ дѣтствѣ, дурныя примѣры родителей или окружающихъ, алкоголизмъ идиопатическій или наслѣдственный, нервныя и душевныя болѣзни, сифилисъ и чахотка у родителей. Всѣ эти факторы продолжаютъ дѣйствовать и на каторгѣ. Присоедините одинаковый для всѣхъ режимъ жизни на мѣстѣ и во время заключенія и скитанія по различнымъ тюрьмамъ по пути слѣдованія и вы получите всю сумму условій, вырабатывающихъ общія черты характера каторжнаго. Я не хочу съузить значенія каторги, какъ уголовной мѣры. Но мнѣ кажется, что можно говорить о каторжномъ, о типѣ каторжнаго вообще, но говорить о типѣ убійцы или поджигателя на каторгѣ нельзя, до того схожи черты характера большинства отдѣльныхъ представителей преступленія.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому вопросу, мы позволимъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе: именно, исключеніемъ изъ общаго типа является какъ-бы особый типъ, это — бродяги. Но опять-таки не всѣ бродяги подходятъ подъ него. Условія нашей жизни и законоположеній создали два вида бродягъ. Одни изъ нихъ — обыкновенные преступники, преимущественно рецидивисты, бѣгущіе съ каторги или съ мѣста ссылки съ исключительной цѣлью сократить срокъ работъ, даже въ томъ случаѣ, если ихъ поймаютъ. Тогда они отказываются назвать свою фамилію и ихъ ссылаютъ, какъ бродягъ, на 4 года. На каторгѣ, на Сахалинѣ, не одинъ десятокъ убійць-рецидивистовъ, у которыхъ 20-ти-лѣтній срокъ работъ этимъ способомъ замѣненъ 4-хъ-лѣтнимъ. Ихъ знаютъ товарищи, но не уличаютъ. Этихъ бродягъ нельзя смѣшивать съ другимъ видомъ ихъ. Въ отличіе отъ первыхъ, вторые — бродяги по страсти. Съ ранней молодости ведутъ они скитальческую жизнь. Ни лютый морозъ, ни таежный звѣрь не служатъ имъ препятствіемъ. Есть бродяги, по 4 раза и больше побывавшіе въ Европейской Россіи. Типъ этотъ сталъ выводиться. Представители его люди старые; нерѣдко на лицѣ ихъ можно видѣть слѣды клейма. Они гордятся тѣмъ, что во время бродяжествъ не совершаютъ никакихъ преступленій. Обній видъ у нихъ — видъ степенныхъ и положительныхъ людей, хотя они рѣдко полны. Бродяга — это обыкновенно жилистый, хорошо сохранившійся старикъ, съ медленной неторопливой рѣчью. Сами бродяги говорятъ о себѣ: «старый бродяга» съ особеннымъ оттѣнкомъ, въ которомъ выражается какъ-бы родъ почтенія къ достоинствамъ этого званія. Въ отличіе отъ бродягъ первой категоріи — они хорошіе товарищи и не покинутъ въ нуждѣ своего компаніона по бродяжеству. Первые, — наоборотъ, сбѣгаютъ бѣжать новичка и оберутъ, а зачастую — убьютъ его въ глухой тайгѣ. Когда прибываетъ партія на островъ, черезъ нѣкоторое, весьма близкое время спустя, довольно значительное число пробуетъ бѣжать. Ихъ сбиваютъ уже бѣгавшіе товарищи. Большинство вскорѣ ловится и несетъ наказаніе. Нѣкоторые сами приходятъ обратно въ тюрьму или отдаются въ руки солдатъ бережныхъ кордоновъ, существующихъ для поимки бродягъ, когда исчезнутъ запасы. У бродяги по страсти есть характерная черта: если онъ дастъ слово не бѣжать въ теченіе извѣстнаго времени, онъ слову своему не измѣнитъ. Тоже и обратно. Задумавъ и пообѣщавъ бѣжать, онъ во что-бы то ни стало исполнитъ свое намѣреніе. Я ужъ сказалъ — типъ этотъ выводиться. Прежніе представители становятся слишкомъ старыми, чтобъ продолжать скитальческую жизнь, и доживаютъ свой вѣкъ въ богатѣльняхъ. Трудности же побѣга съ острова не даютъ молодому поколѣнію преступниковъ выработать изъ себя этотъ типъ.

На Сахалинѣ (около 20 лѣтъ островъ служитъ мѣстомъ ссылки) ни разу не было бунта среди ссыльно-каторжныхъ, — въ другихъ тюрьмахъ это крайняя рѣдкость. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Усиленнымъ надзоромъ? Но половина ссыльныхъ, напримѣръ, въ Александровскомъ округѣ живетъ внѣ тюрьмы, другая, за исключеніемъ приблизительно 300, находящихся

всегда подъ конвоемъ, да и то слабымъ, живетъ въ тюрьмѣ на относительной свободѣ. Къ камерѣ, въ которой помѣщается человекъ 80, представленъ одинъ надзиратель. Казалось-бы, что въ средѣ лицъ, въ которой находятся грозные предводители бывшихъ шаекъ, члены послѣднихъ, легче всего возникнутъ какому-нибудь корпоративному проявленію неудовольствія. На работахъ дорожныхъ при партіи въ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ ссыльно-каторжныхъ всего два-три надзирателя. Партія работаетъ въ глухомъ лѣсу, за десятки верстъ отъ мѣстъ пребыванія администраціи и военныхъ командъ, и тутъ-то могли-бы проявиться случаи хотя-бы отказа работать цѣлой партіи. Однако и такіе случаи неизвѣстны. Большинство преступниковъ неспособно ни къ открытому нападенію, ни къ систематической работѣ по извѣстному плану.

Всѣ преступленія на каторгѣ производятся или изъ-за угла, или надъ беззащитнымъ и слабымъ созданіемъ, какъ-то: надъ старикомъ, ребенкомъ или женщиной, или наконецъ, подъ вліяніемъ аффекта, гнѣва, спора во время карточной игры и т. д. Большинство преступленій относится къ бродяжеству. Для послѣдняго не нужно мужества. И всѣ преступленія ссыльных на мѣстѣ, не исключая и бродяжества (я поясню ниже почему), на мой взглядъ служатъ проявленіемъ слабой воли и малой подготовленности къ жизненной борьбѣ этихъ людей. Я приведу нѣсколько примѣровъ преступленій на островахъ.

Входитъ ссыльный каторжный въ лавку, застаётъ въ ней одну старуху, жену купца. На полкѣ лежалъ желѣзный крюкъ. Преступникъ схватываетъ его и ударяетъ по головѣ старуху. На шумъ прибѣгаетъ старикъ изъ сосѣдней комнаты. Преступникъ мгновенно скрылся. Въ этомъ случаѣ мысль объ убійствѣ возникла у ссыльнаго каторжнаго только при видѣ желѣзнаго крюка и случайномъ пребываніи одинъ-на-одинъ со старухой.

Второй примѣръ, совершенно однородный. Ссыльный каторжный, бывший въ услуженіи у одного изъ почтовыхъ чиновниковъ, былъ посланъ купить соленой рыбы у торгующей этимъ товаромъ женщины. Когда она нагнулась въ бочку, чтобы достать требуемый товаръ, преступникъ наноситъ ей по затылку ударъ находившимся подлѣ безмѣномъ.

Третій примѣръ. Старикъ богадѣльщикъ, 69 лѣтъ, проживаетъ у другого старика. Однажды хозяинъ опустился въ подполье, чтобы достать картофель. У дверецъ подполья лежалъ топоръ. Квартирантъ схватываетъ послѣдній и наноситъ рядъ ударовъ сзади по головѣ стоявшаго на ногахъ въ самомъ подпольѣ хозяина. Убивъ его, квартирантъ очистилъ все имущество своего хозяина, замкнулъ тѣло послѣдняго въ подпольѣ и прожилъ въ комнатѣ надъ нимъ нѣсколько дней, послѣ чего ушелъ въ другое селеніе.

Въ одномъ случаѣ на бывшего надзирателя старика было сдѣлано нападеніе сзади въ нелюдномъ мѣстѣ. У старика водились деньги. Отъ нѣсколькихъ ударовъ ножомъ онъ умеръ вскорѣ послѣ нападенія. Недавно

я вскрывалъ трупъ женщины, задушенной ссыльнымъ каторжнымъ въ отсутствіи мужа ея.

Въ прошломъ году трое бродягъ убили старика-сторожа, пріютившаго ихъ. Аналогичный случай убійства сторожа имѣлъ мѣсто недавно. У несчастнаго оказались переломы многихъ реберъ безъ наружныхъ слѣдовъ поврежденій; какъ видно, его били чрезъ мягкій предметъ, шубу или нѣсколько халатовъ. Всѣ приведенные примѣры имѣли мѣсто за мое время. Нижеслѣдующіе мнѣ сообщены.

Въ Корсаковскомъ посту нѣсколько лѣтъ тому назадъ беззащитная семья ивородцевъ была перерѣзана бѣглыми ссыльно-каторжными. Въ Александровскомъ посту ссыльно-каторжный убилъ маленькую дѣвочку, чтобы отнять у нея 3 копѣйки. Случай пораненія ножомъ, полученные во время спора или за игрой, далеко не рѣдки. Мнѣ простятъ, если я не стану приводить примѣровъ. Въ одной изъ статей моихъ въ специальномъ журналѣ я указалъ на одинъ, сравнительно частый здѣсь видъ поврежденій, именно на случай откуса носа мужчиной женщиной. Въ двухъ случаяхъ дѣло произошло послѣ спора, въ одномъ-же къ женѣ вернулся долго бывший въ отсутствіи мужъ. Здѣсь любовникъ откусилъ своей любовницѣ носъ, единственно чтобы «памятно было свиданіе».

Ни въ одномъ случаѣ мы не находимъ преступленія, заранѣе обдуманнаго. Во всѣхъ преступникъ дѣйствовалъ подъ влияніемъ зародившейся у него мгновенно мысли и нигдѣ не позаботился о томъ, чтобы скрыть концы въ воду. Мы не находимъ также и слѣда преступленія, совершеннаго организованной шайкой или обществомъ. Преступникъ не привыкъ дѣйствовать въ собраніи, имѣющемъ какую-нибудь правильную организацію. Я положительно не вѣрю въ возможность существованія шаякъ, имѣющихъ какія-нибудь выработанныя правила. Если ссыльно-каторжный и исполняетъ тюремныя правила, то опять-таки не сознательно, а подчиняясь общему теченію. Самостоятельность какъ въ образѣ мыслей, такъ и въ поступкахъ крайне рѣдка. Оригинальность отсутствуетъ даже въ проявленіи обмана начальства. Всѣ они чрезвычайно похожи другъ на друга и можно сказать, стереотипны. Всѣ виды обмана бдительности начальства хорошо извѣстны послѣднему, какъ и виды симуляціи болѣзни врачамъ. Вездѣ господствуетъ шаблонъ. Даже побѣги и тѣ совершаются по давно извѣстнымъ способамъ. Другая причина, почему преступники не дѣйствуютъ сообща—недовѣріе другъ къ другу и зависть. Стоитъ кому-нибудь быть въ фаворѣ у начальства, чтобы быть нелюбимымъ каторгой. Общая среда не любитъ, на примѣръ, находящихся въ лучшихъ условіяхъ жизни товарищей, какъ-то, зачисленныхъ въ прислуги къ чиновникамъ или писарей. Стоитъ кому-нибудь изъ нихъ за провинности попасть въ общую команду, чтобы на себѣ испытать всю жестокость къ нимъ сотоварищей. Но о жестокости—ниже. Зависть порождаетъ доносъ. Совершенно ошибочно господствовавшее мнѣніе о томъ, что арестанты не выдаютъ товарищей. Нигдѣ, какъ на каторгѣ, доносъ не распространенъ

въ такой степени. Масса подготовленныхъ побѣговъ пресѣкается черезъ посредство доноса. Иногда послѣдніе побуждаются чувствомъ мести, зачастую за старые счеты. Если и существуютъ иногда преступленія, въ которыхъ проявляется работа нѣсколькихъ лицъ, маленькое товарищество, какъ напримѣръ, при поддѣлкѣ и сбытѣ фальшивыхъ денегъ, то преступленія эти скоро раскрываются. Стоитъ кому-нибудь изъ членовъ товарищества почувствовать себя обиженнымъ, чтобы въ минуту гнѣва погубить и дѣло, и товарищей, и себя. Позже наступаетъ раскаяніе, желаніе исправить ошибку путемъ сбивчивыхъ и противоположныхъ показаній слѣдователямъ.

Я позволю себѣ замѣтить, что все, что я говорю о психикѣ преступника, относится исключительно къ ссыльно-каторжнымъ, слѣдовательно, къ лицамъ, совершившимъ крупное преступленіе, и къ тѣмъ изъ нихъ, изъ которыхъ слагается большинство каторги, именно, къ рецидивистамъ, привычнымъ и профессиональнымъ преступникамъ, къ нравственно помѣшаннымъ и только къ той части случайныхъ преступниковъ, на которыхъ среда арестантская наложила свою печать. Часть случайныхъ преступниковъ должна быть исключена изъ этой массы, по преимуществу это убійцы изъ болѣе интеллигентнаго класса и женщины. Мотивъ преступленій у этихъ лицъ не имѣетъ характера корысти, и самыя преступленія не отличаются жестокостью. Къ сожалѣнію, часть и этихъ лицъ, благодаря врожденному дефекту воли и болѣзненно-развитому ложному самолюбію, слишкомъ воспримчива къ пагубному вліянію среды, въ которую они попали.

Укажу на сравнительно небольшое для лицъ съ низкимъ нравственнымъ уровнемъ число преступленій и на главныя изъ нихъ, основываясь на данныхъ Александровскаго окружного полицейскаго правленія о числѣ лицъ, состоявшихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за періодъ времени съ 1889 по 1892 годъ. Такъ, напр., въ 1892 году при численности ссыльнаго населенія въ 4812 мужчинъ и 701 женщины число подслѣдственныхъ лицъ въ округѣ 111, изъ нихъ 48 за побѣги, 7 человекъ за убійства, 2 за покушеніе на убійство и двое самоубійць. Въ 1891 году при численности ссыльнаго населенія въ 4477 мужчинъ и 687 женщинъ — всѣхъ преступниковъ 79, — изъ нихъ 33 побѣга, 5 убійствъ и одно самоубійство. Мы видимъ, что большинство преступленій: побѣги и покушенія на нихъ; число крупныхъ преступленій — убійствъ незначительно, конечно, сравнительно. Въ 1892 году мы находимъ еще четыре случая грабежа, остальные мелкія преступленія.

Побѣги производились преимущественно съ іюня по августъ, причѣмъ характерна одна особенность; побѣги зимой совершаются исключительно русскими, — въ періодъ времени съ іюня по августъ въ 1892 г. мы насчитываемъ 12 человекъ, принадлежавшихъ къ жителямъ Кавказа (магометане и армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія).

1890 годъ при ссыльномъ населеніи въ 4005 мужчинъ и 593 жен-

щины далъ слѣдующее число подсудности: 55. Изъ нихъ два убійства, одно покушеніе на растленіе, 9 случаевъ кражъ и мошенничества и 37 случаевъ побѣговъ, причеъъ 27 совершено съ 25 мая по 22 августа.

Въ 1889 году было 52 лица подъ судомъ — изъ нихъ два убійства, 39 побѣговъ, остальные: поддѣлки видовъ, кражи и мошенничества. Всего ссыльнаго населенія 3,734 мужчины и 502 женщины. Надо имѣть въ виду, что самыхъ фактовъ преступленій значительно меньше, чѣмъ число подслѣдственныхъ лицъ, такъ какъ по одному и тому же дѣлу привлѣкаются къ отвѣтственности нѣсколько лицъ. Мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о побѣгахъ. Большинство производится лицами въ возрастѣ, не достигающемъ 30 лѣтъ, членами новой партіи. Они легко склоняются на уговоры бѣгавшаго уже ссыльно-каторжнаго. Главный мотивъ у этихъ лицъ страхъ предъ предстоящими тяжелыми условіями. Случаи попытокъ бѣжать (многіе не доходятъ до суда) предъ предстоящимъ приговоромъ очень часты. Мнѣ извѣстенъ одинъ случай, гдѣ ссыльно-каторжный бѣжалъ изъ лазарета предъ предстоящей ему трансплантаціей кожи на мѣстѣ старой язвы отъ ожога. И въ этихъ случаяхъ проглядываетъ если не одна слабость воли, то слабая степень закаленности и боязнь предъ тяжелыми жизненными условіями. Слабость же воли проявляется въ той легкости, съ которой преступники склоняются на побѣги, забывая о послѣдствіяхъ. Время для побѣга избирается этой категоріей бродягъ также такое, когда существованіе вдали отъ населенныхъ мѣстностей болѣе или менѣе возможно (ягоды и грибы въ лѣсу). Другими отличительными чертами характера преступника являются: жестокость, лживость, лесть, трусость и поражающая лѣнь. Кромѣ обычной трусости, замѣтенъ особый страхъ предъ физической болью. На каждой изъ названныхъ чертъ мы остановимся подробнѣе, также какъ и на тщеславіи и ложномъ самолюбіи арестанта. Жестокость проявляется въ отсутствіи состраданія и въ тѣхъ звѣрскихъ подробностяхъ, которыми сопровождаются преступления. Весной настоящаго года во время приведенія въ исполненіе смертнаго приговора надъ тремя лицами было выведено во дворъ на мѣсто казни свыше 50 арестантовъ; я не говорю уже о трехъ палачахъ, на всѣхъ прочихъ ссыльно-каторжныхъ казнѣ не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія. Изъ присутствовавшаго же конвоя солдатъ одинъ упалъ въ обморокъ, а изъ числа чиновниковъ, бывшихъ тутъ же по обязанности, всѣ были въ состояніи нервнаго возбужденія, всѣ безъ исключенія не знали сна въ эту ночь. Когда въ городѣ Читѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, надо было привести въ исполненіе смертный приговоръ черезъ повѣшеніе надъ двумя преступниками, арестантъ, которому было предложено исполнять обязанность палача, если не ошибаюсь, за десять рублей, заявилъ, что за эту сумму онъ готовъ перевѣшать весь городъ. Въ 1892 году имѣло два случая людоедства, изъ которыхъ одинъ случай подтвержденъ слѣдствіемъ, и приговоръ состоялся, о другомъ я навѣрно не знаю. Въ первомъ слу-

чаѣ двое ссыльно-каторжныхъ въ глухой тайгѣ убили своего третьяго компаніона и мясо трупа употребили въ пищу. Одинъ изъ преступниковъ, Васильевъ, хладнокровно и очень обстоятельно рассказывалъ мнѣ подробности преступленія. По его словамъ, голодь заставилъ ихъ рѣшиться на это дѣло. Я выше уже упомянулъ о старикѣ, убившемъ своего хозяина и оставшемся жить нѣсколько дней въ той самой квартирѣ, гдѣ спрятанъ былъ трупъ жертвы. Извѣстны случаи, гдѣ каторжные не довольствовались простымъ убійствомъ, но истязали свою жертву, вспарывали животь беременной женщинѣ. Случай самосуда говорятъ также о жестокости преступниковъ. На Сахалинѣ есть арестантъ, по фамилиі Денисовъ, котораго каторга зоветъ «прокуроромъ». Небольшая партія ссыльно-каторжныхъ была какъ-то въ бѣгахъ. Одинъ изъ членовъ ея чѣмъ-то провинился. Наряженный судъ, гдѣ Денисовъ игралъ роль «прокурора», рѣшилъ повѣсить провинившагося. Я не ручаюсь за достовѣрность этого факта, но каторжные объясняли мнѣ такимъ образомъ происхожденіе этого прозванія Денисова. На каждую вакантную должность палача для тѣлесныхъ наказаній всегда находится масса желающихъ поступить кандидатовъ. Въ лазаретѣ я много разъ видалъ полное отсутствіе состраданія къ больнымъ товарищамъ, хотя, правда, есть и исключенія. Отнять или украсть послѣднюю копѣйку у больного или даже здороваго товарища на каторгѣ, гдѣ такъ цѣнны деньги, обыденное явленіе. Такіе факты почти не заявляются обиженными тюремной администраціи. Въ лазаретѣ, не смотря на запрещеніе держать у себя деньги, арестанты предпочитаютъ иногда держать ихъ при себѣ, чѣмъ отдавать на сохраненіе старшему надзирателю. Случай кражъ и здѣсь очень часты и обыкновенно воръ никогда не находится. Я приведу еще одинъ характерный случай отсутствія состраданія къ товарищамъ. Ныѣшнимъ лѣтомъ одинъ изъ арестантовъ упалъ въ воду во время выгрузки парохода. Когда я прибылъ на пристань, его уже вытащили. Бывшихъ тутъ же товарищей только путемъ энергическихъ выраженій можно было заставить помочь мнѣ приводить утопленника къ жизни. Всѣ они предпочитали толпиться безучастно вокругъ. Одинъ изъ нихъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ со словами: «что вамъ, ваше высокородіе, беспокоиться, нашего брата и такъ много останется». Слова эти вызывали одобрительный смѣхъ толпы.

Какъ примѣръ обычной лживости ссыльно-каторжныхъ, можно привести хорошо извѣстные всѣмъ слѣдователямъ факты, съ какой легкостью даются свидѣтельскія показанія, какъ они мѣняются каждый день и какъ легко арестантъ оговариваетъ своего товарища. Оговариваютъ обыкновенно или изъ мести,¹ или изъ желанія выйти самому сухому изъ воды, или съ цѣлью заслужить себѣ фаворъ начальства и облегченіе наказанія, или содержанія подѣ слѣдствіемъ, — въ томъ случаѣ, когда допрашиваемый самъ замѣшанъ въ дѣлѣ. До чего циничны бываютъ отвѣты, даваемые преступниками во время показаній, нагляднымъ образчикомъ мо-

жетъ служить слѣдующій примѣръ. Одинъ изъ прокуроровъ увѣрялъ меня, что не разъ при опросахъ каторжники предлагали ему слѣдующій вопросъ: «какъ прикажете, ваше в — діе, показывать?» Арестанты, при переходѣ дѣла отъ одного слѣдователя къ другому, самымъ безсовѣстнымъ образомъ клеветуютъ на перваго. Всякія недоразумѣнія, возникающія между отдѣльными лицами тюремной администраціи, становятся вскорѣ хорошо извѣстными ссыльнымъ, и непремѣнно они не упустятъ воспользоваться этимъ. Если напримѣръ въ тюрьмѣ станетъ извѣстно случайное, чисто частнаго характера, недоразумѣніе между врачомъ и смотрителемъ, къ первому посылаются заявленія, что и пища сегодня плоха, что его избилъ надзиратель, что смотритель его, освобожденнаго врачомъ отъ работъ, заставляетъ исполнять тяжелыя работы и т. д. Все это, при провѣркѣ, оказывается вымысломъ, подобно обратнымъ заявленіямъ, что докторъ больныхъ признаетъ здоровыми, заочно оскорбительно для смотрителя выражался о немъ и т. д. Вновь поступающіе на службу чиновники вѣрятъ этимъ заявленіямъ ссыльныхъ и создаютъ себѣ рядъ неприятностей. Понятно, всѣ эти наговоры имѣютъ цѣлью заслужить себѣ милость и поблажку со стороны того или другого начальствующаго лица.

Что касается лести, то она проявляется въ особенности тогда, когда къ вамъ обращается преступникъ съ просьбой. Слова: «вы намъ отецъ родной, защитникъ, на васъ вся надежда, вѣкъ за васъ Бога молить буду» и т. д. также дешевы, какъ и грубая насмѣшка и угроза за вашей спиной. Говоря объ обманахъ и о симуляціяхъ, я уже сказалъ, что, несмотря на разнообразіе формъ этихъ проявленій, всѣ они все-таки очень шаблонны; тоже относится и къ лести: все варіаціи и полное отсутствіе оригинальности.

На каторгѣ, казалось-бы, ежедневный и систематическій трудъ должны были-бы отучить преступниковъ до нѣкоторой степени отъ лѣни. Каторжный работаетъ поразительно медленно, даже на то, чтобы дойти до мѣста работъ, не смотря на конвой, каторжные умудряются употреблять время въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности нужно. Всякій прыщикъ, всякая сеадина служитъ поводомъ къ праздности хоть на нѣсколько часовъ; ссыльно-каторжный рѣшается иногда перевести тѣлесное наказаніе, чтобы погулять или, вѣрнѣе, полежать немного. Въ богадѣльнѣ, гдѣ преступники освобождены совершенно отъ всѣхъ работъ, они предпочитаютъ лежать въ воннѣ и въ грязи, чѣмъ прибрать вокругъ себя; почистить налаты и нары можно заставить только путемъ энергическихъ мѣръ. Лѣнь по отношенію къ тому, чтобы помыться и почиститься, наблюдается не въ одной богадѣльнѣ, но и во всѣхъ общихъ камерахъ и частныхъ жилищахъ. Только путемъ строгихъ взысканій удастся держать въ чистотѣ тюремныя зданія и дворъ. У нѣкоторыхъ особъ нежеланіе работать имѣетъ характеръ стопцизма. Никакія наказанія не дѣйствительны.

Недостатокъ смѣлости, какъ я показалъ на примѣрахъ, выражается въ способахъ убійствъ: открытыхъ нападеній не бываетъ. Съ другой стороны нападеніе на чиновника крайняя рѣдкость. Всякій каторжный ду-

маеть, что чиновникъ вооружень. Въ настоящее время есть еще на службѣ одинъ изъ начальниковъ тюрьмы, на убійство котораго покушались. Лѣтъ 10 тому назадъ одинъ изъ преступниковъ кинулся на доктора Ш., пожилого уже человѣка. Докторъ Ш. былъ спасень фельдшеромъ. Очень сравнительно давно былъ убитъ смотритель тюрьмы Д. и зарѣзанъ одинъ врачъ, похороненный въ посту Дуэ. Были-ли условія тюремной жизни тяжелѣй, но во всякомъ случаѣ за послѣднія шесть лѣтъ не было покушенія на жизнь ни одного изъ лицъ тюремной администраціи. Одинъ надзиратель держитъ въ субординаціи десятки преступниковъ. Страхъ ссыльных передъ инородцами-гиляками создалъ бессмысленную легенду о существованіи на сѣверѣ острова особыхъ «черныхъ гилякѣ» — канibalовъ. Почта привозится зимой на собакахъ по почти ненаселенному берегу пролива, сопровождаетъ ее только одинъ солдатикъ и ни разу не было нападенія, хотя время проѣзда почты всегда извѣстно. Ссыльные въ большинствѣ случаевъ боятся физической боли. Согласиться на операцію стоитъ большой борьбы арестанту; охотнѣе соглашаются на операціи, какъ ампутація, гдѣ по выздоровленіи предстоитъ богадѣльня. Не только операція, самый пустой разрѣзъ нарыва, вставленіе зеркала или катетера страшитъ грознаго убійцу. Я положительно несогласень съ Ломброзо въ томъ, что преступники легко переносятъ физическую боль. Тутъ же замѣчу, что я ни разу не наблюдалъ, чтобы хирургическіе больные и послѣ-операционные изъ преступниковъ поправлялись быстрѣе и давали-бы менѣе осложнений по сравненію съ не-преступниками, какъ увѣряютъ нѣкоторые иностранные авторы. Если процентъ выздоровленія и довольно высокъ въ Александровскомъ лазаретѣ, а осложнения рѣдки, то это явленіе объясняется сравнительною недавностью зданія лазарета. Старый лазаретъ давалъ массажи и рожи, и зараженія крови. Я видалъ атлетовъ, которые подъ вліяніемъ страха падали въ обморокъ предъ предстоящимъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Правда, все сказанное мною допускаетъ исключеніе, есть лица, выносящія стоически тѣлесныя наказанія и операціи безъ хлороформа, но все же это незначительное меньшинство. Да простятъ мнѣ здѣсь маленькое отступленіе, разъ я заговорилъ о чувствительности къ боли. Многіе авторы наблюдали и анельгезію и анестезію преступниковъ; чрезъ мои руки прошла не одна тысяча обращавшихся ко мнѣ ссыльныхъ каторжныхъ и я всегда имѣлъ въ виду эти наблюденія авторовъ. Лично я наблюдалъ эти формы, также какъ и противоположное — гиперестезію лишь при существованіи патологическихъ явленій, обуславливающихъ и эти проявленія нервнаго заболѣванія. Проявленія страха нейрастенической формы (боязнь пустыхъ мѣстъ и т. д.) далеко нерѣдки. Но здѣсь я не стану говорить объ этомъ. Рѣдкость самоубійствъ или самые факты его подъ вліяніемъ аффекта или предъ предстоящей смертною казнью¹⁾ не служатъ-ли также доказатель-

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Корсаковскомъ посту 11 человѣкъ были приговорены къ смертною казни. Всѣ они покушались, когда сталъ извѣстенъ приговоръ суда, на отравленіе посредствомъ борца (аконитъ, дико растущій на Сахалинѣ).

ствомъ недостаточной смѣлости и рѣшимости глядѣть въ глаза смертельной опасности? Какъ примѣръ боязни смерти и какъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ и тщеславія, я приведу слѣдующій случай. Закоренѣлый преступникъ, убійца-рецидивистъ, Лѣсниковъ, бѣжалъ. Въ семи верстахъ отъ поста въ селеніи Михайловскомъ его узналъ надзиратель. Лѣсниковъ дался въ руки, послѣ того какъ получилъ два огнестрѣльныхъ поврежденія: одно—въ руку, причѣмъ были прострѣлены мягкія части на предплечіи, другое—очень легкая контузія въ области нижнихъ реберъ спереди. Лѣсникова привезли на телѣгѣ; онъ выглядѣлъ страшно блѣднымъ и по дорогѣ сильно стоналъ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ съ трудомъ. Узнавъ отъ меня, что раненія его легкія (не смертельныя—онъ переспросилъ), онъ сразу оживился и сказалъ: «еслибъ я зналъ, что у меня не прострѣлена грудь, я-бы не дался, отнял-бы у надзирателя револьверъ и бѣжалъ-бы». Понятно, слова эти—хвастовство; ими онъ старался извинить свою трусость предъ смертью. При разговорахъ и разпросахъ, если только ссыльно-каторжный говорить о своемъ преступленіи, каждый старается выставить себя героемъ. О своихъ приключеніяхъ во время побѣговъ они рассказываютъ чудеса, намъ-же извѣстны случаи, гдѣ одинъ гилыкъ связывалъ и приводилъ въ постъ по шести и по восьми бѣглыхъ. Гилыкъ былъ вооруженъ только револьверомъ и грозилъ убить наповаль за непослушаніе. Тщеславіе выражается и въ татуировкѣ. Правда, на самой каторгѣ не татуируются, но знаками этими носители ихъ бравируютъ. Нѣкоторые изъ преступниковъ, будучи молодыми, перенесли эту операцію, какъ они сами говорили, только для того, чтобы не отставать отъ товарищей. Палачъ во время исполненія своихъ обязанностей бравируетъ костюмомъ (феска, красная рубаха, туфли) и манерой наказывать. Слова: «берегись, ожгу; готовься»—не могутъ быть объяснены иначе.

По вопросу о самолюбіи каторжного мы наталкиваемся на двѣ, на первый взглядъ, несовмѣстимыя у одного лица черты—на отсутствіе достоинства и болѣзненно чужкое самолюбіе. Отсутствіе достоинства (я не говорю о случайныхъ преступникахъ) выражается въ рядѣ униженій, которыя преступникъ для достиженія поблажки готовъ вынести, въ его склонности къ клеветѣ, къ обману, къ лести, въ нерѣдкой педерастіи. Все это вмѣстѣ проявляется у одного субъекта, рядомъ съ готовностью, подъ вліяніемъ обиднаго слова, всадить ножъ въ бокъ обидчика. Въ особенности послѣднее примѣнимо къ обитателямъ Кавказа. Человѣкъ слабой воли сначала пріучается легко смотрѣть на проступки другихъ, затѣмъ прощаетъ себѣ первые свои и потомъ уже постепенно опускается. Я зналъ на каторгѣ лицъ, принадлежавшихъ прежде къ хорошему обществу, офицеровъ, юристовъ, чиновниковъ, которые теперь во многомъ хуже средняго каторжнаго. Напримѣръ, я знаю бывшаго пажа, который за три рубля подвергся тѣлесному наказанію вмѣсто лица, которому были присуждены розги. Я знаю бывшаго вольноопредѣляющагося, сына почтенныхъ родителей, кравшаго во время пребыванія въ лазаретѣ не только

деньги у больныхъ товарищей; но и пищу ихъ. Всѣ поддѣльватели денегъ и видовъ поголовно люди, принадлежавшіе прежде къ интеллигентному классу. Одинъ изъ нихъ штабсъ-капитанъ, другой столоначальникъ. Палачъ Александровской тюрьмы, какъ меня увѣрили со словъ его, бывшій воспитанникъ духовной семинаріи. Я знаю дочь генерала, женщину не молодую, говорящую свободно на новыхъ языкахъ, теперь проститутку самаго низшаго разбора. Болѣзненное самолюбіе проявляется въ особенности часто у тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются какимъ-нибудь ремесломъ. Если вы пренебрежительно отнесетесь къ его работѣ, вы его кровно обидите. Еслибы я сталъ приводить примѣры, я-бы могъ ихъ привести десятками. У женщинъ проявляется то-же самолюбіе. Необыкновенная впечатлительность къ измѣнѣ и къ обидному слову связана съ проституціей. Женщина, отдающаяся каждому встрѣчному, требуетъ уваженія къ себѣ и вѣрности. «Сахалинъ проклятый», обыкновенно оправдываютъ себя женщины, «виновать». И въ этихъ словахъ лежитъ глубокой смыслъ. Не объясняетъ-ли ссыльный въ этихъ словахъ всю немощь своей воли въ борьбѣ противъ суммы неблагоприятныхъ и дурныхъ вліяній? Не проглядываетъ-ли здѣсь сознаніе преступника или преступницы, что то, что они дѣлаютъ — дурно и требуетъ извиненія?

Въ этомъ-то фактѣ, на мой взглядъ, лежитъ основа того, что для многихъ возможно еще исправленіе. Та легкость, съ которой преступникъ поддается злымъ примѣрамъ или наклонностямъ своимъ, не исключаетъ возможности воздѣйствія на него добраго слова и примѣра. Единичные примѣры глубокаго пониманія содѣяннаго зла и желанія исправиться или искупить вину мнѣ извѣстны. Я знаю, на примѣръ, одного семидесятилѣтняго старика, отказавшагося добровольно отъ облегченія ему работы или освобожденія отъ нея, на томъ основаніи, что онъ заслужилъ наказаніе.

Мы уже выше говорили, что ссыльно-каторжные плохіе товарищи. Существованіе какихъ-либо обществъ или товариществъ съ твердыми правилами врядъ-ли когда-либо и имѣло мѣсто. Если и бываютъ преступленія, совершаемыя компаніей, то послѣдняя организуется только на время самаго преступленія и потомъ распадается. Таковы, на примѣръ, побѣги сообща; цѣлой партіей въ десять и болѣе человекъ, приготовленіе фальшивыхъ денегъ, ограбленіе лавки какой-нибудь или даже товарища. Иностранные авторы указываютъ на существованіе особаго языка преступниковъ. Ломброзо пытается объяснить даже происхожденіе этого «argot». На русской каторгѣ, сколько я ни спрашивалъ, языка особаго нѣтъ, но есть отдѣльные термины: на примѣръ, «баланда» есть названіе арестантской похлѣбки, «къ Рачкову свестъ» — значитъ, на кладбище и т. д. Всѣ термины арестанта извѣстны администраціи и употребляютъ ихъ съ цѣлью быть непонятыми не имѣетъ никакого смысла. Характерно, что для отвлеченныхъ понятій, какъ красота, любовь и пр., терминовъ нѣтъ.

Теперь перейдемъ къ вопросу, хорошіе-ли семьяне ссыльно-каторж-

ные и каковы ихъ отношенія къ семьѣ въ болѣе общирномъ значеніи этого слова, именно къ родителямъ, братьямъ и т. д.

Нельзя не отмѣтить одной черты — это сыновнюю любовь у большинства къ матери. Правда, есть видъ такъ называемыхъ «сахалинскихъ сиротъ». «Отца и мать убилъ», заявляетъ вамъ спокойно молодой преступникъ. Представители этого класса — нравственно помѣшанные.

Черезъ мои руки прошло много писемъ больныхъ арестантовъ, содержащихся въ лазаретѣ, на родину. Сквозь пространные и безмысленные наборы словъ: «еще кланяюсь низайше нашему свекору, батюшкѣ» и т. п., проглядываетъ глубоко-симпатичное и искреннее сыновнее чувство къ матери. Лоранъ указываетъ на подобные-же факты изъ жизни французскихъ преступниковъ. Письма, которыя онъ приводитъ, принадлежатъ интеллигентнымъ лицамъ. Я такихъ писемъ не читалъ; всѣ бывшія у меня на рукахъ принадлежатъ простолюдинамъ. Случаи, гдѣ дѣти, если сослана и ихъ мать, работаютъ за послѣднюю, очень часты. Нужно отдать справедливость родителямъ ссыльныхъ изъ простого класса: они не отворачиваются отъ своихъ преступныхъ дѣтей; многіе-же интеллигентные окончателно забыты своими родными. Тяжелыя-ли жизненные условія, природная-ли жестокость,—я думаю то и другое,—проглядываютъ въ отношеніяхъ многихъ матерей-преступницъ къ своимъ дѣтямъ; онѣ легко переносятъ ихъ смерть и разлуку съ ними, а объ оставшихся на родинѣ дѣтяхъ мало вспоминаютъ. Ежегодно одинъ изъ осеннихъ пароходовъ добровольнаго флота привозитъ сотню, другую семей, добровольно слѣдующихъ, чтобы раздѣлить участь изгнанія своихъ мужей, родителей и т. д. Казалось-бы жена, приносящая такую жертву мужу, должна бы отличалась вѣрностью. Однако многія начинаютъ заниматься проституціей еще на пароходахъ и почти большинство занимается ею на островѣ. Мужья не только терпятъ, но извлекаютъ выгоду изъ занятія своихъ женъ. Зачастую мужъ находитъ другую подругу жизни, жена другого мужа. Мирные «ménage en trois» болѣе чѣмъ обыденны. Молодыя дѣвушки очень рано начинаютъ жить. Родители нерѣдко принуждаютъ своихъ дочерей, а случаи совмѣстной проституціи матери и дочери также не рѣдкое явленіе. На мой взглядъ, толерантность отцовъ къ разврату дочерей и нѣкоторыхъ мужей къ разврату ихъ женъ объясняется не тѣмъ, чтобы они мало любили женъ или дочерей, нѣтъ, а тѣмъ-же пагубнымъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ. Въ Европейской Россіи и боязнь позора заставила-бы отца быть строже; здѣсь-же нравы легче, примѣры разврата повторяются въ семьѣ односельчанъ и никто ими не возмущается. Ко всему присоединяются разсужденія, что дочь или жену не удержавши, помощью-же разврата вносится лишній грошъ въ семью. И успокаивается отецъ семьи: «Сахалинъ проклятый виноватъ».

У каторжныхъ взглядъ на женщину очень простой: женщина есть только своего рода нужный предметъ для отправления фзіологическихъ потребностей, но не подруга жизни. Преступникъ вообще не

идеализируетъ женщины, и въ этомъ тоже надо искать причину, почему многіе изъ нихъ считаютъ измѣну жены не только извинительной, но прямо какъ-бы нормальнымъ явленіемъ, лишь-бы только она принадлежала имъ временами, когда у нихъ является потребность. Въ литературѣ тюрьмы особенно замѣтно это отсутствіе идеализаціи женщины. Въ пѣсняхъ каторги вы встрѣтите грусть по матери, тоску по родинѣ, но тоски по любимой женщинѣ, которой-бы приписывались извѣстныя достоинства—никогда. Въ пѣсняхъ тюрьмы поется о дѣвчонкахъ, которыя сгубили молодца, о кутежахъ съ дѣвчонками, но нигдѣ не воспѣвается чистая женщина и высокая любовь. Франко въ «*Antropologie criminelle*», Лагентъ въ «*Les habitués des prisons de Paris*» обращаетъ вниманіе на эту черту въ отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ. По словамъ послѣдняго, многіе осужденные даже не чувствуютъ физиологической потребности въ сношеніяхъ съ женщиною. Они предпочитаютъ рюмку вина женщинѣ. Ревность мужчины къ женщинѣ и даже къ пассивному педерасту наблюдается чаще у преступниковъ, бывшихъ обитателей Кавказа. Но и у послѣднихъ самый выборъ сожительницы ограничивается тѣмъ, что онъ беретъ первую попавшуюся женщину, а ревность есть проявленіе исключительно чувства протеста противъ нарушенной собственности. Татарскія женщины, воспитанныя въ большей строгости, на каторгѣ не уступаютъ другимъ. Я зналъ одну татарку, которая прибыла на каторжныя работы за то, что зарѣзала въ первую ночь своего мужа, за котораго ее отдали противъ воли. Тутъ-же и она сбилась съ толку. Въ свою очередь и ссыльные женщины мало руководствуются чувствомъ при выборѣ себѣ «мужиковъ». Первый ея выборъ вскорѣ по прибытіи на островъ не отличается разборчивостью. Она идетъ къ тому, кто въ состояніи выставить за нее урокъ. Позже, когда обживется немного, она перемѣнитъ своего сожителя на болѣе богатаго или молодого. Въ семьѣ изъ такихъ супруговъ, ясно, нечего искать вѣрности или сознательнаго пониманія, а еще болѣе исполненія долга. Тѣмъ обстоятельствомъ, что преступникъ удовлетворяется всякой женщиной, кто-бы она ни была, что у него отсутствуетъ страстное стремленіе обладанія «извѣстной» женщиной, того чувства, которое можетъ быть выражено въ словахъ: «*Und bist du nicht willig, so brauch' ich Gewalt*», объясняется тотъ фактъ, что изнасилованіе на островѣ почти не наблюдается. За шесть лѣтъ имѣлъ мѣсто одинъ только случай покушенія.

Остается упомянуть о литературныхъ произведеніяхъ ссыльно-каторжныхъ, изъ числа привычныхъ и профессиональныхъ преступниковъ. Для того, чтобы писать, надо прежде всего обладать образованіемъ и чувствомъ прекраснаго. Какъ то, такъ и другое отсутствуютъ у большинства и недостатокъ ихъ отражается въ произведеніяхъ. Произведенія, принадлежащія болѣе интеллигентнымъ лицамъ, рѣзко отличаются отъ твореній менѣе интеллигентныхъ. Въ то время, какъ первые имѣютъ характеръ пролическаго отношенія къ начальству и къ тюремной жизни, вторые отличаются безъискусственностью; въ нихъ проявляется характерная черта

чувства уваженія и любви къ матери, затѣмъ грусть и тоска по прежней жизни. Есть еще одинъ видъ произведеній — это автобіографіи. Онѣ подносятся слѣдователямъ, врачамъ и другимъ лицамъ съ цѣлью разжалобить ихъ. У меня, къ сожалѣнію, не сохранилось ни одной такой рукописи. Пишутся онѣ обыкновенно послѣ того, какъ какое-нибудь лицо, преимущественно изъ тѣхъ, которыя прежде принадлежали къ привилегированному сословію, натворитъ какую-нибудь пакость и ждетъ заслуженнаго возмездія. И въ этихъ твореніяхъ виноватыми оказываются не они, а постоянно какія нибудь внѣшнія причины. Каторжные для своихъ произведеній предпочитаютъ стихотворную форму.

А. Давыдовъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Рыночная литературная работа: столичныя и провинціальныя примѣры. — «Приазовскій Край» о лигѣ для защиты женщинъ. — «Одесскія Новости» о томъ, за кого не слѣдуетъ выходить замужъ. — О «честномъ труженикѣ». — Г. М. Соловьевъ, о хору гви, посланной во Францію. — Русскіе и французскіе стихи въ «Енисейскомъ Листкѣ». — «Рижскій Обыватель» и «Рижскій Вѣстникъ». — «Варшавскій Дневникъ». — Новая кіевская газета «Жизнь и Искусство». — «Сибирскій Вѣстникъ» о скукѣ въ Верхнеудинскѣ. — «Новороссійскій Телеграфъ» о скукѣ въ Одессѣ. — Мое слово о скукѣ.

Есть такой сортъ литературной работы, который слѣдуетъ назвать работой рыночной. Это работа исключительно — на строки, единственная ея цѣль — произвести возможно больше строкъ. Одинъ изъ мастеровъ именно этой рыночно-литературной работы признавался мнѣ, что больше всего онъ любитъ писать противъ классицизма, такъ какъ это всего легче, не требуетъ никакихъ справокъ и писать объ этомъ можно такъ быстро, какъ только ходитъ рука, напр. газетныхъ строкъ сотню въ часъ. А вѣдь это три цѣлковыхъ, прибавилъ онъ; эхъ, жалко, либеральныхъ-то органовъ мало осталось, а то бы я на одномъ этомъ предметѣ сотню рублей въ мѣсяцъ выколачивалъ. На мое возраженіе, что вопросъ объ общеобразовательной системѣ уже потому не легокъ, что требуетъ хоть нѣкотораго знакомства съ цѣлой литературой, которая ему посвящена, мой случайный собесѣдникъ отвѣчалъ примѣрно такъ: «какая тутъ нужна литература, когда вопросъ такъ ясець самъ по себѣ... Мертвые языки и жизнь, поймите, живая жизнь и мертвечина — какая богатая и обильная содержаніемъ антитеза! Да я изъ нея одной берусь сегодня-же къ вечеру извлечь строкъ пятьсотъ; вся бѣда, что не принимаютъ столько. Уже потому предметъ благодарный, что напишешь разъ двадцать, въ разныхъ падежахъ — «министерство народнаго просвѣщенія», а вѣдь это цѣлая строчка: значить 60 копѣекъ за одно только названіе вѣдомства».

Развитію рыночно-литературной работы благоприятствуютъ, во-первыхъ, малообразованность значительнаго числа читателей газетъ, во-вторыхъ.

скудость гонорара въ нѣкоторыхъ, особенно въ провинціальныхъ изданіяхъ и желаніе издателей имѣть отдѣловъ «числомъ по-болѣе, цѣною подешевле». И вотъ, «литераторъ» наверстываетъ дешевизну цѣны количествомъ строкъ. Это та же фальсификація, какъ въ фабричномъ производствѣ, и вредъ отъ нея представляется не только въ томъ, что выпускаются низкопробные сорта, но и въ томъ еще, что уменьшается спросъ на продуктъ порядочный, да и этотъ отчасти какъ-бы заражается фальсификаціею. Сперва хлопчатая подмѣсь пускалась только въ ленъ, потомъ почти совсѣмъ его вытѣснила, но вмѣстѣ съ тѣмъ бумажная нитка пошла уже и въ шерсть, и въ шелкъ, и въ бархатъ.

Въ литературѣ распространеніе подобнаго шёртинга вредно не только само по себѣ, но еще и тѣмъ, что оно пріучаетъ читателей относиться невнимательно къ формѣ и порядку развитія мысли у авторовъ. Пріучаются «пробѣгать» вмѣсто того, чтобы читать. Да и дѣйствительно, не только въ провинціальной, но и въ столичной печати не мало такихъ авторовъ, которыхъ и возможно только пробѣгать, а еще лучше ихъ пропускать. Кромѣ растянутости изложенія, низкопробная литературная работа имѣетъ и другія, менѣе невинныя свойства. Такъ, напримѣръ, сочинитель пишетъ будто-бы самостоятельную статью «по поводу» книги или другой статьи, но на самомъ дѣлѣ просто компилируетъ. Дѣлается это такъ: приводя нѣкоторыя мѣста изъ разбираемаго автора въ такъ называемыхъ ковычкахъ, критикъ обдѣлываетъ половину своей статьи составляетъ изъ мыслей и фактовъ, которые находитъ тамъ-же, но уже не ссылается на автора, а излагаетъ какъ будто «отъ себя»; затѣмъ, другую, меньшую половину статьи низкопробный сочинитель составляетъ изъ возраженій разбираемому автору, но возраженія эти опираются на данныхъ, которыя находятся въ той-же книгѣ или статьѣ. Для того-же, чтобы выказать полную свою самостоятельность, критикъ прибавитъ двѣ-три уже въ самомъ дѣлѣ собственные и рѣзкія глупости—противъ автора. Чѣмъ было болѣе прямыхъ, но неговоренныхъ позаимствованій, тѣмъ непремѣнно рѣзче будетъ собственная глупость, долженствующая придать работѣ штемпель самостоятельности.

Но это еще слава Богу, если такой кропатель въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ рукахъ ту книгу или статью, которую «разбиралъ», то есть изъ которой заимствовалъ, «обработавъ» ее водою. Нерѣдко онъ разсматриваетъ книгу или статью, не давъ себѣ труда отыскать ихъ и прочесть; свою рецензію онъ пишетъ по чужой рецензій или просто по отрывочнымъ выдержкамъ въ отдѣлѣ «среди газетъ и журналовъ» какой-нибудь попавшейся ему на глаза газеты. Кропатель болѣе наивный прямо вырѣзаетъ и наклеиваетъ приводимое мѣсто, какъ будто самъ взялъ его изъ подлинника и при этомъ иногда попадаетъ, такъ какъ въ газетѣ, которою онъ пользовался, могла оказаться опечатка, которой не было въ подлинникѣ, или неточная передача. И вдругъ кропателя уличаютъ, что онъ самъ вовсе не читалъ того о чемъ судить, а что судить онъ на осно-

ваніи отрывочной газетной цитаты. Поэтому болѣе опытный газетный апретурщикъ ничего не приведетъ въ подлинномъ текстѣ, а все скажетъ «собственными словами», такъ чтобы нельзя было доискаться, откуда онъ взялъ.

Далѣе, въ газетахъ практикуются еще такіе приемы безнаказаннаго плагиата: перепечатать чужую замѣтку строкъ, положимъ, въ 30, а въ концѣ прибавить: «нѣчто подобное, если вѣрить «Н. В.», уже и проектируется». Выходитъ такъ, какъ будто замѣтка—оригинальная, а только для полноты добавлена еще извѣстіемъ изъ «Н. В.», которому, впрочемъ, можно и не вѣрить. Печатается повѣсть, положимъ, Балущкаго, безъ всякихъ оговорокъ, для того, чтобы читатель принималъ это за оригинальную беллетристику газеты, а въ Балущкомъ видѣлъ талантливаго ея сотрудника. А между тѣмъ, повѣсть эта — переводная и Балущкій — писатель польскій. И тому подобное, и тому подобное.

Низкопробная литературная работа, которая издателей соблазняетъ дешевизною, а публку морочитъ заимствованіями и поддѣлками, до того распространена, что уже составляетъ серьезную опасность для добросовѣстнаго веденія литературнаго дѣла. Она врывается и въ журналы, проникла въ беллетристику и угрожаетъ пониженіемъ уровня всей печати. Необходимо давать ей отпоръ и не мѣшало-бы порядочнымъ изданіямъ завести у себя нѣчто въ родѣ повѣрочныхъ лабораторій, которыя производили-бы точный анализъ фальсифицированныхъ литературныхъ продуктовъ, съ показаніемъ, сколько въ каждомъ изъ нихъ, во-первыхъ, воды, а во-вторыхъ, разныхъ дрянныхъ примѣсей и какія употреблены средства, чтобы скрыть заимствование и фальсификацію. Правда, невозможно указать и десятой части всѣхъ случаевъ поддѣлки, но хоть изъ двадцати случаевъ въ одномъ надо задавать полезную острстку. Такъ весной «Варшавскій Дневникъ» уличилъ кропателя, который по нѣсколько разъ поставлялъ одну и ту же статью и съ тѣхъ поръ кропатель тотъ исчезъ; вѣроятно придумалъ себѣ новый псевдонимъ.

Въ послѣднемъ обзорѣ я, выражая мимоходомъ, сочувствіе «Русской Жизни», оговорился, что дѣлаю это, не смотря на искаженіе одной моей мысли, которое себѣ позволилъ въ этой газетѣ нѣкто очевидно непонимающій. Такъ-бы это и осталось; но съ тѣхъ поръ нѣкоторыя провинціальныя газеты повторили по «Русской Жизни» это искаженіе, а затѣмъ могутъ повторить и другія. Это заставляетъ меня выяснить дѣло. тѣмъ болѣе, что такое разъясненіе можетъ представить нѣкоторый интересъ именно какъ указаніе, на живыхъ примѣрахъ, каковы приемы низкопробной литературной работы.

Для этого позволю себѣ напомнить слѣдующее: въ первыхъ-же своихъ статьяхъ я совѣтовалъ газетамъ заводить разные отдѣлы лишь по мѣрѣ литературныхъ силъ, какими каждая изъ нихъ располагаетъ, признавалъ, что провинціальная газета, по необходимости, должна давать читателямъ и телеграммы, и политическія извѣстія, и свѣдѣнія о ходѣ общихъ внутрен-

нихъ дѣль, потому что, въ смыслѣ информационномъ, газета—все равно, что булка къ утреннему чаю. Но при этомъ я говорилъ, что наиболѣе цѣнная часть работы провинціальныхъ газетъ всегда будетъ представляться тѣмъ, что каждая изъ нихъ сообщитъ объ особенностяхъ мѣстнаго быта, о мѣстныхъ настроеніяхъ и нуждахъ. Значило-ли это, что я хотѣлъ «связать» дѣятельность провинціальной печати или даже запретить ей писать о чемъ-либо, кромѣ о мѣстномъ земствѣ или о городскихъ сплетняхъ? Однако, нѣкоторые это поняли такъ; я попробовалъ выразиться точнѣе, и возразившія мнѣ провинціальныя газеты, повидимому, удовольствовались; однѣ выражали мнѣ сочувствіе; такъ, въ прошломъ мѣсяцѣ г. Е. Фидлеръ въ «Минскомъ Листкѣ» въ шутку назвалъ меня даже «отцомъ провинціальной печати»; нѣкоторые попрекали меня, но уже не мнимымъ моимъ желаніемъ «связать», а по другимъ поводамъ. Словомъ, дѣло о «связаніи», бывшее недоразумѣніемъ въ самомъ началѣ, казалось благополучно сданнымъ въ архивъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Вдругъ, въ одинъ, нельзя сказать прекрасный день, такъ какъ это было въ ноябрѣ, нѣкто г. А. Ф. не нашель темы для работы, а тема ему была нужна. Попалась ему подъ руку майская книжка «СѢвернаго Вѣстника» и вотъ въ моемъ обзорѣ онъ нашель матеріалъ, нужный ему, чтобы навалить полторы сотни строкъ. Такъ какъ матеріалъ онъ взялъ у меня, то, само собой разумѣется, показалъ видъ, будто часть его собралъ самъ, а самостоятельность своей работы удостовѣрилъ тѣмъ, что мысль мою передалъ въ уродливомъ видѣ и тутъ-же вступилъ со мной въ полемику. По всѣмъ правиламъ литературной кухмистерской.

Извиняюсь передъ читателемъ, что войду въ подробности: анализъ въ этомъ и заключается; и хотя подробности мелки, но точное изслѣдованіе свойствъ цѣлой лавины простого ремесленничества, лавины, которая катится на печать, есть нѣчто вовсе не мелкое, нѣчто серьезное и необходимое. Вниманіе читателя будетъ вознаграждено нѣсколькими курьезами. Въ упоминаемой статьѣ около 150 строкъ. Изъ нихъ около трети занято тѣмъ, что Шелгуновъ хорошо писалъ о провинціальной жизни, а нынѣ не умѣютъ писать о ней, потому что не имѣютъ «единого всезахватывающаго идеала», «исторической преемственности» и т. д. Итакъ, первая треть—вода безъ всякихъ примѣсей, вода—долго прокипяченная. Затѣмъ, въ нее опускается кусокъ матеріала, взятаго изъ майской книги журнала для газетной статьи въ ноябрѣ. «Г. Прозоровъ сильно осуждаетъ провинціальную печать за то, что она силится во всемъ подражать столичной, что осмѣливается обо всемъ свое сужденіе имѣть. «Всякъ сверчокъ-де знай свой шестокъ» (ковычки въ текстѣ) и если это себѣ зарубить на носу провинціальные журналы, то все устроится къ обоюдному благу: столичные литераторы будутъ снабжать провинціаловъ готовыми рѣшеніями по вопросамъ философіи, науки и политики, а провинціальные газетчики (это въ журналахъ-то?) должны отмежевать себѣ луженіе лоханокъ, мѣстныя сплетни, словопренія въ земствѣ и въ думѣ... Не типично-ли

для нашего времени, что столичный журналистъ заботится о суженіи (вотъ оно, гдѣ пошла «канитель») умственнаго горизонта провинціальнаго журналиста, и безъ того очень узкаго?»

Спрашивается, кто можетъ суживать «умственный горизонтъ» другого человѣка, а если у этого человѣка умственный горизонтъ въ самомъ дѣлѣ узокъ, то, казалось-бы, именно ему-то и не слѣдовало-бы браться за рѣшеніе «вопросовъ философіи, науки и политики». Далѣе, у моего критика слѣдуетъ еще полведра воды на такую тему, что «темпы общественной жизни оживится не ранѣе» и проч., хотя темпы вовсе жить не можетъ, но можетъ только быть скорымъ или медленнымъ, а «оживленіе темпа жизни»—все равно, что «ускореніе размѣра скорости». Но это не важно, а главное въ томъ, что изъ моей статьи, писанной въ половинѣ апрѣля и отвѣчавшей на возраженія двухъ газетъ, появившіяся въ мартѣ, сочинитель выбираетъ въ ноябрѣ, какъ новую тему, что Прозоровъ будто-бы «сильно осуждаетъ» провинціальную печать за то, что она не ограничивается луженіемъ лоханокъ,—словомъ сочиняетъ, что хочетъ, не приведя ни одного моего слова.

Любопытно, что рядомъ съ упомянутой мною статейкой г. А. Ф. помѣщена была статейка другого сотрудника «Русской Жизни», г. Никифорова, написанная по поводу письма персіянина Аги-Мамеда-Кули-Оглы, приведеннаго мною въ ноябрьской книгѣ. Г. Никифоровъ говоритъ, что это письмо было перепечатано въ «Русской Жизни», но не упоминаетъ откуда. Къ сожалѣнію, у меня не сохранился соответствующій нумеръ этой газеты; но такъ какъ авторъ пишетъ 9 ноября, что письмо персіянина было перепечатано «недавно», а между тѣмъ въ оригиналѣ оно появилось болѣе, чѣмъ двумя мѣсяцами раньше, то полагаю, что оно было перепечатано не по источнику, но по «Сѣверному Вѣстнику», въ чемъ, конечно, не было ничего дурнаго, если только текстъ письма былъ переданъ правильно. Напрасно только г. Никифоровъ, приводя нѣсколько строкъ изъ письма, начиналъ свое разсужденіе словами: «съ краской стыда на лицѣ, мы», т. е. буквально такъ, какъ начиналось примѣчаніе «Астраханскаго Листка» къ письму, а еще болѣе напрасно онъ выпилъ далѣе въ свою статейку, имѣвшую хорошую цѣль, все, что оставалось воды въ ушатѣ его собрата г. А. Ф.

«Югъ» этой водой тотчасъ-же воспользовался, а о письмѣ Али-Мамеда сказалъ такъ: «въ столичныхъ газетахъ было на-дняхъ напечатано любопытное письмо персіянина» и проч. и далѣе ссылается на «Русскую Жизнь». Такимъ образомъ, выходитъ уже, какъ будто письмо было прислано не въ «Астраханскій Листокъ», а въ столичныя газеты или только въ «Русскую Жизнь». Ростовская газета признала вполне основательнымъ то замѣчаніе «Русской Жизни», что «съ краской стыда на лицѣ», которое принадлежало не петербургской газетѣ, но «Астраханскому Листку». Скажутъ пожалуй, что все равно, который Петръ Ивановичъ прежде ска-

заль «э». Но никто не будет отрицать, что самый перехватъ «э» однимъ Петромъ Ивановичемъ у другого характеренъ для нихъ обоихъ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ номеровъ тотъ-же «Югъ» воспользовался и статью г. А. Ф. о моемъ мнимомъ взглядѣ на призваніе мѣстной печати. «Оказывается, что и обозрѣватель провинціальной печати въ «СѢв. Вѣстн.» — заявляетъ «Югъ» — высказалъ *тотъ-же* взглядъ на роль и значеніе провинціальной прессы, который былъ высказанъ однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ въ письмѣ помѣщенномъ въ нашей газетѣ». Затѣмъ напоминаетъ, что редакція «Юга» не согласилась со взглядомъ того своего сотрудника, и сдѣлала примѣчаніе согласно съ статьей въ первомъ номерѣ «Юга» — «выдержки изъ котораго приведены были нѣкоторыми столичными и провинціальными газетами». Но что газеты привели выдержку изъ «Юга», этого еще мало: «оказывается», что и я чуть-ли не ожидалъ мнѣнія сотрудника «Юга», напечатаннаго въ ноябрѣ, для того, чтобы составить себѣ и высказать взглядъ «на значеніе провинціальной прессы». Между тѣмъ, мой взглядъ былъ высказанъ въ февральской книгѣ, а въ майской объясненъ еще разъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ возраженій. «Русская Жизнь» по поводу этихъ возраженій упомянула о немъ черезъ полгода, какъ о чемъ-то новомъ. А «Югъ» узналъ о немъ-же изъ «Русской Жизни» и пишетъ «оказывается (черезъ полгода), что и обозрѣватель «СѢв. Вѣстн.» высказалъ тотъ-же взглядъ, который былъ высказанъ однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ...»

Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, другой сотрудникъ «Юга» возвращается къ этому предмету и возражаетъ мнѣ цѣлой тирадой въ фельетонѣ — вовсе даже не выдавъ моихъ статей, а исключительно на основаніи «Русской Жизни». Сотрудникъ-же «Русской Жизни» просто выдумалъ, будто мое мнѣніе имѣло тотъ смыслъ, что провинціальныя газеты должны заниматься «луженіемъ лоханокъ, мѣстными сплетнями» и т. д., что я хочу «съзуть горизонтъ» и будто я разсуждалъ такъ, что «всякъ сверчокъ-де знай свой шестокъ». А сотрудникъ «Юга», позволяя себѣ возражать мнѣ на основаніи изложенія «Русской Жизни», убѣжденъ, что это — собственные мои слова, тѣмъ болѣе, что въ «Русской Жизни» они были поставлены въ кавычкахъ и валяетъ далѣе: «публицистъ почтеннаго журнала уподобляетъ насъ «сверчкамъ», требуетъ, чтобы мы, «сверчки», знали «свои шестки»; это вотъ знаніе своихъ «шестковъ», по мнѣнію г. Прозорова, каждый изъ насъ долженъ зарубить себѣ на носу и тогда... о, тогда все устроится какъ нельзя лучше...» Затѣмъ, авторъ, пронизировавъ надъ мелкою тѣхъ вопросовъ, которые я будто-бы только и предоставляю мѣстнымъ газетамъ, говоритъ также «о луженіи больничной посуды» и т. д.

А между тѣмъ, всѣ эти приписываемыя мнѣ слова: и «сверчки», и «шестки», и «зарубить на носу» и «луженіе лоханокъ» принадлежали не мнѣ, а г. А. Ф. въ «Русской Жизни»; ничего подобнаго у меня не было, какъ не было и взгляда сколько-нибудь похожаго на то, какъ онъ былъ.

представленъ въ «Русской Жизни» черезъ полгода, въ видѣ новости, а за нею повторяется «Югомъ», «Одесскимъ Вѣстникомъ», и «Новороссійскимъ Телеграфомъ» (который перепечаталъ статью «Русской Жизни»).

Повторяю, я сперва счелъ достаточнымъ (въ декабрьской книгѣ), говоря по поводу другого дѣла, что мои симпатіи — на сторонѣ «Русской Жизни», упомянуть лишь вскользь о ничтожной и недобросовѣстной статейкѣ г. А. Ф., причѣмъ я даже не сказалъ въ чемъ было дѣло. Но теперь я уже не могъ не заняться скучнымъ разборомъ наговоренныхъ о моемъ взглядѣ пошлостей, когда онѣ были воспроизведены въ нѣсколькихъ провинціальныхъ газетахъ. Неблагодарный трудъ такого разбора вознаграждается хоть сколько нибудь тѣмъ соображеніемъ, что онъ показываетъ на образчикахъ, что такое рыночная литературная работа; для этого стоило поговорить о такихъ подмастерьяхъ, какъ гг. А. Ф. изъ «Русской Жизни» и «Знакомецъ» въ «Югѣ». Они — представители типа дешевыхъ поставщиковъ фальсифицированнаго или «усвоеннаго» литературнаго продукта, а число такихъ поставщиковъ растетъ въ угрожающемъ размѣрѣ.

Въ провинціальныхъ газетахъ часто можно встрѣтить предложенія или сужденія совершенно неожиданныя. Но и среди столичной печати похожи въ этомъ отношеніи на газеты провинціальныя — «Московскія Вѣдомости» и «Гражданинъ». На что лучше примѣры, чѣмъ когда одна изъ этихъ газетъ внезапно предложила упразднить всю провинціальную печать, а другая — взять всю вообще печать въ руки правительства. Мимоходомъ отмѣчу упрекъ «Минскаго Листка», что я отнесся недостаточно рѣзко къ предложенію объ упраздненіи провинціальной печати и не обстрѣлялъ надлежащимъ образомъ крѣпость «Гражданина». Отвѣчу, что нельзя было отнестись серьезно къ предложенію, очевидно юридическому. «Минскій Листокъ» хочетъ подѣйствовать на меня соображеніемъ, что если-бы была упразднена провинціальная печать, тогда упразднили-бы и мой отдѣлъ. Последнее было-бы — не бѣда, а первой бѣды не будетъ: предложеніе «Гражданина» болѣе забавно, чѣмъ опасно.

Возвращаясь къ предмету рѣчи, я долженъ признать, что «неожиданности», встрѣчаемыя въ провинціальной печати, по большей части невинны, чѣмъ и отличаются отъ «внезапностей» «Гражданина» и «Моск. Вѣдомостей». Первые, очевидно, исходятъ отъ молодыхъ людей, ищущихъ подъ первымъ впечатлѣніемъ возмутившаго ихъ факта произвола или насилія. Но вторыя предлагаются ехидными, озлобленными старцами, которые готовы запродать душу, чтобы какъ-нибудь выгодно отличиться. По обыкновенію, представлю примѣры и провинціальныя, и столичныя.

Сотрудника «Приазовскаго Края», избравшаго псевдонимъ «Черное Домно», возмутилъ видѣнный имъ случай, что три «франта», встрѣтивъ на улицѣ трехъ приличныхъ женщинъ, стали насильно тащить одну изъ нихъ, молодую дѣвушку, въ карету. Въ числѣ другихъ очевидцевъ, симпатичный нашъ собратъ заступился, какъ слѣдовало, и дѣло пошло въ участокъ, потомъ, вѣроятно, къ мировому судѣ. Но придя домой, подѣ

впечатлѣніемъ этого случая «Черное Дюпно» написалъ статью, въ которой предлагаетъ ростовскимъ на Дону мужчинамъ составить формальную «лигу на защиту женщинъ» и даже придумать значекъ для членовъ этой лиги, такъ чтобы они «всѣ знали другъ друга и въ случаѣ нужды обращались за помощью одинъ къ другому». Мысль эту продиктовало чувство благородное и самая мысль прекрасна, какъ правило, но странна, какъ практическое предложеніе.

Зато въ «Одесскихъ Новостяхъ» сотрудникъ, подписывающійся «Баронъ Пксъ», пристаётъ къ дѣвушкамъ, чтобы онѣ не выходили замужъ за людей, занимающихся некрасивыми дѣлами. Какіе-же это люди? Подъ нѣсколькими буквами, авторъ указалъ: одного — играющаго на биржѣ — «профессія, которая ничѣмъ не чище шулерства»; другого — живущаго на средства жены, который, стало быть, не что иное, какъ «легитимный Альфонсъ»; чиновника, который «прислуживается»; наслѣдника ростовщическаго состоянія, врача, который думаетъ только о гонорарѣ; домовладѣльца, котораго домъ не соответствуетъ санитарнымъ условіямъ; аптекаря, который взимаетъ сто на сто на своемъ товарѣ; журналиста въ органѣ «Чего Изволите»; редактора, «на знамени котораго патріотизмъ, а въ душѣ шантажъ»; представителя науки, который только «у науки грѣтъ руки»; и т. д. Авторъ прибавляетъ — «всѣхъ и не перечесть».

Требованіе это во всякомъ случаѣ неожиданное, тѣмъ болѣе, что въ числѣ nereкомендуемыхъ дѣвицамъ жениховъ находится женатый, живущій на средства жены. Конечно, иногда возможенъ разводъ, но всего менѣе въ томъ именно случаѣ, когда мужъ живетъ на средства жены. Затѣмъ авторъ ссылается на извѣстіе «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», что трое молодыхъ людей, замѣченныхъ въ воровствѣ, но оправданныхъ по недостатку уликъ, были отвергнуты крестьянками какъ въ своемъ, такъ и въ сосѣднихъ селеніяхъ, съ такимъ объясненіемъ, что «не хочу идти за злодѣя («злѣдѣй» по-польски и по-бѣлорусски — воръ)». Прекрасный примѣръ, скажу я, какъ выше сказалъ — прекрасная мысль, но и не болѣе, какъ прекрасная.

Далѣе, авторъ, продолжая приставать, допрашиваетъ новороссійскихъ дѣвушекъ, пошли-ли бы онѣ за Балалайкина, за Молчалина, за Держиморду, Чичикова, Хлестакова, Вронскаго, Дерунова, Колупаева и Разуваева? И самъ, отъ лица дѣвицы, отвѣчаетъ: «да, да, о да!» Отъ себя же онъ объявляетъ барышнямъ, чтобы лучше всего не выходили замужъ: «лучше вовсе не имѣть дѣтей, чѣмъ выходить за этихъ А. Б. С. D. и произвести цѣлую вереницу маленькихъ, имъ подобныхъ а, b, c, d». Очень хорошо, въ смыслѣ нравоченія, но строить на этомъ какія-либо общественныя ожиданія едва-ли возможно. Прежде того необходимы были-бы нѣкоторыя измѣненія въ условіяхъ. А безъ того, если-бы такъ, просто, при нынѣшнемъ порядкѣ, осуществился проектъ такой крайней, обязательной для однихъ женщинъ разборчивости, то въ результатѣ оказалось-бы только уменьшеніе въ приростѣ народонаселенія, такъ какъ

къ биржевымъ дѣльцамъ, выслуживающимся чиновникамъ, аличнымъ городскимъ домовладѣльцамъ и аптекарямъ подходить и сельскіе кулаки, писаря, старосты, сотскіе, торговцы; словомъ, вся та часть населенія, которая кормится по́томъ остальной его части. Во всякомъ случаѣ это — проектъ неожиданный, но невинный.

Тотъ же фельетонистъ «Приазовскаго Края» указываетъ на «удивительно дикую наивность», которую онъ нашелъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». «Въ прежнее время—говорила московская газета—фельдшеръ лечилъ, учитель училъ, журнальный работникъ сочинялъ и никто не видѣлъ въ этомъ ничего особеннаго; всякій понималъ, что вотъ, люди работаютъ потому, что надо зарабатывать себѣ хлѣбъ, кормить семью; дѣло представлялось совершенно простымъ и естественнымъ. Но въ послѣднія тридцать лѣтъ всѣхъ такихъ людей прозвели какъ-бы въ какой-то чинъ «тружениковъ» и «честныхъ тружениковъ»; съ этого пошло какое-то удивительное хвастовство трудомъ». Баронъ Иксъ въ ростовской газетѣ справедливо возражаетъ, что хотя нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что журнальный работникъ сочиняетъ, но что «можно сочинять и сочинять. Можно сочинять по заказу, противъ убѣжденій, по мотивамъ прислужничества и т. п. и можно сочинять честно, сообразно своимъ убѣжденіямъ, сохраняя свою нравственную независимость; неужели же мы не станемъ въ первомъ случаѣ говорить: вотъ этотъ сочинитель мерзавецъ; а вотъ этотъ — честный труженикъ? Конечно станемъ; и чѣмъ больше первыхъ и меньше вторыхъ, тѣмъ громче станемъ указывать на послѣднихъ».

Но въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» бываютъ неожиданности гораздо болѣе удивительныя, чѣмъ приведенное замѣчаніе о труженикахъ; и менѣе наивныя. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ мѣсяцѣ въ газетѣ появилась статья съ классическимъ заголовкомъ «*Сaveant consules*», который можно перевести такъ: городской, тащи. Дѣло въ слѣдующемъ. Авторъ статьи г. М. Соловьевъ узналъ, что въ «*Moniteur de Rome*» было напечатано о присылкѣ отъ нѣсколькихъ русскихъ женщинъ вышитой хоругви въ костель Богоматери въ Лурдѣ. На одной сторонѣ хоругви — французскій образъ Божіей Матери Лурдской, на другой—русская икона Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ, со снимкомъ монетъ, наброшенныхъ ударомъ молніи, извѣстной въ Петербургѣ иконы. Казалось бы, что-жъ въ этомъ особеннаго? Набожныя русскія дамы хотѣли выразить свое сочувствіе Франціи по своей мысли, въ самой интимной и возвышенной сферѣ человѣческаго единенія. Но «Московскія Вѣдомости» тотчасъ ударили въ набатъ и усмотрѣли въ этомъ невинномъ фактѣ признакъ, что «латинскій прозелитизмъ свилъ себѣ гнѣздо въ Петербургѣ и, пользуясь послѣдними проявленіями сближенія съ Франціей, рѣшился на неслыханное и небывалое дѣло: онъ поднялъ голову и заявляетъ себя публичною демонстраціей».

Но если толковать такъ, то развѣ не гораздо бѣольшую, чѣмъ посылка хоругви, демонстраціею было присутствіе всѣхъ севастопольскихъ начальствъ

и массы православнаго народа на католическомъ богослуженіи въ день католическаго поминовенія «умершихъ вѣрныхъ?» И если женщины, принесшія въ даръ Лурдскому костелу хоругвь, на которой съ одной стороны католическая икона, а съ другой православная, виновны въ оказательствѣ католичества, то почему-же невиновны въ томъ же «Московскія Вѣдомости», которыя сдѣлали такую «публичную демонстрацію», какъ приглашеніе къ пожертвованію колокола въ другой костель? Можно ли различать между Notre Dame de Paris и Notre Dame de Lourdes?

Въ видѣ дополнительнаго курьеза, прибавлю, что авторъ упомянутой статьи г. М. Соловьевъ, который хочетъ импонировать своимъ знаніемъ тончайшихъ различій въ догматикѣ между церквями православно-греческою, армянскою и арабскою на востокѣ, повидимому, незнакомъ даже съ догматами латинства и духомъ протестантства. По его мнѣнію, «непогрѣшимость» папы означаетъ его безгрѣшность, которую авторъ опровергаетъ аргументомъ, что одинъ Богъ безгрѣшенъ. Но новый католическій догматъ, какова бы ни была его догматическая неосновательность, гласитъ только о «безошибочности» папы въ толкованіи догматовъ, а не о безгрѣшности. Относительно же протестантства г. М. Соловьевъ ужъ совсѣмъ зарпортовался, когда писалъ слѣдующее: «западъ идетъ подъ знаменемъ анархическихъ идей, лежащихъ въ quasi-религіозныхъ заблужденіяхъ толстовцевъ, пашковцевъ, штундистовъ и т. д... Національное и политическое направленіе протестантскихъ наставниковъ, какъ мы это видимъ не только въ уголовныхъ дѣлахъ нашихъ западныхъ судовъ, но и на востокѣ, доходитъ до замѣчательнаго фанатизма; въ сектантской нетерпимости нѣмецкіе и англійскіе миссіонеры едва ли не превосходятъ латинскихъ».

О крайней нетерпимости и лютеранскомъ фанатизмѣ говоритъ газета, которая, приглашая сама жертвовать на колоколъ въ католическую церковь въ Парижѣ, указываетъ преступленіе въ послылкѣ хоругви въ католическую церковь въ Родесъ (Rhodes главный городъ департамента Aveyron). «Новое Время» упрекаетъ «Московскія Вѣдомости» въ томъ, что, перенявъ приемы покойнаго Каткова, онѣ не унаслѣдовали его таланта. Такъ пишетъ «Новое Время» въ декабрѣ, а въ февралѣ, быть можетъ, напишетъ нѣчто совсѣмъ иное. Я же не буду говорить о талантѣ, который представляетъ даръ единичнаго человѣка; я скажу только, что ни знанія, ни серьезности, ни логики «Московскимъ Вѣдомостямъ» положительно не хватаетъ. Научная и философская ихъ подкладка не важнѣе, чѣмъ у ихъ (непризнаваемаго ими) брата по духу и плоти—«Гражданина».

Кстати по поводу хоругви, посланной изъ Россіи во Францію, приведу изъ «Енисейскаго Листка», что и въ Красноярскъ было доставлено одно изъ стихотворныхъ привѣтствій, посылавшихся въ русскія гимназіи учениками французскихъ среднихъ школъ. «Здѣшними учениками»—говоритъ «Листокъ»—готовится отвѣтъ, также въ стихахъ, тѣмъ болѣе, что среди нихъ есть одинъ мальчикъ—поэтъ, стихотворенія котораго печата-

лись въ сибирскихъ изданіяхъ». Газета говорить—«готовится отвѣтъ», а между тѣмъ въ томъ же номерѣ какъ будто такой отвѣтъ уже напечатанъ.

Стихи озаглавлены «Юношамъ Франціи», а рядомъ съ ними помѣщенъ и французскій ихъ переводъ, также въ видѣ стихотворенія. Оба произведенія принадлежатъ одному автору. Если бы я зналъ, что авторъ гимназистъ, то, конечно, не сказалъ бы ничего. Но такъ какъ газета сообщила 31 октября, что въ гимназіи отвѣтъ «готовится» и тутъ же помѣстила стихи, помѣченные 27 октября, то я долженъ предположить, что авторъ этихъ стиховъ—не ученикъ гимназіи. И потому, скажу, что напрасно онъ сочиняетъ французскіе стихи, не имѣя понятія ни о стихосложеніи, ни о римахъ, употребительныхъ у «нашихъ друзей». Стихи—невозможныхъ размѣровъ: одни въ 9, 11, другіе въ 12 и даже 15 слоговъ, съ такими римами какъ *lointaine* и *certains*, *fleuve* и *grèves*. Гоняясь за мнимыми римами, авторъ переводилъ себя неточно и въ концѣ французскаго перевода вставилъ неумѣстное пожеланіе, котораго нѣтъ въ русскомъ оригиналѣ, а именно: чтобы каждый французъ съ ранняго дѣтства питалъ чувство права и чести. Есть и ошибки въ родѣ и даже въ правописаніи. Русскіе же стихи правильны и въ нихъ выражена, между прочимъ, надежда, что «флотъ французскій придетъ въ Енисей».

Зато одинъ русскій прозаикъ раскритиковалъ въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» самое доподлинно-французское стихотвореніе по поводу франко-русскихъ торжествъ, а именно извѣстное «Nitchévo» Деруледа. «Авторъ этого знаменательнаго стихотворенія—пишетъ критикъ—искренно полагаетъ, что онъ сказалъ по адресу русскаго народа наилучшій комплиментъ... попалъ въ «самую центру» нашего историческаго народнаго духа». А между тѣмъ, по мнѣнію смолянина, «ничего отраднаго, ничего ободряющаго и возвеличивающаго нашу родину нѣтъ въ этомъ «ничего», вызвавшемъ телячьи восторги нѣкоторымъ нашихъ публицистовъ; напротивъ, оно, это характерное словечко скорѣе должно было вызвать у насъ тяжелыя воспоминанія, чувство скорби». Затѣмъ, перечисливъ историческія народныя бѣдствія, начиная отъ монгольскаго ига и упомянувъ о суровости природы, авторъ замѣчаетъ, что хотя русскій народъ и справился со всѣмъ этимъ, но именно оттого и отсталъ отъ другихъ европейскихъ народовъ, а это—не «ничего!» Вотъ заключительныя строки автора, подписавшагося «Деревенскій Житель?». «А еслибы вы спросили не у господъ, проживающихъ на готовомъ пидивеніи, но у простаго народа, какъ онъ чувствуетъ себя послѣ вѣковой гимнастики, то едва ли бы услышали отъ него: молъ ничего, даже за ухомъ не почесалось. Вѣрнѣе всего, народъ этотъ пожаловался бы вамъ на боль въ поясницѣ, на ломоту въ костяхъ, на свое моральное убожество; вѣрнѣе всего, онъ отвѣтилъ бы вамъ: какое тутъ «ничего!» Тутъ «чего» и здоровое «чего».

Не правда-ли, отвѣтъ смолянина заслуживалъ, чтобы его привести. Но справедливость побуждаетъ меня замѣтить, что это — возраженіе не на Деруледовское «Nitchévo», а на нѣкоторыя похвалы внутренняго

нашего производства, въ такомъ смыслѣ, какъ говоритъ тотъ же авторъ: «ничего, вѣдь все она перенесла и осталась живую, а это доказываетъ ея богатырскую силу и могущество; здоровъ меринъ, вывезеть, бей его!» Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать наше ноціональное «ничего» (продолженіе цитаты). Но тогда, что же намъ останется для торжественной и побѣдной пѣсни? Можно ли тогда кичиться выносливой русской хребтиной, на которой поѣздили-таки вдоволь». Справедливо говоритъ авторъ, что въ этомъ смыслѣ «ничего» весьма близко къ «шапками закидаемъ», а это однажды, по его же замѣчанію, не оправдалось именно по винѣ тѣхъ-же изъ нынѣшнихъ нашихъ друзей—французовъ.

Но Деруледовское *Nitchévo* не относилось ни къ нашему давнему или ближайшему историческому быту, ни къ нѣкоторымъ нашимъ преувеличеніямъ относительно «выносливости той хребтины», которую «Гражданннъ» и нынѣ совѣтуетъ какъ можно чаще стегать. «Ничего, вывезеть, бей его!»—повторю слова «Деревенскаго Жителя». У Деруледа «ничего» имѣетъ смыслъ болѣе практической и спеціальной, какъ и сама французская любовь къ намъ: «*Nitchévo, cela n'y fait guère, nitchévo, cela n'y fait rien*» должно означать только то, что какъ бы нѣмцы ни ворчали, что бы они ни замышляли, но Франція въ союзѣ съ Россією, какъ и мы въ союзѣ съ Францією не боимся ихъ; *nitchévo...*

Признаюсь, эту основную мысль стихотворенія не могу отнести къ высокой лирикѣ. Полагаю, что Россія, и безъ Франціи, не боится Германіи и что, точно также, Франція, которая имѣетъ армію болѣе многочисленную, чѣмъ Германія, не боится ея, и безъ союза съ нами. Вообще, пѣтъ такой мотивъ, что «мы не боимся», не запрещается, но это немножко смахиваетъ на то, какъ будто бы кто-нибудь все-таки сомнѣвался или, идя ночью въ лѣсу, подбодрялъ бы себя посвистываніемъ.

Нѣсколько словъ о «Рижскомъ Вѣстникѣ». Недавно въ интеллигентномъ русскомъ кружкѣ въ Ригѣ возникла мысль объ основаніи въ Ригѣ еще одной русской газеты, болѣе содержательной, чѣмъ «Рижскій Вѣстникъ» въ его нынѣшнемъ видѣ. Въ другихъ большихъ торговыхъ городахъ Россіи есть по нѣсколько газетъ, почему-же не могли-бы выходить двѣ русскія газеты въ Ригѣ? Въ «Новомъ Времени» было напечатано письмо «Рижскаго обывателя», выражавшаго такое пожеланіе, вполне законное и естественное. «Реформа послѣдняго времени,—писалъ онъ,—усилила русское общество въ Ригѣ количественно, а въ особенности качественно. Изъ внутреннихъ губерній Россіи прибыли сюда выдающіеся администраторы, юристы и педагоги, которые придали мѣстному русскому обществу совѣмъ другой духъ и колоритъ; для этихъ свѣжихъ, высокообразованныхъ новыхъ дѣятелей оказалось тѣснымъ помѣщеніе стараго рижскаго русскаго клуба; новые люди создали и новый клубъ, въ которомъ господствуетъ новое направленіе и просвѣщенный русскій образъ мыслей. Такой починъ общественнаго обновленія усиливаетъ въ русскихъ рижанахъ давно уже сознаванную потребность сдѣлать еще шагъ дальше

въ этомъ-же направленіи, а именно—основать вторую мѣстную русскую газету».

«Рижскій обыватель» нѣсколько вдался затѣмъ въ политику, куда я за нимъ не послѣдую, потому что данный вопросъ представляется весьма просто, помимо всякой политики, а именно такъ: изданіе «Рижскаго Вѣстника» было разрѣшено въ видахъ пользы существованія русской газеты въ Ригѣ; газета велась толково и занимательно при прежнемъ редакторѣ, покойномъ Чешихинѣ, а потому и оплачивала себя, не нуждаясь ни въ какомъ пособіи. Между тѣмъ, нынѣ «Рижскій Вѣстникъ», получивъ казенную субсидію въ нѣсколько тысячъ рублей — по отзыву того-же «Обывателя», «на столько измѣнился, что свѣжему русскому человѣку, заброшенному судьбою въ эту окраину, просто невозможно привыкнуть къ тону и къ безсодержательности газеты».

Само собой разумѣется, что тотчасъ-же на этого автора ополчились «Московскія Вѣдомости» и разныя лица, приславшія письма «Новому Времени», да и само «Новое Время», хотя въ немъ-же и выступилъ «Рижскій обыватель». Письма, направленные противъ него и въ защиту «Рижскаго Вѣстника», оставлю въ сторонѣ уже потому, что они могли принадлежать сотрудникамъ этой-же газеты. «Московскія Вѣдомости» въ мысли объ основаніи второй русской газеты въ Ригѣ усмотрѣли «затѣю», направленную къ тому, чтобы «погубить единственный органъ въ краѣ, достойный носить названіе истинно русской газеты». Такимъ образомъ, для газеты, которая уже обезпечена помощью, «Вѣдомости» требуютъ еще безусловной монополіи, какъ-бы газета ни велась.

«Новое Время» потребовало отъ новыхъ русскихъ людей въ Ригѣ, чтобы они объявили свою политическую программу, какъ будто не зная, что образованные русскіе люди въ Ригѣ—служащіе, которые не имѣютъ права заявлять никакихъ программъ, хотя имѣютъ полное право быть недовольны мѣстною газетою. Нѣтъ нужды въ особой программѣ, чтобы не одобрить тонъ и безсодержательность «Рижскаго Вѣстника». Приведу нѣсколько примѣровъ изъ послѣднихъ его номеровъ. Прилично-ли для газеты, выходящей въ Ригѣ, и необходимо-ли для проведенія реформъ и защиты русскаго дѣла, описывать глупѣйшія «похожденія Карла Ивановича Бутерброда», имѣющаго другомъ какого-то Шмандкезе, влюбленнаго въ дѣвицу Цванцигъ, и живущаго у хозяйки Цирлихманирлихъ? Если-бы это печаталось въ Тамбовѣ, то было-бы только пошло. Но когда это печатается въ Ригѣ, когда мѣстная газета думаетъ служить русскому дѣлу тѣмъ, что дразнить нѣмцевъ пошлыми кличками, то это обнаруживаетъ полное отсутствіе достоинства и такта. Совершенно справедливо писалъ «Рижскій обыватель», что русская газета, редактируемая просвѣщеннымъ, талантливымъ русскимъ человѣкомъ, могла-бы существовать и безъ всякой субсидіи.

Ничего серьезнаго для ознакомленія нѣмцевъ съ русской жизнью и литературой «Рижскій Вѣстникъ» не дѣлаетъ, ограничиваясь перепечат-

камн, и все только старается, какъ-бы поглубѣ «продернуть» нѣмцевъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что находятся и русскіе, которые этимъ недовольны. Оставлю теперь «Рижскаго обывателя». Но вотъ что пишетъ сотрудникъ самой-же рижской газеты. Будучи въ Митавѣ, въ обществѣ русскихъ, онъ спросилъ одного изъ нихъ: «неужели вы не читаете того-то и того-то; вѣдь вы такимъ образомъ ровно ничего не знаете, что дѣлается въ краѣ?» Итакъ, рѣчь была объ органѣ гласности, можетъ быть о самомъ-же «Рижскомъ Вѣстникѣ». Вотъ что отвѣтилъ русскій, по словамъ сотрудника этой газеты: «и не хочу знать ничего вашего тамъ балтійскаго, довольно съ меня, что читаю уложеніе о наказаніяхъ». Итакъ, это былъ юристъ. Сотрудникъ попробовалъ ему возражать, но и другіе русскіе оказались противъ сотрудника «Рижскаго Вѣстника», «причемъ одинъ, съ вѣсомъ, такъ даже прямо сказалъ: все это писакн выдумалн». Спрашиваю, можетъ-ли быть полезенъ тотъ тонъ бесѣдъ, литературныхъ и устныхъ, который вызываетъ такой пренебрежительный отпоръ со стороны самихъ-же русскихъ?

А если таково можетъ быть впечатлѣніе русскихъ, то каково же должно быть воздѣйствіе на нѣмцевъ тѣхъ пустыхъ школьническихъ выходокъ, которыя себѣ позволяетъ газета, считающая себя носительницею русской культуры въ краѣ? О чемъ мѣстномъ ни отзовется газета, все оказывается плохимъ и несимпатичнымъ. Юрьевскій университетъ? Изъ того, что директоръ клиники проф. Васильевъ указалъ въ газетѣ «Медицина» на неудовлетворительное состояніе клиники — тѣсноту помѣщенія, недостатокъ вентиляціи, керосиновое освѣщеніе, «бѣдноту въ хозяйствѣ», отсутствіе въ библиотекѣ справочныхъ изданій, «Рижскій Вѣстникъ», постоянно стараясь доказать, что недаромъ онъ борется съ тѣмъ и другимъ, тотчасъ вывелъ заключеніе, что напрасно нѣмцы похвалялись развитіемъ въ краѣ науки и посвященныхъ ей учреждений. «И при такой-то обстановкѣ — восклицаетъ газета — юрьевскій университетъ наводнилъ Россію докторами медицины. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!» Ну, развѣ не недомысліе дѣлать изъ заботъ директора о клинике и ея усовершенствованіи такое заключеніе, которое газетѣ, очевидно, требуется только съ цѣлью доказать, что она не дремлетъ? «Рижскій Вѣстникъ» вѣроятно не знаетъ, что изъ юрьевскаго университета, несмотря на недостатокъ вентиляціи и справочныхъ книгъ въ клиникѣ, вышелъ Пироговъ. Все это несерьезно и положительно недостойно представляетъ собой русскую культуру въ томъ краѣ, гдѣ желательны были-бы болѣе способные ея носители. Задачу русскихъ дѣятелей въ балтійскомъ краѣ газета опредѣляетъ слишкомъ даже широко, а именно такъ: «созданіе новаго культурнаго строя на развалинахъ упраздняемаго нами» и заключаетъ свою статью словами: «noblesse oblige». Неужели-же въ сплу этого-то девиза газета и придумываетъ своихъ Бутербродовъ и Шмандкезе?

Русская газета, издающаяся въ Варшавѣ, также представляетъ разные пробѣлы и недостатки. Но «Варшавскій Дневникъ» — газета преимуще-

ественно военная и противъ этого, по составу ея читателей, нельзя сказать ничего. Въ сравненіи съ «Рижскимъ Вѣстникомъ» она имѣетъ преимущество въ томъ отношеніи, что болѣе полемизируетъ съ заграничными изданіями, чѣмъ попрекаетъ мѣстное населеніе. Но и «Варшавскій Дневникъ» иногда впадаетъ въ ту же ошибку, какъ и «Рижскій Вѣст.», то есть забываетъ, что шутовство положительно не должно входить въ программу какой-либо «миссіи». Приведу и здѣсь примѣръ. Упомянувъ, между прочимъ, о мечтахъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., можно было указать на всю ихъ несбыточность; это входить въ программу изданія. Но говоря о нелѣпости возстановленія Польши «отъ моря до моря», «Варш. Дн.» призналъ хорошимъ полемическимъ приемомъ перевести польское отъ *morza* до *morza* — такъ: «отъ моржа до моржа». Редакція, видимо, считала талантливымъ, быть можетъ, даже особенно убѣдительнымъ такой полемическій приемъ, что въ несбыточные притязанія вмѣсто «моря» подставитъ моржа; а между тѣмъ, это и недоказательно, и неостроумно. Вообще, газеты, которыя пользуются помощью для изданія или полу-официальныя, обезпеченныя средствами и не имѣющія нужды стараться о дальнѣйшемъ ими пользованіи, хорошо-бы сдѣлали. если-бы давали обстоятельныя свѣдѣнія о работѣ русскихъ земствъ и о русской литературѣ. Это было-бы несомнѣнно полезнѣе для русскаго дѣла въ окраинахъ, чѣмъ очевидно безплодное придумываніе «Бутербродовъ» «мерзей» и т. п.

Въ Кіевѣ начала выходить новая газета «Жизнь и Искусство». Не знаю, какъ она поведется, ничего не слыхалъ о ея издателяхъ и редакціи. Но мнѣ на первый взглядъ въ ней представляются сочувственными двѣ вещи. Во-первыхъ, она объявляетъ, что не считаетъ для себя обязательнымъ помѣщеніе непременно въ каждомъ номерѣ такъ называемыхъ «передовыхъ статей». Редакція заявляетъ, что по бѣдности нашей общественной жизни такія передовыя ежедневныя статьи часто «вымучиваются» и бываютъ безсодержательны, что волюнѣ справедливо, такъ какъ въ нихъ часто воднитъ безшабашное подмастерство. Во-вторыхъ, газета намѣрена удѣлять нѣкоторую часть — искусствамъ: живописи, музыкѣ и т. д., часть большую, чѣмъ какую искусствамъ отводятъ другіе органы. Отсюда самое названіе газеты — «Жизнь и Искусство». Это — мысль волюнѣ симпатичная. Возможно большій интересъ къ искусству имѣетъ значеніе воспитательное и возбуждать его въ нашемъ обществѣ потребно не единственно — въ видахъ развитія у насъ самыхъ искусствъ, о чемъ, упомяну въ другой разъ, какъ и о томъ, что новая кіевская газета хочетъ стоять внѣ «партіи».

Легко было-бы въ каждомъ мѣсячномъ обзорѣ приводить нѣсколько жалобъ на «скуку». Откуда эта скука? Скажутъ — немудрено, что въ провинціи жалуются на скуку. Но этотъ отвѣтъ достаточенъ развѣ по отношенію къ провинціи такъ называемой глухой. Такъ, изъ Верхнеудинска, Забайкальской области, пишутъ въ «Сибирскій Вѣстникъ»: «въ общемъ, въ нашей жизни сонъ непробудный царитъ. Да и то сказать,

къ лицу-ли намъ усиливаться осмысливать свою жизнь, дѣлать ее болѣе содержательной... общественные вопросы насъ не занимаютъ, отъ грядущаго будущаго мы, какъ страусы, прячемъ голову подъ крыло — авось мошь Богъ пронесетъ, а между тѣмъ это грозное будущее надвигается съ востока и запада». Характерно уже то, что многіе въ Сибирѣ съ недовольствомъ и даже тревогою относятся къ постройкѣ желѣзной дороги, между тѣмъ какъ въ Америкѣ «дальній западъ» привѣтствовалъ каждую изъ нѣсколькихъ лній, соединившихъ его со старыми, промышленными штатами и приблизившихъ его къ Европѣ. «Съ первымъ же поѣздомъ — продолжаетъ авторъ забайкальскаго письма — хлынетъ сюда масса народу изъ Европейской Россіи, которая привезетъ съ собою знаніе, умъ, энергію, трудъ, т. е. то, чего у насъ нѣтъ и не было, затѣмъ захватитъ въ свои руки желѣзныя все, чѣмъ мы не умѣли владѣть, и самобытнымъ хозяиномъ будетъ на этой, на нашей землѣ, гдѣ мы только лишь золото ковыряли... Намъ же останутся лишь корки гнилыя».

Пусть на скуку, въ связи съ недостаткомъ общественной жизни, жалуются въ Верхнеудинскѣ. Но вотъ что пишутъ въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» объ Одессѣ: «вы на каждомъ лицѣ прочтете убійственную фразу — куда-бы дѣваться отъ скуки? Не разъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ фельетонистовъ констатировали этотъ фактъ»... Причину скуки авторъ указываетъ въ «отсутствіи общественной жизни; отсутствіе общественной жизни — единственно оригинальное, рѣзко выдающееся явленіе, представляемое Одессой». По отзыву автора, оживленное движеніе на нѣсколькихъ улицахъ еще не доказываетъ существованія въ Одессѣ общественной жизни: «дѣятельность Одессы — говоритъ онъ — есть дѣятельность индивидуальныхъ нуждъ, страстей... массы людей неизвѣстно зачѣмъ живущихъ бокъ-о бокъ... одесскій житель надѣленъ только отрицательными признаками, отличающими его отъ жителей всѣхъ другихъ городовъ Россійской имперіи. Не имѣя никакихъ идеаловъ, которые-бы поглощали собой или по крайней мѣрѣ смягчали бурю эгоистическихъ страстишекъ, не имѣя положительныхъ стремленій, которыя-бы придавали ему опредѣленную умственную фізіономію, онъ поневолѣ принужденъ хихикать, чтобы скрыть свою *внутреннюю пустоту*, свое эгоистическое равнодушіе, свою скуку».

Какъ изумился-бы верхнеудинскій авторъ, прочтя, что люди скучаютъ не только въ городкѣ съ 5 тыс. жителей, въ забайкальской глуши, но и въ такомъ городѣ, который имѣетъ населеніе въ 300 тыс. душъ, постоянно называетъ себя вполне европейскимъ, и еще — не знаю ужъ почему — «южною Пальмирой», хотя Пальмира была южнѣе Одессы. Оказывается не только, что и въ Одессѣ можно скучать, но что тамъ скучаютъ всѣ, настоящей-же общественной жизни въ Одессѣ не больше, чѣмъ въ Верхнеудинскѣ, но еще меньше, такъ какъ, по мѣстному отзыву, отсутствіе такой жизни составляетъ именно «единственное оригинальное, рѣзко выдающееся явленіе, представляемое Одессою», а одесскій житель

«отрицательными признаками» отличается отъ жителей всѣхъ другихъ городовъ имперіи, а стало быть и Верхнеудинска.

Во всемъ этомъ есть доля правды, но причина скуки указана не главная, не коренная. Несомнѣнно, что общественная жизнь, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ приведенные авторы, у насъ вообще слаба и что на сколько этотъ фактъ можетъ обусловливать скуку—скука господствуетъ какъ отъ Верхнеудинска до Одессы, такъ и отъ Ямбурга вплоть до Батума, то есть накрестъ по всей Россіи. Но я далеко не увѣренъ, что если бы внезапно, какимъ-нибудь чудомъ, вмѣсто отсутствія, явилось присутствіе сильной общественной жизни и дѣятельности, то это разогнало-бы нашу внутреннюю скуку раз навсегда. Бѣда скорѣе въ томъ, что русскій человѣкъ, по природѣ своей — нѣсколько крайній реалистъ, который склоненъ все приводить къ самымъ осязательнымъ элементамъ. Поэтому онъ не будетъ скучать только тогда, если у него будутъ деньги, успѣхъ и удовлетвореніе тщеславія. Въ человѣкѣ неразвитомъ мы это свойство называемъ грубостью вкусовъ. Но значительная ея доля есть еще и въ человѣкѣ отлично образованномъ. Этотъ уже не брюхомъ, но рефлексією слишкомъ безжалостно идетъ «въ глубь вещей», и въ практическомъ результатѣ, является нѣкоторое сходство между тѣмъ, кто вовсе не возвышался до идейной жизни, видѣлъ ея цѣль только въ удовлетвореніи животныхъ потребностей и тщеславія — съ одной стороны—и безпощаднымъ разоблачителемъ передъ самимъ собою всего «сентиментальнаго» — съ другой.

А между тѣмъ, не сентиментально въ жизни только слѣдующее: ѣсть, для чего вырывать возможно больше кусковъ у ближнихъ, спать — для чего надо устроиться такъ, чтобы за возможно меньшее количество труда получалось возможно большее вознагражденіе; отличаться и расти въ положеніи, чему наиболѣе способствуетъ самый безусловный оппортунизмъ, то есть полный отказъ не только отъ идеаловъ, но даже отъ самыхъ снисходительныхъ правилъ морали, и удовлетворять чувство галантное съ женщинами, если возможно красивыми, но главное—наиболѣе шикарными, что прямо требуетъ никакъ не идеальнаго настроенія, а кучи денегъ. Устройте современнаго россиянина такъ, чтобы все это ему удалось. все было обезпечено въ равной степени, и вотъ, только тогда онъ скучать не будетъ, такъ какъ дѣйствительно занимать его можетъ лишь — внѣшнее, то, что онъ можетъ найти внѣ своей души и внѣ своего дома.

Возьмемъ теперь «сентиментальность», то есть жизнь человѣческаго духа—всѣмъ остальнымъ, кромѣ того, о чемъ сказано. Вѣдь все остальное. если хотите—сентиментальность. Подъ это названіе подойдутъ и интересъ въ наблюденіи постепеннаго развитія дѣтей, тотъ интересъ, съ которымъ садоводъ страстно слѣдитъ за развитіемъ дорогого цвѣтка. ежедневный уходъ за нимъ, снисканіе не недоувѣрія, но душевной дружбы ребенка. традиція семьи, жизнь отца и дѣда, ихъ слова, слышанныя въ отрочествѣ, въ случайной поучительной бесѣдѣ, ихъ общественныя симпатіи и обще-

ственные ихъ обиды или разочарованія, память о томъ, какъ мать учила насъ молиться, воспоминаніе о дорогихъ, которыхъ уже нѣтъ, мысль о давнихъ судьбахъ своего народа и своихъ предковъ среди него, искреннее увлеченіе тѣмъ откровеніемъ свыше, которое называется искусствомъ, преданія доблестныхъ общественныхъ дѣятелей, память о томъ, что они претерпѣли. Вѣдь изъ всего этого, какъ говорится, «шубы не сошьешь», стало быть, пожалуй все это — сентиментальность. И какъ легко, почти безъ борьбы, слишкомъ многое изъ этого исчезаетъ въ насъ передъ какимъ-либо «последнимъ» въ данный моментъ словомъ, какъ напр. аксіома Карла Фохта, что «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ» (Der Mensch ist was er isst), или изреченіе Каткова, что безцѣльно повторять дважды-два четыре, а надо охранять свои интересы.

Вотъ, истинная причина нашей скуки, отъ Верхнеудинска до Одессы, и заключается въ томъ, что одни еще не доразвились до желанія чего-либо, кромѣ ѣды, питья и сна, съ дополненіями въ томъ же родѣ, а между тѣмъ невозможно же все время ѣсть, пить или спать и т. п. Другіе же изъ насъ постигли все, даже слишкомъ насквозь постигли, но не имѣли въ душѣ ничего, что бы было глубоко-дорого, отъ чего нельзя было бы, ни при какихъ обстоятельствахъ, отречься, ни изъ видовъ карьеры или наживы, ни изъ-за страха, что могутъ спросить: «ты былъ съ этимъ человѣкомъ?» какъ вопрошали св. Петра. Кто любитъ крѣпко, кто работаетъ съ кровнымъ, а не разговорнымъ только убѣжденіемъ. кому дѣйствительно дороги нѣкоторыя вещи, не представляющія матеріала для шитья шубы, тотъ можетъ тосковать, можетъ и страдать—но не отъ скуки.

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ.

XLIV. Итоги Колумбійской выставки.

Земледѣльческій конгрессъ хорошихъ дорогъ.—Сюрпризъ выставки.—Отчеты финансоваго отдѣла выставки.—Краснорѣчіе цифръ и сбивчивость тѣковыхъ.—Сравненіе двухъ послѣднихъ всемірныхъ выставокъ.—Громадныя получки съ концессионеровъ.—Барыши «Колеса Ферриса» и другихъ концессій.—Какъ «восточные челоѣки» зашибали деньги.—Модель выставки.—Исторія выставки въ 25 томахъ.—Перевозка зданія мануфактуръ въ Чикаго.—Затрудненіе Колумбійской корпораціи.—Удержаны-ли будутъ главныя зданія выставки?—Курьезы мелкихъ итоговъ выставки.

Радикально противоположнымъ блестящему, драматически эффектному религіозному конгрессу является только что закрывшійся конгрессъ агрономической, развѣтвившійся на массу побочныхъ конгрессовъ, услѣдить за которыми не только невозможно, но, по правдѣ говоря, и не стоитъ. На нихъ произносится масса спичей, читается множество рефератовъ. По соседству съ *Art instituté*, гдѣ происходятъ конгрессы, возникла даже цѣлая колонія спикеровъ-добровольцевъ, одержимыхъ острою хроническою манією говоренья на конгрессахъ. Большая часть этихъ маніаковъ—женщины среднихъ лѣтъ, а то и старухи, организмъ которыхъ пропитанъ ядомъ страсти къ всеобщему поклоненію. Попадается среди нихъ не мало и мужчинъ, заштатныхъ дѣятелей, живущихъ тутъ какъ при библейской купальнѣ въ Вивездѣ—въ ежечасномъ чаяніи движенія воды, ожидая момента, въ который имъ выпадетъ случай проникнуть на платформу и усладиться сладкимъ ядомъ собственного краснорѣчія.

Ярко стоятъ у меня и теперь передъ глазами — двѣ характерныя фигуры такихъ маніаковъ величія, встрѣченныя мною этимъ лѣтомъ на всѣхъ видныхъ конгрессахъ, какую-бы залу Колумба или Вашингтона мнѣ ни случалось посѣщать. Оба они въ преклонныхъ лѣтахъ: старушка снискала національныя лавры за истекшіе полѣтка на самыхъ различныхъ полезныхъ аренахъ дѣятельности; старикъ добился на своемъ вѣку значительныхъ политическихъ почестей—главнымъ образомъ замѣчательнымъ даромъ своего краснорѣчія, побуждающаго его, какъ природнаго оратора, всѣмъ своимъ существомъ отдаваться всевозможнымъ

движеніямъ и народнымъ стремленіямъ съ начала пятидесятихъ годовъ. Какъ и водится, обѣ эти видныя особы — другъ друга не выносятъ, и пользуются всѣми случаями для того, чтобы поднять на смѣхъ претензіи и слабости одинъ другого.

Оба соперника не обошли своими спичами почти ни одного изъ конгрессовъ, состоявшихся въ теченіе пяти первыхъ мѣсяцевъ выставки. Старикъ говорилъ даже на конгрессѣ женскаго прогресса—въ качествѣ преданнаго цѣнителя и поклонника женскаго пола; онъ чуть было не заткнулъ за поясъ ненавистную соперницу, стяжавъ блестящія лавры спичемъ своимъ на конгрессѣ всеобщаго мира. Но крѣпкая старушка оказалась тутъ какъ тутъ и не только высказала свои благородныя стремленія ко всеобщему миру и взгляды на войну и миръ съ платформы залы Колумба, но и послала не одну шпильку по адресу желавшаго ее отгѣснить живого старичка...

Однимъ изъ болѣе интересныхъ конгрессовъ былъ конгрессъ земледѣльческій. Можно отмѣтить нѣсколько интересныхъ вопросовъ, поднятыхъ на различныхъ отдѣлахъ, и его докладовъ, бросающихъ свѣтъ на то, чѣмъ въ настоящее время интересуются, чего добиваются эти «кормильцы міра», какъ зовутъ благодарные американцы своихъ землевладѣльцевъ.

Агрономическій конгрессъ былъ тѣмъ болѣе интересенъ, что набрался изъ настоящихъ рабочихъ-фермеровъ, а не изъ теоретиковъ сельскаго хозяйства. Принимая во вниманіе этотъ составъ конгресса, весьма интересно было отмѣтить отсутствіе недовольства своей судьбой, поскольку такое могло проявиться въ рѣчахъ спикеровъ, и весьма ясное представленіе о томъ, какими средствами исправить худшія неудобства настоящаго быта фермеровъ. Многими спикерами указывалось на то, что у земледѣльца больше, чѣмъ у какого-нибудь другого рабочаго человѣка, найдется времени на чтеніе и умственное саморазвитіе, и что вслѣдствіе того фермерамъ, по настоящему, слѣдовало-бы пріобрѣсти со временемъ первенствующее вліяніе на общественныя дѣла въ странѣ. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени фермеры плохо пользуются избытками своего времени въ зимнее время, апатично относятся къ общественнымъ дѣламъ и такъ мало производятъ на нихъ давленія, что въ конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ годами не удается набрать достаточнаго количества членовъ землевладѣльцевъ на то, чтобы образовать изъ нихъ требуемые комитеты по агрономіи: и это въ странѣ, по преимуществу земледѣльческой...

Причины такой прискорбной апатіи фермеровъ спикеры конгресса приписывали главнымъ образомъ тому, что фермеры американскіе живутъ приблизительно на $\frac{3}{4}$ версты разстоянія одинъ отъ другого — благодаря тому, что земельныя надѣлы въ Соединенныхъ Штатахъ нарѣзываются такъ называемыми четвертными секціями. Указывая на это, министръ земледѣлія, секретарь Мортонъ, выражалъ даже сожалѣніе о томъ, что здѣсь при надѣлѣ земли не принимается во вниманіе облегченіе земледѣльцамъ селенія деревнями.

Что обособленность фермерскихъ семей является зломъ настоятельнымъ, свидѣтельствуеть и то, что этотъ вопросъ затрогивался всѣми почти видными спикерами на конгрессѣ. Мы уже говорили, что медицинскую статистику давно освѣщенъ тотъ фактъ, что наибольшее число умопомѣшательствъ приходится на долю фермерскаго класса, въ особенности фермерскихъ женщинъ, которыя такъ угнетаются постояннымъ одиночествомъ, что рано старѣють и поддаются меланхолиі. Той-же причинѣ приписываютъ и непомѣрное стремленіе сельской молодежи къ переселенію въ города. Это послѣднее прискорбное явленіе объяснялось спикерами отчасти и тѣмъ, что американскіе фермеры, какъ и мелкіе земледѣльцы всего свѣта — совсѣмъ не склонны оплачивать деньгами трудъ своихъ семейныхъ, требуя всего ихъ времени въ обмѣнъ за одно ихъ содержаніе, которое щедро окупилось-бы за цѣлую недѣлю получкою за одинъ рабочій день, приходящейся наемному рабочему. Посильная плата сыновьямъ и дочерямъ за ихъ работу на фермѣ многими спикерами рекомендовалась, какъ лучшее средство къ предотвращенію переселенія молодежи въ города, и по важности своей ставилась на одну ногу съ настоятельною необходимостью всѣми силами содѣйствовать общенію фермеровъ между собою посредствомъ устройства библиотекъ, танцевальныхъ вечеринокъ, классовъ пѣнія, клубовъ для дебатовъ и т. п. Уже въ настоящее время много сдѣлано въ этомъ отношеніи вѣтвями различныхъ фермерскихъ ассоціацій—въ особенности фермерскими лигами, открывающими «пункты», т. е. клубы, цѣлыми тысячами по всему пространству страны.

Эти фермерскія ассоціаціи сослужили огромную службу фермерскому населенію, пробудивъ его отъ его хронической спячки и внушивъ ему сознаніе своей силы—буде оно захочетъ и сумѣетъ ею воспользоваться. Правда, что большинство этихъ ассоціацій организуется и направляется лицами, прямо не привязанными къ землѣ, людьми, которые—какъ выразился въ своей рѣчи министръ земледѣлія м-ръ Мортонъ—«*are farming the farmers*», т. е. обрабатываютъ самихъ фермеровъ для достиженія своихъ личныхъ политическихъ цѣлей; но секретарь Мортонъ все-же былъ неправъ, такъ жестоко обличая эти ассоціаціи. Неоспоримо, что руководителями этихъ лигъ или земледѣльческихъ клубовъ являются во многихъ случаяхъ эксцентричные энтузіасты, маниаки какой-нибудь данной идеи, прививавшіе фермерамъ дикіе взгляды на счетъ денегъ, подбивавшіе ихъ требовать выдачи безпроцентныхъ правительственныхъ ссудъ подъ залогъ сельскихъ продуктовъ и заявлять дерзкія поползновенія на руководство государственными финансовыми дѣлами, въ которыхъ фермеры ничего не понимаютъ. Все это такъ; но какой-бы временный сумбуръ ни вносили эти лидеры въ умы своихъ собратьевъ фермеровъ, ихъ неоцѣнимой заслугой всегда будетъ пробужденіе фермерскаго класса — этого сказочнаго богатыря, Ильи Муромца — отъ непробудной спячки; недалеко то время, когда эти эксцентрическіе лидеры сойдуть

съ житейской сцены и ихъ мѣста займутся людьми, умственно уравновѣшенными.

Уже въ настоящее время въ апатичной по природѣ фермерской средѣ виденъ замѣчательный прогрессъ, яркимъ свидѣтельствомъ котораго является пробужденіе въ немъ сознанія того, какъ тѣсно связаны фермеры съ другими классами населенія, какъ многимъ обязаны они механическому генію столь многочисленнаго въ странѣ класса изобрѣтателей.

Выяснилось еще и то, что неоспоримо главною причиною косности фермерскаго населенія и точнаго развитія общенія между семьями ихъ является тотъ фактъ, что огромному большинству фермеровъ приходится ѣздить по отвратительнымъ проселочнымъ и большимъ дорогамъ.

Долгое время — даже и въ настоящую пору — сооруженіе хорошихъ дорогъ замедлялось тѣмъ предположеніемъ, что сборъ требуемыхъ на то капиталовъ долженъ лечь непосильнымъ налогомъ на сельское населеніе, которое и безъ того — несмотря на заманчивую картину фермерскаго хозяйства на 30-ти акрахъ, начерченную м-ромъ Аллортономъ въ его рѣчи на земледѣльческомъ конгрессѣ — стонетъ подъ бременемъ всевозможныхъ поборовъ, причемъ стоимость фермъ во многихъ мѣстностяхъ понизилась на 200 процентовъ, тогда какъ фабричная собственность, несмотря на подготовляемое упраздненіе законодательства Макъ Кипли, все же регулярно повышается, благодаря тому, что энергичный классъ мануфактуристовъ никогда не ослабляетъ своего воздѣйствія на конгрессъ.

Между тѣмъ, если судить по рефератамъ, прочитаннымъ на конгрессѣ хорошихъ дорогъ, постройка таковыхъ является въ сущности просто вопросомъ финансовымъ: одинъ изъ референтовъ напомнилъ слушателямъ, что «наиболѣе консервативные и достовѣрные статистики Соединенныхъ Штатовъ нечислятъ, что плохія дороги обходятся населенію въ 250 милліоновъ долларовъ убытка за каждый годъ», что убытокъ этотъ ложится на всѣ классы населенія, но главнымъ образомъ на классъ мелкихъ фермеровъ и что съ проведеніемъ хорошихъ, прочныхъ дорогъ во всѣхъ сельскихъ школьныхъ округахъ предотвращено будетъ дальнѣйшее переселеніе «молодаго сельскаго населенія въ города, переселеніе, приносящее такой ущербъ сельскому хозяйству».

Интересенъ былъ также рефератъ нѣкоего *Mr Albert A. Pope*, давно уже отдавашагося дѣлу пропаганды хорошихъ сельскихъ дорогъ. «Не слѣдуетъ забывать, говорилъ, между прочимъ, м-ръ Попъ, что хорошія сельскія дороги являются важными факторами народнаго образованія. Какъ сообщенія между знакомыми, такъ и посѣщенія дѣтьми школъ¹⁾ стоять въ большей или меньшей зависмости отъ состоянія дорогъ».

На отдѣлахъ конгресса по лѣсоводству, птицеводству и рыболовству была значительно уяснена огромная доходность этихъ отраслей хозяйства

¹⁾ Въ Америкѣ сельскія школы строятся въ открытомъ полѣ или въ лѣсу, по возможности на равномъ разстояніи отъ извѣстнаго числа фермъ.

и промысловъ—въ особенности доходность рыбной культуры, дающей баснословные барыши при самомъ ограниченномъ рискѣ неудачъ и несчастныхъ случайностей, столь многочисленныхъ въ чисто фермерскомъ хозяйствѣ.

За земледѣльческимъ конгрессомъ слѣдовалъ конгрессъ о недвижимой собственности—*Real-Estate*—по заключенію котораго состоялось 16 (23) октября торжественное закрытіе этой безпримѣрной серіи всемірныхъ конгрессовъ, длившейся 5¹/₂ мѣсяцевъ.

Со времени открытія перваго всемірнаго конгресса 3 (15) мая, въ стѣнахъ громаднаго зданія на берегу озера, несообразно названнаго *Art-Palace*, изо дня въ день сходились для обмѣна мыслей и изложенія полезной дѣтельности своей сотни передовыхъ дѣятелей и ученыхъ Стараго и Новаго Свѣта. За эти мѣсяцы состоялся 21 общій конгрессъ, вокругъ которыхъ сгруппировалось въ общей сложности 210 секціональныхъ конференцій лидеровъ изъ каждой сферы дѣятельности и мысли. Конгрессы слѣдовали въ такомъ порядкѣ: конгрессъ женскаго прогресса, публичной прессы, медицины и хирургіи, воздержанія, нравственной и соціальной реформы, музыки, литературы, образованія, инженернаго дѣла, изящныхъ искусствъ, народнаго управленія, общій департаментъ различныхъ конгрессовъ, конгрессъ науки и философіи, рабочій конгрессъ, конгрессъ наукъ соціальныхъ и экономическихъ, религій, воскреснаго отдыха, страхованія и банковаго дѣла, общественнаго здравія, конгрессъ земледѣльческой и недвижимой собственности.

Конгрессы эти для завершенія предназначенныхъ имъ программъ произвели, въ общей сложности, 1,245 засѣданій, въ теченіе которыхъ на платформахъ двухъ главныхъ и всѣхъ побочныхъ залъ произносили спичи и читали рефераты 5,974 чел. спикеровъ; число документовъ и циркуляровъ, которые раздавались за время засѣданій этихъ конгрессовъ, исчисляется въ 1.070,000 штукъ, а число присутствовавшихъ на конгрессахъ слушателей дошло до общей цифры 656,500 человекъ.

Рѣшено составить и издать официальную исторію Колумбійской выставки. Президентъ международной выставки м-ръ Памеръ единогласно былъ назначенъ президентомъ комитета, долженствующаго взяться за этотъ трудъ.

Всѣхъ сюрпризовъ, доставленныхъ Колумбійской выставкою, и не перечесть. Колумбійская выставка, единогласно прозванная «Вѣломраморнымъ градомъ», *the White City*, проявила себя совершеннымъ чудомъ красоты, доставляла любителямъ изящнаго чистѣйшее эстетическое наслажденіе чарующимъ ансамблемъ своихъ колоссальныхъ зданій, напоминающихъ лучшіе образцы архитектурнаго искусства.

Несмотря на всеобщія предсказанія финансоваго фіаско, она дала и въ этомъ отношеніи едва ли не лучшіе результаты, чѣмъ самая успѣшная, изъ прежнихъ выставокъ—парижская 1889 г.

Проявился сюрпризъ на Колумбійской выставкѣ и въ томъ, что—

вопреки всѣмъ прецедентамъ выставки, привлекающимъ, главнымъ образомъ, новизною своею—число посѣтителей ея все умножалось и дошло до своего апогея въ октябрѣ, т. е. въ послѣдній мѣсяцъ существованія выставки. Дирекція выставки предполагала, что публика все еще станетъ толпами посѣщать выставку и послѣ дня оффиціального закрытія 18 (30) октября. Но и тутъ воспослѣдовалъ сюрпризъ: до самыхъ послѣднихъ дней октября на выставкѣ бывало отъ 200,000 до четверти милліона посѣтителей ежедневно; въ ноябрѣ же ее сразу перестала публика посѣщать. Напримѣръ, 9-го ноября выставку посѣтило всего 8,642 человекъ, а въ слѣдующее воскресенье, 5-го ноября — не болѣе 2.798 человекъ, да и тѣ больше держались въ отдѣлѣ Изящныхъ Искусствъ.

Завѣдующій счетнымъ отдѣломъ Колумбійской выставки Auditor Askerman на цѣлыхъ двѣ недѣли замедлил публикацію списка окончательныхъ финансовыхъ итоговъ выставки за время существованія таковой; теперь же итоги эти опубликованы, и покрываютъ собою всѣ издержки и получки на Колумбійской выставкѣ вплоть по 1 (13) ноября текущаго года.

Этотъ балансъ счетовъ представляетъ такъ много интереснаго, что не лишнее, какъ намъ кажется, представить нѣкоторыя выдержки изъ него и на этихъ страницахъ.

Общая цифра издержекъ, произведенныхъ корпораціей Колумбійской выставки по 12-е ноября включительно, равняется 25.540,537 долларамъ 85 сентамъ, получки же за тотъ же періодъ времени дошли до 28.151,168 долларовъ 75 сентовъ.

Во вторую половину ея существованія неизвѣрно быстро возросли доходы выставки. Вотъ нѣкоторыя данныя о получкахъ на выставкѣ:

	Получки равнялись.	Расходъ.	Чистая прибыль.
Въ маѣ . . .	616,140 д. 61 с.	593,757 д. 20 с.	22,383 д. 41 с.
» іюнѣ . . .	1.647,644 » 44 »	630,595 » 20 »	1.017,049 » 24 »
» іюлѣ . . .	1.967,194 » 84 »	598,319 » 97 »	1.368,874 » 87 »
» августѣ . .	2.337,856 » 25 »	569,798 » 12 »	1.768,058 » 13 »
» сентябрѣ .	3.169,938 » 92 »	537,566 » 92 »	2.632,372 » — »
» октябрѣ . .	4.402,467 » 35 »	610,000 » — »	3.792,467 » 35 »

Чуть ли ни главнымъ сюрпризомъ Колумбійской выставки является тотъ фактъ, что, несмотря на то, что устройство ея—помимо расходовъ, понесенныхъ экспонентами—обошлось болѣе чѣмъ въ 35 милліоновъ долларовъ, т. е. болѣе чѣмъ втрое превзошло стоимость устройства выставки парижской въ 1889 г., всѣ эти расходы окупились чуть ли не вполне.

Обложеніе концессионеровъ обязательствомъ уплаты корпораціи извѣстнаго % съ ихъ чистыхъ получекъ было чрезвычайно удачною аферою колумбійской корпораціи, которою она стяжала огромные барыши. Ни одинъ-бы, вѣдь, концессионеръ не согласился заранѣе на уплату хотя-бы сотни тысячъ долларовъ за концессию, въ сущности-же многіе изъ концессионеровъ переплатили корпораціи несравненно больше этого—и пла-

тили охотно, отнюдь не ворча, такъ какъ цифра уплатъ возростала лишь пропорціонально ихъ собственнымъ барышамъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ были по-истинѣ громадны.

Удобства такихъ договоровъ процентныхъ уплатъ съ получекъ концессионеровъ блистательно подтверждаются тѣми огромными барышами, что получались большинствомъ концессионеровъ.

Но чудомъ чудесъ по части приманокъ концессионеровъ было и осталось до конца удивительное колесо Ферриса (на подобіе круглыхъ качель), явившееся совершеннымъ золотымъ дномъ для его собственниковъ-акціонеровъ, положившихъ на сооруженіе этого чуда инженернаго искусства цѣлыхъ 300,000 долларовъ. Акціонеры этого предпріятія съ полной готовностью въ свое время согласились уплачивать администраціи выставки по 50% съ получекъ *колеса Ферриса* — *посль того* какъ полочки его покроютъ *всь* произведенные на его постройку расходы. Оказывается теперь, что ровно 1.453,611 человекъ внесло по полу-доллару (т. е. по рублю) каждый за удовольствіе поднятія на колесѣ Ферриса — за тѣ четыре мѣсяца, что машина эта находилась въ дѣйствиіи. Изъ получекъ своихъ, равняющихся 726.805 д. 50 сантим., компанія Ферриса отчислила 300,000 долларовъ на уплату по акціямъ, а 426.805 доллар. 50 сент. подѣлила поровну съ администраціей выставки. Затѣмъ, по уплатѣ всѣхъ расходовъ по оперированію колеса, у компаніи въ остаткѣ оказалось еще 150,000 долларовъ, которые и распредѣлены будутъ промежъ акціонеровъ компаніи, имѣющихъ, такимъ образомъ, получить по 50% барыша на ссуженный имъ на какихъ-нибудь полтора года капиталъ.

Теперь въ Нью-Йоркѣ и Лондонѣ составилось нѣсколько синдикатовъ, стремящихся купить у компаніи колесо Ферриса; но переговоры еще не привели ни къ чему рѣшительному. Высчитывается, что будетъ стоить около 80,000 долларовъ разобрать колесо Ферриса и перевезти его изъ Чикаго въ Нью-Йоркъ. Поговариваютъ, будто колесо Ферриса будетъ фигурировать предстоящимъ лѣтомъ на выставкѣ въ Антверпенѣ. Помимо уже упомянутаго *колеса Ферриса*, деньги загребались антрепренерами поселка изъ Полинезій—*South Sea Island*, *персидскимъ театромъ*, *выставкою красавицъ* и нѣкоторыми другими, тогда какъ прелестные явайцы, несмотря на популярность свою въ публикѣ, мало доставили своимъ антрепренерамъ барыша, а великолѣпныя копіи съ *Старой Вьны* и *нѣмецкой деревни* такъ и не свели концовъ съ концами, потерявъ значительныя суммы. Зато обѣ ирландскія деревушки загребали деньги лопатами — да и въ общей сложности временные поселенцы *Midway Plaisance*, въ особенности «восточные челоуѣки», отнюдь не остались въ накладѣ, если судить по тому, какія большія суммы ими обмѣнивались и пересылались за лѣто и осень банками Чикаго.

Какими путями всѣ эти хитроумные сыны дальняго востока зашибали гроши — трудно было-бы въ точности дознаться: многія молодыя женщины съ ребятами просто побирались среди посѣтителей; яркимъ образ-

цомъ восточной предпримчивости является, между прочимъ, старый египтянинъ, продававшій простые пиастры—стоимость которыхъ не превышаетъ и русскаго гривенника, выдавая ихъ за старинныя монеты, ходившія въ Египтѣ за 300 лѣтъ до Рождества Христова, и бравшія за нихъ по два доллара съ довѣрчивой публики. Этотъ предпримчивый египтянинъ явился какъ-то въ банкъ съ четырьмястами долларо́въ, прося обмѣнять ихъ на лундоры; вслѣдъ за нимъ въ банкъ явилась «персидская» танцовщица, размѣнявшая уже 1,500 долларо́въ—тоже на *французскія* деньги, турокъ, желавшій перевести 6,000 долларо́въ, арабъ, потребовавшій переводъ въ 1,500 долларо́въ на Бейрутъ, и погонщикъ верблюдо́въ изъ Египта, желавшій размѣнять тысячу долларо́въ. Эта партія вкладчиковъ и патроновъ посетила одинъ банкъ за какой-нибудь одинъ часъ времени—и по этому можно судить о размѣрахъ подобныхъ банковыхъ сдѣлокъ. На вопросъ мой однажды о томъ, какимъ, на примѣръ, путемъ какой-нибудь молодой мальчишка-египтянинъ, погонщикъ ословъ въ *улицѣ Каира*, могъ явиться въ банкъ съ 700 долларо́въ своихъ денегъ, мнѣ указали на то, какому эти иноземные мальчишки подвергались отъ американцевъ баловству: какъ ихъ развозили по городу въ экипажахъ, щедро награждая четвертаками и долларами за ихъ обезьяньи ужимки и за малѣйшую съ ихъ стороны попытку размѣшнить публику или польстить ей затверживаніемъ англійскихъ словъ.

Таковы-то были крупныя барыши людей, рѣшительно ничего отъ себя не затратившихъ, ни чѣмъ не рисковавшихъ, такъ какъ большею частью они состояли въ наймѣ у разныхъ антрепренеровъ.

Изъ 3,500 полотене́въ, выставленныхъ американскими артистами, продано было менѣе полусотни, да и то далеко не изъ лучшихъ.

Посчастливилось шведскому артисту *Anders L. Zorn*, продавшему пять картинъ все въ руки опытныхъ цѣнителей искусства среди американскихъ миллионо́въ.

Во французскомъ отдѣлѣ продано всего восемнадцать полотене́въ, и между прочимъ «*Le triomphe de Christophore Colomb*», *Benjamin Constant* и «*L'armée en repos*» кисти *Bougereau*.

Испанцы продали 14 картинъ, датчане—семь, а австрійцы—тоже 14 полотене́въ.

Большинство непроданныхъ картинъ иностранныхъ художниковъ теперь перевезено въ Нью-Йоркъ и будетъ выставлено въ зданіи, гдѣ только что открывается выставка отборныхъ экспонато́въ, удостоившихся премій на Колумбійской выставкѣ.

Въ настоящее время опустѣлъ на выставкѣ даже отдѣлъ изящныхъ искусствъ, продержавшійся долѣе другихъ; скоро и вся выставка отойдетъ въ туманную область воспоминаній, хотя, какъ показано будетъ дальше, теперь и производятся попытки поддержать еще въ теченіе одного года главные корпуса выставки. Все же съ исчезновеніемъ всѣхъ экспонато́въ отдѣла *Midway Plaisance* и огромныхъ полчищъ посѣтителей, наполняв-

шихъ этимъ лѣтомъ *Jackson-Park*—утратится самая фizioномія выставки, которую невозможно удержать, если даже и сохранять ея остовъ.

Въ виду этого нельзя не привѣтствовать приведеніе въ исполненіе счастливой идеи Карла Шнейдера, одного изъ инженеровъ Чикаго, который задался мыслью воспроизвести точную модель всемірной Колумбійской выставки, въ размѣрѣ одного дюйма на каждые 20 футовъ дѣйствительныхъ размѣровъ, въ томъ именно колоритѣ, въ которомъ детали выставки представлялись глазамъ посѣтителѣй.

Работа Шнейдера уже близится теперь къ окончанію; матеріаломъ онъ избралъ дерево и крѣпкую, какъ камень, композицію. Грунтъ модели будетъ занимать площадь 44 фута длины при 18 ширины, и на ней будутъ точно воспроизведены въ миниатюрномъ размѣрѣ всѣ зданія выставки, всѣ мосты, статуи, фонтаны, лагуны, суда, монастырь *La Rabida* и проч. Не будетъ воспроизведенъ лишь отдѣлъ поселковъ и театровъ иноземцевъ, составлявшихъ *Midway-Plaisance*, виды этой послѣдней будутъ показываться публикѣ при содѣйствіи увеличительныхъ стеколъ и раскрашенныхъ фотографій.

Модель эта будетъ снабжена электрическимъ освѣщеніемъ, которое будетъ приспособлено къ тому, чтобъ послѣдовательно представлять глазамъ зрителей выставку на разсвѣтѣ, въ полдень, на закатѣ солнца, въ сумеркахъ и ночью, когда миниатюрное ея воспроизведеніе внезапно будетъ озаряться отсвѣтомъ фейерверковъ и иллюминацій лагунъ и электрическихъ фонтановъ. Много новинокъ обѣщается при этомъ съ содѣйствіемъ электрическихъ аппаратовъ. Модель будетъ каждому желающему показываться во всѣхъ смѣнныхъ фазисахъ дня и вечера—на что требуется каждый разъ два часа времени, въ теченіе которыхъ опытные лекторы будутъ тутъ же объяснять особенности всемірной выставки и описывать личныя по ней похожденія. Вдобавокъ къ тому зрителямъ будутъ показываться въ стереоптиконѣ и туманными картинами внутренніе виды отдѣльныхъ корпусовъ выставки, движеніе набитыхъ народомъ судовъ и поѣздовъ, несмѣтныя толпы публики, набравшіяся въ Джексонъ паркъ въ день именинъ Чикаго и другіе торжественные дни. Особое вниманіе удѣляется также и точному воспроизведенію домовъ отдѣльныхъ штатовъ и иностранныхъ государствъ, которыя будутъ первые снесены съ мѣста, такъ какъ стоятъ въ сѣверной части парка, которую администрація выставки по контракту обязана очистить отъ зданій въ теченіе предстоящаго полугодія, тогда какъ зданія въ южной части парка, гдѣ построены главные корпуса выставки, могутъ быть удержаны до мая 1895 года.

Модель колумбійской выставки, изготовляемая Шнейдеромъ, можетъ разбираться на части: сначала онъ предполагаетъ ее выставить зимой въ Сан-Франциско, а на лѣто перевезти въ Антверпенъ: тамъ гдѣ не найдется зданія достаточно большого, чтобъ ее помѣстить, модель устроить въ палаткѣ—по примѣру большихъ цирковъ.

Въ то время какъ вышній видъ колумбійской выставки будетъ вос-

произведенъ въ этой модели, исторія устройства и развитія этого величественнаго предпріятія, доведеннаго до столь блистательнаго осуществленія, будетъ написана при сотрудничествѣ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ устройствѣ отдѣльныхъ ея частей и завѣдываніи таковыми. Этотъ отчетъ о возникновеніи и завершеніи колумбійской выставки составитъ, какъ увѣряютъ, до 25 толстыхъ томовъ убористой печати, и въ него занесутся не только имена всѣхъ людей, положившихъ свои идеи на осуществленіе этого предпріятія, но и имена всѣхъ экспонентовъ съ полными списками ихъ экспонатовъ. Отъ этого полнота труда несомнѣнно выиграетъ, но найдется ли много на свѣтѣ смѣльчаковъ, которые отважатся взяться за чтеніе или даже просмотръ такого гигантскаго труда? Между тѣмъ, жалъ будетъ, если въ массѣ тривіальныхъ и скучныхъ деталей затеряются сообщенія о цѣнныхъ результатахъ, достигнутыхъ на этой выставкѣ и могущихъ служить полезными указаніями для вѣшняго міра.

Такъ, между прочимъ, одною изъ интереснѣйшихъ главъ обширной исторіи колумбійской выставки, авторы—сотрудники которой уже назначены дирекціей выставки—будетъ подробное описаніе дренажной системы примѣненной въ Джаксонъ паркѣ, на мѣстѣ, гдѣ сухого клочка земли не было два года назадъ. Дренажъ же былъ на выставкѣ такъ же совершененъ какъ если бы она была возведена на пологомъ склонѣ горы: за всѣ шесть мѣсяцевъ выставки, на ней не проявилось ни малѣйшаго случая заболѣванія, и мнѣ лично случалось наблюдать, какъ на нее привозили людей только что выздоравливающихъ отъ тифа и другихъ тяжелыхъ болѣзней—и они быстро поправлялись, проводя цѣлые дни на выставкѣ, подъ живительнымъ воздѣйствіемъ неизмѣнно дувшаго съ озера вѣтерка, при яркомъ солнцѣ, свѣтившемъ съ безоблачныхъ небесъ: за послѣдніе 128 дней существованія колумбійской выставки выдалось *всего пять дождливыхъ дней...*

Въ настоящее время, кажется, окончательно рѣшено удержать два изъ крупныхъ зданій украшавшихъ собою Колумбійскую выставку. Отдѣлъ Изящныхъ Искусствъ, помѣщавшійся на 57-й улицѣ, какъ разъ напротивъ великолѣпнаго зданія возведеннаго штатомъ Нью — стонившаго полтора ста тысячъ и на-дняхъ проданнаго на свозъ за 1,200 долларовъ—предполагается удержать для помѣщенія въ немъ богатѣйшаго Колумбійскаго Музея, близкое осуществленіе котораго обезпечено съ пожертвованіемъ на него милліона долларовъ Фильдомъ, сотни тысячъ долларовъ Пульманомъ и множества пожертвованій со стороны публики и экспонентовъ. Такъ какъ зданіе Отдѣла Изящныхъ Искусствъ было построено хорошо, прочно, то и предполагаютъ помѣстить музей въ немъ, хотя богатый университетъ Чикаго и хлопочетъ о томъ, чтобы музей построенъ былъ у него подъ бокомъ (на прежнемъ мѣстѣ *Midway Plaisance*) для вѣщаго удобства студентовъ и ученыхъ: въ такомъ случаѣ университетъ передастъ въ музей всѣ свои богатые коллекціи и всѣ пожертвованія и пріобрѣтенія, поступившіе въ него изъ Колумбійской выставки.

Затѣмъ возникъ весьма смѣлый проектъ, вполне достойный предприимчивости американскихъ инженеровъ: предполагается не только удержать огромное зданіе Мануфактурнаго Отдѣла,—но перенести его и установить въ слегка уменьшенномъ размѣрѣ въ самомъ Чикаго. Перенести, въ сущности, предполагается среднюю, и съ точки зрѣнія инженеровъ, самую замѣчательную часть этого огромнаго зданія, но даже и эта перестроенная часть образуетъ зданіе 1,204 футовъ длины, 169 ф. высоты и 306 футовъ высоты. Для Чикаго же приобрѣтеніе такого зданія какъ это—будетъ весьма съ руки: даже въ уменьшенномъ видѣ оно все же будетъ въ нѣсколько разъ больше какого бы то ни было зданія на свѣтѣ и можетъ служить прекраснымъ помѣщеніемъ для національныхъ конвенговъ и для разныхъ мѣстныхъ выставокъ: директора выставки высказываютъ даже то предположеніе, что иностранныя правительства найдутъ выгоднымъ для себя въ коммерческомъ отношеніи устраивать временами въ зданіи томъ небольшія выставки своихъ мануфактурныхъ произведеній и естественныхъ продуктовъ.

Германское правительство предложило возведенное имъ на выставкѣ нарядное зданіе въ даръ Джаксонъ Парку, но комиссары, завѣдующіе паркомъ, отказались принять этотъ подарокъ; оскорбленные этою безперемонностью, нѣмцы Чикаго затѣяли теперь подписку, съ тѣмъ чтобы собрать 55,000 долларовъ и перенести зданіе Германскаго правительства изъ Джаксонъ Парка въ другой паркъ—Линкольнъ Паркъ, самый красивый паркъ Чикаго, и установить его тамъ, при прежней его обстановкѣ—на память о блестящемъ участіи, принятомъ нѣмцами и нѣмецкимъ правительствомъ въ Колумбійской выставкѣ.

Отказъ комиссаровъ—настоящихъ распорядителей Джаксонъ Парка—отъ подарка германскаго правительства никого здѣсь кромѣ нѣмцевъ не только не взволновалъ, но и не удивилъ. Комиссары эти твердо стоятъ на томъ, что зданія, возведенныя въ Джаксонъ Паркѣ, не стоятъ ни гроша. Это, конечно, большая натяжка, хотя и вѣрно, что завѣдующія зданіями отдѣльныхъ штатовъ на выставкѣ рѣшительно не находятъ покупателей на эти зданія: еще съ нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ просятъ деньги, чтобъ свезти съ мѣста эти зданія на сломъ; но это лишь потому что зданія тѣ стоятъ въ сѣверной части Джаксонъ Парка, которую обязаны, по контрактамъ, очистить отъ всѣхъ построекъ къ маю 1894 года—вотъ владѣльцевъ ихъ и прижимаютъ.

Тоже испытываетъ въ настоящее время и сама корпорація Колумбійской выставки. Она рассчитывала реализовать около трехъ милліоновъ долларовъ на продажѣ зданій главныхъ корпусовъ выставки—хотя бы на сломъ и всего матеріала, пошедшаго на устройство и освѣщеніе выставки. Между тѣмъ, пользуясь срочностью контрактовъ, по которымъ и главные зданія выставки должны быть снесены до мая 1895 года—за нихъ никто ничего не предлагаетъ, ожидая что они предложены будутъ подрядчикомъ даромъ, только бы освободить паркъ отъ зданій... Мало того: корпорація

Колумбійской выставки подверглась недавно весьма огорчительному сюрпризу, столь же накладному, сколько и обидному, такъ какъ онъ служить яркимъ свидѣтельствомъ той крайней небрежности съ которою директора выставки относились къ рутиннымъ деталямъ взятаго ими на себя дѣла.

Когда закрылась выставка и стали подумывать о томъ какъ бы поскорѣе завершить дѣла, генеральный директоръ выставки, м-ръ Дэвисъ, отдалъ приказъ забрать и поставить въ зданія всѣ скамьи, которыя стояли въ паркѣ для посѣтителей: оказалось, что скамьи эти всѣ уже вывезены изъ Джексонъ Парка, такъ какъ никогда и куплены не были, а были лишь наняты за 7,000 долларовъ на время выставки. Это бы еще пустяки. Но вслѣдъ затѣмъ оказалось, что въ паркѣ прибыли взводы рабочихъ, принявшіеся взрывать дороги, вывозить щебень, вырывать и свозить водосточныя и газовыя трубы, снимать и увозить электрическія проволоки и лампы, тогда какъ въ зданіяхъ стали разбирать всѣ машины-двигатели и иныя, которыя дирекція выставки считала неотъемлемою собственностью корпораціи!..

Что же оказалось?.. Все это дѣйствительно являлось собственностью подрядчиковъ, строившихъ дороги, клавшихъ трубы, устраивавшихъ дренажъ и освѣщеніе, такъ какъ они, по контрактамъ своимъ, соглашались исполнить работы нѣсколько дешевле на томъ условіи, если употребленный ими матеріалъ и снаряды возвратятся въ ихъ владѣніе: директора же выставки — кромѣ одного, м-ра *Graham*, упорно молчавшаго о томъ — ничего объ этихъ оговоркахъ подрядчиковъ и не зналъ, подписывая, очевидно, контракты на вѣру, не трудясь ихъ и прочитывать! Построивъ на этомъ условіи дороги въ Джексонъ Паркѣ на 90,000 долларовъ дешевле того что впервые запросили за нихъ, подрядчики теперь разоряютъ эти пути сообщенія до тла, вывозя весь камень и оставляя лишь широкія песчаныя рывины, въ которыя лошадь уходитъ ногою чуть ни по колѣно и которыя при наступленіи дождей окажутся непроходимыми болотами, другіе же подрядчики грозятъ разнести по частямъ даже и кровли нѣкоторыхъ зданій, такъ какъ черепицы, пошедшія на нихъ, были осужены лишь временно...

Удивляться-ли, что директора выставки — все люди очень богатые, ворочающіе огромными дѣлами и приносящіе большія личныя жертвы, согласясь взять на себя устройство и веденіе дѣлъ Колумбійской выставки, потеряли всякое терпѣніе, утратили всякій интересъ къ дѣлу и теперь всѣ усилія употребляютъ на то, чтобъ поскорѣе развязаться съ обузой. На завершеніе дѣлъ парижской выставки 1889 года потребовалось нѣсколько лѣтъ, а Колумбійская корпорація стремится теперь завершить свои операціи до конца этого года!.. Съ этою цѣлью директора ея обратились съ предложеніемъ къ совѣту комиссаровъ, завѣдующихъ Джексонъ Паркомъ, спрашивая у тѣхъ, на какихъ условіяхъ согласились-бы они снять съ корпораціи обязательство, наложенное на нее контрактами, насчетъ полной очистки парка отъ зданій къ маю 1895 года

и приведенія его въ тотъ самый видъ, въ которомъ тотъ былъ до устройства въ немъ выставки.

На это предложеніе вчера послѣдовалъ отвѣтъ отъ совѣта комиссаровъ Джаксонъ Парка: эти господа заявляютъ, что готовы развязать руки Колумбійской корпораціи и принять отъ нея паркъ въ настоящемъ его состояніи; но такъ какъ зданіе выставки они цѣнятъ ни во что, то потребуютъ еще съ корпораціи 441,383 доллара и 75 центовъ, потребныхъ на снесеніе зданій и на исправленіе поврежденій, яко бы, нанесенныхъ парку!..

Колумбійская корпорація совершенно основательно на это возражаетъ, что самая выставка построена на мѣстѣ, гдѣ до того было невылазное, нездоровое болото, въ мѣстности, которой не могли нанести ущербъ дренажемъ и осушкою. Они указываютъ на то, что помимо зданій ими будутъ переданы во владѣніе Джаксонъ Парка дороги, которыя рѣшено выкупить у подрядчиковъ тамъ, гдѣ они не успѣли ихъ взрыть—все водосточныя и пныя трубы, мосты, столбы для установки электрическихъ лампъ, не говоря уже о земляныхъ насыпяхъ, садовыхъ украшеніяхъ и лагунахъ, устроенныхъ на оздоровленной мѣстности, на мѣстѣ прежняго болота. Въ общей сложности, по мнѣнію Колумбійской корпораціи, Джаксонъ Паркъ отъ всего этого оставляемаго отъ выставки наслѣдія обогатится, по ея смѣтамъ, на сумму 1.824,454 долларовъ 66 центовъ, въ виду чего администрація парка могла бы принять снесеніе или поддержку зданій на себя.

На этомъ пока дѣло и остановилось, но Колумбійская корпораціи несомнѣнно уступить, такъ какъ и посю пору ей приходится тратить по 270,000 долларовъ ежемѣсячно на жалованье служащимъ и проч.; ей выгоднѣе теперь же уплатить требуемые 441,383 дол. 75 центовъ и развязать себѣ руки, такъ какъ въ сущности ничьи интересы не пострадаютъ, какая бы сторона не осталась въ накладѣ: что осталось бы въ остаткѣ у Колумбійской корпораціи, пошло бы на уплату городскихъ облигацій, выкупъ которыхъ лежитъ на плательщикахъ налоговъ; плательщикамъ же налоговъ придется меньше тратиться на устройство Джаксонъ Парка, если администрація этого послѣдняго пользуется лишнимъ отъ корпораціи Колумбійской выставки. Все дѣло это—переливаніе изъ пустаго въ порожнее людьми, добивающимися проявить себя наиболѣе ревностными охранителями народныхъ интересовъ.

Остается упомянуть лишь о нѣсколькихъ другихъ любопытныхъ вещахъ, выясненныхъ итогами результатовъ Колумбійской выставки. До какой низкой цѣны спустились зданія отдѣльныхъ штатовъ, можно судить по тому, что зданіе штата Миннесоты, стоившее 8,000 долларовъ, продано на свозъ за 275 долларовъ. Зданіе Нью-Хамшира — за 500 дол., Монтаны—за 300, Виргиніи—за 500 дол.; а это зданіе надо замѣтить—точный снимокъ съ знаменитой резиденціи Джорджа Вашингтона, что въ *Mount Vernon*, подъ Вашингтономъ.

Многіе цѣнные, но неудобоперевозимые экспонаты пожертвованы въ разные національные музеи. Всѣхъ такихъ пожертвованій и не перечесть.

Весьма мало было слышно объ двухъ госпитальныхъ покоехъ, устроенныхъ при выставкѣ; между тѣмъ въ нихъ перебивало до 18,000 заболѣвшихъ людей, изъ которыхъ умерло 23 человѣка. Слѣдуетъ, впрочемъ, добавить, что изъ этихъ госпитальныхъ покоевъ къ вечеру препровождали всѣхъ больныхъ—за исключеніемъ отчаянныхъ случаевъ—въ городскія больницы Чикаго. Амбулаторныя повозки госпиталей вызывались за все время 2307 разъ. Пожарная команда вызывалась 95 разъ, но серьезный пожаръ случился всего разъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда загорѣлись ужаснымъ образомъ ледники выставки. Полицейскій патруль вызывался 2929 разъ, но все по пустяшнымъ дѣламъ. Вообще, сыскной и простой полиціи было мало дѣла на выставкѣ—до того хорошо вела себя американская толпа: за всѣ шесть мѣсяцевъ произведено было 945 арестовъ изъ числа 27 милліоновъ посѣтителей Джексона Парка—и изъ нихъ признаны по суду виновными или оштрафованы были 433 человѣкъ; покражъ совершено 403 на сумму 23,113 дол. 96 центовъ (по свидѣтельству обокраденныхъ лицъ) и изъ таковыхъ разыскано и возвращено владѣльцамъ 16,693 д. 43 сента. Кромѣ того арестовано полиціей въ Джексона Паркѣ 135 человѣкъ извѣстныхъ ей преступниковъ—въ предупрежденіе какихъ либо съ ихъ стороны проступковъ. Но что замѣчательнѣе всего—такъ это то, что за всѣ тѣ 6 мѣсяцевъ, что длилась выставка въ Джексона Паркѣ, арестовано всего 156 человѣкъ пьяныхъ! Требуется ли еще болѣе яркое подтвержденіе трезвости американцевъ и ихъ умѣнья соблюдать свое достоинство?

Къ великой чести американцевъ приходится привести и тотъ характерный и совершенно неожиданный фактъ, что изъ десяти тысячъ человѣкъ дѣтей, оставленныхъ матерями и родными на попеченіи нянекъ въ ясляхъ Дѣтскаго Зданія—ни одного ребенка не было тамъ забыто, т. е. подкинуто, до самаго послѣдняго дня выставки—когда, наконецъ, (намѣренно конечно) оставленъ былъ тамъ ребенокъ мужскаго пола. Теперь этого ребенка приняла на воспитаніе какая то чета въ штатѣ Иллинойса—и мальчикъ этотъ является, въ своемъ родѣ, любопытною для всѣхъ диковинкою, являясь единственнымъ подкидышемъ Колумбійской выставки. То ли было на выставкѣ парижской?..

В. Макъ-Гаханъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ИТАЛІИ.

Пестрое объединеніе.

Объединена-ли Италія? Вопросъ можетъ показаться празднымъ. Она объединилась на глазахъ еще нынѣ здравствующаго поколѣнія, съ небольшимъ четверть вѣка назадъ, при общихъ ликованіяхъ Европы. Исторія этого быстрого объединенія рыцарская, блестящая, почти легендарная, благодаря участию въ ней выдающихся личностей, каковы Викторъ Эмануилъ, Кавуръ и, особенно, чуть не полубогъ юной италіи Гарибальди— воплощенная идея политической честности, любви къ народу и свободѣ. Кромѣ нихъ періодъ объединенія отличенъ цѣлой плеядой «героевъ того времени». Кто могъ, кто можетъ сомнѣваться въ быстромъ упроченіи этого объединенія? Всѣ элементы успѣха, кажутся для посторонняго наблюдателя на лицо: единство религіи, языка, историческихъ традицій племени, политическихъ идеаловъ, и наконецъ самой территоріи. Съ сѣвера— Альпы, со всѣхъ остальныхъ сторонъ море. Европа тѣмъ болѣе вѣрится въ несомнѣнную прочность этого объединенія, что патріотическія, по разнымъ поводамъ повторяющіяся празднества, имѣютъ мѣсто чуть не ежедневно въ какомъ-либо пунктѣ Италіи. Правда, съ нѣкоторыхъ поръ эти праздники стали обращаться въ формальные обряды извѣстнаго политическаго культа, но это трудно подмѣчается со стороны. Политически Италія досроча въ короткое время до степени великой державы, и финансы ея, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не безъ нѣкотораго основанія, считались образцовыми. А между тѣмъ нынче, когда постепенно разсѣялся ослѣпительный блескъ эпопеи объединенія, и вновь прорвался въ общественную и политическую жизнь голосъ насущныхъ народныхъ нуждъ, дошедшихъ до трагизма въ періодъ возвелченія державы и особенно въ періодъ тройственнаго союза, вопросъ, объединена-ли Италія— возникъ самъ собой, въ умѣ тѣхъ, кто ее коротко знаетъ и близко за ней наблюдаетъ. Романья ¹⁾ годъ отъ году сильнѣе заражается республиканско-федеративными идеями. На югѣ даже встаетъ призракъ сепаратизма. Сицилія грозитъ отложиться. Тамъ безработица, голодъ, нищета, плохо подчиняющіяся новымъ объединительнымъ законамъ, средне-вѣковыя, почти феодальныя отношенія между землей и трудомъ, отсутствіе всякаго фактически законнаго покровительства сотнямъ тысячъ одиночальныхъ рабочихъ въ сѣрныхъ и многихъ другихъ минеральныхъ копяхъ довели населеніе до отчаянія. Этимъ положеніемъ воспользовались проводники крайнихъ экономическихъ, соціальныхъ ученій. Внушительная

¹⁾ Среднезападная часть Италіи.

часть грубо-невѣжественной рабочей массы, увлеченная ихъ обѣщаніями, сплотилась въ союзы *Fasci Operaі*. По свойству своего характера масса сициліанскаго населенія готова на самыя крайнія и ужасныя мѣропріятія. Вѣрная старымъ «геройскимъ» традиціямъ и привычкамъ, немалая доля этой массы покрыла уже разбойничьей сѣтью весь островъ. Въ сущности разбойничество въ Сициліи никогда и не было вырвано съ корнемъ. За послѣдніе-же годы оно вновь славно разрослось. Нынче какъ и до объединенія оно въ союзѣ со страшной средневѣковой тайной ассоціей Маффія, въ составъ которой входитъ много интеллигентныхъ, занимающихъ почтенное положеніе, лицъ и которая не признаетъ законовъ общественной безопасности. Разбойничество нынче терроризуетъ страну. Къ Маффіи и разбойничеству присоединился анархизмъ: это очень опасный тройственный союзъ. Землевладѣльцы и капиталисты конечно тоже терпятъ отъ такого положенія дѣлъ, и они начинаютъ роптать, подавленные невыносимыми налогами, тѣмъ болѣе что феодальная знать и клерикалы, доселѣ еще по большей части не утратили въ глубинѣ своихъ сердецъ преданности къ бурбонскому «*Re Franceschello*», нынче доживающему свой вѣкъ въ скромной квартиркѣ въ Парижѣ. И эти элементы, матеріально обезпеченные, начинаютъ задумываться надъ вопросомъ: не лучше-ли въ самомъ дѣлѣ будетъ сняться съ буксира черезъ чуръ предприимчиваго и дорого стоящаго корабля, какова объединенная Италія, Италія тройственного союза.

Сами итальянцы, не сициліанцы, по возможности скрываютъ такое положеніе дѣлъ. Вѣдь Сицилія самая благословенная область ихъ родины, императоръ Николай Павловичъ справедливо назвалъ ее раемъ Европы; она къ тому-же составляетъ почти четверть королевства и вмѣстѣ съ тѣмъ мощную стратегическую охрану. Итальянцы стараются скрывать печальные факты не только отъ Европы, но и отъ самихъ себя. Въ газеты проступаетъ далеко не все. Мы пишемъ, во первыхъ, потому, что лично знаемъ Сицилію, во вторыхъ, со словъ очевидцевъ недавно оттуда прибывшихъ, людей серьезныхъ, разумныхъ, преданныхъ объединенной монархіи, даже лицъ съ блестящими феодальными именами. Скрывать-же этотъ грозный призракъ или во всякомъ случаѣ его зловѣщее значеніе тѣмъ болѣе легко, что онъ многимъ итальянцамъ, мало знающимъ Сицилію, кажется совершенно невѣроятнымъ. Вѣдь въ 1860 г. Гарибальди занялъ Сицилію, а потомъ все неаполитанское королевство (т. е. королевство обѣихъ Сицилій съ 8.000,000 жит.) въ нѣсколько недѣль, имѣя въ своемъ распоряженіи всего 1,000 волонтеровъ и нѣсколько тысячъ франковъ, а противъ себя, кромѣ бурбонскаго правительства и его войска, цѣлое правительство того-же самаго Виктора Эмануила, которому онъ въ абруцскихъ горахъ вскорѣ передалъ власть надъ всей южной Италіей и Сициліей, произнеся впервые великій титулъ: *Saluto il Re d'Italia* ¹⁾.

¹⁾ Привѣтствую короля Италіи.

До того момента Италія фактически не существовала. А осуществилась она присоединеніемъ Неаполя и Сициліи повидимому такъ легко. Гарибальди могъ-бы едва-ли не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ цезарь сказать тогда знаменитое «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!»

Сициліей въ 1860 г. было такъ просто овладѣть. Неужели-же также хитро, такъ трудно удержать ее и въ 1893 г.?

Уже въ 1866 г. тамъ вспыхивала весьма мощная революція, ловко замаскированная въ то время передъ Европой. Но подавить возстаніе стоило огромнаго труда; и не обошлось безъ пролитія итальянской крови. Нынче тамъ не лучше; говорятъ даже гораздо хуже. Премьеръ Джюлиитти можетъ не допускать телеграммъ, газетные корреспонденты могутъ сдерживать свои сообщенія, но нельзя же эскамотировать войска, которыя туда отправляются. Не дальше какъ на-дняхъ изъ Неаполитанскаго порта мы видали отплытіе 35 баталіоновъ; но это далеко не все. Между тѣмъ Сицилія и въ нормальное то время кипитъ войскомъ. Въ Палермо и въ Сиракузахъ и другихъ городахъ намъ случалось заходить въ церкви, двери которыхъ были гостепріимно отворены, и вмѣсто молящихся находить тамъ солдатъ, которые чистили ружья или пушки, а въ алтаряхъ, вмѣсто духовныхъ лицъ, лежали и сидѣли унтеры и фельдфебеля съ трубками въ зубахъ. Въ мѣстахъ повидимому безобидной и безопасной прогулки по «Земному Раю», среди олеандровъ, индѣйскихъ смоковницъ, облитыхъ душистымъ цвѣтомъ апельсинныхъ деревъ, неожиданно выскакивали передъ нами, зачастую, цѣлыя патрули стрѣлковъ. замѣтите, что въ войскахъ, коими обыкновенно насыщена Сицилія, вовсе нѣтъ солдатъ сициліанцевъ, почти всѣ сѣверные, презирающіе островитянъ, которые въ свою очередь презираютъ континентальныхъ итальянцевъ, и даже за земляковъ ихъ не считаютъ. Но объ этомъ взаимномъ презрѣніи жителей различныхъ областей и враждѣ, напоминающей времена средневѣковаго раздробленія, мы будемъ говорить ниже. О Романьи же, и особенно о Сициліи мы упомянули потому, что въ нихъ скоплялись особенно острые признаки необъединенности, а въ Сициліи въ настоящую минуту обнаружилось цѣлой, можно сказать, революціей, стремленіе къ отпаденію.

Къ сожалѣнію это печальное явленіе не изумительно для тѣхъ, кто знаетъ близко современную Италію. Можно скорѣе изумляться, что оно застало какъ бы врасплохъ правителей. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что современные правители слишкомъ увлекаясь борьбой партій и погоней за великодержавной политикой, забываютъ о своей обязанности поддерживать рабочія массы въ ихъ борьбѣ за существованіе и ослаблять корень этой борьбы, невозможныя экономическія условія. Современные правители склонны отдыхать на лаврахъ пожатыхъ ихъ великими предшественниками—Кавуромъ, д'Азелъо, Гарибальди и т. д. Между тѣмъ эти великіе люди понимали, что на лаврахъ отдыхать долго будетъ некогда, что политическое объединеніе безъ упроченія благосостоя-

нія массы, безъ интеллигентнаго развитія низшихъ классовъ далеко не прочно. Викторъ Эмануэль, первый король Италіи, именуемый *Padre della Patria* ¹⁾ прозрѣвалъ какъ трудно упрочить объединеніе. Когда занятіемъ Рима въ 1870 г. было увѣнчано политико-патріотическое единство, король призналъ знаменательныя слова: «*L'Italia è fatta ma non compiutta* ²⁾». Извѣстный итальянскій мыслитель и писатель, Маркизъ Массимо д'Азельо, первый министръ перваго Итальянскаго парламента высказалъ не менѣе глубокую и вѣрную мысль: *L'Italia è fatta ci vuol faregli Italiani* ³⁾. Гарибальди былъ приблизительно того же мнѣнія.

Когда пишущій эти строки въ 1862 г. впервые познакомился съ нимъ лично въ Миланѣ, герой былъ во всемъ блескѣ своей славы и мощи; онъ высказывалъ тогда мнѣ, что объединеніе для Италіи необходимо не потому, что бы въ Италіи ранѣе уже существовало безусловное единство языка, религіи, идеаловъ и проч., а потому, что политическое объединеніе, содѣйствуя свободному интеллигентному развитію народа, подниметъ его экономическое благосостояніе—и затѣмъ, содѣйствуя объединенію дотоле разрозненныхъ національныхъ элементовъ, создастъ плотную и могущественную націю. Гарибальди, подобно д'Азельо и Виктору Эмануилу, полагалъ, что вслѣдъ за политическимъ объединеніемъ истинные патріоты должны заботиться прежде всего о доставленіи работы народу, о поднятіи производительности земли. Онъ первый въ 70-хъ гг. подаль примѣръ, энергически и практически занявшись вопросомъ объ обращеніи въ удобныя земли всего до того времени почти бесполезнаго, но огромнаго пространства римской компаніи.

Въ 1879 г. я вновь видѣлся съ Гарибальди; онъ тогда гостилъ у сына въ Римѣ, безногій, съ сведенными жестокимъ ревматизмомъ пальцами рукъ — обезсилившій физически левъ. Но его темно-каріе глаза по прежнему были ярко ласковы, взглядъ энергиченъ и твердъ, голбъ молодъ и звонокъ. Энергія геройскаго сердца словно не хотѣла познать ни физическаго недуга, ни старости. Онъ крѣпко обнялъ меня какъ перваго русскаго (по его словамъ), котораго онъ «видѣлъ послѣ освобожденія Россіей Болгаріи». Онъ просилъ меня печатно заявить въ Россіи ⁴⁾, что онъ, и всѣ его единомышленники въ Италіи благоговѣютъ передъ жертвами, принесенными русскимъ народомъ ради свободы Болгарь. Въ послѣдующихъ же разговорахъ со мною Гарибальди замѣтилъ, что горько было бы, если бы новые болгарскіе правители неосмотрительно воспользовались столь дорого купленной для нихъ свободой, и если бы они, подобно итальянскимъ, перешагнувъ черезъ заботы о развитіи и расширеніи народнаго благосостоянія, стали стремиться сразу къ вышнему возвеличенію и выш-

¹⁾ Отецъ Отечества.

²⁾ Италія сдѣлана, но не закончена.

³⁾ Италія создана, надо еще создать итальянцевъ.

⁴⁾ Я исполнилъ желаніе великаго человѣка, тогда же напечатавъ въ «Голосѣ» о его словахъ.

нему могуществу еще неокрѣпшаго экономически и интеллигентно государства. Черезъ два года послѣ того, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, я видѣлъ Гарибальди уже въ послѣдній разъ въ Неаполѣ. Онъ по прежнему былъ полонъ вѣры въ свой народъ, но и полонъ грусти: «правители уклонились отъ прямого пути, отъ заботъ объ сілоченіи и объединеніи народа, а главное объ его матеріальномъ благосостояніи», говорилъ онъ.

И дѣйствительно, какъ это ни странно, Италія не была вполне объединена при жизни Виктора Эммануила и даже — Гарибальди. Она не объединена доселѣ черезъ 12—15 лѣтъ послѣ смерти этихъ истинно народолюбивыхъ объединителей и освободителей. Политически-административное объединеніе, конечно, давно формально завершено и имѣетъ серьезное значеніе. Къ нему мы будемъ имѣть случай возвратиться. Въ народное же сознаніе, въ нравы и въ идеалы, идея объединенія далеко еще не проникла. Намъ лично неоднократно случалось убѣдиться въ Сициліи, въ Калабріи, Апуліи, въ окрестностяхъ Неаполя и т. д. — что имя «Италія» для народной массы, особенно сельской, одинъ пустой, для многихъ даже новый звукъ, не связанный вовсе съ представленіемъ объ отечествѣ. И это нынче черезъ 30 слишкомъ лѣтъ послѣ присоединенія. Для всякаго даже интеллигентнаго итальянца слово *Patria* (отечество) имѣетъ значеніе русскаго слова *родины* въ узкомъ смыслѣ: области, городка, провинціи, въ которой онъ родился. Для простолюдина дальше этого понятія слово — *Patria* расширяется весьма рѣдко, почти никогда. Въ августѣ текущаго года, въ Неаполѣ происходили беспорядки, народныя волненія, которыя превзошли по своимъ неистовствамъ всѣ волненія 48 и 50-хъ годовъ. Они были усмирены только серьезнымъ вмѣшательствомъ внушительной военной силы. Эта почти революція была вызвана преувеличенными вѣстями объ избіеніи въ *Aiques-Mortes* итальянскихъ рабочихъ французскими. Когда мнѣ пришлось разговаривать съ нѣкоторыми, не особенно невѣжественными, неаполитанскими простолюдинами и разъяснять имъ съ неаполитанскими газетами въ рукахъ, что 7 итальянцевъ, убитыхъ французами, были пьмонтцы, мои слушатели съ изумленіемъ восклицали: «такъ чего же намъ-то волноваться? мы думали, что французы убили итальянцевъ. Какое намъ дѣло до пьмонтцевъ!» Немного лѣтъ назадъ въ Тосканѣ, въ Ливорнѣ, Пизѣ, Спеціи, намъ лично и нѣкоторымъ нашимъ знакомымъ, живущимъ въ Италіи, неоднократно случалось бесѣдовать съ простонародьемъ, которое тамъ просвѣщеннѣе, чѣмъ на югѣ, и часто приходилось выслушивать такія рѣчи: «насъ задавили налогами; намъ говорятъ, что надо оплачивать государственные долги. Но вѣдь долги эти надѣланы были пьмонтскимъ правительствомъ для завоеванія Италіи, такъ какое же намъ дѣло до этихъ долговъ»? Однородныхъ фактовъ можно привести множество.

Политически, конечно, Италия объединена; административная и законодательная власть сосредоточена въ рукахъ конституціоннаго правительства. Но это объединеніе въ практическомъ смыслѣ представляетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, многія слабыя стороны.

Въ правовомъ отношеніи процессъ объединенія еще не совсѣмъ совершенъ. Судопроизводство и его практика значительно разнятся по областямъ. До 1890 г. въ различныхъ областяхъ даже дѣйствовали рѣзко различныя, самостоятельныя уголовныя законы. Дѣянія, за которыя полагались строгія наказанія, даже многолѣтняя каторга въ Пьемонтѣ напр., по дѣйствовавшимъ въ Римской или Неаполитанской области законамъ не считались даже проступками. Новый уголовный кодексъ, вступившій въ силу въ 1890 г. (такъ наз. «Кодексъ Занарделли» по имени тогдашняго министра юстиціи, нынѣ президента палаты депутатовъ, парламента) уничтожилъ эту законодательную пестроту. Однако вопросъ объ учрежденіи единаго для всего государства кассационнаго учрежденія доселѣ остается открытымъ, ибо власти, имѣвшія при прежней пестротѣ каждая свою кассационную палату, продолжаютъ требовать, чтобы и при единствѣ закона, кассация не объединялась. Обсужденіе этого вопроса, по самому своему существу доступно и интересно, конечно, только высшимъ слоямъ интеллигенціи, и отношеніе послѣдней къ этому вопросу доказываетъ, что идея полнаго объединенія еще не переварена надлежащимъ образомъ даже наиболѣе образованными классами.

Пестрота, и весьма серьезная, по своимъ послѣдствіямъ для націи и государства, чувствительно сказывается въ составѣ и характерѣ центральныхъ государственныхъ органовъ, какъ административныхъ, такъ и непосредственно конституціонныхъ.

Число депутатовъ, высылаемыхъ въ парламентъ избирательными округами распределено, конечно, закономъ на основаніи довольно правильныхъ и безпристрастныхъ расчетовъ. Но самые депутаты въ національномъ парламентѣ въ большей части случаевъ являются практическіи не столько представителями націи (какъ бы слѣдовало), сколько сторонниками области, къ которой принадлежатъ. Причемъ, чаще всего, область эта соотвѣтствуетъ самостоятельнымъ, до объединенія, политическимъ единицамъ. На пестромъ фонѣ парламентскихъ политическихъ партій (едва ли не пестрѣйшемъ во всей Европѣ), возникшихъ, и безпрестанно, какъ узоры въ калейдоскопѣ, мѣняющихся, вслѣдствіе разнородныхъ, политическихъ (а иногда и личныхъ) потребностей, обрисовываются партіи чисто областныя, такъ сказать географическія. Въ нихъ сходятся лица самыхъ противоположныхъ политическихъ партій, связанныхъ только землячествомъ. Эта группировка оказываетъ большое вліяніе и на маневры партій политическихъ, и на распределеніе высшей исполнительной власти. Когда данный премьеръ формируетъ свой кабинетъ, онъ непременно соображается съ этими географическими условіями, ни какъ не менѣе, чѣмъ съ чисто политическими. Иначе онъ не можетъ разсчитывать на мало-маль-

ски прочное большинство въ палатѣ. Сициліанецъ Кристи, скрепя сердце, приглашалъ, въ министры и генеральные секретари ¹⁾ пьемонтцевъ, ломбардцевъ и другихъ сѣверянъ. Пьемонецъ, премьеръ Джіолитти (отчасти обязанный своимъ курьезнымъ кресломъ тому, что на немъ долго сидѣли все южане) не можетъ теперь обойтись безъ неприятнаго ему южнаго элемента въ кабинетѣ. Преобладающимъ же элементомъ во всякомъ кабинетѣ естественно является элементъ земляковъ министра-президента. Еще замѣтнѣе этотъ элементъ проникаетъ во виѣрламентскія сферы—административныя и судебныя. Все это, конечно, невыгодно отражается на ходѣ государственныхъ дѣлъ. Этимъ же объясняется въ значительной степени и недостаточная идейно-политическая стройность, непослѣдовательность почти всѣхъ итальянскихъ министерствъ, и ихъ неустойчивость, и черезъ-чуръ частые министерскіе кризисы, если не общіе, то частные. Отсюда же и недостаточное вниманіе къ дѣлу правителей, невольно отвлекаемыхъ отъ общихъ интересовъ государства и народа (которымъ большинство этихъ дѣятелей искренно преданы), заботами объ охраненіи своей личной позиціи.

Областная зависть проникаетъ повсюду. Вотъ оправдывающая наши слова выписка изъ передовицы римской газеты *L'Italie* ²⁾, озаглавленная *Сѣверъ и Югъ*, по поводу статьи одной изъ вліятельныхъ и весьма распространенныхъ неаполитанскихъ газетъ. «*Roma*, пишетъ *L'Italie*» занялась разслѣдованіемъ, къ какимъ областямъ Италіи принадлежатъ лица, занимающія высшія должности въ различныхъ министерствахъ, и напечатала статью, озаглавленную «*Piemontismo*», и сдѣлала ужасное открытіе, а именно: изъ 10 директоровъ въ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, только одинъ южанинъ, всѣ остальные уроженцы сѣверныхъ провинцій. Генераль-директоръ полиціи — пьемонецъ; его помощникъ, правда, южанинъ, но вліяніе послѣдняго ничтожно. Въ министерствѣ финансовъ не оказывается ни одного директора департамента съ юга. Тоже, или почти тоже въ министерствахъ военномъ, общественныхъ работъ и проч... По нашему мнѣнію, важно не то, гдѣ родился данный чиновникъ, а то хорошо-ли онъ исправляетъ свои обязанности. Есть однако много періодическихъ изданій, нашего мнѣнія не раздѣляющихъ. Мы можемъ утѣшить ихъ только слѣдующей надеждой.— *Пьемонтизмъ* (преобладаніе пьемонтцевъ въ министерствахъ) отживаетъ свой вѣкъ. Настоящее положеніе переходное. Высшіе чиновники, смущающіе своимъ происхожденіемъ южныя газеты, представляютъ остатокъ старой пьемонтской администраціи въ первые годы объединенія Италіи; они тогда имѣли высшія должности и натурально подвинулись съ теченіемъ времени выше. Они сойдутъ со сцены; и будутъ ли замѣнены новыми

¹⁾ Segretario generale — товарищъ министра.

²⁾ Тогда еще независимой. Недавно она перешла въ руки сторонниковъ предстоящаго министерства Джіолитти.

пьемонтцами—вопросъ... Наступитъ минута, когда пьемонтскій элементъ въ администраціи очутится въ меньшинствѣ—и тогда выступитъ на его мѣсто — элементъ южный».

Въ заключеніе своей статьи «*L'Italie*» говоритъ (довольно однако основательно проводя мысль, которую пишущій эти строки всегда намѣчалъ), что «столичная область», уже и теперь не принадлежитъ больше сѣверу; фактически столица подвигается на югъ. Въ политическомъ смыслѣ, Римъ не имѣетъ значенія. Это нейтральный городъ, итальянскій Вашингтонъ. Политическій центръ всего Рима, онъ уже теперь утверждается въ Неаполѣ. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться политическая и гражданская жизнь въ государствѣ, тѣмъ болѣе будетъ подниматься значеніе Неаполя и умаляться значеніе Рима... Неаполь все притянетъ къ себѣ и «пьемонтизмъ» самъ собою исчезнетъ. Это роковое будущее неизбѣжно. Найдутся люди недовольные. Но единомышленники газеты «*Roma*» могутъ утѣшаться, ибо день ихъ торжества близокъ; только немного терпѣнья».

Все это несомнѣнно важно. Но южное терпѣніе — коротко, и въ настоящую минуту, раздраженный пьемонтскимъ министерствомъ Джіолитти, югъ больше чѣмъ когда либо указываетъ на неутвержденность объединенія и его опасную пестроту. Пестрота парламентскихъ и географическихъ партій, а также служебнаго персонала, имѣютъ глубокіе корни во всѣхъ слояхъ общества. Съ 1870 года, когда Римъ сдѣлался официальной столицей, населеніе его стало увеличиваться обильнымъ и быстрымъ притокомъ жителей другихъ провинцій, прежде составлявшихъ самостоятельныя политическія единицы. Теперь половина римлянъ, по происхожденію, симпатіямъ и даже нравамъ вовсе не римляне. Коренные потомки грековъ и Цезарей относятся съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ пришельцамъ, для которыхъ придумали весьма не лестную кличку *buzzuri*. Въ старину такъ звали горныхъ, невѣжественныхъ пастуховъ. По смыслу на русскомъ языкѣ «свинопасъ» ближе всего подходитъ къ *buzzuri*. Между тѣмъ эта кличка получила, даже въ серьезной печати, право гражданства и на нее отзываются сами пришельцы.

Но и населеніе *buzzuri* въ Римѣ не составляетъ компактной и объединенной массы. Оно опять дробится на множество категорій по географическому происхожденію. Каждая группа земляковъ образуетъ Общество — (*Società*), захватывающая почти всѣхъ пришельцевъ изъ одной и той же области, начиная съ сенаторовъ, и кончая кабачниками. Обществъ этихъ очень много, ибо они представляютъ не только крупныя географическія единицы, какъ напр., Пьемонтъ, Неаполь и т. д., но и весьма небольшія провинціи и городки почему либо гордящіеся своимъ историческимъ прошлымъ и даже своимъ діалектомъ, у этихъ обществъ есть свои празднества, ознаменовывающіе какія-либо маленькія событія ихъ маленькихъ родинъ. Есть свои маленькіе мѣстные интересы экономическіе и политическіе, которые члены обществъ пропагандируютъ и приводятъ черезъ своихъ вліятельныхъ земляковъ, мало заботясь о соответствіи этихъ

интересовъ съ общимъ государственнымъ и народнымъ благомъ: своя рубашка ближе къ тѣлу. Говорятъ члены каждаго такого общества между собою своимъ нарѣчіемъ, и по преимуществу читаютъ газеты, присылаемыя съ родины, а иногда и печатающіеся на ихъ діалектѣ. Политическій составъ этихъ обществъ неминуемо крайне пестръ.

Этотъ признакъ необъединенности въ самой столицѣ объединеннаго королевства дошелъ до комизма: два года тому назадъ въ самомъ Римѣ образовалось *Общество Римлянъ* — (*Società Romana*), характеръ дѣятельности котораго тотъ же, что и разнородныхъ обществъ буццурей.

О слабой объединенности языка и даже религій мы будемъ имѣть случай говорить въ слѣдующемъ письмѣ.

І. Рускинъ.

ПЛАНЫ О СЧАСТЬИ ВЪ КРЕДИТЪ.

Будутъ дни и у всѣхъ будутъ рубли, а значить — будетъ и счастье, довольство и миръ на Руси. Все это, говорятъ, случится очень скоро и произойдетъ очень просто, т. е. *въ кредитъ*. Вся страна вплоть до самой глухой деревни будетъ покрыта густою сѣтью разныхъ кредитныхъ учрежденій, распространяющихъ кредиты разныхъ видовъ и формъ. Кредитъ будетъ открытъ для всѣхъ имущихъ и неимущихъ. Въ этомъ вся суть дѣла. До сихъ поръ мы, не замѣчая своихъ національныхъ особенностей, признавали закономъ для всѣхъ странъ и народовъ, что, будто-бы, кредитъ можетъ помогать только кредитоспособнымъ, т. е. имущимъ, и что для неимущихъ остается только благотворительность. Но, вѣдь, при настоящихъ толкахъ объ оскудѣнн, проскользнувшихъ до официальнаго признанія, пожалуй, всю страну пришлось-бы подвергнуть режиму благотворительности. Этотъ-то выводъ и указываетъ на тѣсныя границы понятія о кредитоспособности, которое нужно расширить признаніемъ доступности кредита и для всѣхъ неимущихъ. Въ такомъ случаѣ мужикъ долженъ прекратить свои жалобы на гнетъ нишеты и толки объ оскудѣнн должны смолкнуть. Нужно мужику земли, пусть онъ беретъ ее въ кредитъ, нужно ему построить избу, пусть онъ строитъ ее въ кредитъ, нужна лошадь, пусть онъ купитъ ее въ кредитъ и т. д. вплоть до хлѣба на пропитаніе и обмѣненіе полей.

Такимъ образомъ, нашъ мужикъ будетъ изъ себя представлять своего рода *fin de siècle*, т. е. послѣдній типъ послѣдней моды въ переживаемую нами эпоху кредитнаго хозяйства. Сидитъ онъ на землѣ, взятой въ кредитъ, живетъ въ избѣ, построенной въ кредитъ, землю пашетъ на лошади, приобрѣтенной въ кредитъ, засѣваетъ ее сѣменами, взятыми въ кредитъ, ѣстъ хлѣбъ, купленный въ кредитъ. Словомъ, это будетъ вполне «кредитный» человѣкъ, который свободенъ отъ всякихъ правъ и видовъ собственности.

Такое насажденіе счастья въ кредитъ пользуется широкимъ покровительствомъ со стороны нашей «отечественной» науки. Въ сущности тутъ немного требуется отъ науки. Въ ученіи о кредитѣ, дойдя до Россіи нужно переставить положенія на благо родины. Нужно категорически

заявить, что кредитъ создаетъ кредитоспособность, а не наоборотъ, и все дѣло кончено. Люди, заслуженно пользующіеся авторитетомъ, и тѣ не ускользаютъ отъ искушенія.

«Народный кредитъ, въ точномъ смыслѣ слова, говоритъ проф. Исаевъ, можетъ быть организованъ только въ томъ случаѣ, если будетъ принята цѣлый рядъ мѣръ къ повышенію благосостоянія деревни, главнымъ образомъ, посредствомъ расширенія крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ. Эта задача всего легче рѣшается открытіемъ долгосрочнаго кредита, приближающагося къ выкупной операціи, какъ она установлена при крестьянской реформѣ. Необходимымъ дополненіемъ выкупнаго кредита является меліораціонный кредитъ. Упроченіе благосостоянія сельскихъ классовъ облегчитъ развитіе и краткосрочнаго кредита. И если въ будущемъ государственный банкъ двинетъ въ деревню для развитія тамъ меліораціоннаго и краткосрочнаго кредита не сотни тысячъ или миллионъ, а десятки миллионъ рублей, то и частные банки, слѣдуя этому примѣру, будутъ открывать свои отдѣленія не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Возросшее благосостояніе деревни увеличитъ кредитоспособность населенія и разовьетъ личный кредитъ, которымъ въ настоящее время пользуются 2—3% нашего крестьянства»¹⁾.

Вотъ вамъ планъ счастья въ кредитъ. Тутъ все просто и ясно. Населеніе деревни лишено кредитоспособности, а потому и не можетъ имѣть доступа къ краткосрочному кредиту. Однако, то же самое населеніе, вообще лишённое кредитоспособности, можетъ и должно пользоваться доступомъ къ кредиту долгосрочному. Долгосрочный кредитъ среди населенія, вообще не кредитоспособнаго, разовьетъ кредитоспособность для кредита краткосрочнаго. Такимъ образомъ, однимъ изъ отличительныхъ признаковъ долгосрочнаго кредита являются его доступность и для не кредитоспособныхъ и его сила создавать кредитоспособность. Отсюда уже и вытекаетъ глубокая вѣра въ полную возможность надѣлать всѣхъ некредитоспособныхъ землю въ кредитъ.

Мы, конечно, ничего не имѣли-бы и противъ кредитнаго, какъ и противъ всякаго другого расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Къ сожалѣнію, всѣ эти планы о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія въ кредитъ *теперь* лишь поддерживаютъ тщетныя надежды и прикрываютъ дѣйствительное положеніе вещей. Неудачный опытъ съ крестьянскимъ банкомъ нельзя объяснять исключительно однимъ неумѣніемъ приспособить кредитъ. Неумѣнья было обнаружено больше, чѣмъ нужно, но и общая наивность достигла своего апогея. Массу населенія, не кредитоспособную для мелкихъ краткосрочныхъ ссудъ, считали и считаютъ возможнымъ прочно усадить на землю путемъ долгосрочнаго кредита. т. е. въ сущности говоря, считали и считаютъ возможнымъ раздавать кредитоспособность въ долгъ...

¹⁾ Начала политической экономіи, 411—412 стр.

Человѣкъ такой эрудиціи и такой сокрушающей логики, какимъ является г. Николай—онъ, и тотъ, видимо, колеблется. Противъ плановъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія въ кредитъ онъ могъ сказать только слѣдующее: «Если предположить, что было-бы возможно или путемъ выкупа, или при помощи крестьянскаго банка передать во владѣніе крестьянъ всю частновладѣльческую землю, то *при сохраненіи теперешнихъ условій* общественнаго производства и обращенія, крестьянскій доходъ отъ главнѣйшихъ хлѣбовъ увеличился бы на всю величину той части дохода, которую получаетъ въ настоящее время землевладѣльческій классъ. А такъ какъ по нашимъ даннымъ, которыя были нами приведены на стр. 137, доходъ землевладѣльцевъ отъ главнѣйшихъ хлѣбовъ составляетъ, изъ года въ годъ, почти одну относительную величину, около 13% всего дохода отъ этихъ хлѣбовъ, то на эту же величину можетъ увеличиться, при предполагаемыхъ условіяхъ, доходъ крестьянскій. Но изъ этой суммы придется еще вычесть процентъ и погашеніе на выкупную ссуду, притомъ ссуду, образовавшуюся отъ капитализаціи дохода земли искусственно приподнятаго крестьянскою нуждою, въ средствахъ существованія, высокими арендными цѣнами»¹⁾. Перечитавъ всю книгу г. Николая—онъ, мы въ правѣ были отъ него ожидать добавочной аргументаціи хотя бы въ видѣ общихъ выводовъ изъ всего имъ сказаннаго. А изъ сказаннаго имъ явствуетъ, что если бы обнищавшую массу народа можно было посадить на землю не въ кредитъ, а *gratis*, то все-таки, при данной доходности земли и лежащихъ на ней платежахъ, прочно на ней сидѣть невозможно.

Но въ данный моментъ не столько говорятъ о долгосрочномъ кредитѣ и порождаемой имъ кредитоспособности, сколько о краткосрочномъ «народномъ кредитѣ», несущемъ съ собою смерть ростовщикамъ и упраздненіе новой неволи, т. е. кулацкой кабалы.

Такимъ образомъ, сторонники самоновѣйшей теоріи счастья въ кредитъ не соглашаются съ планомъ проф. Исаева въ исходномъ пунктѣ. Одни изъ нихъ категорически утверждаютъ, что на самомъ дѣлѣ деревня таитъ въ себѣ неисчерпаемый запасъ кредитоспособности. Другіе соглашаются, что въ деревнѣ сначала нужно создать кредитоспособность и что *ее можно создать въ кредитъ*, но только не путемъ долгосрочнаго, а путемъ краткосрочнаго кредита или даже путемъ одновременнаго воздѣйствія со стороны всѣхъ формъ и видовъ кредита. Г. Осиповъ постарался всѣхъ удовлетворить и все объединить. Такъ, онъ предупредительно заявляетъ читателямъ своего «Обзора»: «мы попытались развить наши мысли съ тою полнотой, которая давала бы возможность выработать принципы новаго закона о деревенскомъ кредитѣ» (137 стр.) Мы, съ своей стороны, попытаемся теперь усвоить мысли г. Осипова, развитыя съ такой полнотой.

Прежде всего, г. Осиповъ старается доказать, что толки о невозможности организовать правильный кредитъ въ деревнѣ опровергаются исто-

¹⁾ Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства, 267—268 стр.

рїей дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Приступая къ изложенію этой исторіи, г. Осиповъ завѣряетъ, что онъ ознакомитъ насъ съ рядомъ, чрезвычайно убѣдительныхъ цифръ, почти не оставляющихъ послѣ себя никакихъ сомнѣній на счетъ серьезности операцій товариществъ и довѣрія къ нимъ самой разнообразной публики» (6 стр.). Окончивъ обзорнїе исторіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, онъ пришелъ къ заключенію, что «такой блестящій успѣхъ товариществъ слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, внутренней жизнеспособности учрежденій сельскаго кредита» (31 стр.). Значитъ, все обстоитъ такъ блестяще, что и реформировать не стоитъ. Но вѣдь г. Осиповъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы отказаться отъ роли реформатора и человѣка съ мыслями и принципами для новаго закона. Вотъ онъ и начинаетъ оправдывать намѣченную имъ для себя роль и оказывается, что въ операціяхъ нынѣшнихъ товариществъ «все не полюдски, все какъ-то «сумнительно», какъ то не пахнетъ серьезностью» (141 стр.). Какая тамъ серьезность, если крестьяне идутъ къ ростовщикамъ, а не въ ссудо-сберегательныя товарищества. Это странное противорѣчіе не должно казаться страннымъ, такъ какъ, продолжаетъ г. Осиповъ, «вѣдь именно мы же и доказывали, что они (товарищества) находятся въ самомъ плачевномъ состояніи и наканунѣ своего полнаго паденія» (143 стр.).

Спросите теперь г. Осипова, когда онъ говоритъ серьезно: тогда-ли когда онъ не сомнѣвается «на счетъ серьезности операцій товариществъ», или тогда, когда онъ доказываетъ, что тамъ «не пахнетъ серьезностью»? Могутъ-ли люди съ мыслями и принципами одновременно говорить о «блестящемъ успѣхѣ» и «плачевномъ состояніи» ссудосберегательныхъ товариществъ? Тутъ, конечно, раскрывается широкое поле для размышленій на тему: «времена и люди»; но мы ограничимся лишь констатированіемъ того факта, что исторія ссудосберегательныхъ товариществъ не согнулась въ рукахъ г. Осипова. Начавъ доказывать жизнеспособность учрежденій сельскаго кредита, онъ, въ концѣ-концовъ, пришелъ къ тому заключенію, что они находятся «наканунѣ полнаго паденія», скрывая за такой фразой фактъ полнаго ихъ паденія. Этотъ фактъ паденія товариществъ можетъ скорѣе всего служить доказательствомъ того, что и всякіе новые планы о «правильномъ кредитѣ» въ деревнѣ будутъ имѣть равный успѣхъ. Слѣдовательно, теперь уже нельзя ограничиваться голыми заявленіями, что въ деревнѣ нужно устроить правильныя кредитныя учрежденія, а нужно, прежде всего, доказать, что эти учрежденія могутъ *теперь* рассчитывать на какую-либо будущность; именно, какъ учрежденія, служащія интересамъ массы народа. Г-нъ Осиповъ, не думаетъ, что кредитоспособность можно пріобрѣсть въ кредитъ. На этотъ счетъ онъ держится твердыхъ правилъ, что нужно имѣть готовую кредитоспособность для пользованія какимъ-бы то ни было кредитомъ и что среди некредитоспособныхъ замреть всякое «правильное» кредитное учрежденіе. Мы уже знаемъ, что, по заявленію проф. Исаева, кредитное учреж-

деніе въ деревнѣ теперь можетъ открывать свою дѣятельность только среди населенія, утратившаго кредитоспособность. Г. Осиповъ соглашается, что вопросъ о томъ, «кредитоспособенъ-ли вообще нашъ крестьянинъ», принадлежитъ къ числу тѣхъ, «безъ опредѣленнаго отвѣта на которые нельзя даже и писать о сельскомъ кредитѣ» (138 с.). Признаніе весьма важное. Вѣдь, если составители проектовъ о правильномъ сельскомъ кредитѣ признаютъ, что наличность кредитоспособности у крестьянъ нужно доказывать и серьезно доказывать, то, значить, всѣ высказанныя на этотъ счетъ сомнѣнія они считаютъ весьма и весьма серьезными. Къ сожалѣнію, эти серьезные сомнѣнія опровергаются все тѣми-же старыми доводами шаблоннаго характера, давно утратившими всякій смыслъ и силу убѣдительности. Всѣ ссылаются на возрастающее развитіе ростовщичества, какъ на доказательство того, что кредитоспособность въ деревнѣ не понижается, а повышается. Вѣдь не станутъ-же ростовщики себѣ въ убытокъ развивать безнадежныя кредитныя операціи. Въ такомъ духѣ разсуждаетъ и г. Осиповъ по вопросу о томъ, кредитоспособенъ-ли нашъ крестьянинъ. «Крестьянство наше, говоритъ онъ, по всеобщимъ отзывамъ сильно обѣднѣло; казалось-бы, это должно повлечь за собою полное паденіе кредита, какъ это мы видимъ относительно другого сельскаго сословія—дворянства, также обѣднѣвшаго, по общему убѣжденію и по его собственному сознанію. Однако, кредитъ крестьянина не падаетъ, а возрастаетъ; и кредитъ это—личный, а не залоговой. Перечитайте литературу о деревнѣ за послѣднія 20—30 лѣтъ—и вы встрѣтитесь съ повсемѣстными жалобами на кулачество, ростовщичество и т. п.» (138 с.).

Все это до крайности странно. Всякій можетъ понять, что сильное обѣдненіе должно вызывать сильное сокращеніе кредитоспособности и самого кредита. Вотъ гг. землевладѣльцы не ускользнули отъ этого закона естественной необходимости и переживаютъ «полное паденіе кредита». Но на обѣднаго Макара всѣ шишки валяются, а болѣе счастливый крестьянинъ и тутъ выпутался и кредитъ его возросъ... у ростовщиковъ. Г-нъ Осиповъ не отдаетъ себѣ отчета въ злой прониі этого возрастанія мужицкаго кредита у ростовщиковъ. Сильное развитіе ростовщическаго кредита отъ сильнаго обѣдненія массъ населенія явно свидѣтельствуетъ о крайнемъ упадкѣ кредитоспособности и плачевной судьбѣ правильнаго кредитнаго учрежденія, если-бы оно открыло свою дѣятельность среди сильно обѣднѣвшаго населенія. Обратныя заключенія, будто развитіе ростовщическаго кредита въ деревнѣ указываетъ на обширное поле для дѣятельности правильнаго кредитнаго учрежденія поражаютъ своею несообразностью. Гдѣ дѣйствуетъ успѣшно ростовщикъ, тамъ еще съ большимъ успѣхомъ можетъ дѣйствовать правильно организованное кредитное учрежденіе! Вотъ заблужденіе, которое заставляетъ тратить силы на разработку безнадежныхъ плановъ и самъ г. Осиповъ разбиваетъ это имъ раздѣляемое заблужденіе съ рѣдкимъ успѣхомъ. «Ни малѣйшаго не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, говоритъ онъ, что всѣ эти кулаки и ростов-

шки дѣйствуютъ среди обѣдѣвшаго населенія, ибо это неизбежно вытекаетъ изъ самого понятія ростовщичества: гдѣ же видно, чтобы люди зажиточные обращались къ нимъ за деньгами; можно даже считать первымъ признакомъ обѣдѣвнiя челоуѣка, если онъ идетъ занимать деньги къ ростовщику» (138 с.). Значитъ, ростовщическiй кредитъ въ деревнѣ развивается вовсе не потому, что тамъ отсутствуютъ «правильно организованныя кредитныя учрежденiя». Деревня обѣдѣветъ, а изъ самого понятiя о ростовщичествѣ неизбежно вытекаетъ, что кулаки и ростовщики дѣйствуютъ среди обѣдѣвшаго населенiя. Вѣдь даже *первый* признакъ обѣдѣвнiя въ томъ и объявляется, что мужикъ къ ростовщику направляется. Значитъ, кулачество и ростовщичество, въ принципѣ, являются *неизбѣжными* спутниками обѣдѣвнiя деревни. Ростовщическiй кредитъ это и есть специальныи кредитъ для бѣдныхъ и бѣдняку одна дорога къ ростовщику, а не въ правильно организованное кредитное учрежденiе. Конечно, тутъ разумѣется не бѣдность вообще, а степень именно той бѣдности, до какой дошло теперь $\frac{2}{3}$ деревенскаго населенiя.

Эта часть населенiя при данныхъ условiяхъ приговорена къ тяжелому пути. Можно и должно объ этомъ скорбѣть, но нужно прямо смотрѣть въ глаза суровой дѣйствительности, не путаясь въ хитросплетенiяхъ о кредитныхъ средствахъ и способахъ, могущихъ совлечь мужика съ тяжелой дороги въ гостепрiимную контору правильно-организованнаго кредитнаго учрежденiя. Правильнымъ кредитомъ можно помогать только своевременно, т. е. до обѣдѣвнiя. Но г. Осиповъ, конечно, утратилъ-бы всѣ свои особенности, если-бы онъ удержался на неизбежномъ соотношенiи между самымъ понятiемъ о ростовщичествѣ и нашей деревенской бѣдности. И вотъ,—«первый основной принципъ всей организацiи сельскаго кредита: всѣмъ тѣмъ бѣднякамъ, которые находятъ личный кредитъ у ростовщиковъ, можетъ оказать довѣрiе любое кредитное учрежденiе, *нисколько не взирая на имущественную состоятельность кредитующихся*» (142 с.). Зная устойчивость принциповъ г. Осипова, вы должны сейчасъ-же ожидать и какого-нибудь контръ-принципа. Оказывается, что въ проектируемыхъ имъ ссудосберегательныхъ товариществахъ «прочность операцiй товарищества *исключительно создается на твердости экономического положенiя членовъ*» (156 с.). Остается предположить, что г. Осиповъ, въ погонѣ за оригинальностью, подъ твердостью экономического положенiя разумѣетъ полное отсутствiе всякой имущественной состоятельности. Но все-же г. Осиповъ долженъ помнить, что онъ разрабатываетъ проектъ кредита для «неимущихъ классовъ» и полагаетъ, что «для неимущихъ классовъ кредитъ можетъ держаться только на довѣрiи къ ихъ честности и на существованiи у нихъ заработковъ» (162 с.).

Итакъ, правильно организованное кредитное учрежденiе въ концѣ концовъ, чтобы вытѣснить ростовщиковъ, должно выдавать ссуду всѣмъ тѣмъ, которые находятъ у нихъ прiютъ. Ростовщики же выдаютъ ссуды, не взирая на имущественную состоятельность, самымъ бѣднѣйшимъ клас-

самъ деревенскаго населенія, будто-бы, изъ довѣрія къ ихъ честности и въ виду существованія у нихъ заработковъ.

Такъ должны поступать и правильно организованныя кредитныя учрежденія. Если же они будутъ держаться иныхъ правилъ, то они никогда не привлекутъ къ себѣ той бѣдности, которая находитъ пріютъ у ростовщиковъ. «Для чего сельскіе банки, спрашиваетъ г. Осиповъ, если они не будутъ давать ссудъ бѣднымъ и мало-зажиточнымъ крестьянамъ—именно тѣмъ, которые и составляютъ главную и жирную пищу для кулаковъ и міроѣдовъ?» (стр. 150).

Конечно, въ такомъ случаѣ всѣ планы о правильной организаціи деревенскаго кредита теряютъ свой смыслъ. Но, спрашивается, могутъ ли сельскіе банки вести ту политику, благодаря которой Колупаевъ успѣваетъ создать себѣ кліентовъ среди деревенской бѣдности?

Ростовщики и кулаки, безспорно, выдаютъ ссуды бѣднѣйшей части деревенскаго населенія, но не въ виду ихъ честности и способности возратить ссуду. Они преслѣдуютъ свои цѣли и ихъ осуществляютъ при помощи ссудъ, а эти цѣли не подходятъ для правильно организованнаго кредитнаго учрежденія. Самъ г. Осиповъ, наговоривъ много о вытѣсненіи ростовщиковъ и умертвивъ ихъ въ своемъ «Обзорѣ» съ проектомъ, все-таки полагаетъ, что «не слѣдуетъ упускать изъ виду и трудности борьбы съ сельскими кулаками: они имѣютъ громадное преимущество предъ всякимъ кредитнымъ учрежденіемъ въ недоступномъ для него способѣ полученія долговъ продуктами и трудами своихъ должниковъ» (стр. 225). Мало того, «ростовщическій кредитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, при продажѣ труда впередъ — можетъ представлять для заемщиковъ больше удобства и даже выгоды, не смотря на высокій процентъ по ссудѣ, который заемщиками можетъ разсматриваться какъ страховая премія отъ безработицы» (187 стр.). Въ концѣ концовъ, г. Осиповъ даже начинаетъ категорически доказывать, что если ростовщики и кулаки практикуютъ свои операціи среди деревенской бѣдности, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что и правильное кредитное учрежденіе можетъ практиковать свои операціи среди той-же бѣдности. «Анализируя явленіе сельскаго ростовщичества, говоритъ онъ, мы неоднократно указывали на его основной характеръ — именно на то, что оно почти всегда связано съ разными другими предпріятіями—сельскохозяйственными, промышленными и торговыми. Мы говоримъ, что въ деревняхъ нѣтъ типичнаго ростовщика, котораго мы встрѣчаемъ въ городахъ, и который, давая деньги, деньги-же и получаетъ отъ заемщика. Отъ такого ростовщика можно было-бы въ одинъ день освободить сельское населеніе. Гораздо труднѣе освободить крестьянъ отъ доподлиннаго Колупаева, который, давая въ долгъ частью деньги, частью разные товары, не исключая и хлѣба, получаетъ свои долги и проценты въ видѣ труда и сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Этотъ способъ взысканія долговъ, недоступный ни для какого кредитнаго учрежденія

даеть въ руки сельскихъ ростовщиковъ сильное и прочное орудіе въ борьбѣ со всякимъ организованнымъ кредитомъ» (183 стр.).

Итакъ, доподлинный Колупаевъ дѣйствуетъ средствами, недоступными ни для какого кредитнаго учрежденія, и чистыхъ типичныхъ ростовщиковъ въ деревнѣ нѣтъ. Значить, кредитное учрежденіе не можетъ вытѣснить деревенскихъ ростовщиковъ доступными ему средствами. И если чистому ростовщику въ деревнѣ дѣлать нечего, то тѣмъ болѣе тамъ ничего не можетъ подѣлать правильно организованное кредитное учрежденіе. Колупаевъ потому и дѣйствуетъ, что онъ не чистый ростовщикъ, который, выдавая деньги, имѣлъ-бы въ виду назадъ получить деньги. Колупаевъ этимъ не занимается и на это не разсчитываетъ, и только потому онъ и можетъ вести свои колупаевскія операціи среди деревенской бѣдности. Онъ разсчитываетъ на закабаленіе бѣдности и ведетъ съ бѣднотой не кредитныя операціи, которыя съ ней вести невозможно, а составляетъ себѣ армію кабальныхъ рабочихъ и потребителей.

Вотъ въ чемъ состоятъ тѣ недоступныя ни для какого кредитнаго учрежденія средства, на которыя намекаетъ г. Осиповъ. Если-бы онъ началъ съ этихъ средствъ, то все было-бы ясно и просто, и не было-бы никакой нужды прибѣгать къ хитросплетеніямъ. Теперь-же, затративъ много времени на эти хитросплетенія, онъ все-таки вынужденъ ихъ признать нигуда негодными. Сельскіе банки не могутъ усвоить тѣхъ цѣлей и средствъ, благодаря которымъ только и оказывается возможнымъ Колупаеву вести съ бѣднотой «свои» операціи, а потому и нѣтъ никакихъ обходныхъ средствъ для оправданія идеи о банкахъ для бѣдныхъ и нищихъ.

Г. Осиповъ, конечно, не могъ озаглавить свой проектъ такъ: проектъ банка для русской деревенской бѣдности, такъ какъ «банкъ для бѣдныхъ» есть явная несообразность. Однако, мы уже не разъ встрѣчались съ категорическими заявленіями г. Осипова о томъ, что деревенскія кредитныя учрежденія должны выдавать ссуду бѣднымъ, не справляясь съ ихъ имущественною состоятельностью. Вы въ правѣ понять предложенія г. Осипова въ томъ смыслѣ, что онъ требуетъ ссуды для всѣхъ некредитоспособныхъ, а потому и запрещаетъ справляться съ ихъ кредитоспособностью. Однако, вы ошиблись-бы. Суть дѣла въ томъ, что г. Осипову нужно именно доказать, что понятіе о бѣдности не исключаетъ понятія о кредитоспособности, и что вся русская деревенская бѣдность, за самыми рѣдкими исключеніями, вполне кредитоспособна. Въ чемъ-же проявляется эта кредитоспособность?

Деревенскій бѣднякъ ссуду и проценты «уплачиваетъ изъ *труда* — вотъ гдѣ лежитъ подлинная кредитоспособность нашего сельскаго населенія» (139 с.). Курсивъ принадлежитъ г. Осипову, и онъ, чувствуя, что голое понятіе «трудъ» не можетъ служить реальнымъ основаніемъ для кредитоспособности, категорически заявляетъ, что «заработная плата заемщика есть несомнѣнно его имущество» (141 с.). Вы, конечно, отказываетесь усвоить понятіе о заработной платѣ, какъ имуществѣ, и г. Осиповъ

повь начинаетъ вамъ поддерживать трудъ и заработную плату посторонними источниками и средствами. Оказывается, что кредитоспособность деревенской бѣдноты опирается «на довѣріе къ личности заемщика и къ его трудовой состоятельности» (140 с.). Понятіе о трудовой состоятельности, навѣрно, оригинальное изобрѣтеніе г. Осипова, но почему-то оно имъ оставлено безъ ближайшихъ поясненій. Можно думать, что «трудовая состоятельность» бѣдняковъ основывается «на ихъ трудѣ; изъ труда на своей или чужой землѣ они добываютъ и уплату *дома и какихъ угодно процентовъ*» (142 с.). Вотъ какіе богачи эти русскіе деревенскіе бѣдняки! Изъ труда на своей или чужой землѣ они добываютъ средства для уплаты долга и какихъ угодно процентовъ! Все это быть можетъ и такъ, но г. Осиповъ потомъ насъ увѣряетъ, что онъ пошутилъ и общаетъ «разсуждать обыкновеннымъ образомъ» (144 стр.) Разсуждая «обыкновеннымъ образомъ», онъ категорически завѣряетъ, что «въ Россіи всѣ экономическіе элементы *въ высшей степени неустойчивы*; лучшей примѣръ, подтверждающій нашу мысль, есть крестьянскій банкъ: казалось бы, что его ссуды для пріобрѣтенія земли по $7\frac{1}{2}$ — $8\frac{1}{2}\%$ (?) съ погашеніемъ должны были облагодѣтельствовать мужика, — и, однако, мы видимъ, что этотъ кредитъ не по силамъ крестьянину: все чаще и чаще стали продаваться имѣнія, купленные чрезъ банкъ» (145 стр.) Значитъ, мужикъ отъ «труда на землѣ» не выработываетъ не только какихъ угодно процентовъ, но даже и такихъ, которые, по мнѣнію г. Осипова, должны были бы облагодѣльствовать крестьянъ. Въ концѣ концовъ желая составить ясное понятіе о доходѣ крестьянъ, получаемомъ отъ труда на землѣ, г. Осиповъ заявляетъ, что ему пришлось бы изложить «цѣлый отдѣлъ политической экономіи». Но онъ благоразумно сознается что «это, во первыхъ, превышаетъ силы автора, а во вторыхъ—не необходимо для цѣлей настоящаго разсужденія» въ виду того, что «можно *обойти* всѣ трудности вопроса» (146 стр.).

Обѣщаніе до крайности откровенное, но мы уже значительно ознакомились съ практикой г. Осипова, по обходу разныхъ вопросовъ и по частямъ встрѣчались и съ тѣмъ вопросомъ, который онъ въ данномъ случаѣ общаетъ «обойти». Любознательные читатели могутъ обратиться къ самой книгѣ г. Осипова, но мы уже устали отъ всѣхъ его «обходовъ», утративъ всякую вѣру въ возможность приблизиться къ счастью въ кредитъ...

Конечно, отъ ростовщиковъ и кулаковъ нужно освободить деревню, но нельзя предаваться намѣренному или ненамѣренному легкомыслію. Если бы всѣ наши глубокія язвы можно было залечить путемъ страхованія или при помощи кредита, то въ такомъ случаѣ не лучше ли прямо снабдить каждаго русскаго обывателя доброй пачкой кредитокъ, печатаніе которыхъ не вызываетъ особыхъ затратъ?...

М. Петровъ.

ТЕАТРЪ.

(ТЕКУЩІЙ РЕПЕРТУАРЪ).

Русская драматическая труппа: возобновленіе *Вильгельма Телля*.—*Венецейскій Истуканъ* П. П. Гвѣдича.—Бенифись г-жи Дюжиковой 1: *У swoichъ*, комедія П. Д. Боборыкина.—Бенифись Варламова: *Смерть Пазухина* Н. Щедрина.—Возобновленіе *Скулого* Мольера съ г. Федотовымъ.

Постановка классическихъ произведеній драматической литературы составляетъ вопросъ первостатейной важности въ текущей жизни всякой культурной сцены. Это нѣкоторымъ образомъ торжество дирекціи театра, праздникъ труппы. Зрѣло продуманная, тщательно подготовленная во всѣхъ мелочахъ, окруженная самыми серьезными заботами и обставленная лучшими силами театра, такая пьеса служитъ какъ-бы показателемъ художественнаго уровня сцены и притягиваетъ къ себѣ лучшія симпатіи и сосредоточенное вниманіе зрителей. Понятно, что среди богатствъ классическаго репертуара выборъ той или другой пьесы зависитъ прежде всего отъ личныхъ силъ труппы, отъ того, насколько всѣ роли найдутъ себѣ талантливыхъ и подходящихъ къ нимъ исполнителей: вѣдь иначе не стоитъ и ставить образцовую вещь; для исполненія *кое-какъ* имѣется довольно пьесъ новаго, текущаго репертуара, которыя ставятся по-неволѣ, чтобы удовлетворить предложенію современныхъ писателей, работающихъ для національнаго театра.

Когда мы прочли на репертуарѣ, что у насъ состоится постановка бывшаго доселѣ подъ запретомъ *Вильгельма Телля* Шиллера мы были нѣсколько удивлены, и удивленіе это было даже двойное: во-первыхъ предшествовавшіе опыты постановки классическихъ пьесъ *Гамлета* и *Коварство и Любовь* могли-бы отвадить отъ охоты ставить пьесы, для которыхъ нужно еще воспитать труппу, а во-вторыхъ мы недоумѣвали, почему выборъ палъ именно на *Вильгельма Телля*? Мы понимаемъ, что администраціи русской труппы пріятно заявить о себѣ украшеніемъ репертуара такую пьесой, какъ драма Шиллера; но вѣдь поставить въ репертуарѣ громкое заглавіе не значитъ еще прославить себя образцовымъ репертуаромъ; не лишнее было-бы сообразить, насколько у насъ возможна

удачная постановка *Вильгельма Телля*. Я не хочу вѣрить злымъ языкамъ, увѣрявшимъ, что такимъ выборомъ руководили соображенія значительно легкомысленнаго, чтобы не сказать опереточнаго свойства. По этимъ соображеніямъ шиллеровская эпопея представлялась пьесой, въ которой можно показать бурю на озерѣ съ громомъ и молніями, долину Рютли съ снѣговыми вершинами, на которыхъ такъ эффектно разливаются розовые лучи восходящаго солнца; тутъ есть и пѣсенка пастуха подъ дудочку, и замирающіе въ горахъ звуки рожка, и волынки крестьянской свадьбы, и панихидное пѣніе монаховъ, и много еще разныхъ прелестей, которыя непременно должны скрасить пьесу при искусствѣ... монтажной части нашихъ театровъ. Не малымъ удобствомъ казалось, вѣроятно и то, что въ пьесѣ герою, носящему заглавное имя, Шиллеръ отвелъ довольно скромное въ ряду другихъ лицъ мѣсто, и что, пообѣзавъ еще его долю въ сюжетѣ, можно будетъ *выхватить на ансамбль*, такъ какъ въ существованіе у насъ «ансамбля» вѣра еще не утрачена.

Какъ-бы то ни было, но *Вильгельмъ Телль* увидѣлъ свѣтъ ramпы и 4-го ноября предсталъ предъ глазами зрителей въ исправленномъ, хотя и не въ дополненномъ видѣ. У насъ до сихъ поръ держатся мнѣнія, что не театръ существуетъ для пьесъ, а что пьеса должна приравниваться къ театру; поэтому вмѣсто того, чтобы напрягать всѣ усилія къ устройству сцены и обстановки дѣйствія такъ, чтобы авторскій замыселъ осуществлялся полно и точно, пьесы искажаются и уродуются въ угоду несовершенствъ театрального устройства, режиссерской несообразительности или актерской неряшливости. Это называется «приспособлять къ сценѣ». Впрочемъ, приспособленіе *Вильгельма Телля* не ограничилось только сокращеніями, соединеніями сценъ и перенесеніемъ мѣста дѣйствія, но и выразилось въ нѣкоторыхъ украшеніяхъ шиллеровскаго текста въ характерѣ тѣхъ улучшеній, какія намъ пришлось видѣть, напримѣръ, въ лондонскомъ Lyceum theater Ирвинга, гдѣ гётевскій «Фаустъ» обращенъ въ феерію съ обильными музыкальными нумерами.

Нѣчто подобное оказалось и у насъ. Послѣ Россиніевской увертюры къ *Вильгельму Теллю*, какая-то занятая изъ оперы пѣвица въ образѣ пастушка Сенни довольно плохо, но *подъ аккомпаниментъ оркестра*, пропѣла пѣсенку. Съ такимъ-же аккомпаниментомъ, въ 8-й картинѣ, и проходила свадебная процессія поселанъ, и пѣли монахи надъ трупомъ Гесслера. Мало того, оркестровая музыка припущена была для большаго эффекта, *какъ въ мелодрамахъ*, въ нѣкоторыхъ наиболѣе чувствительныхъ или захватывающихъ мѣстахъ пьесы и въ финалахъ актовъ. Такое развязное отношеніе къ шиллеровской драмѣ способно тѣмъ болѣе возмутить эстетическое чувство, что вѣдь былъ-же у насъ предъ глазами примѣръ въ исполненіи мейнингенской труппы истинно художественнаго отношенія къ художественнымъ произведеніямъ. Тамъ не было никакихъ постороннихъ украшеній; дѣйствіе шло со всею жизненною реальностью, крестьяне играли на скрипкахъ и волынкахъ свои свадебныя пѣсни, а

монахи пѣли свою панихиду, *какъ умѣли*, немного даже фальшивя и гнусава, именно такъ, какъ это должно было происходить на самомъ дѣлѣ. У насъ дюжина монаховъ долго устанавливались полукругомъ къ суфлерской будкѣ, поправляя рукава, откашливаясь и посматривая на дирижерскую палочку, чтобы начать какой-то оперный хоръ, нарочно сочиненный для этого случая. Можетъ быть, все это очень скрасило Шиллера, но полагаемъ, что съ этой точки зрѣнія было-бы недурно прибавить въ послѣдней картинѣ балетные танцы, которые изображали-бы веселье швейцарцевъ по случаю завоеванной свободы.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ сокращеній и соединеній сценъ, въ которыхъ выказалась находчивость приспособителей, а упомянемъ только нѣкоторыя наиболѣе занимательныя. Сцена въ домѣ Телля передъ отправленіемъ въ Альтдорфъ соединена съ сценой свиданія на охотѣ фонъ-Руденца съ Бертой, поэтому Вильгельмъ Телль съ женой и всѣми дѣтьми пришелъ и усѣлся среди лѣса для того только, чтобы, потолковавъ немного, почтенное семейство разошлось въ разныя стороны: Телль съ старшимъ сыномъ направо, въ городъ, а Гедвига съ младшимъ сыномъ на лѣво, домой. Гесслеръ по пьесѣ выѣзжаетъ верхомъ на лошади, но г. Нильскій, какъ слышно, боится лошадей. Казалось-бы слѣдовало дать роль кому-нибудь изъ болѣе отважныхъ наѣздниковъ, а не тревожить кости Шиллера, шая кости г. Нильскаго, но г. Крыловъ предпочелъ пожертвовать Шиллеромъ и приписалъ ему фразу, которой онъ не только никогда не писалъ, но, вѣроятно, и не написалъ-бы, до того сомнителенъ здравый смыслъ ея: «Слѣзайте съ коней», кричитъ Гесслеръ за кулисами, «здѣсь нельзя проѣхать верхомъ, обведите лошадей по тропинкѣ» (?!), и выходитъ на сцену пѣшкомъ въ сопровожденіи Гарраса. Зритель недоумѣваетъ, отчего-бы Гесслеру и не проѣхать самому по той тропинкѣ, по которой можно провести лошадей, да и есть-ли, полно, такая тропинка? Вѣдь весь смыслъ сцены въ томъ, что дорога всего *одна*, и Гесслеръ по ней и долженъ ѣхать и пасть отъ руки ожидающаго его Телля. На этой-же единственной дорогѣ сталкиваются и свадебная процессія съ похоронной, производя у мейнингенцевъ такимъ сочетаніемъ контрастовъ поразительный эффектъ. Этотъ эффектъ, когда звуки похороннаго пѣнія перемѣшались съ звуками веселой свадьбы оттого и былъ жизненно-правдивъ, что свадебная процессія за поворотомъ тропинки не могла видѣть, что дѣлается впереди, и наталкивалась внезапно на монаховъ, поднимающихъ трупъ Гесслера. Но этого еще мало. По Шиллеру, Гесслеръ гонитъ Армгарту прочь со своего пути, грозя растоптать ее своимъ конемъ. Очевидно пѣшій г. Нильскій не могъ угрожать тѣмъ-же бѣдной Армгартѣ, но приспособитель нашелся и вложилъ въ уста Гесслера фразу вродѣ слѣдующей: «Если ты не посторонись, то *я велю растоптать тебя конемъ!*» Армгарта, или не желая ждать, когда ее поведутъ на тропинку топтать конемъ, или, принимая въ страхъ и отчаяніи за коня самого г. Нильскаго, ложится вмѣстѣ съ своимъ дѣтьми на землю и кричитъ:

«Дави!» Неизвѣстно, какъ поступилъ-бы Гесслеръ въ такомъ затруднительномъ положеніи, еслибъ ему не былъ положенъ конецъ стрѣлой Телля, которому надоѣло цѣлиться съ самага начала сцены изъ самопала, выставленнаго изъ-за засады такъ откровенно, что не только Гесслеръ, но и слѣпой давно-бы замѣтилъ его.

Положительно непонятно, какъ подобныя нелѣпости могли быть допущены въ пьесѣ, образцовая постановка которой, отдѣланная до мелочей, была показана на той-же Александринской сценѣ Мейнингенскою труппой. Стоило только рабски скопировать ее и все было-бы прекрасно. Наши режиссеры были-бы избавлены отъ необходимости самостоятельно изобрѣтать и не впали-бы въ такіе промахи и такія азбучныя погрѣшности. Почему, напримѣръ, городская площадь въ Альтдорфѣ обратилась въ какую-то рощу? Зачѣмъ строящаяся крѣпость запрятана за лѣсными кулисами, вредящими впечатлѣнію отъ производимой постройки? Неужели такъ трудно сдѣлать, чтобы въ данный моментъ видна была вонзившаяся въ грудь Гесслера стрѣла, а не пустое мѣсто, закрываемое ладонью? Къ чему понадобилось ставить шесть со шляпой на первомъ планѣ съ права? Зачѣмъ заставили барона Аттинггаузена умирать въ креслѣ, одиноко покинутымъ чуть не по серединѣ громаднаго зала? Неужели г. Крыловъ думаетъ, что при постройкѣ «Ига Ури» за каменной кладкой наблюдали такіе-же, какъ у насъ, десятники съ саженью въ рукахъ? и т. д. и т. д.

Всѣ эти замѣчанія относятся къ вѣшной постановкѣ. Что-же сказать о распредѣленіи ролей и объ исполненіи ихъ на нашей сценѣ? Глядя на афишу, можно подумать, что драма Шиллера была выбрана исключительно для практики молодыхъ птенцовъ труппы и для пробы способностей второстепенныхъ артистовъ. Изъ первыхъ сюжетовъ заняты были: г. Далматовъ—Телль, г. Писаревъ—фонъ Аттинггаузенъ, г. Дальскій—Мельхталъ и г. Нильскій—Гесслеръ. Изъ дамъ небольшія роли занимали г-жа Дюжикова I—Армгарты и г-жа Абаринава—Гертруды. Для всѣхъ остальныхъ первыхъ артистовъ въ драмѣ Шиллера, повидимому, не нашлось достойныхъ ролей, и онѣ были отданы кому попало. Результатъ такой заботливой обстановки классической драмы не замедлил обнаружиться.

Если бы режиссерское управленіе прониклось большимъ уваженіемъ къ истинно-художественнымъ образцамъ искусства, оно поняло-бы, что въ этой возвышенной и трогательной эпопее истиннымъ героемъ является каждый изъ выведенныхъ Шиллеромъ доблестныхъ швейцарцевъ, носившій въ сердцѣ свое отечество и зарю его свободы. Необыкновенное захватывающее зрителя впечатлѣніе отъ этой картины единодушнаго порыва цѣлаго народа, сплотившагося во-едино для общей цѣли получается только отъ гармоничнаго содѣйствія каждаго лица въ общемъ ходѣ сюжета. Соблюсти мѣру этого участія, сохранить единство стиля, сообразовать свою игру съ общимъ тономъ данной сцены и всей драмы—все это доступно только артистамъ перворазряднымъ, умѣлымъ и опыт-

нымъ въ распоряженіи своими средствами и въ надлежащемъ участіи въ общемъ ансамблѣ. Можно-ли было ожидать такихъ качествъ отъ актеровъ, съ грѣхомъ по-поламъ исполняющихъ обязанности «полезностей» или даже чуть не выходныхъ? Можно-ли было съ надеждой на успѣхъ вручать важныя для общаго успѣха роли молодымъ артистамъ, пробующимъ на сценѣ свои первые робкіе шаги?

Г. Падаринъ, напримѣръ, — молодой артистъ, несомнѣнно способный, толковый и подающій надежду стать хорошимъ бытовымъ актеромъ, если не будетъ сбить съ толку. Но подѣ силу-ли ему роль Вернера Штоуффахера, одна изъ ролей наиболѣе глубокихъ и сильныхъ по замыслу Шиллера. Непонятно также, какимъ образомъ деревянный, никогда не мѣняющійся тонъ г-на Никольскаго былъ признанъ подходящимъ для почтеннаго Вальтера Фюрста. Зачѣмъ было ставить въ крайне затруднительное положеніе молодого артиста г-на Яковлева, совершенно терявшагося передъ ролью Ишеля Рединга, избраннаго предсѣдательствовать на совѣщаніи въ долинѣ Рютли. Молодой предсѣдатель, перереженный въ старичка, видимо, самъ чувствовалъ, что онъ не достоинъ оказанной ему чести. На горячую, сильно драматическую роль Конрада Баумгартена не нашлось охотника крупнѣе г. Глазунова. Шталмейстера Гарраса поручили г-ну Борисову, до старости лѣтъ числящемуся въ «начинающихъ». Г-жа Красовская въ роли Гедвиги, жены Телля, хотя и обнаружила достаточный запасъ вульгарности, нужный для изображенія женщины простаго званія, но ея вульгарность обратила швейцарку въ швейцариху, а г-жа Юрковская въ роли малолѣтняго сына Телля возбуждала къ себѣ жалость тѣми немощными попытками развязности во вкусѣ водевильныхъ *injeunes*, которымъ, вѣроятно, ее научили, чтобы выдвинуть роль *travesti*. Жалко было смотрѣть и тяжело слушать неестественную, ходульную рѣчь г-на Юрьева въ роли Ульриха фонъ Руденца, не умѣющаго сказать ни одного слова безъ надрыва и какихъ то напряженныхъ, вычурныхъ ужимокъ. Ужасны были и всѣ остальные швейцарцы въ образѣ гг. Шкаррина, Осокина, Панчина, Рахманова, Новинскаго, Кравотынскаго и другихъ.

Не лучше удались роли и главнымъ исполнителямъ. Г. Далматовъ — артистъ замѣтнаго таланта, не знающій себѣ соперниковъ въ роляхъ характерныхъ и хлыщеватыхъ. Нѣкоторыя его созданія въ репертуарѣ Островскаго, Писемскаго, въ нѣкоторыхъ комическихъ роляхъ иностранныхъ драматурговъ («Вѣрь» Гольдони) и нашихъ бытовыхъ писателей такъ тонки и художественно прекрасны, что за одно это г. Далматовъ можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ современныхъ русскихъ актеровъ. Но къ несчастью его влекутъ къ себѣ героическія роли въ трагедіяхъ и драмахъ. Благодарныя вышнія средства, яркій темпераментъ и талантливость натуры даютъ и здѣсь время отъ времени удачныя моменты, но только моменты: въ общемъ-же видѣ каждая героическая роль, попадающая въ распоряженіе г. Далматова, обращается имъ во что-то необъяснимо-причудливое по ходульности, тяжеловѣсности и вычурности рѣчи и

сценической манеры. Слова съ трудомъ и съ большими промежутками вылетаютъ изъ мощной груди артиста, теряя всякое подобіе естественной жизненной рѣчи. И съ такими-то своеобразными особенностями г. Далматовъ взялъ на себя задачу изобразить простодушнаго горца Телля! Прямой, откровенный добрякъ, молчаливый, грубоватый, но простой, простой даже въ самые героическіе моменты своей роли, Телль Шиллера не могъ быть переданъ мелодраматическими вычурными приѣмами игры г. Далматова, и это можно было знать заранѣе. Мудрено-ли, что съ превращеніемъ Телля въ разбойника, Ульриха — въ истеричнаго молодого человѣка и остальныхъ швейцарцевъ въ... плохихъ актеровъ александринской труппы, не умѣющихъ ни стать, ни говорить въ пьесахъ европейскаго репертуара, — результатъ получился плачевный? Можно смѣло сказать, что человѣческую рѣчь въ тонѣ пьесы мы слышали только отъ одного г-на Писарева въ роли стараго барона фонъ Аттингаузена, да еще, пожалуй, отчасти, отъ г. Дальскаго въ роли Арнольда Мельхтала. Жалко только, что г. Дальскій вредитъ себѣ, какъ и всегда, своей манерой любоваться самимъ собою и съ восторгомъ слушать свои рѣчи; это лишаетъ его игру всякой искренности и отъ самыхъ горячихъ словъ его отдаетъ холоднымъ расчетомъ.

Заглянувъ на пятое представленіе драмы, мы были поражены пустою театральной залы. По-истинѣ нужно особое искусство портить все, что попадаетъ въ руки, чтобы такая интересная, душу захватывающая, глубоко-трогательная драма, какъ *Вильгельмъ Телль* съ третьяго представленія своего уже не привлекала-бы зрителей. Не смотря ни на дудочки, ни на жилеечки, ни на громы и молніи, ни на свадебные и похоронные марши, вставленные въ дѣйствіе, зритель до одуренія скучаетъ въ театрѣ и бѣжитъ вонъ безъ оглядки. Вѣдь смотреть-же онъ не безъ удовольствія на разныя лубочныя «Чародѣйки», балаганныя «Вольныя Волюшки» и т. п.? Стало быть не одно отсутствіе художественности въ постановкѣ и исполненіи отваживаетъ его отъ посѣщенія драмы Шиллера. Нужно полагать, что при недоступности для зауряднаго зрителя ясно отличать качества исполненія отъ качествъ исполняемаго, и при несомнѣнныхъ качествахъ самой пьесы, въ чемъ-нибудь очень крупномъ грѣшить именно исполненіе и грѣшить такъ грубо, что возмущаетъ даже бессознательные театральные запросы и мало-разборчиваго зрителя. И дѣйствительно, если театральная толпа и не отдаетъ себѣ яснаго отчета, почему *Вильгельмъ Телль* кажется ей «неинтересною», до зѣвоты скучною пьесой, то причина этого прежде всего въ томъ, что она слышитъ со сцены какія-то неладныя, малоповятныя рѣчи, что въ нихъ звучитъ что-то не настоящее, не похожее на жизнь. Оттого и все происходящее на сценѣ получаетъ видъ чего-то неестественнаго, неправдоподобнаго, *выдуманнаго нарочно*, «не самдѣлшнаго», какъ говорятъ дѣти. Глубина, искренность разлитаго Шиллеромъ чувства не можетъ проложить себѣ дороги въ душу слушателей, исковерканная и изуродованная по пути безобразными формами, приданными ему исполненіемъ. Первою, наиболѣе вопію-

шею погрѣшностью исполненія является — невозможная рѣчь наших артистовъ въ классическиххъ пьесахъ. Стоитъ только пьесѣ быть написанной стихами, хотя-бы и бѣлыми, стоитъ только нашей группѣ узнать, что пьеса, которую она играетъ, классическая, чтобы тонъ рѣчей утратилъ не только художественный, но и просто житейскій смыслъ и естественность. Слово за словомъ тянется рѣчь вялымъ, тягучимъ темпомъ; медленно, точно, тащась въ гору, идутъ самые оживленные діалоги, потерявши по дорогѣ логическій смыслъ отдѣльныхъ фразъ, искаженныхъ неправильно поставленными удареніями и не въ мѣру усердными подчеркиваніями. Нужно сказать, напримѣръ, простую фразу: «дайте мнѣ вашу руку» — у насъ актеръ постарается сказать ее *съ чувствомъ* и скажетъ ее непремѣнно такъ: «дайте мнѣ (пауза) *вашу* руку», какъ будто лицо, къ которому обращена эта фраза, или зритель можетъ заподозрить, что на такую просьбу можно подать чью-нибудь чужую руку. И такъ коверкаются и *читаются* всѣ самыя простыя рѣчи!

Пощадите, господа! Какой можетъ быть вопросъ о постановкѣ классическиххъ пьесъ, о той или другой степени ихъ художественнаго исполненія, когда нѣтъ самаго главнаго основанія — умѣнья владѣть сценическою рѣчью? Какіе могутъ быть вопросы о тѣхъ или другихъ подробностяхъ сценическаго воплощенія, когда это воплощеніе ожидается отъ людей, не умѣющихъ говорить? Что мы будемъ толковать о невоспитанности нашей труппы для соблюденія тона и стilia образцовъ европейскаго репертуара, когда это воспитаніе надо начать съ азбукъ. Нечего оплакивать отсутствія у насъ Кронековъ, когда матеріаломъ для режиссерскаго творчества долженъ служить безграмотный персоналъ.

Нашъ бѣдный родной русскій театръ перенспыталъ за послѣднее время не мало опытовъ. Чуть ни каждый годъ принимаются за поднятіе его художественнаго уровня. Перепробовали съ этою цѣлью и литераторовъ-драматурговъ, и актеровъ маститыхъ и «знающихъ сцену» театральныхъ закройщиковъ — и все толку нѣтъ. Каждый изъ нихъ начиналъ строить съ крыши, измышлялъ репертуаръ, стремился къ ансамблю, а никто не догадался или не смогъ начать съ фундамента. Установите прежде всего правдивый, жизненный тонъ рѣчей прозаическиххъ и стихотворныхъ и тогда ужъ мечтайте о стройности исполненія и о репертуарѣ. Если вы ничего не можете сдѣлать съ закоренѣлыми привычками старыхъ актеровъ, то хоть молодыхъ-то ведите иначе; дайте хоть въ будущемъ надежду на лучшую судьбу русскаго театра; пусть хоть отъ нихъ пахнетъ со сцены жизнь и художественная правда, а не формуйте и ихъ все по тѣмъ же шаблонамъ, несостоятельность которыхъ достаточно, кажется, выяснилась.

Да впрочемъ, и не съ одними молодыми актерами могъ-бы улучшить дѣло настоящій руководитель. И у старыхъ актеровъ можно направить, смягчить, ввести въ надлежащія рамки тонъ рѣчей и манеру игры, если-бы судьба послала русскому театру какого-нибудь новаго Шаховскаго, который,

какъ прежній, возлюбя дѣло, не какъ наемникъ, а какъ пастырь, клалъ-бы за него душу свою, не командуя только или избобрѣтая, а работая больше всякаго чернорабочаго, входя во всякую мелочь, начиная съ каждой интонаціи роли, до послѣдней пуговицы костюма. Тогда и съ наличными силами труппы можно было-бы многое сдѣлать.

А пока, читатель, перейдемте изъ швейцарской въ дворницкую, изъ легендарнаго эпизода исторіи Гельвеціи въ фантастическій эпизодъ исторіи отечественной, если только тутъ есть какая-нибудь исторія. Мы говоримъ о картинахъ московской жизни XVII-го вѣка въ 4 дѣйствіяхъ, сочиненныхъ П. П. Гнѣдичемъ, названныхъ «*Венеційскій Истуканъ*» и представленныхъ въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра 16-го ноября 1893 года.

Эти веселыя картины г. Гнѣдича могутъ, однако-же, навести на довольно грустныя размышленія. Давно-ли всѣ, кто любить театръ и смотреть на него серьезнѣе, чѣмъ какъ на пустую забаву, радовались, что царству нашей оперетки приходитъ, кажется, конецъ, что отошла ея золотая пора и появляется надежда на поворотъ симпатій къ болѣе художественному театру. Но радоваться, оказалось, было рано. На смѣну оперетки родился еще болѣе глухой репертуаръ фарсовъ. И онъ, какъ оперетка, пришелся по мѣргѣ невѣжественному большинству русскихъ актеровъ, почувствовавшихъ себя въ той сферѣ, гдѣ они могли показать въ полномъ блескѣ свои нехитрыя способности. Они ихъ показали и такъ успѣшно, что репертуаръ фарсовъ, этихъ новыхъ оперетокъ безъ музыки, свилъ себѣ теплое гнѣздо на русскихъ сценахъ и не остался безъ цѣнителей и поклонниковъ въ зрительномъ залѣ. Но, какъ говорится,—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: смѣхотворныхъ искаженій и выдумокъ изъ современной жизни показалось недостаточно, и вотъ наши веселые сочинители вновь возвращаются къ опереточному жанру, т. е. они не пишутъ прямо оперетокъ, но становятся, такъ сказать, чисто на опереточную точку зрѣнія. Оффенбахъ съ своими либреттистами достигалъ большихъ комическихъ эффектовъ, относясь къ античной жизни съ точки зрѣнія современнаго, бульварнаго зубоскальства. Очень забавенъ вышелъ Парисъ, сынъ Пріама, переодѣвающийся для похищенія Елены; Менелай съ зонтикомъ и чемоданомъ; Орестъ кутящимъ франтомъ, съ моноклею въ глазу и т. д. Отчего-бы не попробовать такого-же опереточнаго переложенія на современные нравы и нашей исторической старины? Вѣдь люди были всегда люди и страсти ихъ были и тогда приблизительно тѣ же, что теперь. Такъ, повидимому, разсуждали наши Мельяки и Галеви и попробовали нарядить свои опереточные сюжеты въ бытовую обстановку нашей старой до-Петровской Руси.

Воспользовавшись тѣмъ историческимъ фактомъ, что московскіе придворные боярскіе кружки временъ царей Алексѣя, Θεодора и правительницы Софьи выказывали нѣкоторое расположеніе къ западно-европейской цивилизаціи, г. Гнѣдичъ построилъ на немъ свою историко-бытовую опе-

ретку. Въ ней новый Менелай—бояринъ Коптевъ (г. Ленскій) зараженъ маніей во всемъ подражать «Европѣ», совершенно въ такой же степени, какъ Гордѣй Карпычъ у Островскаго старается поставить свой домъ «на благородный манеръ». Онъ обрилъ себѣ бороду, не держитъ жену въ терему, одѣлъ своего недоросля-сына отъ перваго брака Тимошу (г. Яковлевъ) въ нѣмецкое платье (?), приставилъ къ нему нѣмца учителя, Карла Адамовича Шнелле (г. Ремизовъ), и выписалъ изъ Венеціи хрустальную посуду—большую роскошь и диковину въ то время. Ящикъ съ этой посудой прибылъ изъ Венеціи съ бывшимъ тамъ при русскомъ посольствѣ *attaché*, молодымъ бояриномъ Юреневымъ (г. Аполлонскій), вернувшимся значительно нахватавшись европейскаго духа. Сей новый Парисъ амурится съ молодой женой Коптева, Прекрасной Еленой новаго изданія или Антонидой Авдѣевной (г-жа Савина) по афишѣ. По оплошности, ящикъ съ посудой на постояломъ дворѣ обмѣнили на другой и, къ великому удивленію прогрессивнаго семейства и негодованію старухи-матери Коптева, боярыни Афросиньи Егупьевны (г-жа Жулева), вмѣсто хрустала изъ ящика извлекаютъ статую Меркурія. По настоянію старухи, голаго пстукана изгоняютъ изъ хоромъ, и ставятъ въ кусты въ саду. Какъ разъ около этого мѣста происходитъ ночное свиданіе Париса и Елены, и когда весь боярскій домъ съ Менелаемъ во главѣ является въ садъ по навѣту коварной ключницы (г-жа Левкѣва), чтобы накрыть виновныхъ, они успѣваютъ ускользнуть и на мѣстѣ преступленія находятъ только одного безмолвнаго и безкостюмнаго Венецейскаго пстукана.

Къ этой главной фабулѣ добавлено для историческаго колорита нѣсколько сценъ на постояломъ дворѣ и выведено нѣсколько лицъ, самостоятельность происхожденія которыхъ весьма сомнительна. Таковы: Иеронимъ, странный человекъ изъ Иерусалима (г. Нильскій) — необходимая принадлежность каждой харчевни со времени Пушкинскихъ Варлаама и Мисаила, какой-то Кузьма Петровичъ Мяздра (г. Варламовъ), бражникъ и бродяга, тотъ-же Варлаамъ en face и Фальстафъ въ профиль, Аксютка, бойкая наперсница легкомысленной боярыни (г-жа Читау)—изъ породы европейскихъ субретоковъ и т. д. Если прибавить къ этой галлерей лицъ Митрофана—Тимошу, Вральмана—Шнелле, Мавру Тарасьевну—Афросинью и тріо главныхъ лицъ, занятыхъ у Островскаго, у В. Крылова и Оффенбаха, то окажется, что самостоятельнаго паренія таланта на этотъ разъ г. Гнѣдичъ выказалъ немного.

Въ погонѣ за исторической карикатурой авторъ не вездѣ сумѣлъ остановиться во-время и впалъ въ промахи довольно грубые. Такъ бояринъ XVII-го вѣка Коптевъ объявляетъ, что у него въ домѣ «*сосредоточены*» всѣ европейскія диковины; боярыня-мать возмущается манерамъ невѣстки, здоровающейся съ молодымъ мужчиной *за руку, какъ это въ обычаѣ у венецейцевъ*. Надо думать, что подобное слово, какъ «сосредоточить» и порожденный 19-мъ вѣкомъ англійскій *shake-hands* попали въ XVII-е столѣтіе по неосторожности разрѣзвившагося автора. Щадя его,

мы не будемъ приводить образцовъ его комическихъ приемовъ и каламбуровъ; скажемъ только, что если и находится въ театрѣ половина зрителей, веселящихся отъ игривыхъ изображеній г. Гнѣдича, то другая половина находить приемы и комизмъ пьесы весьма низкопробными и довольно скучными.

Историческія лица этой пьесы такъ современны, тонъ ролей такъ близокъ къ излюбленному репертуару «Сорванцовъ», «Шалостей» и иныхъ прочихъ веселыхъ пьесъ, что наши артисты разыгрываютъ ее какъ по нотамъ. Нужно отдать справедливость г-жѣ Савинной, что она передаетъ свою роль съ такимъ блескомъ, молодостью, граціей и милымъ кокетствомъ, что обаяніемъ своего неувядающаго таланта прикрываетъ много авторскихъ грѣховъ. Смотришь на нее, и невольно любишься, досадуя въ то же время, что такъ хорошо играютъ у насъ только пустыя или глупыя пьесы.

Главный грѣхъ г. Гнѣдича не въ томъ, что онъ пожелалъ написать веселую комедію изъ стариннаго быта, а въ томъ, что онъ игривыя измышленія хочетъ выдать за историко-бытовыя черты русской жизни. Примѣры комедій изъ стариннаго быта мы имѣемъ и у Островскаго—«Русскій Комикъ XVIII-го столѣтія», и у г. Аверкіева—«Фроль Скабѣевъ», «Сидоркино Дѣло»; въ нихъ дѣйствительно соблюденъ колоритъ эпохи, и дѣйствіе развертывается въ духѣ времени, глубоко изученномъ и усвоенномъ авторами. Въ пьесѣ же г. Гнѣдича, допуская даже, что содержаніе ея цѣликомъ почерпнуто изъ дѣйствительныхъ событій, отсутствуетъ главное условіе—нѣтъ признаковъ духа русской жизни XVII вѣка и историческій анекдотъ пересаженъ на современную почву и трактуется авторомъ съ точки зрѣнія нашего опереточнаго времени.

Реально-художественное освѣщеніе какого-либо лица или явленія въ томъ и заключается, что это лицо или явленіе возводится авторомъ въ степень *типичнаго*, т. е. такого, на которое похожи всѣ конкретныя лица и явленія, само же оно не тождественно ни съ однимъ изъ конкретныхъ явленій или лицъ. Безъ этого условія даже фактъ, взятый цѣликомъ изъ дѣйствительной жизни и перенесенный на сцену, не приобретаетъ художественной вѣроятности и производитъ впечатлѣніе или факта выдуманнаго, или случайнаго, анекдотическаго.

Такое именно впечатлѣніе производитъ новая комедія въ 5 дѣйствіяхъ П. Д. Боборыгина *У своихъ*, данная въ бенефисъ г-жи Дюжиковой 1-й 23 ноября. Очень можетъ быть, что фактъ, послужившій сюжетомъ пьесы, случился въ дѣйствительности, но его исключительность и случайность его анекдотическихъ подробностей подрываютъ довѣріе слушателя въ его житейской вѣроятности и лишаютъ типичности, необходимой для сюжета художественной пьесы. Зритель присутствуетъ при возвращеніи въ родительскій домъ Анны Двоетуровой (г-жа Дюжикова 1), много лѣтъ тому назадъ уѣхавшей отъ мужа и ребенка въ Америку съ какимъ-то учителемъ, за котораго позже она тамъ вышла замужъ, овдовѣла вторично и

понуждаемая недостаткомъ средствъ къ существованію съ тремя дѣтьми отъ второго брака, пріѣхала въ Россію отыскивать свою часть отцовскаго наслѣдства. Здѣсь она застаётъ старуху-мать (г-жа Жулева), совершенно одряхлѣвшую, обезволенную и рабски подчиненную брату Анны, Андрею Двоетурову (г. Ленскій), захватившему въ свои руки состояніе послѣ смерти отца, лишившаго было въ припадкѣ гнѣва Анну наслѣдства. Но Анна знаетъ, что передъ самой смертью отецъ написалъ новое духовное завѣщаніе, въ которомъ, прощая ее за побѣгъ, оставляетъ ей половину состоянія, и что это завѣщаніе хранится у старухи-матери, которая не рѣшается обнаружить его изъ боязни сына. Анна, заручившись сочувствіемъ своей уже взрослой дочери Лены (г-жа Пасхалова), пріобрѣтаетъ союзника въ лицѣ Турова (г. Давыдовъ), побочнаго сына ея отца, ловкаго дѣльца и опытнаго юриста, придумавшаго планъ, какъ заставить грознаго брата вернуть захваченное имъ состояніе. По счастливой случайности у Турова въ рукахъ находится страшное оружіе противъ Андрея: это вексель отъ имени Андрея съ фальшивою подписью, сфабрикованной его женою, Лидіей (г-жа Красовская), и принесенный къ Турову для учета ибкнймъ Трензелемъ (г. Рахмановъ), любовникомъ Лидіи, для убоготоренія котораго деньгами она рѣшилась совершить подлогъ. Вооруженная этимъ векселемъ, Анна кромѣ того прокрадывается еще къ старухѣ-матери, и заставъ ее одну, вынуждаетъ отдать ей духовное завѣщаніе, выставляя на видъ безчестность ея пособничества Андрею, грабющему сестру съ вѣдома матери. Понятно, что, овладѣвъ завѣщаніемъ и припугнувъ Андрея скандаломъ, который можетъ породить подлогъ его жены, Анна достигаетъ своей цѣли, и торжествующая возвращается въ Америку.

Героиня пьесы и перенесенныя ею страданія не въ силахъ возбудить къ себѣ сочувствія зрителя. Ея юридическая и нравственная правота торжествуетъ не въ силу какого-либо нравственнаго ея превосходства надъ окружающими и не благодаря какимъ-либо возвышеннымъ или даже особенно ловкимъ и тонкимъ дѣйствіямъ съ ея стороны, а благодаря чисто-случайнымъ обстоятельствамъ въ родѣ того, что именно къ Турову обратился Трензель для учета векселя. Сами дѣйствія Анны мало чѣмъ разнятся отъ дѣйствій неправой стороны: она также почти терроризируетъ старуху-мать, захваченную врасплохъ, доноситъ Андрею на измѣняющую ему Лидію и лишь путемъ принужденія и шантажа завоевываетъ себѣ прежнее мѣсто и уваженіе въ родной семьѣ. Можетъ быть, что именно для оправданія такого образа дѣйствій авторъ заставилъ свою героиню проживать въ практической Америкѣ, безцеремонной въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ намѣченной цѣли. Но въ общемъ, исключительность обстоятельствъ всей этой исторіи, а главное сомнительная вѣро-подобность житейскихъ деталей выводимой авторомъ среды, сильно вредятъ благоприятному впечатлѣнію. Какъ-то не вѣрится въ типичную возможность такихъ происшествій или такихъ явленій, какъ жизнь и жильцы меблированныхъ

комнатъ «Капернаумъ», населенныхъ подозрительными сплетниками въ родѣ князьки Бурятова (г. Оедотовъ), или отставными юнкерами въ родѣ Вырвича (г. Варламовъ), дравшагося въ американской войнѣ южанъ съ сѣверянами. Чѣмъ-то, пожалуй, московскимъ, но ужь никакъ не петербургскимъ вѣетъ отъ этой жанровой картины, и даже со стороны бытовой изобразительности пьеса г. Боборыкина остается чуждой зрителю, видящему въ ней какой-то, можетъ быть, и случившійся въ дѣйствительности анекдотъ, происходящій среди исключительныхъ лицъ и случайныхъ обстоятельствъ.

Можетъ быть, виною такого впечатлѣнія было отчасти и исполненіе главной роли г-жею Дужиковой, выдвинувшей особенно рельефно все *американское* въ характерѣ Анны въ ущербъ болѣе глубокаго изображенія общечеловѣческихъ страданій и душевныхъ настроеній ея. Вообще характеры дѣйствующихъ лицъ, при всей литературности ихъ обработки, намѣчены слишкомъ поверхностно и слишкомъ общими чертами. Исполненіе не придало имъ большей значительности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчеркнуло тѣ рѣзкости, которыя можно было сгладить. Болѣе цѣльными вышли лица: старухи Двоетуровой въ хорошемъ исполненіи г-жи Жулевой и Андрея — въ игрѣ г-на Ленскаго, воспользовавшагося авторскимъ матеріаломъ: онъ былъ сухъ, дерзокъ и внушительнъ въ тѣ минуты, когда чувствовалъ силу на своей сторонѣ, и льстиво любезенъ и мягокъ, когда созналъ себя побѣжденнымъ. Г-жа Красовская играла кокетку Лидію по тому усть-сысольскому рецепту, по которому всѣ грандамы и кокетки провинціальныхъ сценъ изображаютъ свѣтскихъ женщинъ, т. е. смотрѣла постоянно въ лорнетъ, цѣдила по слогамъ свѣтскія слова, которыя въ ея устахъ получали странный и ужь никакъ не свѣтскій характеръ въ родѣ такой фразы, обращенной къ мужу: «А у васъ въ семьѣ случился *пре-ха-ро-шенькій ка-рам-ба-ляш!*»

Въ пьесѣ много лицъ эпизодическихъ, весьма мало нужныхъ для развитія сюжета, но введенныхъ или для оживленія дѣйствія, или въ видахъ быто-описательныхъ. Таковы—дочь Анны, Лена, и ея женихъ, Кривцовъ (г. Юрьевъ), совершенно безцвѣтный молодой человѣкъ, дѣловая барыня и дисконтерша Андронина (г-жа Абаринова) и ея сынъ Пика (г. Озаровскій), отставной хористъ Кудавѣевъ (г. Шаповаленко), содержатель «Капернаума» и слуга своихъ жильцовъ, распѣвающій куплеты на любой случай,—все лица весьма мало петербургскія. Г. Варламовъ — Вырвичъ загримовался мужчиной лѣтъ 30-ти, и внушалъ мало довѣрія къ своимъ рассказамъ о томъ, какъ онъ дрался въ Америкѣ въ рядахъ южанъ, надо полагать, отрокомъ весьма нѣжнаго возраста. Впрочемъ, фактъ дѣйствительнаго пребыванія его въ Новомъ Свѣтѣ такъ и остается недоказаннымъ по винѣ-ли исполнителя, изобразившаго его пустымъ враглемъ, или по винѣ автора, который, заставивъ зрителя виѣсть съ дѣйствующими лицами пьесы подозрѣвать, что дальше Кронштадта Вырвичъ и не путешествовалъ, въ концѣ комедіи какъ-будто намекаетъ на то, что

Вырвичъ дѣйствительно былъ уже тамъ, куда онъ просится ѣхать съ Анной. Во всякомъ случаѣ слѣдовъ американскаго пребыванія ни въ роли, ни въ игрѣ г. Варламова нѣтъ, за исключеніемъ развѣ умѣнья кричать: «хипъ, хипъ, хурр-э!»), чокаясь стаканомъ.

Пьеса П. Д. Боборыкина шла въ бенефисъ, данный г-жѣ Дюжиковой 1-й за двадцати-лѣтнюю службу. А. М. Дюжикова, по окончаніи курса въ театральномъ училищѣ, дебютировала на сценѣ Александринскаго театра въ октябрѣ 1873 г. ролью Марьи Андреевны въ *Блѣдной Невѣстѣ* Островскаго. Мы помнимъ благопріятное впечатлѣніе дебюта и тѣ надежды, которыя возлагались на даровитую молодую артистку, какъ на крупную силу для первыхъ драматическихъ ролей. Обстоятельства службы и жизни г-жи Дюжиковой позволили лишь отчасти оправдаться этимъ надеждамъ. Ея вдумчивость въ подробности играемой роли, энергичность ея тона и манеры игры мало находили себѣ пищи въ томъ легкомъ репертуарѣ, который царилъ на сценѣ въ теченіе всей почти карьеры ея. Ей приходилось довольствоваться рѣдкими случаями, когда какое-нибудь веселое созданіе гг. Крылова и К^о уступало мѣсто пьесѣ серьезнаго репертуара, и тогда имя г-жи Дюжиковой неизмѣнно появлялось на афишахъ. Невольное участіе въ мелодрамахъ, переводныхъ и оригинальныхъ, изготовлявшихся Н. Потѣхинымъ и ему подобными, привило артисткѣ нѣкоторую, иногда излишнюю приподнятость тона; но нужно отдать справедливость, что никогда исполненіе г-жи Дюжиковой не страдало блѣдностью или неопредѣленностью,—оно всегда было ярко. Въ ея репертуарѣ стоятъ рядомъ съ *Мертвой петлей* — *Сумасшествіе отъ любви*, *Василиса Мелентьева*, *Уриэль Акоста*, *Гроза* и др. Въ послѣднее время артистка нерѣдко появлялась въ роляхъ характерныхъ съ комическимъ оттѣнкомъ и была въ нихъ очень хороша: довольно вспомнить пожилую дѣву въ комедіи *Душа-Человѣкъ*. До сихъ поръ участіе г-жи Дюжиковой является необходимымъ каждый разъ, когда нуженъ характеръ сильный, и много ролей яркой чеканки не имѣютъ, кромѣ нея, подходящей исполнительницы въ нашей труппѣ. Въ *Вильгельмъ Телль*, напримѣръ, не будь г-жи Дюжиковой, роль Армгарты играть было-бы некому.

Слѣдующимъ за бенефисомъ г-жи Дюжиковой, былъ бенефисъ г. Варламова 2 декабря и слѣдующею новинкой, послѣ комедіи г. Боборыкина, 4-хъ актная комедія Н. Щедрина *Смерть Пазухина*. Имя автора пьесы придало ей особый интересъ, значительно превышающій ея художественное значеніе. Покойный Салтыковъ, написавъ эту пьесу въ эпоху «Губернскихъ очерковъ», и самъ не придавалъ ей большого значенія, хотя впоследствии воспользовался многими положеніями и характерами, лишь слегка намѣченными въ ней, и доразвивъ ихъ, обработалъ въ семейной хроникѣ господъ Головлевыхъ. Это относится въ особенности къ лицу статскаго совѣтника Фурначева, въ которомъ не трудно угадать много родственныхъ чертъ съ знаменитымъ Иудушкой.

Смерть Пазухина, пьеса несомнѣнно реальная и даже ультра-реальная.

Обличая пороки, авторъ не стѣсняется въ выборѣ тѣхъ житейскихъ мерзостей, изображеніе которыхъ ему нужно для его цѣлей. Не стѣсняется онъ также и въ пріемахъ этихъ изображеній, ставя предъ зрителемъ положенія и характеры въ неприкрытой, полной наготѣ. Его сюжетъ простъ и несложенъ. Бывшій грабитель, откупщикъ Пазухинъ (г. Нильскій), дожидаетъ свои послѣдніе дни, а остающіеся послѣ него милліоны привлекаютъ цѣлую шайку такихъ-же грабителей, какъ и онъ самъ. Впереди всѣхъ родной сынъ — Прокофій (г. Давыдовъ), находящійся у отца въ опалѣ за приверженность къ сѣрой старинѣ. Затѣмъ зять старика — Фурначевъ (г. Варламовъ); пріятель старика, отставной генералъ Лобастовъ (г. Медвѣдевъ); наконецъ Анна Петровна Живоѣдова (г-жа Н. Васильева), спрота изъ благородныхъ, живущая въ домѣ старика Пазухина въ качествѣ экономки. Вся эта компанія въ сообщничествѣ разныхъ темныхъ личностей, вроде отставного подпоручика Живновскаго (г. Сазоновъ) или выгнаннаго изъ службы приказнаго Праздникова (г. Петровскій) караулитъ минуту смерти милліонщика, чтобы поспѣть раньше другихъ урвать кусокъ изъ наслѣдства. Для этого сынъ обриваетъ бороду и приходитъ виниться отцу; и Фурначевъ, и Лобастовъ, каждый по одиночкѣ, сговариваются съ Живоѣдовой, какъ-бы заглянуть въ завѣтный сундукъ, какъ только старикъ закроетъ глаза. Живоѣдова колеблется, съ кѣмъ изъ нихъ выгоднѣе ограбить умирающаго. Всѣ лгутъ, лицемерятъ и подозреваютъ другъ друга. Одно только и есть честное лицо въ комедіи—старый прикащикъ и пѣстунъ откупщика—Финогей Бавевъ (г. Писаревъ), тянувшей руку законнаго наслѣдника. Съ помощью его Прокофій поспѣваетъ придти во время и застаётъ экономку съ генераломъ, собирающимися залѣзть въ сундукъ только что умершаго отца. Застигнутые врасплохъ, они переходятъ на сторону Прокофія, чтобы помочь ему отомстить за всѣ прошлыя униженія Фурначеву, который является въ свою очередь на добычу съ поддѣльнымъ ключомъ. Мстители даютъ ему время набить карманы выкраденными деньгами и тогда ужъ накрываютъ его съ личнымъ, обыскиваютъ, отбираютъ добычу, берутъ съ него письменное признаніе въ воровствѣ и выгоняютъ его съ позоромъ при цѣлой толпѣ прислуги и дворни. Прокофій Пазухинъ торжествуетъ во всей дикости своей купеческой натуры.

На сколько такое реальное содержаніе художественно обработано авторомъ—это вопросъ особый. Глядя на всю эту житейскую грязь, перенесенную цѣликомъ на сцену, безъ типичнаго обобщенія голыхъ фактовъ, безъ котораго не можетъ быть художественности изображеній, вы чувствуете все время, что передъ вами не комедія, а только сырой матеріалъ для комедіи. Этотъ матеріалъ можетъ, однако-же, вырасти въ художественныя созданія, благодаря талантливой, творческой игрѣ актеровъ. Къ сожалѣнію, исполненіе *Смерти Пазухина* не возросло до такой высоты. Грубыя краски и рѣзкіе штрихи оригинала подъ освѣщеніемъ актерской игры не только остались въ сыромъ нетронутомъ видѣ, но даже порою

являлись какъ бы увеличенными. Кромѣ того, за исключеніемъ гг. Писарева и Медвѣдева, никто изъ исполнителей ни игрою, ни рѣчами не былъ въ ходѣ дѣйствія пьесы, а всѣ какъ-бы находились внѣ содержанія, докладывая публикѣ вложенныя въ ихъ уста рѣчи, подчеркивая и разъясняя собственнымъ тономъ то, что должно было явиться выводомъ, дѣлаемымъ зрителемъ изъ происходящаго на сценѣ. Эта манера истолковывать зрителю рѣчи и положенія не средствами автора, а своею индивидуальной инициативой, выведенной изъ рамокъ дѣйствія пьесы, замѣчается у нашихъ актеровъ весьма часто и, конечно, исключаетъ возможность всякаго ансамбля и полной сценической иллюзии. Зритель видитъ предъ собою не лицъ пьесы, а артистовъ, играющихъ извѣстныя роли. Чѣмъ отдаленнѣе характеры изображаемыхъ лицъ или среда сюжета пьесы отъ привычныхъ нашимъ артистамъ изображеній, тѣмъ ярче выступаетъ этотъ недостатокъ, и это въ особенности замѣтно на пьесахъ классическаго или европейскаго репертуара.

Тѣмъ большій интересъ представляло возобновеніе комедіи Мольера *Скупой*, давно уже не появлявшейся на нашей сценѣ и извлеченной изъ театральнаго архива на свѣтъ Божій, благодаря новому переводу В. С. Лихачева — во-первыхъ, и участію г. Федотова въ роли Гарпагона—во-вторыхъ.

Нѣсколько неудачныхъ попытокъ постановки мольеровскихъ комедій въ прошломъ и позапрошломъ годахъ укоренили существующее въ нашемъ театрѣ убѣжденіе, что репертуаръ Мольера устарѣлъ и болѣе не представляетъ для публики интереса. Намъ всегда это казалось не болѣе, какъ крупнымъ недоразумѣніемъ. Театральная толпа дѣлаетъ успѣхъ такимъ вещамъ, которыя не имѣютъ никакой художественной цѣнности, но пришлись ей по вкусу въ силу какихъ-либо обстоятельствъ текущаго времени или извѣстныхъ условій самой пьесы: тенденціи, яркаго комизма, красной обстановки, эффектной игры актеровъ и т. п. Бываетъ поэтому нерѣдко, что такія вещи имѣютъ успѣхъ, а хорошія успѣха не имѣютъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ всегда надо искать какую-либо причину неуспѣха, не зависящую отъ достоинствъ самой пьесы, и такую причину бываетъ, по большей части, ея исполненіе. Толпа не умѣетъ отличать созданія автора отъ созданія актера, и свою оцѣнку налагаетъ огуломъ на совокупность того и другого, не разбирая праваго и виноватаго. Но можно смѣло сказать, что не было случая, чтобы истинно-художественная вещь въ хорошемъ исполненіи не имѣла успѣха. Поэтому, когда намъ говорятъ объ устарѣлости Мольера и даже Островскаго, о томъ, что ихъ пьесы не пользуются болѣе кредитомъ въ театральной массѣ, можно смѣло заподозрить виною такого явленія ничто иное, какъ плохое, нехудожественное исполненіе. Требования классическихъ пьесъ таковы, что удовлетворить имъ можетъ только хорошее исполненіе, а при наличности этого условія пьесы эти всегда будутъ имѣть успѣхъ.

Возобновеніе *Скупого* можетъ служить лучшимъ тому доказатель-

ствомъ. Г. Оедотовъ въ роли Гарпагона даетъ надлежащій образъ классическаго скряги, отдѣлявая очень старательно детали этого характера. Въ особенности хороши у него сцены съ Фрозинной, въ которыхъ Гарпагонъ, слушая расказы о влюбленной въ него Маріаннѣ, старается показать себя бравымъ мужчиной, способнымъ внушать къ себѣ нѣжные чувства. Много тонкаго и обдуманнаго комизма въ сценахъ съ Лафлешомъ (г. Шевченко) и Жакомъ (г. Медвѣдевъ). Даже труднѣйшая сцена 4-го акта, когда Гарпагонъ, открывъ похищеніе шкатулки, вбѣгаетъ обезумѣвшій отъ отчаянія и скупости, прошла у г. Оедотова удовлетворительно, хотя, конечно, для полнаго воплощенія мольеровскаго замысла, достигающаго въ этой сценѣ чисто трагическаго паѳоса, нужны исключительныя качества геніальной игры, способной потрясти зрителя. Тѣмъ не менѣе общее художественное содержаніе сцены было передано такъ удачно и понятно, что зрители не могли остаться равнодушны къ мольеровскому герою и не понять всей геніальности этого безсмертнаго созданія. Такой результатъ вызываетъ величайшую похвалу по адресу г. Оедотова, благодаря которому наша публика увидѣла, наконецъ, мольеровскую пьесу почти такую, какъ она должна быть. Мы говоримъ почти потому что, кромѣ г. Оедотова-Гарпагона и г.г. Медвѣдева и Шевченко, остальные лица оставляли желать многого. Лучше другихъ были г-жа Н. Васильева—Фрозина и г. Корвинъ-Круковской—Клеантъ. Г-жа Васильева могла-бы быть прекрасной Фрозинной, у ней всё даннаго для этой роли, но есть и крупный недостатокъ, тотъ-же, который замѣчался у ней и въ роли Дорины: она играетъ слишкомъ въ публику, какъ-бы опасаясь, что зритель не обратитъ должнаго вниманія на ея хитрыя рѣчи и лукавыя ужимки. Г. Корвинъ-Круковской имѣетъ преимущество предъ остальными исполнителями только своими наружными средствами и тѣмъ еще, что хорошо носитъ французскій костюмъ.

Распределеніе остальныхъ ролей показываетъ какъ нельзя лучше отношеніе нашихъ просвѣщенныхъ режиссеровъ къ образцовымъ произведеніямъ театра, отношеніе, одинаково замѣчаемое при постановкѣ пьесъ Мольера, какъ и въ пьесахъ Шекспира, Шиллера или Островскаго: роли небольшія по количеству словъ считаются неважными и недостойными крупныхъ актеровъ, хотя-бы по внутреннему своему содержанію и по значенію для общаго плана пьесы роли эти были совершенно недоступны для способностей мелкихъ актеровъ. Благодаря такому взгляду роли вручаются г.г. Борнсовымъ, Усачевымъ, Глазуновымъ и т. п., а сама пьеса ставится съ *двухъ репетицій*, какъ это было съ комедіей *Скупой*. Трудно выдумать болѣе невѣжественнаго и безобразнаго отношенія къ постановкѣ классическихъ пьесъ, появляющихся передъ публикой *образцоваго* театра съ актерами, не знающими ролей и бродящими ощупью подъ аккомпаниментъ надрывающагося суфлера; невольно кажется все, что сидишь въ какомъ-нибудь клубномъ спектаклѣ и смотришь одно изъ тамошнихъ убогихъ представленій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законъ о неотчуждаемости крестьянской земли. — Предположенія относительно общиннаго владѣнія. — Обсужденіе вопроса объ общинѣ. — Проектъ о волостныхъ писаряхъ. — Всесловная волость — О введеніи земскихъ начальниковъ въ западныхъ губерніяхъ. — Квартирный налогъ. — Рѣчь генерала Коспча. — Вопросъ о литературной собственности, по поводу письма Э. Золя.

Въ новый годъ, замыкающій собой цѣлую треть вѣка со дня освобожденія крестьянъ, Россія вступаетъ съ утвержденнымъ отнынѣ въ нашемъ законодательствѣ принципомъ неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли. Весьма вѣроятно, что новое узаконеніе будетъ уже обнародовано, когда наша книга выйдетъ въ свѣтъ. До обнародованія закона мы можемъ разсматривать, не впадая въ неточности, лишь самый принципъ его и борьбу мнѣній имъ вызванную.

Вопросъ о неотчуждаемости надѣльной земли, при обсужденіи законопроекта въ государственномъ совѣтѣ, встрѣтился съ вопросомъ о земельной общинѣ, да иначе не могло и быть, хотя неотчуждаемость крестьянской земли можетъ, въ извѣстной формѣ, быть устанавливаема и независимо отъ общиннаго пользованія. Такъ, она съ самаго начала была установлена для крестьянскихъ надѣловъ въ Царствѣ Польскомъ. А извѣстно, что въ Царствѣ Польскомъ неотчуждаемость была проведена тѣмъ же государственнымъ челоуѣкомъ — Н. А. Милютинымъ, которому принадлежала главная доля и въ выработкѣ «положеній» 19-го февраля 1861 года.

Поэтому, нельзя сказать, что при составленіи «положеній» для русскихъ губерній вовсе не имѣлось въ виду закрѣпленія надѣла посредствомъ неотчуждаемости. Вѣрнѣе, что Милютину удалось осуществить это начало — только тамъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно. Но такъ какъ въ «положеніи» 1861 года оно выведено не было, то теперь дѣло представлялось такъ, какъ будто законодатель, устанавливая, что надѣльная земля въ великорусскихъ губерніяхъ должна находиться въ общинномъ пользованіи, видѣлъ при этомъ въ общинѣ лишь переходную форму крестьянскаго землевладѣнія. Дѣйствительно, когда значительная часть участковъ была бы продана общинниками въ постороннія руки, то фактическое общинное пользованіе, съ передѣлами, сдѣлалось бы невоз-

возможнымъ, при существующей чрезполосности. Но одно установленіе неотчуждаемости надѣловъ еще не отвратитъ возможности перехода отъ общины къ подворному владѣнію по окончаніи выкупа. Законъ предоставилъ крестьянамъ право отмѣнять общину, дѣлить выкупленную надѣльную землю на постоянные, наследственные участки и только требуетъ для такого рѣшенія — большинства двухъ третей голосовъ, такого же, какое требуется и для передѣла.

Для окончательнаго упроченія общественнаго владѣнія землею—одной неотчуждаемости еще недостаточно. Но новый законъ направленъ къ отвращенію обезземеленія цѣлыхъ обществъ путемъ залога надѣльной земли и продажи досрочно выкупаемыхъ участковъ. Отмѣнены право залога надѣльной земли и 2-я часть статьи 165 «положенія», дозволявшая выдѣль и продажу сполна выкупленнаго участка, статья, въ силу которой кулаки вносили выкупъ за участки малосильныхъ хозяевъ и приобрѣтали надѣлы ихъ въ свою собственность.

И такъ, хотя неотчуждаемость надѣловъ могла бы существовать и независимо отъ общины, но на дѣлѣ эта мѣра была вызвана именно мыслью объ охраненіи общины отъ вторженія кулаковъ и отъ уменьшенія самой площади общинной земли. Стало быть, внося настоящій проектъ, министерство внутреннихъ дѣлъ побуждалось убѣжденіемъ въ полезности общиннаго пользованія землею, и уже поэтому, обсужденіе закона должно было прежде всего сосредоточиться на самомъ вопросѣ объ общинѣ.

Съ другой стороны, теоретическій вопросъ объ общинѣ долженъ былъ послужить при этомъ случаѣ центральнымъ пунктомъ — еще и потому, что при концѣ предшествующей сессіи, то есть весной, когда обсуждался утвержденный затѣмъ и обнародованный въ іюнѣ законъ объ ограниченіи права передѣловъ—минимальнымъ срокомъ пользованія хозяевъ участками, министерству, по слухамъ, предоставлено было представить соображенія относительно того, въ какой мѣрѣ необходимо поддерживать общинное землевладѣніе и круговую поруку.

Въ то же время заявлены были отдѣльныя мнѣнія, приписывавшія нашему общинно-хозяйственному строю бѣдность народа, невозможность необходимаго, между тѣмъ, перехода къ болѣе интенсивной обработкѣ земли, стремленіе крестьянъ къ переселенію. Въ тѣхъ-же запискахъ указывалось на вредъ общины въ отношеніяхъ не только экономическомъ, но и нравственномъ, даже и политическомъ, и утверждалось, что общинное пользованіе землею должно быть замѣнено подворной формою землевладѣнія, съ опредѣленіемъ наименьшаго размѣра участка на правахъ маіората или минората. Высказывались также убѣжденія, что сами крестьяне тяготятся общиною, что какъ скупъ надѣльныхъ участковъ, противъ котораго и направляется правило о ихъ неотчуждаемости, такъ и чрезмѣрное стремленіе крестьянъ къ переселенію представляютъ собой народный протестъ противъ существованія общины.

Проектъ закона о неотчуждаемости въ текущую сессію былъ внесенъ

въ измѣненномъ противъ прежняго видѣ. Въ виду тѣхъ условій, о которыхъ только что упомянуто, судьба этого законопроекта пріобрѣтала двойное значеніе. Дѣло было уже не въ одной только неотчуждаемости, и если-бы проектъ былъ отклоненъ, то это какъ-бы предрѣшало бы выработку затѣмъ какихъ-либо законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ отмѣнѣ земельной общины и круговой поруки.

Такимъ образомъ, приверженцы общиннаго строя имѣютъ полное основаніе привѣтствовать фактъ одобренія настоящаго законопроекта. Правда, онъ еще не устраняетъ возможности дальнѣйшаго разсмотрѣнія, своимъ порядкомъ, вопроса объ общинномъ или подворномъ землевладѣніи, вопроса, котораго разработка, по слухамъ, поручена особой комиссіи. Но нельзя не признать, что такъ какъ по поводу неотчуждаемости, пренія, по необходимости, велись на почвѣ вопроса объ общинѣ, то успѣхъ настоящаго проекта, достигнутый не безъ большого труда, имѣетъ все-таки значеніе побѣды, одержанной общиннымъ началомъ и затрудняетъ какой-либо починъ, въ ближайшее время, къ мѣрамъ неблагоприятнымъ общинному землевладѣнію.

Въ настоящемъ случаѣ, вопросъ о вредѣ или пользѣ общиннаго строя, по всей вѣроятности, могъ разсматриваться только на основаніи данныхъ теоретическихъ и общезвѣстныхъ. Вопросъ этотъ имѣетъ уже цѣлую литературу, основанную, главнымъ образомъ, на статистическихъ работахъ земствъ. Вопросу объ общинѣ мы посвятили за последнее время нѣсколько статей. И въ законодательномъ учрежденіи, разсмотрѣніе его въ настоящемъ случаѣ могло основываться только на тѣхъ-же свѣдѣніяхъ, собранныхъ частными изслѣдователями. Такихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, которыя имѣли-бы значеніе практическое и могли-бы быть добыты только опросомъ земствъ, земскихъ начальниковъ и представителей самого общиннаго землевладѣнія (подобно тому, какъ нѣсколько волостныхъ старшинъ были призваны въ извѣстную Валуевскую комиссію о сельскомъ хозяйствѣ) не было собрано.

Въ спорѣ за общину и противъ нея, аргументы обѣихъ сторонъ имѣютъ далеко не одинаковый характеръ. Противники ея ссылаются на явленія гораздо болѣе крупныя и обнимающія, если не всю общинную Россію, то все-таки значительныя ея полосы. Но такое преимущество имѣетъ эта аргументація лишь потому, что къ винѣ общины она относитъ чуть-ли не всѣ главные недостатки нашего крестьянскаго быта. Периодическіе неурожаи послѣднихъ лѣтъ, возрастающее переселеніе и проявившееся уже, хотя и не очень значительное, фактическое обезземеленіе крестьянъ, и несомнѣнно неудовлетворительное положеніе народнаго хозяйства въ губерніяхъ нѣкогда плодородныхъ, и бѣльшее накопленіе недоимокъ въ общинной Россіи, чѣмъ внѣ ея, все это — факты, и весьма крупныя. Но дѣло въ томъ, что вмѣненіе всѣхъ ихъ въ вину общинѣ представляется гадательнымъ и произвольнымъ, безъ достаточнаго сравнительнаго изслѣдованія.

Наоборотъ, въ распоряженіи защитниковъ общины находится огром-

ный матеріалъ, добытый именно изслѣдованіями. Но зато, данныя эти представляютъ не что иное, какъ множество частныхъ случаевъ и примѣровъ, безъ общаго свода. Въ однихъ мѣстахъ изслѣдованія производились, а въ другихъ нѣтъ, такъ что отъ этихъ отдѣльныхъ, хотя и многочисленныхъ фактовъ переходить къ обобщеніямъ также еще рискованно. Напримѣръ, хотя-бы о случаяхъ приговоровъ общинниковъ о переходѣ къ подворному владѣнію, приводятся цифры относящіяся къ Московской и Тверской губерніямъ, причемъ цифры неоднородныя, такъ какъ одна выражаетъ отношеніе числа перешедшихъ обществъ къ всему числу обществъ въ губерніи, между тѣмъ, какъ огромное большинство обществъ не выкупили своихъ надѣловъ. Возьмемъ хотя-бы докладъ г. Сазонова въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Сравнивая общинное владѣніе съ подворнымъ, онъ сослался на стремленіе польскихъ крестьянъ къ эмиграціи въ Америку, но этотъ аргументъ могъ-бы быть примѣненъ и къ Германіи. Ссылаясь на изслѣдованія г. Фортунатова, докладчикъ привелъ, что средняя урожайность ржи за 10 лѣтъ, на крестьянской землѣ, въ губерніяхъ съ подворнымъ владѣніемъ составляла 4 четверти 7 мѣръ, а въ общинной Россіи — 5 четвертей. Но г. Шатиловъ въ «Новомъ Времени» возразилъ, что при этомъ, подворныя хозяйства были взяты изъ мѣстности съ глиной, пескомъ и гранитомъ, а общинныя изъ черноземнаго района и что при равныхъ условіяхъ почвы, могло-бы оказаться и нѣчто совсѣмъ иное.

Какъ-бы однако ни были мѣстны и не систематичны тѣ данныя, на которыхъ приверженцы общины опираютъ ея безусловную защиту, все-таки, это — данныя положительныя, между тѣмъ, какъ противъ общины предъявляются только теоретическіе взгляды или произвольныя толкованія крупныхъ недостатковъ крестьянскаго быта, какъ зависящихъ будто-бы именно отъ общины. Такой напр. фактъ, сообщенный г. Сазоновымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ результатъ досрочнаго выкупа 9 тысячъ душевыхъ надѣловъ, въ 250 селеніяхъ Порховскаго уѣзда, на милліонъ, завѣщанный крестьянамъ землевладѣльцемъ Пантелѣевымъ, хотя и представляетъ собою только фактъ мѣстный, но имѣетъ гораздо больше вѣса, чѣмъ теоретическія положенія противниковъ общины. Земли было выкуплено свыше 43 тысячъ десятин¹⁾; крестьяне получили право требовать каждый выдѣла своей части, закладывать и продавать ее и всего черезъ нѣсколько лѣтъ, «всѣ селенія воспользовавшіяся благодѣніемъ Пантелѣева очутились въ гораздо худшихъ обстоятельствахъ, чѣмъ деревни продолжавшія выкупъ и поставленныя въ условія обыкновеннаго общиннаго быта». Наконецъ, земли 10 обществъ были назначены къ продажѣ съ аукціона городскимъ банкомъ и только вслѣдствіе оглашенія дѣла въ печати, продажа была приостановлена.

Въ то время, какъ приверженцы общины воспользовались трудами

¹⁾ Цитируемъ по г. Слонимскому: «Охрана крестьянскаго землевладѣнія».

земской статистики, и представляют множество, хотя частных, но положительных фактовъ, противники общины предъявляютъ все тѣже доводы, какіе выставялись еще 25 лѣтъ тому назадъ. Все, что могло быть заявлено противъ общины при нынѣшнемъ разсмотрѣніи вопроса о неотчуждаемости, въ сущности сводится на то же, что писалъ г. Вернадскій въ полемикѣ съ «Современникомъ». Г. Иванюковъ ¹⁾ приводитъ 10 тезисовъ Вернадскаго въ «Экон. Указатель» и 8 тезисовъ г. Тёрнера въ «Библиотекѣ для Чтенія», въ которыхъ находятся всѣ тѣ теоретическіе доводы противъ общины, какіе могли быть приводимы теперь при обсужденіи законопроекта. И стѣсненіе личной хозяйственной инициативы, и чрезполосица, и передѣлы, и слабость общинныхъ хозяйственныхъ предприятий; и отсутствіе солидарности между членами, и экономическій законъ, что земельная община исчезаетъ, когда дѣлается необходимымъ переходъ къ интенсивной обработкѣ, и слабость производительности страны, обусловленная общиною — все это нынѣ только повторялось, съ болѣею энергіею, но безъ болѣею доказательности, чѣмъ прежде.

Правда, прибавилось съ тѣхъ поръ нѣчто весьма существенное, а именно такіе факты, что народное хозяйство за 25 лѣтъ не улучшилось, что община не отвратила замѣтнаго уже, хотя и не особенно значительнаго, обезземеленія крестьянъ, что усиливается переселеніе. Но, какъ мы уже замѣтили выше, недостаетъ изслѣдованій, которыя-бы доказывали, что эти крупныя явленія находились въ причинной связи съ существованіемъ общины. вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма страннымъ представляется высказываемое обвиненіе общины — въ «соціалистическихъ инстинктахъ».

Собственно въ литературѣ, болѣе чуждъ преувеличеній, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, былъ взглядъ на общину, высказанный кн. А. Васильчиковымъ ²⁾. Онъ стоялъ за общину изъ практическихъ соображеній, но нисколько ея не идеализируя. Онъ признавалъ, что общинное владѣніе задерживаетъ земледѣльческую производительность, препятствуетъ личной инициативѣ, не можетъ оградить крестьянство «на вѣчныя времена» отъ пролетаріата. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ убѣжденъ, что при невысокой еще степени «народной организаціи» — «община представляетъ наилучшую и прочнѣйшую основу именно для этого организаціоннаго труда»; что общинное владѣніе даетъ крестьянству болѣе самостоятельности, чѣмъ подворное, болѣе средствъ къ такимъ улучшениямъ, которыя требуютъ взаимной помощи, что самая сомкнутость жилищъ въ большія селенія даетъ болѣе возможности заводить школы, запасныя магазины, общіе выгоны, больницы и богадѣльни». «Взвѣсивъ всѣ выгоды и неудобства, сбереженія и утраты, можно признать — говорить тотъ же авторъ — что наша обязательная поземельная община даетъ намъ

¹⁾ «Паденіе крѣпостнаго права».

²⁾ «О самоуправленіи». Т. II.

очень пригодную почву для этой организаціи, послѣднее слово коей есть вольная ассоціація»...

Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ согласна мысль о земледѣльской артели, которая могла бы современемъ возникнуть изъ общины, высказанная въ областномъ отдѣлѣ «СѢверн. Вѣстн.» въ іюнѣ: «дѣйствительный идеаль общиннаго владѣнія земель можетъ заключаться только въ постепенномъ расширеніи общественной запашки, такъ, чтобы она, наконецъ, охватила всѣ поля». Тамъ же, предлагалась поощрительная для расширенія общественныхъ зашашекъ мѣра: пониженіе выкупныхъ платежей, пропорціонально количеству десятинъ отходящихъ подъ общественную запашку. Запашки эти — дѣло новое, и хотя заведены онѣ уже болѣе чѣмъ въ 70 уѣздахъ, но не въ большемъ размѣрѣ, напр. 10 и менѣе десятинъ на общество, потому что онѣ пока предназначены только для специальныхъ цѣлей, какъ-то, для пополненія хлѣбныхъ магазиновъ или на уплату какого-нибудь общеннаго долга.

Состоявшееся уже ограниченіе права передѣловъ и установленіе неотчуждаемости земли—мѣры только охранительныя, то есть запретительныя. Между тѣмъ, если законодательство нынѣ столь рѣшительно высказывается за общину, что отмѣняетъ право на отчужденіе даже выкупленныхъ уже доселѣ надѣловъ, то вполне логично, чтобы государство оказало затѣмъ и прямое покровительство и даже помощь подъему общиннаго быта и рациональному его развитію. Такъ напр. однимъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ преимуществъ общиннаго владѣнія могло бы быть сколько-нибудь дѣйствительное призрѣніе калѣкъ и вообще безпомощныхъ членовъ общины. Законодательство возлагаетъ на сельскія общества попеченіе о такихъ людяхъ, если послѣдніе не имѣютъ родственниковъ, требуетъ, чтобы въ селѣ были двѣ богадѣленныя избы и чтобы призрѣваемые содержались на счетъ общеннаго сбора. Между тѣмъ, ничего правильнаго въ этомъ отношеніи не существуетъ, а есть только единичныя по селеніямъ примѣры назначенія пособій, въ нѣсколько мѣръ хлѣба, для безпомощныхъ. Но рядомъ съ этимъ, въ самыхъ же общинахъ люди ходятъ «побираться».

Что касается собственно неотчуждаемости, то не зная еще съ точностью, въ какомъ видѣ она установлена въ новомъ законѣ, можно пока говорить только о тѣхъ неудобствахъ, какія представляло для общины право отдѣльныхъ членовъ досрочно выкупать свои участки и отчуждать ихъ. При существующей чрезполосности, выдѣляющійся крестьянинъ обыкновенно получаетъ полосы въ разныхъ мѣстахъ. А такъ какъ онѣ уже не подлежатъ передѣлу и стѣсняють его, то при сколько-нибудь значительномъ числѣ выдѣленныхъ участковъ, передѣлы стали бы совсѣмъ невозможны. Затѣмъ, чѣмъ ближе къ концу всей выкупной операціи, тѣмъ досрочный выкупъ станетъ легче и вмѣстѣ съ тѣмъ, несправедливѣе. Выкупаться будутъ именно крупныя и лучшія участки, изъ опасенія будущаго передѣла, и за небольшой, относительно, остальной взносъ, многоземельный крестьянинъ обратитъ въ свою собственность всю землю, какую

онъ пользуется въ данный моментъ, между тѣмъ, какъ часть ея была ему отведена только при послѣднемъ передѣлѣ и выкупные платежи за нее вносились другими членами общины. А по мѣрѣ того, какъ община теряла бы крупныя и лучшія участки, уменьшалась бы ея хозяйственная сила и значеніе круговой поруки, какъ обезпеченія въ платежахъ.

Упомянувъ, въ той же іюньской статьѣ, о сомнѣніяхъ, чтобы одной Россіи удалось сохранить въ распредѣленіи мелкой земельной собственности «право душъ» на землю и избѣгнуть распредѣленія ея на основаніи капиталистическомъ, мы замѣтили, что «вопросъ этотъ напрасно теперь и ставить, такъ какъ у насъ уже предпринято дѣло обезпеченія крестьянъ землею; ошибки не противорѣчатъ сущности самой этой задачи; она была предпринята и мы, очевидно, обязаны работать далѣе въ этомъ направленіи». Таково именно, какъ говорятъ, было и то главное, перво-степенное соображеніе, которое рѣшило дѣло въ пользу закона о неотчуждаемости, при его обсужденіи. Соображеніе заключалось именно въ томъ, что необходимость этого мѣропріятія удостовѣряется той цѣлью, которая имѣлась въ виду «при самомъ введеніи освободительной реформы», а именно — «обезпеченіе быта земледѣльческаго сословія». Что неотчуждаемость надѣловъ не была установлена въ самомъ «положеніи» 19 февраля, это принадлежало именно къ ошибкамъ, но она логично истекаетъ изъ основной мысли надѣла.

Понятно, что отъ одного воспрещенія отчужденій надѣльной земли положеніе крестьянъ еще не улучшится; это есть мѣра только противъ возможнаго ухудшенія. Положительныя же мѣры содѣйствія крестьянской производительности доселѣ предпринимались только земствомъ и мы упоминали въ предшествующемъ обзорѣ, что заслуги въ этомъ направленіи нѣкоторыхъ земствъ, какъ московскаго, вятскаго и др., были недавно признаны г. управляющимъ министерствомъ земледѣлія. Поддержки такихъ усилій земствъ и непосредственнаго почина для улучшенія условій народнаго хозяйства можно теперь ожидать отъ этого вѣдомства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и законодательство, какъ надо надѣяться, пойдетъ впередъ въ пересмотрѣ нѣкоторыхъ имъ же созданныхъ условій, препятствующихъ подъему и упорядоченію крестьянскаго быта. Такъ, необходимо преобразование въ системѣ взиманія сборовъ, которая весьма часто толкаетъ крестьянина въ руки тѣхъ самыхъ міроѣдовъ и ростовщиковъ, противъ которыхъ направлена вводимая нынѣ неотчуждаемость надѣльной земли. Необходимъ пересмотръ паспортной системы и эта необходимость становится все очевиднѣе, по мѣрѣ того, какъ приростъ населенія и мало-земелье все болѣе принуждаютъ крестьянъ искать въ отхожемъ заработкѣ главное средство для уплаты налоговъ. А первое мѣсто въ ряду этихъ налоговъ занимаютъ именно выкупные платежи за надѣльную землю. Крестьяне съ самаго начала смотрѣли на выкупные платежи именно какъ на налогъ. Но отнынѣ, съ отмѣною права отчужденія выкупленной земли, мы, и съ теоретической точки зрѣнія, не можемъ уже видѣть въ выкуп-

ныхъ платежахъ ничего, кромѣ главнаго прямого налога, лежащаго на крестьянахъ.

Проектъ преобразованія паспортной системы уже внесенъ въ государственный совѣтъ и по сообщенію «Вѣстника Финансовъ», долженъ былъ разсматриваться въ декабрѣ. Но положительно необходимо еще и преобразование крестьянскаго управления, то-есть волости. Нѣчто въ этомъ родѣ уже и предпринято, но только въ весьма маломъ размѣрѣ. Составляется проектъ о волостныхъ писаряхъ, имѣющей цѣлью улучшеніе ихъ состава и лучшее матеріальное обезпеченіе ихъ «законными» средствами. По этому предмету, министерство внутреннихъ дѣлъ запросило земскихъ начальниковъ и мы находимъ въ «Южномъ Краѣ» нелишенные интереса свѣдѣнія объ отношеніяхъ, въ харьковской губерніи, земскихъ начальниковъ къ волостнымъ писарямъ и мнѣніе начальниковъ нѣкоторыхъ уѣздовъ о средствахъ къ улучшенію состава и положенія писарей. Земскіе начальники, съ самаго начала, довольно круто принялись за писарей, которыхъ недостатки общезвѣстны. «Сдѣлавъ первое—говоритъ газета—земскіе начальники остались вовсе безъ писарей, потому что вновь приглашенные оказались незнакомыми съ сложной письменной частью по волости... а тѣ, кто могъ-бы быть полезенъ въ волости, зналъ-бы дѣло, лица съ образованіемъ не пошли въ деревню... Въ концѣ концовъ, пришлось снова пригласить на должности писарей прежнихъ: примѣры—чуть-ли не въ каждомъ участкѣ».

На это можно замѣтить, что не «въ деревню» не пошли люди съ образованіемъ, а—въ волостные писаря, которыхъ, по закону, земскіе начальники штрафуютъ, арестуютъ и смѣняютъ по усмотрѣнію, да и навѣрно, не всегда называютъ многоуважаемыми и милостивыми государями, а чаще титулуютъ совѣмъ иначе. По отношенію же къ самой деревнѣ, положеніе волостныхъ писарей—и почетнѣе, и выгоднѣе положенія учителей, а вѣдь люди съ образованіемъ идутъ же въ деревню, въ учителя. Нельзя же требовать въ волости отъ писаря высшаго образованія, чѣмъ отъ учителя.

Мнѣніе земскихъ начальниковъ нѣкоторыхъ уѣздовъ мы передадимъ въ собственныхъ словахъ харьковской газеты: Начальники выразили «желаніе о непремѣнномъ привлеченіи на должности волостныхъ писарей лицъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, съ каковой цѣлью предполагается увеличить жалованье до 600 рублей въ годъ, смотря по населенности волости... Служебное положеніе должно быть улучшено предоставленіемъ права государственной службы волостнымъ писарямъ». Газета относится скептически къ этому предположенію, на томъ основаніи, что въ такихъ писаряхъ крестьяне будутъ видѣть «начальство»—«а успѣхъ дѣла будетъ гарантироваться, какъ и прежде, порядочностью субъекта, состоящаго въ должности волостнаго писаря».

Мнѣнія чиновниковъ о любомъ вопросѣ обыкновенно сводятся на то, чтобы прибавить еще чиновниковъ. Но если писарь получить права государственной службы, то придется предоставить тѣже права и непосредственному его начальнику—старшинѣ. Земскіе исполнительные органы

уже признаются состоящими на государственной службѣ; теперь поступило-бы на нее еще и волостное правленіе, а затѣмъ, для полноты реформы и для того «единообразія», въ которомъ иные видятъ все спасеніе, пришлось-бы распространить тоже право и на сельскихъ старостъ. Вотъ когда весь строй, дѣйствительно, сдѣлался-бы единообразнымъ. Шестьсотъ рублей жалованья писарю шли-бы изъ общественныхъ сборовъ, но тогда и старшинѣ нельзя давать меньше. Итого, на участокъ изъ 4 волостей, вмѣстѣ съ содержаніемъ земскаго начальника, полагалось-бы болѣе 7-ми тысячъ рублей, не считая письменныхъ принадлежностей, помѣщенія, отопленія и т. д. Это могло-бы составить по рублю съ ревизской души на одно ближайшее начальство, включая-же жалованье старосты, и всѣ два рубля.

Если-бы не это неудобство, то распространеніе правъ государственной службы и на крестьянскія начальства могло-бы еще оправдываться единообразіемъ того главнаго дѣла, которымъ всѣ они заняты. Что дѣлаетъ волостной писарь явно изъ самаго его названія — составляетъ бумаги. Но чѣмъ-же инымъ главнѣйше занять и волостной старшина? «Всего болѣе отнимаетъ у старшины время исполненіе разнаго рода безчисленныхъ порученій должностныхъ лицъ, законныхъ и вполнѣ противозаконныхъ — такъ говорится въ одномъ отзывѣ. «Разсылка повѣстокъ мировыхъ судей, судебныхъ слѣдователей и др. учреждений, разсылка окладныхъ листовъ, доставленіе разнаго рода, преимущественно фантастическихъ, конечно, свѣдѣній и т. д. — вотъ въ чемъ теперь заключается большая доля дѣятельности волостнаго старшины. Это, такъ сказать, старшій разсылный... Затѣмъ, наиболѣе времени отнимаютъ у старшины взысканія податей и повинностей... Въ дѣйствительности онъ является волостнымъ сборщикомъ, отвѣтственнымъ передъ исправникомъ» ¹⁾. Мы прибавимъ, что нынѣ отвѣтственность старшины удвоилась, такъ какъ онъ отвѣтственъ и въ этомъ, какъ во всякомъ отношеніи, еще передъ земскимъ начальникомъ и въ силу этой новой инстанціи, еще значительно возросло число бумагъ рассылаемыхъ старшиной, запросовъ, на которые онъ отвѣчаетъ и свѣдѣній, которыя онъ доставляетъ.

А что дѣлаетъ самъ земскій начальникъ? Объ этомъ лучше всего справиться у «Гражданина». «Первоначально — говоритъ газета — люди шли въ эту должность по идеѣ, по убѣжденію въ томъ, что они окажутъ пользу деревнѣ. Теперь-же они превратились въ чиновниковъ, въ автоматовъ, живущихъ изо-дня въ день, читающихъ губернскіе циркуляры, отписывающихся, ставящихъ на подобающихъ мѣстахъ запятыя, исполняющихъ, пожалуй, букву закона, но не имѣющихъ возможности исполнять духа его, безъ чего институтъ земскихъ начальниковъ теряетъ всякій смыслъ»... Такъ говоритъ газета, разочарованная въ своемъ любимомъ институтѣ. «Лучшіе, обезнеченные земскіе начальники — продол-

¹⁾ Матеріалы комиссіи тверскаго земства по крестьянскому вопросу 1881.

жаеть она—бѣжали; остались и вновь поступили люди, которые вынуждены служить по необходимости, которымъ приходится волей-неволей мириться съ положеніемъ вещей». Вотъ, гдѣ мы находимъ разгадку и того, сообщаемого «Южнымъ Краемъ» факта, что земскіе начальники, разогнавъ сперва прежнихъ волостныхъ писарей, очутились въ необходимости призвать ихъ снова. «Гражданинъ» не станетъ взводить небылицъ на учрежденіе, которымъ дорожить уже потому, что по его убѣжденію, оно призвано главнымъ образомъ примѣнять любимый газетою приемъ воздѣйствія. А если правда, какъ утверждаетъ газета, что «лучшіе земскіе начальники бѣжали», то какже могутъ харьковскіе земскіе начальники желать улучшения состава волостныхъ писарей и «непремѣннаго привлеченія на эти должности лицъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ?»

Оказывается, обѣ стороны главнымъ образомъ занимаются составленіемъ бумагъ и вѣдомостей, да доставленіемъ затребованныхъ свѣдѣній п, за дѣлопроизводствомъ, у нихъ остается мало времени на самое дѣло. А между тѣмъ, волость, по мысли «положенія» 19 февраля, вовсе не замыкалась исключительно въ кругъ однихъ административныхъ дѣйствій, то есть собственно «дѣлопроизводства», какъ то безусловно оказывается теперь. Законъ предоставляетъ волостному сходу, какъ и сельскому, принимать мѣры по обезпеченію продовольствія, по общественному призрѣнію, по учрежденію школъ и проч. На дѣлѣ же, волостной сходы, обыкновенно, собирается разъ въ годъ, только для выборовъ, а волостное правленіе, которое должно состоять изъ сельскихъ старостъ, совсѣмъ не существуетъ. Волость представляется только судомъ, старшиной и писаремъ. Все это писать и пореть, но органомъ для какихъ-либо улучшеній не служить и служить не можетъ. Вотъ въ чемъ дѣло, а не въ томъ, хорошъ-ли, худъ-ли тотъ или другой писарь. Дѣло въ томъ, что самая эта волость—бесильная для почина, волость болѣе всего пишущая, да къ тому-же малообразованная, а стало быть, удивляться-ли, что въ дѣйствительности ею и править писарь, котораго въ волости никто не можетъ и контролировать.

Очевидной ошибкой законодательства было созданіе въ волости—мѣстной власти на сословномъ началѣ, такъ, что компетенція волости административной не распространилась на все населеніе волости географической. «Положеніе» создало волостное управленіе, какъ чисто-крестьянское, устранило отъ участія въ немъ дворянство, духовенство и лицъ либеральныхъ профессій, живущихъ въ предѣлахъ волости.

Совсѣмъ иначе обстояло-бы дѣло и въ волостяхъ, да и въ земствѣ, если-бы съ самаго начала все уѣздное управленіе получило характеръ земскій, а всесословная волость явилась-бы какъ низшая, основная и жизненная земская единица. Какое-бы могъ въ ней имѣть значеніе писарь? Небольшое, конечно, чѣмъ секретарь въ уѣздной управѣ. Тогда волостной писарь, дѣйствительно, могъ-бы быть «съ образовательнымъ цензомъ», не представлялось-бы нужды «привлекать» на эту должность лю-

дѣй съ нѣкоторымъ образованіемъ; они сами пошли-бы въ волость, какъ учителя идуть и въ селенія.

«Духъ» закона 12 іюня 1889 года, создавшаго учрежденіе земскихъ начальниковъ, «Гражданинъ», конечно, преувеличиваетъ — въ томъ направленіи, которому онъ самъ служитъ. Несомнѣнно, однако, что прямой цѣлью этого закона было упорядоченіе сельскаго быта при помощи мѣстнаго дворянскаго элемента. Но элементъ этотъ, которому принадлежитъ главная доля въ заслугахъ земства, въ должности земскихъ начальниковъ былъ поставленъ тѣмъ узаконеніемъ въ слишкомъ бюрократическія условія, что теперь и отзывается на дѣлѣ. Земскіе начальники, въ извѣстномъ отношеніи, являются мировыми судьями, только — судьями по назначенію, то есть такими, какихъ мы видимъ на западной окраинѣ. Но въ отношеніи надзора за правильностью крестьянскаго управленія и порядкомъ въ участкахъ, земскіе начальники — лица чисто-административные. Спеціально дворянскаго въ нихъ только то, что назначаются они (не считая исключеній) — изъ лицъ, принадлежащихъ къ уѣздному дворянству, стало быть, все-таки имѣющихъ нравственную связь съ мѣстностью и хорошо знакомыхъ съ мѣстнымъ крестьянствомъ.

Но уже безусловно административный характеръ и совсѣмъ иную цѣль получило-бы это учрежденіе при примѣненіи его — въ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, какъ то повидимому предполагается. По крайней мѣрѣ, газеты сообщили, что отъ мѣстныхъ губернаторовъ уже затребованы мнѣнія относительно введенія земскихъ начальниковъ въ западныхъ губерніяхъ и тѣхъ особенностей въ самомъ учрежденіи, какія признавались-бы нужными по мѣстнымъ условіямъ. Быть можетъ, впрочемъ, введеніе должности земскихъ начальниковъ въ западной Россіи еще и не предполагается на ближайшіе годы. Во всякомъ случаѣ, легко убѣдиться, что этой реформѣ должны были-бы предшествовать нѣкоторыя другія, безъ которыхъ она представлялась-бы преждевременною, излишнею при нынѣшнихъ мѣстныхъ условіяхъ и едва-ли полезною, какъ для крестьянъ, такъ и для частныхъ землевладѣльцевъ.

Въ западныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, не существуетъ ни земскихъ учрежденій, ни дворянскихъ выборовъ, ни выборныхъ мировыхъ судей, которыхъ въ земской Россіи замѣнили собой участковые начальники. Мировые судьи тамъ назначаются, а «твердая власть на мѣстахъ», о необходимости которой столько писалъ покойный Пазухинъ, при работѣ «положенія» 1889 г., представляется во-первыхъ исправниками, становыми и урядниками, имѣющими тамъ несравненно большее значеніе и большій просторъ дѣйствія, чѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ, восточныхъ и южныхъ, во-вторыхъ — мировыми посредниками, наконецъ, обуславливается вообще преобладающими условіями мѣстнаго быта.

Стало быть, если разсуждать даже такъ, что земскіе начальники необходимы тамъ, какъ дѣятели обрусѣнія, то спрашивается, чѣмъ-же они

лучше мѣстныхъ мировыхъ судей и посредниковъ? Развѣ въ учрежденіи ихъ прибывала-бы новая сила для скорѣйшаго обрусѣнія? Нисколько; это было-бы просто переименованіе тамошнихъ мировыхъ судей и посредниковъ въ земскіе начальники, а какая-же сила можетъ заключаться въ одномъ переименованіи?

Въ минувшемъ мѣсяцѣ начали уже составляться особыя городскія присутствія по взиманію, вводимаго съ будущаго года, квартирнаго налога въ городахъ. Опубликованная инструкція, относительно налога, предписываетъ опредѣленіе суммы его съ каждого плательщика — по дѣйствительной платѣ за квартиру, занимаемую 15 декабря предшествующаго года и ставить сроками для отсылки списка плательщиковъ въ казначейство — 12 апрѣля, а для уплаты — 15 число того же мѣсяца.

Вслѣдствіе отмѣны подушной подати и скидки по рублю изъ выкупныхъ платежей, для возмѣщенія пропущеннаго отсюда уменьшенія казеннаго дохода, былъ введенъ цѣлый рядъ налоговъ на капиталъ и промышленные доходы, какъ-то: налогъ на имущества переходящія безмезднымъ способомъ, налогъ купонный, оцѣночный и раскладочный сборы. Въ конечномъ результатѣ, государственные доходы, не смотря на упомянутое облегченіе народно-податнаго бремени, возросли, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ—какъ мы видимъ изъ только что обнародованнаго контрольнаго отчета за 1892 г.—на 225 мил. руб., т. е. почти на цѣлую треть прежней ихъ суммы (если не считать выкупныхъ платежей). Стало быть, дѣло возмѣщенія казначейству его потери по отмѣнѣ подушной подати и сбавкѣ въ выкупныхъ платежахъ, можно признать ликвидированнымъ и помимо установленія новаго налога. Возросли же доходы на цѣлую треть потому, что сверхъ упомянутыхъ налоговъ, введены были еще и иные, какъ нефтяной и спичечный, и значительно возвышены существующіе косвенные налоги, причемъ эти виды усиленнаго обложенія въ значительной степени обратились на тѣ же классы, которые были освобождены отъ подушной подати.

Государственный квартирный налогъ, который прибавляется къ прежнему обложенію, имѣетъ то сходство со сборами, которыхъ необходимость была вызвана отмѣною подушной подати, что богатые городскіе жители будутъ подлежать ему, а классы занимающіеся ручнымъ трудомъ не будутъ. Но это уже не есть налогъ исключительно на людей богатыхъ или хотя бы достаточныхъ, какъ тѣ, прежніе. Въ числѣ жителей большого города, платящихъ за квартиру болѣе 300 рублей, особенно въ Петербургѣ, большинство составляютъ люди не только не достаточные, но прямо едва сводящіе концы съ концами. Вполнѣ справедливо, чтобы обложенъ былъ сборомъ въ пользу государства интеллигентный рабочій, какъ обложенъ крестьянинъ. Но только налогъ на квартиры въ городахъ нельзя уже относить къ числу налоговъ, падающихъ лишь на классы имущіе.

Основаніемъ для установленія квартирнаго налога послужило то соображеніе, что есть такіе доходы, которые доселѣ никакихъ нало-

говъ не несли и что квартирный налогъ можетъ быть введенъ взамѣнъ подоходнаго, какъ наиболѣе удобно осуществимый видъ послѣдняго. Но существенной чертой и главнымъ достоинствомъ общаго подоходнаго налога представлялась бы его уравнительность, а квартирному налогу присуща именно черта противоположная. Въ подоходный налогъ должны были бы войти всѣ существующіе уже виды прямого обложенія дохода, такъ, чтобы каждый платилъ съ каждой составной части своего годового дохода, но чтобы въ то же время, никто не платилъ вдвойнѣ по одному и тому же виду своего дохода.

Между тѣмъ, квартирному налогу будетъ подлежать и тотъ, кто уже платитъ гильдейскія, оцѣночный сборъ по одному предиріятію, раскладочный—но другому и купонный съ своихъ бумагъ. Что, такимъ образомъ, обложены всѣ виды дохода этого плательщика—прекрасно; но почему же его еще подвергать квартирному налогу, объясняемому тѣмъ, что есть доселѣ такіе доходы, которые не подлежатъ никакому обложенію, когда всѣ части дохода этого плательщика уже обложены? Домовладѣлецъ платитъ государственный поземельный сборъ и будетъ платить еще налогъ съ квартиры, которую занимаетъ въ своемъ домѣ, между тѣмъ, какъ землевладѣлецъ платитъ только поземельный, а съ своей квартиры, хотя бы она была дворцомъ, ничего платить не будетъ. Точно также, въ мелкихъ городскихъ поселеніяхъ могутъ быть жилища помѣщенія, свидѣтельствующія о богатствѣ лицъ, ихъ занимающихъ, но налогу они не подлежатъ, между тѣмъ, какъ нанятель квартиры въ 400 руб. въ Петербургѣ, очевидно человекъ, живущій трудомъ, привлекается къ налогу.

Нѣтъ спора, что если-бы тѣ приблизительно 15—20 милліоновъ, которые даль-бы подоходный налогъ, по зачетѣ въ его составъ всѣхъ уже существующихъ формъ обложенія доходовъ, были обращены прямо на уменьшеніе выкупныхъ платежей крестьянъ, то можно было-бы только привѣтствовать введеніе подоходнаго, а хотя бы и квартирнаго налога. Но при этомъ, такая задача должна была-бы быть прямо поставлена и затѣмъ выполнена. Безъ этого-же условія, новый налогъ представляетъ собой просто добавокъ къ существовавшимъ прежде, а являясь въ формѣ весьма неуравнительной, онъ едва-ли можетъ быть признанъ рациональнымъ. Налогъ на квартиры въ городахъ было-бы справедливѣе представить—городамъ и предложенное въ саратовской думѣ ходатайство передъ правительствомъ объ отчисленіи части государственнаго квартирнаго налога—въ пользу города, мы находимъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что ни изъ мотивовъ къ этому налогу, ни изъ контрольнаго отчета за 1892 годъ, не видно, чтобы квартирный налогъ вызывался потребностью въ немъ государственнаго казначейства.

Могутъ, конечно, сказать, что вообще, съ года на годъ, возрастаютъ расходы, а потому необходимы и новые налоги. Но вопросъ въ томъ, какіе расходы возрастаютъ. Если-бы въ государственной росписи на 1894 годъ, одновременно съ которою выйдетъ въ свѣтъ это обозрѣніе

внесены были 15 милл. руб. по смѣтѣ министерства земледѣлія, на созданіе серьезныхъ средствъ для улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, то такой новыи расходъ нельзя было-бы не признать въ самомъ дѣлѣ настоящимъ. То же самое слѣдуетъ сказать о необходимости государственной помощи въ большихъ размѣрахъ дѣлу народныхъ школъ. Постепенное возростаніе расходовъ можетъ быть болѣе или менѣе производительнымъ, смотря по ихъ назначенію.

Правда, въ теченіе трети вѣка, о которой мы упомянули въ началѣ статьи, сдѣлано у насъ многое, но еще несравненно больше остается сдѣлать для того, чтобы мы дѣйствительно приблизились къ европейскимъ культурнымъ условіямъ и чтобы то культурное, что уже осуществлено, не стояло одинокимъ и почти безсильнымъ, посреди цѣлой массы условій некультурныхъ. Это положеніе прекрасно опредѣлилъ корпусный командиръ, генералъ Косичъ, который, въ своемъ качествѣ почетнаго мирового судьи, присутствовалъ на празднованіи десятилѣтія окружного суда въ Минскѣ. Упомянувъ, что «чистое, честное и свѣтлое учрежденіе, каковъ нынѣшній нашъ судъ, оправдало въ продолженіе 30 лѣтъ надежды правительства и общества», генералъ прибавилъ къ этому слова, которыя мы, съ особымъ удовольствіемъ, заносимъ въ хронику русской общественной жизни и отражающихся въ ней теченій общественной мысли: «Мы всемѣрно должны стремиться къ тѣмъ идеаламъ человѣческихъ обществъ, которые были высказаны уже давно, цѣлыя тысячелѣтія тому назадъ. Между тѣмъ, не смотря на нашу европейскую культуру, которою мы гордимся, мы еще очень далеки отъ этихъ идеаловъ. Прекрасно устроенныя, напримѣръ, больницы безсильны, если населеніе живетъ при антигигіеническихъ условіяхъ, если оно дышетъ дурнымъ воздухомъ, дурно питается и пьетъ нечистую воду и проч. Точно также, какъ-бы ни были честны, идеальны суды, какъ-бы они ни сіяли свѣтлыми точками на далекомъ горизонтѣ, но если они стоятъ съ своею чистотою почти одиноко, среди общественнаго мрака и неблагоустройства среди тьмы и безмолвія, при которыхъ развиваются и зрѣютъ предразсудки и неправда, тамъ, гдѣ нѣтъ, между прочимъ, достаточной гласности, которая во-время предупреждаетъ развитіе зла, эти чистые и свѣтлые суды остаются безсильны, какъ, въ общемъ, нецѣлесообразны блестящія больницы среди антигигіенической обстановки народа. Позвольте привести здѣсь упомянутое мною изреченіе: «Хорошо управляется та страна, въ которой мечи заржавлены, а плуги блестятъ, гдѣ ступени храмовъ и школъ стерты, житницы полны, а тюрьмы и больницы пусты и гдѣ... дороги къ судамъ заросли травой». Итакъ, для преуспѣянія общественнаго, намъ остается дружно пожелать осуществленія нашихъ идеаловъ, а также «свѣта, побольше свѣта».

Въ нашемъ отдѣлѣ «Изъ Литературы» приведенъ примѣчательный въ разныхъ отношеніяхъ документъ, носящій названіе: «Открытое письмо Эмпія Зола къ русской печати»: оно появилось въ газетѣ «Temps». Мы

не имѣемъ въ виду отвѣчать г. Зола; это дѣло газетъ. Но въ вопросѣ о заключеніи литературной конвенціи замѣшанъ внутренній интересъ, который мы и хотимъ освѣтить, а при этомъ случаѣ, скажемъ нѣсколько словъ и о той формѣ, въ какой этотъ вопросъ былъ поставленъ въ данномъ письмѣ.

Г. Зола проситъ русскую печать признать, «что литературная собственность есть собственность» Эта элементарная формулировка вопроса прежде г. Зола была дана Альфонсомъ Карромъ, который предлагалъ издать законъ слѣдующаго содержанія: «*Article premier et unique. La propriété littéraire est une propriété*». ¹⁾ Но это-то опредѣленіе и невѣрно, такъ какъ литературная собственность именно не есть такая же собственность, какъ всякая другая. Въ строгомъ смыслѣ, это даже не столько собственность, сколько право изобрѣтателя, ученаго, литератора, композитора и художника на сохраненіе за нимъ всего того заработка, на которые ему даютъ право продукты его труда — въ собственномъ, подлинномъ видѣ этихъ продуктовъ.

Какъ изобрѣтателю дается привилегія, по необходимости временная, такъ и право литературной собственности во всѣхъ странахъ ограничивается срокомъ, между тѣмъ какъ всякая другая собственность признается неотъемлемой навсегда. Собственность есть право на вещь, безусловное и вѣчное. Но мысль не есть вещь и владѣніе мыслью не можетъ быть безусловно и безсрочно. Всякое не только завладѣніе, но и пользованіе чужой вещью, безъ согласія владѣльца, не дозволяется, но свободнаго пользованія чужой мыслью невозможно отратить никакимъ закономъ. Привилегія, и то временная, выдается изобрѣтателю — только на придуманный имъ снарядъ, въ оригинальной формѣ послѣдняго. Но стоитъ существенно измѣнить его, усовершенствовать или исказить, и уже привилегія перваго изобрѣтателя на эти, измѣненные продукты его же мысли не распространяется.

Къ свойству вещественной собственности сколько-нибудь приближаются — не мысль изобрѣтателя, не творчество писателя, не открытія ученаго, не рисунки художника, не сочиненія композитора, но — данные, такіе-то именно: машина, книга, картина, клише, негативъ, изданная партитура. Иначе, если-бы принять опредѣленіе А. Карра, что литературная собственность — совершенно такая, какъ и всякая иная, то можно было-бы прийти къ страннымъ результатамъ. Никто не имѣетъ права пользоваться, хотя-бы на пять минутъ, квартирой, безъ вознагражденія или согласія домовладѣльца. Точно такъ, если кто-нибудь украсть книгу или картину и только прочелъ или посмотрѣлъ на нихъ, а потомъ возвратилъ-бы владѣльцу, то это все-таки было-бы нарушеніемъ собственности. Когда въ прежнее время бельгійскіе контрафакторы перепечатавали книги, выходившія во Франціи, и разсылали по всему свѣту свои дешевыя

¹⁾ Статья первая и единственная: литературная собственность есть собственность.

изданія, то это очевидно нарушало право авторовъ на полный заработокъ отъ продукта ихъ труда, въ его первоначальномъ видѣ.

Но могутъ-ли составлять собственность—уже не книга—а содержаніе сочиненія, рисунокъ въ картинѣ, мелодія, сочиненная композиторомъ? Если переводъ сочиненія на другой языкъ есть нарушеніе собственности, то нарушеніе составляютъ и пересказъ содержанія, и компиляція, и даже сочиненіе театральной пьесы на мысль другой, написанной раньше. Вѣдь упрекаютъ-же себя постоянно авторы, что эту мысль «онъ *укралъ* у меня». Повторяемъ, вторженіе въ чужой домъ, хотя-бы на минуту и, пожалуй, перепечатку пусть одного нумера оперы, вышедшей за границу, еще возможно признать за нарушеніе правъ собственности. Но тотъ-же Альфонсъ Карръ, который увѣрялъ, что литературная собственность есть такая-же собственность, какъ и иная, высказался однажды противъ безусловности примѣненія этого принципа. «Пришлось-бы — сказалъ онъ,—каждаго, кто идетъ, насвистывая мелодію какого-нибудь композитора, хватать за воротникъ, крича «*c'est trois francs!*».

Предшествующія теоретическія различія сдѣланы нами, чтобы опредѣлить нашу точку зрѣнія въ данномъ вопросѣ. Мы не имѣемъ ничего противъ возобновленія литературной конвенціи съ Франціею — въ томъ самомъ видѣ, какъ она существовала прежде. Мы соглашаемся, что перепечатка книгъ и партитуръ не должна быть дозволена безъ согласія авторовъ, хотя-бы они были иностранцы. Но прежняя литературная конвенція оставляла за нами свободное право перевода и отъ этого права намъ нѣтъ повода отступаться. Переводъ уже не есть первоначальный, непосредственный продуктъ умственного труда того автора, который переводится.

Всѣ законодательства могутъ сходиться въ запрещеніи контрафакціи литературной, какъ и иной. Но контрафакція есть перепечатка книгъ, между тѣмъ какъ переводъ есть литературный трудъ. Безусловно провести принципъ литературной и музыкальной собственности, во всякомъ случаѣ, невозможно; нельзя-же воспретить ученымъ ссылаться на отзывы иностранныхъ ученыхъ и приводить цитаты изъ ихъ сочиненій, безъ согласія первыхъ авторовъ; нельзя требовать, чтобы составитель музыкальнаго популярнаго заплатилъ авторамъ всѣхъ мелодій, изъ которыхъ оно составлено. По необходимости, здѣсь является вопросъ объ извѣстномъ, среднемъ предѣлѣ; а въ рѣшеніи этого вопроса разныя законодательства могутъ расходиться, по соображеніямъ практическимъ, каковы: мѣстные потребности, взаимность выгодъ или отсутствіе такой взаимности.

Г. Зола утверждаетъ, — что въ настоящее время русскихъ авторовъ переводятъ во Франціи и что поэтому была-бы взаимность выгодъ въ обложеніи переводовъ гонораромъ первому автору. Но, во-первыхъ, это еще только тѣнь взаимности, похожая на то, какъ если-бы аптекарп-гомеопаты предлагали аптекарямъ-аллопатамъ учредить кассу взаимной помощи, основанную на процентѣ отъ цѣны употребленныхъ въ дѣло

матеріаловъ; а, во-вторыхъ, главный нашъ интересъ при охраненіи права на переводъ представляется не беллетристикой, даже не романами самого г. Зола, но учеными трудами и руководствами... А въ этомъ отношеніи, не было-бы и тѣни взаимности, при платѣ за право перевода.

На повторенныя утвержденія г. Зола, будто достаточно русской печати «громогласно указать» на необходимость литературной конвенціи съ Франціею и такая конвенція тотчасъ будетъ заключена, мы не имѣемъ нужды возражать; но приведемъ возраженіе, сдѣланное уже французскимъ-же авторомъ, г. де-Кератрїи, что сила общественнаго мнѣнія въ Россіи далеко не такъ безусловна, какъ думаетъ г. Зола. Въ заключеніе, скажемъ, что вѣжливость не дозволяетъ намъ слишкомъ останавливаться на напоминаніяхъ г. Зола русской печати о чести русской націи, о честности отношеній, на его призывѣ насъ къ «универсальной совѣсти», и на такомъ его приговорѣ, что въ данномъ случаѣ мы стоимъ «поодаль отъ современнаго права, вѣ всякаго кодекса». Всѣ эти выраженія неумѣстны, точно также, какъ и то соображеніе, будто первымъ результатомъ единенія между двумя народами должно быть непремѣнно назначеніе гонораровъ французскимъ авторамъ за переводы съ нихъ. «Мы только что обмѣнялись столь крѣпкимъ братскимъ поцѣлуемъ, наши сердца бились въ униссонъ...» убѣждаетъ насъ г. Зола. Бываетъ, конечно, въ результатѣ братскихъ поцѣлуевъ, что одна сторона говоритъ другой—поднеси, братъ; но такая *sans gêne* неупотребительна между націями.

Признаемся также—насъ немного удивляетъ, что съ настоящею, весьма энергическою претензіею къ намъ рѣшился выступить именно г. Зола. Правда, онъ пишетъ въ качествѣ президента литературнаго общества. Но въ такомъ случаѣ не лучше-ли ему было не упоминать о 14 переводахъ одного его романа въ Россіи? Намъ онъ говоритъ о справедливости, чести, честности и братствѣ. Но о г. де-Кератрїи онъ рассказывалъ, по тому-же поводу, сотруднику «*Matin*», что черезъ Кератрїи онъ, г. Зола, продалъ въ Соединенныхъ Штатахъ право перевода своихъ романовъ за 10 тыс. франковъ, и что это для него убыточно, такъ какъ г. Кератрїи за это потребовалъ съ него 30 процентовъ, а послѣ того, какъ г. Зола поторговался, взялъ 25 процентовъ. Вотъ это гораздо ближе подходитъ къ тому дѣлу, которое намъ такъ настойчиво предлагаетъ г. Зола, чѣмъ принципы чести и справедливости, чувство братства и т. п.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Праздникъ типографскаго труда. — Письмо Золя къ русской печати. — Элеонора Дузе въ новой роли. — Новыя находки въ Египтѣ. — Новости итальянской литературы за послѣднее полугодіе. — Джякомо Запелла и его слава. — Джонъ Тиндалль.

Праздникъ типографскаго труда. 6-го декабря 1893 года одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ типографовъ столицы праздновалъ свой двадцатипятилѣтній юбилей въ небольшомъ кругу своихъ постоянныхъ кліентовъ. Типографія В. Ѳ. Демакова пользуется солидною репутацией, благодаря не только своей многолѣтней дѣятельности, но и удивительной чистотѣ и аккуратности работы, доведенныхъ въ ней до артистическаго совершенства. Самъ В. Ѳ. Демаковъ, можно сказать, посѣдѣлъ въ этой обстановкѣ полезнѣйшаго труда, изъ которой вышло множество замѣчательныхъ періодическихъ изданій и ученыхъ книгъ. Дѣятельный и страстно привязанный къ своему дѣлу, В. Ѳ. Демаковъ всегда пользовался расположеніемъ въ тѣхъ литературныхъ сферахъ, съ которыми соприкасалась его типографская дѣятельность. внушая къ себѣ уваженіе за свое оживленное отношеніе къ исполняемой имъ работѣ, за свою способность быстро ассимилироваться даже съ литературнымъ интересомъ печатаемыхъ имъ изданій. Неудивительно поэтому, что въ день 6-го декабря въ квартиру В. Ѳ. Демакова, соединенную съ его типографіей и сотрясаемую обыкновенно шумнымъ движеніемъ работающихъ кингопечатныхъ машинъ, собралась довольно многочисленная публика изъ различныхъ слоевъ петербургскаго общества. Тутъ были извѣстнѣйшіе профессора сиб. университета — Д. И. Менделѣевъ, Н. А. Мешуткинъ, И. И. Боргманъ и Хр. Я. Гобби, тутъ было нѣсколько представителей петербургской печати и, наконецъ, нѣкоторые представители цензурнаго вѣдомства — С. И. Коссовичъ, Р. Р. Вилена и др., были и такіе общезвѣстные дѣятели, какъ директоръ департамента мануфактуръ и торговли, В. П. Ковалевскій, Я. Г. Гуревичъ. Было получено много телеграммъ и писемъ, между которыми были телеграммы отъ ректора сиб. университета П. В. Никитина, отъ сенатора А. П. Везобразова, отъ Н. И. Пантелеева, отъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, отъ школы печатнаго дѣла отъ типографіи «Общественная Польза» и др. Послѣ молебна, В. Ѳ. Демакову былъ прочитанъ адресъ отъ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника», много лѣтъ печатающагося въ его типографіи. Адресъ этотъ, прочтенный въ присутствіи всѣхъ наборщиковъ типографіи, поднесшихъ В. Ѳ. Демакову хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, вызвалъ взрывъ шумныхъ восторговъ по отношенію къ юбиляру, который со слезами на глазахъ благодарилъ и представителей редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» и своихъ рабочихъ за оказанную ему честь и вниманіе. При этомъ почтенный юбиляръ особенно горячо отнесся къ небольшой рѣчи, сказанной ему старшимъ работникомъ типографіи, метранпажемъ И. М. Тюлевымъ, который много лѣтъ находится въ его типографіи, съ любовью, искусствомъ и интересомъ выполняя нелегкія, возлагаемая на него задачи.

Приводимъ цѣлкомъ адресъ нашей редакціи, подписанный издательницей Л. Гуревичъ, редакторомъ М. Альбовымъ и сотрудниками А. Вольцкимъ, Л. Половскимъ, А. Трачевскимъ, А. Субботинымъ, Гр. Гуревичемъ, К. Баранцевичемъ и Н. Минскимъ:

Дорогой и многоуважаемый

Василій Федорович!

Съ сердечною радостью привѣствуемъ Васъ въ день двадцатипятилѣтняго служенія Вашего русскому обществу на трудномъ поприщѣ типографскаго дѣла. «Сѣверный Вѣстникъ» имѣетъ особенныя причины цѣнить Вашу энергію, Вашу педагогическую добросовѣстность въ исполненіи взятыхъ на себя обязанностей, Ваше тонкое, умудренное годами. пониманіе тѣхъ многоразличныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ приходится жить и дѣйствовать русскому періодическому изданію. Вы никогда не были равнодушнымъ исполнителемъ вашихъ редакціонныхъ распоряженій: вникая во всѣ подробности нашего сложнаго и отвѣтственнаго дѣла, горячо принимая къ сердцу все, что такъ или иначе могло бы отразиться на судьбѣ его, Вы постоянно помогали намъ Вашимъ совѣтомъ, Вашими типографскими услугами, Вашею поразительною быстрою въ исполненіи каждаго нашего желанія. Рожденная въ шумѣ и грохотѣ типографской работы, каждая книга «Сѣвернаго Вѣстника» говоритъ намъ о томъ, что Вы бдительно стоите на стражѣ нашихъ интересовъ, что наше дѣло близко Вашей душѣ, что Вы сердцемъ принимаете участіе въ нашемъ лихорадочномъ трудѣ на пользу литературы. И мы знаемъ цѣну Вашимъ усиліямъ. Вы — нашъ товарищъ, Вы — нашъ другъ, Вы — наша постоянная, неизмѣнная аккуратность! . Примите-же наши лучшія пожеланія, любезный Василій Федоровичъ: дай Богъ Вамъ здоровья и счастья! Пусть процвѣтаетъ Ваша превосходная типографія! Пусть живутъ въ благополучіи Ваши ближайшіе помощники — тѣ честные труженики, которые цѣлыми годами не оставляютъ Вашей типографіи, которые служатъ Вамъ и Вашему дѣлу съ такою отнѣною добросовѣстностью, съ такимъ неутомимымъ усердіемъ. Мы желали бы, чтобы Вы оставались всегда такимъ, какимъ мы Васъ знаемъ въ теченіе многихъ лѣтъ: тѣмъ дѣятельнымъ и бодрымъ человекомъ, который самъ постоянно спѣшитъ, все торопитъ по пути, никогда ничего не задерживаетъ въ сферѣ своихъ обязанностей, во всѣхъ заражаетъ своимъ молодымъ пыломъ, своею стремительною готовностью быстро приводить въ исполненіе каждую разумную мысль, относящуюся къ любимому имъ типографскому дѣлу.

Письмо Золя къ русской печати¹⁾. Въ «Новомъ Времени» напечатанъ переводъ «Открытаго письма Золя къ русской печати», появившагося во французской газетѣ «Temps» отъ 12 (24 го) декабря 1893 г. Приводимъ его цѣликомъ.

Господа издатели!

Давно уже идетъ рѣчь о заключеніи литературной конвенціи между Россіей и Франціей и я, въ качествѣ президента Société des gens de lettres, позволяю себѣ обратиться къ вамъ, такъ какъ я достовѣрно узналъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ успѣшное заключеніе этого международнаго договора зависить отъ благопріятнаго отзыва, которое соблаговолить дать о немъ русская печать. Это именно я и желаю прежде всего установить въ немногихъ словахъ.

Касаться здѣсь исторіи этого вопроса я не буду. Придется забѣгать слишкомъ далеко, приводить сложныя подробности всякаго рода и притомъ безъ всякой непосредственной пользы. Единственный эпизодъ, заслуживающій напоминанія, это поѣздка, которую совершилъ на счетъ нашего Cercle de la librairie г. де-Кератри. Я полагаю, что онъ повезъ съ собою тоже письма, дѣлающія изъ него довѣреннаго нашихъ Société des gens de lettres et Société des auteurs et des compositeurs dramatiques. Сверхъ того, у него было прошеніе, покрытое подписями, для врученія русскому правительству. И теперь удивляются, что, несмотря на такія благопріятныя условія, миссія его потерѣла полную неудачу. Это, понятно, насъ обезкуражило, притомъ до такой степени, что мы не рѣшались до сихъ поръ сдѣлать новой попытки.

¹⁾ См. обсужденіе этого письма во «Внутр. Обзор.»

Но если я напалъ на мысль обратиться къ вамъ, то потому лишь, что нѣкоторые изъ васъ, во время празднествъ, дававшихся городомъ Парижемъ вашимъ морякамъ, объяснили мнѣ причину неудачи г. де-Кератри. Послѣдній, по ихъ словамъ, съ весьма похвальными, конечно, намѣреніями, обращался исключительно къ правительственнымъ лицамъ. Многія изъ нихъ дали ему, какъ говорятъ, обѣщанія, которыхъ они потомъ не сдержали. Но хуже всего, повидимому, то, что онъ пренебрегъ посѣтить издателей вообще и издателей газетъ, словомъ, главныхъ заинтересованныхъ, и расположить ихъ въ пользу своего дѣла, вслѣдствіе чего, какъ только вопросъ былъ возбужденъ гласно, въ прессѣ возникла сильная оппозиція. Русское правительство, парализованное этою оппозиціею, такъ опредѣленно высказанною, отказывается вступать въ новые переговоры до тѣхъ поръ, пока положеніе не измѣнится. Словомъ, ваше правительство вполнѣ благоразумно говоритъ: «Мы, государственныя власти, не желаемъ имѣть собственнаго сужденія по этому предмету; намъ будетъ очень пріятно заключить литературную конвенцію съ Франціей, которая дружественная намъ держава, но мы сдѣлаемъ это не иначе, какъ на основаніи формальнаго желанія заинтересованныхъ въ дѣлѣ русскихъ подданныхъ, русской книжной торговли и русской прессы».

Повторяю: ничего не можетъ быть болѣе благоразумнаго и по этой именно причинѣ я и рѣшился, милостивые государи, обратиться къ вамъ, такъ какъ убѣжденъ въ томъ, что подписаніе литературной конвенціи не должно заставить ждать себя, если вашимъ газетамъ угодно будетъ требовать этого для чести и общихъ интересовъ обѣихъ націй. Я, впрочемъ, признаюсь, что не выпустилъ этого письма на авось: я уже бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ со многими изъ васъ, я полагаю, что онъ уже созрѣлъ для благополучнаго разрѣшенія. Съ другой стороны, г. Галперинъ-Каминскій, много потрудившійся надъ дѣломъ сердечнаго согласія, сказалъ мнѣ, что во время его поѣздки въ Петербургъ прошлою зимою онъ имѣлъ возможность констатировать благопріятныя намѣренія не только среди русскихъ авторовъ, но и среди самихъ издателей, враждебно относившихся до тѣхъ поръ къ идеѣ о какой бы то ни было конвенціи. И онъ находится въ очень хорошихъ условіяхъ для полученія точныхъ свѣдѣній, потому что онъ уже много лѣтъ переводитъ романистовъ обѣихъ языковъ. Существуетъ, слѣдовательно, безспорное движеніе въ пользу соглашенія, и какова будетъ моя радость, если онажится, что я собираюсь выламывать отпертыя двери.

Если, однако, потребовалось бы изложить вамъ, милостивые государи, еще другія вѣскія причины для того, чтобы убѣдить васъ въ выгоду подписанія конвенціи для обѣихъ народовъ, то мнѣ пришлось бы сказать еще многое. И прежде всего и выше всего стоитъ принципъ честности и справедливости, по которому литературная собственность есть собственность. Это признается нынѣ всѣми народами, отрицать этотъ принципъ значить посягать на универсальную совѣсть. У насъ существуютъ договоры съ сосѣдними націями, которыя насъ мало любятъ. И развѣ не печально для насъ, что именно нація, съ которою мы только что обѣщались столь крѣпкимъ братскимъ поцѣлуемъ, нація, въ которой мы чаемъ любящую сестру, есть единственная великая нація въ Европѣ, которая живетъ поодаль отъ современнаго права, внѣ всякаго кодекса? Теперь, когда сердца наши бились въ унисонъ, слѣдовало бы, мнѣ кажется, идти тоже бокъ-о-бокъ во всемъ въ области справедливости. Но я знаю, что это исключительно сентиментальная сторона вопроса и что не дурно, ради торжества справедливости, чтобы оно стало необходимымъ вслѣдствіе здраво понимаемыхъ интересовъ обѣихъ сторонъ.

Да, милостивые государи, я могу вамъ съ полнымъ спокойствіемъ заявить, что очевидно, что отвынѣ Россія не меньше Франціи заинтересована въ заключеніи литературной конвенціи. Лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ господствовало мнѣніе, что въ литературномъ отношеніи вы гораздо больше жили Франціей, чѣмъ Франціей.

вами, вслѣдствіе чего разсчетливые умы и находили, что обложеніе пошлиною продукта, который выписывается, но не вывозится, было бы глупостью. Дѣло, однако же, въ томъ, что времена эти прошли, не только ваши великіе, но даже самые скромные романисты нынѣ переводятся и наводняютъ рынокъ. Тутъ есть взаимность, которая идетъ исключительно въ вашу честь, и если правда, что ваши романы, наши драматическія произведенія привозятся къ вамъ все еще въ большемъ количествѣ, то неужели вы думаете, что достаточно переводить ихъ, печатать и исполнять даромъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ дѣйствительные барыши? Это, безспорно, первобытный взглядъ, поверхностный взглядъ, который слабѣетъ и разсѣвается, какъ только его подвергаютъ болѣе точному анализу.

Что происходитъ въ дѣйствительности? Вашъ литературный рынокъ загромождается массами переводныхъ французскихъ романовъ. Коль скоро никакого разрѣшенія не требуется, коль скоро никакихъ пошлинъ платить не надо, любой издатель воленъ пускать въ продажу свой собственный переводъ. Прошу извиненія, что цитирую свое собственное сочиненіе, но хорошо знаешь лишь тѣ случаи, которые васъ непосредственно касаются. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что въ Россіи появились одновременно, конкурируя между собою, четырнадцать изданій «Débauché». Какъ только въ Парижѣ выходилъ фельетонъ романа, переводчики поспѣшно его переводили и отсылали съ вечернею почтою. Начать съ того, что переводы эти, дѣлаемые на скорую руку, были просто ужасны и недостойны литературной націи; затѣмъ интересъ такъ раздроблялся, что ни одна газета не извлекала пользы изъ этого и, наконецъ, происходило нѣчто въ родѣ кулачества, очень убыточнаго для національныхъ произведеній. Вообразите, напротивъ, что французскія произведенія пользуются охранительными правами. Тотчасъ все измѣняется: «Débauché» уступается одной только газетѣ, одному только книжному магазину, который заботится о томъ, чтобы переводъ сдѣланъ былъ тщательно, и ведетъ дѣло такъ, чтобы имѣть хорошіе барыши, главное то, что тогда въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ русскія газеты не будутъ заполнены французскимъ романомъ въ ущербъ русскимъ.

Г. Суворинъ говорилъ мнѣ недавно, что онъ боится что-либо издавать вслѣдствіе загроможденія витринъ вашихъ книжныхъ магазиновъ переводными романами. Приливъ все усиливается, причемъ, какъ кажется, не всегда выборъ оказывается счастливымъ; дѣло дошло до того, что переводятъ самыя посредственныя произведенія. Такъ какъ автору ничего не приходится платить, то издатели все-таки надѣются кое-что выручить изъ продажи изданія. Это ведетъ къ паденію цѣнъ, которыя прямо отражаются на вашихъ писателяхъ, потому что они больше всѣхъ страдаютъ отъ такихъ порядковъ. Борьба съ колоссальнымъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ производствомъ имъ не по силамъ. Если завтра международная конвенція сократила бы этотъ безпорядочный привозъ, или, по крайней мѣрѣ, упорядочила бы его, пропуская лишь замѣчательныя произведенія, тщательно переведенныя, то ваши авторы стали бы производить книги выше средней стоимости, чѣмъ нынѣ, и продавались бы онѣ въ большемъ количествѣ экземпляровъ. Мнѣ говорили, напримѣръ, что одинъ русскій композиторъ съ трудомъ находитъ въ Петербургѣ издателя, потому что произведенія французскихъ композиторовъ, и Гуно въ особенности, продаются тамъ такъ дешево, что никакая конкуренція немыслима.

Мнѣ извѣстно, что можно на это возразить, но это не защитительная рѣчь по всѣмъ правиламъ искусства, имѣющая претензію сломить всякое сопротивленіе. Я позволилъ себѣ только намѣтить въ общихъ чертахъ интересъ, который представляетъ для обѣихъ сторонъ подписание конвенціи. Въ началѣ нѣкоторыя частныя интересы отъ этого, пожалуй, пострадаютъ. Такъ, мнѣ говорили, что содержаніе нѣкоторыхъ вашихъ театровъ сопряжено съ такими большими расходами, что уплачивать еще авторскія права было бы для нихъ просто разореніемъ. Мнѣ объяснили тоже, что въ Россіи существуетъ множество очень дешевыхъ журналовъ, пробавляю-

щихся исключительно воспроизведеніемъ чужихъ трудовъ, и что эти журналы врядъ ли могутъ существовать, еслибъ не имѣли въ своемъ распоряженіи неизсякаемый и безвозмездный источникъ иностраннаго производства. Наконецъ, у васъ, какъ кажется, и самые національные авторы не пользуются особенною охраною, т. е. что петербургскія, французскія и нѣмецкія газеты могутъ воспроизводить ихъ труды безъ всякой платы, и вашему законодательству слѣдовало бы, быть можетъ, допустить принципъ литературной собственности внутри государства прежде, чѣмъ признавать его въ области вашихъ обмѣновъ съ заграницею.

Но это второстепенные вопросы, которые вы рѣшите между собою, а что первенствуетъ въ настоящую минуту, такъ это, повторяю, обоюдный, явный и непреложный интересъ для обѣихъ націй завершить свое доброе согласіе заключеніемъ литературной конвенціи. Если правительство ваше благоразумно ступевывается, прежде чѣмъ дѣйствовать, желаетъ узнать въ точности пожеланія общественнаго мнѣнія, необходимо; чтобы послѣднее немедленно высказалось. Когда народъ скажетъ свое слово, дипломаты исполнять свое дѣло, и я имѣю основаніе думать, что если они терпѣливо ждутъ, то потому, что надѣются имѣть когда-нибудь на своей сторонѣ общественное мнѣніе.

Итакъ, господа издатели, я прошу васъ поставить во всѣхъ газетахъ на очередь вопросъ о заключеніи литературной конвенціи съ Франціей. Пусть она будетъ изучена, обсуждена и, какъ я ни боюсь надѣяться, горячо поддержана, ибо все справедливое и хорошее, въ концѣ концовъ, торжествуетъ. Вы — голосъ правды, вы — заинтересованная сторона, вы и издатели. Вамъ стоитъ лишь собраться и громко указать, гдѣ общій интересъ съ точки зрѣнія справедливости для того, чтобы васъ услышали и удовлетворили. Я увѣренъ въ томъ, что въ этомъ отношеніи вы безусловные хозяева положенія, и что то, что русская пресса захочетъ, захочетъ и Россія.

Простите призывъ этотъ простому писателю, съ которымъ вы часто обращались, какъ съ другомъ, и соблаговолите видѣть во мнѣ, милостивые государи, вашего сердечнаго и вполне преданнаго собрата.

Эмиль Зола.

Элеонора Дузе въ новой роли. Недавно знаменитая артистка, хорошо знакомая и петербургской публикѣ, гастроллировала въ Берлинѣ. Къ ея прежнему репертуару прибавилась новая пьеса: „Heimath“ Зудермана, не совсѣмъ точно озаглавленная по-итальянски „Casa paterna“ (отчій домъ).

Интрига драмы не особенно сложная. У отставнаго полковника, человѣка честнаго и порядочнаго, въ буржуазномъ значеніи, есть двѣ дочери, Магда и Марія. У первой очень рано проявились громадныя голосовыя средства и замѣчательный музыкальный талантъ. Избѣгая неавантюга замужества, тяготясь узкой провинціальной жизнью, деспотизмомъ отца, капризами мачихи, молодая дѣвушка уѣхала изъ родительскаго дома, чтобы выработать себѣ самостоятельное и независимое положеніе. Первые шаги были очень трудны; молодая дѣвушка натерпѣлась много горя и униженій. Но она вышла побѣдительницей изъ житейской борьбы и скоро сдѣлалась звѣздой первой величины. Болѣе десяти лѣтъ не видѣла она роднаго дома, не имѣла извѣстій отъ семьи, такъ какъ отецъ, узнавъ о ея бѣгствѣ, заболѣлъ отъ нервнаго потрясенія и, оправившись, послалъ ей свое родительское проклятіе, запретивъ домашнимъ упоминать имя непослушной дочери. На двѣнадцатый годъ молодой женщинѣ захотѣлось побывать въ родномъ городѣ; съ одной стороны ея руководило желаніе повидаться съ отцомъ и сестрой, которыхъ она любила, съ другой — ей хотѣлось явиться во всемъ блескѣ славы и богатства, приобретенныхъ честнымъ трудомъ, и показать этимъ, что она не погубила и не нуждается въ помощи, въ которой ей такъ упорно отказывали. Но Магдѣ пришлось горько пожалѣть

о своемъ возвращеніи на родину, такъ какъ рѣзкій диссонансъ между нею и семейю не замедлилъ обнаружиться съ перваго же дня.

Не входя въ подробное изложеніе содержанія драмы, замѣчу, что Зудерманъ задался цѣлью изобразить съ одной стороны общество, глубоко погрязшее въ консервативныхъ предразсудкахъ, имѣющее допотопныя понятія о чести и долгѣ, видящее во всемъ лишь вѣшнюю и чисто формальную сторону и способное на всякіе компромиссы для соблюденія приличій, — съ другой артистку съ пылкимъ темпераментомъ, съ сильно развитымъ чувствомъ личнаго достоинства, мало заботящуюся о формѣ, гордую достигнутымъ собственными силами успѣхомъ и ревниво оберегающую свою личную свободу.

Естественно между пуританской семьей и вольной птицей — артисткой съ первой-же встрѣчи возникаетъ крупный разладъ. Отецъ — ограниченный и больной человѣкъ съ средневѣковыми понятіями о военной чести — желаетъ во что бы то ни стало знать *прошлое* дочери. ея *поведеніе*, подозрѣвая, что оно можетъ «компрометировать» семью. Дочь не считаетъ нужнымъ приносить покаяніе и имѣетъ основаніе желать, чтобы не касались ея интимной жизни. Дѣло въ томъ, что, въ первый годъ послѣ удаленія изъ дому, у нея былъ первый романъ съ молодымъ чиновникомъ изъ ея родного города, фонъ-Келлеромъ. Отъ этой связи родился ребенокъ, о которомъ малодушный отецъ не рѣшился даже узнать. Въ глазахъ стараго полковника и его среды это позоръ, падающій на всю семью; смуть его можно лишь кровью пли... бракомъ съ отцомъ ребенка. Послѣдній — пошлый и безцвѣтный господинъ — опасаясь дуэли и рассчитавъ, что Магда въ сущности прекрасная партія, дѣлаетъ ей формальное предложеніе съ массою различныхъ условій. тягостныхъ для артистки, вѣнецъ которыхъ составляетъ требованіе, чтобы она отказалась отъ своего ребенка, такъ какъ присутствіе его можетъ «повредить дипломатической карьерѣ фонъ-Келлера!» Послѣднее приводитъ въ негодованіе молодую женщину; она указываетъ двери этому пошлomu господину; появившійся въ это время отецъ даетъ Келлеру честное слово, что дочь сдѣлается его женой и, заперевъ двери на ключъ, грозитъ Магдѣ смертью, если она не исполнитъ приказанія родителя. Въ этой заключительной сценѣ обнаруживается вся глубокая рознь, существующая между міровоззрѣніемъ артистки и ея семьи. На упреки отца дочь отвѣчаетъ упреками. Семья она ничѣмъ не обязана: ее выгнали, осыпали проклятіями лишь за то, что она гнула бракъ безъ любви и желала воспользоваться талантомъ, которымъ надѣлила ее природа; теперь требуютъ отъ нея невозможныхъ жертвъ. Когда эти аргументы не дѣйствуютъ, и обезумѣвшій старикъ стоитъ упорно при своемъ, — Магда принуждена высказать, что фонъ-Келлеръ былъ ея первымъ, но не послѣднимъ любовникомъ, что бракъ съ нимъ не искушаетъ ея прошлаго... Этого удара несчастный старикъ не въ состояніи перенести; онъ пытается выстрѣлить, но съ нимъ дѣлается ударъ. На крикъ Магды сбѣгаютъ всѣ домашніе. Оказывается, что всякая помощь бесполезна; старикъ умираетъ, отказавшись и въ послѣднюю минуту простить свою старшую дочь.

Мы не пытаемся представить характеристику другихъ дѣйствующихъ лицъ. Общая картина сѣрая, провинціальная. Рядъ людей, которыхъ засосала рутина, не представляетъ крупныхъ разновидностей. Ханжство, пошлость, показная мораль уживаются, конечно, съ жестокимъ, безжалостнымъ отношеніемъ къ людямъ. Появленіе красивой талантливой артистки, не признающей обязательности ходячихъ въ этой средѣ понятій о морали, поднимаетъ цѣлую бурю мелкихъ страстей. Въ результатѣ является борьба молодой женщины съ ненавидящей ее средой.

Драма Зудермана во многихъ отношеніяхъ слаба. Слаба она и въ основной тенденціи и въ деталяхъ. Въ сущности авторъ успѣлъ лишь доказать, что Магдѣ не слѣдовало пріѣзжать въ родной городъ. Во многихъ случаяхъ героиня не права и такъ же безжалостна къ своему отцу, какъ онъ къ ней. То, что она защищаетъ, да-

леко не можетъ быть названо индивидуальной свободой. Это—вѣсколько сбивчивыя понятія о томъ, что для артистки одни правила, а для толпы— другія. Но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ роль Магды съ точки зрѣнія требованій сцены и ея исполненіе Элеонорой Дузе.

Роль Магды очень эффектна. Она представляетъ возможность талантливой артисткѣ развернуть свои силы. Магда—женщина съ громаднымъ темпераментомъ, чуткая, впечатлительная, способная къ самымъ разнообразнымъ чувствамъ. Въ родительскомъ домѣ ей приходится переживать дѣльный рядъ впечатлѣній отъ дѣтской радости до полного отчаянія. Для артистическаго темперамента Дузе эта роль въ высшей степени благодарная. Въ вѣкоторыхъ сценахъ артистка производила потрясающее впечатлѣніе. Малѣйшіе отгѣвки были передачи ею съ художественною отчетливостью. То гордая и властная, то смиренная и кроткая, какъ ребенокъ — Магда—Дузе очаровывала зрителей. Любовь и ненависть, высокомеріе и подавленное состояніе, сознаніе своей правоты и виновности, оскорбленныя чувства женщины, умиющей ненавидѣть, рядомъ съ самой теплой любовью, желаніемъ нести помощь и счастье, — все заставила понять и прочувствовать высокоталантливая артистка. Слабая въ общемъ, драма Зудермана въ своей главной роли какъ нельзя болѣе подходит къ таланту Дузе и нельзя удивляться, что артистка исполняла ее съ любовью и воодушевленіемъ. Другіе члены труппы Дузе играли очень хорошо и сдѣлали изъ своихъ ролей все, что изъ нихъ можно было сдѣлать.

Новыя находки въ Египтѣ. Въ послѣднее время египтологамъ удалось розыскать и дешифровать очень интересные документы, бросающіе свѣтъ на политическую исторію Египта и сосѣднихъ съ нимъ странъ и знакомящіе насъ съ характеромъ дипломатическихъ сношеній между государствами, происходившихъ около 7000 лѣтъ тому назадъ во время правленія 18 династіи египетскихъ царей.

Въ развалинахъ Телль-ель-Амарна и Кутнатона найдено было вѣсколько дощечекъ съ письмевами, которыя оказались письмами владѣтельныхъ князей Сиріи и Палестины и царей Вавилонскихъ къ царямъ Египта Аменофису III и Аменофису IV. Посланія князей составлены въ самыхъ подобострастныхъ выраженіяхъ. Фараона называютъ они богомъ, а себя его рабами, прахомъ отъ подошвы ногъ его, его скамьей и тому подобными уничижительными эпитетами; они мысленно простираются предъ нимъ на землю и цѣлуютъ слѣды ногъ его. Но тѣ правители, которые носили титулъ царей, обращаются къ властителямъ Египта, какъ равные къ равнымъ. Какъ бы ни были малы владѣнія этихъ азіатскихъ царей и царьковъ и ничтожно ихъ политическое значеніе, тѣмъ не менѣе въ корреспонденціи ихъ съ фараонами неизмѣнно соблюдается строгій этикетъ: подобно вышшимъ государямъ, тогдашніе цари также величали другъ друга братьями и обиживались взаимными любезностями, не взирая ни на какія различія въ могуществѣ и безъ всякаго отношенія къ большей или меньшей политической роли одного изъ корреспондентовъ.

Для характеристики взаимныхъ отношеній царей азіатскихъ и египетскихъ приведемъ здѣсь вѣсколько образцовъ посланій. «Нипмуаріѣ (Аменофису III), царю страны Мисси (Египта), моему брату Дюсратта, царь Митавни, твой братъ. Что касается меня, то я здоровъ. Поклонъ тебѣ, поклонъ Гилукивѣ (супругѣ царя Аменофиса), моей сестрѣ; твоему дому, твоимъ сыновьямъ, твоимъ знатымъ, твоимъ солдатамъ, твоимъ лошадямъ, твоимъ колесницамъ, твоей странѣ нижайшій поклонъ». Далѣе Дюсратта сообщаетъ фараону о причинахъ, которыя побудили его вступить въ борьбу съ царственнымъ братомъ своимъ Артассумарой, свергнуть его съ престола и лишитъ его жизни. «Лишь въ виду дружбы, продолжаетъ Дюсратта, которую ты оказывалъ отцу моему, сообщаю я тебѣ объ этомъ для того, чтобы ты зналъ и возрадовался этому... Богъ Раманъ предалъ его (брата) въ мои руки и я убилъ его... Въ настоящее время я посылаю тебѣ пару коней, молодую дѣвушку, пять колесницъ

и т. д. Въ качествѣ подарка сестрѣ моей (женѣ фараона), я посылаю ей золотой «тютюнатумъ», золотой «масху» и т. д.

Видно, въ то время подарки считались однимъ изъ лучшихъ средствъ для поддержанія дружескихъ отношеній и для вліянія на ходъ правосудія. Вообще обмѣвъ подарками считался тогда обязательнымъ, и всякое уклоненіе отъ этого обычая вызывало сейчасъ-же упреки и жалобы обиженныхъ.

Такъ, одинъ изъ государей жалуется: «Почему ты не посылаешь мнѣ елея? Развѣ я не послалъ тебѣ вазу съ превосходнымъ елеемъ, чтобы ты наливалъ его на главу свою, когда будешь садиться на свой царскій тронъ?»

Вавилонскій царь Баррабурійасъ, который былъ женатъ на дочери египетскаго царя Аменофиса IV, не разъ упрекаетъ его въ невниманіи къ его особѣ. «Твои послы, пишетъ онъ ему, уже три раза приходили ко мнѣ безъ хорошаго подарка... Неужели у тебя вѣтъ ничего болѣе цѣннаго?»... «Съ тѣхъ поръ какъ наши отцы заключили между собою дружбу, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, они взаимно обмѣнивались богатыми подарками... А теперь братъ мой посылаетъ мнѣ только двѣ мины золота. Почему только двѣ мины? Я предпринялъ теперь большія работы въ многихъ храмахъ и дворцахъ... Пришли мнѣ много золота, а ты въ свою очередь, требуй все, что тебѣ понадобится, и что только найдется въ моей странѣ, будетъ къ твоимъ услугамъ».

Въ другихъ письмахъ Баррабурійасъ жалуется на то, что присланныя ему двѣ мины золота вѣсили гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало, что золото это было неочищенное и пр., что во время болѣзни его фараонъ не отправилъ къ нему спеціальнаго посольства для выраженія соболѣзнованія. Интересенъ разговоръ, который имѣлъ вавилонскій царь съ посломъ Аменофиса IV и о которомъ онъ затѣмъ сообщаетъ ему въ письмѣ своемъ, подчеркивая, что посолъ былъ обыкновенный, а не чрезвычайный. На замѣчаніе вавилонскаго царя, что фараонъ слишкомъ поздно поздравилъ его съ выздоровленіемъ, посолъ отвѣтилъ ему: «Разстояніе (между Вавилономъ и Египтомъ) не такъ мало, чтобы братъ твой могъ такъ скоро узнать эту новость и прислать тебѣ свои поздравленія. Его страна далека... Кто могъ бы рассказать объ этомъ брату твоему?»... Царь спросилъ его тогда: «А дорога для обратнаго возвращенія къ брату моему великому государю длинна или коротка»? Посолъ отвѣтилъ: «Спроси твоего собственнаго курьера»... «И, дѣйствительно, прибавляетъ Баррабурійасъ, спросивъ своего посланнаго, я получилъ отъ него въ отвѣтъ, что дорога длинна и поэтому я не сержусь болѣе на брата своего». И тогда, слѣдовательно, умѣли faire bonne mine au mauvais jeu.

Среди другихъ находокъ обращаютъ на себя вниманіе іероглифы, представляющіе по содержанію своему не что иное, какъ политическія карикатуры. Такова, напр., карикатура, изображающая гіену, подающую сидящей на тронѣ медвѣдицѣ фаршированную утку.

Даже и этихъ немногихъ отрывковъ достаточно, чтобы придти къ заключенію, что политическая жизнь и въ отдаленнѣйшія времена въ первыхъ мало-мальски культурныхъ государствахъ, о которыхъ сохранился слѣдъ въ исторіи, текла въ общемъ въ тѣхъ же рамкахъ, какъ и нынѣ. И тогда уже существовала дипломатія съ присущими ей приемами дѣйствія, и тогда находились люди, которые прибѣгали къ «перу и карандашу» для выраженія своихъ сужденій по политическимъ вопросамъ, для критики учреждений и порядковъ. Все, въ сущности, повторяется, но лишь въ иныхъ, болѣе или менѣе развитыхъ формахъ.

Новости итальянской литературы за послѣднее полугодіе. Кажется ни одна европейская литература не богата такъ писательницами, какъ итальянская. Серао, Неера, Сперани, маркиза Коломби. — имена, которыми гордятся итальянцы, далеко не исчерпываютъ всего женскаго писательскаго персонала. Среди молодыхъ авторовъ, женщинъ, за послѣднее полугодіе итальянская критика отмѣчаетъ г-жъ Де-Лева-

Корделію, Ферруджью, Фувльвію, хотя впрочемъ только двѣ послѣднія могутъ интересовать насъ, какъ подающія надежды. Ферруджья въ своемъ произведеніи «*Follie muliebri*» («Женское безуміе») задается довольно оригинальной цѣлью, къ сожальствію не такъ удачно выполненной, какъ задуманной,—дать три типа женщины: одна, Катерина, не умѣетъ любить; другая, Луиза, любить слишкомъ сильно; третья, Лоренца, соединяетъ въ себѣ любовь божественную съ человѣческой. Катерина дѣлается мужеубійцей, Луиза сходять съ ума, Лоренца уходитъ въ монастырь. Первая часть написана значительно лучше другихъ и лучше всего написаннаго авторомъ до сихъ поръ.

Изъ другихъ писателей за послѣднее полугодіе обратили на себя вниманіе итальянской критики произведенія Бассо, Варваро, Кастельнуово, Беттоли и Требла. Сказавши нѣсколько словъ о первыхъ четырехъ, остановимся нѣсколько дольше на послѣднемъ. Бассо и Варваро — оба молодые, начинающіе писатели, причѣмъ первый изъ нихъ уже составилъ себѣ нѣкоторую извѣстность своими юмористическими разсказами: онъ безусловно обладаетъ комической жилкой. Второй, Варваро, выпустившій недавно томъ новеллъ, озаглавленныхъ «*Anime deboli*» («Слабыя души»), отличается въ довольно сильной степени оригинальностью, почему его произведенія, хотя и не составляющія литературныхъ шедевровъ, даютъ возможность считать автора подающимъ очень крупныя надежды. Кастельнуово — опытный и извѣстный писатель, издавъ два разсказа подъ общимъ заглавіемъ «*In balia del vento*» («Подъ властью вѣтра»). Первый разсказъ «*Un disgraziato*» («Несчастный») одно изъ лучшихъ произведеній когда-либо написанныхъ Кастельнуово. Герой его, Орозіо Рипальта, покинутый измѣнившей ему женой, теряетъ къ тому же дочь и преслѣдуемый неудачами со всѣхъ сторонъ умираетъ одиноко, утѣшаемый лишь неизмѣнной дружбой собаки. Сцена смерти его дочери написана въ высшей степени глубоко и захватывающе. Второй разсказъ «*Il signor Libero*» («Свободный человѣкъ») написанъ въ другомъ родѣ. Аннибале Джервази не хочетъ жениться изъ боязни лишиться свободы, и съ этой иллюзіей свободы разоряется незаконной семьей. Но самымъ крупнымъ литературнымъ явленіемъ за послѣднее время безусловно слѣдуетъ признать романъ также еще молодого, вступающаго со вторымъ крупнымъ произведениемъ романиста Требла. Ни одинъ авторъ за послѣдніе полгода не удостоился такихъ похвалъ своему произведенію со стороны критики, какъ Требла, выпустившій въ свѣтъ романъ «*Perdizione*». Докторъ Піетрарса и жена инженера Морасъ, Роберта, двѣ противоположныхъ натуры по своему отношенію къ любви. Для него, который полагаетъ всю мудрость въ томъ, чтобы ловить моментъ, не рассчитывая на вѣчность, стараться поскорѣе пропустить мимо себя трудныя моменты, любовь только простая случайность. Роберта Морасъ любитъ въ первый и послѣдній разъ и всю себя отдаетъ любви и, стыдливая не менѣе, чѣмъ страстная, она борется между двумя чувствами: ей стыдно за свое паденіе, и она гордится тѣмъ, что любима. Докторъ, видя, что любовь-развлеченіе грозитъ въ немъ убить любовь къ наукѣ, протестуетъ противъ собственной слабости и порываетъ всякую связь съ любимой женщиной, но распечатываетъ даже ея писемъ и только черезъ нѣсколько дней послѣ ея смерти узнаетъ объ этомъ. Онъ чувствуетъ угрызения совѣсти, но еще болѣе страдаетъ отъ новаго убѣжденія, что и наука не можетъ дать человѣку полного счастья. Но колебанія его непродолжительны, и наука побѣждаетъ. Онъ долженъ читать вступленіе къ своему курсу «Яды человѣчества». Вступивъ на кафедру предъ моремъ головъ, шумящихъ у его ногъ, онъ вполне овладѣваетъ собой и яснымъ и увѣреннымъ голосомъ начиваетъ: «Милостивые государи, въ человѣкѣ постоянно образуются два рода ядовъ: яды тѣла и яды духа; первые даютъ начало нечистотѣ тѣлесной, которая зовется болѣзнями, вторые — нечистотѣ душевной, которую теологи зовутъ грѣхъ». Дѣйствіе обоихъ равно разрушительно, и слабые организмы, душъ, не при-

способенны къ жизни, не могутъ побороть ихъ, медленно ими разрушаются и умирають». Роберта должна была умереть—такова неотгъшительная философія романа, чтобы дать возможность восторжествовать людямъ науки, подобнымъ Габріэлю Піетраса. Мы не говоримъ ничего объ именахъ Серао, Фогаццаро, Д'Авуниціо и др., во первыхъ потому, что они уже небезызвѣстны русской публикѣ, и во вторыхъ потому, что за послѣднее полугодіе они ничѣмъ новымъ себя не заявили.

Джякомо Занелла и его слава. (Статья Фогаццаро въ «Nuova antologia». F. XXI). Поводомъ для статьи Фогаццаро послужила постановка памятника поэту Занелла, на его родинѣ, 9 сентября текущаго года. Занелла умеръ пять лѣтъ тому назадъ, пользуясь славой выдающагося поэта. Постараемся въ немногихъ словахъ передать содержаніе интересной статьи, написанной извѣстнымъ писателемъ.

Слава Занелла, какъ поэта, при его жизни колебалась между двумя противоположными крайностями. Пока она не переходила границъ его родины, многимъ казалось, что она ниже заслугъ поэта, когда-же она распространилась по всей Италіи, то стали говорить, что слава слишкомъ превышаетъ заслуги. Когда въ 1888 г. онъ умеръ, пораженный чрезмѣрно умственной работой, то сожалѣнія посыпались отовсюду, и люди, при жизни и не совсѣмъ сочувственно относившіеся къ поэту, не преминули выразить свое соболѣзнованіе по поводу его смерти. Занелла, человѣкъ мягкой души, легко вступающій въ дружескія отношенія, любезный съ высшими, шутивый и фамиллярный съ низшими, щедрый на совѣты, постоянно окруженный школьниками и школьницами, обожавшими его какъ саму доброту, саму мудрость, пользовался любовью всѣхъ окружающихъ его людей. Что касается его характеристикъ, какъ поэта, и его литературной репутаціи, то вопросъ этотъ усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдняя бываетъ двухъ родовъ. Одну извѣстность дѣлають поэту читатели, классифицирующіе книги скорѣе по названіямъ школъ, къ которымъ онѣ относятся, чѣмъ въ отношеніи той пользы или удовольствія, которыя можно извлечь изъ нихъ. Это читатели, сами пишущіе, люди печати, разсуждающіе о методѣ и дѣли произведенія. Другая репутація создается читателями второй группы, къ которой принадлежать люди толпы, подчиняющейся вѣянію времени, сегодня увлекающейся натурализмомъ Зола, завтра моралью Толстого, и судящей о произведеніи скорѣе подъ влияніемъ чувства, нежели строго опредѣленныхъ критико-литературныхъ воззрѣній. Съ Занелла случилось такъ, что, когда благоволеніе къ нему печати стало повидимому ослабѣвать, имя его, уже распространенное въ толпѣ, укоренилось тамъ. За свою пріятную, чистую, религіозную поэзію его приняли, какъ вѣрнаго друга, особенно тѣ, которые обращаютъ большее вниманіе на чувства и вѣрованія писателя, нежели на его искусство; качества его поэзіи дали ей доступъ къ сердцамъ молодежи, и особенно дѣвушкамъ, читательницъ наиболѣе легко поддающихся энтузіазму. Первое собраніе его стихотвореній выдержало восемь изданій, сопровождаемыхъ разнообразными, не всегда благопріятными для автора критическими отзывами. Если доискиваться причинъ успѣха книжки Занелла, то прежде всего ихъ придется отнести на долю вѣжности, такъ сказать, его поэгическаго вдохновенія, нравственной чистоты чувства, и искреннаго благочестія. Религіозная поэзія Занелла всегда изысканно изящна и напоминаетъ собой прекраснѣйшую сеньору, стоящую въ церкви, которая молится склонивши голову и скрестивши руки, не смѣя взглянуть на свое платье, не рѣшаясь полюбоваться своимъ браслетомъ. Нѣкоторая риторичность его поэзіи вполне соотвѣтствуетъ вкусу особенно любящей его публики. Менѣе удачна политическая поэзія Занелла, относительная популярность которой зиждется на томъ, что она есть выраженіе чувства въ тѣсномъ смыслѣ итальянскаго и либеральнаго. Онъ могъ-бы достигъ еще большей славы, если-бы проявилъ большее желаніе проявить свой комическій талантъ, несомнѣнные признаки котораго мы находимъ въ нѣкоторыхъ изъ его произведеній.

Но наиболѣе зрѣлымъ плодомъ генія Джякомо Занелла, наиболѣе совершен-

нымъ и долговѣчнымъ трудомъ, наиболѣе интереснымъ для изучающаго душу художника по его произведенію, остаются его советы, хотя они и не достигли такой популярности, какъ томъ его стиховъ. «Astichello» — носитъ название этого сборника, получившій имя отъ рѣчки, гдѣ сложились эти советы уже старикомъ-поэтомъ среди спокойствія подгородной деревушки, среди розъ скромнаго садика, на пыльной дорогѣ, ведущей къ городу. Въ нихъ сохранилась вся внутренняя жизнь поэта за послѣднія восемь лѣтъ. Они подобно дневнику отражаютъ вѣрно идеи, чувства благородной души, опечаленной и уставшей отъ жизненныхъ тревоженій. Наивное вѣкогда удивленіе предъ прогрессомъ человѣчества въ наукѣ и цивилизаціи перешло въ недоумѣніе и горькое разочарованіе; единственной утѣхой ему служить покой сельскаго уединенія, близость къ успокаивающей природѣ, разговоры съ простымъ народомъ, съ Богомъ, безсмертныя надежды. Онъ стремится къ правдѣ и природѣ. Если-бы собрать въ одинъ томикъ всѣ эти простые замѣтки, эти признанія и волненія души, исключивши всю остальную поэзію автора, то получился-бы драгоценный психологическій документъ. Красота этихъ пѣсенъ зачастую достигаетъ высокаго художественнаго совершенства. Конечно, не всѣ советы одинаково превосходны (вѣдь и Петрарка не вездѣ безупреченъ), но большинство ихъ обладаетъ рѣдкими красотою. Большинство изъ нихъ содержатъ восхитительныя описанія, полныя правды, нѣкоторые отличаются глубиною и новизною мысли; нѣкоторые блещутъ формой изложенія. По его лучшимъ советамъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо у другихъ современныхъ поэтовъ, можно изучать искусство.

† Джонъ Тиндалль. 22 ноября (4 декабря н. ст.) скончался отъ принятой по ошибкѣ сильной дозы хлоралъ-гидрата на 74-мъ году своей жизни знаменитый англійскій ученый и писатель — Джонъ Тиндалль (John Tyndall). Имя Тиндалля хорошо знакомо русской читающей публикѣ по многочисленнымъ переводамъ его лекцій и статей, въ которыхъ онъ съ блестящимъ талантомъ популяризировалъ новѣйшія завоеванія естествовѣдѣнія, вообще, и физики въ особенности.

Величайшая заслуга Тиндалля заключается въ томъ, что живымъ, яснымъ и всѣмъ понятнымъ языкомъ онъ сумѣлъ изложить и объяснить великія открытія и идеи своихъ ученыхъ современниковъ, которыя перестроили сверху до низу все зданіе науки и освѣтили новымъ, небывалымъ по могучести и яркости, свѣтомъ весь накопленный вѣками громадный матеріалъ фактовъ, наблюденій и опытовъ.

Для того, чтобы извлечь великую научную идею изъ всѣхъ подробностей и частностей спеціальныхъ ученыхъ сочиненій, понять ея важное значеніе въ наукѣ и къ тому еще сумѣлъ читателю или слушателю дать понять сущность сдѣланнаго открытія и всѣ пронтекающія изъ него послѣдствія, — для этого надо соединять въ себѣ съ обширною эрудиціей, всестороннимъ образованіемъ, широкимъ свѣтлымъ философскимъ умомъ еще и громадный популяризаторскій талантъ.

Всѣ эти замѣчательныя достоинства удивительно сочетались въ лицѣ Тиндалля. Самъ выдающійся экспериментаторъ и ученый, имѣющій большія заслуги предъ наукою, удивительный наблюдатель, глубокой философъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ превосходнымъ ораторомъ и талантливымъ писателемъ. Онъ какъ бы призванъ былъ для того дѣла, которому посвятилъ свои лучшія силы. Геніальныя работы Гюйгенса, Фраунгофера, Кирхгофа, Бунзена о свѣтѣ, Клаузіуса, Джоуля, Роберта Мейера о теплотѣ, Дэви и Фарадея по электричеству и магнетизму, Дарвина и Настера по биологіи — нашли въ немъ лучшаго своего истолкователя и распространителя защищаемыхъ ими мнѣній среди массы образованныхъ и полубразованныхъ читателей.

Что касается собственныхъ научныхъ изслѣдованій Тиндалля, то они касаются самыхъ различныхъ отдѣловъ физики: имѣются его работы по теоріи электричества и магнетизма (особенно о діаманетизмѣ), по лучистой теплотѣ, свѣту, звуку и пр. Сочиненіе Тиндалля «Свѣтъ» французскій ученый, аббатъ Муанъ признавалъ «единственной книгой, вполне проникающей въ тайны оптики». Тиндаллю принадлежить

изобрѣтеніе остроумнаго способа открывать присутствіе пыли и, въ частности, организованныхъ зародышей въ воздухъ и въ водѣ, даже въ самыхъ мнимыхъ количествахъ и микроскопически едва уловимыхъ, при помощи свѣтоваго луча. Онъ показалъ на опытѣ, что свѣтъ проходитъ безъ всякаго отраженія и потому совершенно невидимъ въ средѣ, лишенной пыли и, вообще, какихъ-либо взвѣшенныхъ частицъ. При помощи этого метода ему удалось доказать, что воздухъ, выдѣляемый человекомъ изъ глубины легкихъ, вполне освобожденъ отъ пыли, которая осѣдаетъ на стѣнкахъ канальцевъ дыхательныхъ путей, и предложилъ употреблять респираторы изъ ваты для предохраненія пожарныхъ отъ удушенія дымомъ и, вообще, рабочихъ отъ вредной и ядовитой атмосферы фабрикъ. Въ высшей степени интересны также его изслѣдованія и опыты, которыми онъ обнаружилъ различную степень лучеиспускательной и теплопоглодательной способности у разныхъ газовъ. (Для опытовъ Тиндалль пользовался термоэлектрической батареей съ гальванометромъ). Особенно цѣнны его наблюденія надъ движеніемъ глетчеровъ и изслѣдованія альпійскихъ ледниковъ.

Всѣ многочисленныя работы самого Тиндалля; всѣ его рѣчи, лекціи и статьи провикнуты однимъ и тѣмъ же принципомъ: всюду, съ неумолимою послѣдовательностью, проводитъ онъ идею сохраненія энергій, законъ вѣчности силы, которая лишь проявляется въ той или другой формѣ, но никогда не уничтожается. Онъ постоянно и неуставно боролся съ гипотезой самопроизвольнаго зарожденія организмовъ, считая истинной лишь теорію естественнаго происхожденія и развитія. Жизнь, по его мнѣнію, явилась на землѣ лишь послѣ цѣлаго ряда предшествовавшихъ стадій развитія неорганической природы, а не была чѣмъ-то изъ вѣка даннымъ, скрывавшимся гдѣ-то началомъ, которое только проявилось впоследствии.

Его строго-логическая, безстрашная, ни предъ чѣмъ не останавливающаяся послѣдовательность въ провозглашеніи послѣднихъ выводовъ исповѣдуемой имъ научной теоріи навлекла на него обвиненіе въ томъ, что онъ проповѣдуетъ грубый «матеріалистическій атеизмъ». Но въ той самой статьѣ «Объ усвѣзахъ знанія» (сказанной при открытіи съѣзда «British Association» въ Вельфаствѣ въ 1874 г.), которая послужила главнымъ поводомъ къ нападкамъ англійскаго духовенства на Тиндалля, какъ на проповѣдника «матеріалистическаго атеизма», можно встрѣтить не мало доводовъ противъ крайнихъ увлеченій матеріализма. Такъ, касаясь теоріи Спенсера о «происхожденіи ощущеній», Тиндалль категорически отрицаетъ возможность дать физическое и механическое объясненіе зарожденію и развитію мысли, сознанія и душевныхъ свойствъ человека. *«Человѣкъ, какъ объектъ, непроходимой пропастью отдѣленъ отъ человека, какъ субъекта. Нѣтъ въ умѣ такой движущей силы, которая могла бы безъ логическаго скачка привести насъ отъ одного къ другому... Здѣсь необходима Архимедовская точка опоры, которую человѣческой умъ не обладаетъ, и стремленіе рѣшить эту задачу подобно попыткѣ человека поднять себя самого вверхъ за поясъ».*

Рядомъ съ врожденнымъ въ человѣкѣ стремленіемъ къ знанію Тиндалль ставитъ вѣчныя требованія сердца и нравственной природы человека, удовлетворить которыя не въ состояніи одно знаніе. Самъ Тиндалль доступенъ былъ высокимъ порывамъ религіознаго чувства. Утверждая, что люди истинной науки не имѣютъ ничего общаго ни съ атеистами, говорящими, что Богъ не существуетъ, ни съ теистами, считающими себя посвященными въ мысли своихъ боговъ, Тиндалль приводитъ въ примѣръ Канта, который говорилъ, что только два предмета приводятъ его въ трепетъ: звѣздное небо и чувство нравственной отвѣтственности человека. «Точно такъ же, продолжаетъ Тиндалль, и всякій человѣкъ науки: когда онъ здоровъ тѣломъ и духомъ, когда возбужденіе дѣятельной энергій уступаетъ въ немъ свое мѣсто спокойному размышленію—душа его становится доступною Кантовскому трепету. Этотъ священный трепетъ заставляеть его забывать грубыя детальныя

переховатости земли и какъ бы сливается въ одно цѣлое съ той всемогущей міровой силой, которая дополняетъ и поддерживаетъ его существованіе, но которую онъ не въ состояніи ни анализировать, ни понять»... (Изъ рѣчи: «Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ»).

Все это уже достаточно опровергаетъ обвиненіе Тиндалля въ исповѣданіи грубаго матеріализма. Но тому, кто не былъ бы убѣжденъ всѣмъ сказаннымъ, мы советуемъ прочесть его рѣчь къ студентамъ «University College», сказанную въ Лондонѣ при раздачѣ наградъ въ факультетѣ искусствъ въ 1868—69 академическомъ году, гдѣ онъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе поэта и поэзіи въ развитіи человѣческаго духа. Поэтъ, по убѣжденію Тиндалля, будетъ играть большую роль въ мірѣ будущаго. Отъ поэта, вѣрво понимающаго свое посланіе, слѣдуетъ ожидать возвышенія и освѣщенія жизни, въ которыхъ нуждаются весьма многіе изъ людей. Онъ долженъ быть истолкователемъ той силы, которая наполняетъ и укрѣпляетъ человѣческое сердце.

Въ заключеніе характеристики Тиндалля, какъ ученаго, философа и человѣка, мы считаемъ въ высшей степени интереснымъ познакомить читателя съ его взглядами на задачи умственнаго и физическаго образованія юношества.

Не смотря на то, что Тиндалль, отъ головы до ногъ, былъ истымъ натуралистомъ, тѣмъ не менѣе онъ не былъ безусловнымъ противникомъ классической системы воспитанія. За филологическими и лексическими упражненіями и за древними языками онъ признаетъ не менѣе сильное образовательное и воспитательное средство, какъ и за занятіями точной наукой. Указывая на существующую въ настоящее время борьбу филологическаго и естественно-научнаго метода, Тиндалль съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что только ханжество и близорукость побуждаютъ къ этому разногласію, тогда какъ возможно дозволить обѣимъ одинаково свободный просторъ. Тиндалль приводитъ въ примѣръ себя самого въ доказательство того, что основательное изученіе языка представляетъ первоначальную школу для ума. «Для меня, говоритъ онъ, англійская грамматика служила самымъ важнымъ образовательнымъ средствомъ. Для моей юношеской головы она представляла превосходную школу и источникъ безпрестанныхъ удовольствій, которыя я испытывалъ, вникая въ запутанныя и сложныя предложенія «Потеряннаго Рая», розыскивая согласованіе сказуемаго съ его часто отдаленнымъ подлежащимъ, прилагательное съ его существительнымъ дополненіе съ глаголомъ или предлогъ съ подчиненнымъ ему именемъ или мѣстоименіемъ, углубляясь въ чтеніе объ измѣненіяхъ временъ и наклоненій и располагая слова въ такомъ порядкѣ, какой требовала правильная конструкція предложеній». Мертвые языки, по мнѣнію Тиндалля, дополняютъ дѣло науки тѣмъ, что образуютъ и уточняютъ эстетическія способности, а потому должны быть дороги каждому желающему видѣть въполнѣ законченное образованіе человѣка.

Важнымъ преимуществомъ филологическаго метода Тиндалль считаетъ то обстоятельство, что онъ уже съ давнихъ временъ превосходно организованъ и приведенъ въ систему, тогда какъ методъ естественно-научный организуется лишь теперь и поэтому примѣнять его въ школѣ гораздо труднѣе. Тѣмъ не менѣе Тиндалль считаетъ возможнымъ ограничить и систематизировать изученіе физики на столько, чтобы напряженіе ума, необходимое для этого изученія, было тоже самое, какъ и при анализѣ языка.

Въ вопросахъ воспитанія Тиндалль придерживался той точки зрѣнія, что ребенокъ является на свѣтъ не въ видѣ *tabula rasa*, на которой можно начертить что угодно, но уже съ извѣстными прирожденными и унаслѣдованными склонностями и способностями, которыя воспитатель можетъ только направить въ ту или другую сторону, развитъ то, что полезно, задержать то, что вредно и дурно, и при такомъ руководствѣ одарить его умъ свѣдѣніями, которыя могли бы способствовать ему сдѣлать жизнь полезной, прекрасной и честной.

Тиндалль вполне сознавалъ трудность перевоспитать человѣческую природу въ теченіе немногихъ поколѣній. «Въ духовномъ мірѣ, говорилъ онъ, мы столь же мало творцы, какъ и въ жизни: мы могли бы устранить препятствія или пробудить забытыя способности, но мы не были бы въ состояніи вдругъ измѣнить человѣческую природу. Для этого требуются вѣка, это не дѣло часа или дня. Такъ, даже усиленной миссіонерской дѣятельности никогда не удастся обратить дикарей сразу въ цивилизованныхъ христіанъ».

Тиндалль, какъ истый сынъ своего народа, придавалъ громадное значеніе физическому образованію. Въ упомянутой нами рѣчи къ студентамъ онъ настойчиво совѣтуетъ имъ слѣдить за своимъ здоровьемъ. Онъ обращаетъ ихъ вниманіе на то, сколько великихъ открытій, изобрѣтеній, художественныхъ произведеній лишилось человѣчество только потому, что люди, которые могли бы совершать ихъ, пренебрегали въ молодости своимъ здоровьемъ. Для укрѣпленія физическихъ силъ онъ считаетъ недостаточнымъ и безпѣльнымъ отдѣльныя, лишенные плана, отрывочныя усилія воли, для этого необходимо выработать въ себѣ твердыя привычки.

Мы нѣсколько разъ позволили себѣ цитировать собственные слова и мнѣнія Тиндалля, чтобы образъ этого замѣчательнаго человѣка вырисовался передъ читателемъ въ яркихъ и живыхъ краскахъ, во всей его удивительной многосторонности. Мы видѣли, что этотъ ученый физикъ отлыкался рѣшительно на всѣ важнѣйшіе вопросы, волновавшіе его современниковъ, и своими мнѣніями, которыя онъ такъ блестяще пропагандировалъ, внесъ свою, и большую, лепту для ихъ разрѣшенія. Онъ одинъ, наконецъ, сдѣлалъ болѣе для распространенія правильныхъ понятій объ явленіяхъ природы въ большихъ массахъ народныхъ, чѣмъ сотни другихъ, менѣе его талантливыхъ и ученыхъ популяризаторовъ.

Жизнь Тиндалля была довольно богата событіями. Джонъ Т. родился 9 (21) августа 1820 г. въ семьѣ бѣднаго полицейскаго въ правдскомъ селеніи Лейживъ-Бриджъ. Отецъ Джона, не смотря на незначительность общественного положенія своего, по своему развитію и уму стоялъ выше своей среды. Онъ имѣлъ самое благотворное влияніе на развитіе характера и способностей сына и сдѣлалъ все зависящее, чтобы дать ему хорошее образованіе. Первоначально Джонъ учился въ сельской школѣ, а затѣмъ въ городскомъ училищѣ. 19-ти лѣтъ выступаетъ онъ на поприще практической дѣятельности въ качествѣ помощника одного инженера, участвовавшего въ работахъ по тригонометрической съемкѣ Великобританіи. Нѣсколько лѣтъ еще занимался онъ разными постройками и изысканіями по желѣзнодорожной части, но, не находя здѣсь никакого удовлетворенія, онъ оставилъ службу и сдѣлался преподавателемъ естественной исторіи въ Queenwood College въ Гемширѣ. Здѣсь онъ познакомился впервые съ известнымъ химикомъ Франкляндомъ, впоследствии его коллегой по чтенію лекцій въ королевскомъ институтѣ, и усердно занялся химіей въ его лабораторіи. Скопивъ себѣ небольшую сумму, Тиндалль вмѣстѣ съ своимъ другомъ отправился въ 1848 г. въ Германію продолжать свое естественно-научное образованіе. Въ марбургскомъ университетѣ онъ работалъ по химіи у знаменитаго Бунзена, по физикѣ у профессоровъ Герлинга и Кюблауха, по математикѣ у Стедманна. Здѣсь Тиндалль сдѣлалъ и свои первыя изслѣдованія, обратившія на него вниманіе ученыхъ. Изъ Марбурга онъ переѣзжалъ въ Берлинъ, и занимался тамъ въ лабораторіи профессора Магнуса явленіями магнетизма и діаманетизма.

Тиндалль всю жизнь относился съ чувствомъ глубокой благодарности къ своимъ нѣмецкимъ учителямъ и, вообще, къ германской наукѣ, которой онъ обязанъ былъ всей своей дальнѣйшей славою. Вернувшись въ 1851 г. въ Англію, онъ сблизился съ знаменитыми англійскими учеными Фарадеемъ и Гексли, въ сотрудничествѣ съ которыми онъ сдѣлалъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ. Въ 1853 г., по рекомендаціи Фарадея, королевскій институтъ въ Лондонѣ пригласилъ Тиндалля занять кафедру преподавателя физики, только что оставленную Деви, и съ тѣхъ поръ въ теченіе

четверти вѣка (до 1887 г.) онъ не покидалъ своего мѣста, откуда онъ могъ распространять свѣтъ знанія среди рабочихъ, служащихъ и всей этой разношерстной публики, допускаемой на лекціи, читаемая обязательно профессорами физики и химіи. Съ 1856 г. Тиндаллъ сталъ почти ежегодно ѣздить въ Швейцарію, гдѣ онъ усердно занялся изученіемъ альпійскихъ ледниковъ и неоднократно, съ опасностью жизни, подымался на высочайшія вершины Альпъ. Исслѣдованіе его объ альпійскихъ глетчерахъ вышло въ свѣтъ въ 1860 г. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ сочиненій по разнымъ отдѣламъ физики: это большей частью его лекціи, читанныя въ королевскомъ институтѣ, собраніяхъ британской ассоціаціи и въ другихъ мѣстахъ. Почти всѣ его произведенія переведены на всѣ европейскіе языки. На русскомъ языкѣ имѣются: «Альпійскіе ледники» (Перев. въ 1866 г.), «Устройство вселенной» (1868 г.), «Физика въ простыхъ урокахъ», перев. проф. Шимкова (1871 г.), «Фарадей и его открытія» (1871 г.), «Тепло и холодъ» (1869 г.), «Звукъ. 8 лекцій» (1870 г.), «О свѣтѣ и электричествѣ» (1873 г.), «Рѣчи и статьи» (1875 г.), «Формы воды въ видѣ облаковъ, рѣкъ, льда и ледниковъ» (1876 г.), «Популярныя лекціи. Тепло и холодъ. Матерія и Сила» (1869 г.); 2-е изд. подъ ред. проф. Петрушевскаго (1885 г.), «Очерки изъ естественныхъ наукъ». Лекціи и статьи съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Гельмгольца, пер. съ нѣм. Бобылевъ, Гезехусъ, Егоровъ и др. (1876 г.), «Свѣтъ». 6 лекцій, чит. въ Америкѣ зимою 1872—73 гг. Пер. съ англ. Цедербаумъ и др. подъ ред. Гезехуса (1877 г.), «Успѣхи знанія» (1875 г.), «Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ» (издано въ видѣ приложенія къ переводу книги Секки «Единство физическихъ силъ») (1873 г.), «Лучи свѣта и теплоты», «Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія», «Произвольное зарожденіе» и др.

Рѣдкаго изъ иностранныхъ ученыхъ переводили у насъ такъ часто и такъ много, какъ Тиндалла и это лучшее доказательство его популярности среди русской интеллигенціи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Новая палата въ Парижѣ.

Къ концу 1893 года Франція, отдохавшая цѣлыхъ три мѣсяца, снова заняла подобающее ей первое мѣсто во вниманіи всего міра. Ея судьба вдругъ достигла даже трагическаго момента, отъ котораго встреленулся весь мыслящій и даже немыслящій людъ.

Этого момента мы не ожидали такъ скоро. Разставаясь съ Франціей послѣ ея знаменательныхъ выборовъ 20 августа, мы предвидѣли только подготовительный хаосъ, долженствующій поглотить эти «базальтовыя лбы» возрожденнаго оппортунизма, для которыхъ общественные вопросы не болѣе, какъ «химеры». Мы говорили: «Началомъ послужить скорое низверженіе Дюпюи. Метла — вещь хорошая, и даже необходимая. Но дѣло не въ ней, а въ томъ, въ чьихъ она рукахъ. И историки не знаютъ примѣровъ, чтобы она рѣшала вопросы».

Разскажемъ, какъ все это исполнилось.

Переизбранія 3 сентября (болѣ трети депутатовъ) были подтвержденіемъ августовскихъ выборовъ. Нація держала себя также серьезно, образцово, особенно въ провинціи. Ее упрекали даже въ сравнительномъ равнодушіи: въ 1878 г. воздержались отъ голосовки только 9%, а теперь 33%. Но это объясняется тѣмъ, что тогда всеобщая голосовка была дѣломъ новымъ, и грозила опасность отъ буланжизма; теперь-же нація была вполне спокойна на счетъ прочности своей излюбленной республики. Только дѣльцы политики волновались больше, чѣмъ въ августѣ, впрочемъ опять преимущественно въ столицѣ. Въ этой средѣ, гдѣ еще кишать пережитки политиканства, страсти распались. Грязь клеветничества доходила до того, что пресловутый жидоморь, Дрюмонъ, назвалъ, въ своей *Libre Parole*, всѣхъ евреекъ непечатно, а всѣхъ евреевъ — подлецами. Осюда дуэль, причемъ Дрюмонъ билъ своего противника, Дрейфуса, уже раненаго. Дуелей вообще было столько, что явилось крылатое слово — «semaine sanglante». Тоже можно было сказать объ избирательныхъ сходкахъ. Здѣсь происходили побойсца; Клемансо былъ закиданъ камнями, по Флоке стрѣляли. Слово становилось разнузданнѣ кулаковъ: на сходкахъ, въ газетахъ и воззваніяхъ наносились невозможныя оскорбленія кандидатамъ, ихъ семьямъ и друзьямъ, тѣмъ болѣе, что въ виду была дуэль, которая все смоетъ кровью. А рядомъ явилось новое ремесло — кандидатъ съ отступнымъ, кандидатъ съ пожертвованіемъ части своего жалованья въ пользу избирательнаго комитета.

Подтвердился и смыслъ выборовъ. Послѣ переизбраній оказалось всего: болѣ 400 «республиканцевъ» или оппортунистовъ правительства, болѣ 80 радикаловъ и социалистовъ, до 30 воссоединенныхъ и до 65 консерваторовъ. Съ виду, конечно, побѣдилъ правительственный центръ: республиканцы приобрѣли даже болѣ 80 новыхъ мѣсть. Но тутъ только 25 ветерановъ оппортунизма, выбранныхъ тотчасъ послѣ войны, и до сотни совсѣмъ новыхъ людей, которые ведутъ себя «дикарями», мечтаютъ о какой-то независимости. Воссоединенные лишь по нуждѣ поддерживали правительство: въ душѣ они конечно сохранили монархизмъ. А ихъ вчерашніе пріятели, консерваторы, легко сольются съ крайнею лѣвой: ихъ Кассаньякъ, пѣвшій, передъ выборами, что «конституціоннаго вопроса не существуетъ», теперь, когда его провалили, опять закричалъ: «Республика, это—воры, нищія» (*République des voleurs, la Gueuse*).

Центръ сталъ лицомъ къ лицу съ своею непримиримою соперницей, съ лѣвою. А лѣвая вышла истинною побѣдительницей изъ выборовъ, по всеобщему признанію.

Въ наше время судьба лѣвыхъ вообще замѣчательна. Тому, кто хочетъ разбраться въ хаосѣ текущей политики и не желаетъ закрывать глаза на завтрашній день, можно посоветовать обращать на нее особенное вниманіе. Тогда онъ увидитъ, что этотъ хаосъ—лишь оболочка дѣла, лишь плодъ поверхностнаго взгляда. За нимъ таится строгая логика

событій, живетъ великій историческій законъ. Даже въ Англіи виги, эти представители буржуазіи, хотя и весьма прогрессивной, съ трудомъ побѣдили на послѣднихъ выборахъ и живутъ теперь уступками трудовой демократіи. Въ Германіи, полгода тому назадъ, историческій законъ блистательно проявился въ громкомъ паденіи буржуазнаго «свободомыслія» и въ явномъ успѣхѣ социаль-демократовъ. Подобное-же явленіе совершилось теперь во Франціи.

II. Французскіе «прогрессисты».

Во Франціи роль буржуазнаго свободомыслія принадлежитъ «радикаламъ». Они-то кричали, что заведутъ своихъ виговъ, въ отпоръ торіямъ оппортунизма. Они-то мечтали стать провидѣніемъ Франціи. Вѣдь, у нихъ свои Гладстоны и Морлеи — Клемансо, Флоке, Гобле и Пельтанъ, Гюйо, Можанъ и Пишонъ! Вѣдь, такой атлетъ, какъ Клемансо, отдѣлился, въ 1880 г., отъ громады оппортунизма, чтобы низвергнуть ея Ахиллеса, «буржуазнаго» Гамбетту!

Новоявленные «виги» не замѣтили только одного: времена настали новыя, а они сами — люди старые. Радикалы остались такимъ-же эквилибристами въ политикѣ, какъ оппортунизмъ, въ которомъ изъ Гамбетты выродились постепенно гг. Ферри, Констаны, Рувье, Лубэ, Дююи и Перье. Они хватались за всякія снадобья для снисканія власти. А главнымъ фокусомъ новыхъ Полишинелей было кокетничанье съ демократіей: уже въ 1885 г. Клемансо принялъ титулъ «радикала-соціалиста». Но передъ послѣдними выборами разоблачились всякія плутни, и радикалы запутались въ собственныхъ сѣтяхъ. Мы видѣли въ сентябрѣ, какъ запискивали они разомъ и передъ правыми, и передъ лѣвыми, причемъ Гюйо съ Можаномъ прямо подался къ «республиканцамъ». Послѣ этого только радикалы могли изумляться своему паденію. Мы знаемъ уже клемансиаду. А когда были провалены Флоке, Можанъ и Пишонъ, въ Парижѣ толпы ходили по улицамъ съ криками: «Панама! Ура, социальная республика!»

Нужно отдать честь радикаламъ: они сохраняютъ свою слѣпоту и не унываютъ. Клемансо, какъ ни въ чемъ не бывало, опять засѣлъ въ редакторское кресло, предоставивъ своимъ адъютантамъ, Пельтану и Пишону, издавать новую газету, подъ руководствомъ Флоке. Онъ превратилъ свою *Justice* въ листокъ по 1 су за №: хочетъ воздѣйствовать на народъ! Гекторъ радикализма уже началъ громить и враговъ, и друзей à la Rochefort. Но во Франціи всякій *Lanterne* — трудовое дѣло: парижане признали, что Клемансо — страшный ораторъ и беззубый фонарщикъ; въ новой *Justice* испарился «verve caustique» этого «ciseleur d'épigrammes». Такъ размѣстились проваленные троянцы. А избранные вздумали-было вертѣть палатой. Сначала выступили «чистые» радикалы, которыхъ теперь называютъ еще «правительственными»! Дѣло въ томъ, что трое изъ нихъ уцѣлѣли въ министерствѣ Дююи, какъ послѣдній намекъ на пре-

словутое «сосредоточеніе». Во главѣ ихъ стоитъ Петралль enfant terrible портфельщикъ, чуть не социалистъ! Бѣдняга совсѣмъ запутался. «Народъ» все ждалъ отъ него дѣяній, а онъ только грозилъ г-ну Дюлюн отставкой, словно революціей. Но послѣ выборовъ, когда Дюлюн воспринялъ и посерьезнѣе заговорилъ насчетъ «отвычки французъ отъ власти», Петралль рѣшился лучше se soumettre, чѣмъ se démettre: памятуя слова Мирабо — «якобинецъ-министръ не значить якобинскій министръ» — онъ «отсрочилъ» введеніе своего пугала — подоходнаго налога. Понятно, что этотъ эквилибристъ, наконецъ, провалился между двухъ стульевъ. На смѣну ему выступить новый «вождь» радикаловъ, Локруа. Онъ выѣхалъ на тройкѣ противъ тронцы правительства: у Дюлюн конституція, конкордаты и объявленіе правъ 1789 года, у Локруа — ревизія, амнистія и выборы по списку ¹⁾. Пылкій новый вождь воображалъ, что вся лѣвая бросится за нимъ, какъ «Панургово стадо». Но та тотчасъ-же заявила ему «Программы стараго парламентскаго радикализма не пособяютъ социальному движенію: это—жестокое дѣтство (enfantillage). Тутъ выскочилъ «радикальный радикаль», самъ Гобле, этотъ невзрачный, раздражительный, придирчивый человѣчекъ, съ меньшими дарованіями, чѣмъ у Клемансо, но съ крупнымъ прошлымъ. Скорѣе провинціальный адвокатъ, чѣмъ парламентскій ораторъ, Гобле искусный тоже эквилибристъ. Передъ выборами онъ воилъ, что готовъ голову положить и за индивидуализмъ, и «отчасти» за коллективизмъ. Теперь онъ повторилъ свою исповѣдь, но съ приливомъ любезности къ социалистамъ и... съ предложеніемъ новой клички «нео-радикаловъ» или «прогрессистовъ».

III. «Новая сила».

Социалисты теперь у всѣхъ на языкѣ. Ихъ успѣхъ заставляетъ всѣхъ призадуматься. Они выиграли до 50 мѣстъ на переизбраніяхъ; за нихъ оказалось около половины голосовъ; они заняли опроставшіяся мѣста радикаловъ и скончавшихся буланжистовъ. Даже тамъ, гдѣ они не просили, за нихъ подано много голосовъ, и республиканцы побѣдили съ большимъ трудомъ. Консервативная печать возрадовалась: «социализмъ нанесъ чувствительный ударъ республикѣ». Республиканскія газеты зывали къ сплоченію большинства, чтобы «парализовать новую силу», у которой ясная цѣль, даровитые и честолюбивые вожди. А вдохновитель этой силы, Гедъ, такъ поздравлялъ своихъ: «Вы ввели новую политику. Скоро погибнуть нищета и рабство, превратившія трудъ въ каторгу: къ націи

¹⁾ *Выборы по списку* (scrutin de liste), гдѣ вся Франція вольна избирать кого угодно изъ списка кандидатовъ, были введены въ 1885 году, какъ радикальная мѣра, окончателно устраняющая старый порядокъ. Но при этой системѣ избиратели зачастую вовсе не знаютъ своихъ кандидатовъ, — и палата 1885 года привела, вмѣсто ожидаемыхъ вивогъ и торіевъ, къ жалкой борьбѣ личныхъ выгодъ. Оттого выборы 1893 года произведены по старой, окружной, системѣ (scrutin des districts), которая и дала перевѣсъ оппортунистамъ правительства.

возвратятся великія орудія производства и обмѣна. Спасибо Рубѣ, этой святыни всесвѣтнаго *пролетаріата*: онъ ввелъ социализмъ въ душу, въ общинныя и департаментскія собранія; теперь онъ вводитъ его въ Бурбонскій дворець».

Въ этотъ дворець впервые проникла блуза, среди щеголеватыхъ фраковъ, бѣлыхъ галстуховъ и цилиндровъ, мундировъ, рясы и орденовъ. Тутъ купеческіе прикащики, кабатчики, шляпочники, машинисты, даже акробаты — «Человѣкъ-Пушка» и бойкій парикмахеръ Шовенъ; тутъ и машинисты съ наборщиками, изъ которыхъ выходятъ искусные люди дѣйствія, журналисты и ораторы. Но здѣсь же свѣдущіе и опытные главари всѣхъ оттѣнковъ социализма — марксистовъ (Гедъ и Журдъ), бланкистовъ (Вальянъ, Шовриеръ и Боденъ), аллеманистовъ (Дежантъ), бруссистовъ (Лави). Есть и «независимые» — Мильрасъ, сильно постарѣвшій Гюгъ и молодой, красивый корсиканецъ Вивіани, очень даровитый адвокатъ, съ страстнымъ краснорѣчіемъ и съ симпатичною натурой. Учителемъ, пророкомъ этого «пролетаріата» служитъ даровитый, вліятельный глава марксистовъ, Гедъ, — внушительная фигура съ выразительнымъ лицомъ, съ юпитеровскими кудрями до плечъ. Его ораторъ — бывший профессоръ философіи, пламенный, убѣжденный Жоресъ. Его парламентскій вождь — Мильранъ. Мильранъ нашъ старый знакомый: мы давно обратили на него вниманіе, какъ обращаемъ теперь вниманіе читателя на Вивіани. Онъ моложе, свѣжѣе и даровитѣе Гобле. Теперь Мильранъ обнаружилъ и талантъ парламентскаго тактика. По поводу «гостей» онъ сказалъ рѣчь, которая сгладила тяжелое впечатлѣніе криковъ противъ отечества (въ Рубѣ и С. Дени) и протеста парижской думы по поводу издержекъ на угощеніе нашихъ моряковъ. Впрочемъ, то же заявлялъ Энгельсъ; а Гедъ провелъ, на сѣздѣ социалистовъ 8-го октября, такую кабалистическую формулу: сѣздъ «націоналенъ съ французской точки зрѣнія и международенъ — съ социалистической точки зрѣнія»..

Что-же написано на знамени новой силы? Оппортунисты приходятъ въ ужасъ отъ хаоса, который царствуетъ и здѣсь: это — чистый «разгулъ почивовъ!» (*débauche d'initiatives*), восклицаетъ скромный по части изобрѣтеній *Temps*. Всякій оретъ свое: кому подавай пересмотръ конституцій, амнистію и выборы по списку, кому — уничтоженіе сената и церковнаго бюджета и даже *refereendum*, кому — избраніе судей и женскую эмансипацію. Одни кричатъ о всеобщей стачкѣ, другіе требуютъ оградить права рабочихъ и сдѣлать рудники, желѣзныя дороги, кредитъ національною собственностью. Для такихъ умовъ, какъ *Times*, все это — шабашъ «гибельныхъ утопій» да «духъ смятенія и безначалія». Но и тутъ есть гармонія историческаго закона. Здѣсь есть общая идея, которою проникнута ньюкестльская программа Гладстона; только она затемняется избыткомъ творчества геніальной и нетерпѣливой націи. Тутъ много утопій и *ria desideria*, но не мало и симпатичныхъ пдѣй, и великихъ близкихъ реформъ: такъ, всѣ оттѣнки лѣвой согласны въ требованіи мира и со-

кращенія, если не отъѣны, постоянныхъ армій. И все это не мѣстный капризь нѣсколькихъ головъ. То же самое заявлялось недавно на рабочихъ сѣздахъ въ Бельфастъ, Кельнѣ и Парижѣ, въ Цюрихѣ, Вѣнѣ и Реджіо. Причемъ вездѣ эти народныя парламенты громко требовали «легальныхъ» реформъ и осуждали анархистовъ, насильниковъ. То же самое заявили, въ началѣ ноября, французскіе рабочіе, собравшись во вновь открытой Биржѣ Труда. Только ихъ собраты-мученики, 40,000 угольщиковъ въ Па-де-Кале, сказали, прекращая 7-недѣльную стачку: «Дано новое доказательство, что рабочіе могутъ ожидать улучшения своего быта и справедливости только отъ соціальной революціи: они никогда не забудутъ этого».

IV. «Эра затрудненій».

Ясно, что такіе скорбные и опасные голоса могутъ быть подавлены только немедленнымъ осуществленіемъ болѣе практическихъ частей нью-кестльской программы. Такъ и дѣлается въ Англии. А что дѣлалось во Франціи при открытіи новой палаты, въ ноябрѣ и декабрѣ? Сгустился старый хаосъ, развивалась допотопная эквилибристика. Самыя социалисты, добравшись до политики, стали политиканствовать. Ихъ полсотня разбѣлась на 3 комисіи и 4 подкомисіи. Начались препирательства между омнемонистами, коллективистами, международниками и тѣми, которыхъ они называютъ «патріотиками» (patriotards). Самъ Гедъ началъ громить коллективизмъ, а тутъ же заявлялъ: «Для насъ палата лишь средство пропаганды, какъ трибуна; мы далеки отъ химерической мысли, будто наша соціальная революція можетъ совершиться въ рамкахъ парламента и конституціи». Въ одномъ всё были согласны—въ осужденіи анархизма.

Ничтожная кучка радикаловъ совсѣмъ запуталась. Она распалась на двѣ поденки: Гобле создалъ какую-то «*groupe unique*»; какіе-то Жанъ съ Базиллемъ да Пельтанъ сочинили «*multiplicité des groupes*» или «прогрессистовъ».

Но больше всѣхъ отличились «республиканцы» *par excellence*. Увлечшись внѣшнею побѣдой, они вообразили, что «страна взыскала устойчивости и безопасности (le pays est affamé de stabilité et de sécurité), и потому... необходимо «правительствующее правительство» (le gouvernement qui gouverne), дабы искоренить «соціалистическую тиранію». Такъ говорилъ Райналь на сходкѣ «большинства»,—и совершилось чудо. Никогда еще Франція не была такъ мирно и идеалистически настроена; она сгорнула Панаму и Буланжу и встрѣчала «гостей». А «базальтовый лобъ», Дююи, крикнулъ на своихъ *citoyens*: *quos ego!* Онъ напомнилъ времена Констановъ и Ферри неистовыми воплями о подавленіи и искорененіи, о порядкѣ и властной рукѣ. Онъ сталъ вторить «республиканской» печати, проклиная «сосредоточеніе» и восхваляя «однородность» (*homogénéité*) палатскаго большинства и министерства. Но въ его министерствѣ было три радикала: «ничего, была-бы однородность мыслей въ формѣ средней

реформы» (la moyenne des reformes), рѣшили базальтовые лбы. Но въ палатѣ также однородность лишь воображаемая: въ виду новыхъ дикарей и семьи лѣвой, придется опираться на правую, т. е. опозорить себя. Протекціонисты, которыхъ даже Кассаньякъ назвалъ вредными, уже подняли головы: ихъ министръ земледѣлія, Виже, сталъ изрекать анаэму фритредерамъ; ихъ главарь, Мелинъ, возмечталъ о замѣщеніи Карно; ихъ мониторомъ стала *République française*, «fondée par Gambetta». Вотъ такіе союзники опасны даже въ глазахъ Дююи. Но тутъ его выручили «гости». Только съ ихъ отѣздомъ онъ воскликнулъ: «Эра опасностей миновала; начинается эра затрудненій!»

Эта эра достигла крайнихъ предѣловъ при открытіи новой палаты, которое совершилось 14-го ноября, при почти полномъ составѣ депутатовъ, при такомъ оживленіи въ коридорахъ и ложахъ, какого не запомнятъ уже лѣтъ 15! Тотчасъ-же, при выборѣ президента палаты, оппортунистъ Казимиръ Перье съ трудомъ преодолѣлъ радикала Бриссона, да и то съ помощью правой. И базальтовому лбу сразу пришлось возложить надежды лишь на гостей, «въ виду которыхъ неловко часто мѣнять министерства». Затѣмъ онъ началъ воевать съ лѣвою, отвергая амнистію для рабочихъ, наказанныхъ за стачки, и поощряя «*coups sombres*»—увольненіе углекоповъ массами въ Па-де-Кале. А программы нѣтъ какъ нѣтъ. Она явилась лишь 21-го ноября. Это—«откровенность и рѣшимость» (*franc et résolu*), т. е. объявленіе войны «пустословію» и «тираніи» социализма и даже радикализма. Отвѣтомъ была лекція Жореса, которую даже враги называли «блестящею» и «первою въ этомъ родѣ послѣ 1848 г.»; даже *Times* восхвалялъ «краснорѣчіе и ловкость, съ которыми этотъ профессоръ защищалъ новыя ученія и проклиналъ эту косную, равнодушную, дряхлую республику». Всѣхъ поразилъ новый приемъ: Жоресъ указалъ на противорѣчіе у республиканцевъ, которые ласкали народъ надеждами и отказывали въ ихъ удовлетвореніи, создавали синдикаты и удивлялись ихъ борьбѣ съ капиталомъ, отняли у массъ небо и сердятся, что онѣ пожелали земныхъ благъ. Экс-профессоръ доказывалъ еще, что «съ развитіемъ машинъ и скопа капиталовъ даже мелкая буржуазія неизбежно обратится въ поденщиковъ и увеличитъ собой пролетаріатъ». Поэтому «никакое правительство не можетъ идти противъ социализма, не измѣняя республиканскимъ основамъ». На эту рѣчь никто не отвѣчалъ изъ большинства, рукоплескавшего Дююи, а самъ онъ лишь промямлилъ нѣсколько фразъ, ибо «гостовидся къ политической, а не экономической рѣчи»; да и эти фразы *Daily News* называли «покаяніемъ» передъ гостями.

25-го ноября новое чудо: Дююи палъ, не будучи низвергнутымъ и при большинствѣ въ палатѣ.

Прошла удивительная недѣля, когда Франція сидѣла безъ министерства и не замѣчала этого. Всѣ кричали, что пора-же устроить истинно «однородный» кабинетъ—кричали именно тогда, когда выяснилось, что

въ палатѣ-то однородность весьма сомнительна. Но никто не брался за эту обузу. Наконецъ, выступилъ «носитель гамбеттовскаго преданія», покладистый и довърчивый Спюллеръ. Правда, этотъ ученый и осторожный предсѣдатель всемірной выставки, не разъ бывшій министромъ, все проповѣдовалъ «сосредоточеніе», но недавно онъ замѣнилъ эту ненавистную кличку словомъ «единеніе» (union), которое можно было теперь перевести словомъ «однородность». Хуже то, что оппозиціонная печать взъялась на него, какъ на паписта, англomана, даже «баденствующаго» и врага Россіи. Спюллеръ убоился и, отказавшись самъ отъ премьерства, почти насильно привлекъ президента палаты, Перье, въ Елизей и «бросилъ его въ объятія» Карно. 2-го декабря былъ подписанъ указъ о кабинетѣ Перье, но его обнародовали 3-го: испугались напоминанія о Наполеонѣ III. Радикалы закричали: на ворѣ шапка горитъ!

Кабинетъ Перье вышелъ дѣйствительно однороднымъ, со склоненіемъ вправо, т. е. къ реакціи. Тутъ учѣлсь одинъ только изъ прежняго министерства, Виже, по просьбѣ Мелина; и подлѣ него стоятъ такіе - же архи-протенціонисты — Марти да Веніамнъ кабинета, 35-ти-лѣтній Жо-нарь: такимъ образомъ, земледѣліе, торговля и общественныя работы находятся въ надежныхъ рукахъ «будущаго президента», Мелина, французскаго Мак-Кинлея! Есть еще молодой, но какой! — правая рука Констанана, Барту. А нимфеей Эгеріей кабинета будетъ главный ученикъ Ферри, первый врагъ малѣйшаго радикализма, Райналь: этотъ пылкій, не смотря на свои 50 лѣтъ, ораторъ, восточный носъ котораго, пронзительный взглядъ и длинная борода изобличаютъ еврея, взялъ на себя внутреннія дѣла. Спюллеръ облюбовалъ народное просвѣщеніе, а Перье — иностранныя дѣла. Финансы достались свѣдущему и неутомимому труженнику, Бурдо, который, волею судебъ, изображаетъ собой фритредерство въ новомъ кабинетѣ.

Самъ премьеръ, 45-ти-лѣтній молодчина, имѣетъ видъ кавалерійскаго полковника. Онъ совершилъ чудеса храбрости въ 1870 г. Его называютъ членомъ «министерской династіи»: его дѣдъ — извѣстный министръ при іюльской монархіи; его отецъ былъ въ кабинетѣ Тьера. Это человекъ безупречной честности: оттого прошлымъ лѣтомъ произвела впечатлѣніе его возвышенная рѣчь о панамѣ. «Декларация» Перье 4-го декабря была та же программа Дюпю; но болѣе хитрая: она сорвала даже рукоплесканія лѣвой (la richesse acquise). Но все дѣло испортила пылкая Эгерія. Когда социалисты внесли предложеніе объ амнистіи, Райналь разразился непристойною рѣчью противъ «революціонеровъ». Палата была смущена, особенно когда, въ отвѣтъ, послышалась строгая и теплая рѣчь бывшаго мастераго и стачечника, Роша, которому Перье не возражалъ. И амнистія была отвергнута большинствомъ всего 24 голосовъ, даже только 5 голосовъ, если выключить голоса самихъ министровъ. Затѣмъ президентомъ палаты былъ избранъ Дюпюи большинствомъ всего 251 голоса противъ 213, поданныхъ за Бриссона.

Французы были увлечены вопросомъ о «l'entrée du nouveau dignitaire», т. е. каковы будутъ allures exterieures г-на Дюпюи, его держаніе головы, покрой платья, и какъ прослѣдуетъ онъ по залѣ des Pas-Perdus, какъ отвѣтитъ на честь, которую отдадутъ ему два офицера du piquet d'honneur? 7-го декабря всѣ обрадовались достоинству и пзяществу, съ которыми продѣлалъ все это «базальтовый лобъ»; только палатскія дамочки нашли, что le plastron de sa chemise ballonnait trop. А 9-го онѣ были вынесены изъ этой-же залы частью въ обморокъ, частью въ ранахъ. Ударилъ громъ среди сонма эстетиковъ и эквилибристовъ.

V. Memento mori!

Анархизмъ сталъ явленіемъ серьезнымъ, хроническою злобой нашихъ дней. Сначала, когда болѣзнь проявлялась въ отдѣльныхъ, беземысленныхъ случаяхъ, она мало смущала общество: мало-ли чего не бываетъ на свѣтѣ! Да и анархисты неумѣло пользовались новыми разрушительными снадобьями. Въ Лондонѣ, въ 1883 — 1886 гг., происходили неудачные взрывы динамита въ парламентѣ и на вокзалѣ. Гладстонъ на другой-же день изготовилъ нешуточный законъ: 14 лѣтъ каторги за одно храненіе динамита, и даже сообщникамъ. Но все утихло — и забыли о новомъ законѣ. Такія исторіи, какъ покушенія Раваполя, Палласа и казенныхъ въ Чикаго анархистовъ, были не ясны: они казались продѣлками «мстителей» — горсти безумцевъ, которые отплачивали другъ за дружку. А про первый взрывъ во Франціи (въ С. Жерменѣ) ходили даже странные слухи: потомъ пресловутый вождь сыщиковъ, Андріэ, самъ признался, что помогалъ ему, какъ ловушкѣ, и что убѣдилъ даже капиталистовъ, съ тою-же цѣлью, дать деньги на изданіе газетки *Révolution Sociale*, гдѣ развивалось ученіе анархистовъ.

Однако, премудрые Андріэ достигли противоположной цѣли: прочитавъ новое ученіе, буржуа успокоился, найдя его бредомъ сумасбродовъ, который самъ себя побиваетъ. Но къ концу 1893 года ученіе стало объясняться практикой, которая потрясла умы всего міра. 7-го ноября, въ барселонскомъ театрѣ погибло десятка два зрителей (были и дѣти) отъ двухъ бомбъ, и заговорили о «центральному комитетѣ» въ Лондонѣ и о «гнѣздѣ» съ «сотнями» анархистовъ въ одной Испаніи. Впрочемъ, дѣло считалось опять «местью» за Палласа, хотя ея необычный способъ заставлялъ задуматься: «мстители» мѣтили не въ самихъ «палачей», а бросали смерть встрѣчному-поперечному, кто попадется подъ руку. Около недѣли спустя, въ Марсели взорвало бомбу у дома корпуснаго командира, который не казнилъ никакихъ Палласовъ; а въ Парижѣ произошло болѣе ясное явленіе. За обѣдомъ въ ресторанѣ Дювала былъ пораженъ ножомъ сербскій посланникъ, Георгевичъ. Убійца, сапожникъ Леотье, объявилъ, что онъ не знаетъ своей жертвы: онъ выбралъ, среди обѣдавшихъ, «un monsieur chic», чтобы «отомстить за свои страданія»: не-

счастнѣйшій голодалъ, отвергнувъ наслѣдство дяди, какъ «деньги, не заработанныя имъ». Своему адвокату и учителю, Фору, Леотье пояснилъ: «убить незнакомаго значить показать, что дѣло идетъ о *соціальной войнѣ*, о борьбѣ классовъ». То же говорили парижскіе листки, *Père Peinard* и *La Révolte*, прославлявшіе подвиги въ Барселонѣ и у Дювала. Въ тѣ же дни въ Нью-Йоркѣ кто-то стрѣлялъ въ окна роскошнаго ресторана съ криками: «Будьте прокляты, богачи!» Другой хотѣлъ взорвать монастырь, третій — убить губернатора Индіаны, и все по тѣмъ-же побужденіямъ. Въ концѣ ноября отовсюду летѣли тревожныя телеграммы. Въ Цюрихѣ похищено много динамита и пороха изъ желѣзнодорожныхъ складовъ. Въ Дублинѣ зарѣзанъ каменщикъ Рейдъ, какъ предатель виновниковъ взрывовъ тамъ за послѣдніе годы. Въ Трофальгарскомъ скверѣ полиція разсѣяла митингъ анархистовъ, восхвалявшихъ подвиги бомбъ. Въ Берлинѣ «шестьсотъ» анархистовъ собирались на сходку; а Каприви и самъ Вильгельмъ II получили по почтѣ «адекія машины».

9-го декабря, въ Бурбонскомъ Дворцѣ, была брошена бомба изъ ложи для публики. Ранено съ полсотни депутатовъ, журналистовъ и посѣтителей, особенно дамъ; одинъ изъ гвоздей, которымъ былъ начиненъ снарядъ, попалъ въ лобъ Дююю. Раненъ и самъ преступникъ, Вальянъ (*Vaillant*), который сдѣлалъ такіе-же признанія, какъ и Леотье. Но героемъ дня оказался не онъ, а «новый сановникъ», который держалъ себя столь-же достойно, какъ при своемъ *entrée*, и превратилъ палату въ римскій сенатъ. Не успѣлъ разсѣяться дымъ взрыва, какъ Дююю спокойно отчеканилъ: «засѣданіе продолжается». Эти слова стали «крылатыми», какъ символъ мужества и власти. И правительства — всѣ, не исключая республикъ Андарры-Сак-Маринно — закидали поздравленіями героя, который высказалъ храбрость еще раньше, при незаконномъ закрытіи Биржи Труда. Дююю сталъ теперь «l'homme à la mode». II — счастливые французы — уже поговариваютъ, что президентомъ быть не Мелину, а базальтовому лбу.

Впрочемъ, у Дююю куча соперниковъ. Теперь всякій французъ но ходитъ индѣйскимъ пѣтухомъ, проявляя мужество Сципіоновъ и Клавдіевъ. Вечеромъ 9-го декабря парижане наполнили театры и концерты. 10 и 11-го Бурбонскій Дворецъ былъ переполненъ депутатами и посѣтителями, особенно дамами. Перье внесъ билль о «чрезвычайныхъ» мѣрахъ съ такимъ видомъ, будто онъ олицетворялъ слова храбрыхъ газетъ: «можно сомнѣваться въ его талантахъ, но не въ характерѣ, а теперь нужны аста, поп *verba*, погубившая Тьера и Гамбетту». Онъ загремѣлъ: «Всѣ благонамѣренные французы должны сплотиться въ союзъ честныхъ людей. Дайте средства правительству — и оно покончитъ *на всегда* съ шайкою злодѣевъ, которая именуется организованною анархіей!» Перье потребовалъ предварительныхъ арестовъ и конфискацій до пяти лѣтъ тюрьмы за одно восхваленіе покушеній, что, по его мнѣнію, «несколько не стѣсняетъ достигнутой свободы». Напрасно лѣвая просила отложить преція,

чтобы изучить дѣло: не хватить-бы «подъ вліяніемъ страха». Перье воззвалъ къ довѣрію, какъ къ «политическому» акту, — и палата приняла мѣры большинствомъ болѣе 400 голосовъ. Счастливый Перье! Передъ 9-мъ декабря у него оставалось только 5 голосовъ, и предстояли пренія о стачкахъ, когда его приперли-бы къ стѣнѣ, какъ крупнаго землевладѣльца. Сенатъ также велъ себя «парижски»: 12-го онъ принялъ «мѣры» единогласно и безъ преній, послѣ возгласа своего президента: «Нужно уничтожить эту отвратительную секту, вступившую въ открытую борьбу съ обществомъ!» Затѣмъ дали суммы на усиленіе полиціи.

VI. Борьба съ новою бѣдой.

Началась борьба порядка съ безначаліемъ. Пошли аресты, высылки и бѣгство подозрительныхъ, своихъ и иностранцевъ. Поставили охрану у всѣхъ общественныхъ мѣстъ, не исключая муниципалитета, который одинъ только не поздравилъ Дюнон. Сыщики наблюдали публику. При входахъ въ суды осматривали портфели и пакеты. Въ трибуны палаты стали впускать только по билетамъ, выданнымъ и подписаннымъ депутатами. На общественныхъ собраніяхъ появились усердные слушатели — полицейскіе въ своихъ шарфахъ. Запретили переведенную съ нѣмецкаго драму «Ames Solitaires», хотя въ ней осуждается анархія, и арестовали переводчика за то только, что лохматая литературная молодежь почему-то восхваляла пьесу. Въ Латинскомъ Кварталѣ студенты кричали: «Долой анархистовъ!» Соціалисты загремѣли противъ «подлеца и глуща». Газеты въ большинствѣ занялись изобрѣтеніемъ мѣръ и розысканіемъ корней. Кто ядовито указывалъ на Геда, кто на знаменитаго географа, Элиза Реклю, кто даже на Гобле и вообще на «необузданную проповѣдь печати и трибуны». А клерикалы направляли свои перуны вообще на «атеистическую республику», пока не оказалось, что Вальянь — питомецъ «братьевъ», а Форъ — бывший иезуитъ. Почти вся французская печать, съ Figaro во главѣ, требовала «чрезвычайныхъ репрессивныхъ» мѣръ. Даже въ *Indep. Belge*, которая напоминала клерикаламъ о бомбахъ въ странахъ съ ихъ идеалами, парижскій корреспондентъ пробалтывался — хотя это «triste à dire» — о замѣнѣ присяжныхъ, если не военнымъ судомъ, то хоть такимъ спасительнымъ аппаратомъ, какъ «*ame bronzée d'un magistrat*». Тѣ-же отголоски доносились изъ-за границы. Газеты всѣхъ странъ заговорили о «международныхъ» мѣрахъ. Испанія поспѣшила выступить съ этимъ вопросомъ. Въ Италіи арестовали много подозрительныхъ иностранцевъ. Въ Вѣнѣ поставили охрану въ рейхсратѣ и биржѣ и заставляли публику снимать пальто. Въ разныхъ городахъ Германіи происходили аресты. Бельгія строго охраняла французскую границу. Даже въ Англіи устроили строгій надзоръ за анархистами; Асквиль закрылъ Трофальгарскій скверъ; даже «Daily News» назвала анархистовъ «негодяями», а соціалистическій *Star* взывалъ къ «безопасному истребленію убійць».

Но прошло недѣли двѣ — и картина стала пзмѣняться. Поллицейскіе утомились. Они смотрѣли пстуканами на проказниковъ-гаменовъ, которые крикнуть «ура, анархія!» и разбѣгутся съ хохотомъ. Они молча улыбадись на сходкахъ, высказывая лишь тогда, когда ораторы величали ихъ начальника «*sale individu*» и «*mufle*». Какъ всегда, чувства страха и гнѣва, вызывающіе лишь пѣну у рта да шараханье изъ стороны въ сторону, очертя голову, уступали мѣсто холодному разуму. Соображали, что на западѣ есть извѣстные идеи и обычаи, до того сросшіеся съ жизнью, что ихъ не отмѣнить вдругъ, по щучьему велѣнью. Такъ, нельзя сдѣлать палатъ безпубличными, судовъ — безприсяжными, печать — безвольною. Нельзя также прекратить любознательность публики. И вотъ, самыя консервативныя газеты давай распространять ученіе анархистовъ, печатавъ на перебой interviews съ ними, ихъ признанья, ихъ рѣчи и сочиненія. *Matin*, напримѣръ, пропечатала свою бесѣду съ Луизой Мишель, которая благословляетъ Вальяновъ, какъ «единственное средство закончить съ капиталистическимъ строемъ». Самъ *Figaro* начинаетъ подсмѣиваться надъ обысками посѣтителей у воротъ общественныхъ мѣстъ. Органы оппортунистовъ испугались за основы цивилизованной жизни, если стануть вводить «политическія» мѣры, подъ внушеніемъ чувствъ. Они начали развивать мысль газеты *Soleil*: «правительство можетъ найти достаточное оружіе въ существующихъ законахъ». Большинство газетъ прибавляетъ, зная условія помянутой жизни и природу человѣка: «репрессивныя мѣры принять не трудно; но онѣ конечно не будутъ исполняться». Кто же позволить, изъ-за частнаго случая, пріостановить, стѣснить всю жизнь, когда на западѣ одна долгая стачка всѣхъ углекоповъ способна заморить голодомъ весь мѣръ? И кто не знаетъ тамъ, что исключительнымъ положеніемъ, какъ всякою подспудною силой, легко воспользуются такіе недостойные элементы, какъ гг. Андриэ? Затѣмъ, взяли въ расчетъ историческій опытъ. Берлинская-же печать, которая все науськивала французовъ, выступивъ съ «международными» мѣрами, вспомнила, какъ опростоволопилось «сокровище» Германіи, воспользовавшись покушеніями Гёделя и Нобилинга для истребленія своихъ политическихъ враговъ, социалистовъ.

Вездѣ послышался голосъ о нелѣпости крайне простыхъ, допотопныхъ средствъ противъ сложнаго новаго явленія. Вѣдь анархистовъ считаютъ уже сотнями. Почти во всѣхъ средоточіяхъ жизни Запада открываютъ ихъ «гнѣзда» и «лабораторіи» бомбъ и даже фальшивыхъ монетъ. Спцилія представляетъ сплошной анархизмъ, который уже приступилъ къ дѣйствию. Въ Лондонѣ самыя основательныя анархисты открыто возвѣщаютъ, по адресу Асквита: «Мы занимаемся только пропагандой нашихъ идей; но если стануть притѣснять ее, мы перейдемъ къ пропагандѣ дѣйствіемъ. Нѣмцы слишкомъ отвлечены и влѣзли по уши въ социализмъ, въ эту худшую форму деспотизма; французы увлечены націонализмомъ, и у нихъ нѣтъ такого избытка населенія, какъ у насъ. Англія станеть главною квартирой анархизма. И мы скоро устроимъ рай земной: унич-

тоживъ имущества, давши всѣмъ землю и средства къ жизни, мы сдѣлаемъ излишними суды, тюрьмы, полицію, войско».

Такъ говорятъ новые пророки отчаянья и мести всему нынѣшнему строю, всему вскормившему его обществу. Это—палачи и полиція новой идеи, съ пылающими взорами, съ развинченными нервами фанатиковъ. Они повторяютъ слова Луизы Мишель: «даже любовь къ женщинѣ и дѣтямъ—ничто, когда дѣло идетъ о счастіи человѣчества!» И имъ, голоднымъ, отверженнымъ, нечего терять. Каждый изъ нихъ стоитъ арміи, въ силу своей самоотверженности и таинственности, какъ говорили, бывало, про карбонаріевъ. Зола сказала, что казни только увеличатъ число поклонниковъ жестокой секты: допотопное «око за око» тутъ по меньшей мѣрѣ не практично. Такое явленіе, какъ анархизмъ, эта новѣйшая форма весьма старой пѣсни, требуетъ прежде всего дѣльнаго изученія. Затѣмъ, съ нимъ можно бороться лишь съ помощію обычныхъ, а не чрезвычайныхъ средствъ—именно съ помощію улучшенія жизни путемъ воспитанія и преобразованія, въ особенности же посредствомъ «соціальныхъ реформъ въ пользу рабочихъ», какъ выразилась вѣнская *Presse*. Когда, въ ноябрѣ, Гедъ, Аллеманъ, Жоресъ и ихъ друзья открыли, въ Латинскомъ кварталѣ, интересный вольный факультетъ обществовѣдѣнія, извѣстный профессоръ, любимецъ студентовъ, Лависсъ, сказалъ умное слово: «Урокъ намъ! Наши юридическіе и словесные факультеты даютъ мало для соціальныхъ наукъ. Нужно обратить наше преподаваніе къ реальной жизни, которая теперь могуча, крайне любопытна, но смутна и тревожна». А Казимиру Перье начинаютъ внушать отовсюду: «вотъ вамъ хорошій случай взяться за серьезныя преобразованія, которыя одни только въ состояніи убить анархизмъ».

Новый кабинетъ уже отказался, наравнѣ съ другими державами, отъ «международнаго» предложенія Испаніи. Но и онъ, и новая палата хотятъ вести внутреннюю политику по старой колеѣ. Когда радикалъ Басли потребовалъ слѣдствія о дѣйствіяхъ правительства во время стачки въ Па-де-Кале, Перье сталъ, съ пѣной у рта, обвинять студентство, лѣвую, журналистовъ въ «подстрекательствахъ»—и предложеніе Басли было отклонено огромнымъ большинствомъ. Затѣмъ, въ виду дефицита въ 100 милліоновъ, оппортунисты стали прямо отвергать возможность реформъ. А ученый Леруа-Болье запрещаетъ даже упоминать о нихъ: «люди основательные и благоразумные не должны допускать такого шарлатанства»...

Не нужно быть пророкомъ, чтобы видѣть близкое паденіе столь премудрыхъ правителей. Конечно, это не будетъ ударомъ для страны. Франція такъ теперь сильна и сочна, что, при всемъ описанномъ хаосѣ, чувствуешь, что она выберется на чистую дорогу. Не то испытываешь, когда приглядишься къ хаосу у трейтвенницы. Тамъ успѣшно развивается анархія, эта мать анархизма. Она уже почти привела къ взрыву цѣлой несчастной страны — Италіи.

А. Трачевскій.

ЗАДАЧИ РЕДАКЦИИ ПОСРЕДНИКА.

Девять лѣтъ тому назадъ появились въ продажѣ четыре небольшія книжечки, по 36 страницъ каждая, съ картинками на обложкѣ, красной рамкой и пословицей: «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ». Это были три разсказа Л. Н. Толстаго: «Чѣмъ люди живы», «Богъ правду видитъ» и «Кавказскій плѣнникъ» и разсказъ Н. С. Лѣскова: «Христосъ въ гостяхъ у мужика», напечатанные въ типографіи П. Д. Сытна и К^о въ Москвѣ. у одной изъ наиболѣе крупныхъ торговыхъ фирмъ и представителя такъ называемой дубочной книжной и картинной торговли.

Такъ началась дѣятельность «Посредника». Она, какъ извѣстно, имѣла успѣхъ, изданія ея стали расходиться въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и теперь, изъ рассылаемаго этой фирмой каталога ея изданій видно, что ею издано болѣе 150 названій народныхъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія, нѣсколько серій картинъ, черныхъ и раскрашенныхъ, цѣною отъ 1 коп. до 25. Въ началѣ прошлаго года выпущена новая серія книгъ для интеллигентныхъ читателей, которая представляетъ только начало новаго обширнаго отдѣла.

Мы полагаемъ, что теперь, при такомъ расширеніи дѣятельности «Посредника», вполне уместно сказать нѣсколько словъ объ его задачахъ, чтобы съ одной стороны устранить многія встрѣчавшіяся недоразумѣнія—отъ непониманія обществомъ этихъ задачъ, съ другой стороны открыто выразить свои стремленія, чтобы этимъ самымъ привлечь къ сочувствію и участию многихъ людей, навѣрно разделяющихъ тѣ-же мысли и чувства, но почему-нибудь не имѣвшихъ возможности усмотрѣть ихъ въ изданіяхъ «Посредника».

Усложненіе формъ общественной жизни, распространеніе грамотности, легкость международныхъ сношеній, совершенство техники, — все это неудержимо повліяло на быстрое возростаніе въ количествѣ всевозможныхъ печатныхъ произведеній.

Когда вы сидите въ какой-нибудь большой библіотекѣ и смотрите на стройные ряды книгъ, которыми заставлены стѣны отъ пола до потолка и знаете, что такихъ комнатъ много, иногда въ двухъ, трехъ этажахъ огромнаго зданія, не чувствуете-ли вы нѣкоторую робость? А вспомните при этомъ, сколько силъ, душевныхъ волненій, страданій, восторговъ стоитъ написать одинъ небольшой томикъ такой библіотеки — вы ужас-

нетесь тому, сколько напряженныхъ силъ сконцентрировано въ стѣнахъ такого зданія. Но если вы усердно занимались въ такихъ библіотекахъ или вообще знакомы съ литературой общей или спеціальной, вамъ должна быть извѣстна еще другая сторона этого дѣла. Если вамъ нужно серьезно разработать какой-нибудь вопросъ, вамъ придется перебрать цѣлый ворохъ книгъ и многія отбросить, какъ никуда негодныя, не смотря на внушительность имени автора, и наоборотъ, у повидимому незначительныхъ авторовъ и мало извѣстныхъ находишь драгоценныя данныя.

А въ какой подавляющей массѣ выходятъ все новыя и новыя книги и журналы, читать которыя обязательно для человѣка еще не освободившагося отъ вліянія общественнаго мнѣнія. И наполняются головы молодыхъ неопытныхъ людей литературнымъ хламомъ, развращаются партійными взглядами, а сокровища всемірной общечеловѣческой мысли пылятся въ шкафахъ и поѣдаются крысами.

И вотъ, размышляя о томъ, какимъ-бы образомъ можно было собрать всѣ эти разбросанныя и затеряныя драгоценности, мы рѣшили предпринять рядъ изданій, совокупность которыхъ представила-бы, такъ сказать, ту яркую бѣлую нить всемірной творческой мысли, которая теряется въ огромномъ, запутанномъ клубкѣ сѣрыхъ и черныхъ нитей жалкой посредственности и развращающей лжи.

Кромѣ того, такъ какъ многія изданія, по разнымъ причинамъ не могутъ быть нами въ скоромъ времени переизданы, то дополненіемъ серии нашихъ изданій, будетъ служить составленный нами указатель лучшихъ книгъ другихъ изданій, рекомендуемыхъ нами читателямъ.

Эта потребность выбора изъ всей текущей и прошедшей литературы бѣлой нити истинной силы человѣческаго духа признается всѣми безъ исключенія; но въ томъ, что выбрать изъ всего накопленнаго матеріала, повидимому такъ много разногласія, что каждое учрежденіе, кружокъ людей, даже каждое отдѣльное лицо судить объ этомъ для себя особо. Однако если глубже выикнуть въ эти сужденія, то разница окажется не такъ велика. И мы полагаемъ, что предложенныя нами здѣсь сужденія не будутъ многими отвергнуты.

Въ обществѣ всегда есть люди съ различной степенью сознательности относящіеся къ прогрессивнымъ явленіямъ жизни. Есть люди идущіе впередъ и влекущіе за собой другихъ, есть люди идущіе впередъ одиноко, замкнуто, внутри себя, и страдающіе отъ того, что не умѣютъ найти отклика въ другихъ своимъ лучшимъ стремленіямъ, не умѣютъ выразить своихъ задушевныхъ мыслей и потому не могутъ привлечь къ себѣ сочувствіе. Есть люди, расположенные ко всему хорошему прогрессивному и робѣющіе передъ необходимостью разрушенія отжившихъ началъ, передъ необходимостью сбросить съ себя старое платье, уже плохо прикрывающее ихъ, перестать чинить его и надѣть новое. Есть люди съ очень неясными стремленіями, скорѣе лишь съ чуткостью ко всему хорошему, люди съ тлѣющей искоркой, которой нужна только струя свѣжаго воздуха, чтобы загорѣться пламенемъ.

Вотъ для этихъ-то всѣхъ людей, стоящихъ на распутьи и ждущихъ поддержки на пути къ свѣту, здѣсь-то и выражается все значеніе литературы, концентрирующей работу многихъ умовъ и художественныхъ силъ всѣхъ временъ и народовъ.

Чтобы судить о томъ, что слѣдуетъ выбрать изъ-всей литературы, нужно опредѣлить чего мы ждемъ отъ нея, другими словами — какое вліяніе литературы мы признаемъ желательнымъ и отъ какого, наоборотъ, хотѣли-бы оградить всякаго человѣка, если желаемъ ему блага въ его жизни. Прослѣдимъ для этого вліяніе литературы на нѣсколькихъ примѣрахъ, взятыхъ прямо изъ жизни.

Приходилось-ли вамъ бывать зимой въ какой-нибудь изъ безчисленныхъ деревень, разбросанныхъ по Россіи. Если вы заберетесь въ самую глухую, занесенную снѣгомъ деревушку, такую, къ которой и дороги нѣтъ, то вы увидите, что въ долгіе, зимніе вечера непременно въ нѣсколькихъ хатахъ свѣтится огонекъ. Подойдите къ одной изъ нихъ, въ половину занесенной снѣжнымъ сугробомъ, къ той, маленькій огонекъ которой то и дѣло скрываютъ отъ васъ человѣческія тѣни. Подойдите осторожно, чтобы не спугнуть хозяевъ своимъ непрошеннымъ появленіемъ и прислонитесь къ окну. Вы увидите что вокругъ тусклаго огонька лампочки-кошпилки собралось человѣкъ пять-шесть, иногда и болѣе, старыхъ и малыхъ и взрослыхъ обоого пола. Одинъ изъ нихъ съ книгой. На грубомъ, морщинистомъ лицѣ его видно сильное умственное напряженіе; закрутившись, почти черныя отъ работы руки, всклокоченные волосы. На лбу выступили капли пота, а черныя пальцы съ бѣлыми ногтями медленно передвигаются по засаленной книгѣ, лежащей передъ нимъ на столѣ; прислушайтесь и до васъ долетятъ звуки мѣрнаго, хотя и не бойкаго чтенія. Взгляните на слушателей. Они всѣ — одно вниманіе. У дѣтей блестятъ глаза; съ раскрытыми ртами, почти лежа на столѣ, они подперли руками свои головки, далеко запустивъ пальцы въ кудри волосъ, и впились глазами въ чтеца. Дальше за ними старикъ задумчиво смотритъ, и пряжа опустила веретено и нитку, боится зашумѣть и вся превратилась въ слухъ...

Какая-же волшебная сила овладѣла всѣми этими существами? Прислушайтесь внимательно къ чтенію и вы ясно различите слова: ...И сказала славному богатырю Бовѣ Королевичу его нарѣченная невѣста Милитриса Киробитевна... И долго, до поздней ночи, свѣтится огонекъ въ этой пекривившейся хатѣ, занесенной на половину снѣжнымъ сугробомъ...

Эти люди берутъ все, что можетъ дать имъ тусклый огонекъ копящей лампочки. И отъ этой древней сказки они берутъ все, что можетъ дать имъ тусклый огонекъ и въ ней свѣтящейся жизненной правды.

Все, что выдуманно, то когда-нибудь, гдѣ-нибудь существовало или будетъ существовать, а все, что теперь передъ глазами — все такъ сѣро и уныло и не стоитъ вниманія. И потому все, что отвлекаетъ человѣка отъ тяжелой дѣйствительности, все это возвышаетъ его душу. Вотъ по-

чему такъ обаятельна сила поэтическаго вымысла. Если-бы въ эту-то силу влить побольше любви, свѣта и правды, какое-бы было великое дѣло!

Перенесемъ въ другіе общественные слои:

Растетъ молодой человѣкъ и кончаетъ или не кончаетъ среднее образованіе, однимъ словомъ, попадаетъ, въ такъ называемую, среднюю интеллигенцію. Гимназія даетъ ему мало. У него остается какая-то оскомина классицизма и желаніе какъ можно скорѣе забыть то, что ему насильно навязывали. Но если это пытливый умъ, онъ набрасывается на книги. Что-же можетъ дать ему напр. историческая литература? Она можетъ представить ему два идеала. Одинъ суживающій его взглядъ до патріотическаго, воинствующаго героизма, другой расширяющій его взглядъ до сознанія единства человѣческаго типа, единства внутренней духовной сущности его. Человѣкъ, направленный литературой по этому пути, расширяетъ предѣлы познанія міра и постепенно все болѣе и болѣе сознаетъ свое родство съ этимъ міромъ, какъ-бы простирающимъ ему свои объятія со словами: «ты братъ нашъ!»

Возьмемъ другой подобный примѣръ:

Растетъ юноша въ училищѣ, среди товарищей, и чувствуетъ себя одиноко. Есть у него два-три друга, которые любятъ его, но онъ не получаетъ отъ нихъ того, что ему хочется. А между тѣмъ внутри него уже начинается особая новая жизнь, протестующая противъ всего окружающаго. Юноша мало читаетъ и вообще мало общителенъ. По выходѣ изъ училища онъ поступаетъ на службу, времени свободнаго становится больше и онъ начинаетъ читать. А между тѣмъ въ это время у него уже начинаютъ пошатываться выношенные въ душѣ идеалы. Вокругъ себя онъ видитъ пошлость и смѣхъ надо всѣмъ, что ему дорого и свято, и онъ уже готовъ признать все это дѣтской мечтой. Но вотъ ему попадаютъ въ руки «Братья Карамазовы». Образъ Алеша увлекаетъ его неудержимо. Его вдругъ охватываетъ радостное сознаніе того, что не онъ одинъ въ навности мечтаетъ о чистотѣ и любви къ людямъ, а что это есть черта общечеловѣческая, воплощенная въ образъ могучимъ художникомъ. Это открытіе становится для него мостомъ въ область внутренней жизни всего человѣчества, приобщеніемъ къ духовной, прогрессивной сущности его. Онъ чувствуетъ почву подъ ногами и смѣло идетъ впередъ.

Другой позже испытываетъ нѣчто подобное при чтеніи древнихъ мудрецовъ. Тутъ получается впечатлѣніе хотя и не столь яркое, но за то еще болѣе грандіозное, болѣе могущественное. Здѣсь читающій чувствуетъ, что смутно сознаваемые имъ мысли и понятія, жили и разрабатывались до изящной тонкости людьми, за тысячи лѣтъ до него существовавшими—и радость такого чудеснаго общенія съ ними даетъ ему новые импульсы жизни.

А біографія? Будетъ-ли то житіе святого, или политическаго вождя, или гениальнаго ученаго, или мудреца учителя жизни—съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ читающій за развитіемъ могучей личности не укладывающейся въ рамки обыденной жизни. Какъ радуютъ его

успѣхи героя и какъ страдаетъ онъ съ нимъ за его неудачи. Онъ научается изъ его жизни иному масштабу, по которому можно судить поступки выдающихся личностей. На сколько ближе и дороже человѣку дѣлаются черты описываемаго лица, когда онъ знаетъ, что это лицо дѣйствительно существовавшее и когда онъ можетъ ощутить своими внѣшними чувствами реальныя послѣдствія его жизни.

Не менѣе могущественное вліяніе на человѣка литературы точныхъ наукъ. Дитя вырастаетъ въ большинствѣ случаевъ въ области многихъ умственныхъ суевѣрій. Весь міръ для него представляется какимъ-то хаосомъ, изъ котораго вдругъ, того и гляди, выпрыгнетъ какое-нибудь чудовище и поглотитъ его, или еще что-то болѣе ужасное, чему онъ и имени не знаетъ, но что навѣрное прячется по ночамъ, въ самыхъ темныхъ углахъ пустыхъ комнатъ. Но вотъ онъ встрѣчается съ книгой. До него доходятъ истины математики, физики и естествознанія, и въ его мозгу начинаютъ укладываться основныя понятія, причины и слѣдствія, и міръ въ его глазахъ постепенно принимаетъ гармоничный порядокъ. Въ то-же время пускаетъ корни и начинаетъ расти новая сила — анализъ, которая разлагаетъ одинъ за другимъ обманчивыя призраки воображенія и открываетъ путь разумному сознанию, расширяя предѣлы познанія міра до безконечности. И человѣка вдругъ охватываютъ новыя, волнующія его душу чувства. То страхъ за свою беспомощность и конечность, то радость сознанія вѣчнаго!

Но есть и другая, опасная сторона вліянія этого рода литературы. Развивающійся скептицизмъ, разбивая обманчивыя иллюзіи, разрушаетъ и самыя дорогіе образы чувства и приводитъ человѣка къ пустотѣ и отчаянію. Матеріалистическая наука къ его услугамъ—разрушаетъ одинъ за другимъ всѣ зародыши нравственнаго императива и, если его животная природа переживаетъ этотъ нравственный кризисъ, она обращаетъ его въ дѣйствительное животное и повергаетъ его въ область грубаго эгоизма, тщеславія и чувственности.

Но довольно примѣровъ, пусть каждый пощепъ въ своей жизни случай подобнаго вліянія и ему станетъ ясно значеніе литературы. Какъ-же назвать то направленіе современной литературы и книги, которое должно произвести желаемое вліяніе на читателей?

Говорить о желаемомъ направленіи литературы почти бесполезно. Или это будутъ общія ничего не говорящія фразы, или придется развивать энциклопедическую таблицу наукъ и искусствъ, лестрота которой снова сдѣлаетъ ее мало говорящей.

Литература неотдѣлима отъ жизни. Каждое литературное произведеніе есть нравственный или безнравственный поступокъ автора ея. И потому вопросъ: что писать? тождественъ съ вопросомъ: какъ жить? И отвѣтъ на это давно уже извѣстенъ всѣмъ.

Мы, люди, почти 2000 лѣтъ тому назадъ уже слышали изъ устъ учителя слова, смыслъ которыхъ даетъ направленіе и жизни и литературѣ:

«Будьте совершенны, какъ совершенъ вашъ Отецъ Небесный». Больше этого, даже въ логическомъ смыслѣ сказать нельзя; это голосъ Вѣчнаго Духа истины.

Совѣсть человѣческая необыкновенно чутка. Если спросить себя человѣкъ въ глубинѣ души своей, на-единѣ съ самимъ собою, передъ лицомъ своего Бога — лучше-ли онъ сегодня, совершеннѣе-ли чѣмъ былъ вчера, мѣсяць, годъ назадъ — совѣсть ему точно скажетъ, въ чемъ онъ ушелъ впередъ, въ чемъ отсталъ и даже шагнулъ назадъ. Себя обмануть нельзя. А если совѣсть вѣдаетъ это, то она знаетъ все.

Этотъ внутренній критерій — стремленіе къ лучшему — опредѣляетъ и направленіе литературы, и даетъ точный отвѣтъ на то, о чемъ писать, какую-бы область міровой жизни мы не затронули. Обратимся-ли мы къ области международныхъ отношеній — миръ, братство народовъ, уничтоженіе искусственныхъ границъ. Обратимся-ли къ области частной жизни человѣка — простота, здоровье, полнота силъ и единеніе съ природой. Обратимся-ли къ внутренней духовной жизни — развитіе сознанія и любовь къ истинѣ. Въ отношеніяхъ между людьми — взаимная помощь, стремленіе къ общинѣ, преобладаніе чувства обязанности надъ чувствомъ права. Съ этимъ компасомъ мы можемъ пуститься и въ дебри исторій, и онъ покажетъ намъ какъ личность человѣческая боролась за независимость своего духа и какъ она стремилась къ идеалу.

Программа нашей редакціи ни чѣмъ не ограничена. Мы намѣрены черпать матеріалъ не стѣняясь пространствомъ и временемъ, изъ области древнихъ религій и современныхъ религиозныхъ, нравственныхъ и философскихъ системъ, изъ естественно-историческихъ, физико-математическихъ и историко-соціальныхъ наукъ. Лишь-бы въ каждомъ произведеніи свѣтился огонекъ вѣчной правды.

Въ художественной литературѣ мы будемъ искать того-же, какимъ-бы способомъ не воплощалась желанная идея: путемъ-ли яркаго изображенія положительнаго идеала, или путемъ обличенія несогласія съ нимъ.

Также въ ближайшемъ будущемъ мы намѣрены продолжить и расширить начатое нами изданіе произведеній живописи.

Живопись, какъ искусство, имѣетъ свое особенное могущественное свойство. Она говоритъ на одномъ языкѣ со всѣмъ міромъ, и потому она представляетъ самый совершенный способъ общенія. Кромѣ того, ручная или механическая, она не требуетъ повторенія для пользованія ею и дѣлается непрерывно во времени доступною всѣмъ, у кого есть глаза.

При выборѣ картинъ къ изданію, мы будемъ искать той-же новой прогрессивной идеи, которая даетъ въ нашихъ глазахъ цѣнность литературному произведенію и которая дѣлаетъ картину дѣйствительно творческимъ произведеніемъ.

Что касается народной литературы, то и у ней остается та же программа и тѣ же требованія примѣнимы и къ ней, только съ еще болѣе строгимъ выборомъ и съ еще болѣе тщательной обработкой формы.

Народъ, такъ называемое низшее сословіе, просвѣщается двумя путями: 1) путемъ внутренняго, самостоятельнаго развитія и 2) путемъ подражанія такъ называемому высшему сословію. Въ первомъ случаѣ онъ не нуждается въ нашей помощи и учить намъ его нечему, намъ самимъ недурно поучиться у него. Во второмъ случаѣ на насъ, такъ называемомъ высшемъ классѣ, лежитъ страшная отвѣтственность за дурной примѣръ.

Въ народѣ есть почти безсознательное стремленіе къ подражанію выше его стоящимъ сословіямъ. Правда, это касается больше внѣшнихъ сторонъ его жизни, но на сколько внѣшнія условія могутъ благопріятствовать или задерживать внутреннее развитіе, на столько и это подражаніе вліяетъ на него. Это подражаніе, начиная съ одежды, убранства жилища и вообще внѣшняго образа жизни, простирается и до образованія, въ стремленіи къ которому есть большая доля подражательнаго инстинкта. И потому на сколько наше образованіе и развитіе становится его образованіемъ и развитіемъ, на столько наше невѣжество остается его невѣжествомъ, и развращаясь умственно и нравственно, мы развращаемъ всѣхъ идущихъ за нами по тому-же пути.

Итакъ наша литература рано или поздно будетъ его литературой. И намъ кажется вполне естественнымъ стремленіе облегчить народу доступъ къ лучшей части нашей литературы, по возможности упрощая ея выдающіяся произведенія. Такимъ путемъ и создается, такъ называемая, народная литература, отличающаяся отъ общей литературы главнымъ образомъ формой изложенія и еще нѣкоторыми техническими особенностями въ ея распространеніи.

Редакторъ-издатель всегда является «посредникомъ», между читающей публикой и работниками въ области мысли и искусства, какія-бы цѣли онъ не преслѣдовалъ.

Мы же ограничиваемся двумя главными цѣлями: 1) дать возможность близкому намъ по духу автору распространить свое произведеніе и 2) дать читателю возможно удобнымъ и дешевымъ способомъ пріобрѣсти и прочесть близкіе намъ по духу произведенія. Говоря: «близкій по духу» мы ни какъ не хотимъ выразить этимъ партійность, нетерпимость или сенаратизмъ и т. п. страшныя понятія. Мы искренно убѣждены, что со всякимъ честнымъ работникомъ мысли или художества, мы можемъ имѣть «близость по духу» быть можетъ не цѣликомъ во всемъ теченіи его жизни. быть можетъ не по отношенію ко всѣмъ его произведеніямъ, но ужъ навѣрно въ жизни его будутъ моменты, когда мы почувствуемъ близость другъ къ другу и эти моменты для насъ будутъ лучшими моментами его жизни и соответствующія этимъ моментамъ произведенія — лучшими его произведеніями.

Редакторо - издательское посредничество при настоящемъ положеніи вещей имѣетъ двѣ тяжелыя стороны: 1) оплачиваніе рублими духовной

работы мыслителя или художника, 2) добываніе этихъ рублей отъ читателя.

Но если пока нельзя устранить этихъ двухъ тяжестей, желательно по возможности ослабить ихъ; вторая тяжесть отчасти въ нашей власти, и мы по возможности ослабляемъ ее, назначая возможно низкую цѣну издаваемымъ книгамъ, прибыль съ которыхъ едва покрываетъ необходимыя издательскіе и редакціонные расходы. И намъ очень радостно заявить, что первая тяжесть значительно ослабляется нѣкоторыми изъ нашихъ сотрудниковъ, дающихъ намъ свои произведенія бесплатно или по уменьшенной цѣнѣ. Отъ расширенія такого отношенія авторовъ къ намъ конечно зависить успѣхъ нашей дѣятельности.

Какъ было-бы радостно чувствовать живое, безкорыстное общеніе съ товарищами по дѣлу! Нельзя жить безъ вѣры въ то, что такое время наступитъ—то время когда въ этой литературной коопераціи будетъ участвовать: мыслитель-художникъ, редакторъ-издатель и читатель, и будетъ каждый давать по способности и получать по потребности.

Ведя борьбу со старыми рутинными формами, мы рѣшаемся личнымъ примѣромъ показать удобство нарушенія установившихся формъ и намѣрены распорядиться имѣющимся у насъ литературнымъ матеріаломъ всевозможными способами; а именно: издавать отдѣльныя сочиненія, классическія и современныя, въ полномъ и сокращенномъ видѣ, печатать сборники произведеній отдѣльныхъ авторовъ и коллективныя; альманахи со смѣшаннымъ литературно-научнымъ содержаніемъ, картины и иллюстраціи, а также помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ статьи отъ имени редакціи «Посредника», которыя по своей формѣ по чему-нибудь неудобны для нашего непосредственнаго изданія.

Читатели-же, сочувствующіе нашему дѣлу, могутъ намъ много помочь, присылая въ редакцію «Посредника» по нижеуказанному адресу свои отзывы и указанія, а также способствуя болѣе широкому распространенію нашихъ изданій. Такимъ путемъ мы надѣемся установить живую связь между читателемъ и писателемъ и быть дѣйствительно-посредникомъ между ними.

Мы полагаемъ, что изъ этого бѣлаго очерка долженъ былъ хотя отчасти обрисоваться характеръ нашей дѣятельности.

Задачи, нами поставленныя, обширны. Удастся-ли намъ выполнить хотя малую долю изъ всего задуманнаго нами? Это покажетъ время. Но мы убѣждены въ томъ, что если мы служимъ Вѣчному, то дѣло наше не умретъ, если-бы мы лично, и сошли со сцены.

Редакція изданій «Посредникъ».

Адресъ редакціи: Москва. Зубово. Долгій пер. д. Нюнина, П. И. Бирюкову.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. К р и т и к а .

Сочиненія гр. Л. Н. Толстого. Москва, 1893 г., I—XIII, изданіе девятое, ц. 23 рубля. Новое изданіе полнаго собранія сочиненій гр. Л. Толстого доставитъ истинное удовольствіе всѣмъ любителямъ изящно изданныхъ книгъ, всѣмъ цѣнителямъ таланта знаменитѣйшаго русскаго писателя, дорожающимъ каждой строкой его произведеній, каждымъ новымъ проявленіемъ его могучей души, въ которой творчество съ годами крѣпнеть и пріобрѣтаетъ характеръ возвышеннаго пророчества. Въ послѣдніе тома вошли новѣйшія произведенія Толстого: «Власть тьмы», «Плоды просвѣщенія», «Крейцера соната», «Сказки» и «Философскія разсужденія». Прочіе тома представляютъ тщательное воспроизведеніе первыхъ изданій, съ французскимъ текстомъ «Войны и Мира», но отличаются крупнымъ шрифтомъ, а главное—приложеніемъ интереснѣйшихъ, превосходно выполненныхъ, многочисленныхъ снимковъ съ портретовъ Толстого въ разные періоды его жизни, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ не были извѣстны публикѣ, фотографій и видовъ Ясной Поляны и московскаго дома Толстыхъ и, наконецъ, характернаго автографа гр. Л. Толстого. Это лучшее изъ всѣхъ изданій Толстого. Приятно отъ произведеній, въ которыхъ воплотилось такое глубокое пониманіе человѣческаго характера, такое знаніе всѣхъ движеній человѣческой души, въ которыхъ поэзія осѣнена мудростью, а мудрость разлита поэтическимъ сіяніемъ въ каждой строкѣ, въ каждомъ описаніи, оторваться къ этимъ фотографическимъ снимкамъ. Вотъ передъ нами Толстой—юноша. Безбородый, съ надвинутыми бровями, рѣзкимъ и выразительнымъ складомъ губъ, онъ устремилъ вдаль взглядъ своихъ пронизательныхъ, смѣлыхъ, тревожныхъ и тревожащихъ глазъ. Высоко повязанный черныи галстукъ, изъ подъ котораго еле видны края высокаго стоячаго воротника, руки, опирающіяся на спинку кресла, застегнутый толстый сюртукъ, лежащій свободными складками, какое то застывшее стремленіе въ наклонѣ всей фигуры—это Толстой 1848 г., Толстой, еще не начавшій своей литературной дѣятельности. Такія физіономіи встрѣчаются въ жизни такъ же рѣдко, какъ и такіе таланты. Присмотритесь къ этому лицу: что-то мощное, порывистое—поэзія, смущенная неземною грустью, первая вспышки молодого гения въ глазахъ, глядящихъ прямо въ душу. Это лицо освѣщено

мыслью, невыразимою никакимъ словомъ, рвущуюся въ безконечность... Вотъ другой портретъ: Толстой 1851 года, выступающій на литературное поприще. Въ наглухо застегнутой курткѣ, съ сложенными, опирающимися на высокую палку руками, онъ точно собрался въ дорогу. На лицѣ рѣшимость, въ глазахъ, нѣсколько прищуренныхъ, тревожный свѣтъ ожиданія... При томъ Севастопольскихъ разсказовъ еще два портрета. Одинъ 1855 года: въ аристократической бобровой шинели, съ выраженіемъ проснувшейся жизни на лицѣ. Изъ подъ растегнутой шинели высунулась бѣлая рука съ длинными пальцами, португепя, протянувшаяся черезъ плечо до пояса, взглядъ, устремленный какъ-то вбокъ, узкія и короткія баки, оттѣняющія щеки — этотъ Толстой напоминаетъ чѣмъ то Пушкина. Сдержанный порывъ, благородство страсти, прямота и честность какой-то божественной откровенности—все это выступаетъ съ молчаливою гордостью, непринужденно, безъ всякой аффектаціи въ каждой мельчайшей подробности этого замѣчательнаго портрета. Рядомъ съ нимъ—Толстой 1857 года: почти одно только сходство съ предыдущимъ портретомъ — военный мундиръ. Все прочее измѣнилось: какія-то бури пронеслись въ душѣ художника, въ глазахъ печаль растетъ и приливаетъ, руки неподвижно сложены другъ въ другъ, баки сбриты, волоса, прежде стоявшіе, теперь зачесаны на бокъ. Жизнь несется впередъ, образы встаютъ въ воображеніи захватывающіе, смѣлые, все болѣе и болѣе гуманные — на широкомъ фонѣ взволнованныхъ стихій русской жизни... Три замѣчательныхъ портрета: 1860, 1862 и 1868 годовъ. Военный мундиръ снятъ—и три новыхъ момента душевной жизни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ внѣшній костюмъ, выраженіе лица, самое положеніе фигуры. Вотъ онъ въ моментъ напряженной энергіи, творчество бьетъ свободной волной, разлада съ обществомъ еще никакого. Вотъ онъ съ печатью глубокаго страданія, пылкой мыслью ушедшій въ разрѣшеніе какихъ то сомнѣній, нѣсколько сгорбленный, съ выдвинутой, блѣдной губой. Вотъ онъ же времени «Войны и Мира»: въ блузѣ, перехваченной поясомъ, погруженный въ созерцаніе грандіозной картины. Волоса въ беспорядкѣ, глаза расширены — точно передъ нимъ носится что-то необъемлемое, грандіозно широкое, слитое въ одну безконечную стихію, поза сосредоточенная, неподвижная. Еще рядъ портретовъ — два портрета времени «Анны Карениной», остальные — времени душевнаго разлада, «Исповѣди», философскихъ трактатовъ и изысканій — до настоящаго момента. Въ каждомъ отразилась какая-нибудь типичная деталь, всѣ живутъ и дышатъ энергическою простотою. Одинъ портретъ 1892 года, схватившій Толстого въ минуту какой-нибудь лѣтней прогулки по саду Ясной Поляны — безъ шапки, съ загрубѣвшею рукою, заложенною за узкій ремешокъ, перепоясывающій блузу, съ добродушной и мягкой улыбкой на лицѣ—производитъ какое-то примиряющее и успокаивающее впечатлѣніе. Это послѣдній портретъ въ настоящемъ изданіи сочиненій Толстого, но для полноты художественнаго воспроизведенія его душевной жизни былъ бы

нуженъ еще одинъ портретъ, который передалъ-бы мысль окончательно окрѣпшую, убѣжденіе, смѣло и глубоко захватившее корни человѣческихъ несчастій въ различныхъ формахъ его историческаго и общественнаго проявленія...

Какъ хорошо, что сочиненія Толстого, надъ изданіемъ котораго работала заботливая рука, появились, наконецъ, съ такими фотографическими комментаріями, въ которыхъ внимательный глазъ найдетъ такой обильный матеріалъ для любопытнѣйшихъ психологическихъ наблюденій.

Максъ Нордау. Вырожденіе. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ Р. Сементковскаго. С.-Петербургъ, 1894 г.

Максъ Нордау. Вырожденіе. Переводъ съ нѣмецкаго В. Генкена, съ предисловіемъ В. Авсеенко. Кіевъ, 1894 г.

Книга Макса Нордау заслуживаетъ серьезнаго вниманія во многихъ отношеніяхъ. Методъ автора въ изученіи литературныхъ явленій, общая тенденція его разсужденій, литературная даровитость бойкаго парадоксалиста обращаютъ на себя вниманіе, не смотря на то, что выводы его книги не отличаются никакими серьезными философскими достоинствами. Не глубокой и, въ сущности, мало оригинальной умъ, писатель, склонный къ пышнымъ и дразнящимъ фразамъ, скользящій съ быстротою опытнаго конькобѣжца по поверхности современной жизни, не заглядывающій въ глубину ея внутреннихъ, развивающихся основъ, Максъ Нордау щеголяетъ эффектівыми изреченіями, ловко играетъ остриемъ своего анатомическаго ланцета. Лучшіе люди міра призваны имъ къ строгому допросу. Величайшіе художники современной Европы безошадно обличены въ психической неуравновѣшенности, — обезславлены, почти оскандалены посредствомъ пронизательнаго анализа ихъ эстетическихъ и философскихъ стремленій. Книга Макса Нордау — одно изъ самыхъ типичныхъ явленій въ литературѣ послѣднихъ дней, дающее интересный матеріалъ для обрисовки той необычайной путаницы понятій, которая господствуетъ теперь въ умахъ людей, не подготовленныхъ къ объективной оцѣнкѣ современной европейской литературы съ ея новыми броженіями, жаждой вырваться изъ подъ гнета узко-матеріалистическихъ тенденцій, съ ея молодымъ и смѣлымъ порывомъ обновить искусство, творчество болѣе свѣжими и болѣе жизнеспособными, философскими и эстетическими началами. На грани двухъ столѣтій европейское общество, утомленное бездушными фразами и разсудочно мелкими теоріями, какъ бы хочетъ сбросить съ себя тотъ кошмаръ, въ которомъ задохались почти цѣлое столѣтіе его лучшіе духовные инстинкты. Общество переживаетъ кризисъ и этотъ кризисъ имѣетъ не реакціонный, а прогрессивный характеръ. Отрѣшиться отъ плохихъ теорій ради лучшихъ, съ негодованіемъ отбросить цѣпи, которыми оковали духовную жизнь людей ораторы утилитаризма и позитивизма, выйти на вольный воздухъ изъ той тьмы, которою окутана была философская мысль — значитъ двгаться впередъ, дать исходъ сво-

бодолубивымъ силамъ, вѣрнымъ путемъ идти къ цѣли, назначенной человеку. Въ чемъ реакція? Кому и чему измѣняетъ Европа? Если истина выше лжи, если правда дороже имени и кличекъ, о реакціи не можетъ быть и рѣчи. Бороться противъ ошибокъ, бросать негодныя орудія ради орудій вѣрныхъ, подвергать безпощадной критикѣ — не цѣли людей, которыя остаются вѣчными и которыми измѣняютъ только тѣ, которые въ сущности никогда имъ не служили, а *методъ* достиженія высшаго человеческого блага—это ли реакція? Если реакція въ свободномъ обсужденіи прошедшаго момента, въ исканіи свѣжихъ силъ для борьбы со зломъ, тогда въ чемъ-же либерализмъ, въ чемъ прогрессъ? Движеніе къ лучшему растетъ, захватывая все, что свѣжо, не заострѣннѣло въ рутинѣ омертвѣвшихъ фразъ, и реакція остается только на сторонѣ тѣхъ, которые никогда не умѣли служить интересамъ истины и свободы, играли либерализмомъ только изъ побочныхъ, внѣшнихъ побужденій.

Мы вернемся къ интересной книгѣ Макса Нордау въ скоромъ времени, чтобы подробно разобрать въ аргументахъ автора, доказывающаго свою мысль о современномъ *вырожденіи* на примѣрахъ, изъ которыхъ многіе должны быть отнесены къ явнымъ свидѣтельствамъ историческаго движенія впередъ. Критическія сужденія автора о Толстомъ, о Ницше, объ Ибсенѣ, о Вагнерѣ, его главныя послылки и главные выводы должны быть подвергнуты строгому и внимательному разбору. Въ настоящую минуту мы хотѣли только отмѣтить появленіе двухъ русскихъ переводовъ этой книги, изъ которыхъ одинъ сдѣланъ г. Сементковскимъ, другой г. Генкеномъ. Оба перевода могутъ быть признаны удовлетворительными, хотя переводъ г. Генкена отличается большею стилистичностью и мягкостью выраженій. Къ сожалѣнію, оба перевода снабжены совершенно ненужными предисловіями. Г-нъ Авсеенко играетъ фразамъ, распространяется на хорошо знакомыя ему темы о дамахъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, о восхитительномъ искусствѣ умной женщины, подкрѣпляющей парадоксы «безконечною массою неоспоримыхъ данныхъ, мѣткихъ наблюденій, неоспоримыхъ изобличеній». Авторъ предисловія блещетъ непринужденностью фельетоннаго краснорѣчія. Неизвѣстно зачѣмъ передъ читателемъ сожигается этотъ маленькій фейерверкъ остроумныхъ метафоръ! Какое веселое предисловіе къ хорошему, тщательно сдѣланному переводу г. Генкена. Какимъ бойкимъ шагомъ г. Авсеенко умѣетъ подходить къ любопытнымъ явленіямъ въ европейской литературѣ. Вотъ что значитъ привычка къ невинной, салонной *causerie*!

Г-нъ Сементковскій снабдилъ переводъ книги Нордау длиннымъ предисловіемъ, написаннымъ корявымъ языкомъ, въ томъ особенномъ стилѣ, которымъ лишуются претенціозныя «руководящія» статьи въ плохихъ газетахъ. Авторъ согласенъ съ нѣмецкимъ писателемъ. Онъ—за прогрессъ! Онъ противъ Толстого! Г-нъ Сементковскій обвиняетъ русское общество въ потери бодрости и съ маниакальнымъ самообольщеніемъ невыслужившагося литературнаго барабанщика выдвигаетъ впередъ, въ поученіе

павшимъ духомъ современникамъ, свою собственную бодрость, превозмогающую всѣ тяжелыя обстоятельства настоящаго историческаго момента. Напрасно г. Павленковъ поощрилъ г. Сементковскаго къ непосильному труду—комментировать книгу Макса Нордау.

А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи.

Въ нашей литературѣ до 1891 г. не было ни оригинальныхъ, ни переводныхъ руководствъ по исторіи политической экономіи. Въ 1891 г. были переведены краткія руководства Ингрэма и Мейера. Лекціи проф. Чупрова являются у насъ первымъ оригинальнымъ трактатомъ по исторіи экономическихъ теорій, что уже само собою обезпечиваетъ за ними определенное мѣсто въ исторіи русской экономической литературы. Почтенный профессоръ отказался слѣдовать тому особенному изложенію «исторіи политической экономіи», которое сводится къ передачѣ воззрѣній разныхъ школъ и отдѣльныхъ представителей этихъ школъ. Онъ поставилъ себѣ задачей выяснить тѣ жизненныя условія, «которыми были вызваны различныя направленія въ литературѣ». «Экономическія теоріи находятся въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ жизнью. Общественный бытъ страны и народа кладетъ неизгладимую печать и на взгляды ученыхъ».

Конечно, характеристика тѣхъ жизненныхъ условій, которыя вызывали разныя экономическія теоріи, вмѣстѣ съ изложеніемъ всѣхъ этихъ теорій въ преемственномъ порядкѣ,—слишкомъ сложная задача, которую нужно упростить, но упростить такъ, чтобы отъ этого не пострадало самое рѣшеніе задачи. Проф. Чупровъ вышелъ изъ этого затрудненія съ рѣдкимъ искусствомъ. «Имѣя въ виду охарактеризовать жизненныя условія, породившія современныя экономическія системы, мы, говоритъ онъ, остановимся, главнымъ образомъ, на явленіяхъ изъ жизни Англій. Къ этому побуждаетъ не мало причинъ. Прежде всего, политическая экономія, по своему происхожденію, есть наука, по преимуществу англійская. Первая истинно научная система экономіи принадлежала шотландцу А. Смиту; естественно поэтому, что и генезисъ ея мы должны искать въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать знаменитому основателю политической экономіи. Но и, кромѣ того, развитіе тѣхъ жизненныхъ условій, преобразование которыхъ вызвало смѣну системъ, выразилось особенно ярко въ Англій .. Англія давно прошла тѣ ступени развитія, на которыя прочія страны едва еще собираются вступить или только что вступили... Конечно, жизненныя явленія не повторяются съ буквальною точностью, не цикль развитія, завершившійся въ Англій, какъ-бы въ туманной перспективѣ даетъ заглянуть и въ будущія судьбы другихъ странъ...»

Такимъ образомъ, выходъ отысканъ, задача упрощена съ большимъ искусствомъ, и нужно умѣло воспользоваться этимъ упрощеніемъ, для чего, кромѣ знаній, необходимъ талантъ и искусство группировать и освѣщать матеріалъ. Всѣ эти счастливыя особенности, къ сожалѣнію весьма

рѣдкія у нашихъ профессиональныхъ ученыхъ, отражаются на каждой страницѣ лекцій г. Чупрова. Онъ заставляетъ васъ съ интересомъ читать о самыхъ извѣстныхъ вамъ явленіяхъ и достигаетъ этого неподражаемой ясностью мысли и чисто-художественной простотой изложенія. Начавъ съ среднихъ вѣковъ, охарактеризованныхъ въ краткихъ, но блестящихъ очеркахъ аграрнаго строя и положеніе ремеслъ въ средневѣковой Англии, вы постепенно доходите до появленія банковъ и акціонерныхъ компаній. Вы не чувствуете особой тяжести въ головѣ отъ выложеннаго предъ вами груза, вы не чувствуете потребности связать всю массу происшедшихъ переменъ въ жизни и воззрѣніяхъ хронологической датой или какимъ-нибудь именемъ. Въ вашей головѣ все такъ органически, неразрывно связалось въ одну общую схему смѣны идей и явленій, что ихъ не разорвать и самой слабой памяти. Послѣ этого меркантилизмъ, фізіократы, А. Смитъ и оппозиція школѣ Смита для васъ является просто такой-же обязательной смѣной, какъ рожденіе и смерть. Такъ проф. Чупровъ доводитъ насъ до послѣдняго времени, выясняя намъ, какъ зарождались экономическія теоріи среди такихъ-то условій жизни и, окрѣпнувъ, вызывали соответствующія переменны въ этихъ условіяхъ жизни, а эти переменны въ условіяхъ жизни давали толчокъ къ возникновенію новыхъ ученій, которыя, въ свою очередь, оказывали давленіе на жизнь и т. д. и т. д.

Мы можемъ высказать лишь сожалѣніе, что очерки проф. Чупрова, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, быть можетъ, по неизбѣжности, становятся чрезвычайно краткими. Марксъ и Родбертусъ едва получили каждый по страницѣ. Господствующее теперь направленіе такъ называемаго государственнаго социализма не охарактеризовано на отдѣльныхъ его представителяхъ, а значеніе этого направленія для экономической политики отмѣчено лишь въ слѣдующихъ словахъ: «Школа государственнаго социализма особенно важна по тому вліянію, которое она оказала на послѣдующую политику кн. Бисмарка».

А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. Спб. 1894 г.

Послѣ опредѣленія основныхъ понятій (благо, потребность и т. д.), проф. Исаевъ удѣляетъ много мѣста вопросу о методахъ политической экономіи. Вопросъ о методахъ изслѣдованія экономическихъ явленій одно время угрожалъ совсѣмъ отвлечь вниманіе изслѣдователей отъ самыхъ экономическихъ явленій. Напрасно проф. Исаевъ обсуждаетъ его съ такой горячностью, какъ будто въ одномъ только методѣ скрывается залогъ всего будущаго развитія политической экономіи. Но несмотря на нѣкоторые недостатки и увлеченія автора, «Политическая экономія» г. Исаева является весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей литературы, и широкое распространеніе этого самаго полнаго руководства на русскомъ языкѣ способствовало-бы распространенію въ нашемъ обществѣ здравыхъ понятій по теоріи экономическихъ явленій. Къ сожалѣнію, мы

не можемъ съ особенною похвалою отозваться о тѣхъ предложеніяхъ, которыя множимъ высказываются авторомъ по разнымъ вопросамъ, касающимся русской экономической политики. Проф. Писаевъ повторяетъ шаблонные рецепты, не задумываясь надъ тѣмъ, что они теперь уже не помогутъ больному. Такъ, глава о переселеніяхъ вообще составлена прекрасно, но какъ только дѣло дошло до Россіи, то въ переселеніяхъ оказался залогъ «нашего благосостоянія и укрѣпленія нашего могущества» (612 стр.), особенно послѣ учрежденія департамента переселеній... (615 стр.). Этотъ оптимизмъ и приверженность къ шаблоннымъ рецептамъ заставляютъ г. Писаева забывать то, что онъ самъ говорилъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что добрая половина крестьянъ обнищала до полной утраты какой-бы то ни было кредитоспособности, но говоря о крестьянскомъ кредитѣ, почтенной профессоръ воодушевляется вѣрой въ возможность надѣлать землей въ кредитъ некредитоспособныхъ... (411 стр.).

Б. Библиографія.

І. ЛИТЕРАТУРА.

Бичеръ-Стоу. Жизнь дяди Тома. Новая бібліотека Суворина. 1893 г.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ новомъ русскомъ переводѣ знаменитаго романа г-жи Бичеръ-Стоу «Жизнь дяди Тома». Значеніе этого романа въ англійской литературѣ достаточно извѣстно и оцѣнено; въ свое время, — въ началѣ шестидесятихъ годовъ — онъ много читался въ Россіи, но съ тѣхъ поръ много воды утекло, новыхъ изданій не появлялось и нынѣшнее молодое поколѣніе едва ли имѣетъ ясное представленіе объ этомъ замѣчательномъ произведеніи. Къ новому изданію г. Суворина приложена обширная бібліографія этого романа, написанная Джоржемъ Булленомъ. Статья эта очень интересна и соображаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ романъ былъ принятъ въ Европѣ и Америкѣ послѣ своего появленія. Между прочимъ, въ ней приведены письма различныхъ знаменитостей къ г-жѣ Бичеръ-Стоу, — принца Альберта, Маколея, графа Шафтесбюри, Фредерика Бремеръ, Джоржъ-Зандъ, Диккенса и друг.. Между этими письмами встрѣчается одно, подписанное: лордъ Карлсль. Правовисаніе очевидно неправильное; это вѣроятно лордъ Карлейль (Carlyle), извѣстный государственный дѣятель (1802—1864 гг.). Если наша догадка справедлива, то слѣдуетъ заключить, что переводъ какъ статьи Буллена, такъ и ро-

мана Бичеръ-Стоу сдѣланъ не съ авглійскаго оригинала, а съ французскаго или съ нѣмецкаго перевода. Не имѣя подъ руками англійскаго текста и этихъ переводовъ, — мы не могли слѣдить съ ними русскій текстъ, а потому высказываемъ это только въ видѣ простой догадки.

А. Ш—въ. Иоанна д'Аркъ. Фантазія на современныя темы. Москва. 1893 г.

Дѣло происходитъ въ царствѣ тѣвей, «гдѣ время и пространство слились въ одно и оба суть ничто»; тутъ къ престолу царственной Судьбы явилась «дѣва чудной красоты», въ бѣломъ одѣяніи, — Иоанна д'Аркъ. Она умоляетъ Судьбу дозволить ей вернуться на землю, во Францію, собрать «дружныя», вдохнуть въ нихъ пламень чистой вѣры и вести ихъ къ спасенію отчизны. Судьба позволяетъ. И вотъ, Иоанна д'Аркъ гуляетъ по Франціи и удивляется, не узнавая своей прежней родины. Вездѣ она видитъ развратъ, — среди рабочихъ грязный и подлый, среди богатыхъ сословій — утонченный, изысканный; вездѣ эгоизмъ, развращенность, отсутствіе идеаловъ, вѣры и одно лишь стремленіе — къ чистой красотѣ, или къ анархизму. Иоанна д'Аркъ старается образумить этихъ безумцевъ, говорить имъ о вѣрѣ, монархіи, добродѣтели, патриотизмѣ и, наконецъ, объявляетъ, что она — сама Иоанна д'Аркъ. Но ее принимаютъ за сумасшедшую и сажаютъ въ желтый домъ. Оттуда она спасается и возвращается въ «горныя селенія»... Фантазія эта написана прозой не безъ нѣкотораго внѣшняго искус-

ства. Судьба и Иоанна д'Аркъ говорятъ больше стихами. Намеки на современные событія во Франціи—постоянныя. Авторъ, очевидно, врагъ республики и вооружается всѣми усиліями своего краснорѣчія противъ политическаго и общественнаго строя современной Франціи. Очевидно, что идеаломъ для него служить средневѣковый порядокъ вещей, какъ въ церковномъ, такъ и политическомъ устройствѣ. По всему видно, что это или переводъ, или передѣлка съ французскаго: на это, главнымъ образомъ, указываетъ манера, мало свойственная русскому писателю. Но если это переводъ или передѣлка, то спрашивается: зачѣмъ поладилось знакомить русскаго человѣка съ памфлетомъ, направленнымъ противъ современной Франціи и написаннымъ въ духѣ клерикализма?

Гвоздевъ. Картины сельской и городской жизни. Царицынъ. 1893 г.

Г. Гвоздевъ, очевидно, поэтъ новой формации. Его произведеній мы раньше не встрѣчали. Собственно говоря, молодой поэтъ никакими идеями не обуреваемъ; въ своихъ стихахъ онъ ничего не проповѣдуетъ, ничему не желаетъ поучить своихъ читателей. Онъ настроенъ поэтически, онъ любитъ сельскую жизнь, описываетъ ее, и въ особенности любитъ сельскую природу. Въ его книжкѣ стиховъ очень много, но поэзія мы, однако, не встрѣтили. Для знакомства со стихомъ автора, приводимъ слѣдующіе четыре стиха:

Подъ шатромъ тѣнистаго дуба
Пастухъ лежа,—душа спокойна;
Ду дочка въ рукахъ,
Сторожить онъ стадо безмолвно.

Въ этихъ стихахъ еще, пожалуй, можно добраться до смысла, но въ другихъ мѣстахъ (а ихъ много) и этого преимущества не имѣетъ поэзія г. Гвоздева.

Н. Ратомскій. Женщина и новыя темы. Философская поэзія. С.-Петербургъ. 1893 г.

Г. Ратомскій, повидному, большой поклонникъ женщины; онъ воспѣваетъ ихъ въ своихъ философскихъ стихотвореніяхъ, но воспѣваетъ, если можно такъ выразиться, въ идеаль, ибо въ дѣйствительности, женщина возбуждаетъ въ немъ одинъ лишь недоумѣніи, и настраиваетъ его лиру на сатирической ладъ. Съ самаго начала, какъ истинный философъ, онъ спрашиваетъ себя: что значить женщина? Чѣмъ «наполняетъ» она насъ: зломъ или добромъ? «Много намъ ставили этихъ вопросовъ, но только все безъ толку, — надо ребромъ!» Такимъ образомъ, поставленный ребромъ вопросъ является темой его философски-поэтическихъ бесѣдъ, где онъ, конечно, высказываетъ свой пожеланіи. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Идеаль», онъ спрашиваетъ себя: гдѣ, въ измелъчавшемъ теперь

поколѣніи, онъ можетъ взять себѣ женщину «по плечу». На этотъ вопросъ онъ не отвѣчаетъ, но все-таки сообщаетъ намъ, какая эта должна быть женщина; она должна быть «съ блескомъ разумнымъ во взорѣ, красавица, съ бьющимся сердцемъ въ груди: «Пусть въ этомъ образѣ дьяволъ представитъся, — мнѣ все равно — приходи!» — Истинно-философская поэзія!

Жизнь замѣчательныхъ людей. Изд. Ф. Павленкова. 1) Дагерръ и Ньепсъ, Буринскаго; 2) Беккариа и Бентамъ, Левенсона; 3) Баронъ Корфъ, Песковскаго; 4) Канкринъ, Сементковскаго; 5) Никитинъ, Сивичкаго

Хотя г. Буринскій въ біографіи Дагерра и Ньепса и заявляетъ, что онъ отнюдь не имѣлъ въ виду трактата о фотографіи, мы однако должны сказать, что г. Буринскій гораздо больше говоритъ вообще о фотографіи, чѣмъ о жизни двухъ замѣчательныхъ людей, открывшихъ свѣтопись и дагеротипъ. Біографія написана съ знаніемъ дѣла, но она все-таки трактуетъ о слшскомъ специальномъ предметѣ и едва ли можетъ заинтересовать не-специалиста. Г. Левенсонъ написалъ біографію Беккариа и Бентама; авторъ не только знакомитъ насъ съ полною біографіей Беккариа и Бентама, но даетъ также обстоятельный и хорошо написанный очеркъ ихъ ученій. Не безъ интереса также прочтется и біографія барона Корфа, написанная г. Песковскимъ, хотя, можетъ быть, авторъ приписываетъ барону Корфу слшскомъ большое значеніе въ педагогіи. «Канкринъ» г. Сементковскаго—очень подробный этюдъ о нашемъ лучшемъ министрѣ финансовъ; изъ этого этюда читатель безъ труда познакомится съ финансовыми принципами Канкринна и о мѣрахъ, предпринятыхъ имъ для улучшенія нашихъ финансовъ. Также обстоятельно и добросовѣстно написана г. Сивичкимъ и біографія Никитина. Въ ней найдется много интересныхъ подробностей, хотя авторъ очевидно преувеличиваетъ какъ поэтическій талантъ Никитина, такъ и его значеніе въ исторіи русской поэзіи. Впрочемъ, преувеличенія и непоумѣрныя восхваленія—общая черта, присущая всѣмъ біографіямъ. Съ этимъ необходимо примириться.

Международная бібліотека, издаваемая въ Одессѣ Белейсономъ и Юровскимъ. 1) Что такое женская эмансипація? Кеттлеръ. 2) Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 лѣтъ, Вупфта. 3) Этюдъ о русскихъ писателяхъ, Жюлю Леметра. 4) Государственный строй Северо-Американскихъ Штатовъ, Агтона Шейбаха.

Г.г. Белейсонъ и Юровскій въ Одессѣ предприняли изданіе международной бібліотеки въ видѣ небольшихъ брошюръ, въ которыхъ они помѣщаютъ очерки, опыты, статьи по самымъ разнообразнымъ пред-

метамъ наиболѣ выдающихся иностран-
ныхъ писателей. Мысль, несомнѣнно, сим-
патичная, хотя издатель едва ли могутъ
разсчитывать на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что
отдѣльныя статьи, хотя бы и выдающихся
писателей, не могутъ дать точнаго понятія
объ авторахъ, и нѣкоимъ образомъ не
исчерпываютъ предмета. Изъ вышедшихъ
выпусковъ «Библиотеки» первый — совер-
шенно неудаченъ, хотя и подписанъ такимъ
именемъ, какъ Брюнетьеръ, — это «Исто-
чникъ пессимизма». Что, въ самомъ дѣлѣ,
можно печатать о пессимизмѣ на нѣсколь-
кихъ страницахъ? Кромѣ болтовни, болѣе
или менѣе остроумной и талантливой — въ
чего другого и вѣрны ожидать. Вто-
рой выпускъ: «О женской эмансипаціи» г-жи Ке-
тлеръ — тоже болтовня, да кромѣ того, бо-
товня, наполненная общими мѣстами и фра-
зами. Рѣчь Вундта о связи философіи съ
жизнью за послѣднія 100 лѣтъ — очень
интересна, хотя и она, разумѣется, далеко
не исчерпываетъ предмета; въ ней замѣтны
значительныя пробѣлы, которые, конечно,
и не могли быть заполнены Вундтомъ въ
случайной, официальной рѣчи. Наиболѣе
удовлетворительнымъ является послѣдній
выпускъ: «О государственномъ строеѣ Съ-
веро-Американскихъ Штатовъ, Антона
Шенбаха; это — довольно обстоятельно на-
писанный очеркъ, въ которомъ читатель
можетъ найти полезныя свѣдѣнія о пред-
метѣ. Но зачѣмъ понадобилось издателямъ
напечатать этуодъ о русскихъ писателяхъ
(Достоевскомъ и Островскомъ) Ююля Ле-
метра — не понимаемъ. Эта статейка фран-
цузскаго критика не отличается ни ори-
гинальностью взгляда, ни пониманіемъ рус-
ской литературы. Болѣе половины статьи
ушло на пересказъ содержанія «Преступ-
ленія и наказанія», Достоевскаго и «Грозы»
Островскаго, а то, что говоритъ Леметръ
отъ себя, доказываетъ только, что ино-
странцу, хотя бы такому талантливому,
какъ Леметръ, очень трудно проникнуться
духомъ русской культуры и понять харак-
теръ русской литературы.

М. Кучеровъ. Памяти П. А. Лачинова.
(Съ портретомъ). С.-Петербургъ. 1893 г.

Это — очень обстоятельная, съ большимъ
сочувствіемъ написанная біографія покой-
наго профессора Лачинова, съ приложе-
ніемъ фотографическаго портрета и пере-
речія напечатанныхъ статей его. Авторъ,
очевидно, хорошо знакомъ съ дѣятельностью,
какъ ученой, такъ и педагогической Лачи-
нова. Біографія написана интересно, хотя
авторъ, можетъ быть, слишкомъ подробно
излагаетъ учебныя работы покойнаго про-
фессора и безъ всякой нужды пополняетъ
ее химическими формулами, могущими ин-
тересовать лишь спеціалиста по химіи.

Харьковскій Сборникъ, литературно-
научное приложение къ Харьковскому кален-
дарю, подъ редакціей *Иванова*. Выпускъ 7-й

Въ настоящемъ сборникѣ помѣщены статьи
объ изученіи «современной деревни», на
основаніи свѣдѣній харьковскаго статисти-
ческаго комитета, а также помѣщены ма-
териалы для изученія обычнаго права.
причемъ присоединена и программа для со-
биранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ.
Изъ статей, вошедшихъ въ настоящій сбор-
никъ, наибольшее вниманіе обращаютъ на
себя статьи: Иванова — «Современная де-
ревня въ Харьковской губерніи», Лещен-
кова — «Материалы къ столѣтнію харьковска-
го каедры (Христоворъ)», Твердохлѣбова —
«столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища»,
Багалъя — «Стихійныя бѣдствія и борьба
съ ними въ Харьковскомъ краѣ», Пала-
ріонова — «Значеніе обычнаго права въ на-
родномъ судѣ».

II. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, МЕДИЦИНА И ПРИКЛАДНЫЯ НАУКИ.

Химія безъ лабораторіи. (съ 11 ри-
сунками). Составилъ по *Тиссанде, Штам-
меру, Менделѣеву* и др. *Ф. Медовидевъ*. Изд.
2-ое. Спб. 1893.

Заглавіе книги, собственно говоря, не
соотвѣтствуетъ содержанію этой брошюры.
Вѣрнѣе было бы назвать ее сборникомъ
домашнихъ опытовъ съ наиболѣе употре-
бительныхъ и извѣстными химическими
веществами. Авторъ надѣется, что, «про-
дѣлавъ всѣ эти опыты, наши читатели
набьютъ себѣ руку въ химическихъ мани-
пуляціяхъ и окажутся подготовленными
къ самостоятельному изученію системати-
ческаго курса химіи». Мы же весьма со-
мнѣваемся въ томъ, что читатель, по озна-
комленіи съ брошюрой г. Медвѣева, по-
лучитъ интересъ къ самостоятельному изу-
ченію науки химіи. Для того, чтобы можно
было разсчитывать на такой результатъ,
надо было придать тѣмъ опытамъ, кото-
рые приведены авторомъ, характеръ раскры-
тія основныхъ законовъ, лежащихъ въ
основѣ химическихъ явленій, законовъ
взаимодѣйствія атомовъ и молекулъ; надо
было освѣтить въ эти примѣры истинно
научно, обобщающею мыслью, и пока-
зать связь отдѣльныхъ явленій съ общими
мировыми силами природы. Авторъ гово-
ритъ, что ему было бы «очень пріятно»
познакомить читателей съ этими крайне
интересными законами, но, къ сожалѣнію,
того не позволяютъ самыя размѣры на-
шей статьи». Оправданіе слишкомъ слабое:
статью можно было расширить. И къ тому же
дѣло здѣсь не въ пріятности или въ не-
пріятности, а въ задачѣ, которую ставитъ
себѣ авторъ, и въ ея выполненіи. Мы и
утверждаемъ, что въ томъ видѣ, въ какомъ
изложена химія въ брошюрѣ г. Медвѣ-
ева, задача автора — подготовить чита-
теля къ самостоятельному изученію химіи,
оказалась совершенно неисполненной и даже

прямо невыполнимой. Если бы авторъ ограничился болѣе скромными цѣлями, то онъ могъ бы остаться доволенъ собою. Опыты, о которыхъ рассказываетъ г. Медвѣдевъ, дѣйствительно, интересны, дѣйствительно, могутъ быть безъ особеннаго труда продѣланы дома съ самыми небольшими средствами и, дѣйствительно, могутъ доставить большое удовольствіе такимъ любителямъ химіи, какъ приятная забава. Въ книгѣ содержится также нѣсколько полезныхъ практическихъ совѣтовъ, какъ напр., описание способовъ искусственной окраски цвѣтовъ, приготовления красокъ, спайки металловъ бурю и пр.

Съ этой точки зрѣнія брошюра г. Медвѣдева имѣетъ свой интересъ и можетъ найти своего читателя среди тѣхъ, кто пожелаетъ на 48 маленькихъ страничкахъ получить хотя нѣкоторое представление о превращеніяхъ, къ которымъ способны известные всѣмъ, окружающіе насъ химическіе элементы и ихъ соединенія.

В. Святловскій. Какъ рабочему человеку сохранить свое здоровье? Изданіе журнала «Земскій Врачъ». Полтава. 1893 г.

На обложкѣ этой книжки проставлено вверху: «Гигіена для рабочаго класса». Первые страницы написаны такимъ языкомъ, какимъ пишутся книжки, спеціально предназначенныя для народа. Вслѣдствіе этого первое впечатлѣніе получается такое, какъ будто имѣешь дѣло съ изданіемъ, предназначеннымъ для рабочаго класса. Но чѣмъ дальше читаешь книжку г. Святловскаго, тѣмъ болѣе начинаешь сомнѣваться въ правильности сдѣланнаго на первыхъ порахъ вывода.

Все чаще и чаще попадаются слова иностраннаго, непонятнаго народу, пестрятъ всевозможные научные термины, сообщаются вещи, не имѣющія никакого интереса для рабочаго; словомъ, совершенно забываешь, что началъ читать книгу для народа, и думаешь, что авторъ рассчитывалъ на городскую интеллигентную публику. Въместо того, чтобы обращаться съ совѣтами къ рабочему, авторъ подъ конецъ книжки почти исключительно обращается къ фабрикантамъ и фабричному законодательству, т. е., къ правительству. И наконецъ, когда перевернешь послѣднюю страницу, то замѣчаешь сдѣланную внизу замѣтку, которая объясняетъ читателю, что книжка г. Святловскаго представляетъ простую перепечатку статей его, появившихся въ «Земскомъ врачѣ» въ 1892 г. Но, вѣдь, «Земскій врачъ» читаютъ, вѣроятно, врачи, а не рабочіе. Между тѣмъ объясняютъ врачамъ, изъ какихъ газовъ состоитъ воздухъ и какими свойствами обладаютъ тѣла, и многое множество другихъ элементарныхъ вещей—по меньшей мѣрѣ странно, и сочиненіе г. Святловскаго имъ совершенно

не надобно. Но и рабочимъ книжка эта въ томъ видѣ, какъ она написана, никакой пользы принести не можетъ, и читать ее они не будутъ, да имъ и не подѣ силу справиться съ нею, уразумѣть хитро написанныя рѣчи автора.

Г. Святловскій пожелалъ въ небольшой книжкѣ на 120 стр. преподавать рабочему всю науку, и не только гигиену, но попутно и множество другихъ, чего, конечно, не достигъ и достигъ не могъ. Совершенно достаточно было бы, если бы авторъ на двухъ-трехъ десяткахъ страницъ въ доступной простому человѣку формѣ, хотя бы и не на парадничающемъ языкѣ, изложилъ новѣйшія правила личной гигиены рабочаго. Что же касается совѣтовъ не начинать подвальныхъ помѣщеній, избѣгать тѣсноты въ квартирахъ, вѣтъ 2 раза въ недѣлю мясо и т. п., то, вѣдь, самъ авторъ хорошо понимаетъ, что такіе совѣты могутъ только размѣшить рабочаго и заставить его бросить книжку, гдѣ ему преподаются такіе совѣты.

Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оригинальный докладъ, составленный по порученію городской школьной депутаціи ректоромъ *Албертомъ Бендиццла*. Съ 22 рисунками. Перев. *А. Федорова*. Изъ журнала «Вѣстникъ воспитанія». М. 1893.

Переводомъ и изданіемъ этого дѣлчачаго доклада пѣмецкаго педагога г. Федорова оказалъ большую услугу дѣлу школьной гигиены. Съ тѣхъ поръ, какъ школа предъявила спросъ на гигиенически устроенныя скамьи и выставила цѣльный рядъ требованій, которымъ должна удовлетворять нормальная скамья, фабриканты наперерывъ другъ передъ другомъ стали изготовлять соотвѣтственную школьную мебель. Такимъ образомъ въ настоящее время имѣется уже болѣе 80 различныхъ системъ скамей.

Однако лишь очень немногія изъ этихъ системъ удовлетворяютъ главнѣйшему требованію школьной гигиены—возможности произвольнаго образованія минусъ-дистанціи при сидѣніи ученика и плюсъ-дистанціи при вставаніи его.

Минусъ-дистанціей называется такое положеніе доски стола, когда край ея приходится надъ сидѣніемъ, а плюсъ-дистанціей, когда между краемъ доски и переднимъ краемъ сидѣнія остается свободный промежутокъ, необходимый для вставанія ученика.

Кромѣ требованій гигиеническихъ, нормальная школьная скамья должна отвѣчать также требованіямъ педагогическимъ (отсутствие шума при переменахъ въ положеніи скамьи и пр.), а также экономическомъ (дешевизна и прочность конструкціи).

Г. Бендиццла останавливаетъ свое вниманіе на девяти типахъ скамей, наиболѣе соотвѣствующихъ означеннымъ требованіямъ и получившимъ уже нѣкоторое рас-

пространение в Германии. После тщательного обзора и критики всех этих систем, почтенный докладчик отдает рещительное предпочтение столам Котмана (система В съ неподвижною доскою), Лакротте (система № IV и IC) и Эльзессера (система IB и III).

Нашим школамъ и учебной администраціи слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію докладъ г. Бендиула и обратить серьезное вниманіе на выборъ наилучшаго типа гигиенической школьной скамьи, не останавливаясь предъ денежными затратами. Кто взглянетъ хоть разъ на рисунки, помѣщенные на 2 и 3 стр. разбираемой брошюры (фиг. 1), гдѣ изображены кривоконое и сутуловатое сидѣніе ученика за дурнымъ столомъ и на негигиеничныхъ скамьяхъ, тотъ сблается неотомимымъ и горячимъ поборникомъ введенія у насъ повсюду, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, отвѣчающей требованіямъ гигиены школьной мебели. Совершенно правъ проф. Эмархъ, когда говоритъ: «каждый лишій учебный семестръ, всякое дальѣйшее промедленіе ведетъ съ собою все новый и новый вредъ». Составительные родители, озобоченные выборомъ школьнаго сидѣнія для дѣтей, также найдутъ полезныя указанія въ докладѣ г. Бендиула.

Ив. Шатиловъ. Семидесятилѣтній опытъ искусственнаго лѣсоразведенія на черноземѣ. Съ раскрашеннымъ планомъ. Спб. 1893 г.

Г. Шатиловъ имѣеть лѣсной питомникъ въ принадлежащемъ ему въ одной изъ черноземныхъ губерній селѣ Моховомъ много лѣтъ уже занимается обласеніемъ своего пѣвнія. Достигнутые имъ въ этомъ отношеніи результаты оказались настолько удачными, что г. Шатиловъ рѣшилъ подѣлиться ими съ читателями. Брошюрка состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первой излагаются пріемы лѣсоразведенія, принимаемые въ с. Моховомъ (подготовка почвы въ обласенію, о времени и способахъ посадки, способы полученія хвойныхъ сѣмянъ изъ шишекъ). Во второмъ авторъ сообщаетъ о практическихъ пріемахъ разведенія отдѣльныхъ древесныхъ породъ (ели, сосны, сибирской лиственницы и др.) и свои выводы относительно пригодности той или иной породы для сельскихъ хозяевъ черноземной полосы. Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ знакомитъ читателя съ примѣнявшейся имъ системою полевыхъ защитныхъ посадокъ. Въ заключеніе г. Шатиловъ высказываетъ свои *ria desideria*. Указывая на важность обласенія черноземной полосы Россіи, какъ средства борьбы съ періодическими неурожаими, и крайнюю трудность искусственнаго орошенія нашихъ безводныхъ степей, авторъ взываетъ къ правительству за помощію въ дѣлѣ искусственнаго лѣсонасажденія. Помощь эта можетъ выразиться въ различныхъ льготахъ по

перевозкѣ саженцевъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ изданіи строгихъ уголовныхъ законовъ за покражу и порчу лѣса и, наконецъ, въ распространеніи и упорядоченіи казенныхъ питомниковъ или въ поддержкѣ владѣльцевъ частныхъ питомниковъ. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что дѣло обласенія нашихъ черноземныхъ степей—этой житницы Россіи—есть дѣло серьезной общегосударственной важности, и что изданный недавно лѣсной законъ долженъ считаться лишь первымъ шагомъ на пути правительства къ упорядоченію лѣснаго вопроста.

Эмилія Неверъ. Искусство быть красивой. Книга для женщинъ. Переводъ съ итальянскаго Н. Л. Спб. 1893 г.

Г-жа Неверъ пытается «составить себѣ сужденіе о женщинѣ по ея будуару подобно тому, какъ мы судимъ о мужчинѣ по его взглядамъ и сочиненіямъ» (43). Но считая сочиненія женщинъ вообще, а стало быть и свое въ частности, менѣе достойнымъ вниманія, чѣмъ будуаръ, она впрочемъ убѣждена, что въ будуарѣ «все приспособлено какъ для салонной, такъ и для мыслительной (?) жизни» (60) Въ другомъ мѣстѣ своего оригинальнаго труда г-жа Неверъ заявляетъ, что «жизненная задача женщинъ вовсе не заключается въ томъ, чтобы быть моделями и вдохновительницами для художниковъ» (147). Отсюда повидному можно заключить, что она признаетъ для женщины какую-то иную жизненную задачу, кромѣ «искусства быть красивой». Но зачѣмъ же тогда судить о женщинѣ по ея будуару и высказывать подъ видомъ аксіомы ехидную мысль: «какъ будто быть всегда изящной не есть обязанность каждой женщины» (170).

На всемъ ея трудѣ лежитъ легкомысленная печать того же будуара—поверхность сужденій и неумѣіе ясно разобраться ни въ одномъ серьезномъ вопросѣ. Она пишетъ не то руководство по гигиенѣ, не то трактатъ объ изяществѣ, которое зависитъ «отъ радужнаго созвучія въ частностяхъ употребляемыхъ вещей» (17). Она стремится согласовать требованія здоровья съ прямо вредными для него требованіями свѣтской жизни. Въ результатъ получается что-то такое неопредѣленное, чего, право, не стоило ни писать, ни переводить.

А. Брэмъ. Жизнь животныхъ. Популярное изданіе. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Перяславцевой. Одесса. 1893. (75 вышуксовъ, 6 полугомовъ, 1200 иллюстр. въ текстѣ 1 карта). Цѣна каждаго выпуска (въ 2 печ. листа) 25 коп. Вып. 1—4.

Появленіе популярнаго изданія «Жизни животныхъ» Брѣма представляетъ отрадное явленіе въ нашей, въ послѣднее время такъ сильно разросшейся, популярной литературѣ.

«Жизнь животных» Брэма печатается теперь въ двухъ мѣстахъ — въ С.-Петербургѣ и въ Одессѣ, и оба издания перевода могутъ расчитывать на успѣхъ, не смотря на то, что никакихъ практическихъ указаний читатель изъ этой книги не извлечетъ. Но для тѣхъ, кто стремится къ самообразованію, книга Брэма неисчерпаемый источникъ живаго, интереснаго знанія. Обширный міръ животныхъ проходитъ предъ глазами читателя во всемъ его изумительномъ разнообразіи, въ такихъ мастерскихъ, художественно-правдивыхъ и рельефныхъ описаніяхъ, что онъ видитъ себя окруженнымъ всеми этими звѣрями, начинаетъ понимать ихъ характеръ, вкусы, влчловности, привычки, какъ будто жилъ среди нихъ много лѣтъ. Прочитавъ эту книгу до конца, читатель невольно сдѣлается другомъ животныхъ, потому что ему станетъ понятнымъ «душа» ихъ. «Наша цѣль, говорится въ введеніи къ 1-му выпуску сочиненія Брэма, состоитъ въ изслѣдованіи взаимодѣйствія души и тѣла животнаго, въ изученіи всѣхъ сторонъ его жизни, и на эту то цѣль мы и обращаемъ все свое вниманіе».

Популярное изданіе «Жизни животныхъ» представляетъ собою сокращеніе полнаго десятитомнаго сочиненія Брэма, недоступнаго обширному кругу читателей по своей дороговизнѣ и по спеціальному, слишкомъ научному характеру изложенія многихъ главъ. Настоящее же изданіе изложено языкомъ вполне понятнымъ всякому малообразованному читателю, и даже дѣтямъ старшаго возраста, и не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло бы имѣть интересъ лишь для немногихъ, научно-образованныхъ лицъ, но представлялось бы скучнымъ и непонятнымъ для большинства. Переводъ съ нѣмецкаго изданія на русскій языкъ сдѣланъ подъ редакціей извѣстной русской ученой, завѣдывавшей недавно биологической станціей въ Севастополѣ, доктора зоологіи Е. М. Перяславцевой, и сдѣланъ притомъ очень хорошо. Текстъ иллюстрированъ множествомъ превосходныхъ рисунковъ.

Новыя изслѣдованія о причинахъ и излечимости чахотки съ генеалогической точки зрѣнія. Врача *А. Шаховскаго*. Спб. 1894.

Значительная часть брошюры посвящена рѣзкой критикѣ господствующей въ наукѣ гипотезы Коха о происхожденіи чахотки. Хотя во многихъ трудно согласиться съ авторомъ, но нельзя не признать желательнымъ вообще возможно болѣе всестороннее обсужденіе этого вопроса. Г. Шаховской старается доказать, что чахотка не заразна, а представляетъ лишь совмѣстный результатъ послѣдственности и недостаточности питанія.

Предохранительныя и лечебныя мѣры

противъ этой страшной болѣзни, согласно гипотезѣ г. Шаховскаго, гораздо легче и доступнѣе, чѣмъ это принято въ современной наукѣ. Но въ виду грандіознаго *fiasco*, понесеннаго недавно Коховскимъ средствомъ, намъ кажется, что и на леченіе, которое предлагаетъ г. Шаховской, не слѣдовало бы возлагать особенно большихъ надеждъ.

Во всякомъ случаѣ, впредь до окончательнаго разъясненія вопроса о заразительности чахотки, гораздо цѣлесообразнѣе считать ее заразительной и примѣнять противъ ея распространенія широкія общественныя мѣры, настоятельная необходимость въ которыхъ наглядно доказывается тѣмъ внушительнымъ фактомъ, что чахотка уноситъ въ годъ отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{5}$ части всего человѣчества!

Гигіена сна. Какъ обезпечить себѣ крѣпкій и здоровый сонъ. Здоровымъ и больнымъ одинаково посвящаетъ опытный врачъ. Перев. съ нѣм. Москва. 1893 г.

Громадный спросъ, существующій въ нашемъ обществѣ на гигиеническія знанія, вызываетъ появленіе на свѣтъ многочисленныхъ оригинальныхъ и переводныхъ книгъ, брошюръ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ вопросамъ сохраненія здоровья. Къ сожалѣнію, выборъ книгъ, особенно переводныхъ, предназначаемыхъ для этой цѣли, не всегда можетъ быть названъ удачнымъ. Такимъ неудачнымъ выборомъ отличается и переводъ книги «опытнаго врача», посвященной столь важному предмету, какъ гигиена сна. Кромѣ общихъ мѣстъ, пережевыванія всѣмъ извѣстныхъ старыхъ истинъ, вроде того, что нормальный сонъ укрѣпляетъ здоровье, бессонница-же его разстраиваетъ и т. п., читатель не встрѣтитъ никакихъ положительныхъ знаній, которыми можно бы воспользоваться съ пользой въ практической жизни.

М. Н. Трухановскій. Почвы и меліоранія ихъ. Руководство для хозяевъ-практиковъ, земледѣльческихъ училищъ и сельскохозяйственныхъ профессиональныхъ школъ. Саратовъ. 1893 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ ряду агрономическихъ руководствъ, трудъ г. Трухановскаго представляетъ весьма отрадное явленіе. Авторъ не только обстоятельно знакомитъ на основаніи серьезныхъ иностранныхъ и русскихъ источниковъ съ новѣйшими данными почвовѣднія, но и даетъ многія вполне исполнимыя практическія указанія, повидному, обстоятельно провѣренныя имъ въ дѣйствительности на фермѣ Маринскаго земледѣльческаго училища въ Саратовской губерніи, гдѣ онъ состоитъ преподавателемъ. Въ сочиненіи своемъ онъ научно, а въ то же время и достаточно популярно, чтобы могъ его понять обыкновенный интеллигентный читатель, излагаетъ происхожденіе и механической составъ почвъ, характеристикку

главнѣйшихъ видовъ почвы, физическія и химическія свойства почвы, мѣстный характеръ почвъ и ихъ классификацію. Въ прикладной части своего труда, въ сжатой формѣ, всего на 84 страницахъ, г. Трухановскій знакомитъ съ осушкой земель, раздѣлкой болотъ, орошеніемъ и дренажемъ, съ раздѣлкой земли изъ-подъ лѣса, разработкой пустырей и съ укрѣпленіемъ летучихъ песковъ. Сочиненіе это съ большою пользою можно рекомендовать всѣмъ сельскимъ хозяевамъ, самостоятельно ведущимъ свое хозяйство. Оно разъяснитъ имъ многіе серьезные и живые вопросы хозяйства, а также качества, свойства и требованія почвы, этого первоисточника ихъ доходовъ.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. (1796—1828). Время Императрицы Маріи Федоровны. *Е. Лихачевой*. Спб. 1893.

Въ трудѣ г-жи Е. Лихачевой разсматривается положеніе женскаго образованія въ Россіи съ 1796 года по 1828-й, въ продолженіе котораго завѣдываніе всеми институтами принадлежало Императрицѣ Маріи Федоровнѣ. Авторъ съ большою подробностью разсматриваетъ всѣ измѣненія, послѣдовавшія въ продолженіе этого времени въ устройствѣ и системѣ преподаванія русскихъ институтовъ. Особенный интересъ представляетъ V глава названнаго сочиненія, въ которой излагаются взгляды Императрицы на научное образованіе воспитанницъ, и его состояніе и успѣхи. Главы VI и VII посвящены выясненію отношеній литературы того времени къ институтскому образованію и очерку частныхъ женскихъ пансіоновъ и училищъ, домашнему образованію и литературной дѣятельности женщинъ, встрѣчавшейся вполнѣ предупредительное отношеніе въ журналистикѣ. Трудъ г-жи Лихачевой — цѣнное изслѣдованіе одного изъ интереснѣйшихъ періодовъ въ исторіи женскаго образованія въ Россіи.

Замѣтки объ общественномъ призрѣніи изъ «Русскихъ Вѣдомостей» за 1893 годъ. Москва 1893 г.

Вопросъ объ общественномъ призрѣніи служитъ въ настоящее время предметомъ разсмотрѣнія въ особой комиссіи, учрежденной въ концѣ прошлаго (1892) года, подъ предѣлательствомъ К. К. Грота, на которую возложено «составить проектъ законодательныхъ мѣръ, обвиняющихъ дѣло призрѣнія во всѣхъ его частностяхъ».

Послѣпной разработкѣ этого вопроса посвящены и разбираемая замѣтки, въ которыхъ дается сжатый очеркъ организаціи общественной благотворительности во Франціи и въ Англіи и болѣе подробное опи-

саніе положенія благотворительности въ Россіи. Особая глава отведена такъ называемой Эльберфельдской системѣ, по которой центръ благотворительной дѣятельности переносится на попечителей, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи не болѣе 4 бѣдныхъ, что даетъ ему возможность постоянного и правильнаго надзора. Четвертая глава занята описаніемъ въ высшей степени интереснаго и важнаго учрежденія рабочихъ колоній и станцій для вспоможенія натурою (Naturalverpflegungstationen), особенно первыхъ, оказавшихъ большія услуги въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ въ Германіи и сосѣднихъ съ нею странахъ, пмѣющихъ подобныя же колоніи, впервые появившіяся въ Голландіи по инициативѣ извѣстнаго благотворителя Ванъ ден-Боша, основавшаго въ 1818 году нидерландское благотворительное общество. Въ послѣдней V главѣ говорится объ организаціи частной благотворительности.

Законъ подражанія въ области добрыхъ дѣлъ, какъ игнорируемый факторъ благотворенія. *П. Н. Обнинскаго*. Москва. 1892.

Въ брошюрѣ г. Обнинскаго указывается на значеніе примѣра въ общественной жизни и на необходимость воспользоваться закономъ подражанія въ области благотворительности. Авторъ горячо опровергаетъ ходячее мнѣніе о тщетѣ благотворенія, о полной несостоятельности современныхъ благотворительныхъ учреждений и указываетъ на истинное значеніе евангельской заповѣди о шуйцѣ и десницѣ, вполнѣ совмѣстной съ гласностью добрыхъ дѣлъ, не переходящихъ въ рекламу.

Цѣлью всѣхъ истинныхъ благотворителей должно быть стремленіе «освободить нашу благотворительность отъ ея традиціонныхъ и рутинныхъ путей, призвать въ ея среду лучшихъ, свѣжихъ и свободныхъ общественныхъ силы, дать необходимый просторъ личной инициативѣ и необходимымъ полномочія дѣтелямъ добра... дать общественной и личной благотворительности возможность не только творить добро, но и бороться съ зломъ, защищать беззащитныхъ».

С. Сигеле. Преступная толпа. (La foule criminelle). Опытъ коллективной психологіи. Переводъ съ французскаго, дополненный авторомъ изданія. Новгородъ. 1893 г.

Изслѣдованію преступленій толпы, представляющихъ одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ коллективной психологіи, посвящена недавно переведенная на русскій языкъ работа Сигеле. Въ этой книгѣ разсматриваются особенности, отличающія преступность толпы отъ преступности отдельныхъ лицъ. Г. Сигеле устанавливаетъ прежде всего понятіе толпы и теоріи, объясняющія дѣйствія массы подраженіемъ, нравственнымъ зараженіемъ и внушеніемъ.

Авторъ считаетъ всѣ эти три фактора недостаточными для объясненія названной группы преступленій и признаетъ значительное влияние личных факторов преступности: дѣйствительными совершителями преступленій, по его мнѣнью, являются, во всякомъ случаѣ, люди, такъ сказать, заранѣе уже предрасположенные къ этому. Сообразно съ этимъ онъ устанавливаетъ правило ответственности всѣхъ принимавшихъ участіе въ преступномъ сборищѣ и предлагаетъ пользоваться для этого существующими въ современныхъ законодательствахъ постановленіями объ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ.

Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Вып. I. Академія наукъ и университеты. *Ц. Ферлюдинъ.* Саратовъ. 1894.

Авторъ довольно подробно разсматриваетъ русское законодательство, относящееся къ Академіи Наукъ и университетамъ, исторія которыхъ дѣлится авторомъ на періоды отъ устава до устава; этихъ періодовъ онъ насчитываетъ до 5, выделяя сверхъ того въ особое приложение очеркъ и исторію Вплевскаго и Юрьевскаго университетовъ. Трудъ г. Ферлюдина—доброе совѣстная работа, ограничивающаяся, какъ видно изъ самаго заглавія, изложеніемъ законодательныхъ мѣръ, на причинахъ же, вызвавшихъ ихъ, и на жизни самихъ университетовъ авторъ останавливается только мимоходомъ; поэтому работу его можно рекомендовать, главнымъ образомъ, какъ полезную справочную книжку, по исторіи высшаго образованія. Съ вѣтвей стороны сочиненіе издано прекрасно, но изобилуетъ, къ сожалѣнію, опечатками.

Алексій Харузинъ. Къ вопросу о корпоративномъ строѣ студентовъ въ Дерптѣ. По поводу анонимной брошюры. «Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ». Ревель. 1893.

Г. Харузинъ въ своей уже не первой брошюрѣ, касавшейся студенческой жизни въ Дерптѣ, продолжаетъ полемику съ анонимомъ, защищающимъ корпоративный строй студенческой жизни въ Дерптѣ же. Центръ тяжести въ возраженіи, какъ у г. Харузина, такъ у его противника заключается въ оцѣнкѣ значенія корпорацій для успѣха научныхъ занятій. Г. Харузинъ съ цифрами въ рукахъ старается установить, что корпораціи только вредятъ въ этомъ отношеніи, поглощая непроизводительно время обязательными и почти ежедневными попойками, на что указываетъ большое число студентовъ-корпорантовъ, не кончающихъ курса или остающихся лишніе годы въ университетѣ. При брошюрѣ приложенъ подробный списокъ профессоровъ, бывшихъ питомцевъ Дерптскаго университета, на основаніи котораго г. Харузинъ опровергаетъ мнѣніе о выдающейся науч-

ной производительности названнаго университета.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право. Т. II. Особенная часть. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Курсъ г. Коркунова можно назвать однимъ изъ лучшихъ въ русской литературѣ: строгая систематичность изложенія, отсутствіе мелкихъ излишнихъ подробностей, освѣщеніе постановленій русскаго права сравненіемъ съ западно-европейскимъ, сжатый и точный языкъ—отличительныя достоинства, дѣлающія его книгой, могущей быть какъ учебникомъ для студентовъ, такъ и вообще руководствомъ для людей, желающихъ ознакомиться съ дѣйствующимъ русскимъ государственнымъ правомъ и съ отличіями его отъ современнаго европейскаго государственнаго строя.

Бедрисъ П. Идеальное государство. Съ планами, чертежами и таблицами. Спб. 1893. Ц. 3 руб.

Г. Бедрисъ предлагаетъ способъ сберечь въ годъ Россіи 2552¹/₂ милліона рублей (стр. 98) посредствомъ правильнаго размежеванія земель съ тѣмъ расчетомъ, чтобы поселеніе находилось въ центрѣ даннаго участка, и чтобы всѣ поля послѣдняго находились на наименьшемъ среднемъ разстояніи отъ поселенія, такъ какъ, по мнѣнію автора, всѣ невзгоды земледѣлія, дѣлающія Россію, при ея огромныхъ почвенныхъ богатствахъ, одной изъ бѣднѣйшихъ странъ въ мірѣ, главнымъ образомъ, зависятъ отъ отдаленности участковъ, заставляющей земледѣльцевъ тратить массу времени на переѣзды. Стоить только по возможности раздѣлить всѣ земли на правильные шестигульники и употреблять на земледѣльческое производство только нормальное количество рабочей силы,—и идеаль, о которомъ мечтаютъ «всѣ заграбичные писатели и такъ называемые социалисты», осуществится.

Нѣтъ надобности ближе входить въ оцѣнку этой чудодѣйственной реформы: идеалы «заграбичныхъ писателей» нельзя перенести въ дѣйствительность межевыми инструментами: какія бы правильныя шестигульники ни изображали крестьянскія земли,—ихъ владѣльцы не будутъ отъ одного только этого богаче, образованнѣе и счастливѣе, пока не измѣнятся многія другія условія, опредѣляющія благоденствіе народовъ.

Г. М. Лауферъ. Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для зубныхъ врачей, дантистовъ и учениковъ съ указаніемъ официальныхъ изданій и краткій медицинскій латинско-русскій словарь. Кіевъ. 1893.

Весьма удобная справочная книга для все возрастающаго у насъ сословія зубныхъ врачей, которые найдутъ въ ней

сводъ разбросанныхъ въ различныхъ изданияхъ многочисленныхъ циркуляровъ и заготовленъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ книгу г. Лауфера вошли некоторые основные законы нашего Врачебнаго Устава (врачебная экспертиза, форма вѣдомости о судебно-медицинскихъ послѣдованіяхъ), краткій медицинскій латинско-русскій словарь, списокъ зубныхъ врачей въ Россіи и пр. Несомнѣнно, что книга вполне достигаетъ предназначенной ей авторомъ цѣли. Нужно прибавить, что краткій медицинскій словарь, приложенный къ ней, только безъ надобности портитъ хорошую книгу. Слово приведено очень мало, выборъ ихъ крайне неудаченъ и сплошь и рядомъ переводъ ихъ совершенно неправиленъ.

Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи. Составилъ А. Фортунатовъ, проф. Петровской академіи. Москва. 1893.

Книга г. Фортунатова является сводомъ статистическихъ данныхъ по земледѣію въ Россіи. Въ ней, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, предлагаются только самые общіе выводы изъ оффиціального статистическаго матеріала (изданія центрального статистическаго комитета) и земскихъ статистическихъ сборниковъ. Цѣль книги—служить руководствомъ при самостоятельныхъ работахъ студентовъ, но и помимо названной цѣли «Сельскохозяйственная статистика»—необходимое пособие для ознакомленія съ экономическимъ положеніемъ земледѣльческаго класса, изслѣдованія о которомъ за послѣдніе годы существуютъ только для отдѣльныхъ мѣстностей, и трудъ проф. Фортунатова удачно заполняетъ этотъ пробѣлъ въ русской статистической литературѣ, не имѣющей такихъ общихъ сводовъ со времени выхода II тома «Сравнительной статистики» проф. Янсона (Спб. 1880), цифры которой въ настоящее время уже значительно устарѣли.

Охрана дѣтства. Присяжный повѣренный В. М. Сорокинъ. Спб. 1893 г.

Г. Сорокинъ перепечаталъ въ своей книгѣ рядъ статей изъ журнала «Дѣтская Помощь» по вопросу о помощи дѣтямъ и защитѣ ихъ отъ дурного обращенія въ мастерскихъ и тому подобныхъ заведеніяхъ, а также въ собственныхъ семьяхъ, и дополнилъ ихъ собственными очерками мѣръ и способовъ помощи дѣтямъ въ иностранныхъ государствахъ. Трудъ г. Сорокина является первой попыткой систематически изложить дѣятельность русскихъ обществъ помощи дѣтямъ и указать на подобныя же учрежденія за границей, и можетъ принести несомнѣнную пользу дѣлу охраны и помощи дѣтей, въ которыхъ, по прекрасному выраженію Достоевскаго, будущее человечества, содѣйствию и возбуждая въ русскомъ обществѣ интересъ къ этой важной и едва

ли не самой цѣлесообразной отрасли благотворительности.

Кредитъ и оборотныя его средства. Сочиненіе гр. А. Цышковскаго, члена Краковской академіи наукъ. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей К. В. Трубинова, съ вступленіемъ и біографическимъ очеркомъ автора. Спб. 1893 г.

Августъ Цышковскій, изслѣдованіе котораго о кредитѣ перевелъ г. Трубиновъ, высказывается противъ извѣстнаго положенія фритредеровъ «laisser faire, laisser passer» и требуетъ государственной поддержки частнымъ начинаніямъ, ставя условіемъ государственнаго вмѣшательства, чтобы оно не было стѣснительнымъ для частной предпріимчивости. Переносъ свой основной принципъ и въ ученіе о кредитѣ, Цышковскій доказываетъ необходимость широкаго участія въ немъ государства, причемъ наилучшимъ видомъ государственнаго кредита считаетъ внутренній, по его мнѣнію, особенно удобный для Россіи. Опровергая теорію, основывающія кредитъ на доврѣніи или опредѣляющія его какъ антиципацію будущихъ полученій, авторъ проводитъ мысль, что кредитъ долженъ основываться не на вѣроятныхъ будущихъ благахъ, а только служить средствомъ превращенія недѣятельныхъ мертвыхъ капиталовъ въ участвующіе въ обращеніи. Изслѣдованіе гр. Цышковскаго снабжено обширнымъ введеніемъ переводчика, въ которомъ трактуется объ условіяхъ кредита въ Россіи.

Др. А. Ривье. Учебникъ международного права. Переводъ П. Казанскаго подъ редакціей гр. Л. Казарскаго съ приложеніемъ постановленій Института международного права по публичному праву за 1873—92 гг. Москва. 1893 г.

Учебникъ международного права г. Ривье дѣлится на семь частей, изъ которыхъ четыре первыя посвящены установленію и выясненію общихъ понятій о международномъ правѣ, о государствѣ, его основныхъ правахъ и государственной территоріи. Части 5, 6 и 7-я заняты изложеніемъ ученія о представительствѣ государствъ во вѣнскихъ сношеніяхъ и о формѣ этихъ сношеній, о государственныхъ договорахъ и спорахъ между государствами и о способѣ ихъ разрѣшенія. Въ приложеніи помѣщены постановленія Института международного права по вѣсьмъ важнѣйшимъ вопросамъ. Учебникъ г. Ривье выдается среди курсовъ международного права сжатою и ясностью изложенія и представляетъ собою полный сводъ теоретическихъ положеній и международной правовой практики, изложенныхъ вполне объективно, что дѣлаетъ этотъ учебникъ особенно полезнымъ для начинающихъ изучать международное право.

Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ. (Т. XVI, ч. 2, изд. 1892 года), съ разъясненіями по рѣ-

шеніямъ гражданскаго кассационнаго и судебныхъ департаментовъ и общихъ собраній Правительствующаго Сената,—съ приложеніемъ извлеченій изъ положеній объ управленіи Туркестанскаго края и степныхъ областей. Составилъ *М. И. Шафиръ*, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сенатѣ. С.-Петербургъ. 1893 г. Стр. 600 in 4°. Ц. 3 р. 60 к.

Рѣшенія судебныхъ мѣстъ большей части губерній Европейской Россіи восходятъ, въ предѣлѣ кассационнаго разбирательства, въ уголовный и гражданскій кассационные департаменты Сената. Что же касается сѣверной и юго-восточной окраины Европейской Россіи, Сибири и Средне-Азиатскихъ владѣній, гдѣ до сихъ поръ дѣйствуютъ старое (лишь съ нѣкоторыми измѣненіями) дореформенное судопроизводство, то для нихъ высшею судебною инстанціею, рѣшающею дѣло по существу, являются старыя департаменты Сената: пятый — для дѣлъ уголовныхъ, четвертый и межевой — для дѣлъ гражданскихъ. Официальныхъ сборниковъ рѣшеній этихъ департаментовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе печатаются кассационными департаментами, не существовало и тѣмъ дѣло ознакомленія юристовъ съ толкованіями стараго Сената представлялось крайне затруднительнымъ.

Въ нынѣшнемъ году вышло въ свѣтъ завоно передѣланное официальное изданіе законовъ, составившихъ прежде 2-ю часть X-го тома Свода Законовъ, а нынѣ вошедшихъ въ составъ 2-ой части новаго XVI тома Свода Законовъ. 2-я часть X-го тома состоитъ теперь изъ двухъ самостоятельныхъ частей съ особой нумераціей статей: 1) «Законы о судопроизводствѣ гражданскомъ», и 2) «Положеніе о взысканіяхъ гражданскихъ». Первая часть примѣняется почти исключительно въ судебныхъ мѣстахъ стараго устройства (въ Сибири и пр.), а также въ духовныхъ судахъ всей Имперіи по дѣламъ брачнымъ. Вторая же часть: «Положеніе о взысканіяхъ гражданскихъ» служитъ обязательнымъ руководствомъ для всѣхъ губернскихъ правленій и вообще административныхъ учрежденій по дѣламъ казеннаго управленія, по дѣламъ казны съ частными лицами, по спорнымъ взысканіямъ казеннымъ и т. п.

Потому появленіе въ настоящее время сборника г. Шафıra съ разъясненіями Сената къ различнымъ статьямъ выѣшней 2-й части XVI го тома оказывается какъ нельзя болѣе кстати.

Сборникъ этотъ будетъ настольной книгой не только юристовъ, но и обширнаго административнаго персонала, а также всѣхъ тѣхъ частныхъ лицъ, которымъ приходится имѣть дѣла съ казною по разнаго рода обстоятельствамъ, какъ-то: подрядчикамъ, поставщикамъ разныхъ вѣдомствъ, арендаторамъ оброчныхъ статей и пр.

Составитель этого сборника, г. Шафиръ, является лицомъ вполне компетентнымъ въ вопросахъ гражданскаго процесса, дѣйствующаго въ судебныхъ мѣстахъ стараго устройства и административныхъ учрежденій, какъ по своей долготѣлней службѣ въ 4-мъ департаментѣ Сената, такъ и по своей дѣятельности въ специальной комиссіи, занимавшей переизданіемъ 2-й части X-го тома, а также собраніемъ рѣшеній гражданскихъ департаментовъ стараго Сената.

И. Я. Акинфьевъ. Девять дней въ центрѣ Кавказа. Екатеринбургъ. 1893. Ц. 25 к. Стр. 30.

Въ брошюрѣ этой авторъ описалъ свое путешествіе въ горную страну Балкарію, природу посѣщенной имъ мѣстности и жизнь ея обитателей. Разсказъ ведется въ видѣ дневника и читается легко, но интересныхъ или поучительныхъ свѣдѣній мало. Отмѣтимъ лишь наблюденіе, касающееся народной медицины горцевъ. Слабогрудые и чахоточные больные прѣзжаютъ къ какому-либо горному леднику, проводятъ возлѣ него 3 — 4 недѣли и все это время пьютъ молоко со льдомъ *изъ ледника* и глотаютъ чистый ледъ. Мѣстные жители утверждаютъ, что этотъ способъ леченія льдомъ даетъ превосходные результаты: всѣ больные возвращаются совершенно здоровыми. Присоединяемся къ желанію автора, чтобы средство это было провѣрено и изучено патентованными врачами.

ИЗДАНІЯ ДЛІА НАРОДА.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, выдвинутый теченіемъ общественной жизни и школьнымъ реформами, особенно ярко назрѣлъ вопросъ о книгахъ для народа и заинтересовалъ собою довольно большой кругъ интеллигенціи, принявшей усердно за сочиненіе, составленіе и изданіе народныхъ книгъ и за конкуренцію съ такъ называемымъ «Никольскимъ рынкомъ». Это послѣднее обстоятельство, т. е. конкуренція, дало громадный толчокъ книгоиздательству и вызвала существенную книжную реформу. Первымъ борцомъ на этомъ поприщѣ несомнѣнно является фирма «Посредникъ». Она удачно уловила требованія и привычку народа къ выѣшности книгъ, т. е. дѣль, формату, обложкѣ и, придавъ подобнымъ изданіямъ чистоту, отчетливость печати и художественность рисунка, вошла въ соглашеніе съ извѣстнымъ московскимъ книгопродавцемъ Сынѣнымъ — и тѣмъ самымъ достигла широкаго распространенія своихъ книжекъ по всей Россіи, чего за многіе годы не могли сдѣлать ни «Общ. расп. полевн. книгъ», ни «Спб. Комитетъ Грамотности»: ихъ дорогія, не соответствующія по формату изданія были чужды простолудину и не заинтересовывали его.

Сближеніе между интеллигентнымъ издателемъ, писателемъ и читающей народной массой состоялось, и за эти 10—12 лѣтъ, надо правду сказать, значительно поднято требованіе и вкусъ самого народа. Провѣрить это особенно легко, если взглянешь въ лавки лубочныхъ издателей въ родѣ Морозовыхъ, Губановыхъ, Мухинныхъ и пр. — этихъ главныхъ поставщиковъ духовной пищи народа... Какая громадная разница того, что существуетъ теперь, съ тѣмъ что было раньше!.. А вѣдь они люди исключительно коммерческіе, не задающіеся никакими филантропическими или просвѣтительными цѣлями: они стремятся исключительно къ удовлетворенію требованій своей публики и по ихъ изданіямъ можно составить себѣ яркое представленіе объ этихъ самыхъ требованіяхъ.

Къ сожалѣнію, журнальныя библиографическія замѣтки о народныхъ книгахъ, главнымъ образомъ посвящены разбору изданій, выпускаемыхъ многочисленными интеллигентными фирмами, возникшими вѣдѣть за Посредникомъ, и совершенно игнорируютъ тѣхъ, кто печатаетъ и продаетъ ежегодно по 3—4 изданія или «завода» каждой книги; а такой «заводъ» заключаетъ въ себѣ 12000 экземпляровъ.

Среди нихъ встрѣчаются книжки, положительно заслуживающія вниманія, и рядомъ съ ними такія, которыя желательно было бы взять изъ употребленія, такъ какъ подъ видомъ поученій онѣ являются распространителями весьма нежелательныхъ представленій и подробностей, способныхъ только развратить воображеніе простолюдина, еще сохранившаго нравственную чистоту, особенно вдали отъ фабричныхъ центровъ. Не безопасно отгмѣчать подобнаго рода книги, такъ какъ онѣ попадаютъ главнымъ образомъ въ руки учащихся дѣтей и подростковъ.

Въ слѣдующей февральской книжкѣ мы считываемъ дать краткій библиографическій разборъ изданій Никольскаго рынка, вышедшихъ за весь 1893 г. — теперь же ограничимся лишь нѣсколькими самыми новыми.

Передъ нами изданія книгопродавца *Морозова* (Москва, Никольская, рядомъ съ церковью Владимірской Б. М.): **1) Толковый и справочный библейскій словарькъ** собственныхъ именъ, непевреденныхъ еврейскихъ и греческихъ словъ и болѣе гдѣнхъ славянскихъ рѣченій и оборотовъ, встречающихся въ Псалтыри, въ пророческихъ книгахъ Ветхаго Завета, въ Четве-гоевангелии и въ православномъ Богослуженіи. Составилъ *И. К. Кондратъевъ*. 8^о листа 63 стр. крупнаго хорошаго шрифта. Издана на отличной бумагѣ. Ц. 8 к., хотя на корешкѣ напечатано 15 коп. ¹⁾ На

обложкѣ напечатано: *Изданіе популярное*. Книжка эта даетъ вполне вѣрныя, подробныя толкованія многихъ непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ Св. Писаніи, много историческихъ и географическихъ справокъ, объясняетъ происхожденіе, значеніе и употребленіе церковной утвари, сосудовъ, одежды и пр. Все это изложено хорошимъ литературнымъ языкомъ, пмѣющимъ въ виду нѣсколько образованнаго читателя, для котораго книга представляетъ несомнѣнный интересъ, хотя по своей дешевизнѣ удивитъ и простолюдина, если онъ почувствуетъ необходимость обратиться къ словарю за разъясненіемъ непонятныхъ для него словъ.

II. 1) Самое великое въ мірѣ. 2) Миръ съ вами. 3) Преображенная жизнь. Три бесѣды. Профессора *Генри Друммонда* (*Изданіе популярное*). Это 3 отдельныхъ книжки 16^о л. такъ наз. листовки (отъ 30—38 стр.) Ц. 1 к. за штуку. 90 к. сотня, 8 р. 50 к. тысяча. Съ англійскаго *И. К. К.* Переводъ сдѣланъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями подлинника, о чемъ переводчикъ и заявляетъ въ замѣткѣ, помѣщенной въ первой книжкѣ, гдѣ онъ, кромѣ того, упоминаетъ о томъ, что такое *Друммондъ* и какое значеніе имѣють его духовныя бесѣды въ Англій.

Вотъ какой матеріалъ предлагаетъ теперь Никольскій рынокъ своимъ читателямъ взамѣнъ прежнихъ, поистинѣ ужасныхъ бесѣдъ и наставленій, изложенныхъ обыкновенно такимъ туманнымъ полурусскимъ, полуславянскимъ языкомъ, что простолюдинъ безусловно не встрѣтитъ большихъ затрудненій, читая книгу, написанную современнымъ литературнымъ языкомъ, со многими, хотя бы и не совсемъ понятными для него словами.

III. А вотъ еще крайне любопытный образецъ, соединяющій въ себѣ старое съ новымъ. Эта книга озаглавлена: **Зеліе табачное** — старое сказаніе о сей травѣ злочактственной. 16^о л. Ц. 1 к. Дѣйствительно оно должно быть старое, такъ какъ написано виршами конца прошлаго столѣтія и очевидно старообрядческаго происхожденія, хотя авторъ его, повидимому, человекъ образованный, сознательно употребляющій многіе иностранныя термины. Вторую часть книги: **Какъ и откуда появился табакъ** — составляетъ статейка, въ которой излагается исторія табака и его распространенія въ разныхъ странахъ, краткое объясненіе его обработки и ядовитаго свойства, вслѣдствіе содержанія никотина, губельно дѣйствующаго на организмъ. Статьика изложена хорошимъ литературнымъ языкомъ.

шная цѣна ставится для книгоношъ, которые принуждены продавать эти книги гораздо дороже, особенно на дальнихъ окраинахъ Россіи.

¹⁾ По объясненію книгоиздателей, выс-

Изъ беллетристики вышли недавно: Спѣгурочка. Бесенняя сказка въ стихахъ, рассказанная *И. К. К—вымъ*. 16° л. Ц. 1 к. На обложкѣ карикатура. Бѣлые стихи, весьма недурны, а содержаніе представляетъ безыскусственный, простой пересказъ народной сказки. (Изданіе *Баркова*. Москва. Никольская, близъ церкви Влад. Б. М.).

Загадочный выстрѣлъ, рассказъ. Изданіе *Г. Т. Бриллиантова* (Москва. Никольская ул.). Ц. 1 к. 16° листа. На обложкѣ совершенно не подходящая къ содержанію картинка, а самъ рассказъ изъ испанской жизни вполнѣ безвреденъ, но и плохъ.

Въ чемъ наше счастье. Рассказъ изъ крестьянскаго быта *И. Кассирова* 16° л. 1 к. Изданіе *Гуванова* (Москва. Никольская ул.). Очевидно, это передѣлка изъ нѣ-

мецкой, скорѣе даже финской сказки, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Финляндіи. Изложена она недурно, хотя слишкомъ по дѣтски и нѣсколько скомканый конецъ черезъ-чуръ туманно выражаетъ прекрасную мысль о томъ, что «въ любви, въ стремленіи къ ученію и въ дѣланіи людямъ пользы и добра заключается истинное наше счастье»...

Бѣсовы огни. Быль на рѣкѣ Унжѣ. *И. К. Кондратьева*. Изданіе *Баркова*. (Москва. Ник. ул.). 16° л. Ц. 1 к. На обложкѣ плохая картина, что же касается содержанія, то это очень недурной интересный, хорошимъ литературнымъ языкомъ изложенный рассказъ, не лишенный художественности.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Н. А. Добролюбовъ (Статья первая) ¹⁾.

Бѣлинскій и Добролюбовъ. — Жизнь Добролюбова. — Три характерныхъ момента въ его жизни. — Ихъ истинный характеръ и значеніе. — Вопросъ о религіозности Добролюбова. — Увлеченіе семинарскимъ учителемъ. — Романической элементъ въ жизни Добролюбова. — Критическая литература о Добролюбовѣ. — Панаевъ. — Забѣтки Зарина о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ. — Открытое письмо Чернышевскаго къ Зарину и отвѣтъ послѣдняго — Статьи Николая Соловьева, Зайцева и Скабичевскаго.

I.

20-го ноября 1861 года на Волковомъ кладбищѣ былъ похороненъ молодой, талантливый сотрудникъ «Современника» Николай Александровичъ Добролюбовъ. На похороны собралось небольшое общество литераторовъ, студентовъ, офицеровъ и дамъ, надъ гробомъ произнесено было нѣсколько рѣчей, сочувственныхъ покойному писателю. Некрасовъ и Чернышевскій распространились о человѣческихъ качествахъ Добролюбова, почти ничего не сказавъ о литературномъ его талантѣ. Другіе указывали на «смежность» его могилы съ «послѣднимъ жилищемъ» Бѣлин-

¹⁾ «*Сѣверная Пчела*», 1861 г., № 262. «Н. А. Добролюбовъ» и № 264. — «*Московскія Вѣдомости*», 1862 г., № 2: «Н. А. Добролюбовъ», П. П. — «*Иллюстрація*», еже-недѣльное обозрѣніе, 1862 г., № 203: «Н. А. Добролюбовъ». — «*Современникъ*», 1861 г., ноябрь: «Петербургская жизнь, замѣтки новаго поэта, по поводу похоронъ Н. А. Добролюбова» и некрологъ. — «*Современникъ*», 1862 г., № 1: «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», Н. Чернышевскаго и «Посмертныя стихотворенія Н. Добролюбова», Н. Некрасова. — «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», изд. К. Солдатенкова, 1890 г., т. I. — «*Русскій Инвалидъ*», 1861 г., № 267 — «*Библиотека для чтенія*», январь: «Небывалыя люди», по поводу «Униженныхъ и оскорбленныхъ», Зарина, стр. 29—41. — «*Современникъ*», 1862 г., февраль: «Въ изъясненіе признательности», письмо къ Г. Зарину, Н. Чернышевскаго. — «*Библиотека для чтенія*», мартъ, 1862 г.: «Лестъ живому и поруганіе надъ мертвымъ» (письмо къ г. Чернышевскому), Зарина. — «О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова», П. А. Вѣбликова, Спб., 1862 г. — «*Отечественныя Записки*», 1865 г. май, кн. II, іюнь, кн. I, іюль, кн. I. августъ, кн. I. августъ, кн. II. «Вопросъ объ искусствѣ». Николая Соловьева. — «*Русское Слово*», 1864 г., № 1: «Бѣлинскій и Добролюбовъ», В. А. Зайцева. — «*Отечественныя Записки*», 1872 г., май—іюнь: «Очерки умственнаго развитія нашего общества», 1825—1860 гг., главы 17—18, А. Скабичевскаго.

саго. Но вотъ обрядъ пришелъ къ концу, послѣдняя горсть земли брошена въ могилу, и небольшая толпа людей разошлась по домамъ съ тяжелымъ, тоскливымъ чувствомъ невознаградимой потери... «Еще одна жертва смерти, восклицаетъ «Съверная Пчела», еще жизнь, подточенная въ самомъ роскошномъ ея цвѣтеніи!» Не стало Добролюбова. Важнѣйшіе органы тогдашней журналистики почтили его память тепло написанными некрологами, въ отдѣльныхъ статьяхъ мелькнули болѣе или менѣе серьезные критическія замѣчанія, относящіяся къ общему характеру его литературной дѣятельности, на страницахъ «Современника» одинъ изъ лучшихъ его руководителей выступилъ горячимъ, страстнымъ истолкователемъ нравственной и умственной личности Добролюбова. Въ некрологѣ, напечатанномъ въ ноябрьской книгѣ журнала за 1861 годъ, въ примѣчаніяхъ къ «Матеріаламъ для біографіи Н. А. Добролюбова», въ открытомъ письмѣ къ Зарину по поводу статьи его «Небывалые люди» — повсюду сквозитъ истинный восторгъ передъ талантомъ рано сошедшаго со сцены литературнаго дѣятеля. Добролюбовъ рисуется Чернышевскому великомученикомъ либеральнаго движенія. Онъ не видитъ въ немъ ни единого недостатка, въ его талантѣ онъ не замѣчаетъ никакого пробѣла. Развивая свое восторженное мнѣніе о бывшемъ сотоварищѣ по дѣлу, обрушиваясь съ энтузіазмомъ партійнаго человѣка на всякое скептическое замѣчаніе со стороны и, такъ сказать, неумышленно, по какому-то полемическому влеченію, раздувая въ цѣлую легенду извѣстныя качества умершаго литературнаго дѣятеля, Чернышевскій подчеркиваетъ только нужные ему факты, повсюду отыскиваетъ и находитъ матеріалъ, свидѣтельствующій объ умѣ и героизмѣ Добролюбова. Никакихъ ограниченій, ни единой фразы, суживающей его значеніе въ русской литературѣ. Самъ блестящій писатель съ публицистическимъ талантомъ, выходящимъ изъ ряда, журналистъ съ природнымъ даромъ діалектики, съ подвижнымъ и гибкимъ стилемъ, который то свѣтится какимъ-то холоднымъ блескомъ, то проникается ядомъ убійственной насмѣшки, Чернышевскій готовъ унижить себя, свое дарованіе, все, имъ сдѣланное по различнымъ вопросамъ русской жизни, которые разрабатывались въ «Современникѣ» передъ заслугами Добролюбова въ прогрессивномъ развитіи русскаго общества. Человѣкъ съ пылкимъ темпераментомъ, ищущимъ удовлетворенія въ яростномъ обличеніи собственныхъ недостатковъ, въ поступкахъ безграничнаго самоотверженія, Чернышевскій не могъ не воспользоваться для извѣстныхъ цѣлей смертью любимаго товарища. Горячая похвала, обращенная къ заслугамъ покойнаго и въ этихъ заслугахъ освѣтвившая опредѣленный принципъ, черту политической доблести — сама становится нравственной силой въ жизни людей, и чѣмъ эта похвала ярче, смѣлѣе, чѣмъ больше страсти и пламени въ отдѣльныхъ ея выраженіяхъ, тѣмъ глубже ея вліяніе на ходъ вещей, тѣмъ она зажигательнѣе для молодыхъ поколѣвій, тѣмъ она полезнѣе для дѣла. Такъ закрѣпляется симпатія общества за извѣстнымъ знаменемъ. Такъ воздается должное партійнымъ

друзьямъ и товарищамъ... Но Добролюбовъ не таковъ, какимъ изображаетъ его Чернышевскій. Въ немъ не было тѣхъ могучихъ страстей, которыя приписываетъ ему этотъ человекъ съ фанатическимъ умомъ и характеромъ, рожденнымъ для бурныхъ общественныхъ движеній. Разсудочная натура по преимуществу, Добролюбовъ не зналъ широкихъ увлеченій съ кипѣніемъ всѣхъ чувствъ, съ поэтическимъ энтузіазмомъ, отражающимся въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ. Рожденный не для патетической агитаціи, а для того, чтобы самому слѣдовать за людьми съ пророческимъ темпераментомъ, онъ неуклонно шелъ всю жизнь по избранному имъ пути, съ горделивой твердостью проводя одну и ту же мысль, дразня и бичуя насмѣшкою или стихотворными эпиграммами тѣхъ, кого онъ считалъ врагами новаго реалистическаго движенія въ литературѣ, рѣдко предаваясь восторгу, почти никогда не терзаясь никакими сомнѣніями. Ясный умъ, въ которомъ мысли развиваются съ удивительною послѣдовательностью, безъ артистическихъ скачковъ, безъ какихъ-бы то ни было поэтическихъ взрывовъ, сразу поднимающихъ читателя на высоту авторской идеи, благородный характеръ, проникнутый серьезностью, Добролюбовъ побѣждалъ трезвой логикой убѣжденія, публицистическою дѣловитостью, направленною къ опредѣленной цѣли. Онъ не жилъ ни духовными, ни физическими страстями, и не уходя въ изученіе литературныхъ явленій съ ихъ эстетической и философской стороны, не волнуясь вопросами художественнаго творчества, онъ постоянно суживалъ свою критическую дѣятельность задачами исключительно бытового, гражданского свойства. Вотъ почему въ статьяхъ его такъ много трезвыхъ, холодныхъ аргументовъ и такъ мало подкупающей поэзіи, счастливыхъ откровеній критическаго таланта. Вотъ почему ни жизнь, ни произведенія Добролюбова не производятъ захватывающаго впечатлѣнія въ противоположность жизни и произведеніямъ Бѣлинскаго. Не раздраемая противорѣчіями, нигдѣ не поднимающаяся выше идей, имѣющихъ значеніе для даннаго момента въ жизни русскаго общества, нигдѣ не блестящая вдохновеніемъ страсти, литературная дѣятельность Добролюбова не имѣла и не могла имѣть такого широкаго значенія, какое имѣла размахистая и шумная агитація Бѣлинскаго, не смотря на всѣ ея многочисленныя ошибки, паденія, не смотря на ея молодой и невыдержанный восторгъ съ порывами то въ одну, то въ другую сторону. По сравненію съ Бѣлинскимъ, Добролюбовъ — натура уравновѣщенная, твердая, но не могучая, благородная, но не страстотерпическая, прямая и смѣлая, но не способная увлекать съ непобѣдимую силою какого-то высшаго авторитета. Добролюбовъ вліяетъ на читателя только тогда, когда его разсужденія кажутся ему убѣдительными, когда его логическія доказательства въ пользу извѣстной мысли, развиваясь и доходя до послѣднихъ заключеній, кажутся ему неопровержимыми. Малѣйшая ошибка — и авторъ потерялъ ваше сочувствіе. Одна неловкость или оплошность — и всѣ его успѣха склонить васъ къ извѣстному взгляду на вещи пропали даромъ. Вся жизнь Бѣ-

линскаго проникнута поэзіей, статьи его облиты свѣтомъ внутренняго пожара. Вся жизнь Добролюбова, все статьи его, его переписка съ друзьями, его дневникъ — все отражаетъ въ себѣ натуру сдержанно прямолинейную, безъ поэтическаго огня, безъ порывовъ къ идеальнымъ вершинамъ дѣятельности, натуру, способную извить скептической насмѣшкой, но не способную вдохновляться отвлеченными принципами и, вдохновляясь, увлекать за собою людей съ чувствомъ, съ темпераментомъ. Статьи Добролюбова превосходны по ясности стиля, по выдержанности тона, по прямотѣ логическихъ доводовъ, но, по сравненію со статьями Бѣлинскаго, онѣ производятъ все-таки слабое, почти блѣдное впечатлѣніе. У Бѣлинскаго вы вездѣ почувствуете живое дыханіе страстной души: искры поэзіи играютъ въ каждой фразѣ, повсюду высокой критической порывъ, блескъ поэтическихъ идей, волнующее трепетанье сердечной, искренней любви къ искусству. Читайте Добролюбова, ищите у него красоты, уловите вдохновеніе въ его выводахъ и обобщеніяхъ. Молодое, тонкое остроуміе, точно холодный блескъ луннъ, озаряетъ эти сдержанныя разсужденія писателя о литературѣ и жизни, убѣжденія автора развертываются легко, свободно, съ непринужденностью яснаго и отчетливаго пониманія разбираемыхъ предметовъ, доказательства выступаютъ передъ читателемъ въ какомъ-то ритмическомъ движеніи, ложась другъ возлѣ друга на извѣстныхъ, строго размѣренныхъ разстояніяхъ, но гдѣ же дуновеніе вѣчныхъ идеаловъ, гдѣ любовь къ поэзіи, гдѣ разливъ свободныхъ чувствъ, гдѣ паоосъ мыслящей натуры? Надъ жизнью и произведеніями Бѣлинскаго вѣетъ духъ Божій, и потому вы читаете ихъ съ какимъ-то священнымъ трепетомъ, слѣдя съ душевнымъ волненіемъ за его стремительной логикой, за его пылкими и всегда вдохновенными приемами убѣждать, доказывать, спорить, защищать и защищаться. Надъ жизнью и произведеніями Добролюбова вѣетъ духъ молодой гражданственности, еще не связанной неразрывными узами съ нравственною и умственною культурою страны, и потому во многомъ опрометчивой, очень часто незаконно захватывающей не принадлежація ей сферы человѣческаго труда и мышленія, еще чаще раздражающей нѣкоторымъ образомъ своихъ аргументовъ. Критическій талантъ Бѣлинскаго глубже и ярче таланта Добролюбова: его вдохновеніе свѣтлѣе того разсудочнаго свѣта, которымъ жила мысль Добролюбова, какъ солнце свѣтлѣе луны...

Отыщемъ-же характеръ Добролюбова въ матеріалахъ, рисующихъ его жизнь, его влеченія, его страданія. Изучимъ общественное мнѣніе о дѣятельности Добролюбова, какъ оно сказалось въ напослѣе выдающихся статьяхъ, принадлежащихъ извѣстнѣйшимъ русскимъ писателямъ, и затѣмъ разберемъ сами въ немногочисленныхъ его сочиненіяхъ. Опредѣлимъ размѣры его критическаго таланта, взвѣсимъ и оцѣнимъ тѣ идеи, которыя онъ завѣщалъ грядущимъ поколѣніямъ. Послѣ Бѣлинскаго Добролюбовъ считается самымъ авторитетнымъ представителемъ нашего литературнаго самосознанія, и безпристрастный судъ надъ тѣмъ, что сдѣлано этимъ человѣ-

комъ для русскаго просвѣщенія, покажетъ намъ въ истинномъ свѣтѣ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ исторіи русской журналистики. На какую высоту вступила русская критика въ лицѣ Добролюбова? Какіе критеріи онъ далъ намъ для оцѣнки художественныхъ произведеній? Каково отношеніе Добролюбова къ Бѣлинскому? Каково было вліяніе Добролюбова на ходъ русскаго художественнаго творчества? Мы разсмотримъ всѣ эти вопросы съ величайшимъ вниманіемъ къ имѣющимся въ литературѣ документамъ, и отвѣты, добытые объективнымъ разборомъ предмета, лягутъ въ основаніе нашихъ дальнѣйшихъ изысканій въ области русской критики.

II.

Представьте себѣ мальчика, рожденнаго въ семьѣ священника одного изъ самыхъ богатыхъ приходоѣ губернскаго города, пользующагося съ дѣтства полнымъ матеріальнымъ благополучіемъ. Отецъ его человѣкъ развитой, начитанный, даже образованный, любитъ свѣтскую литературу, отличается высокою нравственностью, которая располагаетъ къ нему не однихъ только прихожанъ его, но и жителей всего города. Честность, безкорытность, доброта и благодушіе отличаютъ его твердую и сдержанную натуру. Въ его приходѣ живетъ большая часть городского дворянства и, постоянно находясь въ образованномъ кругу, принимаемый въ лучшихъ домахъ, какъ любимый гость и интересный собесѣдникъ, онъ совершенно усваиваетъ складъ жизни образованнаго класса. Прихожане относятся къ нему съ величайшимъ уваженіемъ: они призываютъ его на семейные совѣты, избираютъ его въ посредники при семейныхъ несогласіяхъ и недоразумѣніяхъ, приглашаютъ его законоучителемъ для своихъ дѣтей. Мать — нѣжная, набожная, трогательная женщина, преданная сыну до самоотверженія. Въ этой обстановкѣ мальчикъ получаетъ впечатлѣнія, которыя воспитываютъ въ немъ любознательность, интересъ къ книжнымъ занятіямъ, благородство и чувствительность сердца. Ничто не захватываетъ, не тревожитъ до глубины его молодого существа, но все ведетъ его по пути нравственной чистоты и выдержанности. Интеллигентная обстановка возбуждаетъ въ мальчикѣ интересъ къ умственнымъ занятіямъ и шести-семи лѣтъ онъ цѣлыми часами сидитъ за книгами или рисунками, не увлекаясь дѣтскими играми, утомляя глаза пристальнымъ и сосредоточеннымъ трудомъ. Онъ отвыкаетъ отъ людскаго общества, и полное отсутствіе какихъ-бы то ни было гимнастическихъ упражненій дѣлаетъ его неловкимъ, робкимъ и потому застѣнчивымъ. Его отдають въ духовное училище, потомъ переводятъ въ мѣстную семинарію. Начитанность и нѣкоторая опытность въ трудѣ надъ различными книжными вопросами, природная талантливость и разсудочная бойкость выдвигаютъ его среди сотоварищей по классу, хотя и не дѣлають его феноменомъ въ школьномъ смыслѣ этого слова — предметомъ молвы

или гордости семинаристовъ. Онъ пишетъ длиннѣйшія сочиненія на заданныя темы, блистаетъ книжнымъ слогомъ, ловкими оборотами доказательствъ, въ которыхъ часто замѣчаются проблески живого юношескаго остроумія. Школа не даетъ быстрого хода его умственному развитію. Обо всемъ, чему учить профессора, онъ уже читалъ раньше въ книгахъ. Въ его головѣ уже шевелятся мысли о важныхъ матеріяхъ, а педагоги школьнаго преподаванія подносятъ безсвязные клочки ненужныхъ, утомительныхъ знаній. Полезность наставленія нѣкоторыхъ учителей перевѣшивается огромной тратой времени на прохожденіе схоластическаго семинарскаго курса, на безплодное сидѣнье въ классахъ, гдѣ нельзя услышать ни единого живого слова. Семинарія возбуждаетъ въ немъ скуку, насмѣшку, досаду. Онъ забавляется комическими эпизодами школьной жизни, ведетъ обширную «лѣтопись классическихъ глупостей», въ которой осмѣиваетъ и учениковъ и преподавателей, собираетъ цѣлую коллекцію нелѣпостей учителя догматическаго богословія... Вдругъ по классамъ пробѣгаетъ слухъ о новомъ учителѣ нѣмецкаго языка, пріѣхавшемъ изъ петербургской академіи: онъ молодецъ, благороденъ, уменъ, черные волосы его лежатъ въ какомъ-то чудномъ безпорядкѣ, смуглое, мужественное лицо его привлекательно, въ темно-голубыхъ глазахъ его отражается огонь и блескъ сильной и могучей души... Какое важное событіе въ жизни семинаріи. Въ этомъ человѣкѣ, вѣроятно, кроется что-нибудь особенное, новое, еще никогда не виданное, о чемъ пишутъ только въ книгахъ. У юноши возникаетъ мысль — какъ можно ближе познакомиться съ учителемъ, непосредственно приблизиться къ тому, предъ кѣмъ онъ сталъ благоговѣть съ перваго-же слова о немъ, услышаннаго въ случайной бесѣдѣ товарищей. Но онъ робокъ, застѣнчивъ и неловокъ. Онъ боится и подумать о томъ, какъ сдѣлать первый шагъ къ этому сближенію, волнующему его воображенію, онъ хочетъ непременно отличиться предъ новымъ учителемъ. Тщетно ищетъ онъ случая и возможности, тщетно придумываетъ разныя наивныя средства. Однажды они встрѣтились въ училищномъ коридорѣ. Учитель заговорилъ съ нимъ. Юноша въ волненіи снялъ фуражку и, остановившись въ почтительномъ отдаленіи, едва отвѣчалъ на вопросы. Учитель замѣтилъ ему, чтобы онъ надѣлъ фуражку, но юноша съ чувствомъ благоговѣнія въ душѣ продолжалъ стоять съ непокрытою головою, уже совершенно не отвѣчая на разспросы учителя. Впоследствии они сошлись близко, и память объ этомъ чудномъ знакомствѣ осталась въ молодомъ человѣкѣ на долгіе годы. Ученикъ семинаріи поклонялся уму и характеру учителя, учитель цѣнилъ въ ученикѣ его тонкую и иногда смѣлую разсудительность...

Семинарія окончена, и семнадцатилѣтній юноша уѣзжаетъ въ Петербургъ для поступленія въ духовную академію. Но влекомый съ дѣтства развивавшимися инстинктами и воспользовавшись первымъ подходящимъ обстоятельствомъ, онъ опредѣляется въ Педагогическій институтъ, нарушая волю отца, но въ душѣ справедливо расчитывая на быстрое и лег-

кое прошеніе. Здѣсь его способности получаютъ полное удовлетвореніе, и Петербургъ, который и раньше увлекалъ его мыслью о журналистахъ и журналистикѣ, наполняетъ его душу разнообразными интересами въ кругу его лучшихъ влеченій и симпатій. Образование идетъ быстрыми шагами въ изученіи исторіи, словесности и другихъ предметовъ. Умѣнье тонко схватывать мысль профессора и передавать ее на бумагѣ съ надлежащею полнотою и сжатостію, выдвигаетъ его среди другихъ воспитанниковъ заведенія... Вдругъ его постигаетъ несчастье. Умираетъ мать. Но юноша не теряетъ внутренняго самообладанія и, выдержавъ блестяще экзамень, ѣдетъ на вакаціи къ отцу своему, чтобы утѣшить его въ несчастіи. Дома его поражаетъ новое горе: смерть отъ холеры отца. Онъ возвращается въ Петербургъ какой-то сдвленный, угрюмый, сосредоточенный. Его встрѣчаетъ на пути товарищъ, которому онъ въ холодныхъ выраженіяхъ и съ язвительной улыбкой сообщаетъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Рассказывая о томъ, что онъ лишился теперь и отца, и матери, онъ прерываетъ отдѣльныя, короткія фразы свои тихо-дребезжащимъ смѣхомъ...

Въ Петербургѣ все идетъ своимъ порядкомъ: прежнія занятія въ институтѣ, къ которымъ прибавилось самостоятельное учительство ради необходимаго заработка, затѣмъ — шумныя впечатлѣнія отъ взбудораженныхъ крымскою войною общественныхъ стремленій, первые опыты на поприщѣ журналистики. окончаніе курса. Жизнь захватываетъ его съ различныхъ сторонъ, занимая его умъ постоянно нарастающими вопросами, спорами съ друзьями, знакомствомъ съ выдающимися литераторами. На горизонтѣ петербургской журналистики загоралась въ то время яркая звѣзда очень замѣчательнаго публицистическаго дѣятеля, и къ нему-то студентъ послѣдняго курса педагогическаго института направился съ первыми своими литературными опытами. Чуткій журналистъ, владѣвшій симпатіями молодого поколѣнія, сразу постигъ, что могло выйти изъ этого скромнаго на видъ, но смѣлаго по своему критическому отношенію къ авторитетамъ, начитаннаго и умнаго юноши. Они сблизились, просиживали напролетъ цѣлыя ночи, разбираясь въ судьбахъ русскаго прогресса. Они говорили о наукѣ и философіи, горячо толковали объ извѣстнѣйшихъ дѣятеляхъ въ области русской литературы. Такъ Станкевичъ и Герценъ учили Бѣлинскаго, Бѣлинскій Некрасова, Грановскій Забѣлина... Эти историческія сличенія и параллели возбуждаютъ въ молодомъ человѣкѣ тревожныя и вмѣстѣ радостныя мысли: онъ тоже можетъ воспринять отъ этого выдающагося дѣятеля одного изъ лучшихъ журналовъ его критическій методъ, его философскій взглядъ на вещи, его направленіе въ самыхъ главныхъ и единственно важныхъ вопросахъ — въ вопросахъ общественности. Еще нѣсколько мѣсяцевъ — и онъ вступаетъ окончательно въ кругъ профессиональныхъ бойцовъ за дѣло русскихъ либеральныхъ интересовъ на поприщѣ печатнаго слова. Литература, придвигающаяся извѣстность, то дружественный, то враждебный шепотъ столичной молвы о новомъ талант-

ливомъ молодомъ писателѣ, гряда спѣшныхъ журнальныхъ работъ, пещущающихся организмъ—все идетъ впередъ форсированнымъ шагомъ, удовлетворяя умъ, но не вытравляя пзъ сознанія мысли о томъ, что жизнь все-таки не полна, что чего-то не хватаетъ. Онъ чувствуетъ возможность и потребность влюбиться. Онъ ищетъ любви. Съ нѣкоторыхъ поръ соціальныя вопросы переплетаются у него съ мыслями о личномъ счастьи. Въ театрѣ онъ любитъ тонкими, прозрачными чертами лица актрисы, ея живыми, огненными глазами, ея роскошными волосами, ея граціей въ движеніяхъ, ея обаяніемъ въ малѣйшемъ измѣненіи фizioноміи. Во время одной поѣздки въ Старую Руссу онъ знакомится съ доброю, честною, простою дѣвушкой и отдается на короткое время приливу первой физической страсти. Но скоро онъ убѣждается, что она не можетъ наполнить его жизнь, ибо, по его мнѣнію, нельзя любить женщину, надъ которой сознаешь свое превосходство во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ мечтаетъ о женщинѣ, на которой могъ-бы жениться, о настоящей женской ласкѣ, но любовь постоянно уплываетъ отъ него, маня его своими чарами. Его сутуловатая, неуклюжая, семинарская фигура, нѣжная, но болѣзненная наружность, его аккуратно подстриженные волосы и жиденькія бакенбарды, его скромность и застѣнчивость, его близорукіе глаза, глядящіе съ безильной пытливостью сквозь очки, его неловкая манера подавать мягкую руку какъ-то вбокъ, оттопыривъ большой палецъ — ничто не привлекаетъ къ нему женщинъ. Съ нимъ дружились, но женское мнѣніе о немъ было таково, что сокрушало въ немъ всякую самоувѣренность. Даже въ маскарадахъ ни одна маска не пнтригуетъ его. Женщины не считаютъ его за мужчину и не стыдятся говорить ему многое такое, чего другимъ никогда не сказали-бы. Онъ настойчиво ухаживаетъ то за одной, то за другой, терпѣливо выдерживаетъ довольно долгое время явное дураченье со стороны дѣвушки, которая не соглашается принять его предложеніе. Любовь не приходитъ. Онъ въ истинномъ отчаяніи отъ судьбы, онъ готовъ броситься за каждой дѣвушкой, которая привлечетъ его своею наружностью, но обстоятельства точно издѣваются надъ нимъ. Какой-то ничтожный офицерикъ оттѣсняетъ его, послѣ его неудачъ съ другими женщинами, отъ дѣвушки, которая увлекла его своей красотой съ перваго раза... А чашотка развивается и смерть приходитъ, не давъ позвѣдать ему никакого жизненнаго счастья, и уноситъ его послѣ усиленнаго четырехлѣтняго труда въ любимой сферѣ публицистической литературы.

Такова была жизнь Добролюбова.

Въ этой неяркой жизни болѣе или менѣе рельефно выступаютъ три момента, рпсующихъ его натуру и темпераментъ: отношеніе къ смерти родителей, увлеченіе семинарскимъ учителемъ изъ Петербурга (по фамиліи Сладковцевымъ), исканіе любви со всеми его неудачами. На этихъ фактахъ Чернышевскій основываетъ свои доказательства, что Добролюбовъ—натура, полная жизни, фанатической страсти, громадной волн, натура, закаленная въ отношеніяхъ съ людьми, въ борьбѣ съ обстоятель-

ствами. Чернышевскій до такой степени убѣжденъ въ вѣрности своего пониманія Добролюбова, что въ пылу полемическаго гнѣва и раздраженія обзываетъ «тупоумными глупцами» и «дрянными пошляками» тѣхъ, кто не раздѣляетъ его мнѣнія о характерѣ этого симпатичнаго человѣка. Но факты остаются фактами и мы, не боясь принять на свою голову этихъ нетерпимыхъ, застрачивающихъ приговоромъ, разойдемся въ характеристикѣ Добролюбова съ мнѣніемъ его пристрастнаго біографа и пылкаго друга.

III.

Добролюбовъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ выработывалъ въ себѣ черты извѣстнаго реалистическаго закала. Въ первыхъ его отношеніяхъ къ окружающей обстановкѣ, въ сужденіяхъ его о людяхъ и дѣлахъ во время прохожденія петербургскаго Педагогическаго института — во всемъ и повсюду рельефно выступаетъ цѣльная и въ двадцать лѣтъ совершенно законченная натура. Разсудокъ у него господствуетъ надо всеѣмъ, юморъ даетъ ему возможность справляться съ матеріалами жизни, которые не родственны его душѣ, а приливы сентиментально мечтательнаго чувства, по каждому болѣе или менѣе выдающемуся случаю въ его личной жизни, создаютъ ему какія-то странныя, летучія удовлетворенія и огорченія въ области его сердца. И эти три свойства его характера — разсудочность, юморъ и чувствительность — не вступая въ борьбу между собой, держатъ его душу въ постоянномъ равновѣсіи, заграждая доступъ всякому отчаянію, не давая развиться въ ней никакому пылкому порыву, никакой истощающей страсти. Насмѣшка пренебрежительно откидываетъ все, что требуетъ напряженія внутреннихъ силъ, мечтательный романтизмъ даже въ высшихъ его настроеніяхъ не задерживаетъ общаго хода душевной жизни. Опасна только страсть, которая налетаетъ, какъ ураганъ, разрушаетъ привычныя устои жизни, сталкивая между собою различные и притомъ совершенно непримиримые интересы и влеченія. То, что не приводитъ въ движеніе всеѣхъ силъ и стремленій человѣка, не имѣетъ серьезнаго значенія для цѣлаго строя нашего духовнаго и умственнаго существованія. Страсть, какъ слѣпая стихія, опустошаетъ источники жизни, но, опустошая, даетъ забвеніе въ высшихъ радостяхъ поэтическаго и нравственнаго экстаза. Безмятежно сентиментальное чувство только играетъ въ душѣ человѣка, невинно переливается между его привычными и устоявшимися понятіями, ничего не измѣняя по существу, ни на что не накладывая рѣзкой и яркой печати.

Разсудокъ, юморъ, мечтательная чувствительность — вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась вся жизнь Добролюбова. Объ этомъ свидѣлствуютъ все записки, письма и дневники, которые съ такою любовью собраны и снабжены пояснительными примѣчаніями Чернышевскимъ. Одинъ изъ первыхъ учителей Добролюбова, мужъ сестры его, Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, сообщаетъ намъ, что въ ранніе годы жизни До-

Добролюбовъ былъ самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. До отъѣзда въ Педагогическій институтъ онъ считалъ за грѣхъ напиться чаю въ праздничный день до обѣдни, выпить стаканъ воды послѣ исповѣди до причастія. Въ дневникѣ, относящемся къ этому періоду времени, онъ заноситъ мельчайшіе грѣхи противъ того, что считаетъ своею религиозною обязанностью. Однажды онъ во время исповѣди осудилъ духовника своего и не покаялся въ этомъ. Только что выйдя изъ алтаря, онъ сдѣлался виновенъ «въ страхѣ человѣческомъ», въ суетныхъ помышленіяхъ славолюбія и гордости. Лѣность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, неприязнь къ ближнему, «преданіе чувственности, чревоугодіе и лакомство» — все терзаетъ его совѣсть, воспитанную въ благочестіи, и заставляетъ его искать успокоенія въ краснорѣчивыхъ укоризнахъ самому себѣ, въ воззваніяхъ къ Богу о помилованіи и спасеніи. Но по сообщенію Кострова, которое поддерживается и Чернышевскимъ, это религиозное чувство жило въ Добролюбовѣ до перваго крупнаго несчастія, которое постигло его въ 1854 году. Когда къ нему пришло извѣстіе о смерти его матери, въ его взглядахъ на міръ, «на законы вселенной», какъ выражается Чернышевскій, произошелъ переломъ: религиозность пропала, замѣнившись трезвымъ отношеніемъ къ жизни, къ людямъ, къ своей собственной задачѣ. При первомъ слухѣ о болѣзни матери, Добролюбовъ посылаетъ отцу своему длинное письмо, переполненное выраженіями искреннѣйшаго горя, дышащее неподдѣльною любовью сына къ родителямъ. «Боже мой, восклицаетъ онъ, въ прахъ и смиреніи повергаюсь предъ Твоею святою волею! Едва дерзкія мысли посѣтили мою голову, какъ страшная кара грозитъ уже мнѣ, видимымъ образомъ наказывая самонадѣянность надменнаго ума. Но я смиряюсь, я надѣюсь, я вѣрую, Господи! Помози моему невѣрію, подкрѣпи меня»... Онъ обращается къ отцу, къ сестрамъ и братьямъ, умоляя ихъ употребить всѣ средства для спасенія драгоценной жизни. Пусть докторъ выкажетъ всѣ старанія, все свое искусство. «Слышите ли еще вы, взываетъ онъ къ матери. Благословите меня, успокойте меня, утвердите во мнѣ вѣру въ провидѣніе, спасите меня на этомъ пути!» Но когда затѣмъ пришло письмо отца съ извѣстіемъ о несчастии, постигшемъ семью его, Добролюбовъ успѣшилъ отвѣтить словами утѣшенія. Онъ проситъ отца надѣяться на то, что счастье снова посѣтитъ когда-нибудь его смиренную долю, въ кругу дѣтей, которыя никогда не перестанутъ его любить. Надо покориться святой волѣ. Надо обнаружить силу и твердость въ перенесеніи тяжелаго бѣдствія. Сѣтованія не помогутъ, а сила духа, обнаруженная въ горѣ, «благоразуміе и распорядительность», проявленныя въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, показываютъ въ человѣкѣ истинныя достоинства. Онъ не сомнѣвается, что *ей* тамъ лучше, свободнѣе, веселѣе. Въ «ангельскихъ селеніяхъ» она нашла осуществленіе того, о чемъ тосковала ея душа при жизни. О ней нечего жалѣть. Онъ жалѣетъ о себѣ, о своемъ бѣдномъ сердцѣ, на которое всегда такъ сладостно отзывалось сердце матери. Онъ

томится безпокойствомъ о братьяхъ и сестрахъ... И въ рядѣ писемъ къ отцу и друзьямъ Добролюбовъ то въ пылкихъ выраженіяхъ изливаетъ свою скорбь, перемѣшанную съ наивными грезами о «невещественномъ блескѣ» и «неземной красотѣ», изливаетъ свою тоску о потерѣ, которая принимаетъ въ глазахъ его «все болѣе и болѣе гигантскіе размѣры», то спокойно рассказываетъ о ходѣ своихъ экзаменовъ въ институтѣ, откровенно сознаваясь при этомъ, что горе не повредило ему въ его дѣлахъ, что грусть не оторвала его отъ текущихъ обязанностей. Напротивъ того: несчастіе пробудило въ немъ энергію, подняло его изъ той постоянной, «холодной апатіи», къ которой онъ такъ расположенъ по природѣ. «Я холоденъ ко всему, пишетъ Добролюбовъ Благообразову, и потому отъ меня нельзя требовать большой чувствительности и пылкости». Есть люди, которые горятъ любовью къ цѣлому человѣчеству: это чувствительные характеры, для которыхъ почти незамѣтна потеря одного любимаго предмета. Но есть еще другіе люди. Они холодны по природѣ, они ни къ чему не привязаны въ мірѣ. Тотъ запасъ любви, который они носятъ въ своемъ сердцѣ, они не расточаютъ зря, всякому встрѣчному человѣку. Сдержанные въ своихъ порывахъ, сосредоточенные въ самихъ себѣ, они обращаютъ свои чувства только на такое существо, которое имѣетъ на нихъ какія-нибудь особенныя, исключительныя права. Добролюбовъ причисляетъ себя къ людямъ этой послѣдней категоріи. Былъ одинъ человекъ, котораго онъ любилъ съ нѣжностью молодого сердца, на которомъ сосредоточилъ всѣ свои чувства, и этотъ человекъ умеръ. Теперь онъ остался одинъ. Никто не взглянетъ на него съ тѣмъ выраженіемъ безпредѣльнаго счастья, которое онъ читалъ въ глазахъ матери. Никто не обойметъ его съ простодушной лаской. Никто не пойметъ его внутреннихъ, мелкихъ волненій, печалей и радостей. Душа его закрылась для всѣхъ, и онъ не можетъ уже съ сердечнымъ участіемъ выпить рассказамъ другихъ объ ихъ внутренней жизни. Отчій домъ не манитъ его больше къ себѣ, семья перестала его интересовать, будущность представляется ему въ какомъ-то жалкомъ, безотрадномъ свѣтѣ. «Ты скажешь опять, говоритъ Добролюбовъ въ концѣ письма, что я разсуждаю, а не чувствую. Но въ томъ-то и бѣда моя, что я разсуждаю. Если бы я могъ, какъ другіе, разразиться слезами и рыданіями, воплями и жалобами, то, разумѣется, тоска моя облегчилась бы и скоро прошла. Но я не знаю этихъ порывовъ сильныхъ чувствованій, я всегда разсуждаю, всегда владѣю собою и потому-то мое положеніе такъ безотратно, такъ горько. Разсудокъ не позволяетъ мнѣ забыть ни на минуту. Слезы душатъ меня, но не льются изъ глазъ». Онъ не знаетъ никакихъ сильныхъ порывовъ, онъ всегда разсуждаетъ, всегда владѣетъ собою. Онъ не можетъ забыть ни на минуту. «Съ своей холодностью надменной, одинъ, одинъ во всей вселенной, безъ упованія и любви», съ мечтательной чувствительностью вмѣсто горячей любви къ людямъ, съ сатирической усмѣшкой, вмѣсто живого увлеченія, которое порождается идеальнымъ взглядомъ на себя

и на людей — вотъ съ какими душевными ресурсами выступалъ Добролюбовъ на арену жизни. Онъ именно таковъ, какимъ онъ самъ себя рисуетъ въ своемъ письмѣ къ Благообразову. Въ его отношеніяхъ къ матери всѣ типическіе оттѣнки его темперамента. Въ его отчаяніи по поводу ея смерти слышится нота сердечной слабости. Эти постоянныя восклицанія въ отрывистыхъ фразахъ, разъединенныхъ неизбѣжными многоточіями, эти нескончаемыя призыванія Божьяго имени съ моленіями не дать поколебаться вѣрѣ, вразумить и научить безпомощнаго ради этой чистой и безгрѣшной праведницы, которая витаетъ теперь въ сіяніи «невещественной красоты», эти растерянные обращенія къ близкимъ людямъ съ многократнымъ употребленіемъ, на разстояніи двухъ-трехъ фразъ, ихъ уменьшительно-ласкательныхъ именъ — все это не говоритъ о всепльномъ душевномъ потрясеніи, о страданіи, охватившемъ всего человѣка, поколебавшемъ даже его религіозное убѣжденіе. Могучее настроеніе выражается иначе. Настояція движенія религіознаго чувства воплощаются въ словахъ, волнующихъ душу, вызывающихъ отвѣтное сочувствіе или несочувствіе, но никогда не утомляющихъ однообразіемъ безсодержательныхъ и безпомощныхъ причитаній, изливающихся на бумагѣ. Горе, потрясающее все существо, внезапно раскрываетъ предъ человѣкомъ такія стороны жизни, которыя раньше терялись въ туманѣ. Тутъ совершается психологическій переворотъ, углубляющій творческія силы въ тончайшей сферѣ нравственныхъ и философскихъ понятій. Въ пароксизмѣ отчаянія, когда дрожатъ всѣ нервы, когда взволнованы всѣ чувства, мысли — одна ослѣпительнѣе другой — вспыхиваютъ и проносятся въ сознаніи съ необычайною быстротою. Какою-то волшебною силою вдругъ, на одно мгновеніе, распаивается завѣса, скрывающая причину нашихъ страданій, и лицомъ къ лицу съ зловѣщимъ горемъ, человѣкъ, почему-либо прорвавшійся въ изліяніи, пріобрѣтаетъ краснорѣчіе, потрясающее правдой и вдохновеніемъ. У Добролюбова страданіе по случаю смерти матери выражается безсвязными и монотонными фразами. Во всѣхъ, дошедшихъ къ намъ, отрывкахъ изъ его дневника, въ письмахъ къ отцу и близкимъ людямъ, въ сохранившихся воспоминаніяхъ о немъ друзей и знакомыхъ мы не нашли ни единого сильнаго, поражающаго глубиною слова. Мы не говоримъ, что смерть матери не причинила Добролюбову глубокаго страданія. Мы утверждаемъ только, что страданіе этого человѣка, жившаго съ малыхъ лѣтъ настроеніями разсудка, никогда, даже воображеніемъ не витавшаго ни надъ какими глубокими пропастями, не выросло въ душѣ его до степени всепоглащающаго страданья. Страсть во всѣхъ ея видахъ была чужда его душѣ. Могучія, пожирающія волненія ума или сердца были не въ его характерѣ. Памяти матери онъ отдалъ то, чѣмъ располагалъ его духъ, и со всѣмъ присущимъ ему благородствомъ неизмѣнной прямоты и полнѣйшей искренности онъ пріянялъ упрекъ Благообразова «въ холодности и романичности». Онъ былъ-бы счастливъ, еслибъ могъ разразиться слезами и рыданіями, еслибъ сумѣлъ

облегчить свою тоску настоящими воплями и жалобами, но природа отказала ему въ порывахъ пылкаго чувства и, давъ способность твердо двигаться по одному пути, крѣпкую волю, холодное и ясное разумѣніе жизни и людей, отказала ему въ наслажденіяхъ восторга и экстаза...

Не смотря на все это, Чернышевскій убѣжденъ, что смерть матерн произвела цѣлый переворотъ въ жизни Добролюбова. Добролюбовъ, съ его всегда реальными намѣреніями и убѣжденіями, съ его желаніями, опредѣленными до конкретности, «при всей безпредѣльности его теоретической программы», тянулся постоянно къ тому, что рисовалось его воображенію въ простыхъ и ясныхъ очертаніяхъ. Когда онъ писалъ, предъ его мыслью неотступно стояли конкретные факты дѣйствительной жизни. Когда онъ переживалъ огорченіе, передъ нимъ носились всегда фигуры людей, съ которыми сроднилось его чувство. *Фактъ* стоитъ всегда передъ его сознаніемъ во всей полнотѣ своихъ частныхъ, конкретныхъ признаковъ. «За что такъ строга судьба, восклицаетъ Добролюбовъ. Матушка моя была такъ религіозна, такъ набожна, такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей. Зачѣмъ было отнимать ее у насъ? Поневоля задумаешься.» Объятый сомнѣніями, онъ чувствуетъ приступъ холоднаго, сдавленнаго отчаяніемъ смѣха. Проклятье судьбѣ, не вылившись въ страстныхъ выраженіяхъ, замираетъ на устахъ его, искривленныхъ язвительной улыбкой. Мірѣ, въ которомъ горѣла и ярко свѣтилась только одна точка, вдругъ тускнѣетъ и холодѣетъ на вѣки... Вотъ какъ совершается перерожденіе души, живущей конкретными фактами: лучшія убѣжденія улечиваются при первомъ роковомъ ударѣ судьбы, опора жизни, ея руководящій принципъ, то, что должно дать крѣпость въ борьбѣ съ обстоятельствами, разносится по вѣтру.

Но настоящаго религіознаго чувства въ Добролюбовѣ и не было. Весь складъ его натуры, его темпераментъ, его природенный юморъ, сверкавшій въ ученическихъ тетрадахъ, игравшій въ забавныхъ пародіяхъ на профессорскія лекціи въ стѣнахъ Педагогическаго института, все, что жило въ Добролюбовѣ самостоятельнаго и оригинальнаго, выдѣлявшаго его изъ толпы—все это не было окрашено яркимъ и жгучимъ цвѣтомъ глубокой страсти, направленной въ какую-бы то ни было сторону. Путь, проходимый Добролюбовымъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ теоретическихъ вопросовъ, мотивы, вліявшіе на его умственные настроенія, весь методъ его жизни и дѣйствій, никогда не обнаруживали въ немъ челоѣка живого религіознаго настроенія. Онъ не руководствуется внутреннимъ ощущеніемъ, влеченіемъ глухова или ясно-сознаннаго нравственнаго чувства, и вступая въ борьбу съ обстоятельствами, отдаваясь встречнымъ впечатлѣніямъ, онъ подчиняется при этомъ ихъ внѣшнему воздѣйствію на его чувствительную душу. Это тотъ психическій типъ, который, при извѣстныхъ условіяхъ, даетъ отважныхъ гражданскихъ борцовъ съ яснымъ и твердымъ убѣжденіемъ въ практическихъ вопросахъ. Но это не тотъ типъ, который обладаетъ внутренними силами, способнымъ выдержать мощныя теченія міроваго духа, проникающаго въ нѣдра челоѣческаго существа и плзи-

вающагося черезъ него въ жизнь дѣятельнымъ, возрождающимъ откровениемъ, не тотъ типъ, который даетъ фанатическихъ проповѣдниковъ вѣчныхъ идей, пророковъ, волнующихъ всѣ человѣческія сердца безъ различія жизненныхъ убѣжденій и партійныхъ взглядовъ. Элементовъ религіознаго экстаза въ Добролюбовѣ не было, и впечатлѣніе отъ смерти матери не было тѣмъ фактомъ, который совершилъ переворотъ въ его міровоззрѣніи. Въ его душѣ не было того, что могло бы при данныхъ обстоятельствахъ переломиться. Не надѣленный религіознымъ чувствомъ отъ природы, онъ не пережилъ никакого религіознаго кризиса. Смерть, открывающая передъ человѣкомъ бездну человѣческаго ничтожества, хотя-бы на одно мгновеніе возбуждающая мысль о призрачности человѣческихъ дѣлъ и стремленій въ области мелкихъ и временныхъ личныхъ интересовъ, никогда ни въ комъ не заглушала чувства Божества, никогда не дѣлала людей съ глубокими душевными потребностями равнодушными къ вопросамъ религіи. Религіозное убѣжденіе, питаемое религіознымъ чувствомъ, даетъ фанатическую силу въ борьбѣ съ препятствіями жизни. Никакое горе не сокрушить его, ничто не можетъ поспорить съ нимъ по интенсивности и глубинѣ страсти. Основанное на ощущеніи безконечнаго, на сознаніи превосходства духовнаго начала надъ всѣмъ временнымъ, конечнымъ, случайнымъ, оно при всѣхъ несчастіяхъ, обрушивающихся на человѣка, показываетъ ему утѣшительный свѣтъ, мерцающій въ отдаленіи. Только убѣжденіе, идущее отъ вѣдшихъ впечатлѣній, боится смерти. Только тѣ чувства, которыя могутъ обостряться и ослабляться обстоятельствами, разрушаются подъ дѣйствіемъ силъ, заключенныхъ въ условіяхъ извѣстнаго историческаго момента. Исходящее изъ вѣчнаго начала и глядящее въ вѣчность, религіозное убѣжденіе встрѣчаетъ смерть съ несокрушимой нравственною твердостью, какъ предчувствіе освобожденія отъ земнаго праха, какъ переходъ къ новымъ формамъ духовнаго существованія. Два міра, создаваемые творческимъ воображеніемъ—міръ природы, соціальной среды, въ которомъ проходитъ земная жизнь человѣка, и міръ вѣчныхъ идеаловъ, въ которомъ носится постоянно его свѣтлое убѣжденіе, къ которому стремятся его лучшія симпатіи, его тайныя, возвышающія духъ, надежды,—спорятъ между собою отъ вѣка, и исходъ этого спора, не представляющій сомнѣнія для философіи, въ различные моменты историческаго развитія, склоняется то въ одну сторону, то въ другую сторону. Когда впереди жизни выступаютъ люди, руководимые высшими отвлеченными понятіями и идеями, волнуемые жаждой безусловной истины, пригодной для всѣхъ временъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, міръ идеальныхъ принциповъ получаетъ господство, какъ вѣяніе эпохи, и увлекаетъ къ высшимъ задачамъ лучшія силы общества. Жизнь съ ея эмпирическими заботами и нуждами не прекращается, но, направленная къ свѣту вѣчныхъ идеаловъ, приобретаетъ характеръ живого броженія и самоотверженной борьбы за высшія права духовной человѣческой природы. Но когда во главѣ общества становятся люди безъ религіознаго убѣжденія, съ

одними только гражданственными стремлениями, не основанными на болѣе общихъ внутреннихъ влеченіяхъ души, когда развитіе общества принимаетъ узко-утилитарное направление, въ его сознаніи совершается поворотъ въ сторону чисто внѣшнихъ интересовъ и успѣховъ, поворотъ, гибельный для всей духовной культуры, иссушающій источники творческой дѣятельности въ высшихъ сферахъ человѣческаго мышленія..

Добролюбовъ не былъ человѣкомъ высшихъ отвлеченныхъ понятій и идей. «Сердце мое черство и холодно къ религіи», говорилъ онъ, и вотъ почему нельзя согласиться съ Чернышевскимъ, что горе произвело переворотъ во всемъ его религіозномъ міровоззрѣніи. Эта саркастическая улыбка, съ которою онъ говоритъ своему товарищу о постигшемъ его несчастіи, этотъ сдавленный смѣхъ, который неожиданно прорывается въ его холодномъ разговорѣ на тему его личныхъ несчастій, свидѣлствуютъ объ отсутствіи надлежащихъ въ этомъ случаѣ психологическихъ настроеній, о разладѣ между сознаніемъ громадности несчастія и недостаткомъ непосредственныхъ ощущеній, въ которыхъ это несчастье должно было-бы выразиться. Въ этомъ смѣхѣ звучитъ проклятіе самому себѣ, скудости своихъ собственныхъ страданій и порывовъ. Въ этой трагической улыбкѣ отражается мучительное чувство внутренней несостоятельности передъ лицомъ смерти, съ ея слѣпою безпощадностью сѣкиры, истребляющей жизнь по велѣніямъ невѣдомыхъ законовъ. Смерть матеря была для него только тѣмъ событіемъ, которое, дохнувъ холодомъ на его внутренній міръ, дало кристаллизироваться преобладающимъ элементамъ его разсудочной натуры.

Таковъ этотъ первый фактъ, которому Чернышевскій придалъ тенденціозное, невѣрное освѣщеніе. О переломѣ въ *убѣжденіяхъ* Добролюбова не можетъ быть и рѣчи, о жгучемъ чувствѣ всепоглощающей скорби можно распространяться только по недоразумѣнію. Добролюбовъ самъ понималъ себя гораздо вѣрнѣе, чѣмъ понимали его ближайшіе друзья и сотоварищи по журналу. Онъ зналъ истинную цѣну своему характеру. Онъ не рисовался качествами, которыя были чужды его темпераменту.

Другой фактъ, невѣрно истолкованный Чернышевскимъ для подтвержденія страстности Добролюбова, это — увлеченіе Добролюбова преподавателемъ Сладкопѣвцевымъ. Мы видѣли это трогательное благоговѣніе воспитанника семинаріи передъ учителемъ, принесшимъ съ собою въ провинціальныи городъ духъ столичнаго броженія, печать какой-то тревоги и оживленія на поэтически-красивомъ лицѣ. Всѣ оттѣнки чувства молодого Добролюбова рисуютъ намъ его кроткое, боязливое сердце, воображеніе, приподнятое книжными словами и пробуждающимися вокругъ общественными инстинктами, характеръ, склонный къ мечтательности, съ отчетливой чертою разсудочной пытливости, натуру, чуткую ко всякимъ внѣшнимъ событіямъ, не созданную для того, чтобы творить новыя явленія жизни, но легко идущую вслѣдъ за всѣмъ благороднымъ, сильнымъ и смѣлымъ. Въ этихъ отношеніяхъ Добролюбова къ Сладкопѣвцеву нѣтъ

ничего активнаго, страстнаго, ничего, что обнаруживаетъ особенную психическую глубину и оригинальность. Юноша долго колеблется, смущается, не дѣлаетъ съ своей стороны ни одного рѣшительнаго шага, ждетъ случая приблизиться къ «кумиру своей души», и когда Сладкопѣвцевъ уѣзжаетъ изъ Нижняго-Новгорода, онъ пишетъ ему длиннѣйшія письма—и не рѣшается отправлять ихъ по адресу. Гдѣ же тутъ страсть и пылкость характера? Это обычный эпизодъ въ жизни почти каждаго юноши, и только фанатическій восторгъ Чернышевскаго могъ придать ему такое превратное, исключительное истолкованіе. Въ этомъ эпизодѣ натура Добролюбова, какою она была въ эти ранніе годы его жизни, выступаетъ въ такомъ ясномъ и простомъ освѣщеніи. Симпатичный, благородный и чувствительный, Добролюбовъ постоянно искалъ людей и фактовъ, которые могли бы захватить и привязать его чувства, наполнить его душевную жизнь, но, не надѣленный отъ природы страстями, могучими силами, побѣждающими все, что встрѣтится по пути, онъ не находилъ никогда, до послѣдней минуты жизни, никакого настоящаго утѣшенія, никакой отрады взаимности. Любовь не давалась ему. Женщины предлагали ему только свою дружбу. Товарищи по семинаріи и Педагогическому институту уважали его за умъ и талантъ, но никогда не отдавали ему всѣхъ своихъ привязанностей, не шли за нимъ, какъ за руководителемъ. Никогда при жизни онъ не главенствовалъ надъ окружающими: тихій, скромный, начитанный и серьезный, онъ проливалъ ясный, разсудочный свѣтъ на всѣ предметы, на всѣ событія общественной жизни, но никогда самъ не забывался въ порывѣ сильнаго увлеченія и не увлекалъ до самозабвенія другихъ, никого не электризовалъ, ни въ комъ не будилъ восторженнаго стремленія къ практическому подвигу. Мы не находимъ никакого паэоса ни въ жизни, ни въ произведеніяхъ Добролюбова. Если онъ «не связалъ судьбы своей ни единымъ пристрастіемъ», то не потому, какъ это думаетъ Некрасовъ, что онъ умѣлъ устоять передъ соблазнами жизни, что онъ «сознательно берегъ себя для дѣла», что онъ желалъ принести себя всецѣло въ жертву долгу, а потому, что страсти не овладѣвали его душой. Онъ жаждалъ пристрастій жизни, но эти пристрастія убѣгали отъ него. Онъ искалъ красоты, но красота, которая вѣнчаетъ только силу, только красоту, физическую или духовную, не отдавалась ему. Такъ затеривается въ жизни благородство, если оно не проникнуто паэосомъ, безумно-смѣлыми порывами, если въ немъ нѣтъ творящаго вдохновенія, могучихъ движеній къ свѣту. Такъ проходитъ жизнь человѣкъ съ талантомъ, съ лучшими нравственными и умственными стремленіями, не оставляя за собою глубокой борозды въ духовномъ развитіи общества, если въ душѣ его не оказалось пламенной энергіи. Добролюбовъ не герой, какъ Бѣлинскій, хотя литературный талантъ его, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ, отличался выдающимися качествами. Онъ не былъ и тѣмъ реальнымъ человѣкомъ, «съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ», о которомъ онъ говорилъ, какъ объ идеалѣ выступающаго на историческую

сцену молодого поколѣнія. Находясь какъ бы на рубежѣ двухъ, смѣняющихъ другъ друга, эпохъ, онъ по временамъ теряетъ почву подъ ногами и ничему не отдается всѣми силами своего существа. Часть новаго времени еще не пробилъ. Поколѣніе новыхъ людей еще только подростаетъ. Скоро оно подрастетъ и станетъ на мѣсто людей «съ высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями», съ приверженностью къ безусловнымъ принципамъ, къ философскимъ идеямъ, витающимъ надъ конкретною дѣйствительностью. Подростающее поколѣніе поставитъ себѣ настоящую разумную задачу. Оно сдѣлаетъ своей цѣлью не вѣрность отвлеченнымъ, высшимъ идеямъ, а «принесеніе возможно большей пользы человѣчеству», служеніе не «грандіознымъ или патетическимъ событіямъ», а тѣмъ фактамъ жизни, которые двигаютъ благосостояніе человѣчества. Люди прежнихъ поколѣній «скакали во всю конскую прыть по чистому полю»,—реалистическіе борцы за общественные интересы пойдутъ осторожнымъ, но вѣрнымъ шагомъ по пути, усыпанному жертвами исторіи и социальныхъ обстоятельствъ... Къ этому послѣднему типу стремились всѣ симпатіи Добролюбова, но самъ онъ принадлежалъ къ людямъ промежуточнаго времени и переходныхъ настроеній. Типъ чистаго идеалиста, какимъ былъ Станкевичъ, какимъ былъ по натурѣ Вѣлинскій и какимъ не былъ ни одинъ изъ дѣятелей «Современника», вымиралъ окончательно. Новый типъ послѣдовательнаго реалиста, съ его трезвыми, здравыми, прозаическими сужденіями о литературѣ и жизни, только начиналъ слататься среди неустоявшихся условій жизни и умственныхъ теченій, не получившихъ вполнѣ опредѣленнаго направленія.

Спокойная, уравновѣшенная натура «съ симпатическимъ сердцемъ,» склоннымъ къ сострадательности, Добролюбовъ былъ чуждъ всему поэтическому, красивому, изящному. Онъ не пристращался къ красотамъ природы, не любилъ картинъ, не наслаждался произведеніями скульптуры, и вездѣ и всегда искалъ человѣка, какъ бы вынутаго изъ поэтической обстановки, взятаго внѣ того пейзажа, который окружаетъ и извѣстнымъ образомъ отбѣняетъ его жизнь. Съ годами онъ дѣлается все серьезнѣе, основательнѣе и медленнѣе. Онъ не добивается ничего невозможнаго, въ немъ постоянно работаетъ мысль о гражданскомъ благѣ общества. Какимъ бы трудомъ онъ ни занимался, онъ всегда съ удовольствіемъ оставлялъ занятія для живого разговора, который, при его участіи, начинаясь литературою или профессорскими лекціями, сводился въ концѣ концовъ на вопросы чисто житейскіе. То направленіе, которое принялъ талантъ его на страницахъ прогрессивнаго русскаго журнала, обнаружилось въ немъ, когда ему было всего семнадцать лѣтъ, проявилось въ его первыхъ литературныхъ попыткахъ, имѣвшихъ романическій характеръ. Рѣзкій въ приговорахъ и сужденіяхъ на общественныя темы, онъ оскорблялся всѣмъ, что, по его убѣжденію, противорѣчило добру и правдѣ, и, впадая часто въ злую откровенность, смѣялся въ лицо глупцу, раздраженно отворачивался отъ негодяя. Однажды вечеромъ, во время его пребыванія въ

Педагогическомъ институтѣ, нѣсколько товарищей спѣли вмѣстѣ въ камерѣ за столомъ. Добролюбовъ, сдвинувши на лобъ очки, читалъ какую то книгу. Вдругъ приходитъ студентъ и начинаетъ рассказывать своему товарищу городскую новость: носятся слухи объ освобожденіи крестьянъ. Считая себя аристократомъ между плебеями, рассказчикъ, передавая сенсационное извѣстіе, выражаетъ отгѣнокъ неудовольствія. Добролюбовъ продолжаетъ угрюмо читать. Переходя отъ одного соображенія къ другому, студентъ начинаетъ, наконецъ, развивать мысль, что реформа не своевременна для Россіи, что помѣщичьи интересы пострадаютъ, что страна въ общемъ ничего не выиграетъ. Добролюбовъ блѣднѣетъ, вскакиваетъ съ мѣста и, потерявъ самообладаніе, которое почти никогда не оставляло его, кричитъ неистовымъ голосомъ: «Господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ!..» Въ дѣлахъ общественныхъ, которыя онъ считалъ единственно важными, онъ, по собственному признанію, не зналъ середины¹⁾. Все, что не имѣло прямого отношенія къ гражданственности, онъ считалъ пустяками. Искусство не волновало его. Къ вдохновенію онъ относился скептически. Литературу онъ считалъ подспорьемъ жизни и прямо говорилъ, что предпочелъ бы ей живое общественное дѣло²⁾. Поэзію онъ цѣнилъ только такую, которая призываетъ къ практическому дѣлу. Когда въ «Современникѣ» появился «Пахарь» Григоровича, Добролюбовъ съ жаромъ доказывалъ всю несостоятельность этой повѣсти, съ особеннымъ напоромъ указывая на «идеализацію», съ которой авторъ описалъ смерть крестьянина. Однажды, въ минуту пѣвучаго настроенія, другъ Добролюбова, Радонежскій, залѣлъ какой-то романсъ.

— Радонежскій! — воскликнулъ Добролюбовъ, не любившій пѣнія, — перестанешь-ли ты сердечные романсы распѣвать? Ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чего-нибудь получше?

Добролюбовъ подсунулъ ему стихи Некрасова.

— Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты: пой жизнь, плачь, свистн...

Эти мелкія подробности, собранныя вмѣстѣ, возстановляютъ предъ нами истинный образъ Добролюбова: образъ человѣка, который всю жизнь стремился къ опредѣленной пѣли, но въ которомъ не было глубокой и увлекательной страсти. Не надо впадать ни въ какія преувеличенія при оцѣнкѣ этой симпатичной, но не сложной натуры: онъ умеръ не отъ «гражданской скорби», какъ это утверждается въ некрологѣ «Современника». Болѣзненный, даже золотушный отъ природы, онъ быстро истощился въ спѣшныхъ трудахъ на поприщѣ литературы, среди сѣрой, безрадостной личной жизни, и сошелъ въ могилу почти юношей, не довершивъ своего дѣла, не дойдя до послѣднихъ заключеній въ своихъ

¹⁾ «Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», т. I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва 1890., стр. 521, письмо къ И. И. Бордогову.

²⁾ См. статью Аверкіева, «Русскій Инвалидъ» 1861, № 267: «Русскій публицистъ, памяти Н. А. Добролюбова», и статью Н. Островской въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», № 296, 1893: «Мои воспоминанія о Н. А. Добролюбовѣ».

умственныхъ занятіяхъ. Друзья нашли нужнымъ, не разбираясь въ *психологическія* матеріалахъ его недолгой жизни, придать его личности фантастическое освѣщеніе, надѣливъ его тѣми привлекательными качествами, въ которыхъ отказала ей природа, — и казалось, онъ самъ предчувствовалъ эту насмѣшку судьбы надъ ее безотрадной, прозаической участію, когда писалъ одно изъ своихъ предсмертныхъ стихотвореній, не имѣющее поэтическихъ достоинствъ, но проникнутое сердечной грустью и болѣзненнымъ юморомъ по отношенію къ себѣ и къ близкимъ друзьямъ и товарищамъ:

Пуškai умру, печали мало,
 Одно страшитъ мой умъ больной,—
 Чтобы и смерть не разыграла
 Обидной шутки надо мной!
 Боясь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
 Не пролилось горячихъ слезъ,
 Чтобъ кто-нибудь, въ усердѣ глумомъ,
 На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.
 Чтобъ безкорыстною толпою
 За нимъ не шли мои друзья,
 Чтобъ подъ могильною землею
 Не сталъ любви предметомъ я.
 Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
 И такъ напрасно я живой,
 Не улыбнулось мнѣ отрадно
 Подъ гробовой моей доской!

IV.

Критическая литература о Добролюбовѣ не очень велика, и мы считаемъ необходимымъ обозрѣть главнѣйшее, сказанное въ ней объ этомъ талантливомъ писателѣ, чтобы выяснитъ при этомъ, какъ русское общество, въ лицѣ его лучшихъ представителей, поняло и оцѣнило его литературную дѣятельность, какія идеи оно отмѣтило своимъ сочувствіемъ въ его произведеніяхъ. Это покажетъ намъ ту высоту, на которой оно находилось и находится до сихъ поръ: сужденія о критикѣ или публицистѣ обнаруживаютъ всегда тѣ запросы, которые существуютъ въ обществѣ, степень его культурности, его духовнаго развитія. Совершенно ясно, что оцѣнивать Добролюбова, какъ критика, нужно было прежде всего съ чисто критической точки зрѣнія. Необходимо было опредѣлить, на сколько его дѣятельность отвѣчала той задачѣ, которую должна ставить себѣ всякая литературная критика вообще. Сдѣлалъ-ли Добролюбовъ шагъ впередъ въ дѣлѣ критическаго пониманія литературныхъ явленій по сравненію съ Вѣльскимъ или, продолжая только одну, послѣднюю тенденцію въ дѣятельности своего предшественника, вывелъ русскую критику на опасный, скользкій путь случайныхъ и временныхъ сужденій, увлекшись своими выдающимися публицистическими способностями... Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дѣятельность Добролюбова совпала съ однимъ изъ

самыхъ выдающихся моментовъ въ русской исторіи, когда всѣ силы общества, напряженныя ожиданіемъ реформъ въ социальномъ строѣ Россіи, уже приведенныя въ движеніе первыми проблесками новой политической эпохи, порывались на служеніе назрѣвшей исторической задачѣ. Это было, быть можетъ, самымъ торжественнымъ періодомъ въ развитіи русской культуры и гражданственности. Надъ многомилліоннымъ русскимъ крестьянствомъ уже восходила заря освобожденія. Русскіе суды, съ ихъ отжившей системой негласнаго производства, доживали послѣдніе дни, задыхаясь въ сѣтяхъ безконечной канцелярской волокиты. Накапливались цѣлыя груды неразрѣшенныхъ земскихъ вопросовъ, для которыхъ общество ожидало твердыхъ и авторитетныхъ объясненій со стороны закона, выдвигая при этомъ изъ своей собственной среды людей съ яснымъ и трезвымъ отношеніемъ къ практическимъ нуждамъ и задачамъ русской жизни. Все стремилось къ свѣту. Невыраженныя въ теченіе многихъ столѣтій потребности рвались наружу и жаждали новыхъ формъ жизни и дѣятельности. Общество пришло въ движеніе. Интеллигентные русскіе люди вышли впередъ, предлагая свой трудъ, свои знанія для живого дѣла возрожденія русской общественности. Журналистика, и раньше служившая ареною самыхъ пылкихъ и горячихъ споровъ по вопросамъ, въ которыхъ практическіе интересы Россіи выступали въ замаскированномъ видѣ, поставила открыто и ясно рядъ экономическихъ и юридическихъ теоремъ, призывая къ ихъ разрѣшенію вниманіе и силы всѣхъ русскихъ людей. Именно въ это время въ русскомъ обществѣ раздался первые голоса, одушевленные искренней заботой о благосостояніи народныхъ массъ. Экономическія теоріи зарождались на страницахъ русскихъ журналовъ, отчасти воспроизводя идеи западно-европейскихъ писателей, отчасти представляя собою самостоятельную попытку обобщить и привести къ опредѣленному знаменателю тѣ своеобразныя социальныя явленія, которыя возникли на почвѣ оригинальнаго русскаго быта. Либеральное вѣяніе захватило всѣ сферы русской жизни. Чувство гражданственности просыпалось повсюду, на всемъ протяженіи русской земли... При этихъ условіяхъ выступилъ на сцену Добролюбовъ. Въ «Современникѣ» уже была проложена опредѣленная дорога въ критическомъ отдѣлѣ журнала статьями Чернышевскаго, и Добролюбовъ явился только талантливымъ исполнителемъ тенденціозной программы этого журнальнаго бойца съ большими познаніями въ области его специальности, съ яркимъ талантомъ публициста, но съ мертвящими и въ философскомъ смыслѣ совершенно произвольными и ложными идеями о литературѣ и искусствѣ вообще. Не обладая глубокимъ и самостоятельно выработаннымъ взглядомъ на дѣли человеческого творчества, Добролюбовъ поддался сильному влиянію идей Чернышевскаго и въ продолженіе своей четырехлѣтней журнальной дѣятельности шелъ въ статьяхъ своимъ путемъ откровенной публицистики, иногда обнаруживая въ случайныхъ, мимолетныхъ выраженіяхъ, счастливую художественную или психологическую догадку, но нигдѣ не отдаваясь все-

цѣло той задачѣ, которую должна заниматься настоящая литературная критика. Настроенный на реалистическій ладъ и желая отклпкаться только на событія окружающей жизни, при разгорячившейся атмосферѣ въ прогрессивной редакціи лучшаго журнала того времени, Добролюбовъ сознательно, съ нѣкоторой бравадою передовыхъ убѣжденій, отбрасывалъ отъ себя всѣ эстетическіе и философскіе вопросы, несродные его натурѣ и притомъ скомпрометированные знаменитымъ отреченіемъ Бѣлинскаго. Законы искусства разсматривались только съ отрицательной точки зрѣнія, а философскія понятія, подъ напоромъ чисто экономическихъ и социальныхъ воззрѣній, все болѣе суживались на страницахъ «Современника», именно въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ работала Добролюбовъ. Возрождаясь въ сферѣ юридическихъ и бытовыхъ вопросовъ, русская мысль мельчала, выдыхалась и высыхала въ своихъ родникахъ — во всѣхъ тѣхъ сферахъ знанія, которыя могутъ развиваться только подъ воздѣйствіемъ самыхъ отвлеченныхъ и широкопоставленныхъ эстетическихъ и философскихъ идей. Формы жизни прогрессировали, становились свободнѣе, а содержаніе теоретическихъ понятій принимало узкій и случайный характеръ. Общество шло впередъ въ отношеніи практическомъ, но уже начинало склоняться къ упадку въ той области интересовъ, которая даетъ направляющій свѣтъ культурной исторіи. Органъ критическаго сознанія въ Россіи, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, атрофировался, теряя философскій критерій для правильныхъ сужденій о всѣхъ предметахъ, не имѣвшихъ утилитарнаго характера...

Вотъ почему намъ важно выяснитъ то, что говорилось о критической дѣятельности Добролюбова. Необходимо съ полною отчетливостью показать, что именно подъ влияніемъ литературныхъ приемовъ Добролюбова въ русскомъ обществѣ окончательно установилось ошибочное убѣжденіе, что критика должна имѣть своимъ исключительнымъ содержаніемъ публицистическіе вопросы текущей жизни. Критическія статьи самого Добролюбова и, можетъ быть, еще болѣе критическія статьи о Добролюбовѣ людей его образа мыслей обнаруживаютъ, что смѣшеніе задачи литературной критики съ задачей публицистики становится общимъ явленіемъ въ сужденіяхъ либеральной журналистики. Лишь немногіе изъ писавшихъ о Добролюбовѣ сумѣли подойти къ предмету съ надлежащей прямою и съ надлежащей точки зрѣнія. Никто съ полною категоричностью не опредѣлялъ истинныхъ размѣровъ его таланта. Никто не обрисовалъ съ полнымъ безпристрастіемъ его литературной фзіономіи. Добролюбовъ и теперь еще остается мало изученнымъ, хотя и громко и много прославляемымъ писателемъ, имя котораго съ особенной любовью выставляется на знамени людей, идущихъ въ прогрессивномъ теченіи русской исторіи, но, невѣдомо зачѣмъ и почему, слѣпо враждующихъ противъ высшихъ стремленій человѣческаго духа. Его критическая дѣятельность остается до сихъ поръ неразсмотрѣнною въ ея принципиальныхъ частяхъ — именно въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ, при иныхъ задаткахъ его натуры, могли-бы

развиться смена самых плодотворных эстетических и философских понятій. Сужденія о Добролюбовѣ ведутся и теперь еще въ такомъ тонѣ, какъ будто правильная и безпристрастная оцѣнка его литературнаго значенія, его чисто критическихъ заслугъ можетъ оказать губительное воздѣйствіе на либеральныя стремленія русскаго общества, умаливъ ту сторону его вліянія, которая не потеряла своей исторической важности для настоящаго момента. Въ наивномъ предположеніи, что пренебреженіемъ къ вопросамъ теоретическимъ, научно-философскимъ можно поднять истинное значеніе практическихъ интересовъ въ глазахъ мыслящаго общества, люди извѣстной партіи стараются затушевать всѣ тѣ изысканія, которые могутъ быть отмѣчены въ критической дѣятельности такого писателя, какъ Добролюбовъ. Вотъ заблужденіе, имѣвшее очень губительное вліяніе на ходъ нашей духовной культуры. Вотъ ошибка, которая должна быть устранена во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе. Литературная критика сама по себѣ имѣетъ слишкомъ важное значеніе въ жизни всякаго общества, служа источникомъ тѣхъ или другихъ теоретическихъ взглядовъ на творчество людей, на призваніе искусства, на высшія стремленія человѣческаго духа, чтобы можно было примириться съ какими-бы то ни было временными соображеніями, имѣющими тенденцію сократить ея объемъ, направить ее по узкому пути. Оцѣнка Добролюбова, какъ и оцѣнка Чернышевскаго, Писарева и другихъ, на почвѣ литературной критики и общихъ философскихъ понятій, должна быть сдѣлана съ полной свободой и съ полнымъ сознаніемъ того по-истинѣ нищенскаго положенія, до котораго дошла наша журнальная критика, ведущая свои традиціи именно отъ этихъ, а не отъ какихъ-либо другихъ людей. Нельзя скрыть правды, нельзя не видѣть, что органъ нашего критическаго сознанія или совершенно не дѣйствуетъ, или дѣйствуетъ въ такомъ направленіи, которое уже не можетъ пользоваться ничьимъ серьезнымъ вниманіемъ. Общество разучилось думать о художественныхъ произведеніяхъ, его эстетическіе и философскіе взгляды, истощенные многолѣтнимъ воздѣйствіемъ башибузукской разнузданности въ сужденіяхъ о тѣхъ вопросахъ, которые наши либеральныя журналисты откровенно признали «праздными», доведены до полного ничтожества... Но источникъ духовной культуры, который забросали камнями и схоронили подъ толстымъ слоемъ чисто-публицистическихъ, жизненныхъ вопросовъ, долженъ быть вновь расчищенъ и открытъ для людей, жаждущихъ его живой воды...

Начнемъ съ Панаева. Этотъ писатель съ благодушнымъ темпераментомъ и съ готовностью уступчиво слѣдовать за каждымъ новымъ вѣяніемъ въ литературѣ оставилъ намъ нѣсколько очень любопытныхъ страницъ о литературной дѣятельности Добролюбова. Панаевъ близко зналъ Добролюбова и по журналу и какъ постояннаго гостя въ своей семьѣ. Были нити, которыя чрезвычайно тонко переплетали между собою этихъ двухъ людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Были обстоятельства, которыя сближали ихъ между собою и отдѣляли ихъ дружбу особенной сердечностью.

Панаевъ, Некрасовъ, Чернышевскій, г-жа Панаева — вотъ тѣ люди, которые не только близко стояли къ Добролюбову, но и принимали самое живое участіе во всей его судьбѣ. Нельзя поэтому удивляться, что именно изъ этой среды вышли самыя горячія похвалы Добролюбову, что именно эти люди взяли на себя благодарный трудъ освѣтить и представить въ наиболѣе привлекательномъ видѣ всю его жизненную и умственную карьеру. Но мы думаемъ, что Панаевъ сдѣлалъ значительную ошибку въ оцѣнкѣ литературнаго значенія Добролюбова. Его горячая похвала дышетъ преувеличеннымъ пафосомъ. Сдѣланная имъ параллель между Добролюбовымъ и Бѣлинскимъ невѣрна и почти непонятна со стороны чловѣка, который лично зналъ Бѣлинскаго и когда-то такъ искренно имъ увлекался. Не уступая нисколько Бѣлинскому въ литературномъ талантѣ, говорить Панаевъ, Добролюбовъ имѣлъ предъ нимъ то преимущество, что въ основѣ его дѣятельности лежали болѣе прочныя и твердыя принципы. Бѣлинскій выступилъ на литературное поприще «болѣе смѣлымъ и рьянымъ, чѣмъ приготовленнымъ къ дѣлу бойцомъ». Энергичный, талантливый, пылкій, «путающійся въ философскихъ теоріяхъ», онъ то съ ожесточеніемъ разбивалъ авторитеты, то торжественно возносилъ ихъ до небесъ. Только за четыре года до смерти Бѣлинскій высвободился изъ-подъ гнета постороннихъ вліяній и сталъ на настоящую дорогу. Затѣмъ онъ сошелъ въ могилу, «конечно, преждевременно, но почти совершивъ свое назначеніе». Онъ былъ полнымъ отголоскомъ того поколѣнія, которое стремилось къ лучшей жизни ощущую, «то расплываясь въ романтизмѣ, то ища точки опоры въ нѣмецкой философіи, то увлекаясь социальными идеями Леру и Жоржъ-Зандъ». Добролюбовъ съ перваго шага сталъ на надежную почву и пошелъ въ своихъ критическихъ статьяхъ по совершенно опредѣленному пути ровнымъ и твердымъ шагомъ, не увлекаясь, не впадая въ юношескій пафосъ, не подчиняясь и не кланяясь литературнымъ авторитетамъ. Въ произведеніяхъ Добролюбова проглядываетъ та мощь, та внутренняя, сосредоточенная сила, которая обнаруживала въ немъ будущаго «великаго» двигателя. «Его статьи были проникнуты глубокою любовью къ чловѣку, самымъ горячимъ участіемъ къ нашимъ низшимъ братьямъ и самымъ искреннимъ и здравымъ патриотизмомъ». Въ этихъ статьяхъ не было, говорить Панаевъ, и тѣни виѣшней горячности, выражающейся обыкновенно въ лирическихъ выходкахъ и отступленіяхъ, которыя нѣкогда цѣнились въ русской литературѣ, но теперь кажутся «болѣе смѣшными, чѣмъ трогательными». Девизомъ Добролюбова было: меньше словъ и больше дѣла.

Таковы соображенія Панаева о критической дѣятельности Добролюбова. Мы опустили нѣсколько покаянно-самообличительныхъ изліяній его по поводу тѣхъ заблужденій, въ которыхъ коснѣли поколѣнія 40-хъ годовъ. Мы привели только то, что можетъ служить характеристикой его взглядовъ на Бѣлинскаго и Добролюбова. Не трудно, кажется, понять всю незначительность этихъ замѣчаній Панаева о двухъ извѣстныхъ-

шихъ русскихъ критикахъ. Вѣлинскій значительно превосходилъ Добролюбова по силѣ литературнаго таланта и въ особенности по тонкости эстетическаго чутья, по страстности своего отношенія къ вопросамъ искусства даже въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности. Вѣлинскій заблуждался, впадалъ въ многочисленныя противорѣчія, но никогда не переставалъ быть критикомъ литературы. Его ошибки обусловлены его недостаточной подготовленностью къ разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ, воздѣйствіемъ чуждыхъ его натурѣ утилитарныхъ воззрѣній, но, ошибаясь, падая и постоянно порываясь къ той высотѣ, которая дала-бы ему возможность соединить въ цѣльномъ обобщеніи интересы литературы и жизни, онъ повсюду проявлялъ свой эстетическій темпераментъ, нигдѣ не сбиваясь на путь мертвой и случайной прозы. Боецъ и агитаторъ, онъ никогда не упускалъ изъ виду русскаго художественнаго творчества, съ его широкими задачами и могучими силами, идущими изъ глубины народной души. Паоосъ Вѣлинскаго не только не дѣлаетъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи «смѣшными» его произведенія, но составляетъ ихъ настоящее украшеніе и силу. Упрекъ Вѣлинскому въ этомъ пунктѣ звучитъ фальшиво. Это было понято даже журналистикой 60-хъ годовъ. Нашей литературѣ, говорилось въ одномъ изъ старыхъ журналовъ по поводу воспоминаній Панаева, можно сдѣлать упрекъ въ недостаткѣ увлеченія, но никакъ не въ избыткѣ паооса. «Все холодно, вяло, пишетъ критическій обозрѣватель журнала «Время», много шума и треску, но гдѣ-же слышится горячій и внушительный голосъ?»¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, Панаевъ, въ порывѣ благодушной симпатіи къ покойному Добролюбову, преувеличилъ его заслуги и отнесся несправедливо къ свѣтлой памяти Вѣлинскаго.

Отрывочныя размышленія Панаева были воспроизведены во многихъ статьяхъ 60-хъ годовъ, на которыхъ мы однако останавливаться не будемъ. Для насъ гораздо важнѣе обратиться къ тѣмъ статьямъ, которыя получили болѣе или менѣе широкую пзвѣстность и въ свое время вызвали оживленную полемику на страницахъ тогдашнихъ журналовъ и надѣлали очень много шума въ обществѣ. Изъ этихъ статей заслуживаютъ особаго вниманія замѣтки Зарина о Добролюбовѣ и Чернышевскомъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1862 г. Замѣтки эти произвели въ то время цѣлый литературный скандалъ и вызвали Чернышевскаго на поступокъ, которому въ русской литературѣ нельзя подыскать никакой параллели. Заринъ, человекъ съ малымъ талантомъ и склонностью къ грубоватымъ, вульгарнымъ придирамъ, хотя, быть можетъ, съ болѣе или менѣе яснымъ и трезвымъ отношеніемъ къ нѣкоторымъ литературнымъ вопросамъ, выразилъ нѣсколько скептическихъ замѣчаній по адресу Добролюбова въ статьѣ своей «Небывалые люди». Авторъ недоумѣваетъ по поводу всероссійской подписки, открытой «Совре-

¹⁾ «Время», декабрь, 1861, «Критическое обозрѣніе», стр. 197.

менникомъ» для сооруженія памятника Добролюбову и оспариваетъ значительность литературнаго таланта Добролюбова, отдавая при этомъ предпочтеніе уму и дарованіямъ Чернышевскаго. Онъ жалѣетъ объ угаснувшей молодой жизни, но утверждаетъ, что Добролюбовъ не сдѣлалъ ничего монументальнаго и что въ самой редакціи «Современника» онъ былъ только меньшимъ товарщикомъ, въ особенности, если принять во вниманіе журнальную дѣятельность Чернышевскаго, «о лицемѣрномъ непризнаніи заслугъ котораго мы первые сказали, что оно переступило мѣру». Самыя неудачи Добролюбова въ жизни Заринъ считаетъ заурядными, ничѣмъ не замѣчательными, его страданія — не заслуживающими всероссійской извѣстности. О талантѣ его онъ выражается съ отѣнкомъ язвительнаго порицанія, отказывая ему въ глубинѣ и мѣткости сужденій. Добролюбовъ не справляется со степенью дарованія разбираемаго имъ писателя. Свои похвалы и порицанія онъ соразмѣряетъ исключительно съ публицистическимъ направленіемъ автора, добываясь при этомъ, чтобы литература, вмѣсто свободнаго и широкаго теченія, обнимающаго все интересы человѣка, «сочилась мелководной струйкой обличенія». Есть что-то черезъ-чуръ недалновидное, противорѣчивое, недодуманное, говорить Заринъ, въ этомъ болѣзненномъ желаніи видѣть все душевные порывы загнанными въ одну колею, все работающія силы на оброкѣ у даннаго момента. Намъ всегда казалось, продолжаетъ онъ, что та нота, которую въ «Современникѣ» приходилось тянуть Добролюбову, выходила особенно фальшивою въ журналѣ, въ которомъ все дышало враждою къ рутинѣ. Въ статьяхъ Добролюбова не было той философской широты, которую такъ умѣлъ воспитывать «всегда пламенный и всегда равно глубокой въ своей любви и ненависти Бѣлинскій». Добролюбовъ не имѣлъ дара энергической ненависти и любви. «Сказать о Добролюбовѣ, что это былъ энтузіастъ, значитъ сказать то, чего о немъ никто не думаетъ, да и говорить одни только друзья его». Все его объясненія на литературныя темы отличаются филантропическою сентиментальностью, — «длинною, монотонною и, въ большинствѣ случаевъ, просто надоедливою». Выраженныя съ полемическимъ акцентомъ, эти соображенія о Добролюбовѣ не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на Чернышевскаго. Заринъ, очевиднымъ образомъ, смѣшалъ два вопроса, которыхъ не слѣдовало никакъ образомъ сочетать въ одномъ литературномъ разсужденіи: вопросъ о памятникѣ Добролюбову по всероссійской подпискѣ и вопросъ о значительности его критическаго таланта. Хотя Добролюбовъ и не былъ, дѣйствительно, «монументальною» личностью, но онъ безъ сомнѣнія заслужилъ монумента, который желали ему воздвигнуть его друзья и почитатели. Это былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ значительнаго литературнаго таланта, публицистъ перваго ранга, человѣкъ съ яснымъ умомъ, искренно любившій Россію и готовый принести для нея, если-бы пондобилось, какую угодно жертву. Непокколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, прямой и честный въ своихъ желаніяхъ, онъ велъ свою литературную

дѣятельность съ тою изысканною чистотою, которая не могла не оставить самаго свѣтлаго о себѣ воспоминанія. Въ разнуздывавшейся тогда уже русской журналистикѣ, принимавшей временами какой-то сумбурный характеръ, личность Добролюбова выдѣляется своею нравственною цѣльностью и твердостью. Въ его натурѣ было что-то римское—чувство гражданственности, закаленное любовью къ свободѣ. Въ немъ нѣтъ паюса, нѣтъ поэзии, нѣтъ страсти, но его простота и безпорывная задушевность, не увлекая умовъ, открываетъ себѣ доступъ къ инстинктамъ человѣчности, къ присущей всѣмъ людямъ мечтѣ о социальной справедливости и политическомъ благоустройствѣ. Ординарною натурою Добролюбова назвать никакъ нельзя, и Заринъ сдѣлалъ большой промахъ, придираясь къ нему съ этой стороны. Иное дѣло—оцѣнка чисто *критическихъ* заслугъ Добролюбова въ его преемственности отъ Бѣлинскаго, оцѣнка его чисто *литературнаго* вліянія. Здѣсь умѣстно указать, что Добролюбовъ шелъ не надежнымъ путемъ, что его критика, въ большинствѣ случаевъ, представляла собою смѣшеніе противорѣчивыхъ элементовъ, что его взгляды на искусство, на задачи литературы, носятъ на себѣ печать нѣкоторой ограниченности и педантической узкости. Указывая на то, что критика Добролюбова была проникнута «филантропическою сентиментальностью» и «сочилась мелководной струйкой обличенья», Заринъ былъ недалеко отъ истины. Его желчный протестъ противъ желанія держать всѣ работающія силы духа на оброкѣ у даннаго момента, звучитъ справедливымъ упрекомъ литературнымъ стремленіямъ «Современника». Въ этомъ пунктѣ Заринъ былъ бы непобѣдимъ, если бы статья его была обставлена всѣми необходимыми литературными и философскими доказательствами, если бы, отбросивъ вульгарный тонъ раздраженнаго фельетониста, онъ съумѣлъ вызвать Чернышевскаго на настоящій полемическій бой. Яркая и смѣлая полемика, возникнувъ въ то время, когда журнальный русскій либерализмъ, съ его узкими мѣрилами и односторонними стремленіями, еще не торжествовалъ побѣды надъ искусствомъ и философскою мыслью, могла бы имѣть очень большое значеніе для хода русской культуры. Противъ Чернышевскаго долженъ былъ бы выступить не человѣкъ съ мелкими приемами журнальнаго зоила, а человѣкъ такой же страсти, съ общественными симпатіями, вытекающими изъ болѣе глубокихъ источниковъ, съ цѣлымъ строемъ вольнолюбивыхъ понятій, возбужденныхъ въ немъ болѣе высокимъ философскимъ принципомъ. Такой полемистъ побѣдилъ бы Чернышевскаго, ибо на его сторонѣ была бы правда. Такой полемистъ безпощадно обнаружилъ бы всю логическую шаткость руководящихъ литературныхъ и философскихъ взглядовъ тогдашняго либерализма и тѣмъ доказалъ бы его малую жизнеспособность, его безпомощность въ борьбѣ съ историческими обстоятельствами. Онъ предвидѣлъ бы неизбежное паденіе такого либерализма въ самомъ недалекомъ будущемъ. Онъ показалъ бы, что либерализмъ, оторванный отъ своего духовнаго корня, можетъ дразнить общественную мысль, можетъ временно увлекать ее въ извѣстную

сторону, но никогда не можетъ стать вѣчной основой для широкаго движенія общества по пути умственнаго и соціальнаго развитія. Такого смѣлаго соперника Чернышевскій не нашелъ въ тогдашней журналистикѣ и его кратковременная схватка съ Заринымъ, при всей эффектности его собственныхъ полемическихъ приѣмовъ, могла въ концѣ концовъ произвести только странное, двойственное впечатлѣнiе.

Чернышевскій, вознегодовавъ на статью Зарина, обрушился на него въ открытомъ письмѣ, напечатанномъ въ «Современникѣ» 1862 г. Онъ съ раздраженіемъ отвергаетъ всѣ комплименты Зарина, и публично унижая свой литературный талантъ передъ талантомъ Добролюбова, язвить самого себя откровенными обличеніями своего нравственнаго характера. Онъ никогда не имѣлъ никакого вліянія на литературную дѣятельность и критическія мнѣнія Добролюбова, говоритъ онъ. Добролюбову довольно много пользы принесли статьи Бѣлинскаго и другихъ людей извѣстнаго литературнаго круга, но не подъ ихъ вліяніемъ сложился его образъ мыслей. Добролюбовъ читалъ французскія и нѣмецкія книги, а если даровитый человекъ, въ рѣшительные для своего развитія годы, читаетъ книги «нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, написанныя порусски, могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія». Его статьи не могли произвести на Добролюбова рѣшительно никакого вліянія, и, пересмотрѣвъ «Современникъ» 1855 — 1856 гг., Заринъ увидѣлъ бы всю незначительность и неопредѣленность его тогдашней роли въ литературѣ. Начиная съ 1858 г. Добролюбовъ имѣлъ преобладающее вліяніе въ критической части «Современника» и въ это время не было ни одного человека въ порядочныхъ литературныхъ кругахъ, который не выражался бы въ томъ смыслѣ, что Добролюбовъ — самый сильный талантъ въ «Современникѣ». «Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, говорятъ Чернышевскій, чтобы не считать его первымъ человекомъ въ своемъ кругу». Чернышевскій ссылается, въ оправданіе своего высокаго мнѣнія о Добролюбовѣ, на свои разговоры съ Кавелинымъ и Тургеневымъ. «Странное дѣло, говорилъ ему однажды Кавелинъ, я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напр., къ вамъ. Отчего это? Образъ мыслей у насъ, повидному, одинаковъ, а какъ человекъ — онъ превосходнѣйшій человекъ. Мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, если бы могъ считать что нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ, какъ напр. вы — не вовсе чужды?» Чернышевскій отвѣтилъ: «Это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и характерѣ, которыя даютъ вамъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ въ нѣкоторое согласіе съ вашими требованіями. Взглядъ его тверже и яснѣе,

чѣмъ у меня,—потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ»... Въ другой разъ Чернышевскому случилось разговариваться о Добролюбовѣ съ Тургеневымъ. Тургеневъ сказалъ ему: «Васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». «Это оттого, отвѣчалъ Чернышевскій, что Добролюбовъ умѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже». «Да, замѣтилъ Тургеневъ, съ добродушной шутивостью, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя». Чернышевскій не ограничивается этими компетентными свидѣтельствами въ пользу Добролюбова и противъ себя. Для совершенной точности опредѣленія ихъ истинныхъ взаимоотношеній, онъ готовъ покаяться въ такихъ недостаткахъ, которые должны окончательно унижить его предъ его товарищемъ — по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи. «У меня характеръ уклончивый до фальшивости, говоритъ онъ, обращаясь къ Зарину. Это свойство, сходное съ мягкостью въ личномъ обращеніи, можетъ очаровывать моихъ знакомыхъ, но, какъ бы то ни было, вы согласитесь, что при такомъ изгибающемся, податливомъ характерѣ, никакъ не могу я сравниться энергіею чувства съ людьми прямого и, сказать безъ церемоній, честнаго характера. Въ Добролюбовѣ такого, какъ во мнѣ недостатка, рѣшительно не было».

Вотъ откровенное объясненіе на свой собственный счетъ, по-истинѣ небывалое въ русской литературѣ. Защищать товарища посредствомъ униженія собственныхъ заслугъ и собственнаго характера, прибѣгать къ самообличеніямъ въ надеждѣ на то, что, нанося уронъ своему авторитету, можно поднять авторитетъ другого, почти издѣваться надъ собственнымъ умомъ, чтобы ярче подчеркнуть умъ защищаемого челоуѣка—вотъ приемы, которые можно было-бы признать неестественными, аффектированными, если бы эта небольшая статейка Чернышевскаго не была проникнута какою-то своеобразною прямою. Конечно, Чернышевскій не правъ почти во всемъ, что касается его литературнаго значенія и вліянія въ томъ журналѣ, въ которомъ онъ напечаталъ свои лучшія статьи и изслѣдованія. Чернышевскій былъ крупнѣе Добролюбова и по характеру, и по силѣ той логической страсти, которая проникла все, что онъ писалъ по различнымъ вопросамъ литературы и жизни, не говоря уже о томъ, что онъ былъ гораздо зрѣлѣе въ умственномъ отношеніи и гораздо образованнѣе своего молодого товарища и друга. Вчитываясь въ критическія статьи Чернышевскаго, помѣщенные въ «Современникѣ» за нѣсколько лѣтъ, нельзя не видѣть, что именно его роковыя философскія и эстетическія ошибки и заблужденія, его критическій методъ, его хлещущій публицистическими бичами порывистый умъ, имѣлъ самое сильное вліяніе на литературные приемы Добролюбова, котораго онъ привлекъ къ участию въ «Современникѣ». Не надо забывать, что знаменитыя статьи Чернышевскаго о гоголевскомъ періодѣ въ русской литературѣ, начатыя въ декабрѣ 1855 года, уже подходили къ концу въ 1856 г.,

когда на страницахъ «Современника» впервые появился Добролюбовъ, что въ это самое время Чернышевскій началъ рядъ другихъ своихъ статей о Лессингѣ, проникнутыхъ совершенно опредѣленною публицистическою тенденціей. Не можетъ быть, чтобы именно эти работы Чернышевскаго, послѣ того, какъ уже была напечатана его знаменитая диссертация «Объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности», не произвели никакого умственного воздѣйствія на литературныя настроенія молодого и по натурѣ лишеннаго особенной оригинальности Добролюбова. Если и можно согласиться, что Чернышевскій не былъ учителемъ Добролюбова, то нельзя все-таки не видѣть, сличая критическія статьи того и другого, поразительнаго сходства въ приѣмахъ доказательства, въ общности эстетическихъ понятій, въ полемической манерѣ и литературныхъ настроеніяхъ. Иначе и быть не могло, и всѣ заявленія Чернышевскаго, сдѣланныя въ этомъ оригинальномъ спорѣ, не могутъ уничтожить очевидныхъ слѣдовъ сильнаго давленія на характеръ литературной дѣятельности Добролюбова. Но Заринъ не обладалъ необходимыми средствами для серьезной полемики, и его отвѣтъ на письмо Чернышевскаго въ «Библіотекѣ для чтенія» подъ заглавіемъ «Лестъ живому и поруганіе надъ мертвымъ», изобилуя грубыми и вульгарными выраженіями, комическими оборотами, нѣсколько тяжелого и запутаннаго слога, не внесъ въ этотъ споръ ни одного живого и принципиальнаго слова. Чернышевскій въ лицѣ Зарина не встрѣтилъ достойнаго соперника и литературнаго оппонента.

Гораздо важнѣе статей Зарина статья о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ Николая Соловьева, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1865 года. Авторъ держится исключительно эстетическихъ воззрѣній на задачу литературы и, въ рядѣ мѣткихъ, иногда превосходныхъ по тонкости чутья, замѣчаній, шагъ за шагомъ опрокидываетъ шаткую постройку «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности». У искусства, говоритъ онъ, не было еще такого сильнаго врага, какъ авторъ этого трактата. Если отнести къ нему апатично, безъ самостоятельной критики, онъ можетъ ошеломить, какъ онъ и ошеломилъ когда-то многихъ. Но если заглянуть въ него, такъ сказать, сверху, съ какой-нибудь опредѣленной теоретической высоты, очарованіе разсѣвается—зданіе не твердо, не плотно, стѣны подобны декораціямъ, за которыми пусто. Въмѣсто истинъ вездѣ софизмы, поставленные чрезвычайно ловко, но въ такой связи, что если пошатнуть одинъ, падеть и все. Николай Соловьевъ смѣло поднимаетъ руку на сочиненіе, которое, по его взглядамъ, противрѣчитъ всѣмъ преданіямъ Бѣлинскаго, и редація «Отечественныхъ Записокъ», въ подстрочномъ примѣчаніи, «съ гордостью» заявляетъ, что она первая выразила свое несочувствіе Чернышевскому по вопросамъ литературы—тогда, когда еще только появились его «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Сохраняя литературныя преданія Бѣлинскаго, журналъ давно уже ждалъ того времени, когда эстетической теоріи Чернышевскаго нанесенъ будетъ послѣдній ударъ. «Мы имѣемъ дерзости

поднять на это руку, говорить Николай Соловьевъ, и доказать, по мѣрѣ силъ нашихъ, что вся она прикрыта только либеральной оболочкой, одѣта въ прогрессивную одежду, въ сущности же она самая изъ всѣхъ консервативная, самая отсталая». Прослѣдивъ весь логическій путь Чернышевскаго, обозначивъ въ яркихъ выраженіяхъ все движеніе либеральной мысли въ Россіи, бросивъ нѣсколько ядовитыхъ, превосходно формулированныхъ, намековъ на недомысліе русскаго общества, гдѣ колокола звонили въ ухахъ дѣтей, играющихъ въ лапту, а Фейербахомъ пропитываются гимназисты, Соловьевъ переходитъ къ подробному разбору журнальныхъ статей Добролюбова. Онъ признаетъ въ немъ замѣчательное критическое дарованіе, которое однако не успѣло развернуться во всю ширину. Нѣтъ писателя, говоритъ онъ, который-бы могъ служить такимъ живымъ упрекомъ модному направленію литературы, какъ Добролюбовъ, и если бы талантъ Добролюбова не встрѣтился съ абстрактнымъ умомъ автора «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности», его дѣятельность была-бы полнѣе и плодотворнѣе, ибо гдѣ Добролюбову дается выскочить изъ сторожевой цѣпи журнально-прогрессивныхъ идей, онъ является предъ нами настоящимъ критикомъ. Оговорившись этими общими характеристическими фразами, Соловьевъ обзрѣваетъ главнѣйшія статьи Добролюбова, повсюду отмѣчаетъ проблески критическаго таланта, борется во имя эстетическаго принципа противъ узкихъ стремленій «экономизма» и утилитаріанизма и заканчиваетъ свои пространныя сужденія лирическимъ изліяніемъ, въ которомъ хорошо отразилась симпатичная фізіономія литератора, обладавшаго несомнѣннымъ талантомъ, хотя глядѣвшаго на литературу не съ обще-философской, а съ узко-эстетической точки зрѣнія. Экономизмъ, говоритъ онъ, взялъ на себя слишкомъ много, задумавши окончательно рѣшить задачу человѣческаго счастья. Если бы счастье могло быть достигнуто на экономическомъ пути, поэзія, конечно, потеряла-бы свое значеніе. Зачѣмъ были-бы нужны человѣку звуки пѣсни, смѣхъ комедіи, тревога драмы, если бы его могли окончательно удовлетворить прозаическіе интересы дня? Но люди идутъ, не отдыхая, къ истинѣ и не видятъ конца своей дорогѣ, своему труду. Въ порывахъ неудовлетвореннаго желанія гений производитъ поэзію, и въ ней находитъ успокоеніе своему стремленію къ безконечному, въ ней чувствуетъ себя вполне свободнымъ, улучшеннымъ. «Поэзія — это какъ-бы вторая жизнь, въ которой явленія дѣйствительности представляются усовершенствованными, преобразовавшимися. Только поэзія даетъ намъ понятіе о томъ, что такое высшее счастье, а утилитаризму дай Богъ окружить человѣка хоть удобствами».

Не останавливаясь на такихъ малозначущихъ сужденіяхъ, каковы сужденія напр. П. А. Бибикова, издавшаго цѣлую книжку о литературной дѣятельности Добролюбова, передадимъ въ немногихъ словахъ разсужденія на эту тему наиболѣе извѣстныхъ либеральныхъ писателей. Прежде всего отмѣтимъ любопытную статью Зайцева, одного изъ извѣстнѣйшихъ сторонниковъ Пп-

сарева на страницахъ «Русскаго Слова». Наговоривъ довольно много словъ о Бѣлинскомъ, порисовавшись попутно крайнимъ демократизмомъ и народолюбіемъ, торжественно заявивъ, что мыслящему человѣку кусокъ не идетъ въ горло при воспоминаніи о томъ, что гдѣ нибудь вблизи бѣднякъ гложетъ сухую корку и назвавъ при этомъ «лицемѣрами» и «идіотами» тѣхъ, которые платонически преклоняются предъ умомъ русскаго мужика, Зайцевъ переходитъ къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Добролюбова. Смѣсь семинарской грубости и военной храбрости, по удачному опредѣленію Н. Соловьева.—сужденія Зайцева отличаются крайнею прямою и категоричностью. Хотя Добролюбовъ писалъ преимущественно критическія статьи, говоритъ онъ, но критикомъ онъ не былъ и быть не могъ. Еще Бѣлинскій, не выходя изъ предѣловъ эстетической критики, могъ въ этой тѣсной рамкѣ дать отвлеченное понятіе русскому обществу о прогрессѣ, но Добролюбовъ не могъ остановиться на тѣсномъ пути своего предшественника, и потому было бы большою несправедливостью обсуживать его журнальную дѣятельность съ этой стороны. Послѣ его отзывомъ о чистомъ искусствѣ, послѣ того, что имъ написано объ эстетической критикѣ, «не можетъ быть и рѣчи о немъ, какъ о достойномъ цѣнителѣ *разныхъ* художественныхъ произведеній.» Добролюбовъ лилъ холодную воду «здороваго смысла» на «горячій азартъ приверженцевъ чистаго искусства и его здоровый взглядъ необыкновенно раздражалъ этихъ господъ». Не трудно доказать, продолжаетъ въ томъ же тонѣ Зайцевъ, что если-бы Добролюбовъ сталъ писать критическія статьи, онъ былъ бы плохимъ критикомъ. Напрасно мы искали бы у него тогда критическаго такта, вѣрнаго пониманія сущности критики, правильной оцѣнки литературныхъ произведеній. Въ *критическихъ* статьяхъ Добролюбова насъ непременно поразило бы множество промаховъ и ошибокъ. «удивительная неспособность отличать вѣрное изображеніе отъ фальшиваго и надутаго.» Но «будучи плохимъ или вовсе не будучи критикомъ». Добролюбовъ былъ сатирикомъ и публицистомъ, который пользовался каждымъ произведеніемъ только какъ поводомъ высказать свой взглядъ на ту или другую сторону общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ дѣятельность Добролюбова была чрезвычайно широкой. Пошлость и тупоміе получили отъ него такіе жестокіе удары, что съ тѣхъ поръ они никогда уже не придутъ въ себя. Его стихотворенія, эпиграммы сдѣлали невозможными славянофильскіе гимны «въ честь пѣнника и русской удали». Онъ былъ искреннимъ представителемъ любви къ народу, которая въ устахъ его не была «пустымъ звукомъ, какъ у поклонниковъ принципа, и мистическимъ отвлеченіемъ, какъ у платоническихъ любовниковъ народа, а живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ». Итакъ, у Добролюбова не было, по мнѣнію Зайцева, никакого критическаго таланта, и вся его заслуга предъ русскою литературою заключается въ томъ, что онъ былъ публицистомъ и истиннымъ «любовникомъ» русскаго народа! Такъ рассуждаетъ съ необычайной помпой Зайцевъ, разсыпая перлы бурсацкаго глубокомыслія, щеголяя историческими познаніями и смѣlostью своихъ при-

говоровъ. Писатель съ ничтожными литературными силами, но съ разнузданностью чловѣка, объявившаго войну всему, что выше его собственныхъ духовныхъ средствъ, яркій выразитель того паденія, до котораго доходила русская журналистика, освобожденная отъ путъ эстетическихъ и философскихъ понятій, Зайцевъ не могъ, конечно, отнестись къ Добролюбову иначе, чѣмъ онъ отнесся. Эстетическая критика—вздорное занятіе, недостойное мыслящей природы, которой кусокъ не идетъ въ горло при сознаніи, что бѣдняки гложутъ сухія корки. Мистическая приверженность къ отвлеченному принципу должна быть отвергнута людьми, пережившими преданія Вѣлинскаго и ставшими лицомъ къ лицу съ фактами русской жизни. Публицистика и сатира—вотъ единственное орудіе либеральной культуры... Мы не останавливались бы на этихъ, въ сущности, малозначущихъ разсужденіяхъ, выраженныхъ при томъ безъ признака литературнаго таланта, если-бы они не принадлежали писателю, дѣйствовавшему въ группѣ второстепенныхъ единомышленниковъ Чернышевскаго и Писарева, единомышленниковъ, которые, не обладая духовными силами этихъ послѣднихъ, ихъ темпераментомъ, ихъ яркимъ и рѣзкимъ словомъ, шедшимъ изъ глубины убѣжденія, приучали русское общество къ мелкому фрондерскому пустозвонству и внесли въ его мысль скверную, растлѣвающую путаницу понятій по самымъ важнымъ теоретическимъ вопросамъ. Мы уже затронули этотъ предметъ и вернемся къ нему съ надлежащими доказательствами въ послѣдній разъ въ статьяхъ о Писаревѣ и его многочисленныхъ оруженосцахъ, выступавшихъ на страницахъ лучшихъ русскихъ журналовъ. Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ случайныя особенности характера Добролюбова—односторонность его литературныхъ стремленій, равнодушіе къ эстетическимъ и философскимъ вопросамъ, узкій взглядъ на нужды общественной жизни, на цѣли прогресса, мало-по-малу возводятся въ особые достоинства, провозглашаются свойствами, единственно подходящими для русскаго либеральнаго дѣятеля. Въ высшей степени важно отмѣтить, ради болѣе сознательнаго отношенія къ историческимъ судьбамъ русскаго просвѣщенія, всѣ главнѣйшіе этапные пункты въ томъ процессѣ перерожденія, который должны были пережить нѣкоторыя мысли Вѣлинскаго и Добролюбова, чтобы вылиться, въ концѣ концовъ, въ такихъ уродливыхъ формахъ, какъ критика Зайцева и многихъ другихъ сходныхъ съ нимъ по типу дѣятелей русской печати. Тутъ мы окажемся въ центрѣ нашего журнальнаго декаданса, у источника того духовнаго банкротства, съ которымъ мы принуждены считаться до сихъ поръ, съ которымъ бороться можно только однимъ средствомъ—полнымъ нересмотромъ и обновленіемъ случайно-сложившихся теоретическихъ понятій, тѣхъ критеріевъ, которые допускали мысль о томъ, что литературная критика вовсе не нужна, что философія и искусство есть только барская забава въ рукахъ людей, не знающихъ своихъ обязанностей по отношенію къ русскому народу. Внимательное изученіе этого момента въ жизни русскаго журнализма обнаружитъ передъ нами всю несо-

стоятельность тѣхъ путей, которыми шла русская мысль въ недавнемъ прошломъ и на которыхъ ее стараются удержать партійные публицисты нашихъ дней.

Г. Скабичевскій взглянулъ на Добролюбова съ исторической точки зрѣнія. Прослѣживая умственное развитіе нашего общества съ 1825 по 1860 г., онъ обозначаетъ смѣну различныхъ типовъ въ явленіяхъ русской жизни. Пока умственное движеніе, говоритъ онъ, сосредоточивалось преимущественно въ кругахъ великосвѣтскаго общества, героемъ времени былъ изящный дэнди, пресыщенный всевозможными излишествами, скучающій и разочарованный. Затѣмъ, съ передвиженіемъ центра умственнаго движенія изъ великосвѣтскихъ круговъ въ среду провинціального дворянства средней руки, измѣнился и герой времени. Тишина сельской жизни, усладительные ландшафты природы, комфортабельная обстановка— вотъ тѣ условія, изъ которыхъ вышелъ герой 40-хъ и 50-хъ годовъ. Наконецъ, центръ умственнаго движенія перешелъ въ среду непривилегированнаго, мыслящаго пролетаріата, въ классъ разночинцевъ и мѣщанъ, и это передвиженіе ознаменовалось созданіемъ новыхъ нравственныхъ идеаловъ. Бѣднякъ поднялъ голову. Онъ вдругъ почувствовалъ себя выше тѣхъ изящныхъ существъ, передъ которыми онъ смирился прежде. Онъ почувствовалъ себя творцомъ новыхъ стремленій, отвѣчающихъ реальнымъ условіямъ русскаго быта. На сцену выступилъ Добролюбовъ, занявъ передовое мѣсто въ умственномъ движеніи своей эпохи. Будучи студентомъ 3-го курса, Добролюбовъ, говоритъ Скабичевскій, стоялъ уже впереди своего вѣка, и первыя статьи его нисколько не слабѣ послѣднихъ, писанныхъ передъ смертью. Спокойная, сдержанная, безпощадная провѣя, какъ типическій признакъ сознавашаго свое историческое призваніе разночинца, въ раннихъ литературныхъ опытахъ Добролюбова, показываетъ намъ, что онъ сразу овладѣлъ результатомъ движенія 40-хъ годовъ. Мысль Добролюбова рѣшительно и твердо стоитъ на реальной почвѣ— повсюду прогрессивная, отрѣшенная отъ всѣхъ обветшалыхъ и отжившихъ взглядовъ. Вотъ какъ г. Скабичевскій резюмируетъ философскія основанія въ дѣятельности Добролюбова: «отрицаніе заоблачныхъ и метафизическихъ фантазій, убѣжденіе, что явленія частной и общественной жизни подчиняются непреложнымъ естественнымъ законамъ природы, сознаніе важности естественныхъ наукъ и опытнаго метода въ изученіи человѣка и общества, объясненіе побужденій и дѣйствій человѣка вліяніемъ обстоятельствъ, образующихъ его характеръ, отрицаніе отвлеченной теоріи нравственнаго долга и выводъ началъ нравственности изъ естественныхъ побужденій эгоизма, отрицаніе средневѣковой теоріи подавленія страстей и проповѣдь ихъ гармоническаго развитія». Эти краеугольные камни реализма можно найти въ каждой статьѣ Добролюбова. Совершенно понятно, что при этихъ краеугольныхъ камняхъ Добролюбовъ долженъ былъ отвергнуть всякую эстетическую критику, оставивъ ее принадлежностью «чувствительныхъ дѣвицъ». Разсматривая направленіе

главнѣйшихъ статей Добролюбова, г. Скабичевскій приходитъ къ заключенію, что не только философскія задачи, но и чисто критическія задачи не были главными цѣлями его дѣятельности. Добролюбовъ былъ публицистомъ въ истинномъ значеніи этого слова, и подъ его перомъ съ русскою критикою случилось такое же превращеніе, какое случается съ парижскими парками въ моментъ особеннаго напряженія общественной жизни: предназначенные для отдыха и мирныхъ наслажденій, они вдругъ обращаются въ арену бурныхъ превій и политической борьбы. Въ статьяхъ Добролюбова содержаніе критики вдругъ раздвинулось, выйдя изъ прежнихъ границъ—литературная критика обратилась въ критику жизни, въ критику общества.

Г. Скабичевскій былъ бы близокъ къ истинѣ, если бы онъ съ большей ясностью подчеркнул, что критика общественныхъ явленій, т. е. публицистика въ широкомъ смыслѣ слова, не можетъ ни въ чемъ замѣнить критики литературы, т. е. изслѣдованія тѣхъ законовъ, по которымъ жизнь—и внѣшняя и внутренняя—отражается въ произведеніяхъ искусства. При этомъ нельзя не прибавить, что предложенная г. Скабичевскимъ формулировка основныхъ принциповъ реализма, которые можно найти въ каждой статьѣ Добролюбова, должна служить самымъ убійственнымъ орудіемъ противъ реализма вообще и реализма въ литературной критикѣ въ частности. Но на этомъ мы остановимся при разборѣ сочиненій Добролюбова.

А. Волинскій.

ПАМЯТИ Н. С. ТИХОНРАВОВА.

(Родился 3-го октября 1832 года, † 27-го ноября 1893 года).

30-го ноября минувшаго года въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, вблизи отъ могилы Гоголя, похороненъ лучший знатокъ и издатель его сочиненій, извѣстный русскій ученый Николай Саввичъ Тихонравовъ. Трудно выразить, какую тяжелую, невознаградимую утрату понесли въ лицѣ покойнаго наша наука, всѣ друзья и любители отечественной литературы, все образованное общество. Люди съ энергіей и дарованіями Тихонравова, съ его неутомимымъ и въ высокой степени добросовѣстнымъ служеніемъ на избранномъ поприщѣ, наконецъ, — съ его обширной эрудиціей, простиравшейся на всѣ отдѣлы и отрасли родной литературы — такіе люди рѣдки, ими справедливо гордятся при жизни, ихъ нельзя не оплакивать послѣ смерти. Потеря, въ настоящемъ случаѣ, является тѣмъ болѣе чувствительною и жгучею, что она подкралась съ какой-то грозной неожиданностью и ошеломила даже тѣхъ, кто имѣлъ случай часто видѣть покойнаго въ послѣднее время. Тихонравовъ, этотъ человекъ сильный тѣломъ и духомъ съ именемъ котораго соединялось столько хорошихъ надеждъ, который еще почти на-дняхъ казался надолго принадлежащимъ наукѣ и обществу, въ короткое время становится жертвою досадныхъ случайностей, сломившихъ его бодрый, не смотря на годы и надвигавшіеся въ видѣ отдаленной угрозы недуги ¹⁾, въ сущности крѣпкій и мощный организмъ.

Николай Саввичъ былъ щедро надѣленъ отъ природы дарами, возвысившими его, сына скромнаго фельдшера, человекъ всегда и во всемъ самостоятельнаго, не искавшаго и даже презиравшаго протекцію, на степень академика и виднаго первокласснаго ученаго. Въ числѣ этихъ даровъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, его свѣтлому здоровому уму, о которомъ одинъ тоже изъ наиболѣе извѣстныхъ товарищей Тихонравова по университетской кафедрѣ и нынѣ также покойный профессоръ Августъ Юльевичъ Давидовъ говаривалъ, что это былъ «министерскій умъ». Дѣйствительно, въ этомъ мѣткомъ опредѣленіи уловлена главная и существенная черта покойнаго, человекъ всѣмъ обязаннаго только себѣ, черта

¹⁾ Н. С. Тихонравовъ въ послѣднее время страдалъ сахарной болѣзью.

дававшая себя знать замѣчательной основательностью и находчивостью его сужденій. Тихонравовъ умѣлъ безъ труда охватить предметъ основательно и всесторонне, умѣлъ всегда взглянуть на дѣло толково и просто. Онъ отнюдь не любилъ заявлять себя мишурнымъ блескомъ легкаго вѣшняго остроумія, но всѣмъ было ясно, что все выходявшее какъ изъ его устъ, такъ и изъ-подъ пера его, всегда было вѣско. Такой человѣкъ дорогъ и надеженъ во всякомъ дѣлѣ и во всякомъ обществѣ.

Покойный Николай Саввичъ былъ, какъ будто, рожденъ служить достойнымъ представителемъ науки, кафедры, ученыхъ обществъ. О немъ можно было питать безусловное убѣжденіе, что никакая научная работа, никакое практическое дѣло не выйдетъ изъ его рукъ въ сомнительномъ видѣ: на какомъ-бы поприщѣ онъ не выступалъ, онъ вездѣ былъ человѣкомъ виднымъ и уважаемымъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ наукѣ онъ оставилъ много въ высшей степени цѣнныхъ вкладовъ, сдѣлавъ, преимущественно вмѣстѣ съ О. И. Буслаевымъ, эпоху въ изученіи древнихъ памятниковъ и оставивъ образцовое истолкованіе произведеній Гоголя; онъ былъ, какъ мы уже замѣтили, основательнымъ знатокомъ литературы отъ самыхъ отдаленныхъ отголосковъ древности до замѣчательныхъ явленій современной печати. Никто, безъ сомнѣнія, не скажетъ, что онъ былъ обыкновеннымъ, зауряднымъ профессоромъ, а его имя, какъ ректора, звучало громче и внушительнѣе, нежели имена большинства другихъ ректоровъ русскихъ университетовъ. Однимъ изъ большихъ преимуществъ Тихонравова являлось всюду его замѣчательное умѣнье относиться съ должнымъ вниманіемъ, какъ къ крупнымъ, такъ и къ мелкимъ вещамъ; всегда выдвигая по достоинству все заслуживающее вниманія и важное, онъ въ тоже время отнюдь не пропускалъ и мелочей, чтѣ, по нашему убѣжденію, также много значитъ, такъ какъ съ другой стороны формалистомъ онъ никогда не былъ, да и не могъ быть при его тактѣ и сильномъ умѣ. Уставъ-же университетскій 1863 года онъ зналъ твердо и основательно и считалъ необходимымъ и обязательнымъ неуклонно и твердо стоять на почвѣ законности.

Получивъ образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ случая слушать Николая Саввича въ аудиторіи; но его лекціи, прочитанныя мною въ его литографированныхъ запискахъ, поразили меня богатымъ содержаніемъ и замѣчательной обработкой. Отъ слушателей-же покойнаго я хорошо знаю, что онъ въ высшей степени владѣлъ даромъ приковывать вниманіе именно солидностью своихъ курсовъ, серьезнымъ значеніемъ каждого слова и мастерскимъ умѣньемъ ярко освѣтить излагаемый предметъ, такъ что студенты всегда оставляли его аудиторію съ полнымъ сознаніемъ вынесенной пользы. Чтенія Тихонравова, говорятъ, замѣтно выдѣлялись строгой систематичностью и совершеннымъ отсутствіемъ празднаго краснорѣчія; онъ говорилъ всегда просто и безъ прикрасъ, но слова его дышали убѣжденіемъ и силой, такъ присущей хорошо обдуманному и сжатому изложенію; у него все

было на своемъ мѣстѣ и все имѣло цѣну и вѣсъ. Бывали имъ недовольны иногда за манкировки лекцій во время его ректорства,—почему не сказать этого: вѣдь Тихонравовъ не нуждается въ панегирикѣ,—но никогда не оставалось неоправданнымъ ожиданіе услышать отъ него много интереснаго и дѣльнаго. А иногда онъ являлся на кафедрѣ даже до нѣкоторой степени художникомъ, вслѣдствіе чего случалось во время его ректорства, что раздосадованная чѣмъ нибудь впечатлительная и бурная молодежь скоро забывала свои неудовольствія на профессора, увлеченная его лекціей или рѣчью. Гдѣ требовало дѣло, въ распоряженіи Тихонравова оказывались и тонкіе юристъическіе отбѣнки и глубоко-грустный, душевный тонъ... На переходныхъ экзаменахъ Тихонравовъ дѣлалъ студентамъ краткія замѣчанія объ ихъ сочиненіяхъ, которыя показывали, что онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ темы и былъ на готовѣ, въ двухъ-трехъ словахъ, отмѣтить и разъяснить въ каждой представленной работѣ все существенное.

Каковъ былъ Тихонравовъ въ аудиторіи, такимъ-же онъ являлся и въ своихъ публичныхъ чтеніяхъ и въ большихъ кабинетныхъ трудахъ. Но въ этомъ отношеніи дѣятельность его у всѣхъ свѣжа въ памяти, и намъ остается здѣсь, чтобы не повторяться, только отмѣтить полное соотвѣтствіе между значеніемъ его научнаго слова, и тою формою, въ какой оно ложилось на бумагу и тѣми обстоятельствами, среди которыхъ оно раздавалось.

Не менѣе симпатичнымъ представляется покойный Тихонравовъ также по своему направленію и по убѣжденіямъ, которыхъ онъ держался: онъ былъ неизмѣнно на сторонѣ прогрессивнаго теченія въ лучшемъ значеніи этихъ словъ, оставаясь всегда его виднымъ представителемъ и послѣдовательнымъ, убѣжденнымъ приверженцемъ свѣтлыхъ гуманитарныхъ началъ, завѣщанныхъ благороднѣйшими представителями русской мысли и кафедры; работъ-же временно-торжествующихъ настроеній, сильныхъ посторонней поддержкой, онъ никогда не былъ: въ этомъ едва-ли можно упрекнуть его память.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ пору полного расцвѣта и наибольшаго блеска своей общественной дѣятельности, съ молодой, еще свѣжей энергіей, Николай Тихонравовъ принялъ на себя руководство воскресными школами и горячо отдался дѣлу. По словамъ свидѣтеля, живо помнящаго это теперь уже далекое время, «воскресныя школы въ Москвѣ были впервые имъ созданы и имъ впервые подняты и введены въ жизнь методы и задачи народнаго образованія, основанныя на чисто-гуманныхъ и педагогическихъ началахъ»¹⁾. Сочувственно отнесся Николай Саввичъ и къ идеѣ высшаго женскаго образованія, доказавъ это своими одушевленными лекціями на публичныхъ женскихъ курсахъ профессора Герье. Безъ сомнѣнія, всегда убѣжденнымъ и сознательно проводящимъ въ жизнь дорогіе завѣты

¹⁾ См. «Русскія Вѣдомости», 1893 г., № 330 (30 ноября), статья В. Си—ва.

блестящаго университетскаго прошлаго, время Грановскаго, являлся Тихонравовъ и вообще на профессорской кафедрѣ, при чемъ самое видное значеніе принадлежало, конечно, чтеніямъ его въ стѣнахъ университета и въ той самой актовомъ залѣ, гдѣ еще такъ недавно многочисленная публика съ оживленнымъ интересомъ слушала его рѣчь о Тургеневѣ въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. Кстати сказать, покойный очень любилъ это общество, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ въ послѣдніе годы, нѣсколько выборовъ сряду до самой кончины. Сюда унесъ онъ свои главныя симпатіи, когда, удалившись въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ отъ университетской кафедры, почти исключительно сосредоточилъ въ домашнемъ уединеніи свою дѣятельность, направленную въ послѣднее время, какъ извѣстно, преимущественно на изученіе и изданіе произведеній Гоголя. Но это главное дѣло не мѣшало ему также съ большимъ успѣхомъ трудиться одновременно надъ составленіемъ житія св. Сергія, надъ изданіемъ сочиненій Фонвизина и надъ многими другими работами, частью доведенными до конца и изданными, частью же значительно подвинутыми впередъ. Жилъ онъ достойнымъ образомъ, до послѣдней минуты продолжалъ свою полезную дѣятельность, въ исполнѣ заслуженномъ имъ званіи академика, не зарываясь въ узкую специальность, но постоянно оставаясь просвѣщеннымъ представителемъ интересовъ науки и литературы въ болѣе широкомъ смыслѣ. Тихонравовъ не любилъ торопиться въ своихъ занятіяхъ и часто подолгу держалъ подъ спудомъ совершенно обработанныя и, можно сказать, приготовленныя сочиненія, иногда же только какое-нибудь случайное обстоятельство побуждало его открыть и показать богатство его обширной учености. Такъ извѣстно, что онъ получилъ званіе доктора *honoris causa* за обстоятельную рецензію на трудъ покойнаго Галахова, рецензію, обратившую на себя вниманіе всего ученаго міра и тотчасъ же по справедливости оцѣненную. Быть можетъ, и теперь найдутся его труды совершенно неподозрѣваемые... За послѣднее время кругъ общественной дѣятельности Тихонравова, правда, значительно сужился, но съ другой стороны для него наступила пора, хотя и нѣсколько замкнутой, зато несравненно болѣе сосредоточенной и ничѣмъ уже не отвлекаемой научной и литературной работы. Много сдѣлалъ Тихонравовъ въ продолженіе своей жизни, но могъ-бы сдѣлать еще значительно больше, благодаря неослабѣвавшей энергіи и любви къ наукѣ...

Желая очертить въ немногихъ словахъ личность и заслуги покойнаго Николая Тихонравова, мы не можемъ здѣсь взять на себя оцѣнки его многочисленныхъ научныхъ и литературныхъ трудовъ, а равно не приводимъ и перечня его сочиненій, уже не однажды указаннаго въ другихъ его некрологахъ; но позволимъ себѣ только прибавить, что намъ лично случилось не разъ въ послѣднее время убѣждаться, во время бесѣды съ покойнымъ ученымъ и въ сношеніяхъ съ нимъ въ качествѣ временнаго секретаря Общества Любителей Россійской Словесности, до какой сте-

пени,—не говоря объ его обширныхъ, замѣчательныхъ познаніяхъ,—онъ изумлялъ во всякомъ вопросѣ, научномъ и практическомъ, замѣчательной ясностью взгляда, искусствомъ въ немногихъ словахъ передать, именно, такъ сказать, душу всякаго дѣла. Позволимъ себѣ также высказать то грустное чувство, которое охватило насъ не только при неожиданной скорбной вѣсти объ его кончинѣ, но и чуть-ли не живѣе еще въ стѣнахъ его квартиры часа черезъ два или три послѣ его смерти, когда, казалось, такъ спротиво взглянула на насъ его богатая, избранная библіотека, это любимое его сокровище, ожидающее рѣшенія своей участи послѣ оставившаго ее навсегда одинокаго, безсемейнаго хозяина...

Несомнѣнно: люди, подобные Тихонравову, будутъ всегда настоящимъ украшеніемъ общества, объ утратѣ которыхъ нельзя не скорбѣть во имя науки, во имя интересовъ просвѣщенія.

Влад. Шенрокъ.

† О. Н. СМІРНОВА.

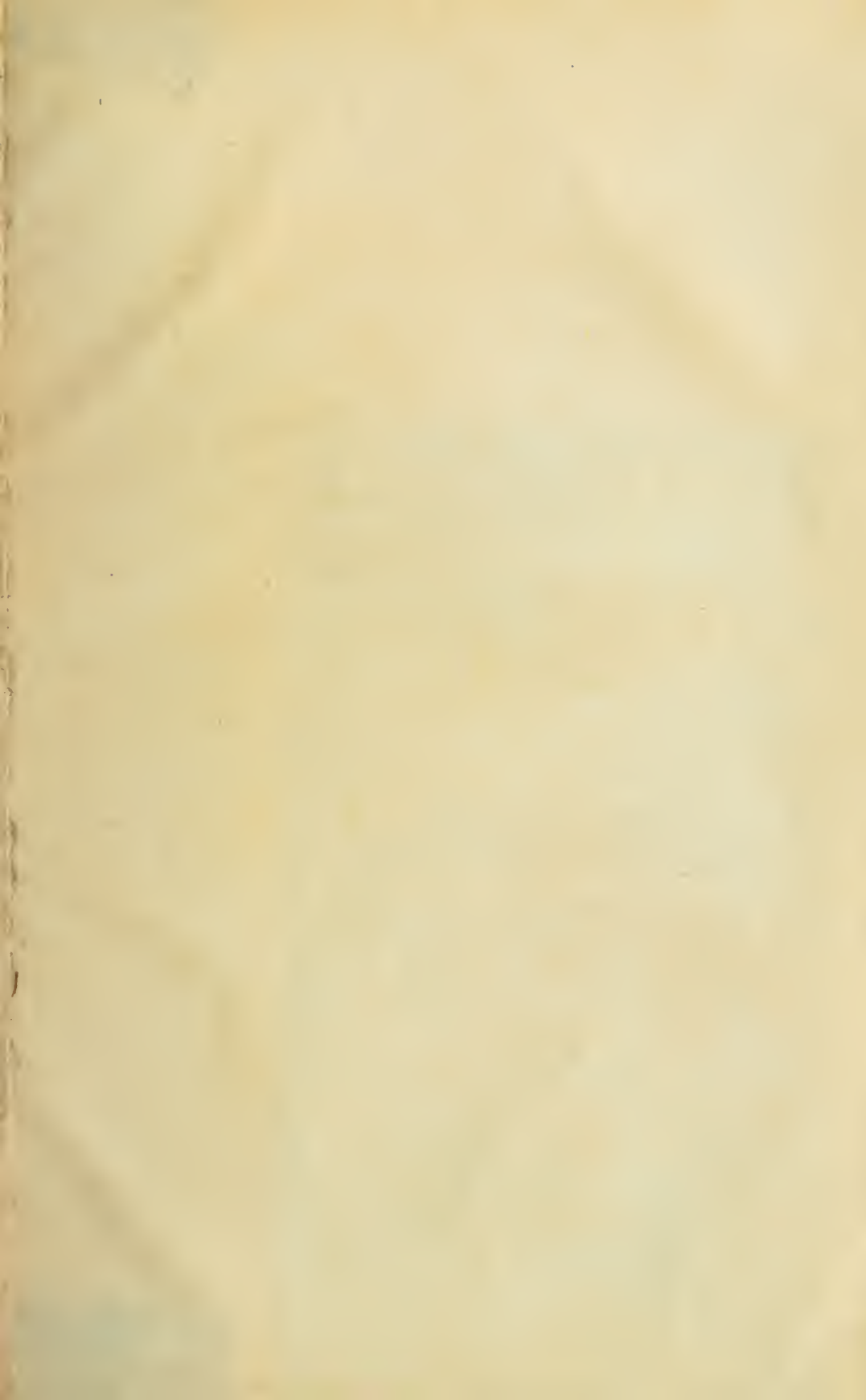
13-го декабря м. г. скончалась въ Парижѣ на 60-мъ году жизни фрейлина Ольга Николаевна Смирнова, дочь Александры Осиповны Смирновой и наследница всѣхъ ея семейныхъ бумагъ. Уже три года какъ Ольга Николаевна не вставала съ постели. Съѣдаемая какою-то странною болѣзнью — вродѣ сухотки, точно опредѣлить которую отказывались даже доктора, истощенная бессонницею, одиноко умирала эта во многихъ отношеніяхъ замѣчательная женщина, мучимая сознаніемъ, что она безслѣдно унесетъ съ собою въ могилу всѣ богатства ея энциклопедическихъ познаній и даже оставитъ не вполне упорядоченными сокровища хранящихся у нея литературныхъ документовъ. Вся жизнь Ольги Николаевны Смирновой прошла въ работѣ надъ этими своеобразными документами, отражавшими всѣ впечатлѣнія отъ богатой событіями и явленіями жизни. Александра Осиповна Смирнова передала своей дочери ясное сознаніе, что судьба сдѣлала ихъ свидѣтелями великихъ историческихъ моментовъ въ жизни русскаго общества, что окружавшіе ихъ люди, друзья ихъ дома, откровенно распахивавшіе передъ ними всю душу и всю жизнь, — были великіе люди, великіе творцы возрождающейся Россіи, и что поэтому всякая записка, сдѣланная на лету, на клочкѣ бумаги, на оборотѣ какого-нибудь дѣловаго письма или свѣтской записки, есть дѣло величайшей важности и отвѣтственности передъ потомствомъ. И мать, и дочь всю жизнь не переставали вести эти отрывочныя, часто сокращенныя, трудно разбираемыя, записки обо всемъ, что составляло окружающую ихъ жизнь, и такимъ образомъ—въ этихъ безпорядочныхъ клочкахъ бумаги отразилась, какъ въ мелкихъ осколкахъ зеркала, великая эпоха Пушкина и Гоголя, а позднѣе эпоха реформъ съ ея историческими дѣятелями, съ ея литературными представителями. Ольга Николаевна, рожденная еще при жизни Пушкина, хорошо помнила Гоголя, была близко знакома съ Аксаковыми, Самаринымъ, записывала горячіе споры собиравшихся въ гостиной ея матери гг. Черкасскаго, Милютина, была другомъ Алексея Толстого, много разговаривала и спорила съ Тургеневымъ и Салтыковымъ. Путешествуя и живя съ матерью за границей, она знакомилась съ представителями западной литературы и общественной жизни, знала Карлейля, Спенсера.

Всѣ впечатлѣнія этой богатой умственнымъ содержаніемъ жизни были занесены въ свое время на какіе-нибудь обрывки бумаги или альбомныя листки, но трудъ упорядоченія этихъ записей остался недоконченнымъ, хотя она посвятила ему всю вторую часть своей жизни. Воспоминанія, съ необыкновенною отчетливостью и яркостью встававшія въ ея феноменальной памяти, мучили ея воображеніе, и она способна была, въ самые послѣдніе дни своей жизни, сидя въ постели, цѣлыми часами лихорадочно и взволнованно рассказывать ихъ, перемѣшивая личныя впечатлѣнія съ длиннѣйшими разсужденіями на всевозможныя темы, или, откинувшись на подушки, столь-же лихорадочно и быстро писать своимъ твердымъ, но неразборчивымъ почеркомъ, далекимъ отъ нея русскимъ знакомымъ и друзьямъ, безконечныя письма, изъ которыхъ можно было-бы выдѣлить цѣлыя лекціи по разнымъ предметамъ науки и искусства.

Ольга Николаевна была одна изъ двухъ старшихъ дочерей А. О. Смирновой, родившихся близнецами. Ея сестра умерла въ раннемъ возрастѣ, сама она съ дѣтства была необычайно мала ростомъ, хила и нервна. Воспитанная подъ руководствомъ англичанки miss Овербекъ — замѣчательной женщины, весьма дружной съ Гоголемъ, она въ дѣтствѣ проявляла громадныя способности, любознательность, страсть къ книгамъ и искусству. Она знала почти всѣ европейскіе языки, не исключая испанскаго, и могла говорить наизусть цѣлыя страницы стиховъ и прозы изъ всевозможныхъ европейскихъ поэтовъ. Позднѣе она усиленно занималась исторіей, естественными науками, философіей, исторіей церкви. Философскія и религіозныя идеи не переставали волновать ее до послѣднихъ часовъ жизни. Ея взгляды были просвѣщенны въ истинномъ смыслѣ этого слова, въ ней чувствовался умъ, воспитанный на классикахъ всего міра, утонченный европейской культурой. Она не любила жить въ Россіи, гдѣ многое оскорбляло ея чувства и привычки. Она долго колебалась предать гласности замѣчательныя записки своей матери, въ которыхъ играетъ такую выдающуюся роль Пушкинъ, живо сохраняя въ своей памяти тѣ литературныя оскорбленія, которыя нанесены были личности великаго поэта русскою журналистикою. Она около половины жизни прожила за границей, а со времени болѣзни матери, подвергшейся въ концѣ жизни сильному и тяжелому нервному расстройству, она не покидала Парижа. Отношенія къ матери составляютъ одну изъ самыхъ трогательныхъ страницъ въ жизни О. Н. Смирновой. Отказавшись отъ самыхъ блестящихъ партій, чтобы имѣть возможность не разставаться съ нею, она одна пережила съ нею всѣ муки временныхъ помраченій разсудка, и съ необычнымъ терпѣніемъ и необычайной заботливостью охраняла послѣдніе годы этой замѣчательной женщины. Послѣ смерти матери она отдалась тому, что считала ея завѣтомъ: упорядоченію оставшихся документовъ, часть которыхъ она отдала въ распоряженіе редакціи «Сѣвернаго Вѣстника». Она хотѣла собрать ихъ въ одно цѣлое, обобщенное ея собственными примѣчаніями и размышленіями. Этотъ громадный трудъ былъ ею почти оконченъ, — почти,

потому что многое изъ оставленнаго ею требовало еще провѣрки, пересмотра и систематизаціи. Но судьба не хотѣла дать ей возможность оставить по себѣ какой-нибудь цѣльный, законченный трудъ. Однимъ изъ величайшихъ несчастій, нарушившихъ равновѣсіе ея внутренней жизни, было лишеніе всей ея бібліотеки, украденной изъ склада во время ея болѣзни. Она не умѣла бороться съ житейскими обстоятельствами, не умѣла ограждать себя отъ злоупотребленій и жизненныхъ невзгодъ, и все, что составляло ея достояніе, ея наслѣдство послѣ матери и отца—необыкновенная, истинно европейская бібліотека, картины, автографы замѣчательныхъ людей, даже всѣ мелочи домашняго обихода, расхищались у нея, не вызывая въ ней ничего кромѣ безпомощной скорби. Довѣрчивая до наивности, она жила своимъ воображеніемъ, среди событій и лицъ, давно сошедшихъ со сцены, стгорая желаніемъ передать потомству богатый міръ своихъ знаній и воспоминаній...

Л. Г.

AP
50
357
1894
no.1

Siévernyi vïestnik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

